ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2017. № 422. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2017. № 422. September

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 422 Сентябрь 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Казяба В.В. Возрастная обусловленность самономинаций в сети Интернет (на материале никнеймов немецкоязычных пользователей) ... 5
Курило С.А. Космо-Психо-Логос Англии в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» ... 9
Леонтьева Т.В. Идиома *собаку съесть*: семантико-мотивационная реконструкция ... 17
Проскурина Е.Н., Борисова А.Б. Поэмы в прозе А. Платонова как пространство художественного эксперимента ... 26
Седельникова О.В. «…у нас нет литературы художеств» (А.Н. Майков): к вопросу о состоянии российской художественной критики 1840 – начала 1850-х гг. Статья вторая. Новые веяния в русской художественной критике 1840-х гг. ... 32
Фарафонова О.А. Смерть как компонент сюжета русских мемуаров XVIII в. ... 40

ФИЛОСОФИЯ

Ардашкин И.Б. Инновации и инновационное развитие: социально-философский подход (на примере подготовки инженеров в Томском политехническом университете в области Smart Systems) ... 45
Сыров В.Н. Где встречаются история и этика? ... 53

ИСТОРИЯ

Аблажей Н.Н., Красильников С.А., Харатян Г. Опыт создания Книг памяти депортированных: проблемы и решения ... 61
Ананина А.В. Сущность григорианского раскола русской православной церкви II четверти XX в. в историографии проблемы 1930–2010-х гг.: терминологический аспект ... 68
Бейсебаев Р.С. Сотрудничество Кыргызстана и России в топливно-энергетическом секторе: состояние, проблемы и перспективы ... 73
Беляев Л.А. Историческая личность в зеркале археологии ... 82
Картавцев К.С. Механизмы социального контроля у алеутов ... 91
Конев К.А. Россия, славянство и Антанта во внешнеполитических прогнозах официальной и проправительственной печати востока России в годы Гражданской войны (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.) ... 96
Коньков Д.С. Аполлоний и Аполлинарий: «Жизнь Аполлония Тианского» в полемике язычества и христианства III–V вв. ... 105
Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и дело юридической помощи в Сибири ... 113
Крылова Д.Д. Трансформация представлений об одержимости на материалах позднесредневековых демонологических трактатов ... 123
Мартюшев А.В. Территориальные претензии Германии, Венгрии и Польши к первой Чехословацкой республике в современной отечественной историографии ... 131
Никитин Д.С. Патриотические ассоциации Индии в преддверии создания Национального конгресса (60-е – начало 80-х гг. XIX в.) ... 136
Оруджев Д.Р. Основные тенденции развития духовного образования в Сибири в XVIII – начале XX в. ... 140
Рыбаков Р.В. «Я теряю веру в социализм, теряю веру в то, что комсомол есть что-то дельное, хорошее»: контент-анализ писем молодежи 1920-х гг. ... 145

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 422 September 2017

CONTENTS

PHILOLOGY

Kazyaba V.V. Age conditionality of self-nominations on the Internet (based on the German-speaking Internet-user nicknames) ... 5
Kurilo S.A. Cosmo-Psycho-Logos of England in I. Goncharov’s book *The Frigate Pallada* ... 9
Leontyeva T.V. The idiom *sobaku s”est’* ‘know something thoroughly’: a semantic-motivational reconstruction ... 17
Proskurina E.N., Borisova A.B. A. Platonov’s poems in prose as a space for a creative experiment ... 26
Sedelnikova O.V. “We have no literature of art” (A.N. Maikov): on the state of Russian art criticism in the 1840s – early 1850s. Article Two: New trends in Russian art criticism of the 1840s – early 1850s ... 32
Farafonova O.A. Death in the plot of Russian memoirs of the 18th century ... 40

PHILOSOPHY

Ardashkin I.B. Innovations and innovative development: a socio-philosophical approach (through the example of engineers of Tomsk Polytechnic University in the field of Smart Systems) ... 45
Syrov V.N. Where do history and ethics meet? ... 53

HISTORY

Ablazhey N.N., Krasilnikov S.A., Kharatyan H. The experience of compiling the deported people Memorial Books: issues and decisions ... 61
Ananina A.V. The essence of Grigorian schism in the Russian Orthodox Church of the 2nd quarter of the 20th century in the 1930s–2010s historiography of the problem: aspects of terminology ... 68
Beisebaev R.S. The cooperation of Kyrgyzstan and Russia in the fuel and energy sector: state, problems and prospects ... 73
Belyaev L.A. Historical persons in the mirror of archeology ... 82
Kartavtsev K.S. Mechanisms of social control among the Aleuts ... 91
Konev K.A. Russia, Slavdom and the Entente in the foreign policy forecasts of the official and pro-government press of the East of Russia during the Civil War (November 1918 – December 1919) ... 96
Konkov D.S. Apollonius and Apollinaris: “The Life of Apollonius of Tyana” in the controversy between Christians and pagans in the 3rd–5th cc. AD ... 105
Krestyannikov E.A. P.V. Vologodsky and the case of legal aid in Siberia ... 113
Krylova D.D. The transformation of ideas about possession on demonic materials of late medieval treatises ... 123
Martyushev A.V. Territorial claims of Germany, Hungary and Poland to the first Czechoslovak Republic in modern Russian historiography ... 131
Nikitin D.S. Indian associations on the eve of the emergence of the Indian National Congress (1860s – 1880s) ... 136
Orudzhev D.R. Main trends in the development of theological education in Siberia in the 18th – early 20th centuries ... 140
Rybakov R.V. “I lose faith in socialism, I lose faith in the fact that the Komsomol is something sensible, good”: a content analysis of the letters of the youth of the 1920s ... 145

Рычков А.В. Несостоявшийся поворот: из истории организации внедрения достижений науки в сельское хозяйство в СССР в 1970-е гг. 153
Сильченко И.С. Из истории формирования частей особого назначения Нижне-Тагильского уезда Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. 161
Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Представления о холодном и теплом сезонах в мифологии монгольских и тюркских народов и роль астральных объектов в формировании календарной системы 166
Устюгова В.В. «Бель эпок» по-провинциальному: модернизационные процессы в российском городе рубежа XIX–XX вв. 172
Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске в 1917–1920 гг. 181
Шерстова Л.И. Евразийские константы в картине мира народов Северной Азии 191
Ярков А.П., Старостин А.Н. Умма Красноярского края в прошлом и настоящем 197

ПРАВО

Ведяшкин С.В. Административные процедуры охранительной направленности 206
Дементьев Д.В. Совершенствование бюджетных правоотношений на муниципальном уровне 211

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 218

Rychkov A.V. A failed turn: from the history of organizing implementation of scientific research in agriculture in the USSR in the 1970s 153
Silchenko I.S. From the history of the formation of special forces of the Nizhny Tagil district of Yekaterinburg Province in 1919–1923 161
Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. Representations about the cold and warm seasons in the mythology of Mongolian and Turkic peoples, and the role of astral objects in the formation of the calendar system 166
Ustyugova V.V. The Belle Époque in provinces: modernization processes in a Russian city of the 19th–20th centuries 172
Chernyak E.I., Dmitrienko N.M. From the history of the conservation of cultural heritage objects in Tomsk in 1917–1920s 181
Sherstova L.I. Eurasian constants in the view of the world of the peoples of North Asia 191
Yarkov A.P., Starostin A.N. The ummah of Krasnoyarsk Krai in the past and present 197

LAW

Vedyashkin S.V. Administrative procedures of protective direction 206
Dementev D.V. Perfection of budgetary legal relations at the municipal level 211

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 218

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 5–8. DOI: 10.17223/15617793/422/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.112

В.В. Казяба

ВОЗРАСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ САМОНОМИНАЦИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ НИКНЕЙМОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ)

Статья написана при поддержке гранта Германской службы академических обменов (DAAD) и Министерства образования и науки Российской Федерации № 34.9936.2017/5.2.

Анализируется влияние возраста интернет-коммуниканта на форму и характер его самономинации посредством никнейма в компьютерно-опосредованном общении. На материале 5000 никнеймов и сопутствующих им метаданных немецкоязычных пользователей Facebook, Twitter, ICQ, Flickr, World of Tanks, World of Warcraft, чатов описываются лексико-семантические, грамматические, стилистические, графические и иные особенности виртуальных антропонимов подростков, молодежи, людей зрелого и пожилого возраста.

Ключевые слова: Интернет; интернет-коммуникация; компьютерно-опосредованная коммуникация; антропоним; никнейм; самономинация; возраст.

В рамках коммуникации в сети Интернет достаточно четко может быть дифференцирован субъязык различных возрастных групп. Данный факт обусловлен особенностями самого виртуального общения и порождаемых им коммуникативных жанров и сервисов, где параметр «возраст» является одной из главнейших характеристик как при регистрации на многих интернет-платформах (например, в чатах, мессенджерах, социальных сетях), так и непосредственно в процессе поиска нового собеседника.

Мысль о зависимости языка от возраста уже давно не является дискуссионной. Учеными признается наличие поколенческих различий внутри одной языковой системы: язык старшего поколения более консервативен, в речи пожилых людей больше слов, выходящих из употребления, грамматические и лексические новации свойственны детям и молодежи, а стандарт – людям среднего возраста [1. С. 79]. Немецкий социолингвист Р. Филер поясняет, что изменения в речевом поведении с возрастом связаны не просто с биологическими факторами, а детерминированы теми изменениями, которые происходят в жизни человека сообразно возрасту: смена социальных ролей внутри семьи, общества, профессиональное движение и иные жизненные опыты [2. S. 1–5].

В соответствии с возрастными особенностями в лингвистике традиционно особое внимание придается описанию социолектов детей, подростков и молодежи. Это объясняется специфическими процессами социализации (первичной либо промежуточной) индивидов указанных групп. Постепенно обращает на себя внимание и геронтолект – язык пожилых людей [3. S. 173]. Социолект среднего возраста представляет для исследователей минимальный интерес.

Анализ многожанрового немецкоязычного сегмента интернет-коммуникации (а именно 5 000 никнеймов с сопутствующими персональными данными, отобранных из социальных сетей Twitter, Facebook, мессенджера ICQ, фотохостинга Flickr, онлайн-игр World of Tanks, World of Warcraft, тематических чатов) выявляет широту возрастной «географии» зарегистрированных пользователей. Некоторые сервисы, например мессенджер-система обмена мгновенными сообщениями ICQ, предлагают собственный вариант возрастного дробления коммуникантов, который соотносится со стадиями онтогенетического развития человека, представленными в работах по возрастной психологии Г.С. Абрамовой [4]. Так, в рамках сервиса ICQ выделяются следующие возрастные классы: подростковый возраст (13–17 лет), юность (18–22 года), взрослый возраст (23–29 лет), зрелость (30–49 лет), пожилой возраст (50–59 лет), старость (60 лет и старше). Как видно, возрастная группа, обозначаемая как «детство» (2–12 лет), в принципе не учитывается в поисковом сервисе ICQ. Однако пользователи данного возрастного диапазона хоть и в небольших количествах, но фиксируются во всех вышеупомянутых интернет-сервисах. Подобное деление видится достаточно логичным, универсальным и удобным для генерализации языковых фактов, обусловленных возрастом продуцента.

Предлагаемая статья фокусируется на преломлении возрастных параметров человека сквозь антропонимическую призму языкового самовыражения личности. Коммуникация в интернет-пространстве, как правило, начинается с самопрезентации, самопредъявления пользователя виртуальному сообществу. В Глобальной сети, как в среде преимущественно вербального взаимодействия, персональный образ обладает чрезвычайно важным значением и определенным набором атрибутов. Одной из основополагающих частей интернет-портрета пользователя является его самономинация, т.е. то, как человек сам именует себя в онлайн-коммуникации. В качестве единицы подобной неофициальной вторичной искусственной номинации в процессе компьютерно-опосредованного общения выступает так называемое сетевое имя – никнейм.

Именно посредством, в первую очередь, никнейма в Интернете реализуется возможность самономинации. Данный процесс реализуется, как правило, с использованием одного из типов никнейма: никнейма-автонима, никнейма-псевдонима или никнейма переходного типа [5]. Отнесение сетевого имени к той или иной группе зависит от того, какая языковая единица лежит в его основе. Итак, в виртуальном антропонимиконе представляется возможным выделить:

1) никнеймы-автонимы (основаны на собственных реальных антропонимах коммуниканта): *m@rta (Marta Kleinmann), DANIELLL (Daniel Osterloch)*;

2) никнеймы-псевдонимы (образованы из отаппелятивной лексемы или «чужого» онима): *Roboter (Derrikck Halle), ##MileyCyrus## (Simone Perdita)*;

3) никнеймы переходного типа (представляются объединением реального имени пользователя с нарицательной единицей или «чужим» именем собственным): *sandrababy (Sandra Listerschwein), Svenia Rihanna (Svenia Brauer)*.

Все перечисленные выше типы никнеймов употребляются в актах самономинации интернет-пользователей различного возраста, однако далеко не в равной степени. Проследим и опишем основные тенденции в выборе интернет-самоименования людей разных возрастных групп.

Согласно проведенному анализу разнообразных интернет-жанров, самыми активными коммуникантами являются люди подросткового возраста, под которым в большинстве случаев понимают стадию онтогенетического развития между детством и взрослостью (от 12–13 до 16–17 лет). К этому времени окончательно формируется интеллектуальный аппарат, что делает возможным осмысленное конструирование собственного мировоззрения, индивидуальной системы ценностей и образа «Я», крайне нестабильного на данном этапе [6. С. 70]. Данный тезис подтверждается пропорционально равным соотношением никнеймов-автонимов и никнеймов-псевдонимов у пользователей-подростков. С одной стороны, тинейджер доволен своим именем и совершает первые осознанные попытки самопозиционирования себя как реальной персоны в Интернете. С другой стороны, налицо тенденция сокрытия настоящего имени или его замена, модификация в пользу той единицы, которая, по мнению подростка, является модной, благозвучной, смешной или наилучшим образом выражающей его душевное состояние, личность. Не случайно в исследовательском корпусе обнаруживается обилие примеров, отражающих сиюминутное расположение духа с помощью никнейма: *will_schlaaaafen (Denis Kawinsky), GUT!GELAUNT (Martin Martin), enttäuscht (Paul Rererererе).* Этой же цели служат используемые в сетевых именах многообразные эмотиконы-смайлы: *Vanessa>:-(((Vanessa Winkler), hAlLoNe((((Ted Ted).*

Личностная неустойчивость проявляется и в частой смене никнейма (иногда даже в ходе коммуникации и неоднократно). Так, ICQ-пользовательница *Mina* в течение одного месяца преобразовывала сетевое имя следующим образом: *Mina_95 → MINA → MINAtorisch → MINAtörisch → NAoMi.* Частую смену именного виртуального «амплуа» пятнадцатилетняя девушка комментирует следующим образом (оригинальная орфография и пунктуация диалога сохранены. Никнейм *samodurka* принадлежит автору исследования):

samodurka (15:49:47 11/02/2013)

Aber noch gestern warst du noch MINAtörisch und wir besprachen deinen Nick und seine Ursachen. Und heute bist du schon NaoMi. WIESO?

NAoMi (15:50:01 11/02/2013)

*hhhhhaaaa. ich war schon MINAtorisch, ohne ö, MINA, Mina_95, noch was.hab schon ja vergessen.beduetet nix.enfach soooo.fun^^*

Еще одна важная черта подросткового возраста заключается в интеграционных устремлениях, тяготении к корпоративности, так называемой стадности [7. С. 130], но в то же время наблюдается стремление выделиться, отличиться. Подтверждение сказанному кроется в однообразном, повторяющемся выборе единиц для самономинации. Например, в качестве никнейма зачастую избираются слова, образованные на базе лексемы *«sex»: sexy (Jennifer Hörth), Sexy (Anja GEIL), =Sexy= (Marco T.), SEXY♥ (DENISE♥ KÖRNINGER), *sexy babe* (T), sex bomb (Barry Kauz).* В этом случае индивидуализировать никнейм и придать ему некую степень оригинальности призваны графические средства, чем подростки активно пользуются и зачастую злоупотребляют. Приведенные в качестве иллюстрации никнеймы подчеркивают еще одну тенденцию подросткового виртуального имятворчества – использование сексоцентрической лексики. Ведущим мотивом использования подобных единиц является потребность в демонстрации своей сексуальности, что вполне ожидаемо в период полового созревания. Доказательством последнего вывода служит комментарий пользовательницы *Gisela*, полученный в ходе непосредственного анкетирования информантов – носителей немецкого языка. О мотивах выбора никнейма *sexy G* девушка пишет следующее: *«Weil ich Single bin. Ich will auch 'nen b-friend. Sexy Mädchen schmecken Jungen immer gut».*

Своеобразным и любопытным для описания оказывается пласт никнеймов, принадлежащих людям юношеского и взрослого поколения (18–30 лет), иначе говоря, молодежи. Лингвистами неоднократно отмечались незаурядность и специфичность использования языковых средств представителями данной возрастной группы. «Субъективная причина необыкновенной динамичности молодежного языка кроется в чрезвычайной активности и креативности молодых людей. Ведь даже для лиц, предметов и понятий, которые всегда существовали и имели жаргонные наименования, молодые люди придумывают все новые и новые названия» [8. С. 65]. Релевантным признаком молодежного социолекта считается «игровой характер обращения с языком» [9. S. 13]. Такая игра прослеживается, начиная с отбора единицы для самоименования. Люди этой возрастной группы тяготеют к существованию в Интернете скорее под никнеймом-псевдонимом, нежели под никнеймом-автонимом. Хотя реальный антропоним также может быть своеобразно «препарирован» для его дальнейшего функционирования в качестве самономинации лица юношеского возраста.

Прежде всего, пользователи стремятся создать юмористический эффект при помощи никнейма еще на докоммуникативном уровне, расположив тем самым к себе собеседника. Например, юноша с реальным антропонимом *Nikolaus Eppinger* скрывается под никнеймом *Santa.* Распространено фонетико-морфологическое «обыгрывание» узуальных лексем: путем присоединения фонем к личному имени девушка *Caro* «превращается» в *Carotin.* Именно представителям молодежного поколения принадлежит большинство самономинаций переходного типа, где сте-

пень языкового творчества максимально высока: *MannyImNetz (Manuel), Manuel Paseo @ HTC (Manuel F.), sarah-mohara-time (Sarah Lehmann).* Спектр графических модификаций также крайне востребован в молодежных никнеймах, в первую очередь, для смысловых приращений: *(mau(S)ina) (Sina Kk.).*

Молодежному языку свойственны усиленное обращение к словам и средствам разговорной речи, метафоризация словесных значений с целью создания экспрессивных и эмоционально окрашенных средств языкового выражения. Протестное речевое поведение, естественно, проецируется и на интернет-никнейм. Коллоквиальная тональность молодежных самономинаций заключается в пристрастии к разговорно-окрашенным словообразовательным формантам при конструировании никнеймов-автонимов: *Nin**i** (Nina Lindermann), Schütz**i** (Dietmar Schütz), Oll**y** (Oliver K.).* Обращает на себя внимание обилие метафоричных номинаций с характерной разговорной окраской: *pummelchen (christopher wieditz)* – для обозначения себя как девушки с пухлыми формами, *Feldwebel (Klarisse)* – маркировка очень властной, крикливой женщины.

В отличие от иных социолектов молодежный язык буквально «испещрен» англо-американскими заимствованиями. Виртуальные самономинации представляют результаты активного освоения иноязычных слов: *Shadow (Uwe Wacker), Silence (Diana), Sippy (Sebastian Middendorf), Skater (Master Lytzen), Speedman (Sven).* Причиной засилья иноязычной лексики в молодежном языке являются ее кажущаяся престижность и актуальность. Предпочтение заимствованной лексеме иногда может обусловливаться и тем, что среди исконных лексем молодой человек просто не может подобрать, обнаружить нужную для реализации его самономинативных интенций единицу. Например, пользователь *Daniel*, ранее известный под немецкоязычной лексемой *fischer*, впоследствии меняет ее на англоязычный аналог *fisherman.* Причины этому молодой человек поясняет следующим образом:

fisherman (16:23:05 01/04/2015)

nun...mit 13 fische ich mit meinem Pa gern. Mit 18 aber hab ich interesse für 2Fs- Fische und Frauen=)

Пользователь имеет в виду, что в подростковом возрасте он присвоил себе немецкоязычную лексему *fischer* из-за хобби – ходить с отцом на рыбалку. А в 18 лет, когда помимо рыбалки у Даниеля появилось пристрастие к общению с противоположным полом, он сменил никнейм на эквивалентную англоязычную единицу *fisher*, которая кроме заключенного в ней основного значения «рыбак» используется в английском сленге для номинации ветреного в отношениях с женщинами парня. Англо-американская сленговая лексика довольно распространена в самоименованиях людей юношеского и взрослого возраста: *lovebaby (Verena Opel), nigga (chessy gangsta), Scrabby (Jens C), Slooty (Henrik), LAMER (Bern Bernard).*

К молодежному уровню субстандартных речевых проявлений также относится крупная социально-групповая языковая подсистема – студенческий жаргон. Его «следы» обнаруживаются в виде специфических лексем, замещающих в Интернете реальные антропонимы: *Bränder (Markus Lohner), knuffig (Michael xxx), Knuffig (Nele S.), KnEiPaNt (William Berutzky), Knote (Maximilian Häcker).* Данные именования не только передают значимые для юношеского и взрослого возраста жизненные реалии, но и выступают дополнительным сигналом определенной социально-групповой принадлежности носителя никнейма.

Для людей зрелого поколения признак возраста не является отличительным и, как правило, обычно никак не маркируется семиотически [10. С. 60], ведь данная возрастная группа признается носителем языковой нормы, стандарта. Обследование немецкоязычного интернет-антропонимикона во многом подтверждает это. Никнеймы людей в возрастном диапазоне от 30 до 49 лет представлены по большей части автонимами, отмечается лишь варьирование форм личных имен. Именно зрелые пользователи чаще всего используют максимально деанонимизированные никнеймы, состоящие из реального полного имени и фамилии: *Tim Geutner (Tim Geutner), Carl Mok (Carl Mok), fabian-clasen (Fabian Clasen).* Если человек описываемой возрастной группы все-таки избирает в качестве именной маски никнейм-псевдоним, то последний создается из лексемы кодифицированного языка: *schmetterling (Viola Moeller), Fahrer (Nimo), lustig (Sarah Luder).* Выбор единиц для конструирования никнейма-псевдонима мотивируется скорее не возрастными, а иными социальными характеристиками пользователя.

Зрелые люди редко обращаются к графическим средствам, так как им мало знакомы правила их использования, равно как и постулаты «сетевого этикета» (нетикета) в целом. То же можно сказать и коммуникантах пожилого возраста. Таковых в корпусе примеров зафиксировано не более сотни. В основном это женщины 55–65 лет. В некоторых самопрезентациях пожилых людей проступает речевая особенность, описываемая в психо- и социолингвистической литературе как «второе детство». Подразумевается, что речь пожилых людей сближается с детской речью [1. С. 83]. Это явление находит отражение в употреблении в специфической для детской речи лексики, замещающей никнейм: *PiEPMATZ (Uwe), Putput (Madina Schroeder).* Кроме того, зрелые именования подобно детским носят гипокористическую окраску, источником которой чаще всего оказываются диминутивные элементы языка [11. С. 195], например: *ömchen (Gudrun H.), Omi (Brigitte Schatz).* Примечателен отбор единиц для самономинации. Они по обыкновению максимально точно и правдиво передают реальный социальный статус пожилого пользователя.

Итак, возраст человека – один из важнейших экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на конструирование виртуальной личности и, в частности, на способ и характер самономинации в интернет-коммуникации. Выбор и оформление пользователем своего сетевого имени (никнейма) в значительной степени обусловлены психологическими особенностями, присущими определенной возрастной группе. Наиболее многообразны и разнородны никнеймы пользователей юношеского поколения. Максимальной консервативностью и деанонимизированностью отличаются сетевые имена пожилых людей. В целом довольно внушительная

часть никнеймов немецкоязычного интернет-пространства позволяет еще на докоммуникативном этапе сделать весьма достоверные прогнозы и предположения о возрасте виртуального собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб. : Изд. центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
2. Fiehler R. Sprache und Alter. Wie verändert sich das Sprechen, wenn wir älter werden? // Sprachreport. 2002. № 2. S. 21–25.
3. Veith W.H. Soziolinguistik: Ein Arbeitsbuch, Kontrollfragen und Antworten. 2 über. Auflage. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2005. 382 s.
4. Абрамова Г.С. Возрастная психология : учеб. пособие для студентов вузов. Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 624 с.
5. Казяба В.В. Антропонимикон немецкоязычной ICQ-коммуникации : дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2013. 223 с.
6. Штильштейн Е.С. Особенности презентации «Я» в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 69–78.
7. Кон И.С. Психология ранней юности. М. : Просвещение, 1989. 255 с.
8. Россихина М.Ю. О динамике лексико-семантических процессов в немецком молодежном социолекте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 64–72.
9. Müller-Thurau C.P. Lexikon der Jugendsprache. Düsseldorf : Goldmann, 1985. 200 s.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002. 333 с.
11. Потапова С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. Ярославль : МУБиНТ, 2003. 276 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 апреля 2017 г.

AGE CONDITIONALITY OF SELF-NOMINATIONS ON THE INTERNET (BASED ON THE GERMAN-SPEAKING INTERNET-USER NICKNAMES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 5–8.
DOI: 10.17223/15617793/422/1

Viktoria V. Kazyaba, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Severodvinsk, Russian Federation). E-mail: kazaba@yandex.ru; v.kazyaba@narfu.ru

Keywords: Internet; Internet-communication; computer-mediated communication; anthroponym; nickname; self-nomination; age.

The focus of the present article is the person's name (anthroponym) in the German-speaking Internet-space, in particular in such services as Facebook, Twitter, ICQ, Flickr, World of Tanks, World of Warcraft, chats. So-called nicknames fulfill the function of the informal Internet-anthroponyms. The data for the study is 5,000 nicknames of the German-speaking Internet-users of the above-mentioned services and their personal metadata obtained with the help of online and direct questioning among informants in Germany. Nickname-creating is a unique and difficult psycholinguistic phenomenon, because in this case we talk about the mechanism of self-nomination: unlike in real life, Internet-users give names to them by their own. Self-nomination in the Internet-space is performed using one type of nicknames: autonym-nickname (based on real anthroponyms of a communicant), pseudonym-nickname (formed from common nouns or "others'" proper names) or nickname of a transitional type (combines user's real name with appellative lexemes or "others'" proper names). Self-nominative models using one of nickname types have a number of specific features related to the characteristics of their motivation, formation, meanings, graphic design and degree of anonymity. Such a nickname is not only a unique unit of language, but also the projection and reflection of the human self-appraisal, social and territorial characteristics. The nickname is a significant carrier of extralinguistic information about its author. Extralinguistic analysis of nicknames has shown that different user's social and territorial attributes are reflected on both the level of self-nominative content and form. The aim of the article is to study nicknames from the age-conditioning position, which allows to reveal some typical self-nominative features of people of different stages of ontogenetic development. As of today, the author is not aware of similar anthroponymic research made in the age aspect. Thus, the age features of virtual self-nominations for the first time were the subject of a separate, independent study. Teenage nicknames (people aged 12–17) are typified easier than other usernames; they are emotional, sexocentric. Teenagers' self-nominations are based equally on autonym-nicknames and on pseudonym-nicknames. Their specific features include frequent changes of username, abundance of identical or similar nicknames, abuse of graphic means. A relevant feature of youth nicknaming (people aged 18–30) is the game character of the language use. People of this generation prefer to have pseudonym-nicknames or nicknames of a transitional type which are often humorous in nature or are provided with additional meanings. Many self-nominations of the young are created from colloquial and (or) English-language lexemes. Nicknames of mature (30–49 y.o.) and elderly (over 50 y.o.) people are the most deanonymized and are presented in various forms of real personal names. Thus, most of the nicknames in the German-speaking Internet-space allow making very reliable predictions and assumptions about the age of the virtual conversation partner even at the pre-communicative phase, which confirms the possibility and importance of age-related research within the framework of modern anthroponomy.

REFERENCES

1. Vakhtin, N.B. & Golovko, E.V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. St. Petersburg: Izd. tsentr "Gumanitarnaya akademiya", Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge.
2. Fiehler, R. (2002) Sprache und Alter. Wie verändert sich das Sprechen, wenn wir älter werden? [Language and age. How does speech change as we get older?]. *Sprachreport*. 2. pp. 21–25.
3. Veith, W.H. (2005) *Soziolinguistik: Ein Arbeitsbuch, Kontrollfragen und Antworten* [Sociolinguistics: A workbook, questions and answers]. 2nd ed. Tübingen: Gunter Narr Verlag
4. Abramova, G.S. (2000) *Vozrastnaya psikhologiya* [Age Psychology]. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga.
5. Kazyaba, V.V. (2013) *Antroponimikon nemetskoyazychnoy ICQ-kommunikatsii* [Anthroponymicon of German-speaking ICQ-communication]. Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.
6. Shtil'shteyn, E.S. (2000) Osobennosti prezentatsii "Ya" v podrostkovom vozraste [Features of the presentation of "I" in adolescence]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 69–78.
7. Kon, I.S. (1989) *Psikhologiya ranney yunosti* [Psychology of early adolescence]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Rossikhina, M.Yu. (2016) On the dynamics of lexical-semantic processes in the German youth sociolect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). pp. 64–72. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/6
9. Müller-Thurau, C.P. (1985) *Lexikon der Jugendsprache* [Lexicon of the language of youth]. Düsseldorf: Goldmann.
10. Karasik, V.I. (2002) *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow: Gnozis.
11. Potapova, S.Yu. (2003) *Nominatsiya litsa v obikhodnom diskurse* [Nomination of a person in everyday discourse]. Yaroslavl: MUBiNT.

Received: 27 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 9–16. DOI: 10.17223/15617793/422/2

УДК 821.161.1

С.А. Курило

КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС АНГЛИИ В КНИГЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

Комплексно рассмотрен образ Англии в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» в соответствии с принципами моделирования образа географического пространства в литературе, главным образом, с позиций имагологической концепции Г.Д. Гачева, описывающего национальные образы мира с помощью трехсоставного термина «Космо-Психо-Логос». Показано, что Англия представлена специальной системой образов, которые, дополняя друг друга, складываются в единую картину английского Космо-Психо-Логоса, воплотившую целостное гончаровское представление об английском мире.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Фрегат “Паллада”»; Г.Д. Гачев; образ Англии; Космо-Психо-Логос; имагология.

Актуальность исследования обусловлена современной проблематикой диалога культур и русско-английской межкультурной коммуникации. В указанный процесс внес значительный вклад и И.А. Гончаров своим произведением «Фрегат “Паллада”», создав в нем целостный и многоаспектный образ Англии. В книге Гончарова развернут субъективный, оригинальный и в то же время очень многосоставный образ Англии, что обусловило выбор методологии данного исследования: объемность и полнота гончаровского образа Англии обусловила необходимость использования в данном исследовании триединого термина Г.Д. Гачева «Космо-Психо-Логос».

На сегодняшний день в литературоведческих исследованиях, посвященных «Фрегату “Паллада”», отсутствует анализ образа Англии во всей его целостности и полноте. Такие известные гончарововеды, как Н.К. Пиксанов [1], Е.А. Краснощекова [2] и В.А. Недзвецкий [3], указывали на особенности гончаровского восприятия Англии во «Фрегате “Паллада”»; однако объектом их внимания, как правило, были лишь отдельные аспекты английской действительности. Цель данного исследования – реконструировать целостный образ Англии во «Фрегате “Паллада”», состоящий из множества различных элементов.

Традиция осмыслять и создавать особый образ географического пространства, наделяя его теми или иными чертами и качествами, является неотъемлемым свойством творческого сознания авторов путешествий. Безусловно, посещение нового географического и незнакомого культурного пространства писателем-путешественником влечет за собой потребность смоделировать собственный субъективный образ данного пространства и донести этот образ до читателя. Как указывает Д.Н. Замятин, реальное географическое пространство в художественном произведении претерпевает существенные трансформации: «В данном случае уместно говорить об автономном существовании географических образов, которые как бы живут и развиваются внутри художественных произведений по собственным законам» [4]. Е.Г. Милюгина и М.В. Строганов, в свою очередь, предлагают представлять «текстуализацию пространства» как специфическую форму «репрезентации культурной и локальной идентичности» [5. С. 9–10].

Причем, с точки зрения М. Фуко, представления о географическом пространстве тесно связаны с понятиями государства как общего и городов в нем как частного пространства. Философ считает, что города организуют государственное пространство, а само «государство подобно большому городу» [6. С. 217]. Соответственно, при создании художественного образа определенной страны ее города, как правило, рассматриваются авторами путешествий как ее неотъемлемые части. Так, например, В.Н. Топоров [7] и Н.Е. Меднис [8] в своих работах на материале художественных текстов исследуют, как создаются и функционируют образы Санкт-Петербурга и Венеции в русской литературе.

Каждый народ осознает свое национальное своеобразие и формирует собственную национальную картину мира. Соответственно, представители одного народа, узнавая и оценивая представителей другого, постигая его быт, культуру, традиции и обычаи, формируют собственное видение «чужого» мира. Таким образом, «<...> при описании пространства реализуются все краеугольные мыслительные оппозиции человека, в том числе и столь важная для мышления оппозиция, как свое / чужое» [5. С. 10]. При этом категория «свое» непременно выступает как мера понимания и оценки категории «чужого».

Для обозначения «своего» родного пространства, защищенного от враждебных сил, всецело принадлежащего человеку, в котором он чувствует себя счастливым, Гастон Башляр в своей работе [9] вводит термин «топофилия». По мнению исследователя, «этим пространствам всегда воздается хвала – при всем различии причин, при всем многообразии поэтических оттенков» [Там же. С. 22]. Присущая «своему» пространству реальная охранная ценность дополняется воображаемыми ценностями, и в результате они становятся первичными. Такое пространство не может оставлять человека равнодушным, не вызывать в нем эмоций и, соответственно, осмысливаться объективно. Оно становится пространством «переживаемым». И «переживается оно не в силу его объективных качеств, но со всей пристрастностью, на какую способно воображение» [Там же. С. 23]. Таким образом, притягательность «своего» пространства всегда обусловлена субъективностью его оценки. Помимо образа счастливого пространства исследователь выделяет противоположный ему образ враждебного пространства ненависти и борьбы, которому также свойственна субъективная интерпретация.

По мнению Г.Д. Гачева, «каждая национальная целостность: народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей», которую он обозначает емким и содержательным, на наш

взгляд, термином «Космо-Психо-Логос» [10. С. 9]. Данное понятие представляет собой триединство для каждой нации Космо – тела, местной природы, Психо – души народа, национального характера и Логоса – духа, языка и логики. Соответственно, именно совокупный анализ географических и климатических условий местной природы, психологии и национального характера проживающего здесь народа, его языка и склада мышления позволяет автору литературного путешествия представить в своем произведении целостный и гармоничный образ «чужой» страны, поскольку, наряду с физическим перемещением в чужое пространство, писатель совершает и духовное погружение в чужой национальный склад мышления и бытие.

Изначально подход Гончарова к описанию Англии был обусловлен как сложившейся в момент его путешествия геополитической ситуацией, так и его личными обстоятельствами.

Как известно, Гончаров путешествовал как секретарь адмирала Е.В. Путятина. Дипломатическая экспедиция адмирала Е.В. Путятина в Японию на фрегате «Паллада» (1852–1854) началась осенью 1852 г. накануне тяжелейшей для России Крымской (Восточной) войны (1853–1856 гг.). В этой войне Великобритания входила в военную коалицию с Францией, Османской империей и Сардинским королевством и воевала против России. Российская империя потерпела поражение от союзников и по Парижскому мирному договору лишилась части территорий. Безусловно, Гончаров, около 20 лет являясь чиновником департамента внешней торговли министерства финансов, наблюдал и осмысливал многие политические, социальные и экономические процессы, происходившие в России и мире. Так, в своем письме к Е.П. и Н.А. Майковым от 15/27 сентября 1853 г. Гончаров пишет о вероятности войны с англичанами и английского плена: «Если правда, что в Европе война, то нам придется тоже уходить на время отсюда или в Ситху или в Калифорнию, иначе англичане, пожалуй, возьмут нас живьем. А у нас поговаривают, что живьем не отдадутся, – и если нужно, то будут биться, слышь, до последней капли крови» [11. С. 678–679]. Из личных писем Гончарова очевидно, что текущие политические события и роль России в мировой политике живо обсуждались автором с друзьями: «Я так живо сочувствую тому, что движет Вас и всю Русь в настоящее время, что прощаю Вам, друг мой Евгения Петровна, письмо ваше, наполненное политическими новостями» [Там же. С. 712]. Несомненно, данные события и внешнеполитические обстоятельства, роль Англии как соперницы России на мировой арене в XIX в. в целом, а также участие Англии в Крымской войне против России в частности не могли не оказать влияния на формирование образа Англии у Гончарова.

По поводу личных обстоятельств, влияющих на авторское отношение к описываемым объектам и событиям, абсолютно верной нам представляется мысль Э. Саида, утверждающего, о чем бы автор ни писал, на содержание всегда влияют личные обстоятельства, при которых создается произведение, и, соответственно, авторское видение и оценки в тексте всегда субъективны: «Everything one does is constrained by physical circumstance. <...> We are not disembodied brains or poetry machines. We are involved in circumstances of physical existence <...>» [12. P. 81] (*«Все, что совершает человек, обусловлено внешними обстоятельствами. <...> Мы не бездушные существа и не машины, создающие поэтические произведения. Мы вовлечены в обстоятельства физического существования <...>»* (перевод мой. – *С.К.*)).

Одним из очевидных личных обстоятельств Гончарова в начале путешествия стало резкое ухудшение самочувствия, вызванное новым, непривычным распорядком жизни на корабле и отсутствием покоя и комфорта, а также трудностями и опасностями морского плавания: «<...> хандра последовала за мной и сюда, на фрегат; потом новость быта, лиц – потом отсутствие покоя и некоторых удобств, к которым привык, – все это пока обращает путешествие в маленькую пытку <...>» [11. С. 618]. Непредвиденная задержка фрегата для ремонтных работ на два месяца в Англии стала причиной изменения всего маршрута экспедиции и вынужденного бездействия Гончарова в это время. В письмах к друзьям он неоднократно жалуется на скуку от своего пребывания в Англии.

Главным при описании английского Космоса у Гончарова стал образ моря, окружающего Англию с четырех сторон. Гончаров отмечает особое место темы и образа моря в английском менталитете: «У англичан море – их почва: им не по чем ходить больше. Оттого в английском обществе есть множество женщин, которые бывали во всех пяти частях света. Некоторые постоянно живут в Индии и приезжают видеться с родными в Лондон, как у нас из Тамбова в Москву» [13. Т. 1. С. 19]. Описывая английские пейзажи, Гончаров отводит в них морю центральное место: «<…> мы в Англии <…>. Берег верстах в трех; впереди ныряет в волнах низенькая портсмутская стена, сбоку у ней тянется песчаная мель, сзади нас зеленеет Вайт, а затем всё море с сотней разбросанных по неизмеримому рейду кораблей <…> [Там же. С. 54]. Даже в городских зарисовках (например, описание английского города Портсмут) Гончаров выводит море и свойственную ему атрибутику на центральный план: «Море, матросы, корабли и адмиралтейство сообщают городу свой особый отпечаток, такой же, как у нас в Кронштадте, только побольше, полюднее» [Там же. С. 58].

Англия в целом, как географическое пространство, представлена Гончаровым в двух противоположных ипостасях: колония и метрополия. Английская метрополия описана, главным образом, как два английских города: Лондон и, в меньшей степени, Портсмут. Портсмуту автор уделяет меньше внимания, давая ему краткие характеристики и уподобляя Лондону. Лондон же, являясь одним из центральных элементов образа Англии, получает развернутые и содержательные авторские оценки и характеристики. Образ английской колонии лейтмотивом проходит практически через всю сюжетную канву «Фрегата “Паллада”», начиная с Африки и заканчивая Азией.

В представлении многих исследователей английский Космос определяется доминантами воды и дыма, это сырой космос угля, пара и тумана. Так, по мнению

Г.Д. Гачева, «<...> Сыр космос Англии, тут фог и смог <...>» [14. С. 167]. У Гончарова похоже видение Космоса Англии, ему она предстает исключительно в темных, серых тонах, сырая, затуманенная, задымленная, закопченная: «Облако английского тумана, пропитанное паром и дымом каменного угля <…>» [13. Т. 1. С. 61]. Английский колорит у Гончарова – колорит «дыма, угля, пара и копоти» [Там же. С. 60]. Главный город Англии Лондон в изображении Гончарова также окутан туманом, паром, темнотой, освещен искусственным газовым освещением, он грязен и неприветлив: «Туманы бывают если не каждый день, то через день непременно; <…> я <…> два раза ходил смотреть Темзу и оба раза видел только непроницаемый пар. Я отчаялся уже и видеть реку, но дохнул ветерок, и Темза явилась во всем своем некрасивом наряде, обстроенная кирпичными неопрятными зданиями, задавленная судами» [Там же. С. 39].

Одним из важных образов в произведении, раскрывающим читателю английский Космос, стала в природа Англии. Г.Д. Гачев определяет природу Англии как «self-made nature», т.е. «природа самосделанная, рукотворная». Естественность и непринужденность английской природы «в высшей степени продуманы, и есть та Природа, что дозволена человеческой свободой» [14. С. 171]. В представлении Гончарова также природа Англии полностью подчинена человеку, лишена естественности и первозданности: «Про природу Англии я ничего не говорю: какая там природа! ее нет, она возделана до того, что всё растет и живет по программе. Люди овладели ею и сглаживают ее вольные следы» [13. Т. 1. С. 49]. Сравнивая аккуратные, ровные поля Англии с разлинованными страницами тетради, автор подчеркивает первостепенную роль человека, главенствующего над английской природой.

Космос английской колонии в описании автора во многом похож на метрополию: здесь то же расположение улиц, дома в английском стиле. Колониальный город в представлении автора чист и аккуратен, но скучен и уныл: «<…> город выстроен весьма правильно и чистота в нем доведена до педантизма. На улице не увидишь ничего лишнего, брошенного» [Там же. С. 217]. Английские колонии в целом навевают на автора ту же скуку и уныние, как и сама Англия.

Говоря о Психо англичан, Г.Д. Гачев [10] выделяет два главных образа англичанина: джентльмен и моряк. Во «Фрегате “Паллада”» образ англичанина представлен гораздо шире: джентльмен, мореплаватель, леди, офицер, миссионер и купец-колонизатор. При этом Гончаров гармонично формирует из отдельных английских персонажей и типов собирательный образ английской нации и общества в целом.

Гончаров действительно стремится к описанию английского Психо, поскольку подробно изображает английские нравы и обычаи. Он пытается описать их объективно, отмечая как положительные, так и отрицательные стороны; в то же время субъективное авторское отношение к англичанам очевидно. В письме к А.С. Норову от 20 сентября / 2 октября 1853 г. Гончаров показательно отмечает: «Я не англоман, но не могу, иногда даже нехотя, не отдать им справедливости» [11. С. 681].

Гончаров постоянно сравнивает англичан с другими народами, и нередко такое сравнение оказывается в пользу представителей английской нации: «Англичане учтивы до чувства гуманности, то есть учтивы настолько, насколько в этом действительно настоит надобность, но не суетливы и особенно не нахальны, как французы. <…> Есть тут своя хорошая и дурная сторона, но, кажется, больше хорошей» [13. Т. 1. С. 49]. В национальном характере англичан Гончаров выделяет такие черты, как рациональность, опрятность, уважение к обществу, безупречная вежливость. Своеобразно и емко Гончаров обозначил английскую рациональность и уважение к обществу собирательным образом английской «разумной толпы».

В то же время при описании английских нравов и обычаев Гончаров зачастую прибегает к иронии, используя стилистические приемы гиперболы и зоологические ассоциации: «<…> мне <…> нравится простоять целый час на перекрестке и смотреть, как встретятся два англичанина, сначала попробуют *оторвать друг у друга руку*, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия; смотреть их походку или какую-то *иноходь*, и эту важность до комизма на лице, выражение глубокого уважения к самому себе, некоторого презрения или, по крайней мере, холодности к другому, но благоговения к толпе, то есть к обществу» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – *С.К.*) [Там же. С. 41].

Показательно, что английскую фауну Гончаров наделяет большей степенью рациональности и разума, чем опускающегося до животных инстинктов англичанина: «<…> в животных стремление к исполнению своего назначения простерто, кажется, до разумного сознания, а в людях, напротив, низведено до степени животного инстинкта» [Там же. С. 50].

Торговую деятельность англичан Гончаров описывает также с помощью зоологического эпитета «*скотолюбивый*»: «Бесстыдство этого скотолюбивого народа <…>» [Там же. С. 432].

Изображая английских леди и джентльменов, автор акцентирует внимание на английском типе красоты: «Едва ли в другом народе разлито столько красоты в массе, как в Англии» [Там же. С. 52]. Но здесь же писатель подчеркивает некую искусственную правильность такой красоты, с его точки зрения, в нет ней природной живости, индивидуальности, одинаковая красота свойственна всей нации. Кроме того, в Англии красота является предметом торговли, а ее обладатели вступают в товарно-денежные отношения: «<…> красота – капитал. Ей очень практически сделают верную оценку и найдут надлежащее приспособление» [Там же].

Более того, при описании британского типа красоты вновь используются зоологические сравнения. Так, английские леди сравниваются с различными животными и птицами, а также с неодушевленными предметами. Английские леди в произведении характеризуются как красивые, гордые, обладающие чувством собственного достоинства, но в то же время чопорные, ограниченные, презрительные к окружающим.

В целом англичане в авторском понимании, наделенные внешней красотой, уподобляются животным,

соответственно, лишены красоты внутренней, духовной.

Важное место при изображении английских обычаев у Гончарова занимает английский обед. Представляется, что автор не случайно уделяет так много внимания обеду как акту приема пищи, неоднократно описывая большое количество блюд и напитков, последовательность их смены, тонко иронизируя над английскими гастрономическими порядками, поскольку, как уже было указано выше, материальная, физическая сторона жизни английского общества в его восприятии превалирует над духовной. В авторском видении англичанам свойствен особый культ еды, это выражается в сравнении завтрака с важным жизненным событием: «В отеле в час зазвонили завтракать. Опять разыгрался один из существенных актов дня и жизни» [13. Т. 1. С. 147]. Гончаров также отмечает у англичан умаление функции обеда как церемонии, для них важнее насытить свои «железные» желудки: «А собственно англичане не обедают, они едят» [Там же. С. 45]. Таким образом, автор демонстрирует собственное видение упрощенного отношения англичан к еде, которая является для них лишь средством насыщения, отмечая также непритязательность и нетребовательность англичан к пище. Сравнение вкуса английского чая с микстурой и вареной капустой, а кровати – с катафалком, демонстрирует гончаровское ироничное отношение к английскому быту. Представляется, что в таких, казалось бы, незначительных деталях ярко проявляется истинное авторское отношение ко всему английскому, раскрывается образ «гончаровской» Англии.

Описывая духовную сторону жизни англичан, Гончаров также неоднократно подчеркивает, что в английской ментальности присутствует мощное технократическое начало: «Всё бы это было очень хорошо, то есть эта практичность, но, к сожалению, тут есть своя неприятная сторона: не только общественная деятельность, но и вся жизнь всех и каждого сложилась и действует очень практически, как машина» [Там же. С. 50]. Техницизм и изобретательность, характерные для английской ментальности, отмечены также и Г.Д. Гачевым: «Англия – страна опыта и техники» [10. С. 432]. Опыт, эмпирический способ добычи знания, поставлен во главу угла, поэтому изобретательность и интерес к техническим новинкам – неотъемлемые свойства англичанина. Отмечено это свойство английской ментальности и у Гончарова: «Замечу, между прочим, что всё здесь стремится к тому, чтоб устроить образ жизни как можно проще, удобнее и комфортабельнее. Сколько выдумок для этого, сколько потрачено гения изобретательности на машинки, пружинки, таблицы и другие остроумные способы, чтоб человеку было просто и хорошо жить!» [13. С. 60].

Гончаров описывает будильники, счетные и умывальные машинки… Различные устройства и механизмы, изобретенные исключительно для удобства и комфорта, постоянно окружают англичанина, вся жизнь превращается в хорошо отлаженный механизм, в результате чего и сам человек становится бездушной машиной. Авторское сравнение англичанина с машиной создает у читателя впечатление о нем как о неодушевленном механизме: «Новейший англичанин не должен просыпаться сам; еще хуже, если его будит слуга: это варварство, отсталость, и притом слуги дороги в Лондоне. Он просыпается по будильнику. Умывшись посредством машинки и надев вымытое паром белье, он садится к столу, кладет ноги в назначенный для того ящик, обитый мехом, и готовит себе, с помощию пара же, в три секунды бифштекс или котлету и запивает чаем, потом принимается за газету. <...> Кончив завтрак, он по одной таблице припоминает, какое число и какой день сегодня, справляется, что делать, берет машинку, которая сама делает выкладки: припоминать и считать в голове неудобно. Потом идет со двора. Я не упоминаю о том, что двери перед ним отворяются и затворяются взад и вперед почти сами. <...> После того <...> снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать. *Вся машина* засыпает» [13. Т. 1. С. 60–61].

В этом контексте автор даже такие общие гуманистические категории, как «жизнь», «честность», «справедливость», «сострадание», «добродетель», опредмечивает, доводя сугубо духовные понятия до уровня материального: «Незаметно, чтоб общественные и частные добродетели свободно истекали из светлого человеческого начала <…> Эти добродетели приложены там, где их нужно, и вертятся, как колеса, оттого они лишены теплоты и прелести» [Там же. С. 50]. Описывая добродетели английского общества, Гончаров прибегает к приему семантической градации: «Филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но целые страны под английским управлением» [Там же. С. 51]. Вся жизнь общества в Англии уподобляется неодушевленному механизму, и, соответственно, даже «механическая» добродетель получает авторские субъективные коннотации неодушевленности, механистичности. Более того, когда дело касается гуманности, английское общество и нация противопоставляются отдельному человеку и его внутреннему миру: «<...> Добродетель лишена своих лучей; она принадлежит обществу, нации, а не человеку, не сердцу. Оттого, правда, вся *машина* общественной деятельности движется непогрешительно <…>» [Там же].

Наконец, главенствующее место в ментальности английской нации в представлении Гончарова занимает торговая деятельность: «Бесстыдство этого скотолюбивого народа доходит до какого-то героизма, чуть дело коснется до сбыта товара, какой бы он ни был, хоть яд!» [13. Т. 2. С. 432]. В сущности, такова авторская основная особенность английского Психо: англичане – торговая нация.

Авторское понимание жизни английского общества как торговли проявилось, прежде всего, в развернутом описании Лондона: «Между тем общее впечатление, какое производит наружный вид Лондона, с циркуляциею народонаселения, странно: там до двух миллионов жителей, центр всемирной торговли, а чего бы вы думали не заметно? – жизни, то есть ее бурного брожения. Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле» [Так же. Т. 1. С. 48].

Образ Лондона как столицы и одновременно центра торговли в Англии занимает важное место в системе образов произведения. С помощью приема олицетворения Гончаров сравнивает Лондон с живым существом, которому, как и населяющему его англичанину, присущи сдержанность, рациональность, уважение к общественным приличиям: «Город, как живое существо, кажется, сдерживает свое дыхание и биение пульса. Нет ни напрасного крика, ни лишнего движения, а уж о пении, о прыжке, о шалости и между детьми мало слышно. Кажется, всё рассчитано, взвешено и оценено, как будто и с голоса, и с мимики берут тоже пошлину, как с окон, с колесных шин» [13. Т. 1. С. 48]. Лондон в вечернее время, когда сгущается темнота и отсутствие видимости усиливает ощущение чуждости и враждебности незнакомого пространства, представляется Гончарову тюрьмой, ограничивающей человеческую свободу и желания.

Однако наряду с внешней неприглядностью, это всемирный центр торговли, которому свойственна кипучая деятельность. Рисуя образ Лондона, автор вновь прибегает к приему зоологического сравнения, представляя город муравейником, а его население – муравьями. В целом, по мысли автора, у англичан нет истинной свободы, они живут и действуют в соответствии с общепринятыми правилами и общественным укладом, подчиненном торговле и интересам материального прогресса.

Поскольку Гончаров считает Англию «всемирным рынком», а англичан «торговой нацией», то важное место в произведении занимают английские колонии и образ английского купца-колонизатора. Все путешествие Гончарова, по сути, является «путешествием русского в мир англичан», и он объективно отмечает сложившееся положение вещей – безусловное мировое превосходство Британской державы. «The sense that he is setting out to a world created, owned, and maintained, essentially, by England is evident in the images of Englishmen that persistently dot the Goncharov's landscape» («Чувство, что он отправляется в мир, фактически созданный, хранимый и управляемый Англией, очевидно в образах англичан, которые постоянно встречаются Гончарову в его путешествии» (перевод мой. – *С.К.*)) [15. P. 25]. Сам фрегат «Паллада», мощное судно в ореоле былой славы, но постепенно дряхлеющее и разваливающееся, является символом существующего мирового порядка того времени и положения России, конкурирующей с Британской империей за главенствующее положение в мире.

Наблюдая и размышляя во время путешествия над мировой жизнью, Гончаров приходит к важному выводу: «...хозяин исторической сцены – капиталист» [1. С. 29]. Этот вывод воплотился в ярком и самобытном образе английского купца-колонизатора, встречаемого Гончаровым во всех посещенных английских колониях Африки и Азии, который «становится символом международной торговли, промышленности, колониальной политики» [Там же. С. 31]. В образе английского колонизатора нет героизма, величественности, физической силы, но в нем есть энергия и деятельность: «<…> И какой это образ! Не блистающий красотою, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду: я видел его в Англии – на улице, за прилавком магазина, в законодательной палате, на бирже. <…> тот же образ; холодным и строгим взглядом следил он, как толпы смуглых жителей юга добывали, обливаясь потом, драгоценный сок своей почвы, как катили бочки к берегу и усылали вдаль, получая за это от повелителей право есть хлеб своей земли. <…> Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чаю, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками, двигающего необъятными естественными силами природы <…> Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!» [13. Т. 1. С. 15–16]. Создавая образ английского колонизатора, Гончаров отмечает, что ему присущи предприимчивость, энергичность, но одновременно гордость, чопорность, прерительно-повелительное отношение к туземному населению, склонность к чрезмерному потреблению алкоголя.

В своем письме к А.С. Норову от 20 сентября / 2 октября 1853 г. Гончаров описывает азиатские колонии Британии следующим образом: «Сингапур и Гонконг <...> – два новые и живые создания силы воли и энергии англичан. Везде памятники неимоверных усилий, гигантских работ, везде цивилизация, торговля и комфорт, особенно торговля. <...> в Сингапуре 40 тыс. китайцев и 20 тыс. индийцев и малайцев говорят по-английски, торгуют английским товарами, покупают и продают на английскую монету. <...> и над всем этим носится холодное, покойное и разумное могущество английского духа. Англичан всего четыреста человек там, но они господа, а 60 тыс. их покорнейшие слуги, в ожидании чести сделаться братьями по Христу и по человечеству» [11. С. 682]. Здесь проявилось гончаровское осознание вершины колониального могущества Англии над подчиненными ей туземными народами Азии и Африки. Англичане используют разные способы колонизации туземцев: торговля, религиозное просвещение, покорение силой оружия, приобщение аборигенов к роскоши и комфорту. При этом английские колонизаторы, имея два главных инструмента – религию и материальные ценности, стремятся покорить туземцев, переделав их по своему образу и подобию. Тем не менее Гончаров отмечает и огромный вклад англичан в создание и развитие собственных колоний: они приносят сюда свою волю, энергию, деятельность, цивилизацию, комфорт и, конечно же, торговлю.

Отношение английских купцов-колонизаторов к туземному населению видится Гончарову двояко. С одной стороны, английские колонисты приобщают их к труду, опрятности, религии, культуре, но, с другой – поставляют им оружие и алкоголь, что приводит к междоусобным войнам и пьянству туземцев. В английских колониях Гончаров с горечью наблюдает высокомерное и повелительное отношение колонизаторов к туземцам: «Вообще обращение англичан с

китайцами, да и с другими, особенно подвластными им народами, не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот, который они, пожалуй, не бьют, даже холят, то есть хорошо кормят, исправно и щедро платят им, но не скрывают презрения к ним» [13. Т. 2. С. 430].

Таким образом, будучи приверженцем прогресса, автор отмечает появление многочисленных благ цивилизации в английских колониях, мостов, дорог, городов. Тем не менее Гончаров-гуманист не может не осуждать эксплуатацию англичанами местного населения, продажу китайцам опиума ради наживы и других антигуманных проявлений английского колониализма.

Показателен в произведении образ английского миссионера. Английские священники ради собственной выгоды пренебрегают христианскими нормами морали и нравственности и подстрекают туземцев к войнам: «<...> в Кафрарии <...> миссионеры <...> действовали не совсем добросовестно; они возбуждали и кафров, и готтентотов к восстанию, имея в виду образовать из них один народ и обеспечить над ним свое господство» [Там же. Т. 1. С. 164]. При этом Гончаров отмечает, что английские миссионеры не спешат обращать в христианскую веру туземцев, выступающих «их покорнейшими слугами, в ожидании чести сделаться братьями по Христу и по человечеству» [11. С. 682].

На этом фоне закономерно, что важную роль в конструировании образа Англии играет также образ моряка. Британских моряков в гончаровском изображении отличают профессионализм и непритязательность в быту. В то же время, рисуя образ английского моряка и противопоставляя его знаменитым мореплавателям эпохи Великих географических открытий, Гончаров отказывает ему в величественности, масштабности, наделяя приземленностью, обыденностью, подчеркивая свойственные ему пороки и недостатки: «Не величавый образ Колумба и Васко де Гама гадательно смотрит с палубы вдаль, в неизвестное будущее: английский лоцман, в синей куртке, в кожаных панталонах, с красным лицом <…>» [13. Т. 1. С. 12]. В представлении автора, английский мореплаватель уродлив как внешне, так и внутренне. При его изображении автор также обращается к зоологическим сравнениям, уподобляя моряков буйволам: «<…> пришло с улицы несколько английских шкиперов: что за широкоплечесть! что за приземистость! ноги, вогнутые внутрь или дугой наружу. Они <…> как *толпа буйволов*, прошли по галерее <…> вместо лица круг красного мяса, с каймой рыжих, жестких волос, да огромные, жесткие, почти неразжимающиеся кулаки <…>» [Там же. Т. 2. С. 532–533].

Именно морская тематика актуализирует во «Фрегате “Паллада”» английский Логос, который присутствует в произведении, в основном, как английский язык, употребленный в прямой речи англичан.

Приведенная Гончаровым строка из английского государственного гимна «Rule, Britannia, upon the sea», которую напевает купец-колонизатор, подтверждает авторское отношение к статусу Англии как морской державы, «владычицы морей».

Также английский Логос используется при описании корабельного обихода. При авральной работе, когда одной вахты мало и нужны все матросы, команда по-английски звучит: «all hands up» (все руки наверх) (для сравнения: на русском языке эта команда звучит как «пошел все наверх»). В английском варианте наблюдается обращение к неодушевленному предмету (рука), в русском – к человеку (все / люди). Кстати сказать, по мнению Г.Д. Гачева, концепт руки как части тела человека занимает важное место в английской ментальности: в английском Космосе пара и тумана англичанин познает мир не глазами, поскольку видимость в тумане обманчива, а руками, наощупь. Соответственно, в данном Космосе «не верный глаз, но верная рука – основа и опора мысли и суждения» [14. С. 175].

Так английский Логос, как правило, подтверждает основные аспекты английского Психо. Морская терминология и строка из гимна о властвовании над морями – гончаровское восприятие Англии-метрополии, признание ее главенствующей морской державой.

Еще один пример: свойственная английскому Психо рациональность, ориентированность на выгодное и прикладное применение вещей, знаний и т.д., выражаются в эпизоде, когда мальчишка-продавец сувениров говорит о русских монетах «No use, no use!» (букв. «бесполезный, без применения»).

Таким образом, образ Англии во «Фрегате “Паллада”» – это целостная система, состоящая из многих элементов; при этом внимание Гончарова привлекают даже самые незначительные, на первый взгляд, детали, благодаря чему формируется целостное гончаровское представление об английском мире. В Космосе Англии центральное место занимает море, окружающее остров со всех сторон, соответственно, сильно водное начало и преобладают сырость, влага, туман. В английской природе полностью утрачена естественность, превалирует искусственное начало. Англия середины XIX в. – промышленно развитая страна, метрополия, имеющая множество колоний. В английском Психо Гончаров высвечивает мощное зоологическое, технократическое и капиталистическое начало, демонстрируя собственное отношение к английской жизни, сводя эту жизнь к торговле. Гончарову-гуманисту не хватает в англичанах гуманистического начала, душевной и человеческой теплоты. Английский Логос в его изображении подтверждает доминирование в английской ментальности ценностей метрополии.

Таким образом, в статье специально исследован образ Англии в понимании Гончарова как образованного путешественника, представителя русской интеллигенции XIX в., что, безусловно, вносит свой специальный вклад в проблематику русско-английской межкультурной коммуникации и процесс построения диалога культур России и Англии; поэтому данная тематика «Фрегата “Паллада”» актуальна и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пиксанов Н.К. Гончаров и колониализм // Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 23–53.
2. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб. : Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
3. Недзвецкий В.А. «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. : Наука, 1993. Т. 52, № 2. С. 43–55. URL: http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/izvan/i52-043-.htm (дата обращения: 12.05.2017).
4. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // НЛО. 2000. № 46. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html (дата обращения: 12.05.2017).
5. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с.
6. Фуко М. Пространство, знание и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
7. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Исскусство-СПб, 2003. 616 с.
8. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. 392 с.
9. Башляр Гастон. Избранное: поэтика пространства. М. : РОССПЭН, 2004. 376 с.
10. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Прогресс-Культура, 1995. 480 с.
11. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. 881 с.
12. Said E. Power, politics and culture: interviews with Edward W. Said, New York : Random House, Vintage Books, 2002. 485 p.
13. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем. СПб. : Наука, 1997.
14. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм ; Эскмо, 2008. 544 с.
15. Lim S.S., Clark R.D. Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East // The Slavic and East European Journal. Vol. 53, № 1. Spring 2009. P. 19–39.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 августа 2017 г.

COSMO-PSYCHO-LOGOS OF ENGLAND IN I. GONCHAROV’S BOOK *THE FRIGATE PALLADA*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 9–16.
DOI: 10.17223/15617793/422/2

Svetlana A. Kurilo, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: coureelosvetlana@gmail.com

Keywords: I. Goncharov; *The Frigate Pallada*; G. Gachev; image of England; Cosmo-Psycho-Logos; imagology.

The relevance of the article is determined by the current problems of the Russian-English intercultural communication and dialogue of those cultures. I.A. Goncharov significantly contributed to that process by his book *The Frigate Pallada*. He created a comprehensive and multidimensional image of England. The subjective, original and at the same time multi-component image of England is presented in I. Goncharov’s book. The dimensionality and completeness of I. Goncharov’s image of England determined the use of G. Gachev’s threefold term Cosmo-Psycho-Logos as a methodology of this study. Consequently, the comprehensive image of England in I. Goncharov’s book *The Frigate Pallada* has been considered for the first time. It has been studied from the point of view of imagology conception developed by a famous cultural specialist G. Gachev, who considers national images by means of the threefold term Cosmo-Psycho-Logos, and the literary modelling of geographical space images. It is demonstrated that England is represented by a special system of images which complement each other and form a complete picture. This system embodies Goncharov’s comprehensive conception of the English world. Undoubtedly, the author-and-traveller’s journey to a new geographical and cultural space results in a need to model his own fictive and subjective image of that space and present it to the reader. Consequently, real geographical space transforms the most in a literary writing according to the author’s subjective conception of it. As previously noted, G. Gachev proposes to perceive unknown geographical space by means of a significant and substantial, in the author’s opinion, term Cosmo-Psycho-Logos. This concept is a triple unity for each nation of Cosmo, which is the body or local nature, Psycho, or the people’s soul and national character, and Logos, or national spirit, language and logic. It is a cumulative analysis of geographic and climatic conditions of local nature, psychology and national character of the people living here, their language and way of thinking that allows an author of a literary journey to present a coherent and harmonious image of a foreign country. A writer spiritually immerses in a foreign national mindset and existence apart from the physical movement in an unfamiliar space. Therefore, the English Cosmo-Psycho-Logos in Goncharov’s perception has been analysed in the article. The sea occupies a central position in the English Cosmos, it surrounds the island from all sides. So, the aquatic origin is quite intense, and dampness, moisture and fog dominate here. English nature completely lost naturalness, the artificial origin prevails in it. England in the middle of the 19th century is an industrialized country having a large number of colonies. In general, Goncharov highlights the powerful zoological, technocratic and capitalist origin displaying his own attitude to the English life, which is virtually equal to trade. Being a humanist, Goncharov does not observe humanism, spiritual and sincere warmth in the English nation. The English Logos confirms that metropolitan values dominate in the English mentality in Goncharov’s perception.

REFERENCES

1. Piksanov, N.K. (1963) Goncharov i kolonializm [Goncharov and colonialism]. In: Beysov, P.S. & Valkin, M.Kh. (eds) *Materialy yubileynoy goncharovskoy konferentsii* [Materials of the anniversary Goncharov conference]. Ulyanovsk.
2. Krasnoshchekova, E.A. (1997) *I.A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I.A. Goncharov: The world of creativity]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
3. Nedzvetskiy, V.A. (1993) “Fregat “Pallada”” I.A. Goncharova: zagadka zhanra [The Frigate Pallada by I.A. Goncharov: the riddle of the genre]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 52:2. pp. 43–55. [Online] Available from: http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/izvan/i52-043-.htm. (Accessed: 12.05.2017).
4. Zamyatin, D.N. (2000) Fenomenologiya geograficheskikh obrazov [Phenomenology of geographical images]. *NLO.* 46. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html. (Accessed: 12.05.2017).
5. Milyugina, E.G. & Stroganov, M.V. (2013) *Russkaya kul’tura v zerkale puteshestviy* [Russian culture in the mirror of travel]. Tver: Tver State University.
6. Foucault, M. (2006) Prostranstvo, znanie i vlast’ [Space, knowledge and power]. In: Bol’shakov, V.P. (ed.) *Intellektualy i vlast’: Izbrannye politicheskie stat’i, vystupleniya i interv’yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French by B.M. Skuratov. Pt. 3. Moscow: Praksis.

7. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian literature: Selected works]. St. Petersburg: Isskusstvo-SPb.
8. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
9. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: poetika prostranstva* [Selected works: the poetics of space]. Translated from French by N.V.Kislova, G.V.Volkova, M.Yu.Mikheev. Moscow: ROSSPEN.
10. Gachev, G.D. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos* [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow: Progress-Kul'tura.
11. Goncharov, I.A. (1986) *Fregat "Pallada"* [The Frigate Pallada]. Leningrad: Nauka.
12. Said, E. (2002) *Power, politics and culture: interviews with Edward W. Said.* New York: Random House, Vintage Books.
13. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. St. Petersburg: Nauka.
14. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world]. Moscow: Algoritm; Eskmo.
15. Lim, S.S. & Clark, R.D. (2009) Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East. *The Slavic and East European Journal*. 53:1. pp. 19–39.

Received: 18 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 17–25. DOI: 10.17223/15617793/422/3

УДК 81:39+811.161.1'37

Т.В. Леонтьева

ИДИОМА *СОБАКУ СЪЕСТЬ*: СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Статья посвящена идиоме *собаку съесть на чем-либо* 'об опытном, умелом, знающем человеке'. Приводятся существующие версии происхождения этого фразеологизма. Привлечены данные русских народных говоров для обоснования двух наиболее вероятных гипотез происхождения идиомы. Проводится сопоставление с диалектными выражениями *беса съесть, гвоздь съесть, съесть иголки* с тем же значением 'хорошо уметь что-либо, иметь опыт в чем-либо'. Обосновывается версия о том, что идиомы *собаку съесть, собаку сожрать* имеют в своей основе сакрально-мифологический мотив уподобления едока пище.

Ключевые слова: этнолингвистика; фразеология; собаку съесть; лексика опыта.

В настоящей статье речь пойдет прежде всего об идиоме *собаку съесть на чем-либо*, характеризующей человека, который приобрел опыт, знания, умения в какой-либо сфере. Это широкоупотребительное выражение, по свидетельству Л.С. Пугачевой, относится к числу фразеологизмов, наиболее непонятных для учащихся, осваивающих русский язык [1. С. 47]. Причина заключается в немотивированности выражения и собственно в эксцентричности образа поедания собаки: даже носитель русского языка затрудняется в интерпретации внутренней формы – буквальной основы – этой идиомы.

В современном русском языке данное выражение управляет существительными либо местоимениями в предложном падеже, называющими сферу накопления опыта (*в науках, в горном деле, на женской красоте, на черном пиаре* и др.): разг. *собаку съесть на чём, в чём* 'хорошо разбираться, быть особенно искусным, сведущим в чем-либо; об опытном, умелом, знающем все тонкости какого-л. дела человеке' (*Он охотно любил подшутить над ученым… и Алексисом, который в науках, что называется, собаку съел* (Салтыков. Невинные рассказы); *А что до тканей, в них я не знаток, О них спросить царицу Марью. Бабы На том собаку съели* (А.К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного); *Прохор приглашал и Протасова: тот универсально образован и в горном деле собаку съел* (Шишков. Угрюм-река)) [2. С. 412; 3. Т. 14. С. 7 и др.]; *Выделить можно разве что две группы: в первой – те, кто собаку съел на черном пиаре, во второй – оказавшиеся у власти неожиданно, вопреки всем прогнозам и предположениям* (А. Кузьмин. Выбери меня. 2003) [4]; *Настя знает, что я собаку съел на женской красоте, и ценит во мне это вполне мужское качество* (Г. Алексеев. Зеленые берега. 1983–1984) [4].

В русских народных говорах (нижегородских) обнаруживается аналог рассматриваемого выражения с замещенным глагольным компонентом: нижегор. *собаку сожрал кто-либо* 'умеет поговорить, занять разговором кого-либо' (*Ты, чай, знашь? Баить-то он собаку сожрал*) [5. Т. 39. С. 139]. Поскольку это единичная фиксация, вполне вероятно, что оно вторично по отношению к повсеместно распространенному *собаку съесть* – например, появилось в речи информанта в результате неточного припоминания известного выражения или стремления придать ему большую экспрессию путем замены нейтрального *съесть* грубым *сожрать*. Словарная дефиниция здесь фактически некорректна, поскольку она определяет не собственно идиому *собаку сожрать*, а расширенное глагольным компонентом выражение *собаку сожрать баить*.

В способности выражения *собаку сожрать* сочетаться с глаголами речи можно даже предполагать ключ к интерпретации идиомы, поскольку «голосовая» составляющая – одна из самых заметных в образе собаки (она *лает, брешет*). Стереотипное представление о собачьем лае легло в основу лексем и фразеологизмов, обозначающих свару, ругань, а также бранчливого человека: простореч. *собачиться* 'ругаться, браниться' [3. Т. 14. С. 11], новг. *собака* 'о человеке, склонном, любящем ругаться, браниться' (*Эдакий ты собака, всякого ты проходящего облаешь*), перм. *собаку съесть* 'сильно выбранить, выругать кого-л.' (*Обижат внучку-то, я молчу, а сама собой думаю: вот одне-то останёмся, тогда я собаку съем,всё выскажу; Не дала ему денёг, дак он собаку-то съел, как токо не представил меня*) [6. Т. 4. С. 362], смол. *со рта собаки скачут* 'о бранчливом человеке', омск. *собаку выпустить (спустить) на кого либо* 'начать бранить, ругать кого-либо', омск. *отсобачить* 'накинуться с руганью, выбранить' [5. Т. 39. С. 139], перм. *собаку открыть* 'извергнуть поток брани' (*Такую собаку на меня от-крыла, что я и разговаривать не стала с ей*) [6. Т. 4. С. 246], перм. *держать собаку во рту* 'сквернословить' (*Не держиде собаку во рту, не ругайся, мол, дак и порчи не будёт*) [Там же. С. 104] и др. Но все же соотносить анализируемое выражение *собаку сожрать* только с представлениями об умении говорить невозможно по ряду причин: (1) в записанном диалектном контексте со словом *баить* совершенно не актуализирована семантика брани; (2) дефиниция, приведенная в словаре, касается не собственно выражения *собаку сожрать*, а ориентирована на третий – свободный, замещаемый, указывающий на профилизацию опыта – компонент *баить*, а между тем третий компонент (будь то предложно-падежная форма или инфинитив) вариативен и не составляет часть идиомы; версия не имела бы объясняющей силы для тех многочисленных (составляющих большинство) контекстов к выражению *собаку съесть* (явному аналогу идиомы *со-*

баку сожрать), в которых речь идет о любом другом практическом навыке, опыте, умении, кроме речевого. Кроме того, актуализация посредством слова *собака* хорошо известной языку параллели между речевой способностью человека и собачьим лаем не разрешает недоумения относительно компонента *съесть, сожрать*.

За отсутствием достоверных сведений о том, с какого времени имеет хождение данная идиома, можно указать лишь несколько ориентиров. О.Н. Трубачев, посвятивший одну из своих работ вопросам происхождения названий животных, указывает, что «бесспорно общеславянским названием собаки является *рьѕъ*, известное с самого начала как родовое обозначение животного» [7. С. 19], а слово *собака*, в котором этимологи предполагают иранское либо тюркское заимствование, «в качестве основного родового названия животного <…> безраздельно господствует только на восточнославянской языковой территории» [Там же. С. 29].

Ранее мы уже указали, что управление существительными или местоимениями в предложном падеже с предлогами *на* и *в* (*на чем, в чем*) характерно для идиомы *собаку съесть* в современном русском языке.

В текстах же, созданных до начала XX в., можно встретить другие употребления идиомы:

– с глаголом в инфинитиве, как уже отмечалось выше: *Заводские начальники По всей Сибири славятся – Собаку съели* ***драть*** (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо) [3. Т. 14. С. 7]; *Нечистый дух собаку съел Нам* ***строить*** *козни и подкопы* (П.А. Вяземский – Пушкину, эпиграмма. 1828) [8]; *Ты, чай, знашь?* ***Баить****-то он собаку сожрал* [5. Т. 39. С. 139]. Присоединяемый глагол называет собственно действие, умело выполняемое человеком: это у м е н и е и дает основание к тому, чтобы заключить, будто характеризуемое лицо имеет соответствующий опыт (т.е. часто и много совершает указанное действие);

– с существительными в винительном падеже с предлогом (*на что*): *Вот это прекрасно! На эти вещи он собаку съел. Стало быть, вы с ним познакомились?..* (П.А. Каратыгин. Вицмундир. 1845); *Вы, западные, собаку съели на все науки* (О.И. Сенковский. Превращение голов в книги и книг в головы. 1839) [4]; *На всё сладострастное ты собаку съел* (П.А. Катенин – Пушкину. 1826) [8]; *Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел* (Пушкин – П.А. Плетневу. 1830) [Там же].

В XIX в. выражение *собаку съесть* было, очевидно, уже широко известно, если судить по фактам использования идиомы писателями и поэтами в личных письмах и в произведениях: *Дядя Ипатыч уважал «Карлу», потому что по всякому фабричному делу «он собаку съел», особенно по доменному производству* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Под домной. 1891); *Когда-то он где-то был учителем, пописывал что-то, чёрт его знает, кем он был, но только умница замечательная и по части философии собаку съел* (А.П. Чехов. Огни. 1888); *Он неохоч до слов, но он на деле Собаку съел; ему ведь не впервой* (А.К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного. 1862–1864); *Ну, – говорил он, – а помещик ваш в музыке собаку съел, мне у него учиться приходится, и голос у фрейлен Юльхен очень прекрасен; да и глаза-то у нее недурны, философ-то ваш знает, где раки зимуют* (А.И. Герцен. Поврежденный. 1851); *Кстати ж про стихи сказала: Он на них собаку съел, Даже многим надоел!* (И.П. Мятлев. Борромейские острова и Комо. 1840); *Да ты, черт побери, на виршах собаку съел* (И.И. Лажечников. Ледяной дом. 1835); *За то его собака съела, Что в песнях он собаку съел!* (А.А. Дельвиг. «Хвостова кипа тут лежала...». 1827) [4] и др. Более ранние текстовые употребления нам неизвестны.

Недостаток текстовых данных, затруднения в интерпретации метафоры поедания собаки, а также неочевидность связи образа собаки и семантики опыта побуждают исследователей к тому, чтобы вновь и вновь обращаться к вопросу происхождения этого выражения. Семантико-мотивационная реконструкция идиомы *собаку съесть на чем-либо* является основным предметом данной статьи.

Далее уделим внимание каждой из составных частей идиомы – *съесть* и *собака*, предварив свои соображения изложением имеющихся в научной литературе точек зрения на происхождение идиомы.

Версии происхождения идиомы *собаку съесть в / на чем-либо*

Существуют лишь предположения относительно происхождения этого выражения. Чаще всего транслируется версия, связывающая это выражение и зафиксированную В.И. Далем поговорку. Согласно ей идиома является результатом усечения иронической поговорки *Собаку съел, только хвостом подавился* [9. Т. 4. С. 257], при этом остается неясным, откуда взялся смысл ‘опыт, умение, знание’ у первой, оставшейся в активном употреблении части выражения при отсутствии подобных смысловых компонентов у якобы исходного полного варианта поговорки, обозначающей «недоверие по отношению к какому-либо событию» (так как «съесть целую собаку если не невозможно, то очень трудно») [10. С. 30]. Эта дефиниция касается, по-видимому, первой части паремии, а целиком высказывание характеризует ситуацию, когда дело оказалось расстроено, не доведено до конца из-за незначительного препятствия. Вообще подобные паремии, построенные по схеме «сделал что-либо масштабное, но не завершил (потерпел фиаско) из-за малости», известны народной речи: *Съел волк кобылу, да дровнями подавился; Переплыл море, да в луже утонул; Хорошо затянул (песню), да вынося осёкся* [11. С. 822], ср. *Дело без конца – что кобыла без хвоста* [Там же. С. 213]. Под вопросом остается возможность реконструкции семантического перехода «сделал большое дело > стал опытным», поскольку нам неизвестны другие фразеологические единицы со значение ‘об опытном’, которые появились бы в результате разрушения (усечения) паремий подобной структуры.

М.И. Михельсон снабжает фразеологизм комментарием, указывающим на такие черты в образе собаки, как смелость и ловкость: «Собаку съел = дока,

изучил дело; насобачился = набил руку (сделался смелым, ловким, как собака)» [2. С. 412]. При этом в словаре размещена также справочная информация о фактах употребления в пищу собачьего мяса.

По мнению Н.И. Маругиной, в основе выражения *собаку съел* лежит, как в случае со многими другими фразеологизмами, метафорический перенос «человек – собака», поскольку собака выступает «символом мудрости, большого ума, зрелости и опыта» [12. С. 29]. Вывод об этом делается на основе анализа пословиц *Старее поповой собаки; Старую собаку не волком звать; Старую собаку не батькой звать; Попову собаку не батькой звать; Старый пес не обманет; Стар пес, да верно служит; Старого пса к цепи не приучишь* [Там же. С. 28]. Исследовательница считает, что стержневым компонентом анализируемого выражения следует считать именно существительное: «Ключевое слово *собака* в этом случае воспринимается как номинация источника “знаний, умений, таланта”» [Там же. С. 21]. При этом слово *съесть*, по мнению автора цитируемой статьи, не несет никакой нагрузки в рассматриваемом сочетании: «Выражение *собаку съесть* не имеет связи с понятийной сферой “еда, трапеза”, а помещается в сферу “умственных, интеллектуальных способностей”» [Там же]. Заметим, что все приведенные пословицы, на основе анализа которых проведена экспликация смыслов ‘умный, мудрый, опытный’, содержат прилагательное *старый*, которое, думается, играет в них решающую роль, а между тем нам неизвестно выражение **старую собаку съел на / в чем-либо*. Наконец, все же кажется невозможным сбросить со счетов глагол *съесть* при толковании идиомы.

Наоборот, центральное место отводит глаголу *съесть* М.Л. Ковшова: «О еде в целом можно говорить как о символе опытности, знания, и компонент *съесть* в образе фразеологизма обладает таким символическим прочтением» [10. С. 30]. При этом *собака* квалифицируется как квазисимвол, который не имеет отношения к опыту, т.е. самостоятельно не выражает смысла ‘опытный’: «[Компонент *собака*] “вовлекается” в символическое переосмысление пищи только благодаря сочетанию с компонентом *есть*» [Там же]. Исследовательница выдвигает версию, отсылающую к присутствию семантики количества у выражений со словом *собака*: «Можно предположить, что фразеологизм *съесть собаку* возник в результат “ассоциативного распыления” другого устойчивого смысла, который действительно присущ имени (и реалии) *собака* – ‘много’. См. фразеологизмы: *как собак нерезаных; как собак небитых; как собак недобитых; как собак невешаных*» [Там же]. Такое сближение, вероятно, можно допустить (добавим от себя, что действительно есть обозначения опытности, акцентирующие сему ‘много’: пск. *со всех печек хлеба покушать* ‘многое испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ [13. С. 60]), однако все же данной трактовке анализируемого выражения препятствует тот факт, что слово *собака* употребляется в составе идиомы исключительно в единственном числе, т.е. не зафиксирован вариант с существительным в форме множественного числа **съесть (всех, многих) собак*, поэтому предложенная реконструкция кажется недостаточно убедительной.

Однако важнее всего для нас то, что М.Л. Ковшова отмечает важную семантическую особенность ряда идиом, включающих глагол *съесть* (*съесть собачий язык* ‘разглагольствовать сверх меры’ и др.): в их основе лежит смысл «уподобление едока пище» [10. С. 30]. Далее она не развивает эту идею по отношению к фразеологизму *собаку съесть*, однако нам кажется, что эта гипотеза достойна внимания и проверки.

Прочие пересказываемые в сети Интернет варианты интерпретации образа поедания собаки (об ощущении такого голода при косьбе, что, кажется, собаку бы съел <со ссылкой на А. Потебню>; о петрозаводцах, ставших посмешищем из-за того, что чуть не съели суп из собачатины <со ссылкой на С. Максимова>; о солярном псе, или солнечной собаке, в древнеперсидских мифах <со ссылкой на Б. Рыбакова>; о неудачном броске, называемом *собакой*, в ритуальной индийской игре в кости и проч., из которых часть изложены и критически оценены как маловероятные в [14. С. 703] и как имеющие «анекдотический характер» в [15. С. 245]), оставим без комментариев, поскольку не находим лексических данных, которые подтверждали бы их, и не видим возможности сколько-нибудь надежного их семантического обоснования, и обратимся прежде всего к метафоре поедания, образующей стержень идиомы *собаку съесть*.

Еда как метафора приобретения знания и опыта

Лексико-семантическое поле «Опыт», объединяющее слова и устойчивые выражения из разных подсистем русского языка, включает идиомы, имеющие в своем составе (1) слово *есть* ‘принимать пищу’, его дериваты и синонимы (*съесть, приесть, проесть, заедать, покушать*), (2) соматизмы *зубы, губы*, а также (3) «пищевую» лексику – обозначения блюд, продуктов, того, что можно употреблять в пищу (*хлеб, каша, щи, куколь*).

Концептуальная основа выбора номинатора в пользу гастрономической метафоры очевидна: опыт приобретается эмпирически, путем проверки, пробы (ср. *все перепробовать* – об опытном освоении мира). Способность поглощать пищу – частный случай «пробования», ср. *вкушать* ‘испытывать, ощущать’ (*Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил?* (Гоголь. Мертвые души)) [3. Т. 2. С. 425]. Мы не говорим о вкусовой метафоре в чистом виде, однако и она появляется особенно отчетливо на уровне синтагмы, ср. *горький опыт*.

Итак, жизненный опыт осмысливается через представление о восприятии действительности органами чувств в силу «относительной универсальности перцепции» [16. С. 4].

Опытность заключается в обладании практическим знанием, отсюда сходство лексических репрезентаций концептов ОПЫТ и ЗНАНИЕ. Известно, что интеллектуальная деятельность, направленная на приобретение знаний, в наивно-языковом сознании ассоциируется с поглощением и механической обработкой пищи, что находит выражение в следующих

языковых единицах: книж. *грызть гранит науки* ‘упорно овладевать знаниями’, *вкуша́ть от древа познания добра и зла* ‘приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений’, *впитать / всосать с молоком матери* ‘усвоить с детства’, *пи́ща для ума / для размышлений* ‘материал для мыслительной деятельности’; разг. *глотать книгу за книгой* ‘быстро читать’; диал. *разжева́ть* ‘догадаться, сообразить’ [17. С. 90], *подка́рмливаться* ‘подглядывать, заглядывать в книгу, отвечая на уроке’ [5. Т. 28. С. 27], *голова́ не перева́ривает* ‘о том, кто туп, глуповат’ [Там же. Т. 26. С. 43]; жарг. *хавать что* ‘понимать что-л., хорошо разбираться в чем-л.’ [18. С. 637], *прочмокать* ‘понять что-л., разобраться в чем-л.’ [Там же. С. 487], *несварение головы у кого* ‘кто-л. недоумевает, не понимает чего-л.’ [Там же. С. 382] и др. (подробнее см.: [19. С. 212–214]). О продуктивности модели «есть > мыслить, приобретать знания» говорит тот факт, что среди ее репрезентантов есть номинации, принадлежащие разным языковым стратам: литературному языку, русским народным говорам, жаргону.

Концептуализация приобретения и опыта, и знания посредством гастрономической метафоры утверждает родство этих когнитивных категорий, хотя между ними есть некоторые различия. Так, если познание интерпретируется образно как поглощение большого количества пищи, то получение опыта – чаще как употребление разной пищи, на что указывают компоненты *всякий, все, не один, семь, много* в составе фразеологизмов – арх. *испытать всяких хлебов* ‘много пережить’ [20. С. 301]; волг. *не с одной печи хлеб ел* ‘об опытном, бывалом человеке’ [21. С. 497], пск. *со всех печек хлеба покушать* ‘многое испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ (*Я са всех печек хлеба покушала*) [13. С. 60]; пск. *много хлеба съесть* и *съесть не один хлеб* ‘многое пережить, испытать в жизни’ (*В ётам доме много и хлеба съели; Уже не один хлеб съедена*) [Там же. С. 78], *Он везде бывал, из семи печей хлеб едал* [22. С. 64]. Кроме того, мыслительная деятельность ассоциируется с переработкой пищи – ее измельчением, перевариванием, в то время как приобретение опыта видится как пробование, без акцента на переработке. Не случайно неопытность образно представлена как первый прием пищи (первая ее проба) либо как незнакомство с пищей, которую едят в трудные времена – в голод: волог. *заеда́ть пе́рвую трави́нку* ‘начинать жить, набираться опыта’ (*Я жизнь прожил, а вы только первую травинку заедаете*) [23. Т. 4. С. 65]; костр. *ку́коль не ели* ‘о тех, кто не относится к поколениям, прошедшим войну, и в силу этого недостаточно знает, не имеет большого жизненного опыта’ (*Са́на Бы́ков любит поговорить да и знает он много. А мы-то что, ку́коль не ели*) [24]. Наконец, мыслительная деятельность означает наполнение, «насыщение» знанием (образно говоря, оно поглощается, перерабатывается, усваивается, накапливается), а опыт трактуется как познание на вкус, как результат многократных «пробных» соприкосновений с действительностью.

Семантическое преобразование «тот, кто много едал, перепробовал > опытный» кажется возможным реконструировать и для волог. *едоха* ‘знаток в каком-либо деле, сведущий, искусный и опытный, дошлый, источник, мастер’ [9. Т. 4. С. 680], поскольку слово *едоха* имеет также значение ‘кто помногу ест, у кого выть (аппетит) большая: прожора, обжора, объедала’ [Там же. С. 680].

Организованную по метонимическому типу вариацию на ту же тему «опытный – попробовавший многое» представляют собой пск. *зубы съесть на чём* ‘приобрести опыт в какой-л. области’ [13. С. 43]; сиб. *прое́сть зубы* ‘собаку съесть; опытный в каком-либо деле’ (*Соболятник. Мидвижатник. Жубы проел [об охотнике]*) [25. С. 154]; дон. *прое́сть зубы и губы* ‘быть сведущим, опытным’ (*Бедовый парень, проел зубы и губы, все знает*) [5. Т. 32. С. 132]; дон. *прие́сть зубы (губы)* ‘стать сведущим, опытным в каком-л. деле’ (*Дюже в работе справляется, зубы приел на этом деле*) [5. Т. 31. С. 203]. В сочетании со словом *зуб, зубы, губы* глаголы *съесть, приесть, проесть* обозначают не поглощение чего-либо в качестве пищи (было бы странно буквально воспринимать образ «кто-либо съел зубы или губы»), а истирание в процессе еды (разрушение) органа, выполняющего функцию механической обработки пищи: разг. *съедать* ‘стирать, стачивать’ (*Открытый рот [Ерошки], из которого злобно выставлялись съеденные желтые зубы, замер в своем положении.* (Л. Толст. Казаки)) [3. Т. 14. С. 1335], *приесть зубы* ‘съесть, приточить, истереть на еде’ (*Лошадь все зубы приела, и годов не знать*) [9. Т. 3. С. 482]. При этом появляется дополнительный, оказывающий поддержку семантический компонент возраста: «много перепробовавший за долгую жизнь > опытный».

Однако кроме поедания «на пробу» многого разного и кроме поедания в течение долгой жизни, в образной системе лексико-семантического поля «Опыт», по верному замечанию М.Л. Ковшовой [10. С. 30], получает разработку образ мифологического поедания, каузирующего сакральное уподобление едока поедаемому объекту: лат. *Linguam caninam comedit* (букв. *язык собачий съел*) ‘говорится, когда кто-либо разглагольствует без меры’ [2. С. 413]; перм. *как сорочьи яйца ел* ‘проницательный, знающий’ [22. С. 65]. Ср.: *Ученый безъ дарованія подобенъ тому бедному мулле, который изрезал и съел Коранъ, думая исполниться духа Магометова* (А.С. Пушкин. Отрывки из писем) [11. С. 931].

Среди подобных идиом с глаголом *съесть*, принадлежащих другим семантическим полям, наиболее важны для нашего исследования те выражения, которые в качестве дополнения включают в себя обозначения живых существ. В словарях Михельсона содержатся следующие фразеологизмы: греч. Σχορπιούς βίβρωχεν (букв. *скорпионов съел*) ‘о человеке яростном, ядовитом как скорпион’, нем. *Er hat einen Narren an ihm gefressen* (букв. *Он съел дурака в отношении его*) ‘до дурачества полюбил его’ [2. С. 413], *крокодила объесться* ‘быть сердитымъ, безпощаднымъ’ (*Этот критик, в самом деле, должно быть, крокодила объелся!* Гончаров. Литературный вечер. О беспощадном критике) [11. С. 368–369], *рябчика съесть* ‘подвергаться щипанью волос’ (*«Хочешь», говоритъ Тавля, Катька, рябчика съестъ? и начинаетъ щипать*

подчинённаго за волоса. Помяловский. Очерки Бурсы) [11. С. 766]. Добавим к этому русские диалектные факты: перм. *козла съесть* ‘отдуваться за других’ (*Что я вам козла съела? Всю домашнюю работу взвалили на меня. А снохи на что?*) [6. С. 362] (т.е. съесть козла = стать козлом отпущения); перм. *сидит – глядит, ровно медведя съел* ‘о недовольном, злом, грубом, своенравном, вредном’ [22. С. 72].

На этом фоне надежной кажется интерпретация пск. *беса съесть* ‘приобрести опыт в чем-либо’ (*Говорить-то я беса съела*) [13. С. 17] через посредство смысла «уподобиться бесу в обладании знанием и в многоопытности». Известно, что, согласно народным поверьям, бес хитер, ловок, способен к обману, ср. эталонное сравнение: *Лукавый человек хуже / пуще беса* [26. С. 208]. Хитрость – свойство, общее для опытного человека и беса, что объясняет выбор демонического образа для языковой концептуализации опыта.

Идея мистического поедания в лексико-семантическом поле «Опыт» находит воплощение также в идиомах, в которых субстантивным компонентом выступают обозначения неодушевленных предметов – инструментов *гвоздь, иголки*: мурман. *съесть гвоздь на чем-л.* ‘научиться хорошо делать что-л.’ (*Не учи меня, я на этом деле гвоздь съел*) [5. Т. 43. С. 108], алт. *съесть иголки* ‘набить руку, хорошо делать’ (*Вышивать – я иголки съела, хорошо вышивала*) [27. С. 499]. Мурманское выражение мы не считаем возможным комментировать во избежание ошибки, поскольку в источнике недостает информации: в частности, ясность внесло бы знание о более широком ситуативном контексте, т.е. о том, какую сферу занятий подразумевают собеседники (*на этом деле* – на каком именно?). А записанное на Алтае выражение *съесть иголки* снабжено контекстом с отсылкой к *вышиванию*, который заставляет сделать вывод о том, что «пища» (поглощаемый предмет) манифестирует сферу деятельности человека, в которой приобретается опыт.

Как мы видим, в ряде языков имеются устойчивые выражения, воплощающие архаичную модель «съесть кого-либо, что-либо > уподобиться съеденному по характерным чертам». К тому же она проявляет себя собственно в лексико-семантическом поле «Опыт» (*беса съесть, иголки съесть, гвоздь съесть*). По аналогии с этими выражениями можно предполагать в идиоме *собаку съесть / сожрать* ‘быть опытным в чем-либо’ семантическую пропозицию «съесть собаку = стать подобным собаке».

Далее следует уделить внимание собственно образу собаки в поиске точки соприкосновения устойчивых представлений о собаке и представлений об опыте или знании.

Собака и сакральное знание

Присутствие в одном лексико-семантическом поле структурно и семантически близких идиом *собаку съесть* и *беса съесть* побуждает к проведению аналогии между ними и поиску сакрально-мифологических смыслов в представлениях о собаке.

Известно, что в мифологических поверьях исконных славян собака наделяется магическими свойствами: даром предвидения, способностью предсказывать судьбу и отгонять нечистую силу [28. С. 137], причисляется к нечистым существам, в народном сознании часто отождествляется с дьяволом [29. С. 320; 30. С. 59 и др.].

Народной традиции известны поверья об оборотнях, превращающихся в таких животных, как кошка, собака, реже – волк, корова, свинья; ср. записи, сделанные, например, в Ульяновской области: *У нас вот адна была женщина, умярла тожи. <…> И ана ибратилась этый… сабачонкай чёрнинькай; Оборотни-то наряжались – волком или собакой, а потом человеком делался; В овраги-та у нас колодиц, вот дохожу я до этыва колодца – стоит собака, вот такая вышиной [показывает от пола рукой], бéла, бéла-бéла, как снег; Он, грит, пыдкараулил – тяп ей [=собаке-оборотню] два пальца тапаром! И всё – ана ищезла. А, грит, поглядел: пальцы-та чилавечьи, а ни сабачьи!* и др. [31. С. 191–195].

Собака наделена в традиционной народной культуре сакральными свойствами: ее нельзя пускать в церковь; понюханная собакой пища считается оскверненной; согласно примете собака воет «перед покойником», предвещая чью-либо смерть; при постройке дома собаку приносили в жертву и хоронили под фундаментом и т.д. [32. С. 148]. С.М. Белякова отмечает, что «в народной культуре собака связана с порчей, сглазом» [33. С. 14].

Добавим к этому известный факт, что собачий лай имеет символическое значение в святочных гаданиях: костр. *Забирая в подол снег, [надо] произносить магические слова; в той стороне, откуда залает собака, будет жених; Выйдут на снег – зачертятся, этак по снегу зачертятся и ждут. В которой стороне собака залает, там и жених* [24]. Весьма показательно и то, что во время святок молодежь устраивала забаву с переодеванием в собаку: костр. *собакой ходить* ‘участвовать в святочной забаве: парни наряжаются собакой и ловят девушек’ (*Собакой ходили. Придут, парни хватали девушек*) [Там же].

Кроме того, упоминания собаки можно обнаружить в текстах, описывающих знахарские манипуляции, лечебную магию. Так, в обрядовых практиках лечения воспаления глаз («ячмень») существует обычай «отдавать собаке болезнь» через пищу для выздоровления человека: костр. *Песий ячмень – бабушка испекёт хлеба, мыкиша выломит, поешь – и собаке отдай, быстро сойдёт; Печачмéнь скóчит, дак кто первый родúлся в семье, дóлжен ткнуть кýкишем в глаз больнóму: «Печачмéнь, легú собáке на жóпу!»* [Там же]. Само это заболевание объясняется в народе тем, что человек смотрел на собаку в ненадлежащее время – когда она справляет нужду: *Не гляди, когда собака сéрет – обязательно вскочит песий ячмень – не гляди, когда собака свою нужду справляет; Как бежит собака и как она – раз, ногу подняла <…> И вот поглядишь на её, и надо сказать: «Сси-серú на своú шары́!» Вот три разá надо проговорить* [Там же]. В народной медицине есть также отсылающий к переносу болезни через пищу с человека на собаку

«рецепт» от гидраденита, называемого *сучьим выменем* или *сучьими сосочками*: костр. *Су́чьи сосо́чки – под мышкам как вереда́ ходили. Мажут сметаной их. Хлебом стирают сметану эту, хлеб подают собаке* [24].

О том, что собака обладает знанием, свидетельствуют русские паремии со словами *собака* и *пес*, построенные аналогично выражениям *бог / черт / бес / леший (его) знает*, обозначающим неизвестность, непонятность: *пес (тебя, его* и т.п.) *знает* ‘неясно, непонятно, неизвестно и т.п.’ [3. Т. 4. С. 1296]; смол. *собака кого-либо знает* ‘никто не знает’ (*Что делать? Собака ее знает*, 1905–1921) [5. Т. 39. С. 138] и др. Структурно-семантическую пропозицию подобных выражений следует трактовать следующим образом: «...человек не знает того, что известно инфернальным персонажам». В числе таких «знающих» персонажей оказывается пес, собака – кстати, единственное животное в ряду субъектов сакрального знания, название которого функционирует в составе таких паремий. Ср. также омск. *пёс таскает* ‘чёрт носит’ (*Где тебя пёс таскает?*) [5. Т. 26. С. 299].

Народные представления о связи собаки с потусторонним миром позволяют предполагать, что собаке приписывается обладание сакральным знанием, что сближает ее с бесом, чертом (ср. выражение *беса съесть*) и объясняет функционирование лексемы *собака* в составе выражения, называющего человека опытного, сведущего. Ср. мнение М.А. Евдокимычевой о том, что выражение *собаку съесть* обозначает «такую полноту знания (или настолько совершенное умение), которое может быть достигнуто с помощью магии» [34. С. 58].

Собака и умение

При отсутствии выражения *беса съел*, оказывающего мощную поддержку сакрально-мифологической версии происхождения идиомы *собаку съесть* и суживающего круг версий до связанной с сакральными смыслами, вполне можно было бы предположить на основании все той же идеи уподобления едящего пище, что поговорка апеллирует к реальным, немифологическим характеристикам объекта, а именно прояснить актуальность смысла ‘опытный, умелый, наученный’ для образа собаки.

В гнезде с вершиной *собака*, объединяющем дериваты этого слова и выражения, включающие в себя данную лексему, обнаруживается множество линий семантического развития, которые приводят, например, к пополнению таких лексико-семантических полей, как «Брань», «Злость», «Верность», «Служение», «Количество» и т.д.

Среди этих семантических векторов присутствуют такие, которые ведут к лексико-семантическому полю «Опыт» и «Умение». «Мостик» к ним перекидывается от стереотипов «собака – существо страдающее, несчастное, терпящее побои и лишения, наученное побоями» (*жить, умереть и т.п. как собака; убить, избить, выгнать как собаку; вешать всех собак на кого-либо* [3. Т. 14. С. 5–6], *собачья жизнь* ‘тяжелая жизнь’ [2. С. 413], *как собака (устать, проголодаться и т.п.)* ‘очень, сильно’ [3. Т. 14. С. 6]) и «собака – животное, используемое для охраны, охоты, перевозки грузов» (ср. множество диалектных обозначений охотничьих собак, гончих: *заячная собака, зверовая собака, охотнинская собака, собака-следник* и др. [5. Т. 39. С. 137–138], *красногон* [23. Т. 6. С. 137]).

Собака представляется животным, наученным, обученным выполнению каких-либо действий, «натасканным», «дрессированным», отсюда вторичное образование – простореч. *собака* и *собака на что-либо, в чем-либо* (или с неопр. формой глагола) ‘о знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке, знатоке своего дела’ (*Ведь тоже и по бумажным делам какая собака! Из других станиц приезжают к нему бумаги писать.* Л. Толстой. Казаки. – *Ну, и соба-ака на слово-то! – улыбнувшись широкою, самодовольною улыбкою, произнес Кондратий Савельич.* Наумов, Юровая. – *Пьет, мошенник, шибко, зато собака писать.* В. Соллогуб. Тарантас) [3. Т. 14. С. 7].

Примечателен в этом смысле и глагол *насобачиться*. В современном русском языке он обозначает приобретение конкретного умения: простореч. *насобачиться* ‘научиться ловко что-либо делать’ (*Савелий, по народному выражению, лихо насобачился говорить по-английски.* – Марл. Мореход Никитин; *Так-то, товарищ технорук... Здорово вы насобачились строить памятники.* – Гладков. Цемент) [Там же. Т. 7. С. 516].

Существительные *пёс* и *собака* могут использоваться при экспрессивной характеристике человека, если он проявляет хитрость, изворотливость, ум, сообразительность: урал. *пёс* ‘о хитром человеке’ [5. Т. 26. С. 299], *собака* ‘употребляется при выражении удивления, восхищения кем-либо’ (*Он малый ловкий И, нечего сказать, учен, Учен, собака!* Полон. Свеж, преданье. – *Ничего, видно, не поделаешь – хитер, собака, ловко придумал.* (Гарин. Неск. лет в деревне)) [3. Т. 14. С. 7].

Итак, обученность – компонент образа собаки, устойчивость которого в русском языковом сознании подтверждается вторичными обозначениями опытного, умелого человека или его действий, появившимися в результате семантической деривации внутри гнезда с вершиной *собака* (*собака* ‘дока’, *насобачиться* ‘хорошо научиться что-либо делать, приобрести опыт’). Симптоматично допущенное А.П. Чеховым расширение выражения прилагательным *легавый*, называющим охотничью собаку, которая встает перед добычей на задние лапы: *Психология занимает самое видное место. На ней наши романисты легавую собаку съели* (Чехов. Осколки московской жизни. 1883) [8]. Если собакой называют доку, сведущего, опытного в каком-либо деле, то выражение *собаку съесть* в этом случае следует трактовать тоже через мотив поедания (как *скорпионов съесть, крокодила съесть*) следующим образом: «...съев доку, приобрести его свойства, стать сведущим, опытным человеком».

Таким образом, комплексный системный анализ группы номинаций, имеющих сходство в семантике, выявляет сходство моделей номинации и позволяет пролить свет на происхождение выражения *собаку съесть*, которое относят к сращениям [35. С. 64 и др.], а значит, к «темным» языковым фактам.

Хотя действительно, по словам М.Л. Ковшовой, «само по себе действие *собаку съесть* вне фразеоло-

гизма не обладает символьностью – ни в обрядах, ни в литературе этому свидетельств не обнаружено» [10. С. 30], данное выражение может быть проинтерпретировано через посредство символических смыслов, стоящих за каждым компонентом словосочетания, с учетом существования сходных по структуре выражений, на широком фоне принадлежащих лексико-семантическому полю «Опыт» номинативных единиц, объединенных гастрономической метафорой.

Мы показали, что идиомы *съесть собаку, сожрать собаку, беса съесть* имеют структурно-семантическое сходство в мотивационном отношении с выражениями *крокодила объесться, скорпионов съесть, рябчика съесть, козла съесть, медведя съесть* и др. Их объединяет сакрально-мифологическая основа, а именно идея уподобления едока пище, в качестве которой выступает живое существо или инфернальный персонаж. Характеристики этого существа и переносятся на человека, являющегося субъектом действия, которое обозначено глаголом *съесть*. Интерпретация предиката составляет половину толкования семантики анализируемого выражения. Вопрос о толковании образа собаки может быть решен или в рамках той же мифологической версии (собака обладает сверхъестественным знанием), или в контексте бытовых представлений о животном (собака поддается дрессировке, она обучаема вплоть до формирования у нее навыков – сторожевых, охотничьих, ездовых и прочих, поэтому ее образ может служить символом выработанного умения, т.е. опыта многократного выполнения какого-либо действия или деятельности).

Сакрально-мифологическая версия привлекательна тем, что семантическая рамка демонизма связывает оба компонента идиомы *собаку съесть*: и образ мистического поедания для чудесного уподобления, и образ собаки, обладающей в народном сознании связью с потусторонним миром. Кроме того, серьезным аргументом является присутствие в лексико-семантическом поле «Опыт» идиомы *беса съесть*, которая также состоит из двух компонентов, имеющих мифологическую семантику (мистическое поедание + изворотливая искушенная бесовская натура).

Однако реляция между обладанием сверхъестественным знанием, приписываемым собаке и запечатленным в мотивации анализируемой идиомы, с одной стороны, и опытностью человека как объекта номинации – с другой, все же вызывает сомнение. Представления об опыте и знании при всем их сходстве все-таки имеют различия в способах концептуализации, поэтому идея интерференции с потустороннего знания на опыт и мастерство в какой-либо сфере не кажется вполне убедительной.

Объяснение появления семы ‘опытный’ на основе представлений о бытовых характеристиках собаки кажется надежным, достоверным с точки зрения семантической точности: умение, обучение, многократное повторение действий и вырабатывание навыков как раз и составляют сущность накопления опыта, а поедание существа, обладающего такими реальными свойствами, символизирует приобретение таких свойств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

алт. – алтайские говоры русского языка; арх. – архангельские говоры русского языка; волг. – волгоградские говоры русского языка; волог. – вологодские говоры русского языка; греч. – греческое; диал. – диалектное; дон. – донские говоры русского языка; жарг. – жаргонное; книж. – книжное; костр. – костромские говоры русского языка; лат. – латинское; мурман. – мурманские говоры русского языка; нем. – немецкое; нижегор. – нижегородские говоры русского языка; новг. – новгородские говоры русского языка; омск. – омские говоры русского языка; перм. – пермские говоры русского языка; простореч. – просторечное; пск. – псковские говоры русского языка; разг. – разговорное; сиб. – сибирские говоры русского языка; смол. – смоленские говоры русского языка; урал. – уральские говоры русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачёва Л.С. Обучение иностранных студентов-филологов русской фразеологии (на материале фразеосемантического поля «Деятельность человека») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 1. С. 45–51.
2. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Второе пересмотр. и значительно пополненное изд. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1896. 598 с.
3. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Наука ; Л. : Изд-во АН ССР, 1948–1965. Т. 1–17.
4. Национальный корпус русского язык. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 12.02.2017).
5. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л., 1965–2016. Т. 1–49.
6. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
7. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках : этимологическое исследование. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
8. Фундаментальная электронная библиотека : литература и фольклор. URL: http://feb-web.ru/feb/feb/foundation.htm (дата обращения: 12.02.2017).
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1982. Репринт с изд.: М., 1880–1882. Т. I–IV.
10. Ковшова М.Л. О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 27–31.
11. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний : посмертное издание. Второе пересмотр. и значительно пополненное изд. СПб. : Типография акц. общ. «Брокгауз – Ефрон», 1912. 1046 с.
12. Маругина Н.И. Концепт «Собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 11–30.
13. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001. 176 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986–1987. Т. 3.
15. Мокиенко В.М. Русская фразеология в интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика. 2013. Т. 1. С. 244–252.
16. Смирнова Е.Ю. Категория ВКУС в ценностно-смысловом пространстве языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2016. 24 с.

17. Новгородский областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН ; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010. Т. 9. 1435 с.
18. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. каб. им. Б.А. Ларина. СПб. : Норинт, 2000. 716 с.
19. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / под ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
20. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / ред. А.С. Герд. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 1994–2005. Вып. 2.
21. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.
22. К пиру едется, а к слову молвится : народная паремика Пермского края : сб. фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т ; авт.-сост.: И.А. Подюков, Е.Н. Свалова. СПб. : Маматов, 2014. 173 с.
23. Словарь говоров Русского Севера / под ред А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011. Т. 1–5.
24. Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).
25. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. 232 с.
26. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М. : Индрик, 1999. 624 с.
27. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. Т. 4.
28. Коваль У.І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы : даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі. Гомель : Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. 180 с.
29. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : образ мира и миры образов. М. : Владос, 1996. 415 с.
30. Бектемирова С.Б. Образ собаки в тюркской и славянской культурах / С. Б. Бектемирова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. : в 15 т. СПб. : МАПРЯЛ, 2015. Т. 6. С. 55–60.
31. Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья : этнодиалектный словарь : в 2 т. / колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова) и др. М. : Индрик, 2012. Т. 2. 656 с.
32. Бузин В.С. Идиоматика и обряд: обычай «Гонять собак» на Тамбовщине // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (142). С. 147–153.
33. Белякова С.М. Собака в диалектном и литературном дискурсе // Язык в пространстве речевых культур : к 80-летию В.Е. Гольдина. Москва ; Саратов, 2015. С. 12—21.
34. Евдокимычева М.А. Обыденные представления в картине мира русской культуры: изучение на языковом материале // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 31. С. 55–58.
35. Бизунова Е.В. Мир фразеологии : попытка пересмотра некоторых традиционных понятий // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 59–72.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2017 г.

THE IDIOM *SOBAKU S"EST'* 'KNOW SOMETHING THOROUGHLY': A SEMANTIC-MOTIVATIONAL RECONSTRUCTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 17–25.
DOI: 10.17223/15617793/422/3
Tatyana V. Leontyeva, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: leotany@mail.ru
Keywords: ethnolinguistics; phraseology; *sobaku s"est'* 'to know something thoroughly'; vocabulary of experience.

The study is supported by the Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 "Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics").

The article is devoted to the idiom *sobaku s"est' na chem-libo* [literary: eat a dog at smth.], 'to know smth. thoroughly', that characterizes a person who has acquired experience, knowledge and skills in any field. The topicality of the study is justified by the invariable interest of native speakers in the origin of idioms due to the eccentricity of the image of eating a dog. The existing versions of the origin of this idiom are given, their strengths and weaknesses are commented on. The author draws the data of Russian dialects to justify the two most probable hypotheses of the origin of the idiom. A comparison with the dialect expressions *besa s"est'* [eat a demon], *gvozd' s"est'* [eat a nail], *s"est' igolki* [eat nedles] with the same meaning 'be good at smth., have experience in smth.'. The author believes that the idioms *s"est' sobaku, sozhrat' sobaku, besa s"est'* have structural and semantic similarities in the motivational attitude with expressions *krokodila s"est'* [eat a crocodile], *skorpiona s"est'* [eat a scorpion], etc. The hypothesis that these idioms are based on the sacral-mythological motif of a consumer being like food. It is shown that experience in the naive-linguistic consciousness is associated with eating something. In particular, in the analyzed lexical-semantic field there are metaphors such as "trying many different things" (a person who experienced a lot, is skilled) and "eating during a long life" (a person who lived long, is skilled). In addition, in the figurative system of the vocabulary of experience there is a mythological model of eating. It is no coincidence that a living creature or an infernal character acts as "absorbed food". The characteristics of this entity are transferred to the person who is the subject of the action indicated by the verb съесть 'to eat'. The question of the image of dog interpretation can be solved within this mythological version (It is known that in the mythological beliefs of primordial Slavs the dog is endowed with magical properties: the gift of foresight, the ability to predict death, drive away impure force; the dog has supernatural knowledge, maybe a werewolf and also an object of healing magic), or in the context of common ideas about the animal (a dog can be trained, it is trained until the formation of the skills to guard, hunt, sled and others; therefore, its image can serve as a symbol of competence, that is, experience of repeated action or activity). The sacral-mythological version is appealing because the semantic frame of demonism links both components of the idiom *sobaku s"est'*: the image of mystical eating for miraculous assimilation and the image of a dog that in the popular mind has connection with the other world. The explanation for the emergence of the seme 'experienced/skilled' on the basis of the household characteristics of a dog looks more reliable from the point of view of semantic accuracy. Multiple repetition of actions and the development of skills just constitute the essence of the accumulation of experience, and eating a creature that possesses such real properties symbolizes the acquisition of such properties.

REFERENCES

1. Pugacheva, L.S. (2011) Teaching Foreign Students-philologists Russian Idioms (on the Example of Phraseological and Semantic Field People's Activity). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 1. pp. 45–51. (In Russian).
2. Mikhel'son, M.I. (1896) *Khodyachie i metkie slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazheniy i otdel'nykh slov (inoskazaniy)* [Popular and accurate words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbs and individual words (allegories)]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
3. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Moscow: Nauka; Leningrad: USSR AS.
4. Russian National Corpus. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html. (Accessed: 12.02.2017). (In Russian).
5. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–49. Moscow; Leningrad: Nauka.
6. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Perm State University.
7. Trubachev, O.N. (1960) *Proiskhozhdenie nazvaniy domashnikh zhivotnykh v slavyanskikh yazykakh: etimologicheskoe issledovanie* [Origin of pet names in Slavic languages: etymological study]. Moscow: USSR AS.
8. Fundamental electronic library: literature and folklore. [Online] Available from: http://feb-web.ru/feb/feb/foundation.htm. (Accessed: 12.02.2017). (In Russian).
9. Dahl, V.I. (1981–1982) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Kovshova, M.L. (2009) On symbols and quasi-symbols in semantics of idiomatic expressions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 27–31. (In Russian).
11. Mikhel'son, M.I. (1912) *Russkaya mysl' i rech': svoe i chuzhoe: opyt russkoy frazeologii: sb. obraznykh slov i inoskazaniy: posmertnoe izdanie* [Russian thought and speech: native and foreign: the experience of Russian phraseology: collection of figurative words and allegories: a posthumous edition]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya akts. obshch. "Brokgauz – Efron".
12. Marugina, N.I. (2009) Kontsept "Sobaka" kak element russkoy yazykovoy kartiny mira [Concept "Dog" as an element of the Russian language picture of the world]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2 (6). pp. 11–30.
13. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings]. St. Petersburg: Norint.
14. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 3. Moscow: Progress.
15. Mokienko, V.M. (2013) Russkaya frazeologiya v internete (kul'turologicheskie i istoriko-etimologicheskie kommentarii) [Russian phraseology on the Internet (cultural and historical and etymological commentaries)]. *Medialingvistika*. 1. pp. 244–252.
16. Smirnova, E.Yu. (2016) *Kategoriya VKUS v tsennostno-smyslovom prostranstve yazyka* [Category TASTE in the axiological space of the language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
17. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Vol. 9. St. Petersburg: Nauka.
18. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2000) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov, 7 000 ustoychivykh sochetaniy* [A big dictionary of Russian jargon: 25 000 words, 7 000 fixed phrases]. St. Petersburg: Norint.
19. Leont'eva, T.V. (2008) *Intellekt cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Intellect of man in the Russian language picture of the world]. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.
20. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
21. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok: bolee 40 000 obraznykh vyrazheniy* [A big dictionary of Russian sayings: more than 40,000 figurative expressions]. Moscow: OLMA Media Grupp.
22. Podyukov, I.A. & Svalova, E.N. (2014) *K piru edetsya, a k slovu molvitsya: narodnaya paremika Permskogo kraya: sb. fol'klornykh tekstov s kommentariyami i istolkovaniyami* [Folk paremiae of the Perm region: collection of folklore texts with commentaries and interpretations]. St. Petersburg: Mamatov.
23. Matveev, A.K. (ed.) (2001–2011) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vols 1–5. Yekaterinburg: Ural State University.
24. Lexical card file of toponymic expedition of UrFU (stored at the Department of Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University named after the first President of Russia BN Yeltsin, Yekaterinburg). (In Russian).
25. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
26. Snegirev, I.M. (1999) *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow: Indrik.
27. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri: v 5 t.* [Dictionary of Russian dialects of Siberia: in 5 vols]. Vol. 4. Novosibirsk: Nauka.
28. Koval', U.I. (1995) Narodnyya ўyaўlenni, paver'i i prykmety: davednik pa ўskhodneslavyanskay mifalogii [People's views, beliefs and omens: A Guide to the East Slavic mythology]. Gomel: Gomel Belarus Agency of scientific, technical and business information.
29. Makovskiy, M.M. (1996) *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images]. Moscow: Vlados.
30. Bektemirova, S.B. (2015) [The image of a dog in the Turkic and Slavic cultures]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. Proceedings of the XIII Congress of The International Association of Teachers of Russian Language and Literature. Granada, Spain. 13–20 September 2015. Vol. 6. St. Petersburg: MAPRYaL. pp. 55–60. (In Russian).
31. Kyzlasova (Sleptsova), I.S. et al. (2012) *Ocherki traditsionnoy kul'tury Ul'yanovskogo Prisur'ya: etnodialektnyy slovar': v 2 t.* [Essays on the traditional culture of Ulyanovsk Prisurye: ethnodialectic dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Indrik.
32. Buzin, V.S. (2015) Idiomatic study of idioms and rituals: custom of "chasing the dogs" in Tambov region. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Series: Humanities*. 2015. № 2 (142). pp. 147–153. (In Russian).
33. Belyakova, S.M. (2015) Sobaka v dialektnom i literaturnom diskurse [A dog in the dialectal and literary discourse]. In: Kryuchkova, O.Yu. et al. (eds) *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: on the 80th anniversary of V.E. Goldin]. Moscow; Saratov: Nauka obrazovaniya.
34. Evdokimycheva, M.A. (2007) Obydennye predstavleniya v kartine mira russkoy kul'tury: izuchenie na yazykovom materiale [Ordinary representations in the picture of the world of Russian culture: study on linguistic material]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 31. pp. 55–58.
35. Bizunova, E.V. (2005) Mir frazeologii: popytka peresmotra nekotorykh traditsionnykh ponyatiy [The world of phraseology: an attempt to revise some traditional concepts]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2. pp. 59–72.

Received: 25 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 26–31. DOI: 10.17223/15617793/422/4

УДК 821.161.1

Е.Н. Проскурина, А.Б. Борисова

ПОЭМЫ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА КАК ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Анализируются два ранних рассказа А. Платонова «В звездной пустыне» (1920) и «Поэма мысли» (1920–1921) с позиции их жанровой и дискурсной структуры. Показывается соответствие поэтики произведений ключевым положениям искусства авангарда. Для молодого писателя, вдохновленного идеей «восстания на вселенную», поворотный момент в истории и культуре открыл возможность экспериментирования с тематикой, наррацией, стилем, жанром. При анализе учитывается авторское дефинирование обоих произведений как поэм, служащее ключом к их восприятию в парадигматике высокого жанра.

Ключевые слова: раннее творчество А. Платонова; дискурс; нарративность; анарративность; лиризм; жанр; эстетика авангарда.

Поворотные моменты в истории – благодатное время для разного рода художественных экспериментов, в культуре в целом и литературе в частности. Это время, когда «рушатся скрепы традиционных представлений и мысль не может оставаться в положенных границах дисциплин… жестко определенных форм выражения» [1. С. 19]. На рубеже XIX–XX вв. мировоззренческий поворот отмечен тезисом Ф. Ницше «Бог умер». В культуре ставшее вакантным место Бога-Творца занял художник-демиург, что многосторонне проявилось в искусстве модернизма и в большей степени авангарда, взявшего на себя миссию строительства новой художественной вселенной. Возложенная на себя художниками мистериальная задача получает творческую реализацию в литературе, живописи, музыке, архитектуре и других видах искусства.

Не случайно именно в этот период появляется «теория всеобщей контактности» Э. Белютина, руководившего студией живописи со знаковым названием «Новая реальность» [2]. Под «всеобщей контактностью» подразумевается взаимодействие человека с миром на разных уровнях и в разных формах. В границах живописи Э. Белютин видел это как контактность с цветом, формой, плоскостью, материалом. Однако в культурном наследии эпохи наблюдается взаимовлияние разных видов искусства, в частности через перенимание жанров и форм: А. Белый создает свои поэтические «Симфонии», А. Платонов пишет публицистическое эссе «Симфония сознания», «музыкальные» названия дает своим произведениям В. Брюсов (сонатами названы стихотворения «Обряд ночи», «Возвращение», симфониями – «Воспоминание», «Мы дети Севера»), поэтические «Сонаты» пишет И. Северянин, А. Скрябин работает над «симфоническими поэмами», экспериментируя со звуком и цветом, художники-конструктивисты осваивают архитектурные формы в живописи и т.д.[1]

В литературе одной из характеристик переходности эпох является размывание жанровой системы. Эта тенденция была замечена еще на заре XX в. такими учеными, как Ю. Тынянов и Б. Эйхенбаум. Ю. Тынянов в своей статье 1924 г. писал: «...исчезло ощущение жанра. “Рассказ”, “повесть” (расплывчатое определение малой формы) больше не ощущается как жанр» [5. С. 150]. Важной чертой системы жанров XX в. становится вынесение на первый план не канона, а автора. «Прежде всего жанр уступает место ведущей категории поэтики – автору. <…> Сегодня он [автор] пишет именно произведение, а мы читаем автора. Жанровое самоопределение художественного создания для автора теперь становится не исходной точкой, а итогом творческого акта», – отмечал С.Н. Бройтман [6. С. 316]. «В постнормативные эпохи каждый художник не столько следует за каноном <…>, сколько отталкивается от канона и каждый раз, творя новое произведение, он бьется со своим материалом, ищет свою, неповторимо-единственную жанровую форму, в которой воплотит своё открытие, скажет своё новое слово о человеке и мире», – писал Н.Л. Лейдерман [7. С. 175–176]. В последнем умозаключении оказалось предельно точно отражено эмоциональное состояние, свойственное раннему Платонову, с его горячим желанием «доработаться» до Истины на разных путях: знания, творчества, практической деятельности. Сама практика жизни, «неимоверная жажда труда» становятся для него важным стимулом к философствованию. Основу авангардной эстетики А. Платонова раннего периода творчества, вдохновленного идеей «восстания на вселенную» [8–11], можно определить формулой Пабло Пикассо: «Я изображаю мир не таким, как его вижу, а таким, как его мыслю» [12. С. 6].

В своей ранней статье «Истина, сделанная из лжи» (1921) Платонов-публицист прославляет преобразующую мощь человеческой мысли: «…пусть мы не знаем настоящей, последней истины о вселенной… Зато мы знаем свою силу, свою бесконечно развертывающуюся мощь познающей мысли, и поэтому знаем, что скоро достигнем конечной истины, что она будет нашей, и скоро будет, а теперь – пусть мы ошибаемся и мучаемся. Придет время – и все будет сокровищем человеческой мысли …Это знание силы своей мысли – есть радость ученого и сила науки, двигающая ее дальше, выводящая из тупиков заблуждений, сила светлой уверенности – достигнуть скоро последней станции и поставить крест для одетой в тайны вселенной» [13. С. 539–540]. Симптоматично, что одно из первых своих прозаических произведений Платонов назвал «Поэмой мысли»[2]. Мыслетворчество относится не только к философским штудиям писателя, но и к плану текстостроения: экспериментированию с наррацией, стилем, жанром, рождая под его пером уникальные по форме смыслопорождения тексты, объединяющие экстатический порыв с тихим лириз-

мом, нарративный тип высказывания с анарративным. Часто границы перехода от одного к другому оказываются стертыми.

В нашей статье мы обратимся к двум ранним рассказам 1920–1921 гг., которые сам писатель определяет как «поэмы» – это уже упомянутая нами «Поэма мысли» и «В звездной пустыне». Показав наличие в них жанровых и дискурсивных смешений, попытаемся определить ту доминанту, которая послужила основанием Платонову назвать эти произведения поэмами.

Вот начало рассказа «В звездной пустыне»:

«День и ночь и всю вечность плывут и плывут над землей облака. Дома, под крышей мастерской, везде, где неба не видно, мы знаем, что есть облака.

Если небо просторно, пустынно, и солнце от зноя стоит, в нашем сердце идут облака. Их шорох, как тихая вечная музыка, которая гонит надежду. И не знаешь, что лучше, этот тоскующий шелест или пустынная радость, когда нечего больше желать. Путь облаков тих, как дыхание, как неспетая, несложенная песня, слова которой втайне знаешь.

Облака, звезды и солнце идут в одну сторону. В этой безумной и короткой неутомимости, в этом беге в бесконечность есть тоска, есть невозможность, и от нее рвется душа.

Есть мысль: земля – небесная звезда. В ней больше восторга и свободы, чем в целой жизни.

Сама мысль есть уже не жизнь, а больше жизни. От ее пришествия вспыхивают самые далекие миры.

Мысль не знает страданья и радости, она знает одно, что есть неизвестное. Она может восстать и на истину, если эта истина не нужна человеку» [14. Т. 1. С. 176][3].

Эпизод начинается как нарративное высказывание. Однако по ходу развертывания текста становится очевидно, что он представляет собой не рассказ, а рассуждение, организованное как лирический поток мысли, где важным становится не изображение картины идущих облаков, а вызванное этим природным явлением *переживание* субъекта высказывания. Таким образом, герой рассказа предстает во фрагменте лирическим героем, для которого наблюдение за идущими день и ночь облаками оказывается *личным* откровением вечного движения жизни, несмотря на речеведение от собирательного лица «мы». Подобная организация рефлексии получила в науке название ментатива, в котором доминирует «референция к мышлению как таковому и его речевой форме» [17. С. 56]. Вместе с тем, как окажется в дальнейшем, введение местоименной формы «мы» не служит приемом, универсализирующим мысль платоновского героя в плане самоочевидности явленной картины («…мы знаем, что есть облака»), оно вводит в его высказывание фигуру виртуального коллективного адресата. Это выдвигает лирический монолог Чагова за границы автокоммуникации.

«Поэма мысли» построена как поток эмоционального восприятия мира рассказчиком, где импульсивность, порывистость соединяется с попыткой разумного, философского осмысления мироздания и места в нем человека. Приведем её начало:

«На земле так тихо, что падают звезды. В своем сердце мы носим свою тоску и жажду невозможного. Сердце это корень, из которого растет и растет человек, это обитель вечной надежды и влюбленности. Самое большое чудо – это то, что мы все еще живы, живы в холодной бездне, в черной пустынной яме, полной звезд и костров. В хаосе, где бьются планеты друг о друга, как барабаны, где взрываются солнца, где крутится вихрем пламенная пучина, мы еще веселее живем[4]. Но все изменяется, все предается могучей работе. Вот мы сидим и думаем. Если бы вы были счастливы, вы не пришли бы сюда. Холодный пустынный ветер обнимает землю, и люди жмутся друг к другу; каждый шепчет другому про свое отчаяние и надежду, про свое сомнение, и другой слушает его, как мертвец. Каждый узнает в другом свое сердце, и он слушает и слушает» (174).

На первый взгляд, данный текст, как и экспозиция рассказа «В звездной пустыне», представляет собой внутренний монолог рассказчика, т.е. может трактоваться как ментатив. Но по мере развертывания высказывания обнаруживаются элементы, нарушающие его дискурсивную гомогенность. В потоке речи повествователя вдруг возникает фраза: «Если бы вы были счастливы, вы не пришли бы сюда», указывающая на присутствие *другого*, адресата речи. Таким образом, монолог приобретает направленность на читателя либо слушателя. То есть ментатив трансформируется в нарративное высказывание – модель, обратную началу текста рассказа «В звездной пустыне».

Если говорить о жанровой форме начала «В звездной пустыне», то, на наш взгляд, Платонов экспериментирует здесь со стихотворением в прозе, о чем свидетельствуют лапидарность текста, его разделенность на абзацы, краткость фраз, наличие ритмизованных фрагментов, чередующих трехстопные размеры анапеста, дактиля, амфибрахия, особенно частые в первых фразах. Анапест: «День и ночь и всю вечность плывут и плывут над землей облака» (˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯); дактиль: «Дома под крышей, где неба не видно» (¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘), амфибрахий: «мы знаем, что есть облака» (˘¯˘˘¯˘˘¯); анапест: «Если небо просторно, пустынно и солнце от зноя стоит, в нашем сердце идут облака» (˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯); амфибрахий: «Их шорох, как тихая вечная музыка» (˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘); амфибрахий: «И не знаешь, что лучше … когда нечего больше желать» (˘˘¯˘˘¯˘ … ˘˘¯˘˘¯˘˘¯); дактиль: «Звезды и солнце идут в одну сторону» (¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘).

Эти фрагменты, прошивающие первую часть лирического монолога героя, своей мелодикой придают ему медитативный характер. Кроме того, в отдельных случаях («День и ночь и всю вечность…», «Если небо просторно…») стиховое звучание достигается ослаблением первого слога, что меняет ритмическую организацию фразы, обеспечивая ее несовпадение с прозаической формой, где ударение подчинено грамматике и синтаксическому членению, т.е. должно падать на слова «день», «если». Интонационная ситуация меняется в середине высказывания переходом от трехстопных размеров к двустопному ямбу с пиррихием: «Есть мысль: Земля – небесная звезда» (˘¯˘¯˘¯˘˘˘¯). Происходит резкий речевой поворот от медитативности к деклара-

тиву. Однако возникшая интонация лишь на короткий период изменяет эмоциональный окрас эпизода. Далее чередование двустопного и трехстопного размеров возвращает высказыванию гибкость лирического рассуждения: «В ней больше восторга и свободы, чем в целой жизни» (˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘¯˘); «Мысль не знает страдания и радости, она знает одно, что есть неизвестное. Она может восстать и на истину, если эта истина не нужна человеку» (˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘ // ˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘ // ˘˘¯˘˘¯˘˘¯˘˘// ˘˘¯˘˘¯˘˘ // ˘˘¯˘˘¯˘). Способом метризации отдельных частей фраз Платонов достигает не только «опоэзивания» лирического монолога героя, но и самого предмета его рефлексии: идеи всемогущества человеческой мысли.

В «Поэме мысли» о формальном соответствии жанру стихотворения в прозе свидетельствуют краткость текста, занимающего две страницы, структурная и ритмическая упорядоченность, использование большого количества тропов и средств поэтического языка, разделенность на небольшие абзацы. Рассмотрим это на конкретных примерах.

«Великая жизнь не может быть длиннее мига. Жизнь это вспышка восторга – и снова пучина, где перепутаны и открыты дороги во все концы бесконечности.

Мир тревожен, истомлен и гневен оттого, что взорвался и не потух после мига, после света, который осветил все глубины до дна, а тлеет и тлеет, горит и не горит, и будет остывать всю вечность.

В этом одном его грех. После смертельной высоты жизни – любви и ясновидящей мысли – жизнь наполняется и сосуд ее должен быть опрокинут. Такой человек все полюбил и познал до последнего восторга, и его тело рвется пламенной силой восторга. Больше ему делать нечего» (175).

Предложения в данном фрагменте состоят из небольшого количества слов, более того, сложное предложение часто разбивается на два отдельных, и таким образом внимание акцентируется на каждой части: «Вот мы сидим и думаем. Если бы вы были счастливы, вы не пришли бы сюда».

Подобное разделение текста на краткие отрезки напоминает стихотворное членение на строфы, что позволяет отчетливее акцентировать ритм текста. Также текстовая ритмизованность достигается за счет фонетических, лексических, синтаксических и смысловых повторов. На фонетическом уровне одним из приемов служит звукопись: «В своем сердце мы носим свою тоску и жажду невозможного» (174) или: «Каждый узнает в другом свое сердце, и он слушает и слушает» (174). В обоих предложениях акцентирована частотность звуков «с» и «ж» / «ш». Подобное явление уже отмечалось исследователями прозы А. Платонова: Ю.Б. Орлицким – параллельная паронимизация, Е. Толстой – фонетическое подобие на примере рассказов «В звездной пустыне» и «Глиняный дом в уездном саду» [18. С. 562; 19. С. 253].

На лексическом уровне в «Поэме мысли» повторы проявляются как частое употребление одних и тех же глаголов, придающее лирическому событию дополнительное значение длительности и формирующее ощущение непрекращающегося, бесконечного действия: «Сердце это корень, из которого растет и растет человек» (174); «Каждый узнает в другом свое сердце, и он слушает и слушает» (174).

Повторение может выноситься на синтаксический уровень: появляются предложения, построенные как ряд однородных частей с повторяющимся союзом. Приведем несколько характерных примеров: «В хаосе, где бьются планеты друг о друга, как барабаны, где взрываются солнца, где крутится вихрем пламенная пучина, мы еще веселее живем» (174); «Но все изменяется, все предается могучей работе» (174). С помощью такой синтаксической анафоры текст мысленно разбивается на строки и воспринимается почти как стихотворный.

Сам язык анализируемых произведений также близок к поэтическому по своему семантическому наполнению, ассоциативности и метафоричности. В качестве средств поэтической выразительности автор использует большое количество экспрессивно нагруженных тропов: эпитетов, метафор, сравнений, позволяющих более полно почувствовать степень его душевного напряжения, проникнуться его картиной мира.

Однако ни «В звездной пустыне», ни «Поэме мысли» не удерживаются в жанровых границах стихотворения в прозе. Оба текста представляют собой пример жанровой и дискурсивной гетерогенности, мозаичности, с помощью чего достигается эффект «вольного» течения мысли повествователя и героя. Особенно отчетливо это свойство выражено в речи героя рассказа «В звездной пустыне», мысль которого движется «из глубин тела», не управляемая сознанием, как «стихия и буря» (179). В такие моменты, отмечает автор, Чагов «бессознательно и без желания был ясновидящим» (179). Это окказиональное экспериментирование с поэтикой телесности в дальнейшем станет определяющим в характеристике платоновского персонажа и наиболее отчетливо проявится в герое «Котлована» Вощеве: у него «без истины тело слабнет» и «изнемогает», как только «душа вспоминала, что истину она перестала знать» [20. С. 24]. Однако, в отличие от героев, подобных Вощеву, чьи прозрения рождают скептический взгляд на мир и на собственные усилия к его преображению, мгновения «бессознательного ясновидения» Чагова сродни творческому вдохновению, вызывающему в нем убежденность в достижении «невозможного», которое «можно сделать, как делают машины, одолевающие и превосходящие законы природы» (177).

Одно из отличий от жанра стихотворения в прозе проявляется в субъектной организации анализируемых произведений. Повествование от лица «мы» нарушает свойственную этому жанру «общую установку на выражение субъективного впечатления или переживания» [21. С. 1039]. «Поэма мысли» целиком организована как мы-повествование, в рассказе «В звездной пустыне» данная модель используется наряду с повествованием от третьего лица. Субъект мы-повествования в обоих произведениях, с одной стороны, осознает себя частью человечества – одним из многих, но с другой – отмечает свою личную ответственность за судьбу вселенной, что выделяет его из общей массы «мы». Собственное понимание мира и своей роли в нем он старается донести до других,

включить их в зону ответственности за этот мир. Употребляемое вместо «я» местоимение «мы» приобретает здесь объединяющую, универсализирующую функцию. Подобный прием характерен для поэтики Пролеткульта. Его риторическим источником является язык литературных манифестов футуризма, прежде всего манифеста Маринетти: «Мы воспоем огромные толпы, движимые работой, удовольствием или бунтом; многоцветные и полифонические прибои революции в современных столицах; ночную вибрацию арсеналов и верфей под их сильными электрическими лучами; прожорливые вокзалы, проглатывающие дымящихся змей; заводы, подвешенные к облакам на канатах собственного дыма; мосты, гимнастическим прыжком бросающиеся на дьявольскую ножевую фабрику солнечных рек; авантюристические пакетботы, нюхающие горизонт; локомотивы с широкой грудью, которые топчутся на рельсах, как огромные стальные лошади, взнузданные дымными трубами; скользящий лёт аэропланов, винт которых вьется, как хлопанье флагов и аплодисменты толпы энтузиастов» [22. С. 9].

В эстетике Пролеткульта смысл и значение создаваемой реальности – не столько изображение, сколько действие. Влияние поэтики этого направления, с характерным для него лозунговым пафосом, превращает речь героев двух произведений Платонова в развернутый категорический императив, общезначимость которого ими не подвергается сомнению. Дискурсивные практики императива с его повелительной экспрессией активизируют коммуникативную функцию платоновского текста, его ориентацию на пролетарскую читательскую аудиторию. «Глубоко в материю, в железо мы запускаем свои души, и материя томит нас работой, как сатана. Чтобы мы ожили, материя, мир, вся вселенная должны быть уничтожены. Больше нет спасения. Ни одной двери для нас не оставлено, их надо проломать руками» (177–178), – призывает Чагов. «Мир тревожен, истомлен и гневен оттого, что взорвался и не потух после мига, после света, который осветил все глубины до дна, а тлеет и тлеет… После смертельной высоты жизни – любви и ясновидящей мысли – жизнь наполняется и сосуд ее должен быть опрокинут» (175), – еще более пафосно утверждает ту же мысль безымянный герой «Поэмы мысли».

Появление подобных императивных высказываний позволяет говорить о проявлении в анализируемых произведениях черт манифеста. Но в отличие от манифеста Маринетти, где все основные положения уже выношены и сформулированы и остается лишь провозгласить их «массам», субъект повествования у Платонова находится в процессе размышления. Об этом свидетельствует множество вопросительных конструкций, обращений к читателям / слушателям: «Почему же не может спастись мир, то есть перейти на иную дорогу…? <…> Потому что не может прийти к нему спаситель и, когда приходит, если придет, не сможет жить в этом мире … Но хочет ли мир своего спасения? Может, ему ничего не нужно кроме себя… Но смотрите. Мы люди, мы часть этого белого света, и как мы томимся…» (174–175). Процессуальность рефлексии, а также характерные для лирического дискурса Платонова мотивы *томления души, жажды спасения, невозможного* позволяют говорить о присутствии лирического начала в манифестациях платоновских повествователей.

Так, за мы-повествованием скрывается личное отношение говорящего к предмету собственной речи и объекту высказывания. Этот риторический прием – способ сближения субъекта речи с адресатом, средство его вовлечения в процесс интеллектуального поиска, совместного обдумывания проблемы. Организация текста как публичного размышления рассказчика отличается построением логических цепочек и одновременно незавершенностью мыслей, их эмоциональной инструментовкой. В «Поэме мысли» использование коротких фраз создает ощущение обрывочности мыслей, ассоциаций, что характерно для процесса мышления в его сиюминутном течении. Приведем продолжение цитированного ранее фрагмента: «Но смотрите. Мы люди, мы часть этого белого света, и как мы томимся. Всегда едим, и снова хочем есть. Любим, забываем и опять влюбляемся своей огненной кровью. Растет и томится былинка, загорается и тухнет звезда, рождается, смеется и умирает человек. Но это все видимость, обманчивое облако жизни» (174). Короткие предложения позволяют акцентировать каждую мысль рассказчика. При этом постепенное раскрытие им своей позиции сопровождается постоянными дискурсными переходами – от высокого к обыденному и вновь к поэтическому языку, служащими отдельным средством взаимодействия с читателем.

Любопытно сравнить финалы двух произведений. В рассказе «В звездной пустыне» эмоциональное напряжение героя к концу сменяется спокойным пониманием «своей правды», после чего его голос исчезает из текста. Завершается произведение повествовательной речью автора: «Светало. Чагов пришел в общежитие и сел за стол за чертежи любимой машины, за свой великий проект, который он творил, как поэму. В нем опять запела музыка, и его геройская человеческая душа заиграла в железной неоконченной поэме…» (181). Мотив музыки в авторской характеристике героя усиливает лирический модус его философствования. В жанровом отношении лиризация речи героя, отражающая одновременно и трепетность, и геройство его души, оправдывает авторское дефинирование рассказа как поэмы.

В «Поэме мысли» эмоциональное напряжение речи героя не только не угасает к финалу, но достигает экстатической вершины: «Зачем вспыхнуло солнце и горит и горит? Оно должно бы стать синим от пламени и не пережить мига… Вселенная – пламенное мгновение, прорвавшееся и перестроившее хаос. Но сила вселенной – тогда сила, когда она сосредоточена в одном ударе» (175).

В одном из писем 1921 г., времени создания обоих произведений, Платонов признается своей будущей жене Марии Кашинцевой: «Поэмы – мое проклятие, мой бой со смертью. К ним я прибегаю только в крайней тоске, когда никаких выходов для меня нет. А для меня сейчас нет никаких выходов. Кругом спертый воздух и смрад. Когда я кончаю поэмы – во мне покой, ясность, тишина и ласковая усмешка над быв-

шим, над тем, что я хотел непременного…» [23. С. 103]. Приведенные строки с большой точностью передают эмоциональное состояние героев: экстаз творческого «восстания на вселенную», с особой силой звучащий в «Поэме мысли», и умиротворенность после изреченного слова, проявленная в финале рассказа «В звездной пустыне».

Таким образом, динамика внутреннего состояния героев, с одной стороны, послужила самому писателю способом выражения собственных мировоззренческих рефлексий, отмеченных юношеским бунтарством. С другой же стороны, через гетерогенность речевой структуры дала ему возможность выразить единство многоголосия той социальной среды, к которой принадлежал он сам и за чью судьбу тоской и болью исходила его чувствительная душа.

Проведенный анализ жанровой и повествовательной структуры двух произведений Платонова, который в данной работе показан лишь частично, позволил убедиться в главенствующей роли автора, экспериментирующего со смешением жанровых и речевых форм, функционально направленных на максимальный контакт с читательским сознанием, что было характерной чертой в литературе авангарда. Единство авторского задания, заключающееся в художественном переустройстве мира, схожесть поэтических приемов, наличие структурных и жанровых соответствий позволяют прочитать оба произведения как минидилогию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об интермедиальных связях в литературе начала XX в. см., например: [3, 4].

[2] Неизвестно, как пришло к Платонову название «Поэма мысли». В комментариях к ней в научном издании ранних текстов писателя сведений об этом нет. Там анализируемые нами произведения помещены в раздел под общей рубрикой «Ранние рассказы» [14. Т. 1]. Но можно предположить, что названа «Поэма мысли» по аналогии с «Поэмой экстаза» А. Скрябина, с творчеством которого Платонов был хорошо знаком, о чем свидетельствует, например, его статья «Горький и его “На дне”» (1921), где музыка Бетховена и Скрябина словно аккомпанирует раннему платоновскому творческому экстазу «восстания на вселенную»: «Бетховен борется, одолевает, уничтожает вселенную, сметает ее из своего взора и сердца… Скрябин делает почти то же, но у него мутится внутри хаосом сомнение, он почти безоружен и иногда, уже достигнув экстаза и победы, великого конца, он опрокидывает себя-победителя, срывается и кричит, уничтожает цель, видит в себе главного и страшнейшего врага и скручивает душу себе и вселенной ради одной веселой игры: победа есть поражение, ибо руки привыкли к сопротивлению, а тело к смерти» [15. Т. 1. С. 199]. Об экстазе как ведущей эмоции в платоновских поэмах в прозе см.: [16].

[3] Далее примеры из произведений Платонова приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках после цитаты.

[4] Ср. с приведенным выше высказыванием о творчестве Скрябина, «скручивающего» «душу себе и вселенной ради одной веселой игры».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальбуров Э.А. Философская проза Николая Бердяева (Проблемы поэтики) // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени : сб. науч. тр. / отв. ред. Е.К. Ромодановская, И.В. Силантьев. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2009. С. 15–29.
2. Белютин Э.М. Теория всеобщей контактности. М. : Новая реальность, 2013. 134 с.
3. Ханзен-Леве О. Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М. : РГГУ, 2016. 503 с.
4. Минералова И.Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М. : Флинта, 2006. 272 с.
5. Тынянов Ю.Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 150–166.
6. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы : в 2 т. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
7. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург : УГПУ, 2010. 904 с.
8. Хрящева Н.П. «Кипящая вселенная» Андрея Платонова: Динамика образотворчества и миропостижения в сочинениях 20-х годов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т ; Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1998. 323 с.
9. Проскурина Е.Н., Хрящева Н.П. Рецептивный план сюжета А. Платонова «восстание на вселенную» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы : сб. науч. тр. Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 2004. С. 209–229.
10. Проскурина Е.Н., Хрящева Н.П. Рецептивный план сюжета А. Платонова «восстание на вселенную». Ч. 2 // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы : сб. науч. тр. Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 2006. С. 236–265.
11. Проскурина Е.Н. Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920-х – 1930-х годов). М. : Новый хронограф, 2015. 350 с.
12. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск : Изд-во ТГУ, 2005. 533 с.
13. Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М. : ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.
14. Платонов А. Сочинения: Научное издание. М. : ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1. 644 с.
15. Платонов А. Сочинения: Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 2. 511 с.
16. Проскурина Е.Н. Эмоциональные ландшафты прозы А. Платонова // Критика и семиотика. 2015. Вып. 4. С. 329–339.
17. Кузнецов И.В., Максимова Н.В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив – ментатив» // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 54–67.
18. Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М. : РГГУ, 2008. 845 с.
19. Толстая Е. О связи низших уровней текста с высшими // Толстая Е. Мирпослеконца. Работы по русской литературе XX века. М. : РГГУ, 2002. С. 227–271.
20. Платонов А. Котлован: Текст. Материалы творческой истории. СПб. : Наука, 2000. С. 21–116.
21. Гаспаров М.Л. Стихотворение в прозе // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2001. С. 1039.
22. Маринетти Ф.Т. Манифест футуризма // Манифесты итальянского футуризма : пер. В. Шершеневича. М. : Типография Русского товарищества, 1914. С. 5–10.
23. Платонов А. «…я прожил жизнь». Письма [1920–1950 гг.]. М. : Астрель, 2013. 685 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2017 г.

A. PLATONOV'S POEMS IN PROSE AS A SPACE FOR A CREATIVE EXPERIMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 26–31.
DOI: 10.17223/15617793/422/4

Elena N. Proskurina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: proskurina_elena@mail.ru

Alisa B. Borisova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisovaab88@mail.ru
Keywords: early works by A. Platonov; discourse; narrativity; non-narrativity; lyricism; genre; vanguard esthetics.

Turning points in the history are time of creative experiments in culture in general and in literature in particular. This tendency was shown through interference of different types of art and mixture of genre forms at the beginning of the 20th century. In this article the authors analyzed two early stories by A. Platonov: "The Star Desert" (1920) and "The Poem of a Thought" (1920–1921) in the aspect of their genre and discourse structure. The authors show the compliance of the poetics of these short stories and key positions of art of the vanguard which undertook a mission of construction of the new artistic Universe. For the young writer inspired by the idea of the "revolt on the Universe", the turning point in the history and culture opened a possibility of experimenting with a subject, a narration, a style, a genre. In the article the authors prove the syncretic principle which is the basis of the organization of these texts chosen for the analysis. The author's eager desire to find the truth by various ways (knowledge, creative work, practical activities which is characteristic for his early period) becomes an important drive for philosophizing, giving rise to texts unique in the form of sense generation, uniting a narrative type of utterance with a non-narrative one, and notable for their greater expression. The analysis of the genre structure of these short stories has shown they have such genre components as the poem in prose, the manifesto, the public speech. The two latter ones, with their characteristic pretentiousness and high imperatives, show connection of early works by Platonov with the art of Proletkult. At the same time Platonov imitates the public speech not according to the rules of a prepared statement that was a characteristic feature of Proletkult works, but as a public reflection. This fact is confirmed by the incompleteness of thoughts of the subject of the speech, repetitions, emotional tension. The procedural nature of thinking is also marked by discourse transitions – from high to ordinary and again to poetic diction, which is a separate method of interaction with the reader / listener and of influence on their consciousness. In the analysis the authors consider Platonov's definition of both short stories as poems, which is a key to their perception in the paradigmatics of the high genre. It is indicated, in particular, by the lyrization of the speech of the storyteller reflecting both reverence and heroism of his soul. The unity of the author's task consisting in the creative reorganization of the world, similarity of poetic devices, structural and genre compliance allow to read both works as a minidilogy.

REFERENCES

1. Bal'burov, E.A. (2009) Filosofskaya proza Nikolaya Berdyaeva (Problemy poetiki) [Philosophical prose of Nikolai Berdyaev (Problems of poetics)]. In: Romodanovskaya, E.K. & Silant'ev, I.V. (eds) *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur. Povestvovatel'nye formy Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Narrative traditions of Slavic literatures. Narrative forms of the Middle Ages and Modern Times]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Belyutin, E.M. (2013) *Teoriya vseobshchey kontaktnosti* [The theory of universal contact]. Moscow: Novaya real'nost'.
3. Hansen-Leve, O. (2016) *Intermedial'nost' v russkoy kul'ture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture. From symbolism to the avant-garde]. Translated from German by B.M. Skuratov, E.Yu. Smotritskiy. Moscow: RSUH.
4. Mineralova, I.G. (2006) *Russkaya literatura Serebryanogo veka. Poetika simvolizma* [Russian literature of the Silver Age. Poetics of Symbolism]. 3rd ed. Moscow: Flinta.
5. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 150–166.
6. Broytman, S.N. (2004) Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
7. Leyderman, N.L. (2010) *Teoriya zhanra* [Theory of the genre]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
8. Khryashcheva, N.P. (1998) *"Kipyashchaya vselennaya" Andreya Platonova: Dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya v sochineniyakh 20-kh godov* ["The Boiling Universe" by Andrey Platonov: Dynamics of creation and world-perception in the writings of the 1920s]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical University .
9. Proskurina, E.N. & Khryashcheva, N.P. (2004) Retseptivnyy plan syuzheta A. Platonova "vosstanie na vselennuyu" [The receptive plan of A. Platonov's plot "rebellion against the universe"]. In: *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Materials to the dictionary of plots and motifs of Russian literature]. Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Philology SB RAS. pp. 209–229.
10. Proskurina, E.N. & Khryashcheva, N.P. Retseptivnyy plan syuzheta A. Platonova "vosstanie na vselennuyu". Ch. 2 [The receptive plan of A. Platonov's plot "rebellion against the universe". Part 2]. In: *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Materials to the dictionary of plots and motifs of Russian literature]. Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Philology SB RAS. pp. 236–265.
11. Proskurina, E.N. (2015) *Faustiana Andreya Platonova (na materiale prozy 1920-kh – 1930-kh godov)* [Faustiana of Andrei Platonov (based on prose of the 1920s and 1930s)]. Moscow: Novyy khronograf.
12. Kovtun, N.V. (2005) *Russkaya literaturnaya utopiya vtoroy poloviny XX veka* [Russian literary utopia of the second half of the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Antonova, E.V. (2016) *Voronezhskiy period zhizni i tvorchestva A.P. Platonova: biografiya, tekstologiya, poetika* [Voronezh period of life and work of A.P. Platonov: biography, textology, poetics]. Moscow: IWL RAS.
14. Platonov, A. (2004) *Sochineniya: Nauchnoe izdanie* [Works: An academic edition]. Vol. 1. Book 1. Moscow: IWL RAS.
15. Platonov, A. (2004) *Sochineniya: Nauchnoe izdanie* [Works: An academic edition]. Vol. 1. Book 2. Moscow: IWL RAS.
16. Proskurina, E.N. (2015) Emotsional'nye landshafty prozy A. Platonova [Emotional landscapes of A. Platonov's prose]. *Kritika i semiotika – Critique and semiotics*. 4. pp. 329–339.
17. Kuznetsov, I.V. & Maksimova, N.V. (2007) Tekst v stanovlenii: oppozitsiya "narrativ – mentativ" [The text in formation: opposition "narrative – mentative"]. *Kritika i semiotika – Critique and semiotics*. 11. pp. 54–67.
18. Orlitskiy, Yu.B. (2008) *Dinamika stikha i prozy v russkoy slovesnosti* [Dynamics of verse and prose in Russian literature]. Moscow: RSUH.
19. Tolstaya, E. (2002) *Mirposlekontsa. Raboty po russkoy literature XX veka* [World-after-the-end. Works on Russian literature of the 20th century]. Moscow: RSUH. pp. 227–271.
20. Platonov, A. (2000) *Kotlovan: Tekst. Materialy tvorcheskoy istorii* [The Pit: Text. Materials of creative history]. St. Petersburg: Nauka.
21. Gasparov, M.L. (2001) Stikhotvorenie v proze [Poem in Prose]. In: Nikolyukin, A.N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak.
22. Marinetti, F.T. (1914) *Manifesty ital'yanskogo futurizma* [Manifestoes of Italian Futurism]. Translated from Italian by V. Shershenevich. Moscow: Tipografiya Russkogo tovarishchestva. pp. 5–10.
23. Platonov, A. (2013) *"...ya prozhil zhizn'". Pis'ma [1920–1950 gg.]* ["I lived my life". Letters [1920–1950]]. Moscow: Astrel'.

Received: 25 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 32–39. DOI: 10.17223/15617793/422/5

УДК 82.161.1.09”19”

О.В. Седельникова

«…У НАС НЕТ ЛИТЕРАТУРЫ ХУДОЖЕСТВ» (А.Н. МАЙКОВ): К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ 1840 – НАЧАЛА 1850-х гг.

Статья вторая. Новые веяния в русской художественной критике 1840-х гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-04-00395а «Неизвестный Аполлон Майков: изучение и эдиционная подготовка художественной критики поэта»).

Во второй статье цикла представлен обзор критических статей, появлявшихся с 1842 по 1847 г. в журналах «Отечественные записки» и «Современник» параллельно деятельности В.Г. Белинского и развивающих методологию главы новой русской критики в непосредственном приложении к произведениям пластического искусства. Концептуальный анализ содержания публикаций В.П. Боткина, П.Н. Кудрявцева, П.В. Анненкова, Вал.Н. Майкова об изобразительном искусстве позволяет установить важнейшие тенденции развития русской художественной критики в период ее специализации и профессионализации и выявить уникальность позиции каждого критика в контексте эстетического многоголосия эпохи культурного перепутья.

Ключевые слова: русская художественная критика; методология художественной критики; академическая теория искусства; эстетика 1840-х гг.; историзм; жанры живописи; проблема современного содержания искусства; В.Г. Белинский; В.П. Боткин; П.Н. Кудрявцев; П.В. Анненков; Вал.Н. Майков.

Статьи и рецензии В.Г. Белинского определили современные требования к критике как явлению общественной культуры, в том числе к пониманию состояния изобразительных искусств и актуальному направлению их развития, выявили потребность в становлении современной художественной критики в контексте философско-эстетической и общественной мысли 1840-х гг. [1]. На острую культурную потребность развития «литературы художеств» в русской культуре данного периода указывает то, что на протяжении 1840-х гг., параллельно деятельности главы новой русской критики, в периодических изданиях стали появляться отдельные публикации, развивающие методологию Белинского в непосредственном приложении к произведениям изобразительного искусства. Их авторами в подавляющем большинстве были литераторы из круга «Отечественных записок» и «Современника», однако эти статьи не было следствием прямого заказа ведущего критика изданий.

В 1842 г. в «Отечественных записках» был напечатан обзор В.П. Боткина «Выставка в Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств в 1842 г.» [2], существенно отличающийся от подобных публикаций своим концептуальным подходом к оценке представленных на выставке картин сквозь призму осмысления состояния современного искусства и определения важнейших тенденций его развития [3. С. 86–89]. Статья открывается размышлением о том, что современная художественная культура переживает глубокий кризис в связи с утратой актуального содержания, приводящей художников к трудности определения самого предмета изображения, а искусство в целом – к крайнему эклектизму содержания [4. С. 61–63]. По мнению Боткина, это стало результатом изменений в специфике общественного сознания XIX в., утраты единства человеческих устремлений, индивидуализма и крайнего разнообразия нравственно-этических и эстетических потребностей отдельной личности:

«Наше время не имеет настоящего: у него только прошедшее и будущее. Оно стремится к новым формам жизни, и как скоро выработает эти формы, тогда и искусство найдет данное и положительное для своего содержания» [4. С. 63].

Важным моментом в боткинской оценке современной эстетической ситуации становится мысль о том, что даже при понимании кризисного положения искусства в настоящем нельзя заставлять его обращаться к преданиям прошедших эпох, жить повторением открытий мастеров прошлого:

«…гений искусства не умер, но только оставил прежнюю почву свою <…> печальная участь ожидает тех, которые силятся привести его к прежнему; да убедятся, что для истинного великого, векового, нужно не одно только техническое образование, но и *симпатия художника с духом, живущим в современном ему мире* (здесь и далее курсив мой. – *О.С.*)» [Там же. С. 66].

Кризис не означает полной гибели искусства, поскольку само состояние поиска нового содержания обусловливает развитие и готовит плодотворный материал для будущих эстетических открытий. При этом сами периоды кажущегося «застоя» интересны тем, что в это время часто происходит совершенствование отдельных аспектов мастерства, его материальной стороны, развитие новых форм взаимодействия искусства с обществом (доказывая свою мысль, Боткин приводит большую цитату из статьи Н.В. Гоголя «Последний день Помпеи») [Там же. С. 64]. Сформулировав эти проблемы, критик обращается к осмыслению отдельных произведений, привлекших внимание публики как знаковые явления в своем жанре. В целом статья Боткина, безусловно, стала заметным явлением в развитии русской художественной критики 1840-х гг. Она получила высокую оценку Белинского, который, желая побудить друга к продолжению деятельности в этом направлении, подкреплял свои слова ссылками на мнение художников [5. Т. XI. С. 581–582]. Однако столь удачное выступление Боткина на почве художественной критики не получило должного продолжения. В 1847 г. в «Письма об Испании» вошел очерк о Мурильо и живописной школе

Севильи [6], который также был отмечен Белинским, в том числе в связи с особым подходом к описанию целой школы живописи через обращение к творчеству ее выдающегося представителя. В декабре 1847 г. Белинский писал Боткину: «Особенно заинтересовали меня подробности о Мурильо. Если б ты вздумал передавать свои впечатления от каждой картины и пустился в разбор отдельных произведений, это было бы скучно и пошло; но взгляд на целую живопись народа, столь оригинальную, столь непохожую на самые известные школы живописи, – это другое дело» [5. Т. XII. С. 453]. В 1855 г. Боткин еще раз обратился к жанру обзора выставки в Академии художеств [7], но его размышления об изобразительном искусстве не получили систематического оформления.

В 1846 г. в «Отечественных записках» была напечатана статья П.Н. Кудрявцева «Бельведер (Из путевых заметок русского)», посвященная описанию венской картинной галереи, находящейся в одноименном дворце [8]. Публикация явилась результатом впечатлений, полученных во время первого путешествия Кудрявцева по Европе (1845–1847 гг.), одной из целей которого было практическое изучение истории искусств по памятникам, представленным в крупнейших музейных экспозициях европейских столиц [9. С. 199]. В этой статье автор представил подробный анализ экспозиции с точки зрения ее организации и репрезентативности в сравнении с такими известнейшими галереями Германии, как мюнхенская пинакотека и дрезденская галерея, которым Бельведер может составить конкуренцию в историко-культурном смысле. Работая над статьей, Кудрявцев, очевидно, решал просветительскую задачу, желая создать не просто описание выставки, а практическое пособие, формирующее такой взгляд на представленные в Бельведере картины, который бы позволил рассмотреть их с исторической точки зрения, знакомясь по ряду представленных картин с творческим развитием художника и историей школы в целом. Статья отличалась строгой системностью и четкостью в движении аналитической мысли, основательностью философско-эстетического анализа, последовательным историзмом восприятия культурных фактов.

В 1847 г. в том же журнале появились «Письма из Парижа» о посещении Лувра [10, 11][1]. Вероятно, Кудрявцев планировал представить в ряде публикаций характеристику экспозиции одного из крупнейших музеев Парижа, размышляя в данном контексте о волнующих его вопросах философии, эстетики и истории искусства: автор указал на это в самом начале первого письма и повторил позднее в предисловии к его публикации в «Пропилеях»:

«...разнообразие и вместе поучительность впечатлений, получаемых в Лувре, внушили мне некогда мысль – в целом ряде писем передать мои наблюдения русским читателям. Но, прежде чем я успел и в половину выполнить мое намерение, Лувр был закрыт для посетителей, и я сам должен был по обстоятельствам оставить Париж <…>. По одним воспоминаниям, как бы они ни были свежи, я не мог продолжать моей работы, и начало должно было остаться не только без конца, но даже и без продолжения» [12. С. 625].

Авторское признание, с одной стороны, свидетельствует о неоконченности замысла, однако проявившаяся в нем позиция критика и историка искусства представляется весьма определенной: об этом свидетельствует и отбор материала, и основной круг вопросов, волнующих автора (он сформирован еще в «Бельведере»), и позиция критика по отношению к коренным проблемам эстетики и критики в ситуации культурного перепутья.

Статьи об изобразительном искусстве представляют собой наиболее последовательное и масштабное выражение основных положений системы эстетических взглядов Кудрявцева. В них критик и историк, четко отдававший себе отчет в том, какие задачи стоят перед историей как наукой (на это указывают его исторические сочинения), восполняет существенный недостаток в тогдашней российской «литературе художеств», только формирующей свои методологические основы. Принципиальный историзм, заметное просветительское начало, четкость эстетической терминологии и логическая последовательность суждений делали эти публикации глубоко современными, отвечающими важнейшим требованиям эпохи, являя собой полную противоположность «Краткому руководству к познанию изящных искусств», составленному В. Лангером, вызвавшему столь резкую критику Белинского [5. Т. V. С. 614–619]. В этом смысле «Бельведер» стал образцом не только статьи о постоянной экспозиции, но закладывал основы современного типа пособия по истории изобразительного искусства. Предметом исследования здесь становится не биография художника, а история его творческой деятельности, воссоздаваемая посредством терминологически ясного, научно обоснованного и хронологически выстроенного анализа произведений. В «Бельведере» впервые применительно к искусству использован термин «реалистический» [9. С. 199].

В контексте важнейших тенденций развития русского и европейского изобразительного искусства и художественной критики середины XIX в. становится заметной промежуточная позиция Кудрявцева в полемике между апологетами академической теории и сторонниками современных эстетических концепций [13]. При многих методологических достоинствах своих статей Кудрявцев обнаружил в них отсутствие интереса к проблемам современного изобразительного искусства: это становится заметным уже в оценке фламандской живописи [12. С. 617–621], а еще больше проявляется в письмах о Лувре, в которых предметом осмысления является древнегреческая скульптура как эталон прекрасного, а не современная живопись, для размышлений о которой, по признанию автора, Лувр дает богатейший материал [Там же. С. 625]. Такое отношение к современному искусству обусловлено тем, что в своей основе эстетика Кудрявцева опиралась на романтическую философию Гегеля и его учение об идеале [13. С. 53–54]: «Тайна жизни искусства есть его духовное, идеальное: отсюда и его бессмертие. Откуда духовное? Конечно, от духа художника, который, вместе со своей идеей переносит в камень или на полотно и, так сказать, часть своего собственного духа» [12. С. 629]. Как участник литера-

турного процесса 1840-х гг. Кудрявцев вносит в эту концепцию ряд поправок. Его, безусловно, волнует вопрос о предмете современного искусства, и, если судить по его собственным художественным опытам, Кудрявцев принимает действительность как необходимый и актуальный предмет художественного осмысления [9. С. 200]. Однако в статьях об изобразительном искусстве заставляют скорректировать это суждение. Так, размышляя об экспозиции Бельведера, автор отдает предпочтение итальянскому искусству эпохи Возрождения, признавая его вершиной в истории современного искусства. Он ценит Рубенса, называя его «Шекспиром живописи», однако и этот художник принадлежит фламандскому искусству, и его фантазия, «как ни смел был полет ее, как ни легко давалось ей все типическое, не могла оторваться от земли и возвыситься до того чистого идеала, каким он является у великих художников итальянской школы» [12. С. 617]. Тенирс[2] вызывает у Кудрявцева еще большую критику: «Теньером начинается уже та эпоха нидерландского искусства, когда оно, оставаясь верным своему началу, отказывается от всякой идеализации и спорит с действительностью уже не столько в колорите, сколько в самом содержании. Плодом такого направления был так называемый genre, или Теньер – ибо это все равно, – плод, конечно, превосходный в своем роде, но, тем не менее, осенний» [Там же. С. 621].

Только в третьем из «Писем из Парижа» автор отрывается от осмысления шедевров античного искусства – Венеры Милосской и «Боргезской вазы» – и обращается к искусству современному, хотя и не видит в нем ярких образцов, поражающих зрителя своим величием, подобно шедеврам прошлого:

«…переполненная образом прошедшего, фантазия современная тем менее плодотворна, чем далее идет вперед. <…> напрасно ищу в произведениях новейшего искусства того духа жизни, которым веет на меня от греческих мраморов, которого присутствие ощущается мне часто даже в картинах второстепенных старых мастеров; напрасно спрашиваю я, где великие образы, которые создала новейшая фантазия…» [11. С. 37].

Позиция критика обусловлена тем, что в современной действительности, изображения которой требует новейшая эстетика, Кудрявцев не находит идей и проблем, которые могли бы придать искусству былое величие. Изображение обыденной жизни привносит в искусство истину, но не способно поднять его на былую высоту, обусловленную интересом к воспроизведению в пластических образах идеальных начал:

«Отсылают потом художника к жизни действительной <…>. Правда, остаться при одних картинах и сценах жизни, как она есть перед нашими глазами, мало для искусства: высшим цветом искусства всегда останется идеал, и в этом отношении фламандская школа всегда будет идти позади итальянской» [Там же. С. 38–39].

В решении этого круга проблем проявилась заметная консервативность Кудрявцева в понимании актуальных тенденций современной культуры. Находясь во Франции накануне революции, он остается безразличен как к острым социальным проблемам, так и к новому искусству, которое стремится отвечать потребностям современного человека [13. С. 56–57]. Таким образом, в особенностях содержания «Бельведера» и «Писем из Парижа» проявляет себя не акцентированная, не навязываемая читателю, но ощутимая верность автора академическим представлениям о том, что лучшие эпохи в истории изобразительного искусства остались в прошлом.

Двойственность позиции Кудрявцева, проявившаяся в его немногочисленных публикациях, обусловила неоднозначное отношения к этим выступлениям со стороны активных участников литературно-критической полемики тех лет, заинтересованных в появлении новых статей об искусстве. Белинский писал автору: «…статья ваша о Бельведере умна и хороша, но о таких предметах, как живопись, теперь так странно читать такие длинные статьи: так думают многие» [5. Т. XI. С. 280–281]. Признавая безусловные достоинства сочинения Кудрявцева, критик, активно пропагандирующий необходимость служения искусства решению насущных проблем современной жизни, остался равнодушным к предмету статьи. Еще более показательным явился отзыв Боткина на публикацию Кудрявцева об античной скульптуре в Лувре, высказанный П.В. Анненкову в ответ на его письмо о парижском Салоне 1847 г.:

«Ваше письмо о выставке восхитило меня; *его дельность и мастерство выше всего, что я читал когда-либо об этом предмете, и я ставлю себе за большую честь то, что мои мысли об этом находятся в совершенной симпатии с вашими*. Кстати: “Отечественные записки” помещают письма Кудрявцева о Лувре (всего три письма), которые – должен я вам признаться – сильно меня огорчают. Представьте: наш общий приятель *остается неизлечимым немцем. По поводу Лувра он все говорит о греческом и римском искусстве; современность ни с какой стороны не касается его*, и все это так вяло, так мертво, так педантически, что из рук вон. *Везде виден романтик*, отвлеченное чувство, стоячесть мысли, отсутствие живого порыва; словом, я едва мог дочесть их, так они тяжелы и туги» [4. С. 270].

Примечательно, что отзыв о заметках Кудрявцева возникает у Боткина в контексте обсуждения другой современной публикации об искусстве. Увлеченный выразительным анненковским описанием парижского Салона 1847 г., Боткин видит косность и романтизм в интересе автора писем о Лувре к Античности, вытесняющем какое бы то ни было внимание к искусству современному. Диагноз «неизлечимый немец» свидетельствует о том, что Боткин указывает на верность автора «Бельведера» основным положениям эстетики Гегеля, а также идеям И.И. Винкельмана и Р. Менгса, определяющим ретроградные эстетические установки европейских академий, препятствующих обращению живописи к изучению современности. Отсутствие интереса Кудрявцева к произведениям современной живописи, к острым полемическим вопросам, возникающим при осмыслении нынешнего положения изобразительного искусства, отстаивающего свое право на свободный выбор предмета в окружающей

действительности и ее всестороннее изучение, приводят к тому, что положительные стороны его публикаций об искусстве оказываются не воспринятыми и не оцененными представителями новой критики.

В начале 1847 г. в публичную полемику о задачах изобразительного искусства вступил Вал.Н. Майков. Интерес к этому кругу проблем современной культуры был не чужд ему и раньше в связи с родом деятельности отца, академика живописи Н.А. Майкова, и особой близостью с братом Аполлоном. В связи с особенностями профессиональной судьбы художника-самоучки, пережившего сложную историю официального признания, перипетии которого обсуждались в домашнем кругу, с середины 1830-х гг. семья Майковых находилась в определенной оппозиции академическим требованиям [14. С. 125–129]. Подрастающие сыновья изначально формировали свои представления об искусстве в этой обстановке, развивая их затем под влиянием вырабатывающейся на их глазах эстетической программы Белинского, традиционно выступавшего противником академизма. Интерес к осмыслению современной эстетической терминологии наглядно проявился в составленном, главным образом, Вал.Н. Майковым первом выпуске «Карманного словаря иностранных слов» (1845), толковавшего разные философско-эстетические понятия, в том числе «иллюстрация», «критика», «ландшафтная живопись» [15. С. 10; 16. С. 336–350]. Отметим, что как уникальное явление в русской словесной культуре того времени этот опыт живой общественный интерес. Белинский посвятил ему короткую рецензию, где особенно подчеркнул:

«Мы тем более рады ему, что он составлен умно, с знанием дела, словом, столько удовлетворителен, сколько от первого опыта и ожидать нельзя. <…> Когда он выйдет вполне, мы еще скажем о нем несколько слов, а пока советуем запасаться им всем и каждому» [5. Т. IX. С. 61–62].

Для истории развития русской художественной критики особое значение имела опубликованная в начале 1847 г. статья Вал.Н. Майкова «Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя “Мертвые души”» [17], в которой молодой критик обратился к активно развивающемуся в 1840-е гг. явлению книжной иллюстрации [18. С. 70–74; 19. С. 61–62], получившему значительный резонанс. Так, Белинский изначально воспринимает книжную графику, с одной стороны, как знак необходимого обращения искусства к изображению повседневной жизни и попытки противостояния академическим требованиям, а с другой – что было не менее важно для критика – к удовлетворению эстетических потребностей самых широких слоев публики и воздействию на их сознание [18. С. 65–68; 20; 21]. Просветительское значение развития графики как средства формирования эстетических знаний и вкуса «бедных и отдаленных от его (искусства. – *О.С.*) галерей и музеев» подчеркивал, размышляя о положительных проявлениях современного этапа в развитии искусства, В.П. Боткин [4. С. 64].

По мнению Вал. Майкова, поэма Гоголя представляла собой уникальный материал для живописца, являя собой образец того, как надо подходить к воспроизведению предметов и явлений обыденной жизни [22. С. 300–303]. Разбирая достоинства и недостатки рисунков Агина, критик рассматривает их в общем контексте развития русского изобразительного искусства того времени, учитывая опыт пейзажной и первые шаги жанровой живописи. В этом отношении особенно важным представляется размышление молодого критика о художественных принципах изображения обыденного, которые несовместимы с любовью живописцев к эффектам. Для того чтобы картину повседневной жизни возвысить до уровня художественного произведения, необходим особый взгляд творца, соединяющий воспроизведение факта с его поэтической трактовкой:

«Изображение мелочных деталей нашего хозяйства, аксессуаров ежедневных сцен нашей жизни <…> неподвижность и сосредоточенность характеров, невзрачность и угрюмость никогда не улыбающейся однообразной и холодной природы прямо противоречат условиям щеголеватого рисунка, к которому так падки вообще художники, рассчитывающие более на эффект своего произведения, нежели на глубокий смысл, скрытый в каждой, с первого взгляда не поражающей линии. *Все tableaux de genre, сюжеты которых взяты из русского быта (впрочем их немного), погрешают против истинности именно потому, что, дорожа больше всего эффектом, наши живописцы не только придают лицам выражение, не свойственное русским* <…> не только изображают парголовское небо и воздух ни дать ни взять, как неаполитанское небо и воздух <…> в самых ничтожных мелочах портят дело желанием придать яркости и блеска натуре мрачной, забывая, что *осмыслить и согреть свой рисунок могли бы они именно строгою передачею этих невыгодных свойств избранной ими природы*, разумея, что в ней *много тайной прелести для каждого зрителя*, потому что она, эта природа, серая, матовая, отразилась в физиономии обитателей» [22. С. 311–312].

Эти размышления Вал. Майкова получат развитие в статьях его брата, особенно в связи с осмыслением жанровых особенностей портрета и пейзажной живописи, в том числе в критике любви художников к эффектам, за которой скрывается отсутствие подлинного сочувствия живописца предмету изображения, того глубокого душевного проникновения в суть печального пейзажа или бытовой сцены, которое позволяет обрести творческому замыслу высокий статус «поэтической мысли», необходимый подлинно художественному произведению.

Не менее значимой в контексте данной статьи Майкова была постановка философско-эстетического вопроса об отношениях литературы и живописи как искусств, оперирующих разными средствами, но обогащающих друг друга. С одной стороны, Майков, соглашаясь в некоторой степени с позицией Г.-Э. Лессинга [23], показывает, что есть предметы, в которых лишь одно из этих искусств может быть убедительным:

«Каждое искусство имеет средства, ему исключительно принадлежащие, и в то же время – пределы, из которых не должно выступать, чтобы не утратить своей силы. <…> Как бы ни было хорошо литературное описание живописной местности или живописно-

го момента, все-таки оно не более как превосходная программа для живописца, заданная ему таким же *художником*, как он сам, а не теоретиком и мыслителем…

Но есть описания, исключительно доступные средствам поэзии и много теряющие в живописи. Это именно те, которые заключают в себе изображение последовательности явлений. Картина живописца, написанная на такую тему, не удовлетворяет полнотою: хочется ее договорить словами, хочется слышать, что скажет о ней поэт» [22. С. 304–305].

Любопытно, что эти теоретические выкладки Вал. Майкова получат полемическое переосмысление в статьях его брата, который, владея профессиональным опытом живописца и литератора, интересуясь музыкой, вероятно, как никто другой понимал, что непроницаемых границ между искусствами быть не может [24, 25].

Разбирая поэму «Мертвые души» как предмет иллюстрации, Вал.Н. Майков, напротив, обнаруживает много точек соприкосновения между словесным и пластическим искусствами и постоянно обращается к поиску аналогии между литературой и живописью в процессе самой интерпретации поэтики и стиля Гоголя:

«Образы Гоголя так строго, так *мудро начерчены*, на создание их положено столько силы, что их можно *сравнить с теми превосходными произведениями великих живописцев, у которых сквозь верхнюю краску, соответствующую подлинному цвету лица, как бы просвечивает бездна других красок, слоями положенных прежде и сообщающих написанному телу мягкость и прозрачность*. Читая описание характера любого лица в “Мертвых душах”, взятого в данный момент, незаметным образом узнаешь его биографию, понимаешь все обстоятельства, которые сделали из него то, что он есть в настоящую минуту, точно так же, как на истинно художественных портретах дивишься красоте лица давно увядшего и в жестких чертах старца наглядишь когда-то красивого, полного сил юношу» [22. С. 314].

Хорошее представление о сложной технике воспроизведения на живописном полотне лица и тела, почерпнутые критиком из общения с отцом [26. С. 24] и братом [27. С. 82–84], позволяют критику объяснить читателю на наглядных примерах и технику изображения персонажа в поэме Гоголя. Принцип аналогии проявляет себя и в осмыслении Майковым приема реалистической типизации литературного образа, который далек от «дагерротипного снимка», но в сущности своей, как и портреты Ван Дейка и Рембрандта, вбирают в себя обобщение, становятся «выводом из целой категории людей» [22. С. 314–315]. Таким образом, статья Вал.Н. Майкова об иллюстрациях к «Мертвым душам» касалась важных проблем развития современного изобразительного искусства и представляла методологически продуктивный ракурс осмысления одного искусства через другое.

Еще одним литератором, обращавшимся в 1840-е гг. к осмыслению судеб современного изобразительного искусства и культуры, был П.В. Анненков. В 1841–1843 гг. в журнале «Отечественные записки» публиковались его «Письма из-за границы». Их фрагменты содержали рассказы о знакомстве с шедеврами живописи, скульптуры и архитектуры Германии, Франции, Италии, в связи с особенностями которых автор обращался к размышлениям о судьбе современного искусства, вероятно, продолжавшим по своему содержанию обсуждение этого предмета в кружке «Отечественных записок». В этом отношении весьма показательна сопоставимость размышлений Боткина из статьи о выставке 1842 г. о мюнхенской школе, положении современного искусства и утрате высокого содержания, присущего живописи прошлого [4. С. 61–66] и отдельные замечания из писем Анненкова, связанные с упоминанием о деятельности русских художников, с которыми он соседствовал в Риме («…которые, можно сказать без пристрастия, при нынешнем положении живописи к картинам нравов или случайностей (tableaux de genre) и вообще умельчании искусства, одни только и работают, что называется, по мере сил. Довольно упомянуть о колоссальных трудах гравера Иордана и живописца Иванова…» [28. С. 30]), или характеристика творческих поисков представителей дюссельдорфской и мюнхинской школ живописи [Там же. С. 77–78].

В 1846–1848 гг. Анненков вновь путешествовал по Европе, особенно долго жил в Париже, наблюдая нарастание революционных процессов. Эти годы оказались важным этапом развития его мировоззрения и эстетики [29. С. 236–241], осознания тонкой взаимосвязи между актуальными вопросами и самим градусом общественной жизни и состоянием современного искусства. Осмысление широкого круга социально-политических и эстетических вопросов определило содержание «Парижских писем» Анненкова и его знаменательной части – обзора «Луврская картинная выставка 1847 г.». Развивая концептуальное положение В.Г. Белинского о том, что причиной «упадка живописи в наше время» стала верность «некогда могущественным и великим, но теперь уже мертвым интересам» [5. Т. VI. С. 90], Анненков начинает свою статью с указания на гибель религиозной и исторической (в академическом понимании) живописи во французском искусстве и о господстве жанровой живописи, которая в лучших произведениях современных художников вбирает в себя потенциал исторического жанра, однако в произведениях второстепенных живописцев грозит вырождением художественности [28. С. 113–114]. На основании этого тезиса критик переходит не к последовательному описанию «нумеров каталога», а к осмыслению творческих экспериментов отдельных художников-новаторов, «которые или вносят новый элемент в искусство, а стало быть, в общественное духовное богатство оригинальною манерой и смелым поэтическим взглядом на природу, или сильно выражают современное направление и тайные требования общества. Таким образом, из тысячи имен пригодны бывают для письма иногда пяток…» [28. С. 122–123].

Среди картин, представленных на выставке 1847 г., такого внимания, по мнению Аненнкова, заслужили полотна К. Коро и Н. Диаза и скульптура Ж.-Б. Клесингера, хотя до этого не менее подробно критик осмыслил произведения Т. Кутюра и Э. Делакруа. Разбор произведений этих художников представляет

собой один из первых опытов последовательного анализа картин или скульптур, органично соединяющих план содержания с попыткой осмыслить по мере возможности и выражающую его форму.

Подводя итог своим впечатлениям и пытаясь сделать вывод о состоянии французской живописи и скульптуры, Анненков намечает важный разворот в осмыслении утраты искусством его истинного содержания. Эта проблема не раз заострялась апологетами академической теории: «...отсутствие ясного направления» в изобразительном искусстве Франции «составляет его отличительную черту и вместе его несомненное достоинство», в чем абсолютно противоречит оценкам французских критиков, констатирующих вырождение французского искусства [1]. Вероятно, особую выпуклость и оформленность суждениям автора обзора придает именно полемический задор, направленный против последних:

«Это единственное искусство в Европе, которое *идет параллельно с обществом и на котором отражается колебание последнего и неустановившаяся мысль его. <…>, говорящее прямо от себя, без подсказов со стороны какого-нибудь направления, принятого академией или важным лицом*. Оно одно только откровенно, одно только в строгом смысле работает, то есть *отыскивает почву, на которой художник – действительно полезное и необходимое лицо в общественном развитии*» [28. С. 126].

Обобщая промежуточные выводы, сделанные в статье при упоминании разных картин, Анненков подчеркивает, что великой заслугой французских живописцев стало то, что они научились чутко реагировать на изменения общественных потребностей, даже если они противоречат требованиям Академии. Далеко не все творческие эксперименты самых одаренных французских художников вызывали личную симпатию критика (см. его отзывы о полотне Кутюра и ряде картин Делакруа), однако принцип объективности, положенный Анненковым в основу статьи, заставляет его признать в этих произведениях безусловные достоинства, связанные с поиском современного содержания и желанием двигаться вперед, отвечая изменяющимся требованиям своего времени [Там же. С. 118–120]. Глубина, точность, злободневность поставленных вопросов свидетельствуют о значительном развитии в трактовке содержания современного искусства, продемонстрированном Анненковым в указанном обзоре по сравнению письмами начала 1840-х гг. Историзм, тонкое понимание важности социальной роли искусства при осознании необходимости сохранения художественных достоинств произведения делают анненковский обзор парижского Салона 1847 г. важным фактом в истории развития русской художественной критики 1840-х гг. Вероятно, эти достоинства, а равно исключительная логичность и концептуальная последовательность статьи, осмысление состояния изобразительного искусства как факта культурной жизни французского общества и выражения «естественного движения современных идей» [28. С. 115], позволили Р. С. Кауфману утверждать, что «среди литераторов “замечательного десятилетия” Анненков был наиболее сведущим в области пластических искусств» [18. С. 87]. В статьях 1850–1860-х гг. Анненков не обращается к осмыслению проблем изобразительного искусства[3], занимаясь литературной критикой, работая над изданиями «Сочинения Пушкина» (1855–1857) и «Н.В. Станкевич. Переписка его и биография» (1857), «прославившими автора как литературоведа и текстолога» [29. С. 232].

Таким образом, публикации В.П. Боткина, П.Н. Кудрявцева, Вал.Н. Майкова и П.В. Анненкова об изобразительном искусстве, которые с 1842 по 1847 г. время от времени появлялись в «Отечественных записках» и «Современнике», стали первым свидетельством важных изменений, происходящих в российской «литературе художеств» под влиянием деятельности В.Г. Белинского, отразив движение к профессионализации художественной критики как явления русской культуры. При некотором различии позиций критиков принципиально важным становится общая для всех статей доминанта интереса к художественной составляющей предмета осмысления, которая окажется утраченной в 1850–1860-е гг.: в истории русской культуры этот факт разведет по разные стороны баррикад критику эстетическую и демократическую, сохранив их противостояние на долгие десятилетия. В перспективе настоящего исследования также важно отметить, что в последующем творческом развитии перечисленных авторов критическое осмысление вопросов истории изобразительного искусства и его современного состояния по разным причинам не получило продолжения. В этом контексте появление цикла статей А.Н. Майкова, выходящих в период с 1847 по 1853 г. [31, 32], становится своего рода ответом на насущную потребность времени в развитии концептуальной, профессиональной художественной критики просветительского характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Позднее первое из трех писем публиковалось отдельно в трехтомном издании сочинений П.В. Кудрявцева под названием «Венера Милосская» [12. С. 623–633].

[2] В тексте статьи фамилии художников представлены в современном начертании, в цитатах сохраняется написание источника.

[3] Возможным исключением здесь является статья «О двух национальных школах живописи в XV столетии (заметки по поводу двух последних художественных выставок в Петербурге)», приписываемая Анненкову С.М. Балуевым, однако в исследовании этого автора не дается обоснованной атрибуции указанного текста [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Седельникова О.В. «…У нас нет литературы художеств» (А.Н. Майков): К вопросу о состоянии российской художественной критики 1840-х гг. Статья первая. Наследие В.Г. Белинского в формировании русской художественной критики 1840-х гг. // Вестник Томского государственного университетата. Филология. В печати.

2. Боткин В.П. Выставка в Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств в 1842 г. // Отечественные записки. 1842. № 11. Отд. II. С. 25–46.
3. Каган М.С. В.Г. Белинский о русской живописи // Каган М.С. Искусствознание и художественная критика. Избранные статьи. М. : Петрополис, 2001. С. 76–92.
4. Боткин В.П. Литературная критика; Публицистика; Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М. : Сов. Россия, 1984.
5. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений и писем : в 13 т. М. : АН СССР, 1953–1959.
6. Боткин В.П. Письма об Испании // Современник. 1847. № 12. Отд. II. С. 84–108.
7. Боткин В.П. Выставка в Императорской Академии художеств. Октябрь 1855 г. // Современник. 1855. № 11. Отд. II. С. 73–82.
8. Кудрявцев П.В. Бельведер (Из путевых заметок русского) // Отечественные записки. 1846. № 3. Отд. VIII. С. 14–42.
9. Мостовская Н.Н., Осповат А.Л. Кудрявцев Петр Николаевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 199–201.
10. Нестроев А. (Кудрявцев П.В.) Письма из Парижа. Лувр. Письмо первое // Отечественные записки. 1847. Т. LI, № 4. Отд. VIII. С. 195–200.
11. Нестроев А. (Кудрявцев П.В.) Письма из Парижа. Лувр. Письма второе и третье // Отечественные записки. 1847. Т. LII, № 5. Отд. VIII. С. 33–43.
12. Кудрявцев П.В. Сочинения : в 3 т. М., 1887. Т. 1.
13. Жилякова Э.М. Эстетика П.Н. Кудрявцева 1840-х гг. // Художественное творчество и литературный процесс. Томск : Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 1. С. 52–63.
14. Гайнцева Э. Г. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания (из круга общения И.А. Гончарова) // Русская литература. 1997. № 1. С. 123–139.
15. Сорокин Ю.С. В.Н. Майков и его литературно-критическая деятельность // Майков В.Н. Литературная критика. Л. : Худ. лит., 1985. С. 3–33.
16. Сорокин Ю.С. Примечания // Майков В.Н. Литературная критика. Л. : Худ. литература, 1985. С. 351–380.
17. Майков В.Н. Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Отечественные записки. 1847. Т. L, № 2. Отд. VI. С. 71–88.
18. Кауфман Р.С. Очерки истории русской художественной критики. От Константина Батюшкова до Александра Бенуа. М.: Искусство, 1990.
19. Нарышкина Н.А. Художественная критика пушкинской поры. Л., 1987.
20. Чаушанский Д.Н. Белинский и русская реалистическая иллюстрация 1840-х гг. // Литературное наследство. М. : Наука, 1951. Т. 57. С. 327–356.
21. Стернин Г.Ю. Иллюстрации А.А. Агина и Е.Е. Бернардского к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. М. : Книга, 1985.
22. Майков В.Н. Литературная критика. Л. : Худ. лит., 1985.
23. Балуев С.М. Художественная критика Валериана Майкова и эстетические идеи Г.-Э. Лессинга // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. Вып. 130. С. 191–197.
24. Седельникова О.В. Литература и живопись в художественной критике А.Н. Майкова. Статья первая. Основы сближения словесного и изобразительного искусств в критическом наследии А.Н. Майкова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 156–169.
25. Седельникова О.В. Литература и живопись в художественной критике А.Н. Майкова. Статья вторая. «Поэзия живописи» и «живопись поэзии» в художественной критике А.Н. Майкова: К вопросу о поэтическом и пластическом в искусстве // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 132–146.
26. Седельникова О.В. Ф.М. Достоевский и кружок Майковых. Томск : Изд-во ТПУ, 2006.
27. Седельникова О.В. Статьи А.Н. Майкова о выставках в Академии художеств и их значение в развитии эстетического сознания 1840–1850-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 3 (11). С. 81–96.
28. Анненков П.В. Письма из-за границы. Парижские письма / сост., вступ. ст. и примеч. И.Н. Конобеевской. М. : Наука, 1983.
29. Егоров Б.Ф. Избранное. Эстетические идеи в России середины XIX в. М. : Летний сад, 2009.
30. Балуев С.М. П.В. Анненков-художественный критик о национальных школах живописи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 92. С. 228–233.
31. Седельникова О.В. Проблемы атрибуции статей А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 34–40.
32. Седельникова О.В. Проблемы атрибуции статей А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 52–57.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2017 г.

“WE HAVE NO LITERATURE OF ART” (A.N. MAIKOV): ON THE STATE OF RUSSIAN ART CRITICISM IN THE 1840S – EARLY 1850S. ARTICLE TWO: NEW TRENDS IN RUSSIAN ART CRITICISM OF THE 1840S – EARLY 1850S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 32–39.
DOI: 10.17223/15617793/422/5

Olga V. Sedelnikova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Keywords: Russian art criticism; methodology of art criticism; academic theory of art; aesthetics of 1840s; historicism; genres of painting; problem of modern content of art; V. G. Belinsky; V. P. Botkin; P. N. Kudryavtsev; P. V. Annenkov; Val.N. Maikov.

The second article of the cycle presents an overview of publications that reflect important changes in the condition of Russian art criticism of the 1840s, which started under the influence of V. G. Belinsky’s critical works. In 1842, V.P. Botkin’s review “Exhibition in the Saint Petersburg Imperial Academy of Arts in 1842”, standing out from similar texts with its conceptual approach to the assessment of the pictures via comprehension of the condition of modern art and defining tendencies of its development, appeared. Botkin reflects on the critical condition of art, but, unlike the proponents of academism, his pathos does not come down to stating degradation of art during the practical age. Botkin raises the question of searching for the new content of art, which has to meet moral needs of the modern man. In 1846-47, P.N. Kudryavtsev published a set of articles reflecting his thoughts caused by the visit to the Belvedere and the Louvre. The author compensates for the significant drawback of the Russian “literature of art” of the time, which was only shaping its methodological basis. Historicism, educational principle, precision in aesthetical terminology and consecution of judgements made Kudryavtsev’s articles meet the most important requirements of the age. Herewith, Kudryavtsev showed lack of interest to the problems of modern art. In “The Belvedere” and “Letters from Paris”, the author does not emphasize, yet shows his loyalty to the academic view that the best periods in the history of pictorial art were in the past. In early 1847, V.N. Maikov joined the debate on the mission of modern art in his article “One Hundred Drawings from N.V. Gogol’s Dead Souls”. The critic considered advantages and disadvantages of Agin’s drawings in the

context of modern visual art development, taking into account the experience of landscape and genre painting. Maikov's speculation about the artistic principles of depicting the trivial, developing his previously stated "law of sympathy" and strengthening the anthropological aspect of his criticism as a whole, seems the most significant thesis of the work. Finally, another important factor in the development of Russian art criticism was P.V. Annenkov's review "The Louvre Exhibition of Paintings of 1847". The critic acknowledges the downfall of religious and history painting and mastery of genre painting in the French art. On the ground of this thesis, Annenkov goes to comprehension of creative experiments of some pioneer artists. Historicism, deep understanding of the social role of art together with the awareness of the necessity to save the artistic advantages of a piece of art make Annenkov's review an important factor in the history of Russian art criticism of the 1840s. The analysis of Botkin, Kudryavtsev, Annenkov and Maikov's publications helps to elicit the main tendencies of Russian art criticism development in the period of its specialization and professionalization and reveal the unique position of each critic in the context of the aesthetic polyphony of the time.

REFERENCES

1. Sedel'nikova, O.V. (2017) "We do not have literature of arts" (A.N. Maikov): On the state of Russian art criticism of the 1840s. Article One. Heritage of V.G. Belinsky in the formation of Russian art criticism of the 1840s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/3
2. Botkin, V.P. (1842) Vystavka v Imperatorskoy Sankt-Peterburgskoy Akademii khudozhestv v 1842 g. [Exhibition in the Imperial St. Petersburg Academy of Arts in 1842]. *Otechestvennye zapiski*. 11:II. pp. 25–46.
3. Kagan, M.S. (2001) *Iskusstvoznanie i khudozhestvennaya kritika. Izbrannye stat'i* [Art studies and art criticism. Selected articles]. Moscow: Petropolis. pp. 76–92.
4. Botkin, V.P. (1984) *Literaturnaya kritika; Publitsistika; Pis'ma* [Literary criticism; Journalism; Letters]. Moscow: Sov. Rossiya.
5. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v XIII t.* [Complete works and letters: in 13 vols]. Moscow: USSR AS.
6. Botkin, V.P. (1847) Pis'ma ob Ispanii [Letters about Spain]. *Sovremennik*. 12:II. pp. 84–108.
7. Botkin, V.P. (1855) Vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv. Oktyabr' 1855 g. [Exhibition at the Imperial Academy of Arts. October 1855]. *Sovremennik*. 11:II. pp. 73–82.
8. Kudryavtsev, P.V. (1846) Bel'veder (Iz putevykh zametok russkogo) [The Belvedere (From travel notes of a Russian)]. *Otechestvennye zapiski*. 3:VIII. pp. 14–42.
9. Mostovskaya, N.N. & Ospovat, A.L. (1994) Kudryavtsev Petr Nikolaevich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers of 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
10. Nestroev, A. (Kudryavtsev, P.V.) (1847) Pis'ma iz Parizha. Luvr. Pis'mo pervoe [Letters from Paris. The Louvre. Letter One]. *Otechestvennye zapiski*. LI:4:VIII. pp. 195–200.
11. Nestroev, A. (Kudryavtsev, P.V.) (1847) Pis'ma iz Parizha. Luvr. Pis'ma vtoroe i tret'e [Letters from Paris. The Louvre. Letters Two and Three]. *Otechestvennye zapiski*. LII:5:VIII. pp. 33–43.
12. Kudryavtsev, P.V. (1887) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Tipografii A.A. Kartseva.
13. Zhilyakova, E.M. (1976) Estetika P.N. Kudryavtseva 1840-kh gg. [Aesthetics of P.N. Kudryavtsev in the 1840s]. In: Kiselev, N.N. & Kanunova, F.Z. (eds) *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyy protsess* [Artistic creativity and literary process]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
14. Gayntseva, E.G. (1997) Nikolay Apollonovich Maykov i ego vospominaniya (iz kruga obshcheniya I.A. Goncharova) [Nikolai Apollonovich Maikov and his memoirs (from the circle of communication of I.A. Goncharov)]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 123–139.
15. Sorokin, Yu.S. (1985) V.N. Maykov i ego literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' [V.N. Maikov and his literary-critical activities]. In: Maikov, V.N. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
16. Sorokin, Yu.S. (1985) Primechaniya [Notes]. In: Maikov, V.N. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
17. Maikov, V.N. (1847) Sto risunkov iz sochineniya N.V. Gogolya "Mertvye dushi" [One hundred drawings from Gogol's Dead Souls]. *Otechestvennye zapiski*. L:2:VI. pp. 71–88.
18. Kaufman, R.S. (1990) *Ocherki istorii russkoy khudozhestvennoy kritiki. Ot Konstantina Batyushkova do Aleksandra Benua* [Essays on the history of Russian art criticism. From Konstantin Batyushkov to Alexander Benois]. Moscow: Iskusstvo.
19. Naryshkina, N.A. (1987) *Khudozhestvennaya kritika pushkinskoy pory* [Art criticism of Pushkin's time]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
20. Chaushanskiy, D.N. (1951) Belinskiy i russkaya realisticheskaya illyustratsiya 1840-kh gg. [Belinsky and Russian realistic illustration of the 1840s]. In: Egolin, A.M. et al. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 57. Moscow: Nauka.
21. Sternin, G.Yu. (1985) *Illyustratsii A.A. Agina i E.E. Bernardskogo k "Mertvym dusham" N.V. Gogolya* [Illustrations of A.A. Agin and E.E. Bernardskiy to Dead Souls by N.V. Gogol]. Moscow: Kniga.
22. Maikov, V.N. (1985) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
23. Baluev, S.M. (2011) Khudozhestvennaya kritika Valeriana Maykova i esteticheskie idei G.-E. Lessinga [Art criticism of Valerian Maikov and aesthetic ideas of G.E. Lessing]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 130. pp. 191–197.
24. Sedel'nikova, O.V. (2016) Literature and pictorial art in A.N. Maikov's artistic criticism. Article One: The ground for oral lore and pictorial art rapprochement in A.N. Maikov's critical legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (41). pp. 156–169. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/41/13
25. Sedel'nikova, O.V. (2016) Literature and pictorial art in A.N. Maikov's artistic criticism. Article Two: "Poetry of pictorial art" and "pictorial art of poetry" in A.N. Maikov's artistic criticism: on the issue of the poetic and the plastic in art. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 132–146. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/10
26. Sedel'nikova, O.V. (2006) *F.M. Dostoevskiy i kruzhok Maykovykh* [F.M. Dostoevsky and the circle of the Maikovs]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
27. Sedel'nikova, O.V. (2010) Apollon Maikov's articles about exhibitions in the Academy of Arts and their role in the development of aesthetic awareness of 1840-1850s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2010. 3 (11). pp. 81–96.
28. Annenkov, P.V. (1983) *Pis'ma iz-za granitsy. Parizhskie pis'ma* [Letters from abroad. Paris letters]. Moscow: Nauka.
29. Egorov, B.F. (2009) *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii serediny XIX v.* [Selected works. Aesthetic ideas in Russia in the mid-19th century]. Moscow: Letniy sad.
30. Baluev, S.M. (2009) P.V. Annenkov-khudozhestvennyy kritik o natsional'nykh shkolakh zhivopisi [P.V. Annenkov, an art critic, about national schools of painting]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. 92. pp. 228–233.
31. Sedel'nikova, O.V. (2014) Problems of attribution of A.N. Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 380. pp. 34–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/380/6
32. Sedel'nikova, O.V. (2014) Problems of attribution of A.N. Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. Article Two. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 52–57. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/381/8

Received: 25 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 40–44. DOI: 10.17223/15617793/422/6

УДК 82-94

О.А. Фарафонова

СМЕРТЬ КАК КОМПОНЕНТ СЮЖЕТА РУССКИХ МЕМУАРОВ XVIII в.

Рассматриваются сюжеты русских мемуаров XVIII в. с точки зрения выявления семантических и ситуативных вариантов мортального компонента, который следует отнести к обязательным звеньям мемуарного сюжета. Как компонент мемуарного сюжета смерть обладает большой семантической и ситуативной вариативностью и, будучи центром обширного семантического поля, оказывается онтологически близка к своей противоположности – рождению. Эта связь обеспечивается прежде всего особым ощущением времени в мемуаристике, сопряжением мимолетного и вечного.

Ключевые слова: мемуары; сюжетология; смерть; автор-самовидец; событие.

Русские мемуары XVIII в. представляют не только безусловную историко-культурную ценность, но и являются благодатным материалом для исследования специфики произведений этого жанра в сюжетологическом аспекте. Хроникальный в целом характер мемуарного сюжета определяет и его «элементарную структуру» [1. С. 3], те универсальные компоненты, без которых не может обойтись ни одно автобиографическое повествование. К таким обязательным звеньям мемуарного сюжета, безусловно, относятся рождение и смерть (по крайней мере, в XVIII в., когда происходит формирование самого жанра в русской литературе). Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы в первом приближении описать мемуарные сюжеты с точки зрения выявления семантических и ситуативных вариантов мортального компонента.

Мемуарный жанр возникает в ответ на потребность человека Нового времени осмыслить свое «Я». Именно в период петровских преобразований и в последующие десятилетия XVIII в. происходят открытие и осознание личностного начала, собственного «Я» в общеисторическом и общекультурном контексте, значимости индивидуального бытия в масштабах эпохи. Мемуары позволяют их автору осмыслить и описать собственную жизнь в трех плоскостях, что определяет и триединую позицию автора–повествователя–героя. Во-первых, жизнь предстает как некая череда событий, оставшихся в памяти, следовательно, исключительных и чрезвычайно значимых. Мемуарный нарратив есть, выражаясь языком В.И. Тюпы, «эпизодизация событий, формирующая историю» [2. С. 184] жизни автора-мемуариста. Как отмечал в свое время Ю.М. Лотман, «поведение человека осмысленно. Это означает, что деятельность человека подразумевает какую-то цель» [3. С. 417].

Этим определяется второй план мемуарного повествования, когда сама биография автора становится событием. Но обратимся к продолжению цитаты из работы Лотмана «Смерть как проблема сюжета»: «...понятие цели неизбежно включает в себя представление о некоем конце события» [Там же]. Жизнь мемуариста представляется как событие, у которого (как у всякого другого) есть две крайние точки – начало и конец, рождение и смерть. Именно эта завершенность, в конечном итоге, является главным побудительным мотивом для написания мемуаров.

Третий план можно было бы назвать интенциональным, поскольку он связан с осознанием собственной жизни как исключительного события, которое, безусловно, заслуживает презентации (для XVIII в. презентации еще не публичной, внутрифамильной) и осмысления с точки зрения его места в ряду других подобных событий. Жизнь «всех» в сравнении со своей собственной становится в каком-то смысле подтверждением ее исключительности. «Я» мемуариста оказывается, с одной стороны, вписано в общий процесс, но, с другой стороны, явно отделено от него. Это может выражаться не только в неких исторических зарисовках, но даже и в бытовых частностях. Так, например, Н.Б. Долгорукая, описывая сборы в ссылку с мужем, фиксирует: «Подумайте, каково мне тогда было видить: все плачут суетятца, собираютца, и я суечусь, куда еду, не знаю, и где буду жить – не ведаю, только что слезами обливаюсь» [4. С. 266]. Соотношение «все–я» здесь весьма показательно для мемуарного жанра в целом. И, конечно, это напрямую касается и таких значимых, и, как уже было сказано, обязательных звеньев мемуарного сюжета, как смерть.

Специфика изображения и осмысления смерти в мемуарном тексте заключается в следующем: смерть одновременно событийна и не-событийна. Это во многом зависит от степени «включенности» (событийной, эмоциональной) автора в описываемую ситуацию. В первом случае это касается значимых для мемуариста людей (родителей, супруга, государственного «мужа» и т.п.), сам факт смерти которых важен в личной истории, рассказываемой автором.

Обратимся снова к «Своеручным запискам» Н.Б. Долгорукой, где особое внимание уделяется смерти Петра II, поскольку последствия этого события для автора «Записок» были поистине катастрофическими: ссылка вместе с мужем сначала в отдаленное фамильное имение, а затем и в Березов: «И так час от часу пошло хуже. Куда девались искатели и друзья, все спрятались, и ближние отдалече меня сташа, все меня оставили в угодность новым фаворитам, все стали уже меня боятца, чтоб я встречу с кем не попалась, всем подозрительно. Лучше б тому человеку не родитца на свете, кому на время быть велику, а после притти в нещастие: все станут презирать, никто говорить не хочет» [Там же. С. 261]. Смерть монарха в данном случае знаменует собой резкий поворот мемуарного сюжета, который можно было бы сравнить с пуантом в новеллистике, если бы не временная дистанцированность повествователя от описываемых событий. Именно эта обусловленная жанром дистанция позволяет автору «предвидеть» буду-

щее себя-героя, что, в свою очередь, снимает эффект неожиданности для читателя.

Сюжетная ситуация «смерть правителя / монарха» в череде мемуарных сюжетных ситуаций, связанных со смертью, стоит особо. По степени частотности в мемуарах XVIII в. она не уступает ситуациям, связанным со смертями близких родственников, что вполне понятно: личная биография воспринимается как часть истории, поскольку собственная судьба зачастую зависит от воли монарха. Именно ощущение сопричастности истории побуждает Е.Р. Дашкову написать уже во втором предложении своих «Записок»: «Императрица Елизавета как раз вернулась из Москвы после коронации. Она воспринимала меня от купели, а крестным отцом был великий князь, будущий император Петр III» [5. С. 68]. Это же ощущение позволяет Г.Р. Державину писать о смерти Екатерины II: «...пошла по позыву естественной нужды в отдельную камеру, и там от эпилептического удара скончалась» [6. С. 180]. Он чувствует себя вправе сообщать подобные подробности, поскольку «начав ей служить <...> от солдатства, слишком через 35 лет дошел до знаменитых чинов, отправляя безпорочно и безкорыстно все возложенные на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ея повеления с довольною доверенностью» [6. С. 180–181]. В «Записках» Державина зафиксированы смерти четырех монархов (Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I) и многих государственных деятелей (например, Потемкина), но только о смерти Екатерины он пишет так подробно и личностно. Что не удивительно – слишком многое в жизни самого Державина связано с екатерининским временем и лично с императрицей.

В мемуарном сюжете в высшей степени реализуется общекультурное стремление к преодолению смерти и страха смерти. Сама жанровая интенциональность в данном случае способствует этому. И не только потому, что автор воспоминаний оставляет о себе (и своих современниках, близких) память в виде текста. Но и потому, что в пределах самого мемуарного произведения не может быть зафиксирована смерть мемуариста, ее нет и не может быть, в контексте мемуарного нарратива она находится вне поля зрения автора-самовидца. Он может рассуждать о смысле жизни, бренности бытия и близости смерти вообще, как это делает, например, И.В. Лопухин, в чьих записках нашло отражение масонское представление о воскресении-перерож-дении: «Надобно человеку, так сказать морально переродиться <...> Сие моральное перерождение, чрез которое только человек становится образом и подобием Божиим» [7. С. 21]. В Предуведомлении к первому номеру журнала «Утренний свет» Н.И. Новиков писал: «Собрание наше состоит только из десяти; а сложив вместе время нашей жизни, составит не более тридцати лет» [8. С. 107]. Подобное утверждение объясняется, конечно же, метафорической смертью неофита в прежнем статусе и рождением в новой жизни. Масонский ритуал посвящения имитирует ситуацию смерти и воскресения, преодолевая, таким образом, сам факт смерти физической.

Преодоление смерти в мемуарном тексте может быть достигнуто и просто не-описанием ее, неупоминанием даже. В этом смысле наибольший интерес представляют «Своеручные записки» Н.Б. Долгорукой, которые она пишет в 1767 г., спустя 28 лет после страшной казни мужа. На протяжении всего текста ни разу Долгорукая не проговаривается о его смерти, это событие остается «за скобками», в пространстве текста его нет. Учитывая, что на момент написания (по просьбе старшего сына) воспоминаний она уже схимонахиня Нектария, такое умолчание становится особенно значимым.

Еще один способ преодоления смерти в контексте мемуарного повествования – сюжетная ситуация болезни-исцеления, которая присутствует практически во всех текстах воспоминаний. Болезнь всегда в мемуарах описывается как порог между жизнью и смертью. Так пишет, например, А.Т. Болотов: «Несколько недель спустя после нашего приезда принужден я был переходить тот порог, который переступают почти все молодые люди тогдашнего моего возраста и нередко, спотыкаясь, погибают, а именно – слечь и вытерпеть жестокую горячку» [9. С. 268]. В таком контексте преодолеть болезнь, пойти на поправку – значит одержать победу над смертью. Лопухин с своих «Записках» рассказывает об исцелении от болезни почти в агиографической традиции описания чудес. «Неожиданный перелом болезни» случился после того, как Лопухин, устыдившись «мерзости своего поступка» по отношению к камердинеру, которого он жестоко выругал за небольшую оплошность, «залившись слезами», бросился к нему в ноги. «Тут мне сказали, что священник пришел с дарами, – пишет Лопухин далее. – Я пошел в слезах ж причащаться, – и – причастился подлинно. Проводя священника лег я отдохнуть. Уснул с час, и проснувшись почувствовал в теле моем такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня в натуре не предполагали. Словом: я проснулся здоров» [7. С. 40–41].

Отметим, что смерть в мемуарных произведениях лежит в сфере неоценочной, поскольку это событие природного свойства, не зависящие от воли человека. Это касается, прежде всего, смерти естественной, как закономерного итога жизни. Смерть в результате болезни воспринимается сходным образом – все в руках божьих. Такая смерть не оценивается с этической точки зрения, но переживается эмоционально. Это касается, прежде всего, смерти родителей, что, с одной стороны, безусловно, осознается как неизбежность, но с другой стороны, переживается как полная неожиданность. В «Записках» И.В. Лопухина так описывается смерть отца: «В том же году летом скончался он на руках моих: и хотя он и был девяноста двух лет, и в крайнем разслаблении; однако смерть его огорчила меня столько, как бы и за много лет перед тем случилась» [Там же. С. 89].

Но, как отмечал Ю.М. Лотман, «тем более значимыми оказываются случаи соединения её (смерти. – *О.Ф.*) с представлениями о молодости, здоровье, красоте – т.е. образы насильственной смерти» [3. С. 240]: гибель на войне, в плену, казни, убийства. Сюда, как нам кажется, следует добавить и переживаемую как катастрофа преждевременную смерть близкого человека (смерть матери в записках Н.Б. Долгорукой и

И.В. Лопухина, «Похождении прапорщика Климова»; смерть супруга в записках Е.Р. Дашковой и Г.Р. Державина; смерть ребенка в записках М.В. Данилова).

Если естественная смерть по старости хотя и переживается трагически, но осознается авторами мемуаров, тем не менее, как закономерность и предопределенность, то насильственная или внезапная смерть воспринимаются как нарушение естественного порядка вещей: «Что касается смертной казни, то она по мнению моему и безполезна, кроме того, что одному только Творцу жизни известна та минута, на которую можно ее пресечь, не возмущая порядка его божественного строения», – писал И.В. Лопухин [7. С. 11–12]. В «Записках» Дашковой о смертной казни также говорится как о событии из ряда вон выходящем: «После того, как казнили Мировича (со дня моего появления на свет это был первый человек, которого покарали смертью), я только была довольна, что никогда его не видела, иначе под впечатлением казни мне во сне могло бы представляться его лицо» [5. С. 135–136]. Даже если смертная казнь была справедливым наказанием с точки зрения мемуариста, она все равно переживалась им как нечто ужасающее и из ряда вон выходящее: «В 1739 году, – пишет М.В. Данилов, – пойман был разбойник князь Лихутьев и в Москве на площади казнен; голова его была поставлена на кол. Сие для меня было первое ужасное зрелище» [10. С. 312].

Отметим еще одну характерную особенность изображения смерти в мемуарных текстах XVIII в.: смерть естественная, как правило, фиксируется, переживается автором, но не изображается. То есть нет описания самого момента смерти (даже если автор присутствовал при этом непосредственно, как, например, Лопухин при смерти своего отца), не изображается мертвое тело, не будет подробностей похорон и т.п. Но смерть неестественная (казнь или гибель), как правило, изображается если и не очень подробно, то в любом случае с упоминанием конкретных деталей. В записках майора Данилова, например, есть несколько эпизодов, в которых описывается гибель людей в огне или угарном дыму (это связано, конечно, с родом деятельности автора-мемуариста, который был одним из первых русских профессиональных фейерверкеров): «Как только я из светлицы вышел, как сделался в ней от неосторожности пожар: захватило всю оную огромную светлицу пламенем, пороховым и меркуриальным дымом, отчего в людях сделалось вдруг великое замешательство; <...> оным дымом у многих захватило и остановило дыхание, не могли более бежать и падали на землю без памяти. В такой кутерьме и тревоге <...> прочих подмяли под себя на пол, которых бежавшие и спасавшие свою жизнь топтали ногами, по чем ни попало <...> несколько человек мастеровых задохнулись и найдены мертвые» [Там же. С. 329–330]. Вид чужой смерти и осознание того, что его самого от этой участи уберегла случайность, становится словно бы предостережением для автора записок. В своей дальнейшей деятельности он был «аккуратен, до излишества», о чем написал не только в своих мемуарах, но и в «артиллерийского знания книжке» «Начальные знания теории и практики в артиллерии с приобщением гидростатических правил», которую он издал в 1762 г.

Вид чужой смерти, воспринятой как тема для размышлений и урок самому себе, описан и в мемуарах А.Т. Болотова: «...обстоятельством, удерживавшим меня от распутной жизни, было то, что не успел я смениться с караула, как на другой день после того случилось мне видеть погребение одного молодого офицера стоявшего тут до нас другого полка и умершего наижалостнейшим образом от венерической болезни, нажитой им во время стояния в сем городе. Сие зрелище <...> впечатлело в сердце моем такой страх и отвращение, что я тогда же еще сам в себе положил наивозможнейшим образом от всех тамошних женщин убегать и от них, как от некоего яда и заразы, страшиться и остерегаться. А сие много мне и помогало в тогдашнее опасное время» [9. С. 537].

«Зрелище» чужой неестественной и несвоевременной смерти влияет не только на эмоциональное состояние мемуариста, но и заставляет его переосмыслить свою прежнюю жизнь. Тем более, если автору мемуаров пришлось испытать на себе участь приговоренного к смерти, как, например, А.Я. Климову, которого в бытность его в прусской армии за убийство вахмистра приговорили «яко смертоубийцу аркибузировать» [11. С. 56]. Ему чудом удалось избежать казни, но позже пришлось быть непосредственным свидетелем страшного убийства пьяным отцом своих малолетних детей. Это событие произвело на него настолько сильное впечатление, что даже испытанные им самим лишения и страдания во время возвращения в Россию после почти 30-летнего «ига прусского», не вытеснили его из памяти, и Климов довольно подробно описывает этот эпизод и пережитые тогда эмоции в «Похождении» уже после возвращения на родину.

Авторы мемуаров, как правило, являются свидетелями многих смертей и переживают множество потерь, что становится объектом фиксирования и описания в их текстах. Многократность переживания смерти близких и знакомых мемуаристу людей объясняет тот факт, что смерть часто утрачивает признаки экстраординарности, перестает мыслиться как событие исключительное и начинает восприниматься в несколько иных категориях: «Многократно повторяющееся действие или положение дел перестает восприниматься событийно и предстает естественным, неизбежным “шагом” природного, социального или ментального процесса» [2. С. 183]. «А к мертвецам привык я уже в течение жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезных», – словно бы фиксирует эту особенность восприятия мемуарного нарратора Д.И. Фонфизин в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» [12. С. 86].

Иногда в мемуарных текстах XVIII в. в изображении смерти участвует и смеховое начало. Так, например, в «Записках» М.В. Данилова на фоне трагически пережитых и соответственно описанных смертей есть один эпизод, в котором смерть предстает почти в анекдотическом виде. Речь идет о шутке, которую разыграл один из сослуживцев Данилова, отнесясь без должного уважения к умершей жене хозяина дома, где

располагалась полковая канцелярия: «...умерла у хозяина престарелая женщина, которую, по обряду положив в гроб, вынесли на ночь в сени; морозы были тогда жестокие, отчего упокойница получила в теле окаменение. Он еще с вечера, приметя старушку в гробу, захотел из оной упокойницы сделать шутку. <...> встав перед светом <...> вынул старуху из гроба, притащил ее в полковую канцелярию и, поставив стоймя возле печи, сам лег <...> спать» [10. С. 343]. Совершенно понятно, какая суматоха началась потом. Истопник *«впотьмах, зацепил за старуху, окостенелую от мороза, которая упавши на пол, сделала большой стук. Зрители <...> потуда претерпевали страх и стужу, покуда хозяин взял свою беглую старуху и положил по-прежнему в ее вечный дом»* [Там же. С. 344]. При помощи шутника старуха получила возможность встать из гроба и принять участие в розыгрыше. Выражение «беглая старуха», используемое в данном случае Даниловым, словно бы подтверждает ее участие (практически добровольное) в этом представлении. Суеверный страх перед «ожившей» покойницей сначала и пришедший ему на смену смех вполне в духе древних мистерий преодоления смерти. Игровая ситуация в данном случае сопрягает трагическое и анекдотическое начала при изображении смерти в мемуарном нарративе.

Смерть как компонент мемуарного сюжета обладает большой семантической и ситуативной вариативностью. В настоящей статье представлены варианты мортального компонента мемуарного сюжета. Но, безусловно, нельзя обойти и тот факт, что, будучи центром обширного семантического поля, смерть оказывается онтологически близка к своей противоположности – рождению, что отмечала еще О.М. Фрейденберг [13].

В мемуарной литературе на это указывает, по крайней мере, то, что рождение и смерть описываются как процесс преемственности поколений, обеспечивающий вечность бытия [14]. Ощущение мимолетности и вечности одновременно: это связано, на наш взгляд, с особым ощущением времени в мемуаристике. С одной стороны, попытка ухватить, вспомнить, зафиксировать, оставить в памяти события, случаи, детали быстро проходящей жизни; с другой – осознание того, что то, что записано, останется навсегда, не будет поглощено «жерлом вечности» (Державин) и не исчезнет. Как и сам мемуарист, который, описывая смерти других, по отношению к рассказываемому остается в положении всегда живого свидетеля происходящего для потомков и читателей последующих времен и поколений. Это в полной мере соответствует интенции самого мемуарного жанра – стремлению к преодолению смерти и, в конечном итоге, к бессмертию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шатин Ю.В., Силантьев И.В. Сюжетология и сюжетография как базовые основы нарратологии // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 1. С. 3–6.
2. Тюпа В.И. Нарратология как тенденция развития современного филологического знания // Филология и человек. 2010. № 1. С. 179–188.
3. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417–430.
4. Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Наталья Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 256–279.
5. Дашкова Е.Р. Записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990. С. 68–280.
6. Державин Г.Р. Записки из известных всем произшествиев и подлинных дел, заключающия в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С. 24–246.
7. Лопухин И.В. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки сенатора И.В. Лопухина. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
8. Новиков В.И. Масонство и русская культура. М., 1998.
9. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя им самим для своих потомков. М., 2013. Т. 1.
10. Данилов М.В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 282–350.
11. Климов А.Я. Похождение прапорщика Климова. СПб., 2011.
12. Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений. Л., 1959. Т. 2. С. 81–105.
13. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
14. Фарафонова О.А. Рождение и смерть в русской мемуаристике XVIII века // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 65–74.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 августа 2017 г.

DEATH IN THE PLOT OF RUSSIAN MEMOIRS OF THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 40–44.
DOI: 10.17223/15617793/422/6

Oksana A. Farafonova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oxana.faroks@yandex.ru

Keywords: memoirs; plotography; death; self-observing author; event.

In this article, plots of Russian memoirs of the XVIII century are considered from the point of view of identification of semantic and situational variants of the mortal component which should be attributed to the mandatory components of the memoir plot. The material of the research are autobiographical texts of the 18th century. The specifics of the image and understanding of death in the memoir text consists in the following: death is both event-related and non-event-related. This largely depends on the degree of “inclusiveness” (event-related, emotional) of the author in the situation described. In the first case it concerns people significant for the memoirist (parents, spouse, state “man”, etc.) whose death is important in the personal story the author is telling. The plot situation “the death of the ruler / monarch” in a series of memoir plot situations involving death stands out. It is as frequent in the memoirs of the 18th century as situations involving the death of close relatives, which is understandable: personal biography is perceived as part of history, because one’s own fate often depends on the will of the monarch. Memoir plots essentially implement the general cultural

tendency to overcome death and fear of death. The genre intentionality itself contributes to this, not only because the author leaves memories about himself (his contemporaries, friends) in the form of text, but also because memoirs can not fix the memoirist's death, it is not and can not be in the context of a memoir narrative, death is out of sight of the self-observing author. Death in memoir writings is not assessed, since this event is a natural property that does not depend on the will of man. This concerns, first of all, natural death as a logical outcome of life. Death as a result of an illness is perceived in a similar way: everything is in God's hands. This death is not assessed from the ethical point of view, but is experienced emotionally. This concerns, first of all, death of parents, on the one hand, of course, recognized as inevitable; on the other hand, experienced as a totally unexpected event. Natural death in the old age, even though experienced as tragic, is recognized by the authors of memoirs as a regularity and predetermination, violent or sudden deaths are perceived as a violation of the natural order of things. Another feature of the image of death in memoir texts of the 18th century is that natural death is usually fixed, experienced by the author, but not represented, that is there is no description of the moment of death (even if the author witnessed it, e.g., Lopukhin at the death of his father): the dead body and funeral details are not described. But unnatural death (execution or casualty) is usually portrayed, if not in great detail, with reference to specific details. As a component of the memoir plot, death has a great semantic and situational variability and, being the center of a vast semantic field, is ontologically close to its opposite – the birth. First of all, this connection is ensured by a special sense of time in memoirs, a combination of the transient and the eternal.

REFERENCES

1. Shatin, Yu.V. & Silant'ev, I.V. (2013) Theory and analysis of plot as the base of narratology. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 1. pp. 3–6.
2. Tyupa, V.I. (2010) Narratologiya kak tendentsiya razvitiya sovremennogo filologicheskogo znaniya [Narratology as a trend in the development of modern philological knowledge]. *Filologiya i chelovek*. 1. pp. 179–188.
3. Lotman, Yu.M. (1994) Smert' kak problema syuzheta [Death as a problem of the plot]. In: Koshelev, A.D. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school]. Moscow: Gnozis.
4. Dolgorukaya, N.B. (1991) Svoeruchnye zapiski knyagini Natal'ya Borisovny Dolgorukoy, docheri g.-fel'dmarshala Borisa Petrovicha Sheremeteva [Letters of Princess Natalia Borisovna Dolgorukaya, the daughter of General Field Marshal Boris Petrovich Sheremetev]. In: Anisimov, E.V. *Bezvremen'e i vremenshchiki* [Timelessness and time servers]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
5. Dashkova, E.R. (1990) Zapiski [Notes]. In: Moiseeva, G. (ed.) *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Notes and memoirs of Russian women of the 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Sovremennik.
6. Derzhavin, G.R. (1984) *Izbrannaya proza* [Selected prose]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 24–246.
7. Lopukhin, I.V. (1990) *Rossiya XVIII stoletiya v izdaniyakh Vol'noy russkoy tipografii A.I. Gertsena i N.P. Ogareva. Zapiski senatora I.V. Lopukhina* [Russia of the 18th century in the publications of the Free Russian Printing House of A.I. Herzen and N.P. Ogarev. Notes of Senator I.V. Lopukhin]. Reprint. Moscow: Nauka.
8. Novikov, V.I. (1998) *Masonstvo i russkaya kul'tura* [Masonry and Russian culture]. Moscow: Iskusstvo.
9. Bolotov, A.T. (2013) *Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannyya im samim dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by himself for his descendants]. Vol. 1. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
10. Danilov, M.V. (1991) Zapiski Mikhaila Vasil'evicha Danilova, artillerii mayora, napisannye im v 1771 godu (1722–1762) [Notes of Mikhail Vasilievich Danilov, artillery major, written by him in 1771 (1722–1762)]. In: Anisimov, E.V. *Bezvremen'e i vremenshchiki* [Timelessness and time servers]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
11. Klimov, A.Ya. (2011) *Pokhozhdenie praporshchika Klimova* [The adventure of Ensign Klimov]. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom.
12. Fonvizin, D.I. (1959) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 2. Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoy Literatury. pp. 81–105.
13. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of the plot and the genre]. Moscow: Labirint.
14. Farafonova, O.A. (2016) Birth and death in the plot of Russian memoirs of XVIII century. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya.* 2. pp. 65–74. (In Russian).

Received: 17 August 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 45–52. DOI: 10.17223/15617793/422/7

ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.5304.5

И.Б. Ардашкин

ИННОВАЦИИ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРОВ В ТОМСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ОБЛАСТИ SMART SYSTEMS)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 16-16-70006.

Рассматриваются понятия «инновация» и «инновационное развитие» с позиций социально-философского подхода. Делается акцент на том, что развитие инноваций имеет две важные составляющие: технолого-экономическую и социально-гуманистическую. Доказывается, что только равномерность присутствия в инновационных разработках этих двух составляющих позволяет получить максимальный эффект от инновационного развития для экономики любой страны. Этот вывод демонстрируется на примере образовательной инженерной подготовки Томского политехнического университета.

Ключевые слова: инновация; инновационное развитие; Smart Systems; экономико-технологическая составляющая; социально-гуманистическая составляющая.

Тема инноваций в отечественной философской литературе достаточна нова. Можно сказать, что философы еще только подступаются к этому вопросу, тогда как представители других направлений (экономика, менеджмент, информатика и т.д.) работают в данной сфере более длительное время. В этом отношении необходимость философского осмысления темы инноваций и инновационного развития позволяет осуществить обобщение изученного с целью определения роли обозначенных феноменов в жизни общества и человека. Эта потребность усиливается еще и потому, что возникают различные подходы в вопросе определения инноваций, обозначения их функций для социума.

К тому же автор полагает, что ряд подходов не совсем точно передает сущность инноваций, и в рамках статьи хочет уточнить особенность собственной позиции по данному вопросу (особенно в отношении российского опыта). Чтобы не быть голословным, автор постарается на примере образовательной подготовки инженеров в области Smart systems в Томском политехническом университете продемонстрировать специфику собственной интерпретации рассматриваемого предмета.

Начнем со Smart systems. Последние на сегодняшний день являются одним из ведущих трендов и показателей научно-технического развития как отдельных университетов и корпораций, так целых государств. Эти системы в комплексной форме позволяют оценить уровень научно-технического, информационного, экономического, социального и других аспектов жизнедеятельности общества. Важным фактором данной оценки выступает ее комплексность, поскольку именно совокупность рассматриваемых аспектов жизнедеятельности позволяет понять степень развитости как ее отдельных сторон, так и всей системы в целом. При этом нельзя не уточнить, что Smart systems (как любое новое современное явление) в качестве научного понятия фактически не разработано (в литературе используются отечественное понятие «интеллектуальные системы» либо описание SMART как методики в сфере менеджмента; но определение Smart systems, как, к примеру, Smart Grid или что-то аналогичное, фактически отсутствует).

Smart systems – это системы, которые при всей важности технической составляющей (новейшие технологии и оборудование) не смогут работать без других составляющих, особенно таких, как мировоззренческая, социальная, экономическая и организационная. Главнейшая их задача – использовать технические системы максимально близко к человеческим возможностям и при этом максимально исключить участие человека в их функционировании. Их применение носит универсальный характер и предполагает возможность использования в максимальной расширенном диапазоне общественных сфер жизнедеятельности. Но работать подобные системы смогут только тогда, когда общество будет понимать необходимость таких разработок и следовать правилам их применения.

Smart systems фактически демонстрируют инновационный вектор развития мировой экономики, поскольку именно интеллектуальные технологии предстают основной целью инновационного развития, выражающейся в сочетании новых технологических разработок и возможности использовать последние в качестве рыночной продукции, успешно реализуемой и приносящей прибыль. Эти системы привлекательны еще и тем, что дают шанс любому потребителю подобной продукции выполнять роль производителя, партнера, соучастника как технологических, так и бизнес-процессов. Такое сочетание требует не просто ожидания того, что люди осознают возможность многопланового использования полученного продукта, а предварительной подготовки членов общества к возможности использования подобной продукции. Следовательно, для инновационной экономики, для разработки и применения Smart Systems необходима соответствующая система образовательной подготовки. Поэтому основной целью статьи выступает оценка существующих образовательных программ инженерной подготовки (основных компетенций как показателей их результативности) на примере Томского политехнического университета на предмет их инновационной составляющей. Следует добавить, что автор не претендует на всеохватность и исключительную полноту исследования данного предмета, полагая ограничиться постановкой проблемы и определением возможных способов их решения.

Теперь постараемся объяснить выбор Томского политехнического университета. Национальный исследовательский Томский политехнический университет (НИТПУ) – первый инженерный вуз, основанный в азиатской части России, который имеет достаточно большой опыт подготовки инженерных кадров. По внутренним российским рейтингам в настоящее время он является ведущим техническим университетом страны за пределами Москвы и Санкт-Петербурга [1], где занимает от 5-й до 11-й позиции. Примерно такая же картина и в ведущих мировых рейтингах университетов (QS, ARWU, THE), где исключением является рейтинг Times Higher Education, в котором НИТПУ в 2015 г. занимал третье место среди российских университетов. Данная информация важна для демонстрации того, что вуз, на примере которого будет проводиться оценка компетенций инженерной подготовки в области Smart systems, действительно имеет достаточный опыт подготовки инженеров и является одним из ведущих вузов России в области инновационной составляющей собственных образовательных программ. Поэтому обращение к опыту данного университета вполне оправданно и показательно для системы российской инженерной школы в целом.

Прежде чем провести оценку компетенций инженерной подготовки в области Smart systems как фактора инновационного развития России на примере НИТПУ, необходимо уточнить некоторые понятия, в частности «инновация», «инновационное развитие», «инновационность». Это важно сделать для того, чтобы уточнить, о чем идет речь, и показать связь образовательной инженерной подготовки, Smart systems, инноваций и инновационного развития.

Специфика большинства подходов отечественных философов применительно к понятию «инновация» сводится к тому, что они стремятся найти собственно-философское содержание у этого феномена. Во-первых, само понятие «инновация» претерпело определенные трансформации с момента ввода в научный оборот, что важно, но не является главной причиной данного анализа, во-вторых, и это самый существенный момент, что особенно отечественные исследователи используют данное понятие так, будто оно является общепринятым и смысл, вкладываемый в него, очевиден для всех. Понятно, что это не так.

Частный пример такого употребления понятия «инновация» – цитата из выступления ректора Казанского национального исследовательского технологического университета Г.С. Дьяконова, опубликованного по результатам международной научной школы «Высшее техническое образование как инструмент инновационного развития». Согласно Г.С. Дьяконову, «характер, скорость и эффективность инновационных процессов в различных отраслях экономики и сферах деятельности в существенной мере зависят от характера и эффективности инновационной деятельности в сфере образования» [2. С. 29]. Из этих слов ясно, что инновация может быть в разных сферах деятельности и быть взаимообусловленной в этих сферах по отношению друг к другу, но в чем различие – не уточняется. Это очень характерная черта отечественных исследователей, когда они стремятся прикрываться понятием «инновация» в качестве общего термина, в рамках которого присутствуют такие широкие смыслы, как новое, нововведение, позитивная трансформация, имеющие отношение к инновации, но не определяющие ее особенности. А без этого утрачивается собственно предметное содержание инновации, инновационного развития.

В рамках философского подхода наблюдается стремление изменить сложившуюся тенденцию. Представители философского подхода (В.Г. Федотова, А.В. Горюнов и др.) стремятся говорить не просто об инновациях, а о разных типах инноваций (например, технологических и социальных). Они полагают, что важно различать эти типы инноваций, что собственно социальные инновации выражают собой специфику философского подхода в определении исследуемого предмета. Социальная инновация понимается при этом как форма социального развития, кардинально меняющая уклад жизни общества. В частности, В.Г. Федотова пишет: «...мы коснемся социальных инноваций и технологических инноваций в качестве источника социальных инноваций на макроуровне и характеристики модернизации. Здесь речь пойдет о капитализме как инновации, социализме как проекте новой цивилизации, о социал-демократии как инновационном социальном проекте соединения достоинств капитализма и социализма, о третьем пути как инновационной попытке сохранить социал-демократию в условиях глобализации» [3].

Данный подход подчеркивает, что социальная инновация и технологическая инновация – это феномены, имеющие разную природу. В.Г. Федотовой допускается, что технологическая инновация может иметь отношение к социальной инновации в качестве источника, но никак это не уточняет. При этом в определении социальной инновации вся приписываемая исследователем специфика не просматривается. В частности, она утверждает, что «социальная инновация чаще всего рассматривается как результат творческой деятельности, применение которого дает ожидаемое решение проблем. Предполагается обычно, что социальная инновация – это сознательно организуемое нововведение, вносящее задуманное изменение. Метафора “социальное предпринимательство” (“социальные предприятия”) привела к широкому хождению слова “проект”, взятому в буквальном смысле – как некий комплексный план, который был заранее задуман и подлежит реализации» [Там же].

Похожую позицию высказывает А.В. Горюнов. Он пишет, что «термин “инновация»” в экономических науках часто рассматривается как соотносительный с понятием “инновационная деятельность” в том смысле, что инновацию определяют как результат инновационной деятельности. Такой подход предполагает, что любая инновация мыслится исключительно как результат творчества, а значит, как результат преднамеренных действий. Следовательно, инновации как явлению социокультурной реальности, согласно данной точки зрения, должна предшествовать некоторая инновационная (новаторская) идея, проект. Однако по отношению к социальным инновациям, инновациям в истории этот вывод не всегда справедлив. На практи-

ке оказывается, что “сознательные” инновации – это лишь частный, предельный и далеко не самый распространенный случай социальных инноваций вообще» [4. С. 54–55]. Тем самым А.В. Горюнов хочет продемонстрировать, что, во-первых, социальные инновации первичны по отношению к другим инновационным проявлениям, во-вторых, то, что социальные инновации могут быть естественными (непреднамеренными). Иными словами, и это специфика социальных инноваций, последние представляют собой особый феномен, имеют такую природу, которая может быть неподвластна человеку и человеческой деятельности.

Именно указанные особенности в понимании инноваций (здесь – социальных инноваций) вызывают определенное несогласие автора, которое он хочет выразить и аргументировать. По мнению А.В. Горюнова, инновации – это всегда продукт человеческой деятельности. То, что названные исследователи считают непреднамеренными инновациями, есть вполне понятное следствие любой деятельности, связанной с творчеством. Мы в этом процессе никогда не можем знать, какой результат получится, поскольку в обратном случае такую деятельность нельзя было бы назвать творческой. Поэтому в любом инновационном продукте будет элемент случайности, непредсказуемости, который было бы неправильно назвать непреднамеренным. Этот результат получен вполне преднамеренно (инноваторы целенаправленно что-то хотели создать, но ожидания не совпали). Без каких-либо усилий результата бы не было вообще.

Другой аспект, вызывающий несогласие с предыдущими авторами, – это разделение инноваций на социальные и технологические. Представляется, что у любой инновации есть предмет, который может быть простым или сложным, узкодисциплинарным или междисциплинарным и т.д. Выделение социальной инновации в таком выражении носит беспредметный характер, что лишает инновацию содержания. Автору представляется, что инновация сама по себе не нуждается в отнесении ее к тому или иному типу (технологическая, социальная, экономическая и т.д.). Скорее всего, инновация может иметь разные аспекты своей разработки и своего применения. В частности, инновация обязательно имеет экономико-технологическую сторону и социально-гуманистическую сторону. Это не типы инноваций, это ее возможные проявления для общества. Попробуем это продемонстрировать в теоретическом и прикладном плане.

Когда Й. Шумпетер в своей «Теории экономического развития» использовал понятие «инновация», он хотел подчеркнуть разницу между понятиями «экономический рост» и «экономическое развитие». Если рассматривать эти понятия так, как сегодня используют, к примеру, понятия «новация» и «инновация», то действительно между ними сложно обнаружить существенное различие, хотя для Й. Шумпетера различие указанных понятий имело принципиальное значение. Экономический рост – это увеличение производства и потребления одних и тех же товаров со временем, тогда как экономическое развитие – это создание чего-то нового, неизвестного ранее и обязательно внедренного. Понятие «инновация», по Й. Шумпетеру, важно для демонстрации качественного различия в осуществлении какого-то процесса, в функционировании какого-то явления. Й. Шумпетер даже выразил пять типов изменений качественного плана, демонстрирующих природу инновации [5].

П. Друкер, немецко-американский исследователь, полагал, что инновация – это больше характеристика мировосприятия человека и его способностей управлять своей судьбой и судьбой людей, организаций, предприятий. Инновация, по П. Друкеру, не обязательно является характеристикой коммерческого предприятия (у Й. Шумпетера наличие прибыли либо определенной материальной эффективности есть неотъемлемая характеристика инновации), она может быть использована и в некоммерческой сфере. Как пишет Б. Межуев, «Друкер настаивает на том, что успех любого – коммерческого и некоммерческого – предприятия в настоящее время зависит от способности к постоянной критической переоценке своей работы… Кроме этого, менеджеры должны всегда держать в поле зрения не потребителей производимого их компаниями продукта, а именно людей, отказавшихся по тем или иным причинам от его потребления» [6]. П. Друкер в своей работе «Задачи менеджмента в XXI веке» определяет, что инновация – это соблюдение трех основных принципов мышления и поведения: готовность к постоянным изменениям и способность самостоятельно генерировать их, отказываясь от старых и привычных форм и методов работы; понимание необходимости переобучения в процессе работы; готовность включиться в процесс деятельности в качестве руководителя, что предполагает сознание конечных целей работы, самостоятельную оценку ее результатов, а также самостоятельную формулировку критериев этой оценки [7].

П. Друкер хочет подчеркнуть социальный и гуманистический аспект любой инновационной деятельности, демонстрирующий такие важнейшие составляющие инноваций и инновационного развития, как возможность для человека самореализоваться, настраиваясь на создание и внедрение чего-то нового; важность социальных контактов, позволяющих улавливать имеющиеся в обществе настроения и потребности, реализовывая их в виде инноваций (что в ситуации закрытости сделать было бы намного сложнее); технологическая составляющая, через которую внедряется и используется инновация; экономическая составляющая, направленная на учет финансовой и любой другой эффективности инновации.

Как отмечает Б. Межуев, «Друкер большое внимание уделяет гуманитарным аспектам технологической революции. Лидерство Соединенных Штатов в индустриальную эпоху он связывает именно с тем, что этой стране удалось сделать социально приемлемым и даже респектабельным фигуру “предпринимателя”-инноватора. Хотя Британия опережала США в области технологических инноваций (паровая машина и т.д.), она была не готова принять в качестве социально респектабельного тип рационализатора производства, внедряющего инновации в индустрию. Этот тип никогда не пользовался здесь уважением, предпочтение в Англии оказывалось либо джентльмену, добро-

порядочному буржуа, либо интеллектуалу-ученому или инженеру без коммерческой жилки. Америка смогла осуществить своеобразную гуманитарную инновацию, сделав ставку на поощрение сопряженного с рисками (венчурного) предпринимательства, на развитие специального технического образования и на культурную "реабилитацию" предпринимателя-изобретателя типа Томаса Эдисона» [6].

США смогут, согласно П. Друкеру, сохранить лидерство в новую информационную эпоху, если снова осуществят аналогичную инновацию в гуманитарной сфере, а именно сделают ставку на интеллектуала, освободив его от опеки со стороны бизнеса и государственной администрации. «Предприниматель должен не покупать интеллектуала, но дать ему возможность стать равноправным участником бизнеса» [Там же]. Тем самым П. Друкер хочет подчеркнуть, что исключительно технологические характеристики инновации (новая техника, прибыль, организационные преобразования) нельзя рассматривать в качестве полноценных показателей инновационного развития, как это часто мы встречаем в публикациях и выступлениях отечественных исследователей, руководящих работников и т.д. Гуманистическая и социальная составляющие инновационной деятельности, используя понимание Й. Шумпетера, позволяют внести качественную трансформацию в происходящие изменения, превращая экономический рост в экономическое развитие.

Экскурс, связанный с уточнением понятий, важен для того, чтобы продемонстрировать, что часто достигаемый успех так называемой инновационной разработки со стороны технической или экономической эффективности нельзя в полной мере считать инновацией или инновационным развитием, поскольку социальная и гуманистическая стороны вынесены за пределы демонстрации. И это принципиальный момент.

Особенно этот аспект важен сегодня, поскольку в оценках инновационности развития стран, организаций, предприятий, университетов мы часто обнаруживаем существенные различия. Наиболее явно эту дифференциацию можно увидеть в различных рейтингах инновационного развития стран мира. Необходимо уточнить, что различия в оценках связаны в основном с учетом полноты охвата основных составляющих инноваций: технологически-экономической и социально-гуманистической. Продемонстрируем это на примере двух рейтингов оценки развития инноваций в странах мира: Глобального индекса инноваций (The Global Innovation Index), формируемый журналом World Intellectual Property Organization (WIPO) совместно с Корнуэлльским университетом (США) по методике бизнес-школы STEAD (Франция), и индекса инноваций Bloomberg (The Bloomberg Innovation Index). Согласно этим рейтингам Россия за предыдущий 2015 г. заняла соответственно 49-е [8] и 14-е [9] места по развитию инноваций среди стран мира. Учитывая, что расхождение между этими местами достаточно большое, можно сделать вывод о разности методик расчета, поскольку в одном случае речь идет о средних показателях, а в другом – о месте, указывающем на относительно высокие показатели развития инноваций.

В случае Глобального индекса инноваций в основе методики учитываются две группы показателей: располагаемые ресурсы и условия для проведения инноваций (институты; человеческий капитал и исследования; инфраструктура; развитие внутреннего рынка; развитие бизнеса) и достигнутые практические результаты осуществления инноваций (развитие технологий и экономики знаний; результаты креативной деятельности).

В варианте индекса инноваций Bloomberg в основе методики оцениваются 7 критериев: интенсивность НИОКР, производительность, концентрация высоких технологий, концентрация исследователей, производственные возможности, эффективность третичной и патентной активности.

Если сравнить по критериям оценки оба рейтинга, то представляется, что рейтинг индекса инноваций Bloomberg носит более технолого-экономический характер, тогда как Глобальный индекс инноваций стремится более полно учитывать социально-гуманистическую составляющую инновационного развития. Такие критерии, как институты, человеческий капитал, инфраструктура, результаты креативной деятельности и т.д., предполагают не только характеристики технико-экономического плана, но и оценку условий, отношений, установок жизнедеятельности людей, а это значит, что социально-гуманистическая сторона инноваций здесь присутствует.

Получается, что Россия исключительно по технико-экономическим показателям развития инноваций занимает достаточно высокое место, опережая даже такие развитые страны, как Норвегия, Бельгия, Швейцария, Нидерланды, Китай и др. Тогда как включение показателей социально-гуманистического плана сразу существенно отодвигает нашу страну в рейтинге инновационного развития. И эта разница мест в рейтинге очень хорошо демонстрирует ту зависимость, о которой упомянул в приведенной выше цитате ректор Казанского национального исследовательского технологического университета Г.С. Дьяконов, заявляя, что характер, эффективность и скорость инноваций в экономике зависят от этих же параметров развития инноваций в образовании. Несколько полемируя с такой трактовкой и полагая, что такая зависимость носит неодносторонний характер (экономика в свою очередь оказывает на образование не меньшее влияние), соглашусь с тем, что в нашей системе экономического развития и системе образования социально-гуманистическая составляющая существенно уступает в развитии технолого-экономической составляющей, что, собственно, рейтинги и продемонстрировали.

Если обратиться к опыту Томского политехнического университета, то можно выявить аналогичную тенденцию и в его функционировании.

Инновационная составляющая является важнейшим вектором развития университета, поскольку цель, которую университет ставит в качестве основной программной составляющей – становление и развитие ТПУ как исследовательского университета – одного из мировых лидеров в области ресурсоэффективных технологий, решающих глобальные проблемы человечества на пути к устойчивому развитию [10], без инновационного наполнения просто не достижима. Собственно университет прикладывает огромные

усилия в обозначенном направлении. Это касается и образовательной, и научной составляющей.

Вуз попал в программу повышения конкурентоспособности отечественных университетов «Топ 5-100» с достаточно амбициозной программой, основным результатом которой является, помимо попадания в первую сотню рейтингов мировых университетов, становление Томского политехнического университета в качестве университета аспирантско-магистерского типа. Ведущие университеты мира чаще всего представляют такой тип высших учебных заведений. Специфика таких университетов заключается в том, что они выступают в качестве «постоянно работающей научно-исследовательской лаборатории», в которой добывают новые знания и ставят эксперименты, что позволяет сотрудникам этих учебных заведений быть всегда в курсе последних научных достижений и соответственно использовать подобные возможности в сфере образовательной подготовки, помогая собственным студентам также шагать «в ногу со временем» в области развития знаний и технологий.

В Томском политехническом университете разработана и постоянно модернизируется гибкая система осуществления образовательной траектории учащегося, ориентированная на индивидуальный подход. Поощряется активность студентов в выборе дополнительных образовательных ресурсов.

Делается акцент на инновационной составляющей образовательной подготовки. На протяжении последних лет ежегодно корректируются учебные планы направлений, учитывая пожелания самих учащихся и потенциальных работодателей, с которыми руководители основных образовательных программ стараются сотрудничать достаточно тесно. Эти изменения можно проследить, если изучить документацию по образовательным направлениям подготовки за последние 5 лет на сайте вуза в разделах «Фонд образовательных программ ТПУ» и «Образование» [11, 12].

На разных уровнях подготовки особый акцент делается на развитии креативных способностей, самостоятельности, инициативности. Для абсолютно всех направлений подготовки предусмотрены учебно-исследовательская и научно-исследовательская работа, творческий проект – специальные дисциплины, в рамках которых учащиеся учатся осуществлять исследовательские виды деятельности учебного и научного плана. Помимо этого в каждой из дисциплин, которые студенты изучают в процессе обучения, идет ориентация на проектный подход, позволяющий не просто усваивать какую-то информацию и знания, а самостоятельно ее добывать и учиться применять на практике.

На уровне бакалавриата в качестве факультатива для развития творческих и эвристических компетенций введен курс «Креативный тренинг для инженера», позволяющий не только выявлять степень выраженности креативности человека, но и управлять развитием творческих способностей [13]. На уровне магистратуры в качестве факультатива введены курсы «Научный файндрайзинг», «Тайм-менеджмент», «Логика и навыки критического мышления», позволяющие магистрантам не только учиться организовывать, проводить и защищать собственные проекты, но и практически осуществлять, одновременно учась и получая соответствующую поддержку от различных фондов.

К тому же университет активно развивает систему дистанционного образования, переводя многие свои курсы на интерактивные платформы массовых онлайн-курсов. Это далеко не весь перечень дисциплин и мероприятий по развитию инновационной составляющей в образовательной подготовке Томского политехнического университета. Но он демонстрирует, что эта составляющая в его развитии действительно является одной из важнейших.

По аналогии можно рассмотреть и научную составляющую. Как правило, инновационный вектор развития в вузе выражается в создании вокруг университетов инфраструктуры инновационных предприятий при участии преподавателей, учащихся, представителей бизнеса (самый известный пояс таких предприятий – Силиконовая (Кремниевая) долина при Стэнфордском университете в США). В Томском политехническом университете есть свой бизнес-инкубатор – место, специально созданное для стартапов на стыке науки и бизнеса, а также целый перечень малых инновационных предприятий, где активные организаторы реализуют и продают инновационные разработки. Только на сайте университета указано 47 таких предприятий [14], что для полумиллионного Томска, в котором функционируют еще пять крупных государственных университетов, достаточно. На сайте приведен перечень продукции и услуг, которые они готовы предоставить потенциальным потребителям. Это также далеко не весь список научных мероприятий инновационного типа, но и он дает понимание серьезности намерений рассматриваемого университета.

Тем не менее наличие позитивных моментов не означает наличие определенных проблем в области инновационного развития, которые во многом возникают из-за перекосов в инновационном развитии, когда одни параметры инновации реализуются без учета других. Чтобы это продемонстрировать, укажем причины недостаточной развитости инноваций, выявленные в программных документах Томского политехнического университета, и сравним их, к примеру, с ключевыми факторами успешного инновационного развития такого вуза, как Корейский институт передовых технологий (KAIST), самого инновационного вуза Южной Кореи, на протяжении последних пяти лет демонстрирующего рост своих рейтинговых позиций в QS.

В качестве основных причин, препятствующих успешному инновационному развитию ТПУ, названы:

– недостаточно высокий уровень владения английским языком студентов и сотрудников;

– низкий уровень интернационализации;

– концентрация «большой» науки в государственных академиях;

– ориентация существенной части успешных выпускников региональных школ на поступление в столичные вузы;

– незначительное число образовательных программ на английском языке;

– недостаточно современная инфраструктура кампуса;

– «технологический застой» 90-х гг. в России, сопровождавшийся слабой востребованностью инженерной профессии;

– барьеры, затрудняющие трудоустройство иностранных ученых в российских вузах [15].

Из этих причин к категории причин технолого-экономического плана можно отнести всего две: недостаточно современная инфраструктура кампуса и «технологический застой» 90-х гг. в России, сопровождавшийся слабой востребованностью инженерной профессии. Последнюю причину сюда можно отнести с большой натяжкой, поскольку слабая востребованность инженерной профессии – это причина социально-гуманистического плана.

Все остальные причины относятся к сфере социально-гуманистического плана и условно могут быть обобщены следующим образом: недостаточная квалификация и недостаточная мотивация сотрудников. Следует добавить, что зачастую недостаточная квалификация персонала является следствием недостаточной мотивации. А сфера мотивации – это очень «тонкая» сфера, которую невозможно регулировать посредством каких-либо показателей количественного характера.

Почему и имеет смысл обратиться к опыту Корейского института передовых технологий, поскольку последний представляет страну догоняющего типа (latecomer countries) – Южную Корею, которая решала схожие с Россией задачи, связанные с переходом на инновационный путь развития. Южная Корея, согласно приведенным выше рейтингам The Global Innovation Index и The Bloomberg Innovation Index, занимает 16-е и 1-е места соответственно. Это также показывает небольшой разрыв в развитии технолого-экономической и социально-гуманистической сторон инноваций, только данный разрыв менее серьезен, демонстрируя все-таки отставание социально-гуманитарного аспекта инновационного развития. Важно то, что тенденция очень схожа с российской. Поэтому и обращение к опыту KAIST вполне оправданно.

Данный опыт показывает, что в инновационном прорыве этого корейского вуза существенную роль сыграло несколько факторов. Как полагают Хьюнг Сеок Юн (Hyungseok Yoon) и Чжо Сунг Ли (Joosung J. Lee), таких важных причин произошедшего рывка четыре:

– наличие ключевого руководства и поддержка правительства, способные на достаточно длительный период создать культуру предприимчивости во всех видах деятельности вуза;

– создание эффективного сетевого взаимодействия между вузами и бизнесом в качестве инвестора и работодателя;

– создание интерактивной платформы для поощрения любой инициативы преподавателей и научных работников, на базе которой вполне возможно достижение эффекта синергии от совместного взаимодействия;

– политика университета по мотивации студентов и преподавателей на ведение предпринимательской деятельности как в университете, так и за его пределами [16].

Как видно из приведенного опыта, основные причины, позволившие существенно улучшить инновационный вектор развития KAIST, связаны в основном с серьезной трансформацией мотивационной составляющей собственных сотрудников в их профессиональной деятельности и привлечением высококвалифицированных специалистов из ведущих университетов – социально-гуманистической составляющей стороне инноваций (так в статье ее характеризуют авторы).

Видимо, эта сторона требует своего усиления в инновационном векторе развития ТПУ. С одной стороны, в вузе введена система эффективного контракта, позволившая за короткий период улучшить показатели деятельности, но с другой стороны, ее основные параметры касаются технолого-экономической стороны этой деятельности и оцениваются абсолютно количественно (даже репутационные параметры): число статей, число цитирований, количество финансовых средств и т.д. Нет качественных параметров, демонстрирующих мнение коллег, удовлетворенность сотрудника, руководителя, работодателя, тех значений, на основании которых можно было лучше почувствовать степень мотивации всех сторон взаимодействия.

Smart systems выступают в качестве такого результата деятельности, которые и позволяют оценить полноту представленности всех аспектов разрабатываемых инноваций (технолого-экономический и социально-гуманистический). И только относительно равноценная представленность обозначенных аспектов инноваций дает возможность успешной разработки и применения любой Smart system. То, что в Томском политехническом университете происходит обращение к таким системам, как Smart Grid, говорит о правильности избранного вектора инновационного развития, другое дело, что без акцента на социально-гуманистическом аспекте это развитие будет серьезно сдерживаться и консервироваться, что уже было отмечено ранее [13, 17, 18].

Таким образом, подводя итог, важно отметить, что инновация как предмет философского осмысления обладает разными следствиями своего осуществления (технолого-экономическими и социально-гуманистическими). Дисбаланс в проявлениях этих следствий ведет к определенным перекосам в развитии общества, которые следует устранять. Одним из инструментов восстановления баланса может быть образование (в первую очередь, инженерное образование). При этом следует констатировать, что оценка системы компетенций образовательной инженерной подготовки ТПУ (как и в России в целом) в области Smart systems носит неравномерный характер, связанный с тем, что в инновационном развитии преобладает технолого-экономический аспект. Он выражен через разработку и использование новейших технологий и технических продуктов, ориентацию на коммерческую эксплуатацию создаваемых инноваций в деятельности университета. В результате технический и экономический успех нивелируется тем, что не приводит к соответствующей социальной трансформации в сознании и поведении людей, а следовательно, не ведет к эффективному использованию разработок со стороны общества (например, приобретение по программам Правительства РФ современного медицинского оборудования не улучшило качество медицинского обслуживания населения в большинстве случаев, поскольку это оборудование так и не стало ис-

пользоваться и осталось «лежать мертвым грузом» на складах). Восстановление баланса между технолого-экономическим и социально-гуманистическим аспектами инновационного развития – единственный вектор повышения качества образовательных программ ТПУ, других вузов РФ, а также качества жизни населения нашей страны. Но для этого важно осуществить перестройку мотивационной стороны деятельности сотрудников вуза, где наиболее удобным инструментом может выступить корпоративная культура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейтинг ТПУ. URL: http://tpu.ru/today/facts-numbers/ratings/ (дата обращения: 10.05.2017).
2. Дьяконов В.С. Инновационное инженерное образование в исследовательском университете // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 29–35.
3. Федотова В.Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // Вопросы философии. 2010. № 10. URL: http://vphil.ru/index.php? option=com_content&task=view&id=209&Itemid=52 (дата обращения: 10.05.2017).
4. Горюнов А.В. Модели социальных инноваций в социальной философии и науке: экспликация и социально-философский анализ. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10): в 3 ч. Ч. II. С. 54–60.
5. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : ЭКСПО, 2007.
6. Межуев В. Питер Фердинанд Друкер и его теория инноваций. Русский архипелаг. М., 2003. URL: http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/leader/theory/ (дата обращения: 10.05.2017).
7. Drucker P. Management Challenges for the 21st Century. New York : Taylor & Francis Ltd., 2001.
8. The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development. URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2015-v5.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
9. The Bloomberg Innovation Index. URL: http://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/ (дата обращения: 10.05.2017).
10. План мероприятий по реализации Программы повышения конкурентоспособности («Дорожная карта») Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» на 2013–2020 гг. (2-й этап – 2015–2016 гг.). М., 2015. URL: http://tpu.ru/f/2365/dk_2015.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
11. Фонд образовательных программ ТПУ. Томск, 2016. URL: http://portal.tpu.ru/fond2 (дата обращения: 10.05.2017).
12. Образование. Корпоративный портал Томского политехнического университета. Томск, 2016. URL: http://portal.tpu.ru/departments/otdel/oauup/uch_poruchen_2016-17 (дата обращения: 10.05.2017).
13. Ardashkin B., Korobeynikova L.A., Popova A.V. Status of social competencies of power engineers in the context of forming the concept of an intelligent network or smart grid. MATEC Web of Conferences, 37, 01003 (2015). URL: http://www.matec-conferences.org/articles/matecconf/pdf/ 2015/18/matecconf_sg2015_01003.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
14. Малые инновационные предприятия. Корпоративный портал Томского политехнического университета. Томск, 2016. URL: http://portal.tpu.ru/departments/otdel/bi/mip (дата обращения: 10.05.2017).
15. Программа повышения конкурентоспособности. Сайт ТПУ. Томск, 2016. URL: http://tpu.ru/today/today/programs/viu/ (дата обращения: 10.05.2017).
16. Hyungseok Yoon, Joosung J. Lee. Entrepreneurship Education and Research Commercialization of Engineering-Oriented Universities: An Assessment and Monitoring of Recent Development in Korea // International Journal of Engineering Education. 2013. № 29. P. 1068–1079.
17. Chmykhalo A.Y., Khaliulina V.R., Abushaeva M.E. Innovative Power Systems and The Formation of The Creative Class in Russia // MATEC Web of Conferences. 2015. № 37. P. 01016. URL: http://www.matec-conferences.org/articles/matecconf/pdf/2015/18/matecconf_sg2015_01016.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
18. Makienko M.A., Kurkan N.V., Strelcowa A.A. Philosophical approach to engineering education under the introduction of the smart grid concept in Russia // MATEC Web of Conferences. 2015. № 37. P. 01031. URL: http://www.matec-conferences.org/articles/matecconf/pdf/2015/18/matecconf_sg2015_01031.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 июля 2017 г.

INNOVATIONS AND INNOVATIVE DEVELOPMENT: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH (THROUGH THE EXAMPLE OF ENGINEERS OF TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY IN THE FIELD OF SMART SYSTEMS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 45–52.
DOI: 10.17223/15617793/422/7

Igor B. Ardashkin, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ibardashkin@mail.ru

Keywords: innovation; innovative development; Smart Systems; economic and technological component; socio-humanitarian component.

In this article the author presents the analysis of the concepts of innovation and innovative development in the context of socio-philosophical problems. Philosophers' attempts to understand innovation and innovative development are reasoned by the fact that these concepts express processes which nowadays play the role of factors which provide dynamic development of leading countries. The representatives of economics, management and information technologies sciences managed to succeed in the research of the phenomena. Russian philosophers joined this research later. One of the features of the socio-philosophical approach is uncertainty in definitions when orienting at the social aspect of innovations and innovative development. In this regard the author engages in controversy with V.G. Fedotova, A.V. Goryunov and others on the issue of understanding the nature of innovations. According to the above mentioned authors innovations may be divided into the following types: social and technological. The technological type derives from the social type and represents a special case of it. The author is trying to explain and prove that innovation is a universal phenomenon which does not differ by the field (social, technological, etc.). In the author's opinion, innovation may have various results of its implementation (social, technological, etc.). There are types of innovations the results of which may be more substantial in the context of one social life activity, rather than in the context of another, but this fact does not mean that innovation in this case will be only of social or technological nature. It means that innovation has at least two components mentioned in this article. These components are economic-technological and socio-humanitarian. In order to obtain effective results from innovation implementation it is necessary to combine all of the above mentioned components of innovative development. If the imbalance between the above mentioned components of innovations occurs, then one of these components is presented in the economic sector more fully than another component with all repercussions for the government that permitted its occurrence. In the Russian Federation innovative devel-

opment is imbalanced in favor of the economic-technological component in relation to the socio-humanitarian one. In order to demonstrate this statement the author analyzes various ratings of innovative development and the educational experience of Tomsk Polytechnic University in the field of Smart Systems. The experience of Tomsk Polytechnic University demonstrates that the economic-technological part of innovative development substantially prevails over socio-humanitarian not only in research, but also in the very nature of educational training of engineers. The elimination of this imbalance is the most important step in the innovative development of our country.

REFERENCES

1. TPU Rating. [Online] Available from: http://tpu.ru/today/facts-numbers/ratings/. (Accessed: 10.05.2017). (In Russian).
2. D'yakonov, V.S. (2011) Innovatsionnoe inzhenernoe obrazovanie v issledovatel'skom universitete [Innovative Engineering Education at a Research University]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 12. pp. 29–35.
3. Fedotova, V.G. (2010) Sotsial'nye innovatsii: makro- i mikrotendentsii [Social innovations: macro and microtendencies]. *Voprosy filosofii.* 10. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=209&Itemid=52. (Accessed: 10.05.2017).
4. Goryunov, A.V. (2011) Social innovations models in social philosophy and science: explication and social-philosophical analysis. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 4 (10):2. pp. 54–60.
5. Shumpeter, Y.A. (2007) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: EKSPO.
6. Mezhuev, V. (2003) *Piter Ferdinand Druker i ego teoriya innovatsiy. Russkiy arkhipelag* [Peter Ferdinand Drucker and his theory of innovation. Russian archipelago]. [Online] Available from: http://www.archipelag.ru/geoecono-mics/osnovi/leader/theory/. (Accessed: 10.05.2017).
7. Drucker, P. (2001) *Management Challenges for the 21st Century*. New York: Taylor & Francis Ltd.
8. The Global Innovation Index. (2015) *Effective Innovation Policies for Development*. [Online] Available from: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2015-v5.pdf. (Accessed: 10.05.2017).
9. The Bloomberg Innovation Index. (2015) [Online] Available from: http://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/. (Accessed: 10.05.2017).
10. Tomsk Polytechnic University. (2015) *Plan meropriyatiy po realizatsii Programmy povysheniya konkurentosposobnosti ("Dorozhnaya karta") federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy politekhnicheskiy universitet" na 2013–2020 gg. (2-y etap – 2015–2016 gg.)* [Action plan for the implementation of the Competitiveness Enhancement Program (the "Roadmap") of the federal state autonomous institution of higher education National Research Tomsk Polytechnic University for 2013–2020. (2nd stage: 2015–2016)]. [Online] Available from: http://tpu.ru/f/2365/dk_2015.pdf. (Accessed: 10.05.2017).
11. The corporate portal of Tomsk Polytechnic University. (2016) *Fond obrazovatel'nykh programm TPU* [Fund of educational programs of TPU]. [Online] Available from: http://portal.tpu.ru/fond2. (Accessed: 10.05.2017).
12. The corporate portal of Tomsk Polytechnic University. (2016) *Obrazovanie* [Education]. [Online] Available from: http://portal.tpu.ru/departments/otdel/ oauup/uch_poruchen_2016-17. (Accessed: 10.05.2017).
13. Ardashkin, B., Korobeynikova, L.A. & Popova, A.V. (2015) Status of social competencies of power engineers in the context of forming the concept of an intelligent network or smart grid. *MATEC Web of Conferences.* 37. 01003. [Online] Available from: http://www.matec-conferences.org/articles/matecconf/pdf/2015/18/matecconf_sg2015_01003.pdf. (Accessed: 10.05.2017). DOI: 10.1051/matecconf/20153701003
14. The corporate portal of Tomsk Polytechnic University. (2016) *Malye innovatsionnye predpriyatiya* [Small innovative enterprises]. [Online] Available from: http://portal.tpu.ru/departments/otdel/bi/mip. (Accessed: 10.05.2017).
15. Website of Tomsk Polytechnic University. (2016) *Programma povysheniya konkurentosposobnosti* [Program to improve competitiveness]. [Online] Available from: http://tpu.ru/today/today/programs/viu/. (Accessed: 10.05.2017).
16. Hyungseok Yoon, Joosung J. Lee. (2013) Entrepreneurship Education and Research Commercialization of Engineering-Oriented Universities: An Assessment and Monitoring of Recent Development in Korea. *International Journal of Engineering Education*. 29. pp. 1068–1079.
17. Chmykhalo, A.Y., Khaliulina, V.R. & Abushaeva, M.E.. (2015) Innovative Power Systems and The Formation of The Creative Class in Russia. *MATEC Web of Conferences*. 37. 01016. [Online] Available from: http://www.matec-conferences.org/articles/matecconf/pdf/2015/18/matecconf_sg2015_01016.pdf. (Accessed: 10.05.2017). DOI: 10.1051/matecconf/20153701016
18. Makienko, M.A., Kurkan, N.V. & Strelcowa, A.A. (2015) Philosophical approach to engineering education under the introduction of the smart grid concept in Russia. *MATEC Web of Conferences*. 37. 01031 [Online] Available from: http://www.matec-conferences.org/articles/matecconf/pdf/2015/18/matecconf_sg2015_01031.pdf. (Accessed: 10.05.2017). DOI: 10.1051/matecconf/20153701031

Received: 12 July 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 53–60. DOI: 10.17223/15617793/422/8

УДК 177.3; 167.7

В.Н. Сыров

ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ ИСТОРИЯ И ЭТИКА?

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

Предпринят анализ этического потенциала исторического знания. С этой целью осуществлена предварительная экспликация сложившихся контекстов обсуждения данной темы. Утверждается, что этическое измерение должно стать определяющим принципом организации исторических исследований, но вынесение моральных суждений не должно являться собственной задачей историка. Выдвигается тезис, что функция исторического исследования должна заключаться в подготовке материала для дискуссии о моральной правомерности тех или иных форм жизни.

Ключевые слова: историческое познание; исторический нарратив; моральное суждение; моральные ценности; моральная вовлеченность; моральная ответственность.

Дискуссия о праве и необходимости историка совершать моральные суждения имеет давнюю историю. Аргументация как противников, так и сторонников выглядит вполне убедительной. Первые вполне резонно утверждают, что вынесение моральных суждений находится за пределами профессиональной компетентности исследователя. По их мнению, подлинная задача историка заключается в получении знания. «“Поиск истины”, реконструкция прошлого таким, каким оно было в действительности, – вот та единственная вещь, на которой историки должны сконцентрироваться» [1. P. 52]. Данный тезис кажется очевидным. Более того, он превратился в тривиальность, сопутствующую и сопровождающуюся повторяющейся банальностью о субъективности и относительности моральных убеждений.

Критики справедливо отмечают, что утверждение о необходимости сосредоточиться на поиске истины само опирается на консенсус, достигнутый профессиональным и интеллектуальным сообществом в целом по поводу тех целей, которым должно служить историческое, да и гуманитарное знание в целом. В философско-исторических проектах Просвещения тезис о подлинной роли и ценности такого знания был заявлен достаточно прямо. В частности, Болингброк утверждением о том, что история – это философия, которая учит нас с помощью примеров, выразил это общее убеждение. Смысл данных примеров он конкретизировал в мысли, что «изучение истории кажется мне из всех других занятий наиболее подходящим, чтобы воспитывать в нас личную и общественную добродетель» [2. С. 11]. Стоит отметить, что кажущаяся непроблематичность списка таких добродетелей для новой европейской культуры, помимо прочего, стала решением важной эпистемологической задачи – формирование консенсуса по поводу объекта исторического письма. Тем самым то, что когда-то было предметом споров и дискуссий, а именно приемлемые общественные цели и ценности, само стало контекстом, разделяемым исследовательским сообществом. Позитивизм тезисом о закономерном движении человечества в направлении прогресса не только закрепил данный контекст, но одновременно затемнил эту связь между знанием и ценностями, создав иллюзию поиска объективного знания ради него самого.

Радикальность утверждения о ценностном контексте заключается в допущении, что он является не просто результатом стечения исторических обстоятельств, исправимым в процессе роста самосознания историков, а имманентным условием возникновения и существования самого исторического знания. Иначе говоря, можно настаивать, что как сам интерес к прошлому, так и те или иные способы его интерпретации возникают только в силу определенных общественных потребностей. С этой точки зрения прошлое как таковое возникает для нас не потому, что «объективно» существует, а потому что востребуется для решения тех или иных культурных и практических задач.

Конечно, та сфера, что характеризуется как социально-культурный контекст, шире, чем контекст этический, поэтому можно считать последний составной частью первого. Такие контексты могут рассматриваться в двух аспектах: как цели, которым знание может или должно служить, и как предпосылки, которые это знание обусловливают. Наконец, сама идея контекста подразумевает определенный способ его связи со знанием как соотношение внешнего и внутреннего. Поэтому возможно, что сам дискурс, оперирующий понятием контекста, в перспективе мало удачен для характеристики связи истории и этики и предполагает дальнейшее прояснение или изменение способов описания данной темы.

Тем не менее пока резонно утверждать, что данные контексты не просто неустранимы, но, напротив, только они способны придать смысл производству исторического знания. Этот тезис означает, что их игнорирование не позволит понять природу исторического знания и смысл его создания. По меткому замечанию Франклина Анкерсмита, ценности «часто будут полезным и даже необходимым гидом на нашем трудном пути к исторической истине» [3. P. 5]. Если это так, то, как справедливо отметил Beverley Southgate, вопрос будет состоять не в том, должны ли историки принять «неизбежность своей этической вовлеченности, а в том, в чем такая вовлеченность должна состоять» [1. P. 56]. Поэтому периодическая экспликация культурных контекстов становится необходимой, но не для того, чтобы раз и навсегда освободить исторический дискурс от предрассудков, которые он разделяет вместе со своей эпохой, а чтобы правильно ввести их в игру, обеспечивающую продуктивную связь эвристичности и публичной востребованности исторического знания.

Итак, ключевой вопрос тогда заключается в том, в чем должна состоять этическая ответственность исто-

рика, где должно находиться место для его моральных суждений и в чем они должны выражаться. Иначе говоря, если мы принимаем тезис о правомерности и необходимости моральной вовлеченности историка, то стоит конкретизировать, как она может и должна реализовываться в его деятельности, или, как отметил Keith Jenkins, «к кому и на что она была бы направлена» [4. P. 45].

Движение в этом направлении стоит начать с анализа классических, так сказать, форм этической нагруженности исторического письма. Тогда вопрос о моральной ответственности может быть истолкован прежде всего как вопрос об этической оценке, где она имеет смысл, где ей место в историческом тексте. В свое время Габриэль де Мабли заметил, что «если говорить о разного рода приятностях, то вы прекрасно понимаете, сколь способствует им торжественная риторика. Она побуждает внимание читателя, прерывает однообразие повествования и направляет или скорее побуждает историка пользоваться то одними, то другими средствами красноречия» [5. С. 186]. По сути, Мабли поставил вопрос о продуктивной композиции исторического нарратива. Однако с этой позиции рассыпание этических оценок по тексту может выступить скорее препятствием, чем условием для понимания и создания исторического текста. К тому же такой подход приводит к смещению целей исследования. Ведь одно дело искать доказательства и опровержения гипотез по поводу черт самого прошлого, а другое – судить о моральной значимости этих черт.

Алан Мегилл справедливо отмечает, что этическая оценка не обязательно должна носить эксплицитный характер [6. P. 53]. Проблема в том, как продолжает Мегилл, что если такие оценки согласуются с моральным консенсусом, достигнутым сообществом историков, то рискуют быть воспринятыми как лишенные необходимости, если же они отражают идиосинкразию автора, то рискуют оказаться неоправданными [Ibid.]. Эта мысль носит более глубокий характер, чем может показаться на первый взгляд. Дело в трактовке сути моральной ответственности историка, а именно ее редукции к осуществлению моральных оценок. Можно предположить, что такое истолкование вне зависимости от намерений автора сводит ее, во-первых, к совокупности простых субъективных предпочтений или мнений, а во-вторых, создает устойчивое впечатление их избыточности для исторического исследования, избыточности, которая ничего не проясняет ни в самом тексте, ни в значении такого текста для реализации моральных ценностей. Поэтому можно утверждать, что такой путь лишь дискредитирует связь истории и этики.

Также Мабли подчеркивал, что история украшается моралью в искусных руках [5. С. 164]. Суть такой искусности в том, что «историк должен дать мне возможность заранее почувствовать в этом благоденствии причины упадка. Тогда все разворачивается само собой, факты естественно проистекают одни из других, и именно в этом и состоит все искусство изложения всеобщей истории» [Там же. С. 167]. Данную методологию можно охарактеризовать как умение подвести читателя к пониманию, которое достигается не назойливым навязыванием своих оценок, а мастерской организацией текста в желаемом направлении. Недаром тот же Мабли утверждал, что «мораль тем естественнее соединяется с историей, что благодаря вечным законам Провидения добродетель несет мир в сердца людей, а порок вселяет в них смущение и страх» [5. С. 164]. Как бы в ответ на данное суждение Анкерсмит заметил, что историки, возможно, столь чувствительны к влиянию политических и моральных ценностей, что чувствуют их опасность для получения исторической истины, но не потому, что они сдвигают ее поиск в сторону, а потому, что трудноотличимы от ее поиска [3. P. 4].

Мысль Анкерсмита можно проинтерпретировать следующим образом. Резонно полагать, что организация исторического повествования как воплощения тех или иных моральных ценностей стирает грань между доказательством и манипуляцией, хотя и создает ощущение объективности, особенно если такая организация носит имплицитный характер. Причина заключается не только в степени честности историка или «субъективности» моральных ценностей как таковых. Суть, как представляется, в выборе нарративного формата. Можно утверждать, что если исторический нарратив построен для оправдания или ниспровержения тех или иных ценностей, то самой целью обречен на односторонность в выборе значимых свидетельств, несмотря на внешнюю научную респектабельность. Если это так, то вопросы, в чем должна заключаться моральная вовлеченность историка и как она должна реализовываться, остаются в силе.

Уже цитированный выше Мегилл обсуждает утверждение американской исследовательницы Edith Wyschogrod о цели исторического исследования предоставить голос тем, кто не имел возможности сказать, чей голос не был слышен или услышан. Речь прежде всего идет о жертвах исторических событий или процессов. Эта мысль была выдвинута, в частности, Жаном-Франсуа Лиотаром и применительно к теме этической ответственности историка актуализирована Keith Jenkins [4. P. 52–56]. Она заключается в утверждении, что даже радикальное неприятие чьей-либо позиции в той или иной мере подразумевает признание ее значимости или права на существование. Соответственно, абсолютной несправедливостью тогда будет даже не столько нежелание выслушать аргументы другой стороны, сколько игнорирование самого ее права и возможности высказаться. Wyschogrod трактует этот тезис как основание для определения статуса и смысла этической ответственности историка. По ее мнению, историческое исследование, по сути, есть обещание не забывать, и этот акт, первичный по отношению к историческому нарративу, носит характер этический, а не эпистемологический [7. P. 30].

Как отмечает Мегилл, своими размышлениями «она [Wyschogrod] привлекает внимание к тем жертвам геноцида, что были лишены возможности самими выступить в роли истца» [6. P. 65]. Основополагающая установка самого Мегилла по этому поводу заключается в утверждении, что «историк – судья, а не адвокат» [Ibid. P. 66]. Что означает эта мысль? Бес-

спорно, что в отношении ряда событий, особенно недавнего прошлого, этическая оценка которых носит или приобрела общезначимый однозначный характер, позиция историка как представителя подавленных голосов кажется правомерной. Но ее расширение на историческое познание в целом требует некоторого прояснения.

Прежде всего, Мегилл полагает, что статус жертвы не может быть приписан, а должен быть установлен посредством исследовательских процедур [6. P. 65]. Иначе говоря, нет прямой связи между призывом к историку выступить представителем неслышных или неуслышанных голосов и приписыванием им статуса жертвы. Можно вполне согласиться с первой частью данного утверждения как несколько метафорической интерпретацией сути исторической работы. Действительно, если хороший историк – это тот, кто может представить оригинальную версию прошлого, то степень оригинальности определяется, помимо прочего, способностью встать на позицию, с которой вещи будут видеться иначе или с которой будет видеться то, что не виделось раньше. А это, скорее всего, будет связываться с экспликацией ранее неуслышанных голосов. Но правомерно ли считать их жертвами, а в более широком смысле, претендовать на моральную однозначность исторических интерпретаций?

Ведь даже в недавней истории можно найти массу примеров весьма неоднозначной, если не противоположной, этической оценки тех или иных исторических личностей, событий и процессов. Более того, зачастую даже признание у них одних этически негативных черт часто сопровождается перечислением черт этически позитивных, что предполагает саму по себе сомнительную процедуру взвешивания достоинств и недостатков. Ситуация усугубляется, если речь начинает идти о периодах, удаленных от нас как по времени, так и по этическим стандартам. Моральный суд в таких случаях отдает опасным презентизмом, утрачивая свою как моральную, так и эвристическую силу.

Поэтому Мегилл полагает, что решающее этическое обязательство историка – говорить истину [Ibid. P. 54]. Против этого тезиса трудно возразить. Но, тем не менее, и он поднимает некоторые вопросы. Мегилл бесспорно прав, утверждая, что историк должен занять двойную дистанцию: как по отношению к прошлому, так и по отношению к настоящему [Ibid. P. 61]. Дело здесь, конечно, не в том, чтобы встать на отстраненную позицию, как от влияния прошлого, так и от бурь современности в надежде на вневременную объективность, а в том, чтобы отчетливее обозначить место оправданного произнесения исторических высказываний.

Определение такого места предполагает одну имплицитную, а потому нерефлексивную установку, что требование говорить истину подразумевает консенсус по поводу круга релевантных исторических сюжетов. Внутри устоявших исследовательских парадигм их выбор кажется очевидным. Но ситуация усложняется в свете реализации критической рефлексии по этому поводу. Как известно, Артур Данто в свое время отметил, что «спрашивать о значении некоторого события в *историческом* смысле этого термина – значит ставить вопрос, на который можно ответить только в контексте завершенного рассказа» или «в соответствии с разными множествами более поздних событий, с которыми его можно связать» [8. С. 20]. Иначе говоря, по Данто, объект (сюжет) приобретает исторический характер, если порождает некоторые значимые последствия. Опуская в стороне опосредующие звенья, отметим, что современность является конечным пунктом их определения.

Понятно, что диагноз нашего времени и определение значимого прошлого сами являются результатом исследований, а не априорных установок. Рано или поздно они приобретают характер имплицитных контекстов, но именно внутри них мы, в конечном счете, смотрим на те или иные сегменты прошлого как на возможные объекты исторического исследования. Но это означает, что поиск истины осуществляется по поводу сюжетов, которые уже детерминированы такими контекстами. Недаром несколько в критическом аспекте Jenkins справедливо подчеркнул, что «что большинство академических историков не думает о вещах, которые воплощают собой тихие и скрытые механизмы идеологической власти в нашей текущей социальной формации» [9. P. 18].

Что касается определения природы таких контекстов, не будет особым открытием тезис о практическом интересе как основании обращения к прошлому. Речь, конечно, не об оправдании современных ценностей (политических, культурных и т.д.) посредством истории, а о поиске истоков интереса к прошлому за пределами самого исторического знания. Есть глубокая истина в расхожей фразе о том, что без знания прошлого нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Мысль «понять настоящее» можно истолковать как определение тех черт, которые в нем надлежит изменить или сохранить. Как то, так и другое подразумевают наличие некоторой перспективы и с необходимостью предполагают обращение к прошлому (говоря категоричнее, открытие самого прошлого), где мы ожидаем найти как минимум две вещи. В том, что касается недавнего прошлого, мы желаем обнаружить причины, породившие нашу современность. В том, что касается давно минувших дней, мы стремимся осмыслить их как некоторый исторический опыт, позволяющий нам лучше понять, что и как надлежит делать (или не делать). Поэтому даже если в современной культуре будущее зачастую воспринимается как продолжение настоящего в силу отсутствия нужды в радикальном ином проекте будущего, историческое измерение открывается нам лишь в свете будущностно-ориентированной перспективы. Стоит согласиться с утверждением Йорна Рюзена, что «не существует исторической мысли без более или менее скрытой перспективы темпорального изменения, которое ведет в будущее и посредством своих интенций служит фактором в определении направления человеческой активности» [10. P. 197].

Как представляется, именно в определении условий исторического интереса содержится решение вопроса о сути этической вовлеченности историка. Говоря иначе, вопрос о взаимоотношении этики и исто-

рии может быть проинтерпретирован как вопрос о том, что первично, а что вторично. Этика ли определяет сюжеты и сам смысл рациональной аргументации или она извне приходит к историческому знанию уже после того, как историческое предприятие состоялось?

Джон Ролз, как известно, начал свою знаменитую книгу с утверждения, «что справедливость – это первая добродетель Общественных институтов» [11. С. 19]. Более того, он подчеркнул, что как бы ни были эффективно и успешно устроены законы и институты, они «должны быть реформированы или ликвидированы, если они не справедливы» [Там же]. В более широком смысле мысль Ролза можно трактовать как характеристику ценности этической составляющей в человеческом бытии. Можно сказать категоричнее. Тему поиска и обеспечения достойной жизни следует считать единственной достойной темой человеческого познания и практики. Если это так (оставим в стороне вопрос о трактовках как самой справедливости, так и определения ее статуса в этике, а также приоритете тех или иных этических концепций в целом), то этическое предстает не чем-то, извне приходящим к тем или иным формам жизни, а необходимым и имманентным принципом их организации. Справедливо отметил когда-то Джон Локк: «Ибо разумным будет заключение, что наше собственное назначение заключается в таком исследовании и в такого рода познании, которое всего более соответствует нашим природным способностям и включает в себя наши главные интересы, т.е. обеспечение нам вечной жизни. Отсюда, мне думается, я могу заключить, что вопросы *этики суть настоящая наука* и они составляют *задачу человеческого рода вообще...*» [12. С. 125].

Где тогда место этического в историческом письме? Мегилл несколько афористически заметил, что этика исторического исследования скрывается на уровне не самого текста, а его создания [6. P. 53]. Этот тезис можно интерпретировать следующим образом. Резонно полагать, что этическое измерение следует считать имманентной частью исторической мысли, если история призвана помочь нам открыть причины настоящего и подать прошлое как серию опытов реализации тех или иных форм жизни, а идентификация настоящего и обсуждение устройства и перспектив социальных институтов вне их морального измерения бессмысленно, да и просто немыслимо. С этой точки зрения этическое, конечно, первично по отношению к историческому, поскольку обусловливает цели и смысл создания исторических текстов. Но тезис Мегилла также означает, что этическое наполнение следует трактовать не как составную часть каждого исторического нарратива, а как принцип организации и определение направления исторических исследований. Иначе говоря, моральная вовлеченность является имманентной частью исторической мысли, но отнюдь не обязательным элементом каждого исторического нарратива.

Эту мысль будем рассматривать как исходную методологическую установку. Если представить ее в несколько метафорической форме, то можно сказать, что этическое располагается и должно располагаться на входе и выходе исторического предприятия. Один аспект этого утверждения выше уже был рассмотрен. Он воплощен в утверждении, что историческая мысль невозможна вне моральной насыщенности окружающего ее контекста. Более того, моральный контекст имеет еще и эвристическую ценность. Суть в том, что он меняет или расширяет угол зрения на прошлое, помогая увидеть как сами объекты, так и то в этих объектах (событиях, институтах, нормах, процессах и т.д.), что мы бы в принципе не увидели, не имея этического угла зрения. Справедливо было подчеркнуто, что цель этики заключается «в расширении нашей социальной карты для того, чтобы обеспечить доступ к маргинальным формам существования, чье страдание проходит как неопознанное» [13. P. 227]. Поэтому чем выше наша моральная чувствительность, тем богаче способы видения прошлого. И наоборот, согласимся с оригинальной мыслью Анкерсмита, что стоит предпочесть такие политические и моральные ценности, что способствуют созданию наиболее сильных и успешных репрезентаций прошлого [3. P. 22].

Но в силе остается вопрос, как этическое будет и должно присутствовать в самом историческом тексте или должен ли сам историк выносить моральные суждения по поводу изучаемых им объектов? Выше уже было отмечено, что вряд ли стоит возвращаться к трактовке ценности исторического знания как прямой иллюстрации нравственных добродетелей и пороков. Столь же дискредитировал себя метанарратив, повествующий о поступательном воплощении моральных ценностей в истории. Поэтому представляется, что историческое предприятие должно осуществляться скорее в свете моральных ценностей, но не с целью их прямого подтверждения или опровержения. Тем самым этическое измерение истории – это вопрос не столько о том, что писать, сколько о том, как писать.

Если использовать язык юриспруденции, то в противовес Мегиллу и в предпочтение Коллингвуду резоннее рассматривать исследования историка как работу не адвоката или судьи, а следователя. Тогда этическая вовлеченность историка заключается не в вынесении морального суда и собственного приговора, а в тщательной подготовке и предоставлении материала для последующего ведения судебного процесса. Как исследователь историк скорее должен обладать инструментами, делающими его открытым и чувствительным к многообразию и разнообразию голосов, прямо или косвенно звучащих в свидетельствах о прошлом. Но дело здесь не в абстрактном поиске истины безотносительно способов ее использования, а в отчетливом осознании целей, ради которых истина ищется. Именно включение этического измерения в качестве контекста позволяет взвешивать все «за» и «против» в имеющемся эмпирическом материале, но даже определяет само направление его поиска. Но, опять-таки, добротное знание такого контекста заключается прежде всего в повышении чувствительности в поиске свидетельств для создания более богатой и насыщенной картины прошлого. Иначе говоря, задача историка не давать своими изысканиями готовый ответ, а подготовить материалы для постановки вопроса о моральной правомерности тех или иных форм жизни.

В свете утверждений о такой роли контекстов скорее встает другой вопрос: как тогда отнестись к тому,

что историческое знание уже ценностно ангажировано, и эта черта ему имманентно присуща. Бесспорно, что ее избежать нельзя. Но можно полагать, что история в этом вопросе разделяет судьбу как гуманитарного знания в целом, так и знания вообще. Поэтому, если отказывать ей в праве на возможность получения надежного (конечно надежности в современном или постклассическом смысле) знания, то это надлежит делать по отношению к любому виду знания. Естественные науки здесь не исключение и не воплощение островка объективной истины в океане субъективности. Поэтому упреки истории в имманентно присущей ей манипулятивности проистекают отнюдь не из определения ее природы, а скорее являются следствием сохранения архаических представлений о характере моральной вовлеченности историка. Когда-то Мабли с восхищением писал, что «Тацит не упустил ни одного случая, когда высокодостойный муж погибал по воле цезаря, чтобы не извлечь из сего поучительный пример» [5. С. 164]. Рискнем утверждать, что воспроизведение такого подхода как раз будет отражать лишь некритически воспринятые представления Античности и Просвещения о моральном предназначении историка.

Если это так, то в историческом исследовании скорее стоит сосредоточиться не на методологии рассыпания моральных оценок, а на разработке конкретных инструментов, обеспечивающих надежность знания. Не вдаваясь в подробности, контурно отметим некоторые аспекты.

Во-первых, как ни банально это прозвучит, стоит говорить о субъективной честности историка как необходимом условии обеспечения надежности знания. В данном контексте это означает способность действовать не благодаря, а вопреки. Иначе говоря, надлежит найти в себе силы сопротивляться своим же ценностным установкам, если они вступают в конфликт с полученным историческим материалом. Это требование не следует толковать как оправдание тех вещей в прошлом, что вызывают моральное неприятие в настоящем. Дело здесь вообще не в моральном оправдании или осуждении. Дело в способности увидеть и принять материал, который может вступать в противоречие с устоявшимися интерпретациями, даже если по их поводу достигнут моральный консенсус.

Во-вторых, речь должна идти о поиске и разработке нарративных форматов, обеспечивающих персональную честность. Говоря языком нарратологии, надо попытаться не попасть в ситуацию ненадежного рассказчика, когда намерения автора вступают в противоречие с инструментами, которые он использует. Действительно, описание прошлого лишь в свете успехов или неудач вне зависимости от авторских интенций заставляет трактовать его как обоснование / оправдание притязаний или крушение ожиданий, что оборачивается неизбежной глухотой к голосам других и однобокостью в поиске свидетельств. Резонно утверждать, что приемлемый нарративный формат заключался бы тогда не в стремлении представить прошлое как некоторую «нерассказанную историю или часть ее и пересказать ее пусть в сокращенной или отредактированной форме» [14. P. 188]. Историческое исследование лучше выглядело бы как постановка проблемы, формулировка гипотезы и последующая организация эмпирии как доказательства или опровержения данной гипотезы.

В-третьих, следует не просто провозглашать, но и реализовать представление о сообществе историков как коммуникативном сообществе. Это, кстати, позволяет понять еще один аспект архаичности представлений о формах моральной вовлеченности историка. Очевидно, что современное знание уже не является совокупностью больших исторических полотен, зачастую выступавших прямой иллюстрацией философско-исторических проектов, одновременно морально насыщенных, но монологичных. Сегодня история – это результат кропотливой и зачастую незаметной работы огромного сообщества. Поэтому целое истории (в смысле не о концепции исторического процесса, а разработанности того или иного конкретного сюжета) реализуется зачастую не эксплицитно, а имплицитно, и не автором, а читателем. Тогда и моральные суждения, осуществляемые по поводу частей подразумеваемого целого, оказываются либо неуместными, либо просто невозможными, либо искажающими общую перспективу.

Резонно предположить следующее: то, что затрудняет реализацию моральной вовлеченности, облегчает осуществление познавательных задач. Деятельность исследовательского сообщества следует воспринимать не только как складывание отдельных деталей в единое целое, а как непрерывную коммуникацию. В познании она может быть лишь рационально организованной дискуссией по поводу тех или иных тем и проблем. Но ее обеспечение можно считать даже нормативным требованием, предъявляемым к работе сообщества. Ведь только она в состоянии обеспечить искомую полноту исторического описания в той мере, в какой мы можем ее сегодня ожидать. Естественно, что это условие подразумевает использование таких текстуальных форматов, которые, так сказать, эпистемологически ориентированы на других.

В-четвертых, для обеспечения надежности исторического знания необходим диалог истории с эпистемологией. Хайден Уайт, завершая свои изыскания о нарративных форматах, имплицитно содержащихся в исторических текстах, отметил: «Если бы историки оказались в состоянии определить вымышленный элемент в своих нарративах, это не означало бы деградации историографии к статусу идеологии или пропаганды. В действительности это опознание служило бы потенциальным противоядием тенденции историков становиться пленниками идеологических предрассудков, которые они не распознают как таковые и гордятся «адекватным» восприятием «того способа, каким являются вещи» [15. P. 99]. Иными словами, он указал на необходимость повышения степени чувствительности к характеру не только доказательств или опровержений, но и форм организации самого исторического дискурса, которые часто выступают имплицитным проводником тех или иных идеологических (в том числе и этических) установок. Резонно предположить, что только расширение масштабов коммуникации за пределы профессионального сообщества собственно историков может обеспечить искомое «противоядие».

Однако если мы внимательно присмотримся к интерпретациям требования честности, то можем заметить, что воплощают они скорее установки профессиональной, а не обычной этики. Не вдаваясь в подробности, подчеркнем их нетождественность, осознание чего уже давно нашло отражение в соответствующей литературе [16]. Это обстоятельство порождает еще одну проблему, а именно возможность их имплицитного смешения в сознании исследователей. Оно может проявляться либо в сознательном ограничении (и даже отказе) участвовать в вынесении моральных суждений, поскольку их осуществление воспринимается как выход за пределы профессиональной деятельности, либо вынесение собственно моральных суждений воспринимается как часть профессиональных функций историка. Рискнем утверждать, что как то, так и другое, говоря словами Уайта, делает историков в той или иной мере «пленниками идеологических предрассудков», только одних на входе, а других – на выходе.

Тогда вопрос о моральной вовлеченности приобретает следующую форму: сводится ли она лишь к повышению исследовательской чувствительности и соблюдению профессиональных требований? Если говорить несколько метафорически, то вопрос прозвучал бы так: этика может помочь истории, но может ли история помочь (и как) этике?

Прежде всего, рискнем утверждать, что историк как член профессионального сообщества вообще не может и не должен брать на себя функцию морального судьи. Если он и имеет право выносить моральные суждения, то не как исследователь, а как заинтересованный гражданин. Для этого он должен, говоря языком нарратологии, перейти с позиции автора на позицию читателя. Резонно предположить, что поскольку историк является не только заинтересованным, но и компетентным гражданином, его участие в моральной дискуссии надлежит считать не следствием субъективного желания, а моральным долгом.

По этому поводу отметим, что дело здесь не в сохранении веры в автономность и независимость исследовательской и моральной процедур и их механическое соединение задним числом, а поэтому не в некоторой уловке и игре с самим собой. Просто моральное суждение должно не предопределять поиск свидетельств, чтобы не предстать приговором до всякого наличия доказательств, но направлять этот поиск, чтобы найденные материалы могли о чем-то конкретно свидетельствовать. Если сказать по-другому, то исследовательские и этические суждения одинаково необходимы, но должны быть разнесены либо в пространстве и времени, либо функционально.

Как представляется, такое разнесение с отчетливым осознанием различия этих процедур может и должно сыграть еще одну важную роль. Дело в том, что моральное суждение не может быть продуктом произвольного желания и не может восприниматься как субъективное мнение, которое реализуется, к тому же, просто по ходу дела, сопровождая исследовательский процесс. Историческое знание носит коллективный характер и призвано обслуживать публичные, а не приватные потребности. Это не означает, конечно, что следует ждать открытия окончательной истины и достижения однозначного морального решения. Скорее это подразумевает, прежде всего, что классические или традиционные формы реализации моральной вовлеченности историка, воплощаемые в исторических текстах и декларациях их авторов, утратили кредит доверия. Поэтому их реанимация и будет восприниматься как идеологическая ангажированность.

Тогда резонно утверждать, что статус этического сегодня – это приглашение к дискуссии. Иначе говоря, вынесение морального суждения по поводу общественно значимых тем и проблем может и должно быть только плодом дискуссии (и продуктом консенсуса), причем дискуссии публичной. Соответственно, публичное значение таких моральных суждений предполагает выход процедуры их осуществления за пределы компетенций узкопрофессиональных сообществ. К тому же определение морального статуса тех или иных сюжетов в современном мире давно утратило характер простоты и непосредственности. Это обстоятельство также требует расширения масштабов коммуникации. Поэтому, если говорить о месте историка или профессионального сообщества в таком коммуникативном сообществе, то уместнее обозначить его фразой «внести вклад».

Наконец, стоит предположить, в чем может и должна заключаться моральная вовлеченность историка. Говоря по-другому, в обсуждение каких сюжетов историк может и должен внести свой вклад. Представляется, что здесь можно выделить два направления. Одно более наглядно и актуализировано в общественном сознании. Оно связано с процессами, событиями и личностями, как правило, недавнего прошлого (хотя и не обязательно). Это прошлое носит, так сказать, «горячий» характер. Иначе говоря, многие историки или, возможно, общество в целом склонны трактовать его как комплекс непосредственных причин, породивших или повлиявших на современность. Как правило, значение такого прошлого связано с формированием идентичности. При этом, по справедливому замечанию Рюзена, хотя академический дискурс характеризуется определенной дистанцией от практической жизни, но в тот момент, когда тема идентичности проникает в академическую сферу, такая дистанция становится проблематичной. «Никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос» [17. P. 128].

Очевидно и другое. «Горячее» прошлое не сводится только к победам и успехам, а предполагает наличие травматических событий, которые зачастую не артикулируются в доминирующих исторических нарративах. Внимание к ним усиливается характером принципов, на которых строятся и должны строиться современные отношения как внутри, так и между обществами. Этот путь или путь признания предполагает одновременную реализацию как минимум двух аспектов. Первый воплощается в движении, так сказать, «от героического к травматическому» [18. P. 46] или, говоря словами Джеффри Олика, в проведении «политики сожаления». Иными словами, речь идет о признании вины и покаяния по отношению к другим в ходе национального строительства, в тех или иных

событиях внешней и внутренней политики. Второй аспект предполагает формирование не столько общего содержания новой коллективной памяти, сколько общих принципов, на которых она может строиться, или «этики памяти» [18. P. 46], на основании которой различные формы травматического опыта можно было бы интегрировать в коллективные идентичности. Так или иначе, такой подход обеспечивает обогащение нашего морального словаря (травма, траур, покаяние, сожаление и т.д.) и, соответственно, расширение наших интерпретаций прошлого.

Второе направление не столь актуализировано, хотя не менее важно. Оно связано уже не с прошлым, а с настоящим и будущим. Речь идет об определении характера современных социальных институтов или приемлемых форм социальной жизни. Говоря иначе, это проблема выработки концепции социальной справедливости и форм ее реализации. Историки здесь могли бы внести свой вклад в ее обсуждение, по крайней мере, в двух аспектах. Это прежде всего экспликация происхождения современных социальных институтов. Как отметил Мишель Фуко, «я хотел бы попытаться установить, как образовался – но также как повторялся, возобновлялся, перемещался этот выбор истины, в который мы всегда уже включены, но который мы постоянно обновляем» [19. С. 85]. Задача, которая перманентно актуальна настолько, насколько предполагает переключение исследовательского внимания с явного, внешнего, открытого, легитимного на неявное, скрытое, подавленное.

Второй аспект, в обсуждении которого историки могли бы принять участие, заключается в использовании, а следовательно, и предварительной интерпретации прошлого как некоторого исторического опыта или серии опытов. Поданное в таком виде знание о прошлом могло бы внести свой вклад в обсуждение вопросов о путях и перспективах создания, трансформации или модификации тех или иных форм социальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Southgate B. ‘A pair of white gloves’: Historians and ethics // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2006. Vol. 10, № 1. P. 49 – 61.
2. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М. : Наука, 1978. 358 с.
3. Ankersmit F.R. In Praise of Subjectivity // The Ethics of History / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 3–26.
4. Jenkins K. Ethical Responsibility and the Historian: On the Possible End of a History «Of a Certain Kind» // History and Theory. 2004. Vol. 43, № 4. P. 43–60.
5. Мабли Г.-Б. де. О том, как писать историю // Г.-Б. де Мабли. Об изучении истории. О том, как писать историю. М. : Наука, 1993. С. 150–234.
6. Megill A. Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod’s An Ethics of Remembering // The Ethics of History / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 45–75.
7. Wyschogrod E. Representation, Narrative, and the Historian’s Promise // The Ethics of History / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 28–44.
8. Данто А. Аналитическая философия истории. М. : Идея-Пресс, 2002. 292 с.
9. Jenkins K. Refiguring History. New Thoughts on an old Discipline. Routledge, 2003. 75 p.
10. Rusen J. Responsibility and Irresponsibility in Historical Studies: A Critical Consideration of the Ethical Dimension in the Historian’s Work // The Ethics of History / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 195–213.
11. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 536 с.
12. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в трех томах. М. : Мысль, 1985. Т. 2. С. 3–201.
13. Makkreel R.A. An Ethically Responsive Hermeneutics of History // The Ethics of History / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 214–229.
14. Mink L.O. Historical Understanding. Cornell University Press, 1987. 294 p.
15. White H. Historical Text as Literary Artifact // Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. John Hopkins University Press, 1985. P. 81–100.
16. Koehn D. The Ground of Professional Ethics. Routledge, 1994. 240 p.
17. Rüsen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. Vol. 43, № 4. P. 118–129.
18. Nienass B. Postnational Relations to the Past: A «European Ethics of Memory»? // International Journal of Politics Culture and Society. 2013. Vol. 26, № 1. P. 41–55.
19. Фуко М. Порядок дискурса // М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 49–96.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 20 июня 2017 г.

WHERE DO HISTORY AND ETHICS MEET?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 53–60.
DOI: 10.17223/15617793/422/8

Vasily N. Syrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

Keywords: historical knowledge; historical narrative; moral judgment; moral value; ethical involvement; ethical responsibility.

The article analyzes the ethical potential of historical knowledge. To determine the place and value of moral judgments in historical writing, a preliminary explication of contexts in which this topic is discussed and can be discussed was made. It is shown that the analysis of the forms of the connection between history and ethics can be related to determining the place and object of ethical judgments in the historical text, as well as the expedience of moral judgments in relation to the past. It is noted that objections to the ethical involvement of historians are due to the absolutization of traditional forms of connection between history and ethics, and thus they cannot be a basis for the denial of such a connection. A thesis is made that a productive discussion of the problem requires preliminary actualization of the question of the conditions of historical interest. Identification of such conditions allows to assert that the ethical dimension should become the determining principle of the organization of historical knowledge and of directions of historical

research. However, it is argued that the making of moral judgments should not be interpreted as a necessary part of each individual historical narrative. In other words, moral involvement is an immanent part of historical thought, but by no means an indispensable element of every historical narrative. A thesis is made that the making of moral judgments should not be a direct task of a historian as a member of the professional community. At the same time, the requirement of the search for truth should be understood as a requirement of professional rather than ordinary ethics; therefore, it cannot be regarded as a form of ethical involvement of the historian. Therefore, it is asserted that the connection between history and ethics presupposes the separation of the functions of research and moral judgment and is most productively realized as follows. The function of historical research should consist in the preparation and provision of materials to discuss the question of the moral validity of certain forms of the past and the present. It should be a collective discussion rather than an individual moral judgment making. It is stated that the historian is obliged to take part in such a polemic, but as an interested and competent citizen. Thus, such a discussion cannot be monopolized by individual professional communities, and the role of the historian should be interpreted as an ability to contribute to the discussion rather than to make a final judgment. In conclusion, topics are suggested in which the connection between history and ethics can be specified. First, it is the discussion of the "hot" past, which the public consciousness associates with the formation of an identity or sees as traumatic. Second, it is the discussion of the ways and prospects of creating, transforming or modifying some forms of social life (social institutions) and interpreting the past as a certain historical experience or a series of experiences.

REFERENCES

1. Southgate, B. (2006) 'A pair of white gloves': Historians and ethics. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice.* 10:1. pp. 49–61. DOI: http://dx.*doi*.org/10.1080/13642520500474816
2. Bolingbroke, H. (1978) *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters of the Study and Use of History]. Translated from English by S.M. Berkovskaya, A.T. Parfenov, A.S. Rozentsveyg. Moscow: Nauka.
3. Ankersmit, F.R. (2004) In Praise of Subjectivity. In: Carr, D., Flynn, Th.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press.
4. Jenkins, K. (2004) Ethical Responsibility and the Historian: On the Possible End of a History "Of a Certain Kind". *History and Theory.* 43:4. pp. 43–60.
5. Mably, G.-B. de. (1993) *Ob izuchenii istorii. O tom, kak pisat' istoriyu* [On the study of history. On how to write history]. Translated from French. Moscow: Nauka. pp. 150–234.
6. Megill, A. (2004) Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod's An Ethics of Remembering. In: Carr, D., Flynn, Th.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press.
7. Wyschogrod, E. (2004) Representation, Narrative, and the Historian's Promise. In: Carr, D., Flynn, Th.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press.
8. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical philosophy of history]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
9. Jenkins K. Refiguring History. New Thoughts on an old Discipline. Routledge.
10. Rusen, J. (2004) Responsibility and Irresponsibility in Historical Studies: A Critical Consideration of the Ethical Dimension in the Historian's Work. In: Carr, D., Flynn, Th.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press.
11. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A theory of justice]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
12. Lock, J. (1985) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in 3 vols]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 3–201.
13. Makkreel, R.A. (2004) An Ethically Responsive Hermeneutics of History. In: Carr, D., Flynn, Th.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press.
14. Mink, L.O. (1987) *Historical Understanding*. New York: Cornell University Press.
15. White, H. (1985) *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. Baltimore; London: John Hopkins University Press. pp. 81–100.
16. Koehn, D. (1994) *The Ground of Professional Ethics*. London; New York: Routledge.
17. Rüsen, J. (2004) How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century. *History and Theory*. 43:4. pp. 118–129. DOI: 10.1111/j.1468-2303.2004.00301.x
18. Nienass, B. (2013) Postnational Relations to the Past: A "European Ethics of Memory"? *International Journal of Politics Culture and Society*. 26:1. pp. 41–55. DOI: 10.1007/s10767-013-9137-8
19. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Translated from French by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal'. pp. 49–96.

Received: 20 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 61–67. DOI: 10.17223/15617793/422/9

ИСТОРИЯ

УДК 325.254.6:001.816

Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Г. Харатян

ОПЫТ СОЗДАНИЯ КНИГ ПАМЯТИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 16-21-200001 и 15 РГ-27 (ГКН МОН РА)).

Статья посвящена проблеме составления баз данных и подготовке на их основе Книг памяти депортированных. Затрагиваются вопросы выявления и обработки массовых персональных источников на эту категорию репрессированных. Приводятся предварительные результаты работы российско-армянского коллектива, работающего над подготовкой мартиролога на 16 тыс. этнических армян, высланных в ходе депортации 14 июня 1949 г.

Ключевые слова: база данных; книга памяти; спецпереселенцы.

Изучение советского политического террора и дискриминационной политики в отношении отдельных социальных категорий населения и этнических групп крайне актуально для современной России и ряда постсоветских стран. После распада СССР все постсоветские страны приняли национальные законы о реабилитации жертв политических репрессий и активизировали государственную политику в этой сфере, вопрос о градации репрессий по степени жесткости был признан нормативно неправомерным, поэтому все депортированные (высланные как по суду, так и в административном порядке), наряду с другими репрессированными, были отнесены к жертвам политических репрессий. Через систему спецпоселений в СССР прошли свыше 6 млн чел., что почти на миллион больше числа осужденных по политическим мотивам. Изучение политических репрессий в СССР, безусловно, помимо научных целей, ориентировано также на решение прикладной задачи – формирование открытых / доступных персонально-ориентированных баз данных на все категории репрессированных.

Создание любой базы данных (БД) предполагает обработку однородных массивов исторических источников. Проблема создания БД на репрессированных активно обсуждалась в российском научном сообществе на рубеже 1990–2000-х гг. Несмотря на различия в подходах, методологии и итогах реализации подобных проектов, специалистами были выработаны некоторые обязательные критерии к таким БД и количеству параметров. Основные требования в БД следующие: 1) создание на однородных массивах исторических источников; 2) персонально-ориентированные, а не документоориентированные БД; 3) агрегированная БД, способная интегрировать аналогичные локальные БД (региональные, ведомственные, по типу репрессивных действий и категории спецконтингента); 4) в основу структуры и состава БД должны быть заложены поля, отвечающие за определенные критерии, содержащие биографический блок данных и информацию о репрессиях (большинство Книг памяти использует 15–20 параметров); 5) БД должна дать возможность выполнить выборку (запросы) в любой их комбинации.

Сегодня почти во всех постсоветских странах существуют государственные проекты, направленные на сохранение памяти о жертвах политического террора. Оформившаяся в первой половине 1990-х гг. в России федеральная программа увековечивания памяти жертв политических репрессий принесла уже в первое десятилетие своей реализации весьма значительные результаты, которые, однако, представляют собой преимущественно информацию о персональных объектах репрессий по ст. 58 УК РСФСР. С этого начинали свою работу созданные в регионах коллективы для подготовки профильных Книг памяти, работавшие при поддержке и финансировании администраций краев и областей РФ. С 2004 г. при Президенте РФ создана постоянно действующая Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий. В задачи этой комиссии входит содействие региональным и федеральным органам власти в издании региональных, муниципальных и федеральных «Книг памяти жертв политических репрессий». К настоящему времени уже стандартизированы требования к печатному варианту БД, издающихся в формате Книг памяти как на осужденных, так и ссыльных. Согласно требованиям национальных законодательств подобного рода издания должны выполнять информационно-справочную функцию, содержать открытую и доступную широкому кругу людей персональную информацию по истории репрессий, а не сенситивные (чувствительные) данные личного характера.

Работа по персонализации жертв советских политических репрессий сегодня осложнена доступом к таким данным и возможностями их обработки. В некоторых постсоветских странах материалы, касающиеся вопросов репрессий и депортации, по большей части, уже исчерпали сроки давности и находятся в свободном доступе. Вообще, дела на лиц, подвергшихся репрессиям, относят к категории дел средней степени риска. Это документы 50–100-летней давности, где могут содержаться конфиденциальные данные как о личности репрессированного и его семье, так и о механизме репрессий. Требование, при котором владелец данных или его потомки дают согласие на их использование в исследованиях, не решает проблему конфиденциальности ни для одной из заинтересованных сторон: «жертв», «очевидцев» и «исполнителей». Важно понимать, что изменение практики доступа к персональным данным во всем мире про-

диктовано лишь переходом к хранению документации в электронном формате и особенностями ее обработки. В России, однако, эти ограничения автоматически были распространены также на доступ к делам репрессированных и их использование. Безусловно, вопросы доступа и использования должны регулироваться законодательно и не противоречить друг другу. Специалисты видят выход во введении «предела защиты» персональных данных, что не отменяет запрета на использование данных личного характера, но позволяет распространять в свободном доступе те, которые относятся к общей (или публичной) сфере. Любые Книги памяти, в том числе и репрессированных, содержат информацию именно такого плана.

В настоящее время крупнейшим ресурсом персональных данных является БД «Жертвы политического террора в СССР», сформированная обществом «Мемориал». В ней интегрированы все национальные и региональные «Книги памяти» и мартирологи, изданные или подготовленные на постсоветском пространстве. При создании БД о жертвах политического террора в СССР первоначально акцент был сделан на персонализации данных о лицах, осужденных по ст. 58 УК РСФСР. Соответственно, в настоящий момент из почти трехмиллионной базы на репрессированных только треть приходится на депортированных. В составе БД «Мемориала» с точки зрения отражения в ней различных категорий репрессированных по политическим мотивам, очевидно мала доля депортированных, имеющих под собой прежде всего институциональные основания (реабилитация осужденных по политическим мотивам осуществляется прокуратурой на документной базе ФСБ, тогда как реабилитация депортированных находится в сфере компетенции МВД).

Ведомственная база данных на ссыльных (МВД РФ) на данный момент представляет собой электронный мегаресурс. С конца 1940-х гг. данные о спецпоселенцах всех категорий были сосредоточены в Главном информационном центре МВД СССР и представлены в виде единой алфавитной картотеки. Этот массив учетной документации по-прежнему хранится в архиве МВД России – Главном информационно-аналитическом центре МВД РФ. Несмотря на наличие указанного массива в ГИАЦ, формирование и пополнение электронной базы данных идет исключительно за счет усилий ИЦ УМВД тех регионов, где находились ссыльные. Хотя данная работа идет уже два десятилетия и самим ведомством рассматривается как приоритетная, требования к информационным ресурсам в электронном виде до сих пор не унифицированы, что существенно ограничивает возможности использования ее как единого ресурса. Необходимо отметить также, что ресурсы ИЦ МВД России созданы и используются преимущественно в ведомственных целях, в первую очередь для исполнения запросов граждан, поэтому они не могут тиражироваться в публичное пространство. (В настоящее время именно ИЦ МВД на основании имеющихся у них баз данных на ссыльных и материалах личных дел реализуют закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Согласно регламенту ИЦ МВД обязаны предоставлять информацию об административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», родственникам и прямым потомкам репрессированных [1].) Ведомство не закрывает возможности для исследователей работать с БД в установленном порядке. Отметим, что сотрудники ИЦ МВД высоко оценивают электронную базу данных «Мемориала» и постоянно обращаются к ней в своей работе.

Обратимся к некоторым итогам и проблемам реализации проектов Книг памяти депортированных. Среди коллективов и групп, работающих в данной области, сложилось и существует разграничение, касающееся целевого изучения категорий депортированных. В самом общем виде это депортированные по социальному признаку как «кулаки» (крестьянская ссылка) и депортированные по этническому признаку. Безусловно, в такого рода делении присутствует элемент условности, так как в крестьянской депортации присутствовал и этнический компонент, равно как и в этнической присутствовал социальный (крестьянский). Однако в целеполагании депортаций все же присутствовал какой-либо один, базовый принцип.

В начале 2000-х гг. с осознанием необходимости систематизации сведений о депортированных и во включении их в общую базу данных на репрессированных по политическим мотивам в различных регионах России началась работа по формированию Книг памяти ссыльных. Пионером в данной области стал подготовленный историками и архивистами Республики Коми мартиролог «Покаяние», в основу которого легли составленные по стандартной матрице сведения на депортированные крестьянские семьи [2–4]. На сегодняшний день существует лишь четыре региональных издания, которые следует отнести к крестьянским Книгам памяти (Республика Коми, 2001–2004; Новосибирская область, 2010; Омская область, 2013–2015; Красноярский край, 2012–2015), посвященных жертвам самой первой по срокам проведения, самой массовой по масштабам, самой длительной по срокам пребывания на спецпоселении депортационной кампании сталинской эпохи – ссыльным (вместе с семьями) крестьянам.

Место крестьянских Книг памяти в общем ряду других изданий мемориальной направленности следует оценивать, исходя из специфики формирования института массовой ссылки в СССР и состояния корпуса источников. С проведением в начале 1930-х гг. первой крестьянской депортации государство ввело практику бессрочного и посемейного выселения. При оценках численности этой категории депортированных исследователи сталкиваются со значительным недоучетом численности лиц, подвергавшихся государственному насилию, что обусловлено рядом факторов, главным из которых являлось несовершенство системы учета в начальный период формирования системы спецпоселений. Так, при суммарной цифре отправки в спецпоселки за 1930–1931 гг. около 1,8 млн чел. организованный чекистами первый переучет спецпереселенцев в январе 1932 г. дал цифру в 1,3 млн чел. [5]. Недоучет «кулаков» в 0,5 млн чел.

сложился за счет высочайшей смертности и массового бегства из спецпоселков. Не только утраты на начальном этапе ссылки персональных сведений о значительном количестве депортированных, но и в последующем низкий уровень учета ссыльных в комендатурах привели сегодня к невозможности официально документировать факт репрессии в отношении сотен тысяч чел. Между тем, согласно законодательству о реабилитации, формальным признаком осуществления репрессии в отношении крестьян выступает не столько сам факт высылки с конфискацией имущества из мест проживания, даже если отражен в первоисточниках (списки на высылку в архивных фондах районов), сколько документальное подтверждение пребывания семьи и ее членов на спецпоселении (комендатурный учет).

Создатели «крестьянских» томов (выпусков Книг памяти жертв политических репрессий) столкнулись с фактами значительной неполноты сведений о пребывании на спецпоселении по многим семьям. При составлении томов Книги памяти Омской области («Крестьянская Голгофа») [6–9], посвященной крестьянской ссылке, подтвержденными ИЦ УМВД по Омской области оказались сведения лишь на 4 тыс. семей, что, по данным статистики, собранной и систематизированной историками, составляет лишь шестую часть высланных из этого региона семей. По итогам трудоемкой работы по выявлению личных дел крестьян, лишенных избирательных прав во второй половине 1920-х гг. и впоследствии ставших целевыми объектами репрессий, а также сохранившихся в фондах райисполкомов и сельских советов списков на высылку, омской группе, работавшей над Книгами памяти, удалось выявить и опубликовать коллективные биограммы еще на десять тысяч высланных семей [10].

По другим регионам Сибири ситуация аналогична омской. Так, по оценкам специалистов, с территории современной Новосибирской области было выслано до 16 тыс. крестьянских семей, в то время как на основании данных МВД (включая картотеки и личные дела) удалось составить справки для профильной Книги памяти только на 3,5 тыс. семей, что является лишь пятой частью от количества этой категории репрессированных [11]. В целом можно предположить, что данные ИЦ МВД регионов содержат сведения лишь о части, возможно, менее трети депортированных крестьян. Эта громадная лакуна образовалась в первой половине 1930-х гг. С эволюцией системы спецпоселенчества совершенствовался и учет. Своего апогея и система, и, соответственно, учет всех категорий ссыльных достигли только к концу 1940-х гг., что позволяет утверждать: процент лиц, оказавшихся «вне учета» системы, был сведен к минимуму.

Депортированные отнесены к жертвам политических репрессий, однако процесс их реабилитации до сих пор остается незавершенным. Как правило, родственники жертв депортации, о которых нет данных о нахождении на спецпоселении, при обращении за реабилитацией получают отказ. Согласно разъяснениям Отдела спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий ИЦ МВД реабилитация лиц, высланных в административном порядке, носит «заявительный характер», т.е. не проводится государственными органами в обязательном порядке (как, например, в отношении осужденных по ст. 58-й УК РСФР), а инициируется самими пострадавшими (репрессированными), их родственниками или теми, кто представляет их интересы. Даже при наличии документированных решений районных «пятерок» о высылке конкретной семьи, описей конфискованного имущества, личных дел о лишении избирательных прав, при отсутствии сведений о пребывании высланных в спецпоселках факт репрессии не считается документально подтвержденным. При этом приводится тот аргумент, что некоторые семьи нередко «успевали скрыться от выселения, поэтому признавать их репрессированными достаточных оснований не имеется». За репрессированными, правда, оставлено право оспорить отказ в реабилитации в судебном порядке. Действительно, существует процедура установления в судебном порядке факта применения политической репрессии, но для этого требуются показания лиц, свидетельствовавших об этом, в том числе находившихся с заявителем на спецпоселении. Однако, с учетом того, что речь идет о событиях, происходивших шесть-восемь десятилетий назад, шансы на благоприятный исход такого рода ходатайств ничтожны.

Составители Книг памяти подталкивают официальные органы к тому, чтобы завершить «полуреабилитацию» подвергавшихся репрессиям крестьян. Не вина репрессированных в том, что административные органы и спецслужбы не документировали надлежащим образом осуществление репрессии. На наш взгляд, реабилитации должны подлежать все, относительно которых в архивах имеются выписки о включении крестьянской семьи в списки на высылку, утвержденные чрезвычайными районными органами («райпятерками»), если, к тому же, это сопровождалось фактом конфискации имущества. Нам представляется, что репрессия может быть признана также на основании обращения самих репрессированных и членов их семей в государственные органы в тех случаях, если достаточно полно изложена фактическая сторона событий репрессии – экспроприация имущества, высылка из места проживания, маршрут высылки, пребывание в конкретном спецпоселке, тем более если заявители предоставляют документы ЗАГС о рождении на спецпоселении. Еще один момент: возникают случаи, когда главы семей, репрессированные по 58-й статье и соответственно подлежащие обязательной реабилитации, таковую имеют, в то время как их семьям, высланным в административном порядке, в реабилитации отказано. Так формируется феномен «вторичного разъединения» семей теперь уже в ходе в реабилитационных процессов.

Уникальный и пока единственный известный нам опыт преодоления барьера такого рода дает работа красноярского историка А.А. Бабия, руководителя рабочего коллектива по подготовке Книг памяти в регионе [12–13]. На материалах государственных архивов, архива ФСБ и архива УМВД им сделана попытка проследить репрессивные акции в отношении как главы семьи, так и семейства в целом. По такому

принципу выстроены красноярские Книги памяти, начиная с 12-й книги, в которых содержатся гораздо более полные и информативные мартирологи уже не персонального, а семейного характера [14]. Предложенный А.А. Бабием путь реконструкции политических репрессий – соединение персонального подхода с семейным – дает значительные дополнительные возможности, но одновременно требует взаимодействия различных ведомств, занимающихся реабилитацией, с профессиональными исследователями, а также существенно больших усилий по формированию баз данных.

Почти три четверти депортационных операций, которые были проведены в СССР, специалистами характеризуются как этнические. В эту категорию попали репрессии в отношении более 60 народов. Из более 6 млн высланных половина – этнодепортанты. Наиболее глубокие потери понесли десять так называемых наказанных народов, депортированных в годы войны, выселение которых было обставлено особенно жестоко. По отношению к ним в 1991 г. был принят Закон о реабилитации репрессированных народов. Может сложиться представление, что сам факт тотальной депортации и автоматической реабилитации снимает необходимость персонализации жертв, однако это не так. На сегодняшний день существует пока единичный пример публикации списков депортированных – это российские немцы, высланные в 1941 г. с территории бывшей республики немцев Поволжья. Благодаря 10-летней работе Волгоградского центра германских исторических исследований под руководством проф. Н.Э. Вашкау эти списки оказались опубликованными [15–17]. Реализация проекта стала возможной благодаря тому, что списки депортированных (скорее всего, речь идет об эшелонных списках) сохранились в ИЦ МВД Волгоградской области и были рассекречены, что дало возможность для их изучения и обработки. Тотальная обработка списков позволила определить общую численность депортированных, посемейный и половозрастной состав, районы выселения и вселения и пр. Несколько ранее сотрудник московского «Мемориала» А.Э. Гурьянов первым обратился к эшелонным спискам для корректировки численности высланных в ходе четырех польских депортаций 1940–1941 гг. и показал возможности данного источника для корректировки численности высланных [18].

В рамках реализации проекта «Армянская депортационная кампания и ее отражение в исторической памяти» исследовательский коллектив, состоящий из представителей России и Армении (рук. Н.Н. Аблажей и Г. Харатян), ведет работу по изучению депортации 14 июня 1949 г., проведенной на территории Армении, Грузии, Азербайджана, а также Краснодарского края, в ходе которой в Алтайский край и Нарым были высланы как «дашнаки» и «турецкоподданные» более 16 тыс. этнических армян. Выселение этнических армян стало частью большой депортационной кампании, направленной на «зачистку» Причерноморья и Кавказа, в ходе которой в ссылку были отправлены более 57 тыс. чел. Реализуемый проект имеет целью не только задачу изучения малоизвестной депортации, но и практическую направленность – подготовку Книги памяти депортированных армян.

Остановимся подробнее на методике работы с источниками и алгоритме работы над БД и Книгой памяти. В ходе изучения истории депортации 1949 г. было установлено, что формирование максимально полной базы данных на высланных армян возможно при использовании следующих источников: 1) учетное персональное делопроизводство (картотеки и личные дела – «выселение семьи», «спецпоселенцы» и «реабилитационные»); 2) этапные и эшелонные списки; 3) протоколы комиссий по освобождению.

В силу того что исследователи не имели доступа к массиву личных дел спецпоселенцев-армян, хранящихся в ИЦ МВД по Алтайскому краю, а эшелонные списки оказались неполными и сложны в обработке (доминируют рукописные документы, а не машинопись), в качестве абсолютного приоритета при составлении БД на высланных из Армении были взяты учетные дела «на выселение семьи» и протоколы Республиканской комиссии по освобождению заключенных и ссыльных. Эти документальные комплексы были переданы на государственное хранение в Национальный архив Армении еще в 1990-е гг. правопреемником КГБ Армянской ССР – Службой национальной безопасности Армении, и в настоящее время они доступны не только родственникам репрессированных, но и исследователям. В ходе передачи дел на государственное хранение были составлены неструктурированные списки на армянском и русском почти на 12 тыс. чел., что осложняет использование и формирование на их основе электронной базы данных высланных. Именно поэтому было принято решение о сплошном просмотре всех учетных дел на выселение с формированием на их основе БД, работающей как на задачи исследовательского коллектива, так и архивного ведомства. Существенно облегчило работу то обстоятельство, что учетные дела на ссыльных 1949 г. оказались сконцентрированы в одной описи фонда прекращенных дел. В течение 2016 г. в Национальном архиве Армении был выявлен и обработан массив учетных дел и протоколы Республиканской комиссии на лиц, высланных в 1949 г. с территории республики. Итогом этой работы стала база данных на 2 682 семьи (12 457 чел.) [19]. Эта база была сопоставлена и дополнена данными электронной картотеки на ссыльных ИЦ МВД Алтайского края. Коррективы (состав семьи, место жительства в ссылке, дата освобождения со спецпоселения) были внесены в сведения приблизительно по 90% семей, представленным в базе.

Интегрированная база данных на ссыльных армян, включающая информацию по 30 параметрам, позволяет в полной мере судить о национальном и социальном составе депортированных, семейном положении, месте проживания до выселения и в ссылке, освобождении и реабилитации. Такие параметры, как «место рождения», «национальность», «гражданство», «категория учета», позволяют по группировке признаков сделать заключение о целевых группах, подвергшихся репрессиям. Особо отметим следующее: несмотря на тот факт, что БД сфокусирована на одну репрессию – депортацию 1949 г., информация о репрессиях в отношении глав семьи и

отдельных членов семьи может быть расширена. Это возможно благодаря тому, что параллельно идет работа по составлению Национальной базы жертв политических репрессий в Армении (на данный момент полностью обработаны материалы архивно-следственных дел на осужденных по политическим статьям).

В ходе работы по составлению базы было установлено, что расширение и уточнение данных по каждой семье, вошедшей в интегрированную базу «Высланные 1949 г. армяне», возможно за счет обработки еще нескольких массовых источников: 1) актовые записи о рождении / смерти районных архивов ЗАГС; 2) похозяйственные книги сельсоветов, хранящиеся преимущественно в поселковых архивах; 3) порайонные книги учета спецпоселенцев, сохранившиеся в коллекциях ИЦ МВД. Исследователи вообще крайне редко используют эти источники, а примеров их использования для изучения ссылки вообще нет. Отсутствие единого алгоритма работы с этими массовыми источниками может сделать работу крайне трудоемкой и даже малорезультативной.

Ввиду того что ведомственное делопроизводство МВД и МГБ велось исключительно на русском языке, БД на высланных армян формировалась тоже на русском. В ходе работы выяснилось, что в учетном делопроизводстве спецпоселенцев массово присутствует русификация национальных имен и фамилий. Эта проблема хорошо знакома специалистам, когда расхождения в написании осложняют выявление информации на репрессированного. Так как большая часть БД (высланные из Армении) формировалась на основании дел на выселение, а не дел ссыльных, то такой проблемы не было. Тем не менее в делах на выселение тоже встречаются расхождения в написании. При выборе варианта написании брался вариант из итогового «заключения на выселение» МГБ, которое также воспроизводилось в решении Особого совещания. Было принято решение приводить написание фамилии главы семьи на русском и на армянском языках, что в основном нивелирует расхождения в произношении. Важно также отметить, что БД вслед за источником воспроизводит ошибки и неточности историко-географического характера. Подобное допущение возможно для БД, но исключается для печатного издания, что, в свою очередь, предполагает обязательную корректировку названий мест рождения, проживания на момент выселения и ссылки.

При составлении БД на армян, высланных с территории Грузии, Азербайджана, Украины и Краснодарского края, у исследователей не было возможности сплошной обработки учетных дел на выселение (как в Армении), что создало определенные трудности. В Грузии основной массив дел на выселение оказался уничтожен пожаром. В республике сохранились лишь эшелонные списки за разные периоды и на разные контингенты, но они не обработаны, что не позволило выявить списки 1949 г. Эшелонные списки на высланных в 1949 г. фрагментарно сохранились в Российском государственном военном архиве и архивах ИЦ МВД Алтайского края и Томской области, но, как уже отмечалось, в массе своей они рукописные, что требует больших усилий по распознаванию текста. Вместе с тем именно эшелонные списки и электронные картотеки на ссыльных, имеющиеся в ИЦ МВД Алтайского края и Томской области, позволили сформировать базу, хотя и с меньшим количеством параметров. Осложняло работу и то обстоятельство, что база-картотека ИЦ МВД сформирована на каждого взрослого, а не на семью, что потребовало дополнительных усилий по восстановлению состава семьи и определения ее главы. В среде специалистов сегодня уже общепризнано, что создание баз данных на депортированных предполагает формирование не персональной, а в большинстве случаев посемейной справки, потому что ссылка была формой коллективной репрессии. Было установлено, что при сопоставлении данных ведомственной статистики МВД о поставленных на учет, с одной стороны, и количестве высланных с территории Грузии, Азербайджана, Украины и Краснодарского края, проходящих по базе ИЦ, – с другой, в поле зрения не попадает лишь небольшая часть высланных. Работа по составлению базы данных депортированных в 1949 г. армян и ее перевод в формат «Книги памяти» пока не закончена, но можно подвести некоторые предварительные итоги. Имеющиеся данные позволяют прежде всего персонифицировать ранее «безликую массу» ссыльных.

Опыт работы над Книгами памяти ссыльных крестьян и этнодепортантов позволяет сделать ряд выводов и заключений. Прежде всего, остается актуальной реабилитационная работа, которую нельзя считать завершенной ни в плане официальной, государственной задачи, ни в плане социального резонанса и сохранения исторической памяти о политических репрессиях советской эпохи. Для продолжения реабилитационной деятельности, возможно, следует пойти на корректировку действующего в РФ Закона о реабилитации жертв политических репрессий с точки зрения расширения круга оснований для подтверждения факта произведенной репрессии, признав таковыми внесение семей в депортационные списки, сопровождавшиеся конфискацией их имущества. Другим ресурсом, содержащим информацию о репрессиях, следует считать мотивированные обращения заявителей в реабилитационные органы, в которых содержится детализированная информация о репрессии, требующая подтверждения из самых разных источников, включая архивы районов высылки, с одной стороны, и архивы районов дислокации спецпоселков – с другой. Следовательно, необходима скоординированная поисковая работа историков, архивистов, краеведов, предполагающая доступность работы с документацией в ведомственных архивах, проведя для этого корректировку ныне действующих ограничительных правил работы с информацией о политических репрессиях. Пострадавшие от депортаций в СССР сегодня живут в разных странах, но «груз» советского депортационного прошлого не просто тяжел, его не удается преодолеть, действуя лишь в рамках своих национальных законодательств и программ по реабилитации жертв политических репрессий в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ МВД России «Об утверждении Административного регламента МВД РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о реабилитации жертв политических репрессий» от 23.11.2011 № 1165. URL: http:// www. garant.ru/products/ipo/prime/doc/70019616 (дата обращения: 13.11.2016).
2. Покаяние: Мартиролог / сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2001. Т. 4, ч. 1. 1168 с.
3. Покаяние: Мартиролог / сост. Н.М. Игнатова. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2001. Т. 4, ч. 2. 608 с.
4. Покаяние: Мартиролог / сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2004. Т. 6. 1184 с.
5. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216.
6. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2013. Т. 1. 528 с.
7. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2013. Т. 2. 330 с.
8. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2014. Т. 3. 340 с.
9. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2014. Т. 4. 336 с.
10. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск, 2015. Т. 5. 316 с.
11. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск : Нонпарель, 2010. Вып. 3. 526 с.
12. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск : Офсет, 2012. Кн. 11. 512 с.
13. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск : Офсет, 2014. Кн. 12. 512 с.
14. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск : Офсет, 2015. Кн. 13. 512 с.
15. Возвращенные имена: Списки депортированных граждан немецкой национальности – жителей г. Сталинграда (август–сентябрь 1941 г.) : сб. док. / сост. Н.Э. Вашкау, Е.Л. Фурман, Л.А. Ильина // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. Вып. 11. 233 с.
16. Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области : сб. док. / сост. Н.Э. Вашкау, Е.Л. Фурман, Л.А. Фалалеева // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. Вып. 12, т. 1. 637 с.
17. Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области : сб. док. / сост. Н.Э. Вашкау, Е.Л. Фурман, Л.А. Фалалеева // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. Вып. 12, т. 2. 584 с.
18. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–41 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан // Исторические сборники «Мемориала». М. : Звенья, 1997. Вып. 1. С. 114–136.
19. Национальный архив Республики Армения. Ф. 1191. Оп. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2017 г.

THE EXPERIENCE OF COMPILING THE DEPORTED PEOPLE MEMORIAL BOOKS: ISSUES AND DECISIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 61–67.
DOI: 10.17223/15617793/422/9

Natalya N. Ablazhey, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ablazhey@academ.org
Sergei A. Krasilnikov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: krass49@gmail.com
Hranush Kharatyan, Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Armenia (Yerevan, Armenia). E-mail: hkharatyan@gmail.com

Keywords: data bases; memorial book; special settlers.

The paper is devoted to the problem of database creation and to the preparation of Memorial Books on deported people. Principles of creation of public information resources, methods of selection and processing of mass personal sources for this category of repressed people are presented in this article. Six million people were engaged in the system of special settlements, that is about one million people more than those who were prosecuted on the political motives. In the three-million database called “Victims of Political Terror in the USSR” created by the Memorial Society and integrating all ethnic and regional Memorial Books and martyrologies published or prepared in post-soviet countries, only one third of notes deals with deported people. State projects focused on the preservation of memory about victims of political terror are being implemented in all post-soviet countries. However, there are some limits on processing of personal data. In Russia these limits are extended to all files of repressed people, which substantially complicated activities of both specialists of the respective departments and historians on the implementation of the state programme. By now, the requirements referring to data bases containing information about repressed people, which are to be published as Memorial Books are standardised. According to the national laws such publications should perform information functions and contain personal information on the history of repressions open and accessible to a wider circle of interested people. The analysis of Memorial Books on exiled people showed that there was a limited number of such publications and they were only devoted to peasants and their family members deported in the beginning of the 1930s. There is even a smaller number of ethnicity-based publications (devoted to Germans, Poles, etc.). These publications allowed to conclude that rehabilitation is finished neither as the official, state task, nor in the context of social resonance and preservation of historical memory about political repressions. Preliminary results of the Russian-Armenian team work engaged in compiling martyrology of 16 000 ethnic Armenians deported to the Altai and Narym regions as “dashnaks” and “citizens of Turkey” during the deportation of 14 June 1949 are addressed. The integrated data base on the prosecuted Armenians contains information on 30 parameters and addresses the data on the national and social status of the deported, their family status, their residence before deportation and in exile, and also on their liberation and rehabilitation. Possibilities of creation of the integration data bases based on files of deportation of families that are kept in the National Archive of Armenia corrected with statistical data from the Information Centre of the Ministry of the Internal Affairs from Altai Krai are demonstrated in the paper.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2011) *Prikaz MVD Rossii “Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta MVD RF po predostavleniyu gosudarstvennoy uslugi po vydache spravok o reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy” ot 23.11.2011 № 1165* [The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia “On the approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of a public ser-

vice for issuing certificates on the rehabilitation of victims of political repression" of November 23, 2011, No. 1165]. [Online] Available from: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70019616. (Accessed: 13.11.2016).
2. Dobronozhenko, G.F. & Shabalova, L.S. (2001) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 4. Part 1. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
3. Ignatova, N.M. (2001) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 4. Part 2. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
4. Dobronozhenko, G.F. & Shabalova,L.S. (2004) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 6. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
5. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R-9479. List 1. File 89. Page 216. (In Russian).
6. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2013) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 1. Omsk: Zolotoy tirazh.
7. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2013) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 2. Omsk: Zolotoy tirazh.
8. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2014) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 3. Omsk: Zolotoy tirazh.
9. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2014) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 4. Omsk: Zolotoy tirazh.
10. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2015) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 5. Omsk: Zolotoy tirazh.
11. Krasil'nikov, S.A. (ed.) (2010) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti* [Memorial book of the victims of political repression in Novosibirsk Oblast]. Vol. 3. Novosibirsk: Nonparel'.
12. Karlova, O.A., Kazitsin, A.B. & Zykova, S.N. (eds) (2012) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya* [Memorial book of the victims of political repression in Krasnoyarsk Krai]. Vol. 11. Krasnoyarsk: Ofset.
13. Pashinova, G.E., Kazitsin, A.B. & Omel'chuk, T.E. (eds) (2014) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya* [Memorial book of the victims of political repression in Krasnoyarsk Krai]. Vol. 12. Krasnoyarsk: Ofset.
14. Pashinova, G.E., Kazitsin, A.B. & Omel'chuk, T.E. (eds) (2015) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya* [Memorial book of the victims of political repression in Krasnoyarsk Krai]. Vol. 13. Krasnoyarsk: Ofset.
15. Vashkau, N.E., Furman, E.L. & Il'ina, L.A. (2013) Vozvrashchennye imena: Spiski deportirovannykh grazhdan nemetskoy natsional'nosti – zhiteley g. Stalingrada (avgust–sentyabr' 1941 g.): sb. dok. [Returned names: Lists of deported citizens of German nationality – residents of Stalingrad (August–September 1941): documents]. In: *Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Studies]. Vol. 11. Volgograd: Volgograd State University.
16. Vashkau, N.E., Furman, E.L. & Falaleeva, L.A. (2015) Spiski deportirovannykh rossiyskikh nemtsev s territoriĭ byvshey respubliki nemtsev Povolzh'ya, otoshedshikh k Stalingradskoy oblasti: sb. dok. [Lists of deported Russian Germans from the territories of the former republic of the Germans in the Volga region that became Stalingrad Oblast: documents]. In: *Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Studies]. Vol. 12:1. Volgograd: Volgograd State University.
17. Vashkau, N.E., Furman, E.L. & Falaleeva, L.A. (2015) Spiski deportirovannykh rossiyskikh nemtsev s territoriĭ byvshey respubliki nemtsev Povolzh'ya, otoshedshikh k Stalingradskoy oblasti: sb. dok. [Lists of deported Russian Germans from the territories of the former republic of the Germans in the Volga region that became Stalingrad Oblast: documents]. In: *Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Studies]. Vol. 12:2. Volgograd: Volgograd State University.
18. Gur'yanov, A.E. (1997) Pol'skie spetspereselentsy v SSSR v 1940–41 gg. [Polish special settlers in the USSR in 1940–41]. In: Roginskiy, A.B. et al (eds) *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan* [Repressions against Poles and Polish citizens]. Vol. 1. Moscow: Zven'ya.
19. National Archive of the Republic of Armenia. Fund 1191. List 6.

Received: 6 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 68–72. DOI: 10.17223/15617793/422/10

УДК 281.93:20/930.1

А.В. Ананина

СУЩНОСТЬ ГРИГОРИАНСКОГО РАСКОЛА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ II ЧЕТВЕРТИ XX в. В ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ 1930–2010-х гг.: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируется отечественная и зарубежная историография 1930–2010-х гг., посвященная истории Русской православной церкви и церковным расколам II четверти XX в. Особое внимание акцентируется на проблемах терминологического характера, связанных с идентификацией церковных течений. С помощью отличительных признаков формулируются определения тихоновцев (староцерковников), обновленцев, сергиевцев, григорианцев, что позволяет выделить григорианский раскол в автономную деноминацию.

Ключевые слова: историография; Русская православная церковь; внутрицерковная борьба; тихоновская церковь; григорианский раскол.

При изучении исторического феномена первоначальным и приоритетным является определение базовых понятий и терминов. Не составляют исключение внутрицерковные проблемы II четверти XX в., к числу которых относится григорианский раскол. Эволюция названия отдельного церковного образования связана с развитием устного и письменного дискурсов в новых нестабильных исторических условиях. Так, адепты того или иного церковного течения в рамках своей общности стали пользоваться определенной системой речевого общения с целью обособления себя от конкурирующего направления, что в большой степени проявлялось в лично-бытовом позиционировании. Постепенно это зафиксировалось в церковном делопроизводстве, затем укоренилось в советском документообороте, вскоре найдя отражение в историографии проблемы без определения четких правил, регламентирующих употребление и написание названий православных формаций 1920–1930-х гг. Как следствие, основные терминологические проблемы, связанные с изучением историками григорианского раскола и других церковных течений, представляют собой актуальный предмет исследования и требуют всестороннего раскрытия.

Первый блок терминологических проблем связан с *названиями церковных группировок*, образовавшихся в первые десятилетия советской власти. Одна из работ, где делается попытка терминологически определить эти образования, – работа историка 1930-х гг. А. Долотова. Как современник церковных разногласий он дает собственную характеристику обновленческого и тихоновского движений. По его мнению, «в среде духовенства возникло новое движение, так называемая “живая церковь”, или “обновленчество”, вставшее на путь признания советской власти и ее законов». Обновленцам он противопоставляет реакционную и враждебно настроенную часть сибирского духовенства – тихоновцев. Приверженцев патриарха Тихона (Белавина) историк именует староцерковниками, используя этот термин как синоним тихоновцев. Разделяя тихоновцев (староцерковников) на группы, к первой автор относит «часть епископата во главе со Свердловским епископом Григорием», которая пошла «на путь признания советской власти, образовав новое тихоновское течение, так называемое григорьевское». Во вторую ученый включает «часть поповтихоновцев во главе с заменившим Тихона Сергием», которая «в отношении признания советской власти пошла дальше григорьевцев и даже стала молиться в церквах за власть», получив название «сергиевцы». Тихоновские приходы, не пожелавшие подчиниться ни одному из епархиальных управлений и породившие группу самоуправляющихся церквей, он называет автокефалистами [1. С. 33, 37].

Появление григорианцев церковный историк 1960-х гг. митрополит И. (Снычев) оценивает «как дробление тихоновщины, как распад единства тихоновской иерархии», характеризуя их как группу епископов, образовавших ВВЦС, не признавших канонической власти патриарших местоблюстителей, восхитивших права первоиерарха. Иначе теолог интерпретирует понятие «староцерковники», применяя его для обозначения григорианцев. В процессе легализации органа григорианского объединения – ВВЦС – за ними сохранилось «именование староцерковнического» [2. С. 11, 64].

Говоря о сосуществовании обновленцев и тихоновцев, историк 1960-х гг. В.М. Ушаков ко вторым относит духовенство, сплотившееся вокруг патриарха Тихона (Белавина) и противопоставляющее себя радикально настроенным обновленцам, потерявшим влияние, «когда тихоновцы встали на путь признания Советской власти» и провозгласили лояльное отношение к последней. В отдельную тихоновскую группу историк выделяет сторонников митрополита Сергия (Страгородского) и образованного им Синода – иерархов, убежденных «в необходимости нормализации отношений с рабоче-крестьянской властью». Такие расколы, как «григорианский, иосифлянский, викторианский, даниловский и другие, которые возглавили видные иерархи, недовольные политикой митрополита Сергия в отношении Советской власти», ученый считает ответвлениями в тихоновской церкви [3. С. 48–49].

О распаде единого лагеря староцерковников, в котором «отчетливо выделились три противоборствующих друг другу силы: ВВЦС во главе с архиепископом Григорием, митрополит Сергий со своим Синодом и Иерархи-автокефалисты, не примыкавшие ни к ВВЦС, ни к митрополиту Сергию», пишет историк 1970-х гг. А.А. Шишкин. Анализируя «междоусобную борьбу староцерковников», исследователь поднимает вопрос о соотнесении социальных слоев населения с церковными силами. По его мнению, «основная масса верующих трудовых слоев населения, шедшая за ста-

роцерковниками – «хранителями не поверженного православия»», перешла на сторону митрополита Сергия (Страгородского). К числу адептов реакционных тихоновских иерархов (ВВЦС и автокефалистов) ученый относит «приверженцев старого строя»: кулаков, бывших торговцев и старую интеллигенцию, выступавших против обновленцев и сергиевцев как изменников православия и прислужников советской власти. Название «староцерковники» ученый использует как синоним тихоновцев, включая в него сергиевцев и григорианцев [4. С. 305, 313–314].

Об оформлении в лоне «ортодоксальной РПЦ» двух оппозиционных направлений, «сергианского и тихоновского», говорит историк 1990-х гг. В.А. Алексеев. В первую группу ученый включает верующих и духовенство, близких по духу к митрополиту Сергию (Страгородскому), ко вторым относит течения в РПЦ со стороны «традиционалистов-консерваторов». Григорианцев, объявивших о создании «синода церкви истинных последователей патриарха Тихона» и имевших «определенную опору среди... “бывших людей” – служащих старого административного аппарата, мелкой буржуазии», автор относит «к числу других оппозиционных тихоновцам церковных структур», называя их «григорьевцы». Руководство ВВЦС во главе с архиепископом Григорием (Яцковским) историк именует староцерковниками, выступившими против деятельности «последователей Тихона-Сергия и обновленцев». Так же как И. (Снычев), В.А. Алексеев обозначил проблему идентификации григорианцев и отнесения их к церковно-групповой принадлежности, разделив «ортодоксальное православие» на сергианское, тихоновское и староцерковное, придав им разные значения [5. С. 182–183, 261–262].

Отдельно следует выделить понятия, касающиеся *персонализации и локализации григорианского раскола*. Церковный историк протоиерей В. Цыпин феномен григорианства олицетворяет не только с именем архиепископа Григория (Яцковского), но и с именем другого деятеля – епископа Бориса (Рукина), влияние которого «среди единомышленников было настолько значительно, что по-другому этот раскол называли борисовщиной, особенно в Москве». Таким образом, В. Цыпин стал одним из первых, кто применил для обозначения григорианства новый термин, связанный с территориальной принадлежностью и именем другого духовного лидера этого явления. При этом ученый подтверждает принадлежность григорианцев к лагерю тихоновской церкви, которые «вероятно, искренне заявляли о своей верности заветам патриарха Тихона» [6. С. 140, 205].

Отличительной чертой диссертации М.Ю. Хрусталева является наличие нового понятия – «сибирский (томский) раскол», связанного с именем и деятельностью томского архиепископа Димитрия (Беликова), впоследствии примкнувшего к григорианским рядам. Историк не трактует содержание этого феномена, а лишь оговаривает факт его существования, в то же время употребляя его отдельно от «григорьевского (ВВЦС) раскола» [7].

Интерес представляют понятия, говорящие о *политико-церковной деятельности лидера сергиевского течения*. Наряду с делением тихоновской (староцерковной) церкви на автономные группы А.А. Шишкин прибегает к наименованию «новообновленцы». По его мнению, Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. «явилась водоразделом между двумя группами староцерковников», первую из которых он именует «реакционерами», а вторую – «новообновленцами во главе с митрополитом Сергием (Страгородским), трезво оценившими ход общественного и политического развития жизни нашей страны» [4. С. 310].

Историки постсоветского пространства В.А. Алексеев и В. Котт также обратятся к термину «новообновленцы», проведя аналогию появления этого названия с изданием Декларации митрополита Сергия (Страгородского) [5. С. 182] и «недолжным и перешедшим границы сотрудничество с безбожной властью» последнего [8. С. 144]. В иной интерпретации понятие «новообновленцы» использует Н.В. Расова, именуя последователей митрополита Сергия (Страгородского) «обновленцами-сергиевцами» [9. С. 148–149].

Затрагивая в своих публикациях вопрос о противостоянии оппозиционных друг другу церковных течений, историк 1990-х гг. О.Ю. Васильева пользуется понятиями, введенными историками прошлого периода. Исследователь соглашается с содержательной стороной названий церковных групп. К обновленцам ученый относит «демократическое, прогрессивное духовенство», а к тихоновцам – «реакционное духовенство» [10. С. 117, 119, 120]. В стан григорианцев, как отщепенцев тихоновского блока, историк включает группу иерархов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским), организовавших ВВЦС и выступивших против митрополита Сергия (Страгородского) [11. С. 49].

Второй блок терминологических проблем связан *с использованием политико-партийной градации церковных течений: левые и правые*, примененной И. (Снычевым) для характеристики оппонентов митрополита Сергия (Страгородского). По его мнению, с момента вступления последнего на арену церковной жизни «всплыло новое, так называемое правое иерархическое течение, возглавляемое архиепископом Свердловским Григорием (Яцковским). Образовался григорианский Синод ВВЦС. Это был первый клин, вбиваемый в церковный организм с правой стороны» [2. С. 11]. Подобно И. (Снычеву), исследователь 1980-х гг. И.Д. Эйнгорн сторонниками «крайне правого крыла тихоновской церкви» и одновременно противниками сергиевцев называет григорианцев [12. С. 121].

Проблему противостояния, начавшегося с момента избрания патриарха Тихона (Белавина), которому «пришлось иметь дело с оппозицией как справа, так и слева», исследует канадский профессор 1990-х гг. Д.В. Поспеловский. По его мнению, правая оппозиция «была более пассивной», а «левая, поддерживаемая ЧК, а позднее ГПУ, заинтересованными в том, чтобы взорвать церковь изнутри, дала о себе знать весьма печально для судеб церкви в 1920-х годах в качестве живоцерковников-обновленцев» [13. С. 43, 45, 49]. Григорианский раскол историк относит «к расколам слева» наряду с украинскими и обновленческим. Вопросам григорианства как новому расколу среди тихоновцев ученый отводит незначительное место, мотивируя тем, что «проблемы

Украины требуют специального рассмотрения, григорьевский же раскол, казавшийся после смерти Тихона потенциально очень опасным, в действительности был очень кратковременным» [14. С. 87].

Распределение церковных сил, схожее с позициями Д.В. Поспеловского, предлагает польский историк Я.Е. Замойски. К «приспособленческим, сервилистским, раболепствующим» толкам исследователь относит живую церковь, обновленчество, григорианство, а оппозицию Даниловского монастыря, иосифлянство, катакомбное движение непоминающих считает «охранительными и консервативными» [15. С. 47].

Российский ученый С. Фирсов церковный организм делит на два оппозиционных блока: левых (обновленцев) и правых (тихоновцев). К числу последних, которые параллельно именуется староцерковниками, исследователь относит сторонников митрополита Сергия (Страгородского) и другие «расколы справа» [16].

Третий блок терминологических проблем связан с *обозначением признаков церковного течения согласно составу и административному управлению таковых*. С помощью «схемы административного управления православных религиозных течений: обновленцев, сергиевцев и григорьевцев» А. Долотов обозначает высший орган управления течения и выстраивает вертикаль власти, тем самым вводя в научный кругозор отличительные особенности каждого церковного течения. В качестве высшего органа управления сергиевцев историк называет «патриарха Сергия» и образованный им Синод, которому на локальном уровне подчинялись епископы и епархиальные советы. Главными органами управления обновленцев автор считает «Синод обновленческой церкви» и «Сибирское областное церковное управление», базирующееся в Новосибирске. Последнему подчинялись «Окружные епархиальные управления», ведающие приходскими делами на местах. Автокефалисты объединяющего центра не имели, их приходы были рассеяны по Сибири и никому подчинятся не хотели. В данной схеме А. Долотов допускает путаницу в названии григорианских органов управления, именуя главный «Временным церковным управлением или кратко ВВЦУ», а местный – «Сибирским управлением». Такое название и аббревиатуру высшего церковного органа, как покажут более поздние изыскания, использовали в первые годы своего существования обновленцы. Что касается названия регионального органа управления григорианцев – «Сибирское областное церковное управление», то его историк приписывает обновленцам, тем самым выпуская из виду достоверное наименование регионального органа управления обновленцев [1. С. 35].

Нововведением являются термины «Московская патриархия» и «патриаршая церковь». Согласно изысканиям историка 1960-х гг. И. Михалева, «Московская патриархия есть не что иное, как объединенная группа епископов, примкнувшая к управлению заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и избравшая курс «соглашательства с властью» [17. С. 28]. В.А. Алексеев в качестве церковного органа управления сергиевцев также называет Московскую патриархию [5. С. 183–188].

Русскую православную церковь, которую с одной стороны, теснило обновленчество, а с другой – григорианство, викторианство и иосифлянство, И. (Снычев) называет патриаршей церковью и олицетворяет с управлением заместителем местоблюстителя патриаршего престола [2. С. 11–12]. К аналогичному мнению приходит О.Ю. Васильева, ассоциируя Русскую православную церковь с патриаршей церковью [10. С. 118, 125]. При этом для определения института патриарха, патриарших местоблюстителей и их заместителей историк наряду с понятием «патриаршая церковь» использует понятие «Московская патриархия» [11. С. 47, 48, 52, 53]. Вместе с тем М.Ю. Хрусталев к патриаршей церкви относит тихоновские (староцерковные) течения и Московскую патриархию во главе с митрополитом Сергием (Страгородским) [7]. Для обозначения сергиевской группы С. Фирсов использует ранее иллюстрируемые понятия-синонимы «Московская патриархия» и «патриаршая церковь» [16].

В статье церковного историка протодиакона П. Бубнова [18] анализируются вопросы трансформации понятия «Российская церковь» в «Русскую церковь» с периода деятельности Поместного собора 1917–1918 гг. до избрания патриарха в 1943 г. Согласно его исследованиям официальное наименование «Православная Российская Церковь», принятое в синодальную эпоху и подтвержденное Поместным Собором 1917–1918 гг., было изменено на «Русская Православная Церковь» в годы управления митрополита Сергия (Страгородского). Этот процесс происходил в 1926–1941 гг., и главной причиной такой реформы было стремление дистанцироваться от обновленцев, главный орган которых именовался «Священный Синод Православной Российской Церкви».

Кроме этого, П. Бубнов [18] акцентирует свое внимание на проблеме появления термина «Московская патриархия», напрямую связывая это с церковной деятельностью митрополита Сергия (Страгородского) в должности заместителя местоблюстителя патриаршего престола. В своей статье исследователь отмечает тот факт, что в «Проекте обращения к православным архипастырям и пастырям митрополита Сергия (Страгородского)» (первоначальный вариант Декларации 1927 г.) автором использовались термины «Московский патриархат» и «Русская Церковь». Далее историк оговаривает, что «в это же самое время другие иерархи, начиная с патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, участвовавшие в переписке по вопросу о преемстве высшей церковной власти, попрежнему использовали “российскую” терминологию, и никто из них – “русскую” терминологию митрополита Сергия, который, в свою очередь, как показывает анализ исходивших от него документов, совершенно не пользовался терминологией старой». Процесс изменения терминологической базы напрямую связан с желанием будущего патриарха Сергия (Страгородского) дистанцироваться не только от обновленцев, но и от других формирований тихоновского блока, в число которого входило григорианское течение.

Итак, отечественные и зарубежные историки 1930–2010-х гг. терминологические проблемы григорианского раскола как самостоятельную тему не изу-

чали. Данный вопрос они исследовали совместно с анализом церковных расколов II четверти XX в. в контексте трех блоков, связанных с названием церковных группировок, политико-партийной градацией церковных течений: левые и правые, обозначением признаков и характеристик церковного течения согласно составу и административному управлению таковых. В научно-историческом дискурсе закрепился принцип деления РПЦ на два оппозиционных лагеря: обновленческий (синодальный) и тихоновский (староцерковный), последний из которых раздробился на три ветви: григорьевцы (григорианцы), сергиевцы (сергианцы) и разного рода автокефалисты. К отличительным признакам, с помощью которых идентифицировали церковное течение, историки отнесли имена иерархов, выступавших в качестве духовных лидеров, церковный орган управления, социальный состав блока согласно их политической ориентированности в отношении государства, территорию дислокации и политико-церковную деятельность.

Благодаря отличительным признакам обозначились следующие определения церковных группировок. *Тихоновцы (староцерковники)* – приверженцы взглядов и политики патриарха Тихона (Белавина), оставшиеся верными ему после раскола в 1922 г. Церкви на два лагеря: патриарший и синодальный. *Обновленцы (живоцерковники)* – сторонники церковных взглядов и политики революционно и демократически настроенного духовенства, выступавшие против церковной деятельности патриарха Тихона (Белавина), местоблюстителей патриаршего престола и их заместителей, поддерживающие религиозные реформы Советского государства и давшие начало реформаторскому направлению в виде легализованного Синода. *Григорианцы* – отщепенцы тихоновского (староцерковного) блока, начавшие свою автономную церковную деятельность в виде органа управления ВВЦС под эгидой архиепископа Григория (Яцковского) и других видных архиереев после смерти в 1925 г. патриарха Тихона (Белавина), а также противопоставившие себя митрополиту Сергию (Страгородскому). Для томских (сибирских) григорианцев характерно использование имени архиепископа Димитрия (Беликова), названий «Томск» и «Сибирь». Для московских григорианцев (борисовщины) – имени епископа Бориса (Рукина). *Сергиевцы* – церковный блок с названием «Московская патриархия», начавший развиваться в лоне тихоновского (староцерковного) блока во главе с заместителем местоблюстителя патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) после публикации в 1925 г. завещания митрополита Петра (Полянского), как оппозиция и антиномия григорианскому блоку, в том числе автокефальным направлениям. Благодаря политико-церковной деятельности духовного лидера сергиевцев современники стали именовать их новообновленцами.

Спорными остались вопросы, касающиеся, во-первых, названия «староцерковники», используемого историками для обозначения как всей тихоновской церкви с множеством ветвей, так и автономного ответвления – григорианского раскола, во-вторых, наименования «патриаршая церковь», одновременно применяемого учеными как синоним тихоновской (староцерковной) церкви или Русской православной церкви в целом, так и отдельного блока – Московской патриархии (сергиевцев), в-третьих, отсутствия единого мнения об отнесении григорианцев к левым или правым расколам тихоновской церкви.

Весь спектр оформившихся концептов стал достоянием большинства зарубежных, общероссийских, региональных историков советской и постсоветской эпохи, занимающихся исследованиями внутрицерковных проблем 1920–1930-х гг. Вместе с тем в науке сохраняется терминологическая неопределенность по ряду позиций, что создает проблемы в исследовании григорианского раскола как на общероссийском, так и региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Борьба против религии – борьба за социализм / Краевой совет союза воинствующих безбожников. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930.
2. Снычев И., митрополит. Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. 2-е изд., доп. Сортавала : Изд-во Сортавальской книжной типографии, 1993.
3. Ушаков В.М. Православие и XX век. Критика модернизма и фальсификации в идеологии современной Русской Православной Церкви. Алма-Ата : Казахстан, 1968.
4. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1970.
5. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991.
6. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917–1997 гг. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
7. Хрусталев М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах (на материалах Новгородской епархии) : дис. … канд. ист. наук. Архангельск : Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2004.
8. Котт В. Обновленчество. Некоторые новые документы и оценки // Живое предание : материалы междунар. богослов. конф. М. : Изд-во Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы, 1999. С. 143–157.
9. Расова Н.В. Советское государство – против священнослужителей и верующих Православной церкви // Коренные народы Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем : материалы междунар. науч. конф. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский гос. ун-т, 2006. С. 148–157.
10. Васильева О.Ю. Роль Советского государства и Вселенской патриархии как участников обновленческого раскола 1922–1923 гг. // Живое предание : материалы междунар. богослов. конф. М. : Изд-во Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы, 1999. С. 143–157, 117–134.
11. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.
12. Эйнгорн И.Д. Очерки истории и религии атеизма в Сибири (1917–1937 гг.) / ред. Л.И. Боженко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982.
13. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь: испытания XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 42–55.
14. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995.
15. Замойски Я.Е. Русская Православная Церковь. 1928–1938. По материалам польских заграничных служб // Новая и Новейшая история. 1998. № 1. С. 46–63.

16. Фирсов С. Уроки русского церковного обновления. К 80-летию обновленческого раскола // НГ Религии. 2002. № 2 (97).
17. Михалев И. Церковь в прошлом и теперь. Казань : Татар. книж. изд-во, 1962.
18. Бубнов П., протодиак. Вопрос о титуле Московского Патриарха и наименовании Русской Церкви в 1917–1943 гг. // Труды Минской Духовной Академии. 2003. № 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

THE ESSENCE OF GRIGORIAN SCHISM IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OF THE 2ND QUARTER OF THE 20TH CENTURY IN THE 1930S–2010S HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM: ASPECTS OF TERMINOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 68–72.
DOI: 10.17223/15617793/422/10

Anna V. Ananina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anasam83@mail.ru

Keywords: historiography; Russian Orthodox Church; inner-church struggles; Tikhon's church; Grigorian schism.

The author analyzes Russian and foreign historiography of the 1930s–2010s that concerns the history of the Russian Orthodox Church and the schisms of the 2nd quarter of the 20th century. Three groups of terminological problems are determined. They are related to the introduction of names of church groups as scientific terms, the grading of church currents as political parties, such as the left and the right, and pointing out their features and characteristics according to their composition and administrative management. Special attention is given to those differential features that allow to identify Orthodox currents: synonyms, names of hierarchs who led these formations, church administrative bodies, social composition as regards their political orientation towards the Soviet state, territorial situation and political activity. With the help of differential features, the author introduces the principle of division of the church body into two opposing camps: renovationists and Tikhonovtsy. The latter is further divided into three autonomous branches: Grigorievtsy (Grigorians), Sergievtsy (Sergians, neo-renovationists, Moscow Patriarchate) and various sorts of autocephalists. The author also formulates definitions for each of the denominations, including Grigorians that are defined as apostates from Tikhon's group. They began their own church activity as a governing body of the Temporary Higher Church Council under the aegis of Yekaterinburg archbishop Grigoriy (Yatskovskiy) and other distinguished hierarchs after the death of Patriarch Tikhon (Belavin) in 1925. This group functioned in opposition to the deputy of the Patriarch, metropolitan Sergiy (Stragorodskiy). For the members of Grigorian schism in Tomsk, the usage of the name of archbishop Dimitriy (Belikov) and the proper names Tomsk, Siberia was typical. The followers of Grigorianism (Borisovchina) in Moscow used the name of bishop Boris (Rukin). The issues of such names of group membership as "old church" and "Patriarch's church" are still up for debate, as is the issue of defining Grigorians as either left- or right-wing schisms of Tikhon's church. As a result, there continues to exist a terminological ambiguity that poses additional problems in the study of the Grigorian schism both nation-wide and at a regional level.

REFERENCES

1. Dolotov, A. (1930) *Tserkov' i sektantstvo v Sibiri. Bor'ba protiv religii – bor'ba za sotsializm* [Church and sectarianism in Siberia. The struggle against religion is the struggle for socialism]. Novosibirsk: Sibkrayizdat.
2. Snychev, I. (1993) *Tserkovnye raskoly v Russkoy tserkvi 20-kh i 30-kh godov XX stoletiya – grigorianskiy, yaroslavskiy, iosiflyanskiy, viktorianskiy i drugie, ikh osobennosti i istoriya* [Church schisms in the Russian Church of the 1920s and 1930s: Grigorian, Yaroslavl, Iosiflian, Victorian and others, their features and history]. 2nd ed. Sortavala: Izd-vo Sortaval'skoy knizhnoy tipografii.
3. Ushakov, V.M. (1968) *Pravoslavie i XX vek. Kritika modernizma i fal'sifikatsii v ideologii sovremennoy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Orthodoxy and the twentieth century. Criticism of modernism and falsification in the ideology of the modern Russian Orthodox Church]. Alma-Ata: Kazakhstan.
4. Shishkin, A.A. (1970) *Sushchnost' i kriticheskaya otsenka "obnovlencheskogo" raskola Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [The essence and critical assessment of the "renovationist" split of the Russian Orthodox Church]. Kazan: Kazan State University.
5. Alekseev, V.A. (1991) *Illyuzii i dogmy* [Illusions and dogmas]. Moscow: Politizdat.
6. Tsypin, V. (1997) *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1917–1997 gg.* [History of the Russian Orthodox Church, 1917–1997]. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya.
7. Khrustalev, M.Yu. (2004) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v tsentre i na periferii v 1918–1930-kh godakh (na materialakh Novgorodskoy eparkhii)* [The Russian Orthodox Church in the center and on the periphery in 1918–1930s (on the materials of the Novgorod diocese)]. History Cand. Diss. Arkhangelsk.
8. Kott, V. (1999) [Renewal. Some new documents and assessments]. *Zhivoe predanie* [A live legend]. Proceedings of the international theological conference. Moscow: Izd-vo Svyato-Filaretovskoy moskovskoy vysshey pravoslavno-khristianskoy shkoly. pp. 143–157. (In Russian).
9. Rasova, N.V. (2006) [Soviet state against clergymen and believers of the Orthodox Church]. *Korennye narody Sayano-Altaya: v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Indigenous peoples of the Sayano-Altai: in the past, present and future]. Proceedings of the international conference. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 148–157. (In Russian).
10. Vasil'eva, O.Yu. (1999) [The role of the Soviet state and the Ecumenical Patriarchate as participants in the renewal split of 1922–1923]. *Zhivoe predanie* [A live legend]. Proceedings of the international theological conference. Moscow: Izd-vo Svyato-Filaretovskoy moskovskoy vysshey pravoslavno-khristianskoy shkoly. pp. 143–157, 117–134. (In Russian).
11. Vasil'eva, O.Yu. (1993) Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Sovetskaya vlast' v 1917–1927 godakh [Russian Orthodox Church and Soviet Power in 1917–1927]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 40–54.
12. Eyngorn, I.D. (1982) *Ocherki istorii i religii ateizma v Sibiri (1917–1937 gg.)* [Essays on the history and religion of atheism in Siberia (1917–1937]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Pospelovskiy, D.V. (1993) Russkaya pravoslavnaya tserkov': ispytaniya XX veka [Russian Orthodox Church: trials of the twentieth century]. *Voprosy istorii.* 1. pp. 42–55.
14. Pospelovskiy, D.V. (1995) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the twentieth century]. Moscow: Respublika.
15. Zamoyski, Ya.E. (1998) Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. 1928–1938. Po materialam pol'skikh zagranichnykh sluzhb [Russian Orthodox Church. 1928–1938. On the materials of Polish foreign services]. *Novaya i Noveyshaya istoriya.* 1. pp. 46–63.
16. Firsov, S. (2002) Uroki russkogo tserkovnogo obnovleniya. K 80-letiyu obnovlencheskogo raskola [Lessons of Russian church renewal. On the 80th anniversary of the renewal split]. *NG Religii*. 2 (97).
17. Mikhalev, I. (1962) *Tserkov' v proshlom i teper'* [Church in the past and now]. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo.
18. Bubnov, P. (2003) Vopros o titule Moskovskogo Patriarkha i naimenovanii Russkoy Tserkvi v 1917–1943 gg. [The question of the title of the Moscow Patriarch and the name of the Russian Church in 1917–1943]. *Trudy Minskoy Dukhovnoy Akademii.* 7.

Received: 27 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 73–81. DOI: 10.17223/15617793/422/11

УДК 658.26 (575) (470+571)

Р.С. Бейсебаев

СОТРУДНИЧЕСТВО КЫРГЫЗСТАНА И РОССИИ В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматриваются кыргызско-российские топливно-энергетические отношения, их состояние, основные проблемы и перспективы сотрудничества. На основании исторического, дедуктивного и причинно-следственного методов анализа и наблюдения динамики соглашений и договоров разбирается процесс выстраивания отношений Кыргызстана и России. Выявлены признаки теории, классифицирующие Кыргызстан как Государство-(полу)Рантье, влияющие на топливно-энергетическую стабильность и внешнеполитический курс Кыргызстана.

Ключевые слова: Кыргызстан; Россия; топливно-энергетический комплекс; энергоресурсы; сотрудничество; теория Государства-Рантье; «Газпром».

Существуют различные интерпретации международных отношений, складывающихся между государствами. Процесс установления сотрудничества России и Кыргызстана – одна из интерпретаций международных отношений. При этом следует объективно исходить из разумного сочетания интересов страны с возможностями их продвижения в условиях, складывающихся на международной арене политических и экономических реалий. Изучение двусторонних топливно-энергетических отношений между Кыргызстаном и Россией – процесс, который позволит определить основные направления сотрудничества в секторе, сопровождаемые определенными проблемами и перспективами. В связи с этим возникают вопросы: как выстраивались отношения между Кыргызстаном и Россией в топливно-энергетическом комплексе? Почему российские энергоресурсы влияют на внешнюю политику Кыргызстана?

Установленные вопросы объединяются в единую цель исследования: определить, каким образом выстраиваются кыргызско-российские топливно-энергетические отношения, которые влияют на внешнеполитический курс Кыргызстана. Полученные данные основываются на соглашениях и договорах, печатных и электронных источниках информации, российских, западных и кыргызских исследованиях, выступлениях членов государственных, негосударственных институтов, представителей гражданского общества.

Для решения поставленной цели и поиска ответа на вопросы рассматривается процесс сотрудничества, выявляются проблемы и обозначаются перспективы с использованием метода наблюдения, а также исторического, дедуктивного и причинно-следственного методов. Используемая информация будет впервые сканироваться через теорию Государства-(полу)Рантье. Используя установленные теорию и методы, предпринимается попытка определить энергетический и политический курс Кыргызстана, роль российских нефтепродуктов и газа, инвестиций в гидроэнергетический комплекс центральноазиатской страны и другие экономические ресурсы, которые выступают политическими инструментами влияния России на Кыргызстан.

Используемая в исследовании теория Государства-Рантье изначально применялась учеными в отношении государств Северной Африки и Ближнего Востока. Теория Государства-Рантье основывалась на политических и экономических процессах в предреволюционном Иране, изложенных в работе Хуссейна Махдави [1]. В своей работе он определил, что Государства-Рантье – это государства, которые получают доход от зарубежных акторов. Спустя время высказанная теория использовалась в отношении государств Африки и Южной Америки [2]. Далее с различной степенью успеха теория Государства-Рантье была применена к постсоветским государствам Центральной Азии и Кавказа [3. P. 51–71; 4. P. 43; 5. P. 109–140] и даже России [6].

Одна из ключевых проблем Кыргызстана – экономика, которая не имеет собственных энергетических ресурсов, а зависима от денежных переводов трудовых мигрантов и внешних инвестиций. Такое государство быстро группируется вместе с теми государствами, которые имеют нефтяные и газовые запасы [7. P. 51–53]. Войтчек Островски считает, что Кыргызстан – Государство-(полу)Рантье, так как зависит от денежных переводов трудовых мигрантов из России и Казахстана, а также внешних инвестиций [8, 9].

Зависимость Кыргызстана от таких доходов в дальнейшем приводит страну к экономической зависимости, которая повлияет на внешнеполитические ориентиры.

Концепция Государства-Рантье объясняет важную роль в развитии государства нефти и газа и других энергетических ресурсов. Кыргызстан может классифицироваться как государство-(полу)Рантье также, потому что имеет обеспеченный доступ к энергетическим ресурсам России за счет сближения с ней. Нефть и газ Кыргызстан импортирует из России. Электричество Кыргызстан вырабатывает на своих гидроэнергетических станциях, но их развитие зависимо от внешних инвестиций. Государства-Рантье играют центральную роль в распределении доходов среди населения. Теория Государства-Рантье фокусируется на том, что доходами от энергетического комплекса пользуется маленький круг представителей государственного управления.

Кыргызско-российское сотрудничество по вопросам нефтепродуктов и газа начинается в 2000 г. В мае 2003 г. между «Газпромом» и Правительством Кыргызстана было подписано соглашение о сотрудничестве в газовой сфере сроком на 25 лет (до 2028 г.). Москва и Бишкек планируют после проведения геологоразведки ряда наиболее перспективных месторождений разработать технико-экономическую оценку их

освоения, на основании которой будет принято решение о целесообразности создания совместного предприятия для разработки выявленных месторождений.

В январе 2006 г. подписан меморандум о намерениях по созданию совместного предприятия для проведения геологоразведочных работ, разработки и освоения углеводородных ресурсов. В том же году на территории Кыргызстана компания «Газпром нефть» создала дочернее предприятие «Газпром нефть Азия» [10]. Она осуществляет свою деятельность на рынке нефтепродуктов Кыргызской Республики с августа 2006 г. Компания является крупнейшим оператором на оптовом и розничном рынках нефтепродуктов, а также сжиженного углеводородного газа [11]. На сегодняшний день она одна из крупнейших операторов в Кыргызстане по оптовой и розничной реализации нефтепродуктов, а также сжиженного газа.

В управлении предприятия находятся 8 нефтебаз, 110 автозаправочных комплексов, 2 базы сжиженного углеводородного газа, 130 единиц автопарка, 5 лабораторий. Это очень серьезные цифры для слабой топливно-энергетической системы Кыргызстана. Говоря о качестве продукции, отметим, что на заправках «Газпрома» реализуется только российское топливо, которое поставляет предприятию Омский нефтеперерабатывающий завод. Следуя долгосрочной стратегии развития, «Газпром нефть Азия» применяет передовые технологии, успешно реализует инновационные проекты.

Другое открытое предприятие – ОсОО «Газпромнефть-Аэро Кыргызстан» – дочернее предприятие ЗАО «Газпромнефть-Аэро» [12], обладает собственной сетью топливозаправочных комплексов (ТЗК). С 2011 г. предприятие ведет операционную деятельность по заправке воздушных судов и реализации авиационного топлива «в крыло». «Газпромнефть-Аэро Кыргызстан» является крупнейшим поставщиком авиатоплива на территории Кыргызской Республики.

В мае 2007 г. было подписано соглашение об общих принципах проведения геологического изучения недр, которое дало «Газпрому» право на разведку газовых месторождений в Кыргызстане, а в феврале 2008 г. российский концерн получил две лицензии на право пользования участками недр на площадях «Кугарт» и «Восточный Майлисуу IV». Позже «Газпрому» была передана лицензия на геологоразведку газовых месторождений в южной части Кыргызстана.

Россия поставляет в Кыргызстан более 90% всех горюче-смазочных материалов: около 750 тыс. т в год при потребностях республики в 1 млн 200 тыс. т в год. До 2010 г. нефтепродукты поставлялись на льготной основе, затем Россия ввела стопроцентную пошлину. С 2011 г. российское правительство продлевает льготы по экспортной пошлине на нефтепродукты. Право монопольного импорта и распределения беспошлинных нефтепродуктов предоставлено российской компании «Газпром нефть Азия» [13]. Активизация российских топливных компаний была постепенной на нефтегазовом рынке Кыргызстана. Россия закреплялась в стране, не имеющей собственных ресурсов, разработанных в промышленных масштабах.

Летом 2009 г. правительство Кыргызстана приняло окончательное решение продать «Газпрому» контрольный пакет акций «Кыргызгаза». Между Кыргызстаном и Россией состоялась сделка, госкомпания «Кыргызгаз» была продана при условии, что Кыргызстану поэтапно будет списан внешний долг в размере $500 млн и бесперебойные поставки газа в центральноазиатскую республику будут осуществляться российской компанией «Газпром». Договор о покупке «Газпромом» 100% акций ОАО «Кыргазгаз» за 1 долл. был подписан 10 апреля 2014 г. По условиям договора российская компания должна осуществлять поставку газа на территорию Кыргызстана, его подземное хранение, строительство, реконструкцию и эксплуатацию газотранспортной и газораспределительной систем и других объектов инфраструктуры.

«Газпром» также обязался инвестировать в модернизацию и реконструкцию газовой кыргызской инфраструктуры 20 млрд руб., а также гарантировать развитие и модернизацию оборудования и магистральных газопроводов, соблюдение тарифной политики в соответствии с местным законодательством, бесперебойную поставку природного газа для потребителей КР с учетом имеющихся технических возможностей и условий для транзита природного газа в республику. Кроме того, российский инвестор берет на себя обязательства по имеющимся долгам «Кыргызгаза», по выплате кредиторам 40 млн долл. долга кыргызской компании перешли на баланс «Газпрома» [14].

В связи с этим ликвидируются Бишкекское, Чуйское, Джалал-Абадское, Ошское, Баткенское управления газового хозяйства, южное и северное управления магистральных газопроводов, Кыргызский пусконаладочный участок ОАО «Кыргызгаз», автомобильные газонаполнительные компрессорные станции. Газопроводы высокого давления, газораспределительные и компрессорные станции, подземные хранилища, скважины, земельные участки, здания, оборудование, сырье, продукцию и, конечно же, обязательства.

Кыргызстан со своей стороны гарантировал исключительное право созданной компании на импорт природного газа, предназначенного для потребителей страны, невмешательство своих государственных органов в установление тарифов на транспортировку газа по территории в третьи страны, а также защиту инвестиций «Газпрома» и его «дочек» от экспроприации и национализации. Соглашение заключено на 25 лет с возможностью автоматического продления на пятилетние периоды.

Президент Кыргызстана А. Атамбаев, выступая перед жителями Таласа, сказал: «Или вот нагнетают обстановку вокруг газа… Кричат, что, мол, Атамбаев отдал “Кыргызгаз” за 1 доллар. С приходом “Газпрома” к нам Узбекистан отключил газ. Знаете, почему? Чтобы к ним пришёл “Газпром”. Вспомните, пожалуйста, ведь на протяжении 20 лет с приходом зимы все наши чиновники шли на поклон в Ташкент. Теперь же обстановка изменится – в лучшую сторону. “Газпром” погасит задолженность “Кыргызгаза” в 40 млн долларов. “Газпром” привлечёт более 600 млн долларов в отрасль. Начнёт поиск газ месторождений в нашей стране. Миллер мне сказал, в крайнем случае, протянут с севера трубу, чтобы мы не кланялись соседу. Перед каждой зимой мы переживали: будет у

нас газ, или отключат его нам… Отныне такого не должно быть» [15].

Как сообщил на заседании председатель комитета СФ по международным делам М. Маргелов, ратификация соглашения отвечает экономическим интересам РФ и будет способствовать развитию газотранспортной системы Кыргызстана и Азиатского региона [13].

Успех внешней энергетической политики России в Кыргызстане очевиден. В Кыргызстане работают российские компании. Других крупных иностранных компаний в интересующем нас секторе с такой долей участия в Кыргызстане нет. Политические лидеры Кыргызстана придерживаются того, что на сегодняшний день альтернативы России в поставке нефтепродуктов нет. Самостоятельно Кыргызстан не может вести топливно-энергетическую политику.

Риск зависимости от российской нефтяной продукции высок для маленькой слаборазвитой страны. Такая зависимость от России усугублялась тем, что при условии невступления Кыргызстана в ЕАЭС (Евразийский экономический союз) цены на топливо в связи с введением таможенного акциза могли заметно вырасти, что могло вызвать мультипликативный эффект в ухудшении экономической и внутриполитической ситуации в республике. Это позволило России использовать топливо и введенный на него акциз как политический инструмент.

Немецкий министр иностранных дел Вальтер Штайнмайер отмечал, что энергия не должна становиться инструментом власти. Американский вице-президент Дик Чени заявлял, что незаконный интерес удовлетворяется, когда нефть и газ становятся инструментом устрашения и шантажа [16. P. 14]. Тем не менее практика показывает, что Россия использует топливно-энергетические ресурсы как инструмент внешней политики и дипломатии.

С другой стороны, партнерство с Россией в перспективе при лояльной внешней политике Кыргызстана может принести неплохие результаты в бесперебойной поставке нефтепродуктов. Именно в этом заинтересованы власти Кыргызстана, им не выгодна нестабильная внутриполитическая ситуация, которая может быть вызвана повышением цен на энергоносители. Активное присутствие российской компании в Кыргызстане – это попытка России взять под контроль рынок и инфраструктуру нефтегазового комплекса маленькой, зависимой от нефтепродуктов страны.

Однажды Россия уже использовала энергетический инструмент как политический рычаг в отношении Кыргызстана для достижения целей. Достаточно вспомнить пример, связанный с именем экс-президента Бакиева, который в Москве на пресс-конференции в феврале 2009 г. заявлял о выводе американской базы из Кыргызстана, но не сдержал свое слово. Все прекрасно помнят, что вывода не было, а было лишь переименование базы в Центр транзитных перевозок. В ответ Россия ввела таможенный акциз на топливо для Кыргызстана. Это совпало с внутриполитическими и экономическими действиями К. Бакиева, который, как известно, осуждался за то, что шел по стопам предыдущего президента А. Акаева, внедряя в органы управления государственными структурами своих родственников, пытаясь централизовать власть, способствовал повышению тарифов на электроэнергию, веерным отключениям и т.д. Поднявшаяся цена в результате введения таможенного акциза на нефтепродукты на рынке Кыргызстана вызвала цепную реакцию. В стране резко выросла цена на потребительские товары и продукты питания. Все это привело в итоге к событиям 2010 г.: к обострению внутриполитической ситуации в Кыргызстане и свержению президента К. Бакиева.

Президент Кыргызстана А. Атамбаев 10 апреля в 2014 г. встречался с председателем правления ОАО «Газпром» А. Миллером, в ходе встречи обсуждались вопросы деятельности «Газпрома» в Кыргызстане [17] по обеспечению энергетической безопасности страны. Компания планирует разработать соответствующую генеральную схему по газификации Кыргызстана. Генеральная схема рассчитана на период до 2030 г. Планируются поставки газа в Майлуу-Сууйское подземное газохранилище, а также необходимые геофизические исследования объекта. В подземном газохранилище может храниться до 500 млн кубометров. Кроме этого, началась геологоразведка на месторождениях газа Майли-Суу-4 и Когарт.

15 февраля 2014 г. вступило в силу соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о сотрудничестве в сфере транспортировки, распределения и реализации природного газа на территории Кыргызской Республики. Президент России В. Путин 3 февраля 2014 г. подписал федеральный закон о ратификации данного соглашения. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 29 января 2014 г. на своем 344-м заседании одобрил ратификацию соглашения между правительствами России и Кыргызстана о сотрудничестве в газовой сфере, в соответствии с которым национальный оператор «Кыргызгаз» передается российскому «Газпрому».

С 2016 г. «Газпром нефть Азия» меняет стратегии работы в связи с изменением рыночной ситуации в регионе на фоне отсрочки ввода в действие положений Технического регламента Таможенного союза о требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту (ТР ТС 013/2011) от 18 октября 2011 г. [18]. В аренду компании-партнеру передаются станции, расположенные преимущественно в регионах, где спрос на топливо класса Евро-5 минимален.

Кроме «Газпрома» в Кыргызстане работает российская компания ОАО «Лукойл». ОсОО «АВТ» является официальным дилером компании «Лукойл» на территории Кыргызстана. Компания стабильно укрепляет репутацию ведущего производителя индустриальных автомобильных масел. ОсОО «ТТС-Trading» и ОсОО «Примэкс» – официальные дилеры «Лукойл» по реализации продукции в Кыргызстане.

В сентябре 2014 г. российская компания «Роснефть» выкупила стопроцентную долю четырех компаний, входивших в группу БНК (Бишкекская нефтяная компания), осуществлявших розничную и оптовую реализацию нефтепродуктов на территории Кыр-

гызской Республики через сеть собственных АЗС и нефтебазу [19]. Рамочное соглашение о приобретении БНК было подписано 19 февраля 2014 г. главой ОАО «Роснефть» Игорем Сечиным и генеральным директором ЗАО «Бишкекская нефтяная компания» Александром Ниязовым в Бишкеке.

На балансе предприятия по состоянию на конец 2016 г. находятся 23 АЗС, все они расположены в пределах Чуйской области Кыргызстана. В планах у руководства компании – реализация масштабной инвестиционной программы, направленной на строительство новых и модернизацию действующих комплексов АЗС на основе современных технологий, учитывающих новые экологические стандарты.

С каждым годом Россия наращивает влияние в Кыргызстане. Экономические проекты России в Кыргызстане поглощают экономическую независимость центральноазиатской республики. Особо следует обратить внимание на то, что все энергетические компании, которые работают в Кыргызстане в настоящее время, имеют прямое отношение к политическим кругам государственного управления в России. Имея статус закрытых акционерных обществ, эти компании больше по статусу напоминают государственные компании, а это значит, что внешнеполитический курс выстроен на интересах внешнеполитического курса правящей когорты России. Все это может в итоге привести к выдавливанию интересов Запада и совершенствованию внешней политики России в Кыргызстане как плацдарме в Центральной Азии.

Таким образом, в нефтегазовом секторе по состоянию на 2016 г. основным партнером Кыргызстана является Россия. Основным поставщиком нефтепродуктов на рынок Кыргызстана является компания «Газпром». У этой компании самая большая доля присутствия на рынке Кыргызстана из всех российских компаний. Затем следует «Роснефть» и замыкает список «Лукойл». Монополизация российскими компаниями нефтегазового рынка Кыргызстана несет в себе определенные риски для Кыргызстана.

Особое внимание следует обратить на цены российских нефтепродуктов в Кыргызстане, которые большей частью растут из года в год. Этот рост обоснован сезонным спросом, например весенне-осенние полевые работы, с ростом оптово-отпускных цен на российском рынке нефтепродуктов. Но есть и другие факторы, влияющие на цены: ремонтные работы на российских нефтеперерабатывающих заводах, которые повышают спрос на внутреннем российском рынке, что приводит к снижению экспорта. Кроме того, политические разногласия между странами также приводят к повышению цен на нефтепродукты. Вышеуказанные аспекты показывают зависимость от российских нефтепродуктов.

Учитывая этот факт, следует обратить внимание на исследование, выполненное Андреасом Голдзау (Andreas Goldthau) [20]. Анализируя российское влияние, автор объясняет страх государств Центральной и Восточной Европы стать субъектами российского блага – энергетических поставок. И если возникнет необходимость увеличения потребления, то это может привести к их резко выраженной импортной зависимости [21]. В настоящее время европейские государства ускоряют повышение потребления энергетических продуктов, таким образом, увеличивается рост импортной зависимости, а значит, зависимость от российского газа.

В соответствии с растущей европейской потребностью «Газпром» частично приватизировал и взял под государственный контроль газовый сектор, став монополистом на внутреннем рынке. Заключено некоторое количество долгосрочных контрактов с европейскими покупателями, которые включают солидное повышение цен на экспорт. Российская экономика развивается в 4–5 раз быстрее, чем газовое потребление за весь период. Внутренний газовый рынок высоко политизирован. Внутренне повышение цен на газ ниже цен, возросших в Европе. Газпром хорошо зарабатывает на Западной Европе, хотя от всего потенциала России в газовом секторе торговля составляет лишь 30% [20].

«Газпром» скупает газ в Центральной Азии, затем повышает цену и перепродает в Европейский Союз. Высокие цены на газ в Центральной Европе начинают порождать развитие потребностей на Украине. Внутренние российские цены в настоящее время уже выросли, что привело к повышению цен для Западной Европы. Западная политика должна сфокусировать свое внимание на инвестиционный процесс газового сектора при участии западных компаний. Политика российской компании «Газпром» прагматична не только в Европе, но и в Центральной Азии, и Кыргызстан – не исключение.

Сотрудничество Кыргызстана и России не ограничивается нефтегазовым сектором. Гидроэнергетическая отрасль – второе направление в истории совместной работы двух стран. Россия заинтересована в развитии региональной центральноазиатской энергетики. В связи с большим интересом многих стран к гидроэнергетическим ресурсам Кыргызстана Россия активизировала свои действия. В августе 2004 г. Правительство Кыргызстана и РАО «ЕЭС России» подписали меморандум «О совместных действиях по подготовке к реализации проекта по завершению строительства Камбар-Атинских ГЭС-1 и ГЭС-2». По предварительным оценкам, вложения в достройку ГЭС должны были составить около 2 млрд долл. Рассматривалась возможность привлечения к финансированию строительства частных и институциональных инвесторов, в том числе Всемирного банка и Азиатского банка развития.

В 2008 г. были достигнуты кыргызско-российские договоренности о проекте строительства Камбаратинской ГЭС-1 мощностью 1,9 ГВт и каскаде ГЭС на реке Нарын. Строительство станции оценивалось в 2 млрд долл. Предполагалось, что Москва выдаст на реализацию проекта кредит в размере 1,7 млрд долл. Строить Верхненарынский каскад ГЭС должно было «РусГидро». В новом соглашении «Интер РАО» и «РусГидро» хотели уйти от утвержденного ранее паритетного участия. Официальный Кремль предлагал пересмотреть соглашение. Взамен российским инвестициям не 50% акций станций, построенных в будущем, а 75%.

События развивались, велись переговоры и консультации. В ходе рабочего визита в Москву экспрезидента Кыргызстана К. Бакиева 3 февраля 2009 г. был подписан документ о выделении Кыргызстану кредита для возведения Камбаратинской ГЭС-1. Стороны заключили соглашения о безвозмездной финансовой помощи республике, о предоставлении ей государственного кредита, о погашении части госдолга в имущественной форме и списании оставшейся задолженности Кыргызстана перед РФ (задолженность составляла почти 193 млн долл.). Кроме средств на строительство ГЭС Кыргызстан также получил 300 млн долл. в виде госкредита на 40 лет с отсрочкой начала выплат на семь лет и безвозмездный грант в 150 млн долл. Также РФ согласилась списать кыргызстанский долг в размере 180 млн долл. в обмен на 48% акций оборонно-промышленного ОАО «ТНК Дастан» и здание торгпредства РФ в Бишкеке. Однако прежнее руководство республики не выполнило взятых на себя обязательств. Пришедшее к власти в 2010 г. новое правительство обвинило режим Бакиева в нецелевом использовании российского кредита [22].

Кыргызстан не в состоянии самостоятельно начать и завершить запланированное строительство гидроэнергетических объектов на реке Нарын. Более того, в ближайшей перспективе нехватка финансовых средств, квалифицированных кадров в секторе гидроэнергетики, износ оборудования и разрушение энергетических мощностей могут привести к глубокому гидроэнергетическому кризису в стране. Кыргызстан владеет верховьями горных рек, питающих водными ресурсами весь Центральноазиатский регион. Страны, находящиеся ниже по течению (Казахстан и особенно Узбекистан), используют потенциал трансграничных рек для нужд ирригационного земледелия. Накопление больших объемов воды в искусственных резервуарах для генерации электроэнергии создает проблемы для аграрных стран. В результате остроты противоречий в перспективе по использованию региональных гидроресурсов между Кыргызстаном, Узбекистаном и Казахстаном первая в этом списке страна не сможет быть равноправным актором разрешения создавшейся проблемы без поддержки более сильного игрока, которым может выступить Россия.

В ходе визита в Кыргызскую Республику Президента РФ В. Путина 20 сентября 2012 г. были подписаны два межправительственных соглашения о строительстве и эксплуатации Верхне-Нарынского каскада ГЭС. Для его реализации создана российско-кыргызская компания «Камбар-Атинская ГЭС-1», в которой 50% акций принадлежат «Интер РАО ЕЭС». Российская компания «РусГидро» заключила сделку на строительство гидрокаскада стоимостью 400 млн долл. [23]. Предполагаемый срок строительства станции – 7 лет, срок окупаемости проекта – 12,5 лет.

В августе 2013 г. на площадке строительства ГЭС начались инженерно-технические и буровые работы. В частности, рассмотрены детали строительства Камбаратинской ГЭС-1 и Верхненарынского каскада ГЭС. Но в итоге и здесь не обошлось без остановок. Был поднят вопрос о задержке оформления земель под строительство ГЭС-1. Выдача кредита была приостановлена в связи с тем, что также должно было пройти согласование со всеми заинтересованными сторонами – Узбекистаном и Казахстаном.

Необходимо отметить, что политическая активность Москвы в вопросах, касающихся водно-энергетических проблем региона, направлена на его стабильное развитие. Российское руководство настаивало на необходимости учитывать при строительстве крупных ГЭС в регионе интересы всех государств Центральной Азии. Еще одной стороной непростых водно-энергетических проблем ЦАР являются интересы бизнеса, который на практике реализует проекты и межправительственные договоренности. Увязать эти часто разнонаправленные интересы не просто.

Международная независимая экспертиза по проекту Камбаратинской ГЭС-1 в Кыргызстане привела к задержке ее строительства. Кыргызстан настаивал на продолжении строительства плотины, но вышеуказанные причины не позволили продолжить начатое.

Осуществление планов продвигалось медленно и сопровождалось высказываниями не в пользу России. О том, что Кыргызстан сильно рискует попасть в экономическую, а затем и в политическую зависимость от России неоднократно заявляли политики Кыргызстана. «Давайте возьмем кредит и сами построим Камбар-Атинскую ГЭС», – предлагал А. Кельдибеков[1] [24]. Мало того, что мы даем России преференции, поблажки, так еще и не получим прибыль, пока их же компания не рассчитается по кредиту. Более того мы, оказывается, должны экспортировать электричество по той же стоимости, по которой его продают внутри государства» [Там же].

О. Текебаев выступил против того, чтобы Кыргызстан совместно с Москвой строил Верхненарынский каскад и Камбар-Атинскую ГЭС. «Рано или поздно во всех проектах заканчиваются ресурсы, – убежден он. А вода – это вечный запас Кыргызстана, и еще минимум 4,5 млрд лет у нас будет электроэнергия» [Там же]. Несмотря на то, что экспертное сообщество и многие авторитетные политики выступают за сотрудничество с Россией и признают, что Кыргызстан никогда самостоятельно не построит Камбар-Атинскую ГЭС, эти депутаты парламента Кыргызстана пытаются убедить общественность в обратном.

Однако нельзя забывать о том, что Кыргызстан не в состоянии самостоятельно начать и завершить запланированное строительство гидроэнергетических объектов на реке Нарын. Более того, в ближайшей перспективе нехватка финансовых средств, квалифицированных кадров в секторе гидроэнергетики, износ оборудования и разрушение энергетических мощностей может привести к тотальному гидроэнергетическому кризису в стране, что может привести к экономическому, а затем и политическому кризису.

Тем не менее кыргызско-российский гидроэнергетический проект по строительству ГЭС зимой 2016 г. был денонсирован [25]. Нежелание России брать на себя экономические и политические риски строительства крупнейших ГЭС в Кыргызстане долгое время являлось определяющим фактором того, что эти объекты оставались недостроенными. В итоге Кыргызстан должен выплатить России 37 млн долл. за односторон-

нюю денонсацию соглашений по строительству «Камбар-Аты-1» и Верхненарынского каскада ГЭС.

Россия играет важную экономическую роль в Кыргызстане, потому что экономика страны зависит от ресурсов России. Российская компания «Газпром» монополизировала топливно-энергетический сектор Кыргызстана в виде дочерних предприятий и закрепила свои позиции. Российский бизнес в Кыргызстане не высокоприбыльный в масштабах общей нефтегазовой внешней торговли России, но имеет геополитический характер. Делается попытка реанимации центральноазиатского авторитета России в Кыргызстане и создания плацдарма для продвижения интересов России в Центральной Азии.

В гидроэнергетическом комплексе Россия остается приоритетным партнером. В этой части энергетическая структура Центральной Азии и Кыргызстана до сих пор остается единой в призме единой региональной энергетической политики, хотя Кыргызстан и имеет ЛЭП «Датка–Кемин». Самостоятельно маленькая страна со слабой экономикой вряд ли сможет удовлетворить потребности страны в нефтепродуктах, газе и осуществить гидроэнергетические проекты. Если еще учитывать, что износ оборудования на Токтогульской ГЭС достиг критической точки, то помощь России еще раз подтверждает необходимость ее присутствия. Так, например, на ремонт ГЭС Кыргызстана предусмотрено 29 млн 285 тыс. 770 сомов [26]. Гидроэнергетическая политика Кыргызстана испытывает необходимость постоянных вливаний в этот сектор.

Хотя представители кыргызстанских властных структур и говорят, что внешняя политика Кыргызстана придерживается многовекторной политики [27. С. 12–15; 28. С. 6–11], тем не менее среднеазиатское государство придерживается определенного курса внешней политики. Этот курс ориентирован на Россию. Кыргызстан пытается вести сбалансированную энергетическую политику, решая проблемы экономического и политического характера одновременно. Чтобы понять уровень отношений России и Кыргызстана, были приведены сведения, которые дают подтверждение основным направлениям двустороннего сотрудничества в топливно-энергетическом секторе. Партнерство в газовой сфере, соглашения в области транспортировки газа способствуют укреплению двусторонних отношений.

В статье Пола Домжана (Paul Domjana) и Мэта Стони (Matt Stonea) «Сравнительное исследование национализма ресурса в России и Казахстане» (A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008) [29. P. 35–62] дается сравнительное сопоставление национализма ресурса двух соседствующих государств России и Казахстана. Эта статья интересна для заявленного исследования тем, что сведения, использованные в ней, характеризуют возможную политику России в Кыргызстане. В ней выявляется роль участия государства в нефтяном и газовых секторах. Авторы считают, что цели двух государств в процессе национализма абсолютно разные, хотя по своему экономическому развитию эти страны ближе, чем другие центральноазиатские республики.

Россия усиливает свой сектор (топливно-энергетический) для достижения геополитических целей, а также обеспечения внутренней политической стабильности. Стратегия России – государственная энергетическая сеть транспортировки, экспортные трубопроводы; контроль правительства экспортных трубопроводов с целью приобретения рычагов влияния на регион и отдельно взятые государства, что еще раз подтверждает геополитические амбиции Кремля. Кроме того, огромная сеть нефтепроводов и перевозящих транзитом газопроводов – наследство российского политического господства в Средней Азии со времен советского периода.

В статье сообщается, что экспорт энергоресурсов находится в руках власти, контролирующей огромные валютные доходы, которые гораздо выше внутренних. Что касается внутренней обеспеченности и поставок, то монопольные компании «предлагают» другим российским компаниям работать на внутреннем рынке, таким образом монополизируя экспорт.

Обсуждается также система трубопроводов, созданная еще при СССР, но доставшаяся в наследство России сеть сегодня располагается и в центральноазиатских странах. Россия стремится взять под контроль и эти сети. Тому пример – российская военная операция в Грузии, где под прикрытием защиты осетинцев, имеющих российский паспорт, на самом деле отстаивались интересы России в кавказском трубопроводе. Или пример с казахским экспортом нефти в Китай (Atasu-Alashankou), где явно навязывается топливно-энергетическая политика России. Исследование России демонстрирует политические интересы или стимулы в вопросе национализма ресурса. В особенности – важность нефти и газопроводов в общей внешнеполитической стратегии Кремля.

Упомянутые выше исследования западных ученых говорят о прагматичной политике России с использованием энергетических ресурсов. Использованные материалы при попытке определить взаимосвязь энергетической и внешней политики Кыргызстана, результатом чего могут быть риски, а также перспективы показали, что Кыргызстан может классифицироваться как Государство-(полу)Рантье или государство с экономикой Рантье по следующим признакам:

– Кыргызстан экономически зависим от внешней помощи;

– управляющие элиты Кыргызстана не имеют доступа к большим доходам и вынуждены находиться под влиянием региональных и глобальных экономик, неспособность решать государственные экономические вопросы самостоятельно приводят к зависимости;

– тесная связь экономики с политикой;

– энергетическая и экономическая зависимость вынуждает Правительство Кыргызстана выполнять требования инвесторов, кредиторов и партнеров;

– Кыргызстан не обладает достаточными топливно-энергетическими ресурсами для удовлетворения внутренних потребностей, но благодаря определенным внешнеполитическим процессам получает высокую степень доступа к чужим ресурсам.

Учитывая вышеперечисленное, необходимо отметить, что российские нефтегазовые компании в Кыр-

гызстане занимают серьезную долю в топливно-энергетическом секторе Кыргызстана. Отсутствие альтернативных поставок еще больше усугубляет зависимое положение Бишкека. Успех российских нефтегазовых компаний в стратегических секторах экономики Кыргызстана очевиден. Показателем успешности политики России при использовании энергетического оружия и других экономических ресурсов в Кыргызстане являются соглашения между Кыргызстаном и Россией. Политическая элита, находящаяся у власти в Кыргызстане, удовлетворяет желания Кремля, поскольку интересующие Россию проекты в Кыргызстане осуществляются. Основным риском Кыргызстана является экономическая и политическая зависимость от России. Очевидно, что Кыргызстан зависим от поставок нефтепродуктов, газа.

Тем не менее эту проблему в случае удовлетворения требований российской стороны можно считать благоприятным моментом зависимости Кыргызстана, так как появляется возможность постоянного доступа к нефтепродуктам и газу России. Политическая элита Кыргызстана закрывает глаза на то, что страна попадает в экономическую зависимость, которая также подразумевает и политическую. В нашем случае приведенные примеры, связанные с российской компанией «Газпром» и продажей «Кыргызгаза» России, влияет на экономическую и политическую безопасность Кыргызстана, но политическая элита официального Бишкека, используя плюсы таких сделок, закрывает глаза на минусы.

Также умалчиваются вопросы об альтернативной поставке нефтепродуктов на рынок Кыргызстана. Если Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан договорятся о совместной работе в топливно-энергетическом секторе, это может привести к снижению зависимости Кыргызстана от российских нефтепродуктов. Азербайджан мог бы доставлять необходимый объем нефтепродуктов в Казахстан по Каспийскому морю. Далее Казахстан, приняв определенное количество нефтепродуктов из Азербайджана, поставил бы тот же объем нефтепродуктов в Кыргызстан. В свою очередь, Казахстану нет необходимости вести доставку нефтепродуктов через всю страну. Соседи могут доставить топливо по железной дороге из Шымкентского НПЗ на железнодорожную станцию Маймак (Казахстан) и далее через Таласскую область в Кыргызстан либо из Тараза в Бишкек по железной дороге или автомагистрали. При таком варианте альтернативной поставки Кыргызстан может выйти из односторонней топливной зависимости от России. У Кыргызстана появляется возможность распределить в процентном соотношении поставки партнеров, своевременно замещая в случае необходимости Россию. В этом случае риск топливной зависимости Кыргызстана от России снижается.

Тем не менее отраслевая поддержка России может позитивно сказаться на экономической ситуации в Кыргызстане. Поддержка и развитие гидроэнергетического, нефтегазового секторов Кыргызстана со стороны России позволят получать стабильный доступ к ресурсам, играющим важную роль в развитии экономики республики. Партнерство с Россией при лояльной внешней политике Кыргызстана будет способствовать бесперебойной поставке нефтепродуктов. Именно в этом заинтересованы власти Кыргызстана, в связи с чем и обозначен основной внешнеполитический курс страны. В случае отсутствия лояльной внешней политики Кыргызстана в отношении России зависимость от российских нефтегазопродуктов может привести к определенным экономическим сложностям топливно-энергетического комплекса, которые могут повлиять на внутриполитическую ситуацию в стране.

Отношения между Россией и Кыргызстаном выстраиваются на платформе стратегического партнерства, под которым подразумеваются нефтепродукты и финансовая поддержка в ответ на лояльность.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Ахматбек Кельдибеков – депутат Жогорку Кенеша Кыргызстана. В декабре 2012 г. был избран Спикером Парламента Кыргызстана. С 14 декабря 2011 г. заявил о сложении полномочий спикера. Был в оппозиции. В ноябре 2013 г. заключен под стражу в СИЗО ГКНБ. В августе 2014 г. депутата отпустили на лечение в Германию. В настоящее время общественный политический деятель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mahdavy H. The Patterns and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran. London, 1970.
2. Yates Douglas A. The Rentier State in Africa. Africa World Press, 1996 // Frynas, The oil boom in Equatorial Guinea. African Affairs. Royal African Society, 2004 // Soares de Oliveira. Oil and Politics in the Gulf of Guinea. October 20. Journal de Angola, 2007.
3. Kuru A. The rentier state model and Central Asian studies // Alternatives: Turkish Journal of International Relations. 2002. № 1 (1).
4. Ishiyama, Neopatrimonialism and the Prospect for Democratization in the Central Asian Republics in Sally Cummings (ed). Power and Change in Central Asia. London ; New York : Routledge, 2002.
5. Franke A., Gawrich A., Alakbarov G. Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double 'Curse'in Post-Soviet Regimes // Europe-Asia Studies. January, 2009. № 1.
6. Luong J. The 'use and abuse' of Russia's energy resources: implications for state-society relations. Westview Press. 2000 // Kim Y. The Resources Curse in a Post-Communist Regime: Russia in Comparative Prospective. Farnham : Ashgate.
7. Beblawi. The rentier state in the Arab world. URL: http://gov332.weebly.com/uploads/1/3/.../beblawi-rentier_state.pdf
8. Ostrowski W. Rentierism, Dependency and Sovereignty in Central Asia. In Sally N. Cummings and Raymond Hinnebusch (eds.). Sovereignty After Empire: Comparing the Middle East and Central Asia. Edinburgh University Press, 2011.
9. Объем денежных переводов трудовых мигрантов в Киргизию растет. URL: http://easttime.ru/news/kyrgyzstan/obem-denezhnykh-perevodov-trudovykh-migrantov-v-kirgiziyu-rastet (дата обращения: 20.12.2013).
10. ОАО «Газпром нефть». URL: http://www.gazprom-neft.kg/about (дата обращения: 07.06.2014).
11. О компании. «Газпром Нефть Азия». URL: http://www.gazprom-neft.kg/about (дата обращения: 07.06.2014).
12. ОсОО Газпромнефть-Аэро Кыргызстан. URL: http://www.gazpromneft-aero.kg (дата обращения: 07.06.2014).

13. «Газпром» официально стал владельцем «Кыргызгаза». URL: http://ecopartner.org/gazprom-oficialno-stal-vladelcem-kyrgyzgaza/ (дата обращения: 19.09.2016).
14. Волынский А. Россия наращивает свое влияние в Кыргызстане. URL: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view= article&id=5075:2014-08-29-07-50-37&catid=33:2010-08-30-13-55-25&Itemid=1 (дата обращения: 09.09.2014).
15. Караева Э. Выступление Атамбаева в Таласе бурно обсуждалось. URL: http://www.gezitter.org/politic/29527_vyistuplenie_atambaeva (дата обращения: 19.09.2016).
16. Shaffer B. Energy Politics. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2009.
17. Президент Алмазбек Атамбаев принял председателя правления ОАО «Газпром» Алексея Миллера. URL: http://www.president.kg/ru/news/3750_prezident_alm (дата обращения: 19.09.2016).
18. «Газпром нефть Азия» меняет стратегию работы и сосредотачивается на премиальном сегменте. URL: http://www.tazabek.kg/news:1335139?from=kgnews&place (дата обращения: 24.10.2016)
19. Бейшенбек Э. кызы. «Роснефть» вместо аэропорта приобрела БНК. URL: http://rus.azattyk.org/a/26621255.html (дата обращения: 05.10.2014).
20. Andreas Goldthau. Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply // Energy Policy. 2008. № 36.
21. Пепе Эскобар. Россия и Китай смеются над принципом «разделяй и властвуй». URL: http://inosmi.ru/world/20141226/225177910.html (дата обращения: 30.12.2014).
22. Российско-киргизские отношения. Досье. URL: http://tass.ru/info/1371562 (дата обращения: 21.12.2014).
23. Россия наращивает свое влияние в Кыргызстане. URL: http://www.ca-portal.ru/article:13287 (дата обращения: 19.09.2016).
24. Vesti.kg. Текебаева и Кельдибекова объединила антироссийская риторика. URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=17718&Itemid=83 (дата обращения: 15.12.2016).
25. КР денонсировала соглашения с РФ по строительству ГЭС. URL: http://rus.azattyk.org/a/27498915.html (дата обращения: 19.09.2016).
26. Костенко Ю. На ремонт ГЭС Кыргызстана предусмотрено 29 миллионов 285 тысяч 770 сомов. URL: http://arch.24.kg/economics/174094-na-remont-gyes-kyrgyzstana-predusmotreno-29.html (дата обращения: 19.09.2016).
27. Бейсебаев Р.С. Алымкожоев А. – начальник Генерального штаба Кыргызстана. «Кыргызстан придерживается многовекторной политики и не ориентируется только на Россию. У нас хорошие отношения и связи также с другими странами, в том числе в вопросах безопасности». Интервью для журнала «Честь имею» 23.09.14 // Честь имею. Август 2014. № 3 (91–93). С. 12–15.
28. Бейсебаев Турганбаев М. – Министр внутренних дел Кыргызстана. «Кыргызстан во внешнеполитическом курсе придерживается многовекторности. Нет, мы не зависим от России. Кыргызстан не должен стоять на месте, а должен экономически развиваться. Этим обусловлено то, что мы сотрудничаем с Россией, в том числе» // Честь имею. Декабрь 2014. № 4 (94–96).
29. Domjana P., Stonea M. A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008 // Europe–Asia Studies. January 2010. Vol. 62, № 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2017 г.

THE COOPERATION OF KYRGYZSTAN AND RUSSIA IN THE FUEL AND ENERGY SECTOR: STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 73–81.
DOI: 10.17223/15617793/422/11
Rahat S. Beisebaev, Bishkek Humanities University named after K. Karasaev (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: beisebaev.ra@mail.ru
Keywords: Kyrgyzstan; Russia; fuel and energy complex; energy; cooperation; theory; Rentier state; Gazprom.

The Kyrgyz-Russian fuel and energy relations, their condition, main problems and prospects of cooperation are considered. Based on historical, deductive and causal methods of analyzing and monitoring the dynamics of agreements, treaties, accessible Russian, Western and Kyrgyz printed and electronic sources of information, articles and speeches of members of state, non-state institutions, representatives of civil society, political opposition of Kyrgyzstan, the process of building bilateral relations in the fuel and energy sector is considered, including factors due to which the foreign policy Kyrgyzstan is oriented towards Russia. Russian factors affecting the fuel and energy stability in Kyrgyzstan are determined. The interconnection of energy and foreign policies of Kyrgyzstan is described. The influence of private and state-owned Russian fuel and energy companies (Gazprom, Rosneft, Lukoil) on the foreign policy of Kyrgyzstan is revealed. The activities of these companies in Kyrgyzstan and the sale of the state company Kyrgyzgaz to the Russian state-owned company Gazprom affect the economic and political security of the republic. Economic and political risks in Kyrgyzstan are given. There are signs of applicability of the (semi-)Rentier State theory in relation to Kyrgyzstan, such as: Kyrgyzstan is economically dependent on foreign aid; the governing elites of Kyrgyzstan do not have access to large incomes and are forced to be influenced by regional and global economies, the inability to solve state economic issues on their own leads to dependence; close connection between policy and economy; energy and economic dependence forces the Kyrgyz government to meet the demands of investors, lenders and partners; Kyrgyzstan does not have sufficient fuel and energy resources to meet domestic needs, but due to a certain foreign policy processes it receives a high degree of access to foreign resources. Support and growth of the hydropower, oil and gas sectors of Kyrgyzstan on the part of Russia make it possible to obtain stable access to resources that play an important role in the fuel and energy stability in Kyrgyzstan, one of the most important factors of economic and political development. The lack of a loyal foreign policy of Kyrgyzstan towards Russia can lead to certain economic difficulties in the fuel and energy complex that can affect the political situation in the country. Relations between Russia and Kyrgyzstan are built on a strategic partnership platform that involves financial support in response to loyalty. It is proved that the fuel and energy cooperation between the two countries determines the foreign policy course of Kyrgyzstan.

REFERENCES

1. Mahdavy, H. (1970) The Patterns and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran. In: Cook, M.A. (ed.) *Studies in the Economic History of the Middle East: from the Rise of Islam to the Present Day*. London: Oxford University Press.
2. Yates, D.A. (1996) *The Rentier State in Africa*. Africa World Press.
3. Kuru, A. (2002) The rentier state model and Central Asian studies. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. 1 (1).
4. Ishiyama, J. (2002) Neopatrimonialism and the Prospect for Democratization in the Central Asian Republics. In: Cummings, S. (ed). *Power and Change in Central Asia.* London; New York: Routledge.
5. Franke, A., Gawrich, A. & Alakbarov, G. (2009) Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double 'Curse' in Post-Soviet Regimes. *Europe-Asia Studies*. 1.
6. Luong, J. (2000) *The 'use and abuse' of Russia's energy resources: implications for state-society relations*. Westview Press.

7. Beblawi, H. (1990) The rentier state in the Arab world. In: *Beblawi*, H. & Luciani, G. (eds) *The Rentier State*. New York, NY: University of California Press. [Online] Available from: http://gov332.weebly.com/uploads/1/3/5/2/13525224/beblawi-rentier_state.pdf.
8. Ostrowski, W. (2011) Rentierism, Dependency and Sovereignty in Central Asia. In: Cummings, S.N. & Hinnebusch, R. (eds) *Sovereignty After Empire: Comparing the Middle East and Central Asia*. Edinburgh University Press.
9. Easttime.ru. (2012) *Ob"em denezhnykh perevodov trudovykh migrantov v Kirgiziyu rastet* [The volume of remittances of labor migrants to Kyrgyzstan is growing]. [Online] Available from: http://easttime.ru/news/kyrgyzstan/obem-denezhnykh-perevodov-trudovykh-migrantov-v-kirgiziyu-rastet. (Accessed: 20.12.2013).
10. Gazprom neft' Aziya. (2007) *O kompanii* [About the company]. [Online] Available from: http://www.gazprom-neft.kg/about. (Accessed: 07.06.2014).
11. Gazprom neft' Aziya. (2007) *O kompanii* [About the company]. [Online] Available from: http://www.gazprom-neft.kg/about. (Accessed: 07.06.2014).
12. Gazpromneft'-Aero Kyrgyzstan. (n.d.) [Online] Available from: http://www.gazpromneft-aero.kg. (Accessed: 07.06.2014).
13. Ecopartner.org. (2014) *"Gazprom" ofitsial'no stal vladel'tsem "Kyrgyzgaza"* [Gazprom officially became the owner of Kyrgyzgaz]. [Online] Available from: http://ecopartner.org/gazprom-oficialno-stal-vladelcem-kyrgyzgaza/. (Accessed: 19.09.2016).
14. Volynskiy, A. (2014) *Rossiya narashchivaet svoe vliyanie v Kyrgyzstane* [Russia is increasing its influence in Kyrgyzstan]. [Online] Available from: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5075:2014-08-29-07-50-37&catid=33:2010-08-30-13-55-25&Itemid=1. (Accessed: 09.09.2014).
15. Karaeva, E. (2014) *Vystuplenie Atambaeva v Talase burno obsuzhdalos'* [The speech of Atambayev in Talas was vigorously discussed]. [Online] Available from: http://www.gezitter.org/politic/29527_vyistuplenie_atambaeva. (Accessed: 19.09.2016).
16. Shaffer, B. (2009) *Energy Politics*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
17. President.kg (2014) *Prezident Almazbek Atambaev prinyal predsedatelya pravleniya OAO "Gazprom" Alekseya Millera* [President Almazbek Atambayev received Alexey Miller, Chairman of the Gazprom Management Board]. [Online] Available from: http://www.president.kg/ru/news/3750_prezident_alm. (Accessed: 19.09.2016).
18. Tazabek.kg. (2016) *"Gazprom neft' Aziya" menyaet strategiyu raboty i sosredotachivaetsya na premial'nom segmente* [Gazprom Neft' Aziya is changing its strategy and focuses on the premium segment]. [Online] Available from: http://www.tazabek.kg/news:1335139?from=kgnews&place. (Accessed: 24.10.2016)
19. Beyshenbek, E. Kyzy. (2014) *"Rosneft'" vmesto aeroporta priobrela BNK* [Rosneft purchased the Bishkek Oil Company instead of the airport]. [Online] Available from: http://rus.azattyk.org/a/26621255.html. (Accessed: 05.10.2014).
20. Goldthau, A. (2008) Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply. *Energy Policy*. 36. *DOI*: 10.1016/j.enpol.2007.10.012
21. Eskobar, P. (2014) *Rossiya i Kitay smeyutsya nad printsipom "razdelyay i vlastvuy"* [Russia and China laugh at the principle of "divide and rule"]. [Online] Available from: http://inosmi.ru/world/20141226/225177910.html. (Accessed: 30.12.2014).
22. Tass.ru. (2014) *Rossiysko-kirgizskie otnosheniya. Dos'e* [Russian-Kyrgyz relations. A dossier]. [Online] Available from: http://tass.ru/info/1371562. (Accessed: 21.12.2014).
23. Ca-portal.ru. (2014) *Rossiya narashchivaet svoe vliyanie v Kyrgyzstane* [Russia is increasing its influence in Kyrgyzstan]. [Online] Available from: http://www.ca-portal.ru/article:13287. (Accessed: 19.09.2016).
24. Vesti.kg. (2013) *Tekebaeva i Kel'dibekova ob"edinila antirossiyskaya ritorika* [Anti-Russian rhetoric united Tekebayev and Keldibekov]. [Online] Available from: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=17718&Itemid=83. (Accessed: 15.12.2016).
25. Rus.azattyk.org. (2016) *KR denonsirovala soglasheniya s RF po stroitel'stvu GES* [Kyrgyzstan denounced agreements with the Russian Federation on the construction of hydroelectric power plants]. [Online] Available from: http://rus.azattyk.org/a/27498915.html. (Accessed: 19.09.2016).
26. Kostenko, Yu. (n.d.) *Na remont GES Kyrgyzstana predusmotreno 29 millionov 285 tysyach 770 somov* [29 million 285 thousand 770 soms are provided for the repair of the HPPs of Kyrgyzstan]. [Online] Available from: http://arch.24.kg/economics/174094-na-remont-gyes-kyrgyzstana-predusmotreno-29.html. (Accessed: 19.09.2016).
27. Beysebaev, R.S. (2014) Alymkozhoev A. – nachal'nik General'nogo shtaba Kyrgyzstana. "Kyrgyzstan priderzhivaetsya mnogovektornoy politiki i ne orientiruetsya tol'ko na Rossiyu. U nas khoroshie otnosheniya i svyazi takzhe s drugimi stranami, v tom chisle v voprosakh bezopasnosti". Interv'yu dlya zhurnala "Chest' imeyu" 23.09.14 [Alymkozhoev A., Chief of the General Staff of Kyrgyzstan. "Kyrgyzstan adheres to a multi-vector policy and does not focus only on Russia. We have good relations and connections with other countries, including issues of security". Interview for Chest' imeyu journal, 23.09.2014]. *Chest' imeyu*. 3 (91–93). pp. 12–15.
28. Beysebaev, R.S. (2014) Turganbaev M. – Ministr vnutrennikh del Kyrgyzstana. "Kyrgyzstan vo vneshnepoliticheskom kurse priderzhivaetsya mnogovektornosti. Net, my ne zavisim ot Rossii. Kyrgyzstan ne dolzhen stoyat' na meste, a dolzhen ekonomicheski razvivat'sya. Etim obuslovleno to, chto my sotrudnichaem s Rossiey, v tom chisle" [Turganbaev M., Minister of Internal Affairs of Kyrgyzstan. "Kyrgyzstan has a multi-vector policy in its foreign policy course. No, we are not dependent on Russia. Kyrgyzstan should not stand still, but should develop economically. This is also due to the fact that we are cooperating with Russia"]. *Chest' imeyu*. 4 (94–96).
29. Domjana, P. & Stonea, M. (2010) A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008. *Europe–Asia Studies*. 62:1.

Received: 22 March 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 82–90. DOI: 10.17223/15617793/422/12

УДК 903.2; 902; 929

Л.А. Беляев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ АРХЕОЛОГИИ

Изучены особенности подхода археолога к изучению и восприятию личностей прошлого – акторов истории и «маленьких людей» («микроролей»). Представлены серия case studies на основе многолетних наблюдений автора и общий обзор работ по реконструкции персонажей в эпиграфике, антропологических и биоантропологических экспертизах, атрибуции артефактов. Сформулированы особенности «археологической личности» как фрагментарной, зависящей от исследовательского контекста, примененных методов и истории поисков.

Ключевые слова: исторические персонажи; археология; микроистория; эпиграфика; антропология; идентификация; источниковедение.

I... am not contain'd between my hat and boots
Walt Whitman, Song of Myself, 7

Задача статьи – указать на своеобразие подходов современной археологии к проблеме изучения и реконструкции образов людей прошлого. Эта тема в академическом дискурсе не представлена, но, несомненно, заслуживает внимания. Недавно два академических института поставили своеобразный эксперимент в виде совместной конференции. Оказалось, что археологическое изучение персонажей истории идет полным ходом. И, кроме того, есть существенные отличия в подходе к личности у историков и археологов, чья методика сложилась имплицитно, ее начали применять раньше, чем осознали как самостоятельный подход. Отсюда – задача описать и осознать особенности археологии как аналитического инструмента для изучения отдельных людей, оценить специфичность собираемых ею материальных свидетельств, ее возможность генерировать новые точки зрения и формировать собственную тематику [1].

Статья построена как серия *case studies* – они помогут выделить и описать отличия, которые личность обретает при археологической реконструкции. Материалом служат работы археологов, касающиеся Средневековья и Нового времени. Этот выбор отчасти определен базовой специальностью автора как археолога Московской Руси. Но не это главное – более существенно то, что именно поздние периоды истории человечества плотно населены персонажами прошлого. Их образы сформированы усилиями поколений исследователей на основе традиционных источников, но в последнюю четверть века их археологическое изучение дает огромный объем информации, обеспечивая широкую возможность сравнения методов и результатов. Далее этот период особенно важен для истории России как для страны молодой (по крайней мере, с точки зрения археолога). Наконец, поздний период лишь недавно признан равноправным в незримой иерархии археологических направлений, а потому актуален для развития нашей науки – молодые структуры (отдел археологии Московской Руси в Институте археологии РАН; Лаборатория археологических и этнографических исследований Западной Сибири в ТГУ и др.) сейчас заняты выработкой своей проблематики.

В разные эпохи отношение к персонажам прошлого неодинаково, но вопрос о них всегда стоит на одном из первых, если не просто на первом, месте.Ократ, устами софиста Гиппия, отметит, что с особым удовольствием слушают «рассказы о далеком прошлом…», т.е. «о генеалогии героев и людей… об основании колоний, о том, как в старину основывались города» [2. С. 13][1]. Рассказы о городах, как и все описания ойкумены, также заполняют исторические персонажи, а родословные еще древнее – они известны ранней письменности Ближнего Востока и Египта [3], а роль отношений божественной «сверхличности» с действующими земными персонажами Священной истории просто огромна. Классический мир дал исключительно яркие образцы исторического повествования на базе сравнительных жизнеописаний (Плутарх), деяний избранной личности (Ксенофонт и его «Киропедия»; бесконечный ряд «Александрий») и нарративов, построенных как последовательность биографий (Тит Ливий, Светоний). Выработанный в Средние века тип исторического повествования в анналах, летописях и даже сагах следовал линиям династий и семей, в то же время формируя агиографию. Эпоха Возрождения включит в состав акторов художников и перечисление их творений, что надолго станет главным приемом историка искусства.

Следуя этой линии, наука Нового времени создаст шедевры исторических биографий, где документальные исследования помножены на литературную работу. В России это Н.М. Карамзин и наследующая его школа. Но и в сочинениях, нивелирующих роль личности в истории за счет анализа иных движущих сил истории, вплоть до произведений «вульгарно-исторической школы», страницы личных судеб – самые яркие и долго сохраняющие значение, так же как и в советской историографии [4].

Искусство интуитивно повернулось к «малой истории» и «маленькому человеку» раньше, чем их увидела наука[2]. Но во второй половине XX в. переворот совершился, и здесь для микроистории (особенно у *new cultural history* и в поздней школе «Анналов») приведение в известность хотя бы одной жизни, ранее науке неизвестной, способно очертить эпоху и процессы развития общества с такой четкостью и полнотой, какая недостижима при опоре на деяния государственных мужей, святых Средневековья и творческих личностей Нового времени. Особенно это касается «истории снизу», реконструкции социальной среды, семейного быта и всей той житейской основы, на которой и держится структура общества.

Параллельно повороту к историко-антропологическому подходу коренным образом изменился инструментарий: рядом с историей встала археология. Опираясь на собственные источниковедческие методы и привлекая естественные науки (такие, как исключительно быстро развивающаяся биоантропология [5]), она резко расширила возможности реконструкции жизни отдельных людей. Методика биоантропологической реконструкции способна осветить физическое развитие и питание, болезни и профессиональную специализацию конкретных людей. Их имена далеко не всегда неизвестны, но степень подробности, с какой восстанавливается их жизненный путь, растет, превосходя ожидания[3].

Однако традиционно считается, что археолог сравнительно редко оказывается лицом к лицу с персонажем прошлого, что ему привычнее иметь дело с отчужденными от личностей предметами и комплексами сооружений, слоев и даже погребений. Посмотрим, так ли это.

Рассмотрим как первый пример анализ надписи на камне, найденном экспедицией ИА РАН в 2000 г. на азиатской стороне Керченского пролива, в Фанагории. Она читалась отчетливо и гласила: «Гипсикрат, жена царя Митридата, прощай» [6]. Из текста ясно, что камень – надгробный и принадлежал погребению жены царя Митридата. В задачу входило определить, о каком из Митридатов (а правителей с таким именем известно достаточно много) идет речь, и объяснить, почему имя жены написано в мужском роде, ведь ожидаемая форма – Гипсикратия.

Ответ на первый вопрос могла дать дата, но из обстоятельств находки она не следовала: камень найден в балластном заполнении деревянных клетей-ряжей морского порта Фанагории и может быть хронологически определен только в пределах даты строительства, в свою очередь, определяемой и по находкам в этом заполнении; палеографические же рамки довольно широки. Ответ на второй вопрос, при отсутствии иных объяснений, мог быть: «ошибка резчика».

Однако оба вопроса разрешились благодаря сопоставлению с давно известными сюжетами классической истории. О жене царя Митридата VI Евпатора, носившей имя Гипсикратия, мы знаем по жизнеописанию Помпея у Плутарха [7. Pomp. 32.8]. Гипсикратия, любимая жена Митридата, происходила из племени амазонок и потому владела воинским искусством; она верхом сопровождала мужа в походах, выполняла обязанности ординарца, без устали ухаживая за царем и его конем, и носила мужскую персидскую одежду. Так что царь звал её за храбрость Гипсикрат. Существует и уточняющий эпизод, объясняющий появление камня именно в Фанагории: в 63 г. до н. э. здесь произошло восстание против Митридата, о чем довольно подробно пишет Аппиан [8. Mithr. 108], Гипсикратия погибла в бою или умерла позже.

Этот пример характерен для специальной исторической дисциплины, эпиграфики. Редкая деталь соединила эпиграф с литературным источником, позволив идентифицировать двух упомянутых в тексте персонажей, благодаря чему исторические нарративы прошли проверку, а надгробный камень получил точную дату. Археология в анализе занимает сравнительно скромное место: отвечает за контекст открытия, устанавливает подлинность камня путем визуального анализа и через описание ситуации находки, из которой можно вывести обстоятельства ее утраты в древности и / или вторичного использования. Но археологический контекст играет не служебную подчиненную роль. Он создает «продолжение» истории Митридата и Гисикратии, развивает ее, усложняет и актуализирует, выделяя один из массы эпизодов, известных в античной литературе, и встраивая его в новый археологический нарратив, т.е. в общий контекст памятника, в историю строительства его портовых сооружений, в историю исследований города и в рассказ об экспедиционных открытиях. Это выводит персонажей из пространства текстов классиков и их комментаторов, позволяя начать посмертную жизнь[4].

Отмечу, что такую (скажем, вспомнив Диккенса: *posthumous*) жизнь археология обеспечивает и тогда, когда все сведения о находке сводимы к простейшему уровню: приблизительной дате погребения и / или предмета; месту обнаружения; обстоятельствам работ той или иной экспедиции в некотором году. Если подставить в этот формуляр конкретную информацию, возникнет некоторое подобие личности. У нее нет еще биографии, но, по крайней мере, есть свой археологический паспорт.

Такая совершенно безымянная находка и надгробие Гипсикратии – две крайние точки. Что же находится между ними? Обратимся к позднему периоду. Здесь археология, постоянно добывая новые, подчас необычные письменные источники, привлекая для анализа эпиграфику, генеалогию, палеографию и другие специальные дисциплины, сплетаясь с ними, в конце концов, заставляет выступить из прошлого ранее известную личность. Время от времени она даже выводит ее в пространство литературы, придавая дополнительную реальность какому-нибудь помещику Оболдуеву, добавляя комментарий и к поэме Некрасова, и к анализу родовых росписей [9]. Для археологии это, в общем, рутинная процедура.

Однако можно ли представить ситуацию, когда личность реконструируют исключительно на основе ее собственных материалов, используя другие дисциплины, но предлагая более сложную версию подхода? Рассмотрим еще один эпизод с надгробиями. В 2016 г. при раскопках в Высоко-Петровском монастыре (Москва), к юго-востоку от алтаря монастырского собора автором были открыты *in situ* два надгробных камня, лежавшие строго один на другом. Надпись на верхнем фиксировала дату смерти инока: «Лет[а] 7020 (=1512) месяца июля 31 дня преставился раб Божий инок Федосий Исаков сын Окулинин волоченин на память святого праведного Евдокима». Она не вызывала удивления – кроме того, что буква в букву совпала с надписью на нижнем камне. Резьба в обоих случаях профессиональная, но на верхнем камне это проволочная вязь эпохи Иоанна Грозного, а на нижней красуется великолепный декоративный устав; соответственно отличается и орнамент [10].

Несомненно, обе плиты были положены над одним покойным; вторая, видимо, с целью закрепить и про-

длить память о нем. Это важная для источниковедения русских кладбищ находка: с середины XX в. археологи подозревали «московитов» в изготовлении повторных эпитафий, но никак не могли поймать за руку. Когда в 1957 г. в Троице-Сергиевой лавре была найдена плита князя И.М. Воротынского, скончавшегося, согласно надписи, в 1535 г. [11], ее заподозрили в асинхронности и датировали на 100 лет позже, опираясь на орнамент [12]. То же произошло с плитой Елены (Девочкиной), первой игуменьи Новодевичьего монастыря, умершей в 1547 г. [13]. Но то были плиты действительно исторических личностей, чьи могилы почитали много десятилетий, их повторение можно объяснить.

Инок же Феодосий из Высоко-Петровского монастыря неизвестен другим источникам. Возможно, он, как и его «соседи по кладбищу», принадлежал «среднему классу» XVI в. (купцы и / или богатые ремесленники; служилые люди невысокого ранга; монахи, чье социальное происхождение не всегда известно, но достаточно высокое для того, чтобы получить место на престижном участке кладбища древнего московского монастыря). В 1980-х гг. отмечены парные плиты над могилой Конана Клементьева, кожевника, умершего в 1562 г. (нижняя плита без надписи, но явно грозненской эпохи, вторая – 1630–1650-х гг., но с датой 1562). Аналогичную пару образовали плиты Алексея Ергольского (обе середины – второй половины XVI в.). Теперь и плиты, не имевшие пары, но явно отличавшиеся по оформлению от стиля указанного на них года, опознаются как вторичные (плита инока Сергия сына Абрамова, умершего в 1499 г., но оформленная в стиле середины XVI в.) [14. ВПм 4 и 5].

Итак, многие плиты со временем возобновляли. Более того, часть их делал одновременно один и тот же мастер: рядом с Феодосием лежал когда-то инок Епифаний, умерший в один день с ним и тоже получивший два совершенно аналогичных надгробия: сразу после смерти в 1512 г. и в середине–второй половине XVI в. [Там же]. Одновременность смерти объясняет, почему их положили рядом, заказав сходные плиты. Но почему исключительно похожи и повторные плиты, видимо, также одновременные и сделанные одной мастерской? Между иноками, скорее всего, есть связь, но суть ее трудно уловить. Возможно, они были родственниками или друзьями, а в миру – и сослуживцами? Один из них – не москвич по происхождению, не земляки ли они? Плита инока Епифания сохранилась недостаточно, чтобы судить о его происхождении, но инок Феодосий – «волоченин» (эта форма известна по Смоленской грамоте 1229 г. и договору Твери с Новгородом 1301–1302 гг. [15. Стб. 295: «волочане»]), т.е. выходец из Вышнего Волочка, Волока Славенского, Волока Ламского или, возможно, Иосифо-Волоцкого монастыря. В Высоко-Петровском есть еще плиты монахов из других монастырей (например, Никандра Звенигородского конца XVI в.), а возможность перехода из монастыря в монастырь фиксируют источники [16].

Дата смерти монахов, 31.07.1512 г., не указывает на известные катастрофы (пожары, нашествия, эпидемии – но ведь и заразная болезнь обычно не убивает людей в один и тот же день). Допустим трагический эпизод, несчастный случай. А если так, то археология дает подсказку: под единственный сохранный угол первого надгробия инока Феодосия подложена «ножка» – примитивная, но вполне романская по происхождению база (капитель?) маленькой колонны. Это доказывает, что в 1512 г. в монастыре уже шло строительство первого каменного собора (освящен в 1519 г., закладку относили к 1514 г.) [17. С. 157–159]. Монахи могли быть его донаторами и / или мастерами, могли и пострадать при работах.

В этом эпизоде много нитей, ведущих к разнородным историческим сюжетам. Археология рождает вопросы, ответ на которые нужно искать в традиционных источниках и в дальнейших полевых исследованиях. Тут информационный узел сформирован не эпиграфикой и палеографией, но контекстом, стратиграфическим анализом с привлечением истории строительства [17. С. 159–171] (она дописана средствами натурного архитектурно-археологического исследования и декора плит, чья типология, в свою очередь, целиком опирается на материалы археологии). При этом в орбиту истории вводятся персонажи, ранее в ней отсутствовавшие, со своими, пусть очень маленькими, биографиями и новыми вопросами – а ведь именно это важно для микроистории.

Очень большой раздел в археологическом исследовании исторических личностей образует идентификация останков. Это направление старое, восходящее к средневековым поискам мощей и действительно близкое к работе детектива. Оно включает приемы контекст-анализа, всевозможные экспертизы и уже формирует собственную повестку дня и методику [18, 19]. Число успешных проектов только в XXI в. здесь достигает десятков. Назову два образца всесторонней реконструкции погребальных комплексов: некрополь XVIII–XIX вв. в московском Даниловом монастыре (автор, 2006–2007 гг.) и кладбище конца XIX – начала XX в. в Духовной академии в Троице-Сергиевой лавре (А.В. Энговатова, 2013 г.). До исследований они казались полностью разрушенными и неперспективными с точки зрения традиционной археологии.

В Даниловом монастыре полная реконструкция носила виртуальный характер и строилась на приемах фотограмметрии, но была использована для идентификации. Два ключевых погребения, места которых считались утраченными, – архиепископа Никифора Феотоки (+1800 г.) и писателя Н.В. Гоголя (+1852 г.) – удалось обнаружить и изучить. К инвентарю из погребения Феотоки применили музейную атрибуцию: 12 экспертиз позволили сузить дату найденных останков до интервала в 2–3 года, идентифицировав его абсолютно уверенно. История поиска и атрибуции оказалась существенным дополнением к хорошо известным теологическим сочинениям и биографии Феотоки и, кроме того, актуализовала и проиллюстрировала их [20. С. 17–38].

Не менее захватывающей оказалась работа с посмертными эпизодами биографии Н.В. Гоголя, давно вошедшими в историю культуры, вплоть до телесериалов и фольклора разных уровней (городские предания, мемуары, художественные и научно-популярные

сочинения). Хотя само погребение в 1930 г. было перенесено на Новодевичье кладбище, определение и исследование места старой могилы развеяло облака легенд: от темы «летаргического сна» писателя до рассказов о пропаже его черепа (они оказались реальностью, но без оттенка мистики) [20. С. 41–62].

Очевидно, историко-археологические идентификации не только проясняют туманные эпизоды жизнеописаний. Они дополняют их, образуя своего рода «продолжения рассказа» как о личностях известных, так и ничем ранее не примечательных или впервые открытых. Так, благодаря работам в Духовной академии в науку вошли образы ее неимущих студентов конца XIX – начала XX в., ранее известные только на уровне формуляра о поступлении или совсем неизвестные и внимания историков не привлекавшие. Конечно, новая информация была получена и о знаменитых ученых, профессорах той же Академии, что дало основания и для наблюдений из области социальной истории [21].

Совершенно особую роль в области археологической идентификации исторических персонажей играет расследование попыток «конструировать» их погребения. Эта тема исключительно остра, поскольку спорные (в лучшем случае, а чаще ложные, имитирующие, фальсифицирующие) атрибуции всегда вызывают бурную полемику, затрагивающую не одно научное сообщество, но и самый широкий круг людей, а также государственные и церковные структуры [22]. Так случилось, например, с останками князя Юрия Долгорукого [23], Андрея Рублева [24, 25] и совсем уж скандальным разоблачением «останков Ивана Сусанина» [26]. Причина обычно в том, что инициатива уходит из науки, и это ведет к нарушению ее принципов, ценой чего становится своего рода псевдоличность или, по меньшей мере, сомнительный, требующий многократных перепроверок результат.

Итак, археология играет ключевую роль в идентификации личностей прошлого, хотя сами исследования носят комплексный междисциплинарный характер. Она выступает не только как инициатор и организатор процесса, но и благодаря свойственному ей стремлению образовать из получаемых данных максимально насыщенный и разнообразный контекст, увеличить его ценность как самостоятельной информационной единицы, представить как ранее не существовавшую (или неразвитую) биографию. Именно поэтому в трудах по идентификации обычно так много места уделяется истории исследований (пример – изучение усыпальницы князей Пожарских в Суздале [27]).

Не сосредотачиваясь далее на сюжетах из области идентификации (они способны занять пространство не одной монографии), покажу еще один историко-археологический прием. Это переход к личности через связанные с ней предметы: ею или для нее изготовленные; находившиеся в собственности; подписные или усваиваемые преданием, исключив из этого круга вышеописанные надгробия, эпиграфику и погребальный инвентарь.

Освещение судьбы и характера через вещи придумали, конечно, не археологи – этот прием хорошо известен и в искусстве, прежде всего (но не только) в литературе, и в науке [28]. Но археологи работают с ними не только как вещеведы, занятые «внутренней критикой» изделий и их соотношением с письменными источниками. Археологический подход образует особый методический прием, в чем легко убедиться, рассмотрев находки, сделанные при раскопках (автор, 2009–2016 гг.) в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре на р. Истре. Полученный материал, чрезвычайно обильный и разнообразный, рисует образ его основателя, патриарха Никона как увлеченного реформатора православной церкви, убежденного «модернизатора» ее культуры и художественных технологий своего времени. Некоторые находки прямо соотносимы с драматической личностью патриарха (см.: [29. С. 152–154]).

Так, в слое «Отходной пустыни» патриарха (его собственного, очень оригинального места молитвы и демонстративного отшельничества) был найден предмет необычного для России и ранее в археологии неизвестного типа. Это фляга из поливной керамики, внешне имитирующая небольшой томик *in octavo*, любимого формата «эльзевиров» [30]. Такие фляги были распространены в Европе XVI–XVIII вв. (Нидерланды, Германия, Австрия, Венгрия и др.) в основном как шуточные изделия, *das Teufels Gebetbuch* («чертов молитвенник»; такую роль они играли и в XIX–XX вв.). Предмет присваивается Никону не только через его связь со скитом, но и благодаря аббревиатуре ВМНІ, вынесенной на «обложку» (ее можно раскрыть как «Воскресенский монастырь. Нікон» или, менее вероятно, «Воскресенский монастырь. Новый Иерусалим»). Это не только свидетельство впитывания элементов европейской культуры (примеров тому много) или тяги к необычным, экзотическим предметам (о ней говорят любимые вещи Никона: японская шляпная коробка, китайский чайник). «Книга» добавляет личности Никона исключительно важную черту, которой его образ был лишен: она соединяет его образ с миром карнавальной культуры и бурсацкого юмора, от которых легко перекинуть мост в XVIII в., к «всешутейшим соборам» царя Петра.

Другие находки в монастыре (личные вещи, такие как печать «старца Павла» конца XVII в.; надгробия; утраченные части собора) проливают на ранее неизвестных или остававшихся в тени творцов Нового Иерусалима новый свет, усиленный обширным, сложным археологическим контекстом.

Можно найти и гораздо более ранние примеры сохранения в слоях следов крупных исторических деятелей, такие как обнаружение печати Константинопольского патриарха Афанасия в Переяславле Залесском, где в 1309–1310 гг. проходило церковное разбирательство дела митрополита Московского Петра [31], или находки дорогой керамики XIV в. восточного происхождения (селадоновое блюдо из Китая, глазурованные чаши из Ирана или Золотой Орды, сосуд для хранения летучих жидкостей) в Зачатьевском монастыре конца XVI в. на Остоженке (Москва). В первом случае связь устанавливается довольно легко, так как печать именная, а место и время проведения суда известно из источников. С восточной керамикой во-

прос не так очевиден. Но раскопки доказали, что на месте монастыря, на Остоженке, за 200 лет до его основания существовал другой женский монастырь, названный источниками Алексеевским [32]. Это позволяет сопоставить находки с биографией основателя монастыря митрополита Московского Алексия – восточный материал мог отражать его связи с Золотой Ордой, в чьих землях он бывал неоднократно.

Подведем первые итоги. Ясно, что археология увлечена «диалогом» с личностью прошлого не меньше, чем остальные разделы истории. Но ее в***и***дение, ее контакт с этой личностью складывается на другой основе, иными методами.

Археология личности предстает перед нами как поставщик новых свидетельств о персонажах в их традиционных отражениях: эпиграфике, нумизматике, сфрагистике и вообще любых письменных или изобразительных памятниках (граффити, берестяные грамоты и др.). Уступая их для детального анализа палеографам, лингвистам и филологам, археолог сохраняет прерогативы фиксации и введения текста в науку, его первичного прочтения. Но главное, он отвечает за критический анализ контекста находки, за ее внешнюю (независимую от надписи, если она есть) датировку и атрибуции. При этом он охотно пользуется приемом, который можно назвать «вопрос простеца», и с его помощью индуцирует анализ силами коллег – историков. Так мне пришлось поступить после находки четвертой московской берестяной грамоты, в которой упоминался некий «Юрий с матерью», попросив коллег обратиться еще раз к проблеме средневековой ономастики и соотношения персонажей в источниках разных видов [33].

Это и есть характернейшая особенность археологии личности: она отделена от традиционного историко-психологического портрета, но тесно связана с источниковедческим контекстом. Она не замкнута пространством письменных свидетельств, но включена в многосоставную среду. Это всегда часть огромного пространства материальной среды – от природных явлений (окружающая среда, культурный ландшафт, «персональная топография» города и его сельской округи) до артефактов. Археолог видит личность через предметы и костные останки, в лабораторных анализах и в истории полевого поиска.

Кроме инвентаря и останков о личности говорит ее окружение: погребальное здание, подземные сооружения, вместилища (саркофаги) и надгробия. Мрамор, порфир и белый камень этих своеобразных хранилищ существуют для вмещения в себя личности и могут образовать своего рода археологическую мегаличность, мемориал, где сооружение есть прямая манифестация погребенного (заупокойный храм, мавзолеи политических деятелей и др.). Но общий контекст может и не соотноситься с погребением, быть «случайным», что подчас делает его более важным, чем намеренно мемориальный (балласты кораблей, бутовые части фундаментов, мощения дорог и пр.). Говоря кратко, личность в представлении археолога совершенно неотделима от контекста, от своей среды.

Последнее особенно важно: археолог строит свой персонаж не как «типовой» историко-психологический портрет, а почти исключительно на основе им самим формируемых наблюдений. Побывав в руках археолога, личность расширяется за счет истории ее поиска и атрибуции и даже более: такая «личность» часто ими и ограничена. Здесь археологическая личность и личность изучающего ее историка, его труд (а они сами по себе части истории) взаимопроникают и трудноразделимы. Ведь археолог не столько использует готовый источник, сколько соучаствует в его создании, он зависим от методики, целеполагания, собственного опыта более, чем другие ученые по причине деконструкции первоисточника в ходе его изучения[5] [34]. Поэтому, говоря об историографии как истории формирования «источника», археолог не в состоянии полностью отделить историческую личность и историю ее исследования. Часто именно эта история создает личность или значительно дополняет ее, заменяя изначально бледный очерк более ярким, пусть фрагментарным, персонажем историографии: такие личности, как Томас Бекет, Моцарт или Коперник, давно неразрывны с историей поиска (или конструирования) их останков в ходе «охоты за идентичностями». Можно ли сегодня отделить образ Иоанна IV от находок в его саркофаге и от реконструкции его облика, созданной Михаилом Герасимовым? Они – законная и достоверная часть нарратива грозного царя, а его стеклянный кубок так и просится в роман.

Среди важных сторон отношения археологов к личности – активная работа над восстановлением образов, не отразившихся в письменных памятниках, обычно безымянных личностей. Археолог с помощью антропологов и других специалистов наделяет тысячи безымянных скелетов на «поздних» кладбищах подобием анкеты (пол, возраст и эпоха, род занятий, физические особенности и многое другое), а подчас и чертами, важными не только для демографии и социального портрета, но и для генеалогии, просопографии и других дисциплин, имеющих дело с конкретными лицами истории. С середины XX в. эта работа часто включает визуальное портретирование (в буквальном смысле слова – графическую и трехмерную реконструкцию внешнего облика, сейчас обычно компьютерную; один из важных приемов и результатов идентификации) как известных, так и безымянных персонажей.

Впрочем, в традиционном биографическом нарративе археологическая личность – тоже желанная, нужная деталь, по крайней мере, как посмертная периферия, как жизнь замечательного человека, длящаяся в истории его останков. Здесь легко увидеть аналогию со средневековой моделью, житием, где облик кончины и посмертные события занимают непропорционально много места, где сама смерть не прерывает, а напротив, активизирует и оживляет жизнеописание, а дальнейшее развитие становится оправданием, главным содержанием оставленной позади жизни. Значительную, если не центральную, роль при этом играл сам поиск [35. С. 269–273; 36. P. 80–104; 37. С. 95–98]. Примеры хорошо известны и в отечественной, и в зарубежной историографии – достаточно напомнить историю с «костями Данте» [38. P. 166–190], недавним открытием погребения Ричарда III [39], а из не

столь знаменитых, но близких нам сюжетов – новые надгробия иноземцев [40] и останки бояр Романовых и Черкасских в Новоспасском монастыре [41, 42].

Методическая особенность археологической работы по воссозданию личности – коллективность подхода, работа над портретом силами всей мастерской или мультидисциплинарной группой (ее задача – найти и применить в анализе так много антропологических, биологических, физико-химических и иных методов и технологий, как возможно). Массовость материала обеспечивает «антропологизацию вещей», прежде всего одежды и обуви [43], этих истинных слепков с идентичности, часто неотделимых от нее, а также и других личных вещей (оружия, украшений, посуды).

Археологическая личность всегда фрагментарна. Несмотря на сложную и многостороннюю работу по восстановлению, осколки биографий собираются не полностью, и часто рисуют персонажи односторонне до гротеска, как на кладбище казненных в Силезии [44]. Но эти детали достоверны.

Здесь обозначены далеко не все направления поиска. Внимания заслуживает, например, подход к изложению полученных результатов. Им нужно заняться хотя бы потому, что свойство биографического жанра – его исключительная привлекательность для любого читателя: фундаментальные труды, если они посвящены историческим личностям, большая часть общества охотно воспринимает без адаптации. Потребуется и разработка приемов встраивания археологической личности в исторический нарратив. Стоит задуматься и над мерой объективности в подборке материала для формирования археологической личности, его сопоставимости с традиционными источниками. Все это сложные (и старые) вопросы исторической методики, которые пока остаются в стороне.

СОКРАЩЕНИЯ

КСИА – Краткие сообщения Института археологии; РА – Российская археология; СЛ – Средневековая личность в письменных и археологических источниках [1].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Напомню, что, обозначая глубокое прошлое, Сократ употребляет слово «археология».

[2] Общее воскрешение людей прошлого, как известно, догмат христианства и близких ему направлений философии, определяющих через него конечную цель научного познания (*nec plus ultra* – учение Николая Федорова).

[3] Включение в оборот огромного количества разнородных по характеру источников, которые проходят обработку в едва касающихся друг друга областях науки, недоступных для критики археолога, рождает острые вопросы методов анализа при соединении «фактов», получаемых историком, археологом и естествоиспытателем. Но это особая проблема, которая здесь не рассматривается.

[4] Для памятника такая идентификация оказывается чрезвычайно важной, поскольку обогащает археологический контекст и укрепляет идентификацию слоев и сооружений Фанагории, менее богатых надписями.

[5] Возникает парадокс: объективный, по сути, материал в ходе первичного изучения производит наиболее субъективный из всех видов исторических источников археологический отчет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Средневековая личность в письменных и археологических источниках : материалы междунар. науч. конф. М. : Ин-т археологии РАН ; Институт российской истории РАН, 2016. 245 с.
2. Платон. Гиппий Больший // Полное собрание творений Платона : в 15 т. / пер. А.В. Болдырева. Л. : Academia, 1924. Т. IX.
3. Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М. : Вост. лит., Еврейский университет в Москве, 1993. 352 с.
4. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л. : Изд-во ЛГУ, 1947. 346 с.
5. Bioarchaeology: the contextual analysis of human remains / eds J.E. Buikstra, L.A. Beck. Amsterdam : Elsevier, 2006. 606 p.
6. Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследования и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 155–172.
7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / пер. Г.А. Стратановского. М. : Наука, 1964. Т. 2.
8. Аппиан. Митридатовы войны. Сирийские дела / пер. и ком. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 229–317.
9. Беляев Л.А. Белокаменные надгробия церкви Ильи Пророка в селе Кожино Гороховецкого района // Гороховецкий сборник / под ред. академика Н.А. Макарова. Москва ; Гороховец, 2017, в печати.
10. Савельев Н.И., Беляев Л.А. «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV–XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологических источниках : материалы междунар. науч. конф. М., 2016. С. 188–192.
11. Николаева Т.В. Новые находки на территории Загорского государственного музея-заповедника, 1957 // Советская археология. 1957. № 1. С. 251–255.
12. Гиршберг Б.В. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. I. С. 6–7.
13. Беляев Л.А., Романов Н.С., Шлионская Л.И. Надгробия игумении Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // РА. 2010. № 2. С. 156–165.
14. Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 32–33.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1 : А–К. СПб., 1893.
16. Усачев А.С. О некоторых случаях «горизонтальной мобильности» иноков-писцов в России XVI века // Румянцевские чтения–2017. М., 2017. Ч. 2. С. 210–213.
17. Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV в.) по данным археологии. М. : Институт археологии РАН, 1994. 458 с.
18. Археология исторических некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления // Археология и общество : Вторая ежегодная конференция. М., 2015.
19. Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. 2011 (Методика полевых археологических исследований). М. : Институт археологии РАН, 2011. Вып. 5. 56 с.

20. Беляев Л.А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М. : Даниловский благовестник; Институт археологии РАН, 2012. 504 с.
21. Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В. и др. Исследование некрополя Духовной академии в 2014 году // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. М. : Институт археологии РАН, 2016. Вып. 12. С. 383–397.
22. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М. : Институт археологии РАН, 2011. 382 с.
23. Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // РА. 2008. № 2. С. 107–117.
24. Beljaev, Leonid A. Andrej Rublev: the Invention of a Biography // L' artista a Bizancio e nel mondo cristiano-orientale. A cura di Michele Bacci. Pisa, 2007. P. 117–134.
25. Беляев Л.А. Три жизни Андрея Рублева: к проблеме реконструкции средневековой личности // СЛ. 2016. С. 40–46.
26. Петров А.Е., Беляев Л.А., Бужилова А.П. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 163–179.
27. Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М. : Институт археологии РАН; Нестор-Традиция, 2013. 264 с.
28. Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVII вв., их создатели и владельцы. М. : Русский издательский центр, 1997. 254 с.
29. Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Маркёры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // «Традиции и инновации в истории и культуре»: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / отв. ред.: А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М. : Отделение историко-филологических наук РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, 2015. [620 с.]. С. 147–154.
30. Беляев Л.А. Фляжка из Нового Иерусалима и ее европейские параллели // Живая старина. 2014. № 4. С. 2–5.
31. Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Седов Вл.В., Бейлекчи В.В. Печать константинопольского патриарха Афанасия из переславского Спасо-Преображенского собора // РА. 2015. № 4. С. 196–201.
32. Беляев Л.А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6. С. 58–67.
33. Курмановский В.С., Савельев Н.И., Беляев Л.А. Сколько у нас Юрьев? Ономастический комментарий к берестяной грамоте Москва-4/2015 // СЛ. 2016. С. 121–124.
34. Клейн Л.С. Археологические источники : учеб. пособие. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. 120 с.
35. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М. : Открытое общество, 1998. 576 с.
36. Schnapp A. The Discovery of the Past: The Origins of Archaeology. British Museum Press, 1996. 384 p.
37. Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2011. Т. 1. 688 с.
38. Moore E. Studies in Dante. Fourth Series. N.Y. : Haskell House P. Ltd, 1968.
39. Pitts M. Digging for Richard III: How Archaeology Found the King. London : Thames and Hudson, 2014.
40. Беляев Л.А. Новые плиты иноземцев XVII века в Московии: предварительная публикация // КСИА. М., 2015. № 240. С. 223–232.
41. Беляев Л.А., Елкина И.И. «Усыпальница Романовых» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. II. С. 131–150.
42. Медникова М.Б., Беляев Л.А., Елкина И.И., Тарасова А.А., Загвоздин В.П. Комплексное биоархеологическое исследование женского погребения в белокаменном склепе Новоспасского монастыря // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. II. С. 182–200.
43. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. М. : Институт археологии РАН, 2006. Т. 7. 202 с.
44. Obtułowicz Ł., Pokutta D.A. The graves of criminals in Renassaince Poland. Archaeological excavations of Modern Age cemetery in Gliwice Dworcowa Street, Upper Silesia // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. Wrocław, 2014. T. 56. S. 313–341.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июня 2017 г.

HISTORICAL PERSONS IN THE MIRROR OF ARCHEOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 82–90.
DOI: 10.17223/15617793/422/12

Leonid A. Belyaev, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: labeliaev@bk.ru

Keyword: historical person; microhistory; epigraphy; anthropology; archaeological identification; source study.

The paper aims to determine the features of archaeological research in the field of historical studies of our predecessors. For the last quarter of the century the research ability in this field has been growing significantly. It allowed shifting the emphasis of history to "common" people rather than historical persons. The number of archaeological works on necropolises has appreciably increased since Early Modern monuments have been recognized as objects of archeology. Progress has been achieved in natural sciences, firstly, in bio-anthropology. Traditional methods using the "anthropology of things", epigraphy and other special historical disciplines are developing as well. This made the author think about the features of archaeologists' approach and their perception of historical persons. The material represents the author's observations over the area of reconstruction of characters of the past, both well-known historical persons and "common" people of "microhistory". A brief overview of these works, including characteristic features, is given as following: the epigraphic story from the gravestone of Hypsicratea, wife of Mithradates from the polis of Phanagoria; the gravestones of the 16th–17th centuries recently unearthed in Moscow (in 2010), which "repeated" the inscriptions on the slabs of foreigners in the Vysoko-Petrovsky Monastery; research on cemeteries of the 18th–19th centuries (burials of Archbishop Nikifor Feotokis and writer Nikolai Gogol in the Danilov Monastery in Moscow; professors and students of the Theological Academy in the Trinity Sergius Lavra). In addition to archaeological identification and reconstruction of biographies based on anthropological expertise, there are given examples of a person's reflection in material items (artifacts from the Resurrection Monastery in the town of New Jerusalem associated with Patriarch Nikon's activities; findings of the 14th century from the Alekseevsky Monastery, indicating its connection to St. Alexei the Metropolitan) and others. The conclusions are formulated as a series of theses, pointing to features of "archaeological persons" as fragmentary ones and, at the same time, closely related to the research context, to methods used by a researcher and to history of research. "Archaeology of a person" appears, mainly, as a supplier of new written and visual evidence (epigraphic, numismatic, sphragistic, iconic and, more rarely, epistolary, for example, in a form of birch bark letters). Yet this is not its most exclusive part. A more important fact is that archeology is responsible for a critical analysis of the item's context, its dating and preliminary criticism of the text itself. The main property of an archaeological person is its difference from a traditional historical and psychological portrait. This person is fragmentary, but firmly inscribed into the context. It is always a part of a material structure,

from its natural environment to the world of artifacts. It is reflected in items, structures and bio-anthropological analyses, which form one's individual and social "portrait". Due to this, genealogy and prosopography elements appear even among nameless graves (most graves up to the 20th century are nameless Russia). Another important feature of an "archaeological person" is that after detection and identification, it becomes a kind of their imprint. Moreover, sometimes a characteristic of such "personality" is limited only by this specific source. However, if the same research is applied to a well-known historical person, it can form an important addition to one's biography, and even become a bright part of one's posthumous life (Dante Alighieri, Nikolai Gogol and many others).

REFERENCES

1. Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) (2016) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
2. Plato. (1924) Gippiy Bol'shiy [Hippias Major]. In: *Polnoe sobranie tvoreniy Platona: v 15 t.* [Complete collection of the works of Plato: in 15 vols]. Translated from Old Greek by A.V. Boldyrev. Vol. 9. Leningrad: Academia.
3. Veynberg, I.P. (1993) *Rozhdenie istorii. Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do n.e.* [The birth of history. Historical thought in the Middle East in the middle of the I millennium BC]. Moscow: Vostochnaya literatura, Hebrew University in Moscow.
4. Romanov, B.A. (1947) *Lyudi i nravy Drevney Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.* [People and customs of Ancient Russia. Historical and everyday essays of the 11th–13th centuries]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Buikstra, J.E. & Beck, L.A. (eds) (2006) *Bioarchaeology: the contextual analysis of human remains*. Amsterdam: Elsevier.
6. Kuznetsov, V.D. (2007) Fanagoriya: istoriya issledovaniya i novye nakhodki [Phanagoria: history of research and new findings]. *RA – Russian Archeology*. 2. pp. 155–172.
7. Plutarch. (1964) *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Comparative biographies]. Translated from Old Greek by G.A. Stratanovskiy. Vol. 2. Moscow: Nauka.
8. Appian. (1946) Mitridatovy voyny. Siriyskie dela [The Mithridatic Wars. Syrian Wars]. Translated from Old Greek by S.P. Kondrat'ev. *Vestnik drevney istorii.* 4. pp. 229–317.
9. Belyaev, L.A. (2017) Belokamennye nadgrobiya tserkvi Il'i Proroka v sele Kozhino Gorokhovetskogo rayona [White-stone tombstones of the Church of Elijah the Prophet in the village of Kozhino, Gorokhovets district]. In: Makarov, N.A. (ed.) *Gorokhovetskiy sbornik* [Gorokhovets collection]. Moscow; Gorokhovets. (In print).
10. Savel'ev, N.I. & Belyaev, L.A. (2016) ["Renewed" tombstones in the High-Petrovsky Monastery (Moscow) and the perception of a person in the 15th–17th centuries]. *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. pp. 188–192. (In Russian).
11. Nikolaeva, T.V. (1957) Novye nakhodki na territorii Zagorskogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika, 1957 [New findings on the territory of the Zagorsk State Museum-Reserve, 1957]. *Sovetskaya arkheologiya.* 1. pp. 251–255.
12. Girshberg, B.V. (1960) Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. [Materials for the arch of inscriptions on the stone slabs of Moscow and Moscow region of the 14th–17th centuries]. *Numizmatika i epigrafika.* I. pp. 6–7.
13. Belyaev, L.A., Romanov, N.S. & Shlionskaya, L.I. (2010) Gravestones of hegumeness Elena Devochkina and nun Theophania in the Novodevichiy Convent. *RA – Russian Arheology*. 2. pp. 156–165. (In Russian).
14. Belyaev, L.A. (1996) *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII vv.* [Russian medieval tombstone. White-stone slabs of Moscow and North-Eastern Russia of the 13th–17th centuries]. Moscow: Modus-Graffiti.
15. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language from written monuments]. Vol. 1: A–K. St. Petersburg: Otd-nie rus. yaz. i slovesn. Imp. AN.
16. Usachev, A.S. (2017) [On some cases of "horizontal mobility" of scribal monks in Russia in the XVI century]. Rumyantsevskie chteniya–2017 [Rumyantsev readings–2017]. Proceedings of the conference. Vol. 2. Moscow: Pashkov dom. pp. 210–213.
17. Belyaev, L.A. (1994) *Drevnie monastyri Moskvy (konets XIII–XV v.) po dannym arkheologii* [Ancient monasteries of Moscow (late 13th–15th centuries) according to archeology]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
18. Zadornov, A. et al. (eds) (2015) [Archeology of historic necropolises: methods, discoveries, problems of restoration]. *Arkheologiya i obshchestvo* [Archeology and society]. Proceedings of the second annual conference. Moscow: Institute of Archeology of RAS. pp. 7–12. (In Russian).
19. Belyaev, L.A. (2011) *Opyt izucheniya istoricheskikh nekropoley i personal'noy identifikatsii metodami arkheologii* [The experience of studying historical necropolises and personal identification methods of archeology]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
20. Belyaev, L.A. (2012) *Nekropol' Danilova monastyrya v XVIII–XIX vekakh: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya (1983–2008)* [Necropolis of the Danilov Monastery in the 18th–19th centuries: historical and archaeological research (1983–2008)]. Moscow: Danilovskiy blagovestnik; Institute of Archeology of RAS.
21. Engovatova, A.V. et al. (2016) [Study of the necropolis of the Theological Academy in 2014]. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of the Moscow region]. Proceedings of the seminar. Vol. 12. Moscow: Institute of Archeology of RAS. pp. 383–397.
22. Petrov, A.E. & Shnirel'man, V.A. (eds) (2011) *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovanie etnokraticheskikh mifov* [Falsification of historical sources and the construction of ethnocratic myths]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
23. Ivakin, G.Yu. (2008) Nekropol' tserkvi Spasa na Berestove v Kieve i "pogrebenie Yuriya Dolgorukogo" [Necropolis of the Church of the Savior on Berestov in Kiev and the "burial of Yuri Dolgoruky"]. *RA – Russian Archeology*. 2. pp. 107–117.
24. Beljaev, L.A. (2007) Andrej Rublev: the Invention of a Biography. In: Bacci, M. (ed.) *L'artista a Bizancio e nel mondo cristiano-orientale* [The artist in Byzantium and in the Christian-Oriental world]. Pisa.
25. Belyaev, L.A. (2016) Tri zhizni Andreya Rubleva: k probleme rekonstruktsii srednevekovoy lichnosti [Three lives of Andrei Rublev: to the problem of the reconstruction of the medieval person]. In: Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
26. Petrov, A.E., Belyaev, L.A. & Buzhilova, A.P. (2011) Mezhdu naukoy i oblastnoy administratsiey: opyt fal'sifikatsii ostankov Ivana Susanina s pomoshch'yu zadannoy interpretatsii arkheologicheskikh i sudebno-kriminalisticheskikh issledovaniy [Between science and the regional administration: the experience of falsifying the remains of Ivan Susanin with the help of a given interpretation of archaeological and forensic studies]. In: Petrov, A.E. & Shnirel'man, V.A. (eds) *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovanie etnokraticheskikh mifov* [Falsification of historical sources and the construction of ethnocratic myths]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
27. Belyaev, L.A. (2013) *Rodovaya usypal'nitsa knyazey Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya* [The family burial vault of Princes of Pozharsky and Khovansky in the Spaso-Evfimiev Monastery of Suzdal: 150 years of study]. Moscow: Institute of Archeology of RAS; Nestor-Traditsiya.
28. Lavrent'ev, A.V. (1997) *Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoy istorii i kul'tury XVI–XVII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy* [People and things. Monuments of Russian history and culture of the 16th–17th centuries, their creators and owners]. Moscow: Russkiy izdatel'skiy tsentr.

29. Belyaev, L.A. & Glazunova, O.N. (2015) Markery Zapada: novye elementy evropeyskoy khudozhestvennoy i tekhnologicheskoy traditsii v arkheologicheskikh materialakh Novo-Ierusalimskogo monastyrya [Markeras of the West: new elements of the European artistic and technological tradition in the archaeological materials of the New Jerusalem Monastery]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkov, V.A. (eds) *"Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture": programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk* ["Traditions and Innovations in History and Culture": a program of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Department of Historical and Philological Sciences of RAS, Institute of Ethnology and Anthropology of RAS.
30. Belyaev, L.A. (2014) Flyazhka iz Novogo Ierusalima i ee evropeyskie paralleli [A flask from the New Jerusalem and its European parallels]. *Zhivaya starina*. 4. pp. 2–5.
31. Makarov, N.A., Gaydukov, P.G., Sedov, Vl.V. & Beylekchi, V.V. (2015) Pechat' konstantinopol'skogo patriarkha Afanasiya iz pereslavskogo Spaso-Preobrazhenskogo sobora [The seal of the Patriarch of Constantinople, Athanasius, from the Pereslavl Savior-Transfiguration Cathedral]. *RA – Russian Archeology*. 4. pp. 196–201.
32. Belyaev, L.A. (2010) Iz glubiny vekov [From the depth of centuries]. *Nauka v Rossii*. 6. pp. 58–67.
33. Kurmanovskiy, V.S., Savel'ev, N.I., & Belyaev, L.A. (2016) Skol'ko u nas Yur'ev? Onomasticheskiy kommentariy k berestyanoy gramote Moskva-4/2015 [How many Yurys do we have? Onomastic commentary to a birchbark document Moskva-4/2015]. In: Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
34. Kleyn, L.S. (1978) *Arkheologicheskie istochniki* [Archaeological sources]. Leningrad: Leningrad State University.
35. Belyaev, L.A. (1998) *Khristianskie drevnosti. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie* [Christian antiquities. Introduction to comparative study]. Moscow: Otkrytoe obshchestvo.
36. Schnapp, A. (1996) *The Discovery of the Past: The Origins of Archaeology*. London: British Museum Press.
37. Kleyn, L.S. (2011) *Istoriya arkheologicheskoy mysli* [History of archaeological thought]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
38. Moore, E. (1968) *Studies in Dante*. Fourth Series. New York: Haskell House P. Ltd.
39. Pitts, M. (2014) *Digging for Richard III: How Archaeology Found the King*. London: Thames and Hudson.
40. Belyaev, L.A. (2015) New gravestones of deceased foreigners in the 17th century in Muscovy: preliminary publication. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA)*. 240. pp. 223–232.
41. Belyaev, L.A. & Elkina, I.I. (2016) The Romanov family tomb in the Church of the Holy Spirit in the Novosspasky Monastery: 2014 excavations. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA)*. 245:II. pp. 131–150. (In Russian).
42. Mednikova, M.B. et al. (2016) A comprehensive Bioarchaeological study of the female grave in a white-stone vault of the Novospassky Monastery. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA)*. 245:II. pp. 182–200. (In Russian).
43. Osipov, D.O. (2006) Obuv' moskovskoy zemli XII–XVIII vv.: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy [Shoes of the Moscow land of the 12th–18th centuries: Materials of security archaeological research]. Vol. 7. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
44. Obtułowicz, Ł. & Pokutta, D.A. (2014) The graves of criminals in Renassaince Poland. Archaeological excavations of Modern Age cemetery in Gliwice Dworcowa Street, Upper Silesia. *Śląskie Sprawozdania Archeologiczne*. 56. pp. 313–341.

Received: 07 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 91–95. DOI: 10.17223/15617793/422/13

УДК 316.75

К.С. Картавцев

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ У АЛЕУТОВ

Рассматриваются механизмы социального контроля, нормы и санкции в алеутском этносе, а также функционирование различных институтов, территориальное поведение, распределение ресурсов и территориальные конфликты, регулирование социальных отношений у алеутов. Анализируется взаимодействие и экономические отношения с Российско-Американской компанией.

Ключевые слова: алеуты; социальный контроль; редистрибуция; реципрокация; территориальное поведение.

Социальный контроль – это механизм, с помощью которого общество и его подразделения (группы, организации) обеспечивают соблюдение определенных ограничений (условий), нарушение которых наносит ущерб функционированию социальной системы [1].

Записи русских путешественников И.Е. Вениаминова, В.М. Головнина и А.П. Лазарева являются основными источниками для рассмотрения механизмов социального контроля у алеутов. И.Е. Вениаминов, православный миссионер, отправился в Русскую Америку для организации церковно-приходских школ. В 1824 г. прибыл на о. Уналашка. По разным данным, прожил на Алеутских островах около 16 лет, иногда покидая колонию. Последний визит И.Е. Вениаминова в Русскую Америку произошел в 1857 г. Он сформировал и собрал наибольшее количество данных об алеутах, систематизировал эти материалы и сведения. В.М. Головнин и А.П. Лазарев – русские военные мореплаватели, совершившие кругосветные путешествия. В.М. Головнин совершил плавание на шлюпе «Камчатка» в 1817–1819 гг., но побывал на Аляске десятью годами ранее на шлюпе «Диана». А.П. Лазарев совершил путешествие на шлюпе «Ладога» в 1822–1824 гг. Они собрали коллекцию этнографических материалов и составили описание встречающихся народов [2. С. 59–68, 99, 105–122].

Территориальное поведение и распределение ресурсов. Основным источником ресурсов для алеутов служила охота на морского зверя (каланов, сивучей, морских котиков и т.д.). Это стало результатом адаптации алеутов к экстремальной окружающей среде.

Распределение ресурсов при коллективной охоте носило уравнительный характер. Алеутскими охотниками практиковалась как коллективная скоординированная охота, так и индивидуальная охота на морского зверя. Один охотник был в состоянии обеспечить себя и семью, добывая в море 100–200 кг, привозя внутри байдарки и приблизительно столько же на буксире [3. С. 108–109].

Распределение ресурсов. Р.Г. Ляпунова отмечает индивидуальное присвоение добытых ресурсов, но с элементами коллективного распределения. Так, например, алеут после индивидуальной охоты раздавал каждому жителю своего селения по куску от первого убитого зверя [Там же. С. 109].

Р.Г. Ляпунова ставит под сомнение наличие у алеутов нормы коллективного распределения ресурсов, считая, что на смену когда-то существовавшему коллективному распределению пришло родственное. В подтверждение этому она приводит пример того, что при коллективной охоте алеут первого добытого морского зверя отдавал ближайшему родственнику [Там же. С. 109–110].

К коллективному распределению прибегали в основном при обнаружении выброшенного на берег кита или морского зверя. Тоэн (алеут, обладающий властными полномочиями в группе алеутов; выделяют тоэнов поселений и тоэнов островов, иначе – верховных тоэнов) распределял найденное поровну между жителями поселения, при этом нашедший на берегу кита получал часть кишок, сухожилий и перепонки с языка. По обнаруженному орудию устанавливали собственника, который получал лучшую часть добычи [3. С. 110–111]. Добытого сивуча распределяли следующим образом: мясо делилось между всеми участниками, при этом первый, кто попал в зверя, получал половину кожи и кишок, также имея право назначить любого, кому достанется вторая часть; второй стрелок забирал горло и остальные кишки; третий забирал пузырь; четвертый и пятый – передние ласты; шестой и седьмой брали задние ласты [Там же. С. 111].

Нужно сказать, что при перераспределении добычи охотники стремились присвоить себе как можно большую часть добычи. Коллективное распределение ресурсов в общине происходило лишь в условиях большого недостатка этих ресурсов, что позволяло равномерно распределить добычу и обеспечить жителей общины в кризисный период [Там же. С. 110]. Распределение ресурсов связано с территориальными конфликтами.

Территориальные конфликты. Основной причиной этих конфликтов становились места промысла. Каждая община имела определенный участок и права на добычу зверя, а также на то, что выбрасывалось на берег. Нарушителями подобных норм становились алеуты, как правило, не имевшие подобного ресурса, не обладавшие собственной промысловой территорией. За нарушение установленного правила их изгоняли, даже могли убить. Каждый, кто находил на территории чужого промысла хоть что-нибудь, должен был обращаться к хозяевам и просить разрешения, чтобы это забрать. Каждый тоэн общины должен был следить за соблюдением границ и регулировать территориальные споры. При этом у него не было права присваивать ресурсы, находящиеся на территории своей общины, в отличие от верховного тоэна, который обладал правом на часть выброшенного на берег своего острова [3. С. 111–113].

Следует предположить, что алеутами, не обладавшими своей промысловой территорией, были освобожденные рабы, сироты, а также изгнанники, прибывшие с других островов.

Роль тоэна в регулировании социальных отношений. Статус тоэна острова / поселения был наследуемым по родственной связи с предками, которые первыми заселились на конкретном острове. В случае, ес-

ли не было потомка «первопроходцев», тоэн избирался по личным качествам и умениям. И.Е. Вениаминов отмечает такие качества избираемого тоэна: благоразумие, храбрость, превосходство в промысловом искусстве [4. С. 167]. Следует предположить, что смена тоэна производилась выборным путем по таким же качествам.

Рассмотренные выше механизмы редистрибуции и реципрокации демонстрируют роль тоэна поселения и тоэна острова как ведущую в социальном механизме, регулирующем социально-экономические отношения и территориальные споры, а также демонстрируют то, что тоэны не обладали «безграничной» властью. Их влияние и власть были ограничены устоявшимися нормами поведения в группе.

Тоэны имеют власть только над своими калгами (рабами), а алеуты, не являющиеся рабами, вполне могут покинуть тоэна и, судя по всему, свое поселение [5. С. 159–160], что уже является механизмом ограничения власти и влияния тоэна на свободных алеутов.

Стоит отметить и то, что ради собственного благополучия в период кризиса алеуты могли переселяться на другой остров, идя на понижение собственного статуса ради поиска лучших условий, что неизбежно приводило к территориальным конфликтам, потому что вновь прибывшие не обладали промысловой территорией и им приходилось нарушать границы.

В контексте распределения добычи тоэн имел такое же положение, как и любой алеут, т.е. тоэн получал равную долю добычи от промысла. При этом *тоэн обладал властью и возможностью распоряжаться человеческим ресурсом, но только в том случае, если задачи, решаемые им, несли общую пользу и выгоду группе.* Следовательно, тоэн не имел права ставить свои интересы выше интересов группы. Например, И.Е. Вениаминов отмечает, что «заставить сделать собственно для себя – он не мог никого» [4. С. 166–167].

Тоэн не мог изымать у кого-либо из своей группы ресурсы ради наживы. Не имел права единолично выносить приговоры на суде. Тоэн не мог вступать в военные походы без согласования с другими тоэнами и позволения тоэна острова. Но у него была возможность мобилизовать своих подданных на коллективные промыслы. Внешних церемониальных действий, подчеркивающих его социальный статус, простые алеуты перед ним не демонстрировали, но если их тоэн был оскорблен, это приравнивалось к личному оскорблению и обязывало их мстить. В свою очередь, тоэн был обязан защищать и отстаивать честь, достоинство и права подданных [4. С. 167].

У тоэна не было ярко выраженного привилегированного положения в своей группе, его функцию в группе можно обозначить как административную. На межобщинном уровне к административной функции добавлялась представительская.

Во время вооруженных конфликтов тоэн острова / поселения мобилизовывал и возглавлял своих воинов, но решение о вступлении в конфликт и заключении мира с противником принималось согласованно с другими тоэнами поселений и тоэном острова [4. С. 167–168].

Тоэны островов были зажиточней остальных алеутов ввиду того, что они обладали правом на часть выброшенного на остров, а их положение, судя по всему, среди других тоэнов островов зависело от *влияния* на своих подчиненных и их *авторитета*.

Стоит отметить, что довольно сложно провести разграничения между тоэном поселения и тоэном острова ввиду того, что И.Е. Вениаминов, описывавший институт тоэнов, не всегда дает четкое описание и разграничение.

Суд, кара и награда. Тоэн или верховный тоэн имел право организовывать суд над преступником. Стоит отметить, что не только у тоэна была возможность мобилизации людей для суда, этой возможностью обладали старейшины и почетные алеуты, которые обладали этим правом. Представители других социальных страт, вероятно, не допускались. Алеут, организовавший суд, отмечается И.Е. Вениаминовым как «первенствующий судья». На «судилище» присутствовали представители одного поселения, которые решали вопрос о виновности или невиновности соплеменника. За убийство, предательство / измену, распускание сплетен, разглашение тайн назначалась смертная казнь. При этом подобному наказанию подвергались все, независимо от социального положения и статуса. Суд проходил в следующем порядке: тоэн или «первенствующий судья» поднимал вопрос о виновности соплеменника, присяжные в лице старейшин и «почетных» алеутов путем голосования решали его судьбу. При этом И.Е. Вениаминов отмечает, что вердикт суда выносился только единогласным решением. В случае признания вины алеуты собирались на открытом месте, и каждый из присяжных бросал по одной стреле в преступника, который находился на расстоянии. Если преступник после казни оставался жив, то тоэн или «первенствующий судья» мог отдать приказ об убийстве или помиловании [4. С. 168–169]. Это можно обозначить как *ордалия*, так как для оправдания преступнику нужно было пройти испытание, которое было возможно благодаря покровительству «высших сил». Ордалия применялся только к людям, обладающим особым статусом или свободой [6. С. 400–402].

Виновный, не испугавшийся смерти и стойко перенесший суд и казнь, становился героем, а его поступок получал отражение в народном творчестве. И.Е. Вениаминов так описывает этот процесс: «И надобно сказать, что преступника не нужно было держать подъстражею или на место казни вести связанного; потому что всякой преступникъ старался какъ можно более показать своего хладнокровгя и неустрашимости при виде смерти; и потому онъ не думалъ запираться въ своемъ преступлении или извиняться и еще менее просить пощады и милости; но напротивъ того говорилъ предъ судьями безъ робости и свои поступки разсказывалъ хвастовски и какъ бы съ намеренемъ раздражить своихъ судей и обвинителей; на место казни шелъ какъ можно бодрее, для того, чтобы оставить по себе славу неустрашимаго» [4. С. 169].

Таким образом, суд, сопровождавшийся церемонией, позволял виновному остаться безнаказанным и получить признание и уважение.

Противоположная ситуация наблюдается у рабов (калгов). Согласно Р.Г. Ляпуновой, калги были «меновой единицей»: за пару рабов (мужа и жену) хозяин мог получить байдарку и парку, за одного раба можно было получить каменный нож, бобровую парку и пр. Наказания калгов были четко установлены: за неподчинение хозяину отрезали уши, за раскрытие разговоров хозяина отрезали губы, за заговор против хозяина карали смертью. За первую попытку побега избивали, за вторую – связывали на некоторое время, за третью – резали икры ног, за четвертую – убивали [3. С. 115].

У алеутов были всевозможные инструменты для соблюдения норм в своей социальной среде: институт тоэнов, суды для вольных с возможностью избежать наказания и система наказаний для рабов.

Взаимодействие с Российско-Американской компанией (РАК) и влияние русских.

Возникновение РАК. Много усилий для возникновения компании приложил Г. Шелихов – купец, который в 1784 г. основал первое поселение на о. Кадьяк [7. С. 464]. В 1799 г. из нескольких конкурирующих между собой купеческих компаний была образована РАК, получившая от правительства монополию на ведение промысла и торговли, что позволяло установить тотальный социально-экономический контроль в регионе.

Можно выделить причины, послужившие возникновению РАК:

– компания, обладающая монополией, отвечала политической потребности Российской империи в установлении контролируемых процессов, протекающих в регионе, и колонизации;

– необходимость в контролировании эксплуатации жителей региона;

– необходимость в контролировании добычи ресурсов и их распределения;

– политическая потребность в закреплении власти Российской империи в регионе для устранения конкурентов из других государств.

Социальная и этническая дифференциация. Можно дифференцировать две группы туземцев по социальному статусу и социально-экономическому положению: *зависимые* от компании индейцы, эскимосы и алеуты, находящиеся под контролем администрации или военных моряков, живущие в поселениях либо при них; *независимые*, обитавшие в приграничных территориях или отдаленно от них. Зависимые, имеющие самый низкий статус, – каюры [8. С. 77]. Термин «каюры» был введен в обиход русскими, он часто использовался в переписках Шелихова для обозначения работающих на компанию аборигенов. Они являлись самым угнетенным классом, но до начала 1820-х гг. институт каюров был упразднен, а позже подневольные алеуты получили статус служащих и жалованье от 100 до 180 руб. в год [7. С. 464–465, 475]. Но, исходя из записей А. Лазарева, находящиеся в зависимости от компании назывались кагорами (невольными) [5. С. 165].

Инструмент долговых обязательств. Для установления подобных взаимоотношений использовался инструмент долговых обязательств (алеутам выдавались орудия труда, одежда, бисер и т.д.), обязывающий их отработать данные долги на промысле. Это, в свою очередь, повлияло на то, что алеуты перестали употреблять добываемого ими морского зверя и перешли на рыбу и растительную пищу. Несмотря на экономическую зависимость, сами алеуты проявляли интерес к товару пришлого населения, цены на который были завышены. Например, рубашка, привезенная русскими, стоила три шкуры бобра. Помимо этого, завозились железные инструменты, бытовые принадлежности, а также табак [9. С. 73–77].

Пример экономической зависимости алеутов: промысловики-алеуты должны были перед отправкой на промысел приобрести в торговой лавке компании две камлейки стоимостью по 5 руб. (изготавливали и поставляли камлейки и другие товары алеутские женщины), при этом стоимость одного добытого бобра была 10 руб., а за летний охотничий сезон один алеут мог добыть 2–3 бобров. Но расчет с алеутами осуществлялся не действительными деньгами, установленными в Российской империи – рублями, а бартерным обменом либо «марками» – денежным суррогатом [5. С. 163].

Таким образом, зависимые алеуты обеспечивали компании прибыль, более того, это яркий пример установления их зависимости от компании.

А. Лазарев отмечает: «Промышленники, находящиеся ныне на жаловании, а не в паю, не могут уже пользоваться удачею промысла; они должны всякую нужную одежду и обувь брать из лавки в счет жалования, от чего по истечении года долг на них постепенно увеличивается так, что многие, пробыв следующее лето по контракту, принуждены бывают без всякого срока и надежды на уплату остаться в неволе, в которую завлекают их обольстительные рассказы услужливых краснобаев Компании» [Там же. С. 163–164].

Данный период отличается тем, что традиционная социально-экономическая система алеутов кардинально сменялась на новую, нацеленную на максимальную эксплуатацию природных и человеческих ресурсов. В это время возникновение и доминирование нового конкурента – Российско-Американской торговой компании – повлекло за собой изменение традиционных механизмов редистрибуции и реципрокации.

Следует отметить, что с появлением Российско-Американской компании условия распределения и конкуренции внутри алеутского этноса кардинально меняются: добыча ресурсов алеутами принимает характер хищнического забоя морского зверя уже не для собственного потребления или торговли с русскими, а для обеспечения прибыли компании; алеуты получили статус рабочих компании; РАК обладала монополией в регионе на ведение морской охоты. Таким образом, алеуты были вынуждены идти на службу в РАК, чтобы получить право добывать морского зверя, что оказало большое влияние на их социально-экономический уклад.

Согласно записке капитана 2-го ранга В.М. Головнина, прибывшего в РАК с ревизией, чиновники и промышленники установили свой авторитарный режим управления на территории РАК. Отсутствовали суды, а решение о виновности и наказании принима-

лись без судебного собрания, по прихоти управляющих: «...все дела решаются и наказания производятся волею одного человека» [10. С. 118].

Мужчины-алеуты находились под постоянным влиянием промышленников, для которых единственной целью была добыча зверя. Женщины и дети уводились из семей алеутов, их забирали чиновники и промышленники РАК. С уведенными женщинами вступали в половую связь. Православными миссионерами никакого учета населения не производилось из-за РАК, которая всячески препятствовала этому. Во время христианских праздников, которые были нерабочими днями, принявшие православие алеуты обязаны были работать [Там же. С. 116–119]. Стремление обладать алеутскими женщинами можно объяснить еще сакральностью, которой они обладали как хранительницы власти, передавая ее своим мужьям [11. С. 48–49]. В данном случае обладание женщинами наделяло сакральной властью русских служащих РАК.

Служащие РАК в Новоархангельске брали аманатов – детей вождей из живущих в округе колошан, с целью подавления напряженности и предотвращения насильственных конфликтов [5. С. 174].

Возможно, служащие РАК забирали детей и женщин у алеутов с этой же целью, получая возможность контролировать мужское население, чтобы принудить их к лояльности и промыслу в пользу компании.

Таким образом, алеутский этнос, адаптированный к добыче ресурсов в тяжелых климатических условиях, выработавший санкции и нормы поведения, механизмы контроля и распределения ресурсов, механизмы административного функционирования, имеющий суды, жестко карающий всех, кто, находясь внизу социальной иерархии, демонстрировал неподчинение, оказавшись сам на низшей ступени и, столкнувшись с таким же отношением к себе, безоговорочно принял отведенную роль зависимого должника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальный контроль // Академик. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/134797 (дата обращения: 05.03.2017).
2. Корсун С.А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014) / отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб. : МАЭ РАН, 2015. 504 с.
3. Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов. Л. : Наука, 1975. 199 с.
4. Вениаминов И. Замечания об алеутах (из записок об островах Уналашкинского отдела). М. : Либроком, 2011. 336 с.
5. Лазарев А. Плавание вокруг света на шлюпе Ладога в 1822, 1823 и 1824 годах. СПб. : Морская Типография, 1832. 275 с.
6. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М. : Российская политическая энциклопедия, 2003. 632 с.
7. Гринев А.В. Туземцы-каюры в Русской Америке // Проблемы индеанистики. История и семиотика индейских культур в Америке, 2002. С. 464–477.
8. Гринев А.В. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 74–88.
9. Ляпунова Р.Г. Этнокультурные контакты русских с алеутами и тихоокеанскими эскимосами в XVIII–XIX вв. // Проблемы индеанистики. Америка после Колумба. Взаимодействие двух миров. 1992. С. 71–85.
10. Записка капитана 2 ранга Головнина о состоянии алеут в селеньях Российско-Американской компании // Материалы для истории русских заселений по берегам восточного океана. Приложение к Морскому Сборнику. СПб. : Типография морского министерства, 1861. № 1. 126 с.
11. Бочаров В.В. Власть: мужчина и женщина // Политическая антропология традиционных и современных обществ : материалы Междунар. конф. / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Издательский дом ДВФУ, 2012. С. 42–60.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

MECHANISMS OF SOCIAL CONTROL AMONG THE ALEUTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 91–95.
DOI: 10.17223/15617793/422/13

Kirill S. Kartavtsev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: kartavcevks@gmail.com

Keywords: Aleuts; social control; redistribution; reciprocity; territorial behavior.

In this article, the author discusses the mechanisms of social control and regulation of social relations among the Aleuts during the development of Russian America. The author analyzes the resource allocation from the perspective of social anthropology, but also taking into account the results of previous studies of the Soviet ethnographic school. Lyapunova notes private appropriation of extracted resources, but with elements of collective distribution. For example, an Aleut after individual hunting gave a piece of meat of the first animal he killed to every resident of the village. Lyapunova doubts the Aleuts had norms of collective resource distribution, considering that instead of once existing collective distribution it is based on relations by blood. In support of this, she cites an example that after collective hunting an Aleut gave the first beast of the sea he killed to an immediate family member. The author analyzes the mechanisms of social control that reflect a clear system of differentiation and stratification among the Aleuts. The toen (chief) could not obtain any resources from anyone in his group for his own gain. He had no right to sentence a person by himself. The toen could not participate in military campaigns without the consent of other toens and the permission of the toen of the island. But he was able to mobilize his subjects for collective crafts. Ordinary Aleuts did not hold external ceremonies emphasizing his social status before him, but if their toen was offended, it was like a personal personal and obliged them to take revenge. In turn, the toen was obliged to defend and uphold the honor, dignity and rights of his subjects. Also, the toen or the supreme toen had the right to organize a trial of the offender. It should be noted that not only the toen but also the elders and honorable Aleuts had an opportunity to mobilize people for a trial. Representatives of other social strata were probably not allowed to do it. Veniaminov refers to an Aleut who organized a trial as the “primary judge”. Representatives of a single settlement participated in a trial and decided on the guilt or innocence of a fellow tribesman. Death penalty was a sentence for murder, betrayal, tattling, disclosure of secrets. All guilty people irrespective of their social position and status were sentenced. The trial was conducted in the following order: the toen or the “primary judge” raised the question of the guilt or innocence of a fellow tribesman, the jury in the face of the elders and honorable Aleuts decided the fate of the tribesperson by voting. When finding persons guilty, the Aleuts gathered in an open place, and each of

the jurors threw one arrow at the offender. The offender was at a distance. If after the execution the offender remained alive, the toen or the "primary judge" could issue the order to kill or pardon them.

REFERENCES

1. Akademik. (n.d.) Sotsial'nyy kontrol' [Social control]. [Online] Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/134797. (Accessed: 05.03.2017).
2. Korsun, S.A. (2015) *Amerikanistika v Kunstkamere (1714–2014)* [American Studies in the Kunstkamera (1714–2014)]. St. Petersburg: MAE RAS.
3. Lyapunova, R.G. (1975) *Ocherki po etnografii aleutov* [Essays on the ethnography of the Aleuts]. Leningrad: Nauka.
4. Veniaminov, I. (2011) *Zamechaniya ob aleutakh (iz zapisok ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela)* [Remarks on the Aleuts (from notes on the islands of the Unalashka Division)]. Moscow: Librokom.
5. Lazarev, A. (1832) *Plavanie vokrug sveta na shlyupe Ladoga v 1822, 1823 i 1824 godakh* [Floating around the world on the sloop Ladoga in 1822, 1823 and 1824]. St. Petersburg: Morskaya Tipografiya.
6. Gurevich, A.Ya. (ed.) (2003) *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
7. Grinev, A.V. (2002) Tuzemtsy-kayury v Russkoy Amerike [Natives-kayurs in Russian America]. In: Borodatova, A.A. & Tishkov, V.A. (eds) *Problemy indeanistiki. Istoriya i semiotika indeyskikh kul'tur v Amerike* [Problems of Indian studies. History and semiotics of Indian cultures in America]. Moscow: Nauka.
8. Grinev, A.V. (2000) Tuzemtsy Alyaski, russkie promyshlenniki i Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya: sistema ekonomicheskikh otnosheniy [The natives of Alaska, Russian industrialists and the Russian-American company: the system of economic relations]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 74–88.
9. Lyapunova, R.G. (1992) Etnokul'turnye kontakty russkikh s aleutami i tikhookeanskimi eskimosami v XVIII–XIX vv. [Ethnocultural contacts of Russians with the Aleuts and Pacific Eskimos in the 18th–19th centuries]. In: Tishkov, V.A. et al. *Problemy indeanistiki. Amerika posle Kolumba. Vzaimodeystvie dvukh mirov* [Problems of Indian studies. America after Columbus. Interaction of two worlds]. Moscow: Nauka.
10. Golovnin. (1861) Zapiska kapitana 2 ranga Golovnina o sostoyanii aleut v selen'yakh Rossiysko-Amerikanskoy kompanii [A note of Commander Golovnin on the state of the Aleuts in the settlements of the Russian-American Company]. In: *Materialy dlya istorii russkikh zaseleniy po beregam vostochnogo okeana. Prilozhenie k Morskomu Sborniku* [Materials for the history of Russian colonies along the shores of the eastern ocean. Appendix to the Maritime Collection]. Vol. 1.St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva.
11. Bocharov, V.V. (2012) [Power: man and woman]. *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies] Proceedings of the international conference. Vladivostok: FEFU. pp. 42–60. (In Russian).

Received: 28 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 96–104. DOI: 10.17223/15617793/422/14

УДК 94 (571) 070.15

К.А. Конев

РОССИЯ, СЛАВЯНСТВО И АНТАНТА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГНОЗАХ ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОКА РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НОЯБРЬ 1918 – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 33.1687.2017/4.6).

Цель статьи – выявление роли прогностических текстов о судьбе России, стран Антанты и славянских государств, в риторике официальной и проправительственной печати, издававшейся на территории востока России в период существования правительства А.В. Колчака. Рассматриваются особенности содержания моделей будущего, представленных в этих текстах, и определяется круг задач, которые данные модели призваны были решать. Делается вывод о том, что западные союзники и славянство играли важную роль в позитивных и негативных образах будущего, которые в свою очередь формировались с целью легитимации правительства А.В. Колчака и консолидации сибирского общества.

Ключевые слова: прогнозы; будущее; правительство А.В. Колчака; Гражданская война в России; периодическая печать; Антанта; славянство.

В середине 1918 г. в результате выступления чехословацкого корпуса и антибольшевистского подполья советская власть на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока была свергнута. Гражданская война, по словам Н.Е. Какурина, вступила в новый фазис своего развития, характеризующийся возникновением «правильных фронтов» и столкновениями «больших организованных» армий [1. Т. 1. С. 20]. Вместе с тем на востоке России начался длительный и противоречивый процесс конструирования единой антибольшевистской власти. Временное Всероссийское правительство (Директория), созданное в сентябре 1918 г. на Уфимском совещании, стало результатом шаткого компромисса, который не удовлетворял ни кадетов, ни Временное Сибирское правительство [2. С. 53]. В результате в ходе военного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске было создано правительство во главе с адмиралом А.В. Колчаком.

Как и его предшественники, Верховный Правитель нуждался в признании как внешнем, так и со стороны населения Сибири. «Нарастание вооруженного конфликта и усиление идеологического противостояния подталкивало лидеров контрреволюции к выводу о необходимости целенаправленной пропаганды и разъяснительной работы среди населения» [3. С. 113]. Использование наиболее массового средства передачи информации тех лет – периодической печати – позволяло сформировать положительный образ режима и обеспечить тем самым его легитимацию. Государственная и проправительственная печать при этом не просто определяла повестку дня, но и являлась средой, в которой происходили создание и репрезентация различных идеологических конструкций в противовес пропаганде большевиков.

Неотъемлемыми элементами официальной риторики являлись образы «Других» – как врагов, так и союзников, которые играли важную роль не только в формировании представлений о внешнем мире, но и в процессе создания собственной идентичности. Особое место в содержании риторики официальной и проправительственной прессы занимал образ союзников, представленных странами Антанты, а также славянскими народами. Интерес к странам Антанты был вызван надеждами лидеров антибольшевистских сил на получение помощи и признание со стороны союзников, в то время как пристальное внимание к новообразованным славянским государствам отражало стремления к укреплению влияния России в славянском мире, что во многом было связано с задачей восстановления величия страны – одной из ключевых идей в пропаганде белых. Образ «Другого» рассматривается как динамичная информационно-пропагандистская конструкция, складывающаяся на основе текущего восприятия изображаемого объекта, оценок и стереотипов, накопленных предшествующим опытом взаимодействия с ним, а также представлений о его будущем.

В моделях будущего настоящее предстает будучи перестроенным и заново организованным в соответствии с установками, целями и желаниями тех, кто осуществляет прогнозы [4. С. 126]. Таким образом, моделирование являлось важным инструментом формирования образов «Других» и контекста, в который они были помещены. Предполагаемые модели будущего, включавшие в себя образы союзников и врагов, представляют интерес в первую очередь тем, что в них отражались надежды и опасения, ожидания и идеалы их создателей. Анализ политических прогнозов, представлявших собой оценки текущих тенденций и их экстраполяцию, вкупе с ревизией прошлого опыта [Там же. С. 127] позволяет выяснить, какие события и явления среди прочих рассматривались идеологами антибольшевистских сил в качестве судьбоносных для России, ее союзников и врагов. Прогнозы во многом отражали «идеологический багаж» их составителей. Отстаиваемые идеалы воплощались в благоприятных сценариях. Предлагавшиеся на страницах печати пути достижения позитивного будущего выражают представления авторов о наиболее приемлемых и эффективных способах решения проблем, стоявших перед страной.

Предметом рассмотрения данной работы являются внешнеполитические прогнозы, касающиеся прежде всего взаимоотношений России со славянскими государствами и державами Антанты. Основным источником выступили прогностические тексты о России и

ее союзниках, публиковавшиеся в официальных и проправительственных периодических изданиях и содержащиеся в служебной переписке чиновников Омского МИДа. Под прогностическим в данном случае понимается такой текст, «основная прагматическая установка которого темпорально относится, прежде всего, к будущему и включает в себя прогноз как тематическое ядро» [5. С. 207].

Затрагиваемый в данной публикации вопрос находится на пересечении нескольких проблемных полей. Образы времени и представления о прошлом и будущем в настоящее время являются предметом изучения представителей различных гуманитарных дисциплин как в России, так и за рубежом [6, 7]. Особенности формирования представлений о будущем изучаются в рамках междисциплинарных исследований политического дискурса. Так, О.А. Солопова отмечает сразу несколько подходов к изучению моделей будущего и их роли в дискурсах, среди которых следует отметить лингвопрогностику, политическое прогнозирование, футурологию, лингвосинергетику, семантику возможных миров [8].

Процесс формирования образа стран Антанты в общественном сознании населения России в годы революции и мировых войн изучался в работе О.С. Поршневой и А.В. Голубева [9]. Образ союзников в материалах сибирской прессы рассматривался в исследованиях П.Л. Нестеренко [10] и М.М. Стельмака [11].

Цель исследования – выявить роль прогностических текстов о судьбе России, стран Антанты и славянства в риторике официальной и проправительственной печати, издававшейся на территории востока России в период существования правительства А.В. Колчака, рассмотрев особенности содержания моделей будущего, представленных в этих текстах и определив круг задач, которые данные модели призваны были решать.

Установление власти адмирала А.В. Колчака в Омске практически совпало по времени с заключением перемирия на Западном фронте мировой войны. В связи с этим как официальный печатный орган – «Правительственный вестник», так и другие издания публиковали на своих страницах значительное количество материалов, авторы которых рассуждали о том, какую роль в рамках нового миропорядка будет играть Россия.

Центральная идея в содержании риторики антибольшевистских сил выражалась формулой «восстановление великой и единой России». Данная идеологема выступала смысловым каркасом для большинства образов будущего, представленных в заявлениях политических и военных лидеров белого Омска, правительственных декларациях и различных газетных публикациях. В силу тактики «непредрешения», а также политической и социальной неоднородности противников советской власти отстаиваемые ими идеалы «светлого будущего» были весьма размыты. Вместе с тем политические прогнозы в большинстве своем не являлись долгосрочными во многом еще и потому, что события внутри России и за ее пределами сменялись с калейдоскопической быстротой. Все позитивные образы будущего выстраивались по единой схеме, содержащей ряд ключевых событий – победу над большевиками при поддержке союзников, объединение страны, создание центрального правительства и участие российской делегации в Мирной конференции. Таким образом, модели будущей «возрождённой» России, в представлении лидеров и идеологов антибольшевистских сил, предполагали воссоздание сильного, скованного правопорядком государства, занимающего равное место среди великих держав.

Пристально наблюдая за международной конъюнктурой по доходящим до Сибири телеграфным известиям из Европы и США, представители прессы востока России выделяли ряд тенденций в мировой политике, в рамках анализа которых происходили формирование и корректирование образов будущего. Все эти тенденции можно сгруппировать в два ключевых направления.

Первое направление связывалось с установлением *новых принципов взаимоотношений* между государствами. Здесь особое внимание прессы привлекали идеи и ценности, на основе которых победители планировали закладывать фундамент новой системы международных отношений. Основным источником новых идей выступала программа президента США В. Вильсона – знаменитые «14 пунктов», обсуждению которых была посвящена не одна статья.

Демократия как основа будущего. Окончившаяся война сразу была воспринята как грандиозная веха, отделившая одну эпоху от другой, прежний мир от будущего, в котором могут быть воплощены лучшие надежды и прогрессивные стремления человечества. В речи по случаю окончания войны на заседании Союза Возрождения Г.К. Гинс, рассматривая войну как борьбу «культурной демократии» против милитаризма и авторитаризма, отмечал: «Возврата к прошлому нет. Нет прежней Германии и нет прежней России. Перед нами новое будущее» [12. 29 ноября].

Лейтмотивом ряда статей, появившихся в печати в конце 1918 г., стало утверждение о том, что «старый строй жизни народов осужден навсегда» и в основу нового мира будут положены идеи демократии и гуманизма, которые потребуют полного ревизионизма всех политических и социальных взаимоотношений [13. 1 дек.]. В декабре 1918 г. в «Правительственном вестнике» был помещен анализ серии статей из американской газеты «Times» под названием «Основы прочного мира», где были изложены основные принципы будущего мироустройства. Данные принципы включали: искоренение милитаризма как «формы душевного склада народа»; проведение принципа «открытых дверей» в международной торговле; создание новых форм международной гарантии национальной безопасности; так, для решения международных конфликтов должен быть создан Международный Суд [12. 11 дек.].

Признав распространение идей свободы и народоправства одной из ведущих политических тенденций, Омское правительство поспешило заявить о том, что оно также стремится к «охране свободного демократического строя» [Там же. 21 ноября]. В начале января 1919 г. посол в Париже В.А. Маклаков телеграфировал в Омск: «Война здесь кончилась победой демо-

кратий и демократические идеи здесь сильны. Это страшно влияет на отношение к России. Вопросы интервенции, признания правительства, нашего полноправного участия на конгрессе [мирном. – *К.К.*] и даже самые условия мира зависят от того, в какой мере будущая Россия будет внушать доверие и симпатии демократиям-победительницам». Вследствие этого посол считал необходимым наличие торжественных заявлений, «которые показали бы истинное лицо той России, которая будет завтра» [14. Л. 2]. Внешнеполитическая конъюнктура порождала, по словам Н.В. Устрялова, одно из многочисленных противоречий, которыми терзалось Омское правительство: «Внутри все вопияло о диктатуре. Вовне нужно было выглядеть благопристойной демократией» [15. С. 231].

Таким образом, целью официальной риторики было формирование образа Омского правительства как единственной силы, способной, в конечном счете, привести Россию к народоправству, в отличие от большевиков, «совершенно исказивших истинный демократизм» [16. 26 авг.]. На протяжении 1919 г. в официальной и проправительственной печати время от времени появлялись утверждения, смысл которых сводился к тому, что в России, несомненно, будет установлена демократия. «Для здоровой и счастливой жизни народа есть только один путь. Россия должна стать современным, демократическим государством, управляться по законам, выработанным правильно избранными народными представителями, жить современной, культурной жизнью, как живут передовые страны», – указывалось в одной из статей газеты «Голос сибирской армии» [17. 19 июня]. Детальных описаний грядущего политического устройства России, как правило, не следовало, поскольку вопрос об устройстве власти, по словам лидеров антибольшевистских сил, должно было решать Учредительное / Национальное Собрание.

Как отмечают А.В. Голубев и О.С. Поршнева, «образы “Чужих” были проекцией национальных, политических, религиозных и иных идеалов, а также идеалов и ценностей отдельных слоёв общества» [9. С. 12]. Союзные демократии в данном контексте играли роль эталона, на который следовало ориентироваться при строительстве российской политической системы в будущем. Стремясь сплотить общество и мобилизовать его на борьбу, белые использовали положительный образ союзников в качестве воодушевляющего примера. «Мы многому еще должны поучиться у Запада и в первую очередь его действенному патриотизму, его изумительному и величественному равенству – всеобщему равенству в повинности кровью, когда того требует Родина», – отмечалось в новониколаевской «Нашей газете» [18. 25 окт.]. Кроме того, на страницах кадетской печати союзники, как носители «истинного демократизма», активно противопоставлялись представителям «революционной демократии» – эсерам и меньшевикам.

Мир для всего мира? Выдвигавшиеся лидерами союзных держав, в частности В. Вильсоном, идеи всеобщего мира и предотвращения войн, выражавшиеся в концепции Лиги Наций, были восприняты печатью антибольшевистских сил в качестве еще одного столпа строящегося миропорядка. При этом проект президента США воспринимался двояко. С одной стороны, считая необходимым возвращение России в сообщество «великих держав», белые приветствовали Лигу наций, в составе которой будет присутствовать и возрожденная Россия. С другой стороны, будущая лига народов нередко характеризовалась в прессе как «утопия – плод ученых фантазеров» [19. 14 янв.], а ее вдохновитель – как «идеалист» [20. 14 янв.].

Отсутствие России на Мирной конференции вкупе с ростом убеждённости в том, что новый миропорядок строится с помощью старых методов блоковой политики приводили к постепенному разочарованию в идее Лиги наций. Кроме того, сообщения о революционных событиях в Германии и Венгрии, военные неудачи антибольшевистских сил на восточном фронте весной–летом 1919 г., а также отсутствие, вследствие этого, официального признания Омского правительства со стороны Антанты способствовали внесению мрачных красок в позитивные прогнозы и усилению мотива неопределённости будущего Европы и мира в целом.

Даже подписание мирного договора в Версале между союзниками и Германией в середине 1919 г. не ставило, по мнению антибольшевистской прессы, окончательную точку в вопросе завершения войны и ликвидации ее последствий. «В потрясенной пятилетней войной Европе продолжает еще гореть и дымить костер российского большевизма, заливающего кровью громадные пространства Старого Света, – писала газета “Русь” со ссылкой на “Отечественные ведомости”. – Догорая в России, он закидывает искры далеко вокруг, ставя едва достигнутые союзнические успехи перед новой темной опасностью» [21. 10 июля]. Сообщая о ряде конфликтов на пространстве от Балкан до Прибалтики и нарастании противоречий между великими державами, редакция газеты «Военные ведомости» подводила неутешительный итог: «идеал мира всего мира отодвигается в далекое будущее» [16. 22 июля].

Отношение к Лиге наций, таким образом, наглядно иллюстрирует восприятие всей системы международных отношений, выстраиваемой победителями. Отсутствие России, наряду с побежденными странами, среди государств – членов Лиги воспринималось как унижение и служило основанием для сомнений в долговечности нового миропорядка.

Интернационализм или «идея национальности»? Также вниманию подвергался вопрос об интернационализме и национализме и их влиянии на взаимоотношения народов в будущем. Отрицая идеи интернационализма, провозглашенные большевиками, белые противопоставляли им тезис о необходимости «здорового патриотизма». Как отмечалось в одной из статей, «война и, особенно, революция показали, что идея национальности не миф, не химера, а крепкий остов всякого государственного тела» [12. 15 дек.]. В качестве доказательств на страницах официальной и либеральной прессы приводились рассуждения о том, что именно патриотизм позволил союзным нациям сохранить боевой дух и выиграть войну, в то же время верность национальной идее дала воз-

можность славянским народам сохранить свою самобытность, несмотря на германскую культурную экспансию. Таким образом, в будущем, по мнению белых, «единственно верным путем к всечеловеческому единению» станет постепенное национально-культурное развитие народов [12. 1 дек.].

Самоопределение народов как практическая реализация «идеи национальности» воспринималось при этом весьма двойственно. Если создание славянских государств в Восточной Европе приветствовалось, то самоопределение окраин бывшей Российской империи воспринималось в штыки и трактовалось не иначе как «расчленение». Так, директор Российского телеграфного агентства (РТА) С. Сверженский [22. С. 116], ссылаясь на данные владивостокской газеты «Эхо», указывал на то, что в случае самоопределения окраин Россия потеряла бы значительную часть стратегически важных территорий, большой процент населения, богатые месторождения полезных ископаемых и незамерзающие порты на Черном море и на Балтике. «Язык цифр достаточно убедителен, чтобы заставить нас признать, что это самоопределение есть крах России как великой державы», – гласил неутешительный вывод автора [23. 11 апр.].

Таким образом, следует отметить, что авторы официальной и проправительственной партийной печати весьма утилитарно подходили к выдвинутым союзными лидерами идеям. Все три примера наглядно демонстрируют, что белые рассматривали идеи демократии, всеобщего мира и самоопределения наций через призму государственных интересов («государственных» в понимании лидеров и идеологов антибольшевистского движения). Противоречие данных идей интересам «великой и единой России», скорое возрождение которой не подвергалось сомнению, приводило к несогласию и критике как самих новых концепций, так и предлагавших их союзников.

Второе направление касалось *перераспределения сил* на мировой политической арене, произошедшего по итогам беспрецедентной по своему масштабу войны. Во многом эти изменения рассматривались как своего рода практические результаты реализации идей, провозглашенных союзниками.

Германия и большевики – угроза сохраняется? Сообщения о поражении Центральных держав провоцировали в сибирской прессе рассуждения о том, что в ближайшем будущем ни Германия, ни ее союзники не смогут играть сколько-нибудь важной роли в международных отношениях. «Грядущий мир несет Германии довольно тяжелые испытания, ибо союзная коалиция, в общей сложности, оказалась сильнее и использует все выгоды своего положения продиктуя мир, который может навсегда положить предел мечтания тевтонской расы о гегемонии», – отмечалось в «Правительственном вестнике» [12. 20 нояб.].

В ходе анализа текущих событий рассматривались также и возможные способы достижения основных целей антибольшевистского движения. В рамках нового расклада сил, установившегося после разгрома Центральных держав, единственным препятствием на пути России к единству и возвращению статуса великой державы виделся большевизм. Поскольку большевики считались союзниками и агентами Германии, активные действия стран Антанты против советского правительства казались белым вполне обоснованными и логичными. Трактовка окончившейся мировой войны как противоборства демократии и авторитаризма переносилась и на Гражданскую войну в России. Трансформация большевиков из «союзников и агентов» немцев в угрозу цивилизации и демократии превращала тем самым внутрироссийскую борьбу в эпицентр мирового противостояния между силами «добра» (союзники и белые) и «зла» (большевики, Германия). Официальные заявления союзников, выдержанные в благожелательном тоне по отношению к Омску, относительные успехи армий А.В. Колчака на восточном фронте на рубеже 1918–1919 гг. вкупе с рассуждениями о скором созыве мирной конференции заставляли некоторых строить весьма позитивные (для антибольшевистских сил) прогнозы относительно исхода этой борьбы.

Накануне нового 1919 г. на страницах некоторых изданий высказывалось мнение, что Антанте выгоднее как можно скорее разгромить большевиков для того, чтобы заняться европейскими делами. «Отечественные ведомости» в связи с этим писали: «Помощь союзников, снабжающих наши фронты всеми средствами войны, до знаменитых танков включительно, не замедлит сказаться самым решительным образом. Нам и нашим союзникам невыгодно затягивать зимнюю кампанию. Мировая обстановка, диктует решительные и быстрые действия, а мирный конгресс, на котором будет представлена и Россия, вынуждает ликвидировать российскую неурядицу в течение ближайших месяцев или даже недель» [24. 27 дек.].

Поздравляя читателей с наступившим новым годом, редакция «Голоса сибирского казачьего войска» журнала «Иртыш» выражала уверенность, что «1919 г. будет последним годом борьбы, как внутренней, так и внешней». «Мы убеждены также, – отмечалось в издании, – что этот год будет годом возрождения России и поэтому, приветствуя наших читателей с Новым годом, мы говорим также “и с новым счастьем”, ибо все прошлое останется позади, жизнь вступает в новую колею, которая приведет нас и весь народ наш к желанному миру, свободе, порядку и лучшей жизни, чем той, которой мы жили до сих пор» [25. № 2. 17 янв.].

Такой оптимизм не только отражает стремление убедить сибирскую общественность в том, что правительство А.В. Колчака, поддерживаемое великими державами, близко к победе. Подобные рассуждения можно рассматривать как способ донести до союзников мысль о том, что помощь России выгодна им самим и тем самым подтолкнуть их к более активным действиям. Победа над большевиками, которую должны были одержать союзники и белые, представлялась как завершающий акт мировой войны, после которой начнется строительство нового будущего.

Под влиянием внутренних неудач антибольшевистского движения и разочарований в союзной политике радужные прогнозы рубежа 1918/19 поблекли и к концу 1919 г. уступили место тревожным ожиданиям новых кризисов и войн, виновниками которых

способны стать большевики и жаждущие реванша немцы. Менее года потребовалось, чтобы суждения о полном поражении Центральных держав уступили мнению о том, что Германия, «спаянная еще сильнее, чем ранее, единою мыслью о восстановлении Великой Германии, сильная национальным духом и богатая знаниями и техническими силами, несомненно, станет одним из важных факторов политической жизни, с которым будут считаться на мировой бирже» [25. № 39. 9 окт.].

Появление в печати сведений о нарушении Германией ограничений, наложенных Версальским договором, приводило к появлению и вовсе пророческих высказываний. Автор одной из статей томской «Нашей газеты» сумел разглядеть в освещаемых им событиях одну из предпосылок будущей катастрофы. По его мнению, самым сильным орудием Германии против ее победителей являлась ненависть, которую немцы «тщательно выращивали в их сердцах». «И может, когда-нибудь вся эта ненависть не сможет дальше сдерживать себя и обрушится на победителей, – писал автор. – Что произойдет тогда, предсказать трудно, но можно быть уверенным, что мы вступим тогда в полосу таких событий, перед которыми переживаемое теперь покажется прекрасным прошлым» [26. 3 дек.].

Новые лидеры из Нового Света. Не менее важными считались перемены за пределами Европы. Пресса востока России неоднократно писала о существенном укреплении позиций США и Японии по итогам войны. «Выступив последнею, Америка без особого труда заняла доминирующее положение, каковое она, конечно, надолго будет сохранять; ее голос в европейском концерте звучит особенно мощно», – полагала редакция кадетской газеты «Свободный край». По мнению иркутских кадетов, целью руководства США являлось закрепление лидерства страны во всех ключевых сферах: «…стремясь сохранить за собой политическое господство просвещенный и гуманный глава Заатлантической республики, президент Вильсон в не меньшей степени поглощен заботами об упрочении первенства и в сфере экономической жизни» [19. 2 февр.]. Газетные сообщения, посвященные активной внешнеполитической деятельности президента В. Вильсона, информация о возросшем, особенно на фоне ослабленной войной Европы, экономическом и военном потенциале США подталкивали к выводу о том, что в новых условиях «центр мирового развития и силы переместился из Англии в Америку» [17. 29 апр.].

Не могла пресса (особенно забайкальская и дальневосточная) обойти вниманием и Японию, стремившуюся укрепить свое влияние на Дальнем Востоке. В рамках данного контекста обсуждалась также проблема экономического и возможного военного противостояния США и Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В одной из статей, посвященных вопросам политики обеих стран, в частности проблеме вооружений, читинская кадетская газета «Забайкальская новь» говорила о Японии как единственной великой державе, где «военные имеют преобладающее значение, управляют иностранной национальной политикой». Отмечалось, что сохранение такого положения могло бы стать угрозой для перспектив всеобщего разоружения и демократии. Примечательно, что автор публикации указывал на возможную ответственность Японии за новую войну, говоря: «Недопустимо, чтобы предрассудки и честолюбие военной касты Японии повели вниз весь мир» [27. 26 дек.].

Анализируя перемены в Тихоокеанском регионе, политические деятели и журналисты Востока России пытались обозначить перспективы и ключевые задачи России на Дальневосточном направлении. Характеристика тех или иных политических шагов США и Японии и их экономического состояния порой сопровождалась обоснованиями выгод от сотрудничества с этими странами. Нередко в данном случае затрагивался вопрос выбора будущего союзника.

Среди социалистической и «государственно-мыслящей» печати господствовала ориентация на западных союзников. При этом США в силу географической близости и огромного экономического потенциала рассматривались как наиболее перспективный экономический партнёр для восточной части России. Данная точка зрения была распространена не только в печати, но и в политическом руководстве белых. В качестве наглядной иллюстрации подобных представлений следует привести мнение советника 2-го политического отдела омского МИДа В.И. Язвицкого, согласно которому выдвижение США на роль мирового лидера могло быть использовано Россией. В докладной записке, посвященной анализу выступлений президента В. Вильсона, чиновник отмечал, что в ближайшем будущем Россия может представлять интерес для США как огромный рынок сбыта и поле деятельности для американского капитала. Между тем назревание противоречий между Японией и США, а также между США и Британией и тот факт, что Америка «не заинтересована в России территориально», в будущем могли бы стать факторами, способствующими установлению прочного союза между США и Россией. В то же время В.И. Язвицкий считал маловероятным конфликт между Америкой и Англией, справедливо полагая, что британцы предпочтут «разделить владычество над миром путем слияния с частью своей же нации, чем рисковать в игре случайных комбинаций и временных интересов чуждых государств» [28. Л. 6].

Постепенное разочарование в Западных союзниках, в частности США, вместе с тем усиливало симпатии к Японии, от которой ожидали активного участия в борьбе против большевиков. Как отмечал один из идеологов Омского правительства Н.В. Устрялов, «японцами бредили более правые элементы» [29. С. 232]. Так, читинская пресса правоконсервативного направления, находившаяся под контролем атамана Г. Семенова, активно стремилась склонить симпатии населения Забайкалья в сторону Страны восходящего солнца. По мнению редактора газеты «Восточный курьер», политическим «грядущим» России должен был стать союз с Японией, который «диктуется и территориальной близостью, и помощью Японии в нашей беде, и народными симпатиями, и общностью интересов на Дальнем Востоке» [30. 13 авг.].

Возрождение славянства и роль России. В еще одном своем докладе, подготовленном предположительно в январе 1919 г., упомянутый выше В.И. Язвицкий отмечал, что перемещение центра политической борьбы на Дальний Восток «создало очень благоприятные условия для славянства». Далее, указывая на важность переживаемого исторического момента для укрепления позиций России в славянском мире, В.И. Язвицкий считал необходимым добиться следующего: обеспечить владение Россией Мраморным морем с проливами; воссоединить Прикарпатскую Русь с Россией; установить тесные связи с Югославией; признать независимость «Чехо-Словачины» и установить с ней непосредственное соприкосновение через территорию Галиции, а также установить ее территориальную связь с Югославией; признать самостоятельность Польши в ее этнографических границах, обеспечив ей выход к морю через Данцигский коридор, и заключить с ней союз; наконец, обеспечить культурное объединение между всеми славянскими народами и «всемерное способствование к соединению общеславянского Союза» [31. Л. 3].

Для выполнения столь амбициозной программы советник 2-го политического отдела МИД считал необходимым прежде всего установить тесные культурные и экономические отношения между славянскими народами [Там же. Л. 11]. Для этого в ряде сибирских городов были открыты отделения Союза Славянского, задачей которого было объединение представителей славянства «на почве культурно-экономического сближения» [Там же. Л. 12].

Необходимо отметить, что тема славянского единства поддерживалась в официальной и партийной печати на протяжении всего периода существования правительства А.В. Колчака. «Ликвидация германского империализма», закрепившая доминирующую роль стран Антанты и США, вместе с тем напрямую увязывалась антибольшевистскими силами с возможностью создания и дальнейшего развития славянских государств на территории распавшейся Австро-Венгрии и на Балканах. «Совершающийся на наших глазах мировой переворот имеет, бесспорно, громадное значение именно для славянских народов. Рождаются свободные славянские государства, совершается сказочное чудо, освобождаются и объединяются в самостоятельные политические единицы поляки, чехословаки, югославяне… Мы идем навстречу процветанию славянских национальных культур, бывших до сих пор в опале, под давлением немецкого национального гения», – полагал автор одной из статей в «Правительственном вестнике», скрывшийся под псевдонимом Б.И. [12. 1 дек.].

В условиях перераспределения центров силы одной из главных задач России являлось, по мнению белых, объединение славянства. Выполнение данной «исторической миссии» связывалось с обеспечением мира и стабильности во всей Европе. Автор постоянной рубрики «Политические заметки» газеты «Правительственный вестник» В. Кудрявцев, ссылаясь на слова проф. Т. Массарика, утверждал, что «все новые государственные образования, которые возникнут как результат войны, могут быть только тогда спокойными за свое будущее, если у них за спиною будет стоять Россия». Полагая, что Германия и Россия останутся антиподами и в будущем, В. Кудрявцев отмечал, что в интересах славянства, чтобы Россия играла роль «тыла», для «славянского авангарда», который в виде «длинной гирлянды государственных образований ляжет между Германий и Россией». Подытоживая свои рассуждения, автор обращался к ставшей повсеместной в антибольшевистской печати формуле – «сильная и единодержавная Россия – страховой полис и Европы, да и вообще старого и нового Света» [Там же. 15 дек.].

По мере того как ожидания наступления всеобщего мира улетучивались, у журналистов и политических деятелей Белого Востока появлялось все больше оснований рассматривать будущий славянский союз под эгидой России в качестве серьезного противовеса Германии, способной вновь развязать войну. Так, называя Германию «ящиком Пандоры», из которого происходили все конфликты между славянами, редакция газеты «Военные ведомости» убеждала своих читателей, что «только Россия в будущем может охранять малые славянские народности от политических и экономических ударов германизма и от пагубных взаимных раздоров» [16. 5 авг.]. Дополнительным мотивом к объединению выступала отмеченная авторами некоторых публикаций тенденция – «создание племенных коалиций» для противостояния будущим угрозам [32. 20 окт.]. «…В то время, как австрийские немцы стремятся к соединению с Германией; в то время как все английские колонии желают теснее соединиться с Англией, – все славянские народы не должны забывать, что только в тесной и братской дружбе с Великой Россией они сохранят свою свободу и независимость», – писала томская «Наша газета» [26. 13 нояб.].

Таким образом, изначальный благоприятный сценарий будущего, который выстраивался в ходе попыток анализа нового расклада сил на мировой политической арене, оказался в итоге далек от реальности. Вопреки ожиданиям журналистов Белого Востока союзники по ряду причин не спешили играть роль «благородных спасителей», помогающих всем «государственно-мыслящим» элементам в деле избавления России от большевизма, который рассматривался как угроза для устанавливающегося в Версале миропорядка. В условиях, когда даже ближайшее будущее представлялось туманным, а надежды на активную помощь союзников таяли, пропагандисты антибольшевистских сил актуализировали то немногое, что еще оставалось в их идеологическом арсенале: прежде всего призывы опираться в борьбе с Советской властью на собственные силы, а также идею всеславянского единения. При этом, если мировая война трактовалась как противостояние пангерманизму и идее объединения славянства, то Гражданская война – как «видоизменное продолжение борьбы за славянство, перенесенное на русскую территорию». Как отмечалось в омской газете «Сибирский казак», «будущее не только России, но и всего славянского мира находится в тесной зависимости от исхода борьбы за освобождение России от власти большевиков» [33. 4 окт.].

Какие же задачи в области информационно-пропагандистской деятельности позволяло решать моделирование будущего?

Во-первых, это легитимация власти правительства А.В. Колчака и создание его положительного образа. Прогнозы, в которых фигурировала возрожденная «Великая Россия», по умолчанию предполагали победу белых и реализацию их программы. Следовательно, не подвергалась сомнению законность власти Верховного Правителя и правильность его текущей внутренней и внешней политики.

Во-вторых, в рамках моделирования происходила оценка политических акторов, явлений и событий, что позволяло, в конечном счете, выработать определённую систему ценностей и попытаться навязать ее читателю. Лежащие в основе данной системы культурные и духовные ориентиры, наряду с политическими и экономическими основаниями, выступали в качестве подтверждений необходимости единства России и Запада. Так, славянство во главе с Россией представлялось как сила, которой еще предстоит внести свой вклад в развитие человечества. Страны Антанты и США являли собой олицетворение идей демократии и гуманизма, которые, как казалось, будут положены в основание нового миропорядка. Следовательно, признание правительства А.В. Колчака и допуск делегации России на мирную конференцию превращался в акт принятия России в сообщество культурных, демократических государств, признание ее заслуг во время мировой войны.

Наконец, прогнозирование являлось способом консолидации и мотивации общества. Рассуждения о будущем крепком союзе России и славянских стран отражают активные попытки омских идеологов выстроить наднациональную идентичность, основанную на идеях панславизма. Причем если поначалу славянство противопоставлялось «германо-большевикам», то с ростом недовольства западными союзниками, в связи с непризнанием правительства А.В. Колчака, Россия как лидер славянского мира стала рассматриваться в качестве некоей альтернативы Западному миру.

Следует признать, что образы будущего, касавшиеся внешней политики, будучи достаточно схематичными, в то же время не являлись привлекательными для масс и, в отличие от идеологических конструкций большевиков, не включали в себя близких и понятных населению идей. В содержании позитивных моделей будущего Россия выступала как современное, сильное государство, лидер славянской общности, неотъемлемая часть европейской цивилизации и один из гарантов ее безопасности. Однако все эти идеи были слабо связаны с насущными и актуальными проблемами, такими как вопросы о земле, о мире, устройстве власти. В результате, несмотря на то что журналисты и идеологи антибольшевистского движения смогли дать ряд весьма точных прогнозов, им, в конечном счете, не удалось создать яркой картины будущего, способной консолидировать общество и привлечь на свою сторону большую часть населения. Представляется, что это и послужило одной из основных причин поражения антибольшевистских сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1: 1917–1918 гг. М., 1990. 272 с.
2. Шиловский М.В. К вопросу о создании Временного Всероссийского правительства (Директории) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX в. : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 47–55.
3. Шевелев Д.Н. Деятельность осведомительных и культурно-просветительских органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 113–117.
4. Солопова О.А. Значимый «Другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века) // Политическая лингвистика. 2016. Т. 1 (55). С. 126–135.
5. Князева А.А. Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 114. С. 207–212.
6. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М. : Кругъ, 2010. 960 с.
7. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М. : Кругъ, 2008. 800 с.
8. Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–81) и XXI в. (2000–2014) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 38 с.
9. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2012. 392 с.
10. Нестеренко П.Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2000. 171 с.
11. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
12. Правительственный вестник. Омск, 1918.
13. Сибирская речь. Омск, 1918.
14. Государственный Архив Российской Федерации. (далее – ГАРФ). Ф. Р200. Оп. 1. Д. 115.
15. Устрялов Н.В. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое : альманах. СПб., 1993. № 4. С. 194–287.
16. Военные ведомости. Новониколаевск, 1919.
17. Голос Сибирской армии. Екатеринбург, 1919.
18. Наша газета. Новониколаевск, 1919.
19. Свободный край. Иркутск, 1919.
20. Забайкальская новь. Чита, 1919.
21. Русь. Омск, 1919.
22. Шевелев Д.Н. Сибирское-Российское-Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 112–119.
23. Правительственный вестник. Омск, 1919.
24. Русская речь. Новониколаевск, 1918.
25. Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Омск, 1919.
26. Наша газета. Томск, 1919.

27. Забайкальская новь. Чита, 1918.
28. ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 344.
29. Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое : альманах. СПб., 1991. № 2. С. 283–340.
30. Восточный курьер. Чита, 1919.
31. ГАРФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 361.
32. Наш путь. Омск, 1919.
33. Сибирский казак. Омск, 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2017 г.

RUSSIA, SLAVDOM AND THE ENTENTE IN THE FOREIGN POLICY FORECASTS OF THE OFFICIAL AND PRO-GOVERNMENT PRESS OF THE EAST OF RUSSIA DURING THE CIVIL WAR (NOVEMBER 1918 – DECEMBER 1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 96–104.
DOI: 10.17223/15617793/422/14
Kirill A. Konev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru
Keywords: forecasts; future; government of A.V. Kolchak; Civil War in Russia; periodical press; Entente; Slavdom.

The image of the Allies represented by the Entente countries and Slavic peoples took a special place in the content of the official rhetoric of the government of A.V. Kolchak. One of the ways of formation of this image was forecasting of the future. Models of the future are of interest primarily because they reflected the hopes and fears, expectations and ideals of their creators. The subjects of this work are predictions in the field of foreign policy concerning, above all, relations of Russia with the Slavic states and the Entente powers. The interest towards the Entente countries was caused by the hopes of the leaders of anti-Bolshevik forces to receive assistance and admission from the Allies. Close attention to the newly formed Slavic states reflected the aspiration to the strengthening of Russian influence in the Slavic world that largely was due to the task of restoring the country's grandeur – one of the key ideas in the propaganda of the Whites. The aim of the study is to identify the role of prognostic texts about the fate of Russia, the Entente countries and the Slavic States in the official discourse of the government of A.V. Kolchak by considering the features of the content of the models of future presented in these texts and by defining the sphere of duties that these models were designed to solve. The main sources were the official and pro-government periodical press, as well as archival documents of the Foreign Ministry of the Omsk Government. Then, what kind of challenges in the field of advocacy activities did forecasting make it possible to perform? First of all, it is the legitimation of the authority of the government of A.V. Kolchak and the creation of its positive image. Forecasts, in which Russia was positioned as a "Unified, Great and Undivided", as the leader of the future Commonwealth of Slavic States, by default assumed the White domination and implementation of their program. Therefore, there was no doubt in the legitimacy of the authorities of the Supreme Ruler and the correctness of his current domestic and foreign policy. In the second place, modeling assessed phenomena and events, which ultimately allowed to develop a certain system of values and try to impose it on the reader. The last thing, forecasting was the way of consolidation of the society. Reasoning about the future strong Union of Russia and the Slavic countries reflects active attempts of Omsk ideologues to build a supranational identity, based on the ideas of pan-Slavism. Moreover, if initially the Slavs were opposed to the "German-Bolsheviks", with the rising discontent with Western Allies, because of their non-recognition of the government of A.V. Kolchak, Russia as the leader of the Slavic world came to be regarded as some kind of an alternative to the Western world. Thus, forecasting the future formed images of enemies and friends, against which it was also possible to build one's own perfect image.

REFERENCES

1. Kakurin, N.E. (1990) *Kak srazhalas' revolyutsiya* [How the Revolution fought]. Vol. 1: 1917–1918. Moscow: Politizat.
2. Shilovskiy, M.V. (2000) K voprosu o sozdanii Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva (Direktorii) [On the establishment of the Provisional All-Russian Government (Directory)]. In: *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri XX v.* [The socio-political life of Siberia in the twentieth century]. Vol. 4. Novosibirsk.
3. Shevelev, D.N. (2010) The activities of the Informative and cultural and educational establishments of the Russian government of Admiral A.V. Kolchak on uniting and coordinating of anti-bolshevist propaganda (spring – autumn 1919): inventing the Russian press bureau and Osvedve. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 340. pp. 113-117. (In Russian).
4. Solopova, O.A. (2016) "The different" that matters: Russia and America (linguistic political analysis based on the material of American political discourse of the XIXth century). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1(55). pp. 126–135. (In Russian).
5. Knyazeva, A.A. (2009) Teksty o predskazanii budushchego kak vid prognosticheskikh tekstov [Texts about predicting future as a type of prognostic texts]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 114. pp. 207–212.
6. Repina, L.P. (ed.) (2010) *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [Images of time and historical representations: Russia – East – West]. Moscow: Krug".
7. Repina, L.P. (ed.) (2008) *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues with time: the memory of the past in the context of history]. Moscow: Krug".
8. Solopova, O.A. (2016) *Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noe issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SShA i Velikobritanii XIX v. (1855–81) i XXI v. (2000–2014)* [Linguistic-political prognostics: a comparative study of models of the future of Russia in the political discourses of Russia, the United States and Britain 19th century (1855–81) and the 21st century (2000–2014)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
9. Golubev, A.V. & Porshneva, O.S. (2012) *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novyy khronograf.
10. Nesterenko, P.L. (2000) *Sibirskaya periodicheskaya pechat' o vzaimootnosheniyakh pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka s soyuznikami: istochnikovedcheskiy aspekt* [Siberian periodical press about the relations of the government of Admiral A.V. Kolchak with the Allies: a source-study aspect]. History Cand. Diss. Tomsk.
11. Stel'mak, M.M. (2016) *Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 gg.)* [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
12. *Pravitel'stvennyy vestnik.* (1918).

13. *Sibirskaya rech'*. (1918).
14. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R200. List 1. File 115. (In Russian).
15. Ustryalov, N.V. (1993) 1919-y god. Iz proshlogo [1919. From the past]. *Russkoe proshloe: al'manakh*. 4. pp. 194–287.
16. *Voennye vedomosti*. (1919).
17. *Golos Sibirskoy armii*. (1919).
18. *Nasha gazeta*. (1919).
19. *Svobodnyy kray*. (1919).
20. *Zabaykal'skaya nov'*. (1919).
21. *Rus'*. (1919).
22. Shevelev, D.N. (2011) Siberian-Russia-Russian telegraph agency and its role in supplying information for the Antibolshevik governments of Siberia in the days of The Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 112–119. (In Russian).
23. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919).
24. *Russkaya rech'*. (1918).
25. *Irtysh. Golos Sibirskogo kazach'ego voyska*. (1919).
26. *Nasha gazeta*. (1919).
27. *Zabaykal'skaya nov'*. (1918).
28. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R200. List 1. File 344. (In Russian).
29. Ustryalov, N.V. (1991) Belyy Omsk. Dnevnik kolchakovtsa [White Omsk. Diary of a Kolchak follower]. *Russkoe proshloe: al'manakh*. 2. pp. 283–340.
30. *Vostochnyy kur'er*. (1919).
31. State Archive of the Russian Federation (GA RF) Fund R200. List 1. File 361. (In Russian).
32. *Nash put'*. (1919).
33. *Sibirskiy kazak*. (1919).

Received: 6 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 105–112. DOI: 10.17223/15617793/422/15

УДК 94(37) 09

Д.С. Коньков

АПОЛЛОНИЙ И АПОЛЛИНАРИЙ: «ЖИЗНЬ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО» В ПОЛЕМИКЕ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА III–V вв.

Рассматривается динамика образа эллинистического философа Аполлония Тианского в текстах III–V вв. В рамках полемики между сторонниками язычества и христианства фигура Аполлония была использована как контроверза Христу благодаря приписываемым ему способностям к чудотворству. Однако, вопреки историографической концепции конфликта идеологий в поздней Античности, это был единичный случай. В последующем Аполлоний рассматривался как нейтральная или позитивная фигура, что свидетельствует о гибкости идеологических представлений в этот период.

Ключевые слова: Аполлоний Тианский; Сидоний Аполлинарий; поздняя античность; конфликт язычества и христианства; эллинистическая философия.

Около 477 г. галльский аристократ Сидоний Аполлинарий написал письмо своему другу Льву Нарбоннскому. В нем упоминается о переписывании по просьбе адресата текста под названием «Жизнь Аполлония Тианского» (Ep. VIII, 3, 1) [1. P. 127]. Данное письмо Сидония – единственное свидетельство о судьбе этого текста в Западной Римской империи V в. Между тем отношение к роману и к выведенной в нем фигуре Аполлония Тианского прямо связано с восприятием христианства и язычества в позднеримской античности из-за проводившихся в то время аналогий образов Аполлония и Христа. Природа взаимодействия сторонников и противников христианизации империи в IV–V вв. в настоящее время остается предметом дискуссии. Представляется, что анализ использования образа Аполлония Тианского в источниках может внести необходимую ясность в эту дискуссию. Соответственно, цель данной статьи – выявление динамики позднеантичного дискурса по поводу фигуры Аполлония Тианского. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть существующую историографическую ситуацию относительно проблемы взаимодействия христианства и язычества в поздней Римской империи; природу и интенции текста, повествующего об Аполлонии Тианском – «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата; референции на этот текст в источниках III–V вв.

Концепция конфликта между христианством и язычеством в IV в. имеет скорее историографическую, нежели историческую основу. Основополагающим исследованием в рамках этой концепции является сборник лекций «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century», вышедший в 1963 г. под редакцией А. Момильяно. Среди авторов этого сборника наиболее ярко идею конфликта выразил Г. Блох, представив IV в. как время кульминационного столкновения двух идеологий, обозначившего конец античного мира [2. P. 193]. Как указывает П. Браун (и упоминает сам Г. Блох), эта идея родилась скорее из актуального для 1950-х гг. опыта холодной войны, нежели из свидетельств исторических источников [3. P. 18]. И если для 1950–1960-х гг. подобный подход выглядел релевантным, то в 2000-х гг. идеологическое противостояние уже не столь занимает умы исследователей. О формировании иного восприятия взаимодействия язычества и христианства свидетельствует тематическая научная конференция, прошедшая в 2008 г. в Италии под названием «Язычники и христиане в Римской империи: разрушение диалога (IV–VI вв.)». Ремарка в названии конференции говорит о стремлении избежать терминов, связанных с конфликтом, противостоянием, оппозицией и даже с бинарностью. П. Браун, один из инициаторов конференции (вместе со своей итальянской коллегой Р. Лицци Теста), предлагает обратить внимание не только на апологетов христианства и язычества, но главным образом на saeculum, т.е. в данном случае на светские, мирские интересы римлян, сквозь призму которых религиозные вопросы воспринимались чрезвычайно неоднозначно. В зависимости от пола, возраста, образования, рода деятельности, места жительства, происхождения и особенностей личной биографии могли возникать самые разнообразные комбинации языческого и христианского мировоззрений [3. P. 21–22]. Сам П. Браун, ведущий англоязычный специалист по данной тематике, ученик А. Момильяно, рассматривает практическую сторону взаимодействия язычества и христианства главным образом как трансформацию ритуалов светской власти в городской среде поздней империи [4. P. 39–40].

Развивая мысль П. Брауна и полемизируя со сторонниками идеи конфликта христианства и язычества и так называемого «языческого возрождения» 390-х гг., другой авторитетный американский антиковед Алан Кэмерон издает в 2011 г. фундаментальную работу, последовательно развенчивающую каждое из свидетельств противостояния язычников и христиан [5]. Данное исследование имело широкий резонанс и вызвало полемику, главным образом среди европейских ученых. Несмотря на свой провокационный и местами безапелляционный характер, исследование А. Кэмерона получило достаточное признание, чтобы стать новой точкой отсчета для изучения взаимодействия христианства и язычества. Впрочем, отказываясь от «конфликтной модели», современные авторы не отбрасывают существование напряженности между социальными группами внутри империи. Они лишь предлагают рассматривать ее не как конфликт, а как соревновательный аспект общественной жизни, в равной степени касающийся как отношений между язычниками и христианами, так и язычников и христиан со своими единоверцами [6]. Соответственно, принципиальное значение приобретают особенности каждого конкретного случая столкновения христиан-

ских и языческих взглядов. Это применимо и к казусу Аполлония Тианского.

Для понимания значения «Жизни Аполлония Тианского» следует охарактеризовать особенности этого произведения. Это псевдобиографический роман, написанный греческим софистом Флавием Филостратом (ок. 170 – ок. 245) для филэллинистски настроенной императрицы династии Северов Юлии Домны примерно в 215–240 гг. [7. С. 217–220]. Жанровую принадлежность «Жизни…» невозможно определить в современных дефинициях, поскольку в ней сочетаются элементы мифологии, политической философии, романа путешествий, биографии, апологетики и др. Впрочем, И. Бови склоняется к определению «роман» [8. P. 29].

Под определение античного романа относят «Жизнь…» и отечественные авторы. Действительно, титульный герой – философ-пифагореец, путешественник, маг, чудотворец – переживает множество приключений и опасностей, которые благополучно преодолевает благодаря своей мудрости и иногда – колдовству. Текст явно разделен на завязку сюжета, его развитие, кульминацию и развязку, т.е. на структурные элементы художественного произведения. Из-за этого у исследователей возникает вопрос о соотношении вымысла и реальности в «Жизни Аполлония Тианского». Несомненно, что сам протагонист являлся реальной исторической фигурой, но остается проблемой, насколько соответствует ему литературный образ, созданный Филостратом. Об этом говорит Й. Элснер, отмечая в лице Филострата кульминацию второй софистики с характерными для этого направления смешением жанров, самодостаточными экфасисами и преобладанием риторики над адекватным отображением реальности [9. P. 12–14].

Е.Г. Рабинович полагает, что Филострат основывался на действительно существовавших записках спутника Аполлония Дамида. Однако для придания им художественности он взял за основу композиции известные образцы античной героической биографии. К тому же Филострат украсил свой текст многословными риторическими отступлениями для салонного чтения перед императрицей. В результате получилась комбинация эмпирической и фантастической реальностей, подобная другому известнейшему псевдобиографическому античному роману «Александрия» [7. С. 220–232].

На вопрос об исторической достоверности такого рода романов, по мнению исследователей, невозможно дать однозначный ответ, поскольку в них формируется особая условно-историческая реальность – когда «приблизительно соблюдается последовательность общеизвестных событий, в повествование вводятся более или менее похожие на себя исторические личности, используются исторические анекдоты – и на этом фоне совершает свои подвиги главный герой, соотнесенный или не соотнесенный с исторической личностью, но никогда ей не тождественный» [Там же. С. 235].

Отделить исторические факты от риторических фигур при таких установках затруднительно. А. Кемезис предпочитает не ставить такую задачу вообще, поскольку считает ее непродуктивной для исследования. Он предлагает интерпретировать текст Филострата как в основе вымышленный, особенно в отношении путешествий и взаимодействия с римскими императорами. А. Кемезис рассматривает «Жизнь Аполлония Тианского» как произведение, принадлежащее к популярному в период Антонинов жанру псевдодокументальной фантастики. И авторы, и читатели произведений этого жанра понимали разницу между текстом и действительностью, осознавали принцип литературной мистификации. Однако при этом сам текст оставался носителем авторских идей и интенций, и с этой точки зрения может быть исследован как исторический источник [10. P. 159].

Для понимания заложенных в тексте «Жизни…» идей Филострата полезными являются наблюдения В. Гизелинка и К. Демёна, отмечающих, что в фабуле романе присутствуют два рассказчика: основной – Дамид, и пересказывающий и редактирующий его Филострат. Таким образом, последний открывает для себя возможность стилистической образности, цитат и аллюзий, характерных для второй софистики, при сохранении стержневого референта – простого и безыскусного рассказчика. Этим объясняются риторические отступления, которыми насыщен текст и которые Е.Г. Рабинович считает свидетельством неспособности Филострата справиться с народным языком Дамида или реверансом в сторону салонной культуры Северов. В. Гизелинк и К. Дёмен полагают, что Филострат намеренно использовал прием метавымысла, играя с читателем, заставляя того осознавать свою позицию как читателя, балансировать на грани веры и отрицания, фантазии и фактуальности. Именно в этом исследователи видят высшее литературное мастерство Филострата, кульминацию искусства слова второй софистики, книгу – храм Аполлония, выстроенный в параллель настоящему храму в Тиане [11. P. 98–100, 127].

Насыщенность «Жизни Аполлония Тианского» специфическими греческими и эллинистическими идеями, референциями и приемами заставляет исследователей считать ее манифестом греческой идентичности в римском мире, заявлением о пайдейе в позднеантичном понимании, т.е. о культурном, философском, образовательном превосходстве греков над римлянами [12]. Но А. Кемезис предлагает не столь однозначное и, вероятно, более глубокое толкование позиции Филострата как автора. Филострат понимает разницу между Аполлонием-персонажем и Аполлонием-исторической фигурой. Он осознает условность греческой пайдейи и тех отношений, которые выстраиваются в романе между эллинистическим и романским мирами, между философом и правителем, и не пытается навязывать их читателю. Ирония является неотъемлемой частью его нарратива. Филострат не желает убеждать и проповедовать, он хочет, чтобы читатель задумался над соотношением вымышленного мира Аполлония и окружающей имперской реальности, задал себе вопросы о месте греков в настоящем и о роли их прошлого [10. P. 156]. Суммируя современные интерпретации идей автора «Жизни Аполлония Тианского», можно сказать, что Филострат выразил в этом произведении свои взгляды на актуальную

греческую философию и на ее место в римском государстве. Соответственно, наибольший отклик «Жизнь Аполлония Тианского» могла вызвать в эллинистической или филэллинистической среде. С полемикой же вокруг христианства она изначально не связывалась хотя бы в силу очевидной индифферентности Филострата к данной теме. Вопрос о знакомстве Филострата с работами ранних христиан остается открытым за недостатком прямых свидетельств, но отсутствие в его трудах упоминаний о христианстве говорит само за себя.

Впрочем, исследователи предполагают, что Филострат знал о христианском вероучении хотя бы в силу бурного развития последнего в это время. Намеренные или нет, но параллели между отдельными сюжетами произведений Филострата и христианской мифологией просматриваются отчетливо [13. P. 172]. Одна из таких параллелей – сравнимость Аполлония Тианского с Христом, ставшая основой для последующего включения фигуры Аполлония в поле околохристианского дискурса.

Вероятно, эта тенденция зародилась в связи с популярностью «Жизни Аполлония Тианского» в первой половине III в. А.В. Вдовиченко справедливо отмечает, что Ориген, написавший антиязыческий трактат «Против Цельса» в 248 г., никак не упоминает о сравнении Аполлония с Христом. Отсюда исследователь делает вывод о первоначальном отсутствии антихристианских интенций в дискурсе об Аполлонии [14. С. 153]. Однако это не совсем верно. Ориген не говорит об Аполлонии потому, что цитируемый и критикуемый Оригеном Цельс в своем «Истинном слове» не ссылается на фигуру Аполлония. Это объяснимо, поскольку «Истинное слово», по мнению современных исследователей, было написано около 150–180-х гг., т.е. до появления «Жизни Аполлония» Филострата. Вероятно, в это время Аполлоний Тианский был еще не столь известен. Но это не значит, что образ Христа в контексте полемики не сопоставляется с другими известными чудотворцами языческой традиции. Цельс, цитируемый Оригеном, сравнивает Иисуса со считавшимися магами Пифагором (в связи с этим необходимо вспомнить, что Аполлоний был неопифагорейцем), рабом Пифагора Замолксисом, Рампсинитом, а также с Орфеем, Протесилаем, Гераклом, Тезеем, совершавшими путешествия в страну мертвых [15. С. 560–561]. Таким образом, аргумент против исключительности фигуры Христа на основе его сопоставления с другими иконическими образами Античности уже был известен. Включение же в этот ряд Аполлония после появления работы Филострата было естественным, так как параллели нарративов лежат на поверхности.

В частности, на них обратил внимание ученик Плотина Порфирий (ок. 234 – ок. 305) в работе «Против христиан». Он сфокусировался на кульминационной точке евангелического повествования – Страстях Христовых, проводя аналогию с сюжетно схожей развязкой «Жизни Аполлония» – поведением Аполлония перед судом Домициана. Порфирий акцентировал преимущество Аполлония над Христом в силу того, что последний не смог избежать казни, Аполлоний же чудесным образом исчез из императорского дворца, чтобы вскоре объявиться в Путеолах, недалеко от Неаполя [16. P. 39]. Императоры-христиане, начиная с Константина, неоднократно запрещали эту работу Порфирия. В том числе, по словам Л. Фрума, списки «Против христиан» подвергались публичному сожжению по указу Феодосия II в 435 и 448 гг. [17. P. 326]. Это свидетельствует об актуальности данного текста и в середине V в., т.е. в период жизни и деятельности Сидония Аполлинария. Впрочем, Феодосий II правил в восточной части империи, на западе ситуация могла быть иной.

Помимо Порфирия, существовал другой резонансный текст, сравнивающий Христа и Аполлония Тианского – «Филалит (Правдолюбец)» Соссиана Иерокла [18. P. 432], ученика Порфирия [16. P. 39], презида, викария и префекта в Пальмире, Вифинии, Египте, датируемый 303 или 312 г. [14. С. 151–152]. Более того, Иерокл мог написать свой текст раньше Порфирия, в преддверии Великого гонения на христиан 303–313 гг., в котором он принял непосредственное участие [19. P. 241]. Вопрос о первенстве Иерокла в сопоставлении Аполлония и Христа основан на прямом указании Евсевия Кесарийского [20. С. 156], но остаются сомнения в том, что именно Иерокл был автором этой идеи. А. Кофски предполагает, что в III в. в неоплатоническом дискурсе сложилась традиция представления Аполлония и Христа в виде однотипных чудотворцев, и как Порфирий, так и Иерокл лишь озвучивали эту традицию [21. P. 63]. Судя по пересказу Лактанция, Иерокл, подобно Порфирию, выдвигал тезис о превосходстве Аполлония над Христом с точки зрения магической силы и скромности, поскольку Аполлоний избежал казни и при этом не объявлял себя богом [22. С. 309–310]. Это повторяющееся рассуждение говорит в пользу интеллектуальных контактов по крайней мере между Иероклом и Порфирием, если не о неоплатониках в целом.

Наиболее подробное изложение взглядов Иерокла сохранилось в работе Евсевия Кесарийского, написанной около 312 г. [14. С. 151]. Эта работа на деле обращена не на взгляды Иерокла в целом, но на непосредственно сравнение Аполлония с Христом [20. С. 156]. Если другие аргументы язычников на тот момент уже известны и опровергнуты, то эту параллель Евсевий встречает впервые. Он подробно и явно пристрастно разбирает все противоречия и нестыковки в «Жизни Аполлония», иронизирует, высмеивает и, как отмечает А.В. Вдовиченко, в целом стоит на грани откровенного перевирания предмета своего анализа ради опровержения любых аналогий между неопифагорейским философом и христианским мессией [14. С. 155]. Подобная пристрастность объяснима в контексте событий 312 г. в Кесарии – правление местного августа Максимина Дазы отличалось преследованием христианства, по свидетельству того же Евсевия; в октябре победа Константина у Мульвийского моста изменила ситуацию на противоположную. Эти политические трансформации стимулировали идеологическую полемику.

Кроме Евсевия, «Филалита» критикует Лактанций, но это происходит, по его собственным словам, из-за

того, что он лично столкнулся с Иероклом во время пребывания в Вифинии [22. С. 306–307]. Следует отметить, что если сочинение Порфирия оставалось широко известно в течение еще как минимум 130 лет, и на западе, и на востоке (о нем писали Августин, Иероним и Сократ Схоластик), то об Иерокле в более позднее время не вспоминают. Соссиан Иерокл не имеет авторитета философа, как Порфирий, соответственно, его сочинение не столь резонансно – особенно после прекращения гонений, в русле которых было создано. Соответственно, развернутое сопоставление Аполлония с Христом, предпринятое им, не получило в тот момент дальнейшего развития.

В то время, как в восточной части империи вокруг фигуры Аполлония возникла полемика, запад, как отмечает К.П. Джонс, был заметно более сдержан по отношению к этому персонажу [23. С. 59]. В частности, о нем упоминают некоторые отцы церкви. Иероним критикует сочинение Порфирия в «Комментариях к Даниилу», написанных около 407 г., однако вне всякой связи с Аполлонием Тианским [24. С. 1]. Тем не менее он показывает свое знакомство с произведением Филострата в письме 393 г. [25. P. 287] Паулину Ноланскому. Он пишет о путешествиях в поисках мудрости, приводя примеры Пифагора, Платона, апостола Павла – и Аполлония. При этом им дано подробное – хотя и неточное – описание маршрута Аполлония в соответствии с описанием Филострата (Ep. 53, 1) [26. P. 541]. Необходимо отметить, что Иероним ставит Аполлония в один ряд с Платоном, хотя и оговаривается, что в народе Аполлония называют магом, и только среди пифагорейцев – философом. Для Иеронима авторитет фигуры Аполлония достаточно высок, чтобы видеть в ней позитивный пример для эпистолярной риторики. В этом эпизоде нет речи о чудотворстве, соответственно нет необходимости в сопоставлении с Христом. В то же время Иероним произвольно дополняет Филострата, приписывая Аполлонию посещение народов, у которых тот не бывал. Стридонец выбирает и искусственно усиливает тот аспект образа Аполлония, который был никак не связан с религиозной полемикой – странствия.

Аврелий Августин в полемическом сочинении «Против Академиков» (имея в виду языческих философов) ничего не говорит ни об Аполлонии, ни о Порфирии или Иерокле. Однако в своем письме 402 г. он, ссылаясь на необходимость ответить на вопросы язычников, указывает на Порфирия как главный источник антихристианской аргументации. Там же он упоминает и Аполлония, впрочем, вне связи с Порфирием. Это происходит в контексте обсуждения путешествия Ионы в чреве Левиафана. По мнению оппонентов христианства, совершать подобные чудеса могли и Апулей, и Аполлоний, маги и философы. Августин не отвергает саму возможность такого чудотворства, хотя и сомневается в его достоверности (тут же предполагая, что оно может происходить не от святых ангелов, но от демонов, и поэтому быть лишь видимостью) (Ep. 102) [27. P. 373, 382–383]. В другом письме, датируемом 412 г., он повторяет ту же аргументацию по отношению к Апулею и Аполлонию уже в связи с их сопоставлением с Христом. Не отрицая полностью их магические способности, Августин подчеркивает, что святые пророки несравненно превосходили их в своей божественной славе, не говоря уже о богочеловеке Христе. В то же время Аполлоний для Августина предпочтительнее языческих богов, наподобие Юпитера (Ep. 138, 18) [Там же. P. 583–584]. Таким образом, и Иероним, и Августин согласны со способностью Аполлония к чудотворству, однако разными способами нивелируют этот факт. Иероним относит его к простонародным верованиям, Августин ранжирует всех кудесников по критерию этичности поведения, помещая магов-пифагорейцев между языческими богами и христианскими святыми.

С конца IV в. в политических и литературных кругах Запада был высок авторитет Аврелия Симмаха, префекта Рима, и его последователей – Флавия Никомаха, Макробия и др. Симпатии Симмаха к традиционному римскому язычеству были широко известны. Его заочная дискуссия с Амвросием Медиоланским по поводу возвращения языческого алтаря Победы в римский сенат хрестоматийна и хорошо описана в современных исследованиях [28]. Симмах обращался к императору Валентиниану от лица граждан Рима с просьбой восстановить ряд языческих институтов, главным образом связанных с государственными выплатами жрецам и владением ими землей, против чего горячо выступил Амвросий [29. С. 185–223]. Впрочем, Р. Лицци Теста указывает, что полемика здесь ведется не вокруг попытки реставрации язычества Симмахом, а по поводу традиционных государственных дотаций римскому жречеству [30].

Литературная деятельность Симмаха стала образцом для последующих поколений. В частности, Сидоний Аполлинарий прямо заявляет, что Симмах является для него примером для подражания (Ep. I, 1, 1) [1. P. 1]. Очевидно, Сидония, на тот момент уже епископа, не беспокоили языческие настроения Симмаха. Именно на его окружение ссылается Сидоний, говоря об Аполлонии Тианском. Он пишет: «Apollonii Pythaghorici vitam, non ut Nicomachus senior e Philostrati sed ut Tascius Victorianus e Nicomachi schedio exscripsit, quia iusseras misi; quam, dum parare festino, celeriter eiecit in tumultuarium exemplar turbida, et praeceps et Opica translatio» («“Жизнь Аполлония Пифагорейца”, которую ты меня просил сделать, я закончил, не так, как сделал это Никомах Старший с Филостратом, но как Тасций Викториан с Никомаховской рукописью») (Ep. VIII, 3, 1) [Там же. P. 127].

Никомах Старший (Вирий Никомах Флавиан) принадлежал к высшей римской аристократии, был префектом претория и консулом при узурпаторе Евгении, поддерживавшим языческие традиции, а его союз с Симмахом был скреплен браком их детей. Макробий делает Никомаха, наряду с Симмахом, героем своих «Сатурналий» [31. С. 23]. Тасций Викториан известен своим переложением Тита Ливия, посвященным Симмаху [32. P. 1160]. Таким образом, оба входили в окружение Симмаха и были, как и он, сторонниками сохранения языческих традиций. М. Дзиельска интерпретирует сообщение Сидония о переводе ими «Жизни Аполлония Тианского» как свидетельство целенаправленного распространения

римскими интеллектуалами идеального образа чудотворца-язычника, альтернативного Христу. «Жизнь Аполлония Тианского» в этом контексте должна быть «чем-то вроде священной книги язычества, содержащей политеистическую теологию и пифагорейскую этику и, более того, имеющей пропагандистскую направленность, отвечая ожиданиям низших слоев языческого общества» [33. P. 171–172].

А. Кэмерон возражает на это, что в действительности нет никаких доказательств подобной роли этого романа на римском Западе. Исследователь подчеркивает, что собственно сам роман не является антихристианским по своей сути и может быть прочитан в совершенном отрыве от религиозной полемики [5. P. 554–555]. Даже вопрос о том, что именно сделали Никомах и Тасций Викториан с «Жизнью Аполлония Тианского» (переписали, отредактировали или перевели с греческого языка на латынь), остается открытым. Использованные Сидонием глаголы «exscribo» и «translatio» не поддаются однозначной трактовке в контексте приведенного выше отрывка. Т. Моммзен в свое время предложил ныне широко известную версию (из которой исходит, в частности, и М. Дзельска), что Никомах перевел с греческого языка на латынь, а Тасций и Сидоний лишь редактировали перевод. А. Лойен и У. Андерсон, буквально прочитывая Сидония, считали, что Никомах и Тасций переписывали греческий текст, и только Сидоний перевел его на латынь. А. Кэмерон опровергает обе точки зрения и предлагает собственный взгляд: все три автора переписывали греческий оригинал [5. P. 548–549] (подобное предположение ранее выдвигал У. Андерсон [34. P. 404]).

Такую трактовку подтверждает другое письмо Сидония, посвященное схожей тематике (Ep. IX, 16, 2) [1. P. 170]. В нем Сидоний описывает работу над собственной книгой, которую данное письмо и подытоживает. Описание посвящено сложностям, с которыми он столкнулся, и недостаткам литературной обработки, к которым привели эти сложности, что, по сути, идентично описанию работы над «Жизнью Аполлония Тианского». Оба описания чрезвычайно схожи структурно и лексически, вплоть до использования искомых слов «exscribo» и «translatio» в одинаковом контексте. Говоря о своей книге, Сидоний никак не мог иметь в виду, что он ее переводил на какой-либо иной язык. Следовательно, вряд ли речь шла о переводе и в случае «Жизни Аполлония Тианского».

Таким образом, Сидоний переписывал либо греческий, либо латинский текст. Аргументы А. Кэмерона в пользу первого варианта связаны в основном с тем, что Сидоний уделяет слишком много внимания, даже в рамках существующей традиции самоуничижения, несовершенству своего стиля. По мнению исследователя, столь большое количество негативных эпитетов (Opica, impolitum, semicrudum, musteum) такой знаток и ценитель словесности, как Сидоний, не стал бы использовать по отношению к собственному тексту [5. P. 550].

Подобная аргументация достаточно спорна, и уверенного ответа на вопрос о переводе «Жизни Аполлония Тианского» не дает. Вопрос не праздный, поскольку наличие перевода на латинский язык сделало бы этот текст доступным для широкого круга читателей. К этому времени Западная империя в течение столетия идеологически и культурно обособлялась от Восточной, и знание греческого языка на Западе не было распространено. Соответственно, грекоязычные авторы были плохо известны на латинском Западе, и vice versa.

Это касалось и Сидония. Он был поверхностно знаком с греческой философией, поскольку она не входила в круг его интересов, связанных преимущественно с риторикой и грамматикой (Carm. XIV) [1. P. 232–234]. Вероятно, он был осведомлен и о восточной богословской традиции. В письме к Мамерту Сидоний вспоминает Лактанция, Иоанна (можно предположить, что имеется в виду Златоуст), Василия (Великого), Григория (Богослова), а также Евсевия Кесарийского (что в контексте настоящей статьи наиболее важно, поскольку Евсевий писал об Аполлонии Тианском). Однако неясно, читал ли их Сидоний в оригинале или же в латинских переводах, которые уже существовали в тот момент. При этом Евсевия он ставит вслед за историками Павлом Орозием и Руфином Аквилейским и рифмует с Евхерием Лионским, галльским епископом (ut Orosius affluit ut Rufinus stringitur, ut Eusebius narrat ut Eucherius sollicitat) (Ep. IV, 3, 7) [1. P. 55].

Таким образом, у Сидония Евсевий Кесарийский ассоциирован не с восточными богословами, а с историками церкви. Это закономерно, поскольку он – автор известной Церковной истории, переведенной на латынь и дополненной упомянутым Руфином Аквилейским. У Сидония же в библиотеке имелась Хронография Евсевия (…Eusebium chronographum misi, quorum si ad te lima pervenerit (Ep. VIII, 6, 18 [1. P. 133]), возможно, в переводе Иеронима на латинский язык. Но нет свидетельств, что Сидоний был знаком с теологическими и апологетическими трудами Евсевия, такими как «Против Иерокла». Следовательно, вряд ли он знал о тех страстях, которые разгорелись вокруг сравнения Аполлония и Христа в восточной части империи; либо же если и знал, то они не интересовали его в контексте конкретного письма. Э.М. Манукян выделяет епископов, подобных Сидонию, в условный типаж епископов-аристократов – наряду с епископами-богословами и промежуточным вариантом, представленным Авитом Вьеннским [35. С. 53].

Действительно, епископ Авит Вьеннский, младший современник Сидония, был значительно более сведущ в теологии [36. P. 59], однако и он не упомянул о сравнении Аполлония и Христа. Среди коллег и знакомых Сидония были и настоящие богословы, полностью посвятившие себя религиозной жизни и церкви. В основном это выходцы из Леринского аббатства, как епископ Фауст Рьезский. В полемике с последним относительно состояния души (De statu animae) на Порфирия (указывавшего на Аполлония как на альтернативу Христу) ссылается Клавдиан Мамерт, галло-римский теолог, корреспондент Сидония [37. S. 128]. Однако ни Фауст, ни Клавдиан также не говорят о сравнении Аполлония с Христом. Работа Мамерта датируется примерно 470 г. – в то время как

еще за двадцать лет до этого Феодосий II запретил сочинения Порфирия на востоке. Очевидно, в Галлии Порфирий и другие неоплатоники оставались известны и авторитетны, невзирая на языческую природу их сочинений и наложенный запрет. Из сказанного можно заключить, что не только светски ориентированный Сидоний, но и участвовавшие в религиозных дискуссиях галльские богословы не обращались к сюжету сопоставления Аполлония с Христом.

Фигура Аполлония в письме Сидония действительно лишена любых полемических аллюзий на противостояние христианства и язычества. Более того, Сидоний делает ее абсолютно позитивной, воплощением странствующего мудреца-аскета, сравнивая со своим адресатом в качестве комплимента – впрочем, оговариваясь, что делает это не в обиду христианской вере (Ep. VIII, 3, 5) [1. P. 128]. Последняя фраза показывает, что автор письма осознает дистанцию между язычеством и христианством, но предпочитает ее не актуализировать. Цель письма совершенно иная, и именно она определяет данное позиционирование Аполлония Тианского. Сидоний пытается показать изысканность своего слога и остроумие в понимании политической ситуации, чтобы завоевать расположение своего адресата, Льва Нарбоннского, советника при дворе короля Эвриха.

Этот пример можно экстраполировать и на другие случаи обращения к фигуре Аполлония. В каждом отдельном прецеденте Аполлоний выполняет специфическую роль, соответствующую цели автора текста, т.е. этот персонаж перформативен. Интенции, заложенные в него Филостратом, открывали возможность для разнообразных трактовок, что и наблюдается в позднеантичном околорелигиозном дискурсе. Динамика этого дискурса, проследить и объяснить которую является задачей настоящей статьи, определялась конкретными историческими условиями, в рамках которых создавались тексты. Опираясь на филэллинистскую пайдейю Филострата, созданную в первой половине III в., неоплатоники второй половины века использовали фигуру Аполлония для полемики с христианскими философами в условиях обостряющегося идейного противостояния. Великое гонение 303–313 гг. на Востоке способствовало радикализации дискуссии, что выразилось в активной критике «Жизни Аполлония» со стороны Евсевия Кесарийского. Однако на Западе гонения практически отсутствовали, особенно после победы Константина в борьбе за власть. Соответственно, не было стимула к ужесточению религиозной полемики. Оппозиция «христианство–язычество» разворачивалась в ином виде – как борьба внутри италийской аристократической и политической элиты за статус и карьерный рост. Религиозные убеждения являлись одним из элементов формирования групповости в этих условиях. В частности, кружок традиционалистов-язычников во главе с Симмахом являлся примером подобного объединения. Аполлоний Тианский был для него таким же политическим символом, как и алтарь Победы в сенате. Кратковременная либерализация религиозной политики при узурпаторе Евгении в 392–394 гг. позволила этой группе добиться политического успеха, но после победы Феодосия, последовательного сторонника христианства, подобное стало невозможно.

Контекст упоминания Аполлония в текстах Иеронима и Аврелия Августина свидетельствует о разделении его ипостасей философа и мага-чудотворца. Последняя репрезентирована как сомнительная, недостоверная, фольклорная и, в любом случае, недостойная сравнения с христианскими подвижниками. В то же время Аполлоний признан одним из великих философов-пифагорейцев. У Сидония же вообще фигурирует только эта сторона образа Аполлония – философ-аскет. Хотя Сидоний и осознает языческую природу Аполлония, но это не является для него препятствием. Он подчеркивает аскетизм, сдержанность и принципиальность Аполлония как абсолютно позитивные категории, не связанные с религией. Вероятно, Сидония, как человека в большей степени светского, нежели религиозного, тема чудотворства Аполлония просто не интересовала. Смыслы, «вчитываемые» в текст «Жизни Аполлония Тианского», зависели от остроты религиозного противостояния и отношения авторов к греческой философии вообще. Перестав восприниматься как альтернатива Христу, образ Аполлония вернулся к своим эллинистическим корням.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina. Monumenta Germaniae Historica. Berlin, 1887. T. VIII.
2. Bloch H. The Pagan Revival in the West at the End of the Fourth Century // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century. Oxford : Oxford University Press, 1963. P. 193–218.
3. Brown P. Back to the Future: Pagans and Christians at the Warburg Institute in 1958 // Pagans and Christians in the Roman Empire: the breaking of a dialogue (IV-th – VI-th century A.D.): proceedings of the international conference at the Monastery of Bose (October 2008). Munster : LIT Verlag, 2011. P. 17–24.
4. Brown P. The Making of Late Antiquity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993.
5. Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford : Oxford University Press, 2011.
6. Pagans and Christians in Late Antique Rome. Cambridge : Cambridge University Press, 2016.
7. Рабинович Е.Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М. : Наука, 1985. С. 217–245.
8. Bowie E. Philostratus: the life of sophist // Philostratus. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 19–32.
9. Elsner J. A Protean corpus // Philostratus. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 3–18.
10. Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
11. Gyselinck W., Demoen K. Author and narrator: fiction and metafiction in Philostratus' Vita Apollonii // Theios Sophistes. Leiden : Brill, 2009. P. 95–127.
12. Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2014.
13. Hershbell J.R. Philostratus's Heroikos and Early Christianity: Heroes, Saints, and Martyrs // Philostratus's Heroikos: Religion and Cultural Identity. Leiden: Brill, 2004. P. 169–180.

14. Вдовиченко А.В. Евсевий Кесарийский против Иерокла // Раннехристианские апологеты II–IV вв. М. : Ладомир, 2000. С. 150–156.
15. Ориген. О началах. Против Цельса. СПб. : Библиополис, 2008.
16. Porphyry's Against the Christians: The Literary Remains. NY : Prometheus Books, 1994.
17. Froom L. The Prophetic Faith of Our Fathers. Washington : Review and Herald, 1950.
18. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge : Cambridge University Press, 1971. Vol. I.
19. Barnes T.D. Sossianus Hierocles and the Antecedents of the "Great Persecution" // Harvard Studies in Classical Philology. 1976. Vol. 80. P. 239–252.
20. Евсевий Памфил. Против похвального слова, написанного Филостратом в честь Аполлония, по поводу сделанного Иероклом сопоставления между Аполлонием и Иисусом Христом // Раннехристианские апологеты II–IV вв. М. : Ладомир, 2000. С. 156–188.
21. Kofsky A. Eusebius of Caesarea Against Paganism. Leiden : Brill, 2000.
22. Лактанций. Божественные установления. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007.
23. Jones C.P. Apollonius of Tyana in Late Antiquity // Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism. Ashgate Publishing, 2006. P. 49–64.
24. Блаженного Иеронима одна книга толкований на пророка Даниила // Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Часть 12. Киев : Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894.
25. Williams M.H. The Monk and the Book: Jerome and the Making of Christian Scholarship. Chicago : University of Chicago Press, 2006.
26. Patrologia Latina. Paris, 1845. Vol. 22.
27. Patrologia Latina. Paris, 1865. Vol. 33.
28. Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (11).
29. Святитель Амвросий Медиоланский. Собрание творений: на латинском и русском языках. М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. Т. IV, ч. 2.
30. Lizzi Testa R. Christian Emperor, Vestal Virgins and Priestly Colleges: Reconsidering the End of Roman Paganism // Antiquite Tardive. 2007. Vol. 15. P. 251–262.
31. Макробий. Сатурналии. М. : Кругъ, 2013.
32. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
33. Dzielska M. Apollonius of Tyana in Legend and History. Roma : "L'Erma" di Bretschneider, 1986.
34. Sidonius. Poems and Letters. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1984. Vol. II.
35. Манукян Э.М. Сидоний Аполлинарий и проблема социальной идентификации клира на рубеже античности и средневековья // Научный поиск. 2013. № 2. С. 51–54.
36. Shanzer D., Wood I. Literary Aspects of Avitus Letter Collection // Avitus of Vienne. Letters and Selected Prose. Liverpool University Press, 2002. P. 58–88.
37. Claudiani Mamerti Opera. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vienna, 1885. Vol. XI.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

APOLLONIUS AND APOLLINARIS: "THE LIFE OF APOLLONIUS OF TYANA" IN THE CONTROVERSY BETWEEN CHRISTIANS AND PAGANS IN THE 3RD–5TH CC. AD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 105–112.
DOI: 10.17223/15617793/422/15

Dmitriy S. Konkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: Apollonius of Tyana; Sidonius Apollinaris; Late Antiquity; controversy between Christians and pagans; Hellenistic philosophy.

The aim of the article is to identify the dynamics of the late-antique discourse about the Apollonius of Tyana figure. The seminal text about Apollonius of Tyana, "The Life of Apollonius of Tyana" by Flavius Philostratus, and references and mentions about Apollonius in the historical sources of 3rd–5th cc. are analyzed to reveal the nature of the text and intentions of the author. About 477 AD the Gallic aristocrat Sidonius Apollinaris wrote a letter to his friend Leo of Narbonne. In the letter Sidonius mentioned that he had copied, at the request of the addressee, a text entitled "The Life of Apollonius of Tyana". The attitudes to the text and to the figure of Apollonius of Tyana in historical sources marked the key points in Christianity-paganism interaction in the Later Roman period because of the analogies between the images of Apollonius and Christ that rose at the time. In each case Apollonius performed a specific role according to the particular purpose of the author of the text; that is, this character is performative. The meanings that Philostratus put into the character provide the possibility for a variety of interpretations, which is exactly observed in the late-antiquarian religious discourse. The dynamics of this discourse was determined by actual historical conditions in which the texts were created. Relying on Philostratus' philhellenistic paideia of the first half of the 3rd century AD, the Neoplatonists of the second half of the century used the figure of Apollonius in polemics against Christian philosophers due the situation of the escalating ideological confrontation. The great persecution of 303–313 AD in the East was followed by radicalization of the discussion, which was expressed in Eusebius of Caesarea' active criticism of "The Life of Apollonius". However, in the West there was no persecution, especially after the victory of Constantine in the struggle for power. So, there was no incentive to radicalize religious controversy. The opposition "Christianity – paganism" unfolded in a different way, as a struggle within the Italian aristocratic elite for social status and political career. The mentions of Apollonius in the texts of Jerome and Aurelius Augustine suggest the division of his image into a philosopher and a magician. The latter is represented as doubtful, unreliable, folklore and, in any case, unworthy of comparison with Christian ascetics. At the same time, Apollonius is recognized as one of the great Pythagorean philosophers. Sidonius emphasizes only one side of Apollonius' image: the philosopher-ascetic appearance. He considers the principles of Apollonius as absolutely positive categories, not related to religion. The meanings that were placed into the text of "The Life of Apollonius of Tyana" depended on the severity of religious opposition and the attitude of the authors to Greek philosophy in general.

REFERENCES

1. Gai Sollii Apollinaris Sidonii. (1887) Epistulae et Carmina [Books and songs]. In: *Monumenta Germaniae Historica* [The historical monuments of Germany]. Vol. VIII. Berlin: Druckerei Hildebrand.
2. Bloch, H. (1963) The Pagan Revival in the West at the End of the Fourth Century. In: Momigliano, A. (ed.) *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford: The Clarendon University Press.
3. Brown, P. (2011) Back to the Future: Pagans and Christians at the Warburg Institute in 1958. *Pagans and Christians in the Roman Empire: the breaking of a dialogue (IV-th – VI-th century A.D.).* Proceedings of the international conference at the Monastery of Bose. October 2008. Munster: LIT Verlag. pp. 17–24.

4. Brown, P. (1993) *The Making of Late Antiquity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Cameron, A. (2011) *The Last Pagans of Rome*. Oxford: Oxford University Press.
6. Salzman, M.R., Sághy, M. & Testa, R.L. (eds) *Pagans and Christians in Late Antique Rome*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Rabinovich, E.G. (1985) "Zhizn' Apolloniya Tianskogo" Flaviya Filostrata ["The Life of Apollonius of Tyana" by Flavius Philostratus]. In: Flavius Philostratus. *Zhizn' Apolloniya Tianskogo* [The Life of Apollonius of Tyana]. Translated from Old Greek. Moscow: Nauka.
8. Bowie, E. (2009) Philostratus: the life of sophist. In: *Bowie, E. &* Elsner, J. (eds) *Philostratus*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Elsner, J. (2009) A Protean corpus. In: *Bowie, E. &* Elsner, J. (eds) *Philostratus*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Kemezis, A.M. (2014) *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Gyselinck, W. & Demoen, K. (2009) Author and narrator: fiction and metafiction in Philostratus' Vita Apollonii. In: Demoen, K. & Praet, D. (eds) *Theios Sophistes*. Leiden: Brill.
12. Yeger, V. (2014) *Rannee khristianstvo i grecheskaya paydeyya* [Early Christianity and Greek paideia]. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.
13. Hershbell, J.R. (2004) Philostratus's Heroikos and Early Christianity: Heroes, Saints, and Martyrs. In: Brisson, L. (ed.) *Philostratus's Heroikos: Religion and Cultural Identity*. Leiden: Brill.
14. Vdovichenko, A.V. (2000) Evseviy Kesariyskiy protiv Ierokla [Eusebius of Caesarea versus Hierocles]. In: Vdovichenko, A.V. (ed.) *Rannekhristianskie apologety II–IV vv.* [Early Christian Apologists of the 2nd–4th centuries]. Moscow: Ladomir.
15. Origen. (2008) O nachalakh. Protiv Tsel'sa [About the beginnings. Against Celsus]. Translated from Old Greek. St. Petersburg: Bibliopolis.
16. Hoffmann, R.J. (ed.) *Porphyry's Against the Christians: The Literary Remains*. New York: Prometheus Books.
17. Froom, L. (1950) *The Prophetic Faith of Our Fathers*. Washington: Review and Herald.
18. Martindale, J.R. (ed.) (1971) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Barnes, T.D. (1976) Sossianus Hierocles and the Antecedents of the "Great Persecution". *Harvard Studies in Classical Philology*. 80. pp. 239–252.
20. Eusebius Pamphylus. (2000) Protiv pokhval'nogo slova, napisannogo Filostratom v chest' Apolloniya, po povodu sdelannogo Ieroklom sopostavleniya mezhdu Apolloniem i Iisusom Khristom [Against the praiseworthy words written by Philostratus in honor of Apollonius, about the comparison made by Hierocles between Apollonius and Jesus Christ]. In: Vdovichenko, A.V. (ed.) *Rannekhristianskie apologety II–IV vv.* [Early Christian Apologists of the 2nd–4th centuries]. Moscow: Ladomir.
21. Kofsky, A. (2000) *Eusebius of Caesarea Against Paganism*. Leiden: Brill.
22. Lactantius. (2007) *Bozhestvennye ustanovleniya* [Divine institutes]. Translated from Latin. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
23. Jones, C.P. (2006) Apollonius of Tyana in Late Antiquity. In: Johnson, S.F. (ed.) *Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism*. Ashgate Publishing.
24. Saint Jerome. (1894) Blazhennogo Ieronima odna kniga tolkovaniy na proroka Daniila [One Book of Interpretations on the Prophet Daniel by Saint Jerome]. In: *Tvoreniya Blazhennogo Ieronima Stridonskogo* [Works of Saint Jerome of Stridon]. Translated from Latin. Part 12. Kiev: Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo.
25. Williams, M.H. (2006) *The Monk and the Book: Jerome and the Making of Christian Scholarship*. Chicago: University of Chicago Press.
26. Jerome of Stridon. (1845) *Patrologia Latina* [The Latin Patrology]. Vol. 22. Paris.
27. Jerome of Stridon. (1865) *Patrologia Latina* [The Latin Patrology]. Vol. 33. Paris.
28. Shkarenkov, P.P. (2004) The Roman Empire in the "Epoc of Decline": between Myth and Reality Drawings of the XVII Century. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 2 (11). (In Russian).
29. St. Ambrose of Milan. (2015) *Sobranie tvoreniy: na latinskom i russkom yazykakh* [Collection of works: in Latin and Russian]. Vol. 4. Part 2. Moscow: Izd-vo PSTGU.
30. Testa, L.R. (2007) Christian Emperor, Vestal Virgins and Priestly Colleges: Reconsidering the End of Roman Paganism. *Antiquite Tardive*. 15. pp. 251–262.
31. Macrobius. (2013) *Saturnalii* [Saturnalia]. Translated from Latin. Moscow: Krug".
32. Martindale, J.R. (ed.) (1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Dzielska, M. (1986) *Apollonius of Tyana in Legend and History*. Rome: "L'Erma" di Bretschneider.
34. Sidonius. (1984) *Poems and Letters*. Vol. 2. Cambridge, MA: Harvard University Press.
35. Manukyan, E.M. (2013) Sidonius Apollinaris and the issue of social identification of the clergy between of Antiquity and Middle Ages. *Nauchnyy poisk*. 2. pp. 51–54. (In Russian).
36. Shanzer, D. & Wood, I. (2002) Literary Aspects of Avitus Letter Collection. In: Avitus of Vienne. *Letters and Selected Prose*. Liverpool University Press.
37. Claudiani Mamerti Opera. (1885) *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum* [The corpus of ecclesiastical Latin writers]. Vol. XI. Vienna.

Received: 26 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 113–122. DOI: 10.17223/15617793/422/16

УДК 93/94

Е.А. Крестьянников

П.В. ВОЛОГОДСКИЙ И ДЕЛО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СИБИРИ

Рассмотрены проблема доступности правовых услуг для населения и вклад будущего премьер-министра правительств Белой России в организацию консультирования подданных по вопросам права. В Азиатском Зауралье еще острее, чем в остальной империи, ощущалась нехватка юристов, поэтому жители края чаще обращались за поддержкой к неквалифицированным людям. П.В. Вологодский развернул деятельность по борьбе с проходимцами от юриспруденции, став вдохновителем и руководителем томской юридической консультации.

Ключевые слова: П.В. Вологодский; Сибирь; Томск; правовая помощь; адвокатура; юридические консультации.

Судебная реформа 1864 г. изменила назначение правосудия и, не забыв о государственных потребностях, повернула его лицом к человеку и обществу. Преобразование послужило толчком к таким мощным подвижкам в правосознании и вызвало рост юридических запросов подданных настолько, что ни самодержавие, ни социум не сумели их удовлетворить. Ресурсы новоявленной адвокатуры в рамках предусмотренных законодателем средств оказались ничтожными для того, чтобы охватить всех желающих своей поддержкой. В результате россиянин, задумавший решать правовые неопределенности, полагался на себя, иногда обращался в немногочисленные для гигантской страны юридические консультации, создаваемые практиковавшими юристами на свой страх и риск[1], или весьма часто становился клиентом лиц с сомнительной репутацией – «подпольной адвокатуры», «аблакатов», «ходатаев», «знахарей юриспруденции». Данные формы и способы юридического вспомоществования находились в Российской империи вне закона, но имели широчайшее употребление и значительное воздействие на социальное развитие. Однако изучение их истории в масштабах всей страны не вызвало еще заметного интереса (первенство в специальном рассмотрении обозначенных проблем принадлежит В.Е. Померанцу [1]), что не помешало современным сибирским историкам уже обратиться к ним касательно исследования судебной власти и адвокатуры в дореволюционной Сибири, при этом мимолетно указывая на причастность П.В. Вологодского к томской консультации поверенных [2. С. 167–175; 3; 4; 5. С. 67; 6].

Осмысление традиций юридической помощи и деятельности по ее организации Петра Васильевича через возможности микроанализа и компаративных методик, а также посредством использования периодической печати, материалов делопроизводства и документов негосударственных учреждений, с одной стороны, позволяет существенно расширить знания о круге правовых услуг в сибирском регионе и механизмах функционирования российского общества, с другой – помогает восполнить имеющиеся пробелы в биографии знаменитого юриста. Когда Петр Васильевич начинал профессиональную карьеру в родном крае, ему посчастливилось познакомиться с В.П. Картамышевым, предоставлявшим квалифицированную правовую поддержку малоимущим соотечественникам и призывавшим других адвокатов последовать его примеру, но в действительности он очутился в среде разного рода авантюристов, искавших источники существования или дополнительный доход в оказании населению помощи правового характера [7. С. 115–116]. Факт упоминания последних томским губернатором Г.А. Тобизеном во всеподданнейшем отчете за 1893 г. уже сам по себе говорил об их громадном распространении и вредоносности. Руководитель губернии докладывал царю, что высланные в Сибирь представители интеллигенции, «не имея никаких средств к своему пропитанию, направляли всю свою преступную деятельность на эксплуатацию местных жителей путем шантажа, подпольной адвокатуры, подговором темного несведущего люда к подаче неосновательных, кляузных прошений и жалоб, а также посредством разного рода мошеннических проделок» [8. Л. 14].

П.В. Вологодский лучше остальных сибирских судебных деятелей знал историю инициатив, направленных на правовое просвещение сибиряков и удовлетворение их юридических нужд. В «Русском богатстве» он рассказывал о всплеске интереса к вопросам юриспруденции в 1860-х гг., между прочим, о том почине, который исходил от тоболяков. В 1863 г. обсуждалась возможность установления в их городе юридического общества. По мнению редактора «Тобольских губернских ведомостей» А.И. Орлова, цель намеченной организации должна была заключаться «в распространении в Тобольской губернии юридических сведений и в подании наставлений лицам, имеющим дела в присутственных местах» [9. С. 1–3; 10. С. 487]. То есть ликвидация правовой безграмотности населения и его консультирование по вопросам права – таковым представлялась главное предназначение намечавшейся организации.

Дореформенные условия, однако, не позволяли решать подобного рода задачи: суд был закрытым и далеким от населения, ощущался дефицит образованных юристов. Лишь с началом работы реформированных на основе Судебных уставов Александра II учреждений судопроизводство становилось открытым, подлинно состязательным и гласным, организовывалось переселение в край высококлассных судебных деятелей, а авторитет правосудия чрезвычайно возрос. Наблюдалось примерно то, чем характеризовалась реализация судебной реформы 1864 г. и раньше: согласно Б.Н. Миронову, в России с преобразованием суда в него «для рассмотрения мелких уголовных исков стали обращаться простые люди с такими обидами, на которые прежде и не помышляли жаловаться в

суд» [11. С. 94]. Вместе с тем всегда расширялся круг лиц, искавших справедливость и защиту в суде. Так, им устремились пользоваться наиболее ущемленные в правах категории россиян, в частности женщины, и когда-то случалось даже наблюдать на их стороне перевес количества поступавших судебных жалоб [12. С. 64].

Перестроенный сибирский суд начал функционировать в 1897 г., и современники тотчас отметили, что «заброшенная и глухая страна, долго жаждавшая первых лучей истинного правосудия, так страстно бросилась им навстречу», чем «крайне затруднила первые шаги новой юстиции» [13. С. 201]. Как вспоминал позже один из мировых судей Тобольской губернии, местные крестьяне «стекались толпами», чтобы просто «посмотреть» на диковинку в виде гласного судебного разбирательства [14. Л. 124 об.]. Действительно, поначалу суд казался доступным и вызывал элементарное любопытство сибиряков, но их правовые незнания и отсутствие достаточной юридической помощи со стороны судебной власти не позволяли в полной мере воспользоваться благами правосудия в искании правды. Мировая юстиция – ближайшая к людям и с упрощенным судопроизводством – оказалась перегруженной делами и быстро теряла привлекательность; приехавших в Сибирь адвокатов катастрофически не хватало.

Представители сибирской адвокатуры прекрасно сознавали, что в таких условиях правовая поддержка станет ремеслом некомпетентных людей, возможно даже негодяев и мошенников, склонных наживаться на человеческих беспомощности и невежестве. 18 января 1898 г. открылась первая в Сибири консультация присяжных поверенных в Иркутске [15. С. 183], правила которой были утверждены 29 ноября 1897 г. общим собранием местного окружного суда [16. С. 147]. Томская адвокатура тоже достаточно быстро отреагировала на потребности момента. По версии П.В. Вологодского, в августе 1898 г. среди ее членов зародилась мысль о необходимости консультационного заведения, которая воплотилась на собраниях 19 и 23 декабря того же года в оформлении первоначальных правил учреждения [17. С. 6]. В идее дать организацию юридической поддержке кроме альтруистических соображений имелась вполне утилитарная составляющая. Приносимый населению «знахарями юриспруденции» вред чуть ли еще не в большей степени наносил ущерб адвокатской корпорации, дискредитируя и деморализуя ее, с чем, безусловно, было необходимо сплоченно бороться. О том, насколько развращала адвокатов бурная деятельность всяких «ходатаев», Петр Васильевич писал через год после введения Судебных уставов: «Мы с прискорбием должны констатировать также, что некоторые сибирские присяжные и частные поверенные с первых же шагов своей деятельности пошли в науку к бывшим подпольным адвокатам и быстро освоились с приемами и средствами, при помощи которых вели процессы бывшие деятели недавнего прошлого» [18].

Инициатива томских адвокатов не нашла позитивного отклика у тогдашнего председателя местного окружного суда Ф.Ф. Деппа, и проект пролежал «под сукном» три года [17. С. 6]. Тем временем в стране на рубеже XIX–XX вв. наблюдалось резкое увеличение количества консультаций [6. С. 172], вопрос об их необходимости для сельского населения поднимался земствами и сельскохозяйственными комитетами в самых разных частях Европейской России [19. С. 1254]. Квалифицированных консультантов по юридическим вопросам везде не хватало, а правовая беспомощность ощущалась все острее. Как указывал известный юрист и публицист Г. Вольтке, в стране на 60 тысяч подданных приходился один присяжный поверенный, и потому население «почти повсеместно» было «лишено действительной юридической помощи», «пробавляясь услугами невежественных и хищных “аблокатов”» [20. С. 88–89]. Законодательство усложнялось и разрасталось, и даже знатоки права плохо в нем ориентировались. «По обширности и разбросанности русских законов редкий юрист, даже заправский, сможет сразу ответить на предложенный кем-либо вопрос, а скажет: “надо справиться, подумать, подыскать решения Правительствующего Сената” и т.п.», – отмечалось в «Юридической газете» [21].

В Сибири обыватели столкнулись с бесчисленными недостатками реформированной судебной власти, оказавшейся не такой близкой, как рассчитывало местное общество, и во многих отношениях не оправдавшей ожидания сибиряков, зачастую бессильных перед лицом юридических вызовов. В разных концах края им приходилось искать помощь у случайных людей, нередко опасных не только для них, но и государства. Например, в 1900 г. «Сибирская торговая газета» неоднократно сообщала о том, что в Тюмени «аблакатура» получила широчайшее развитие и действовала агрессивно по отношению к мировым судьям, необоснованно обвиняя последних во взяточничестве и других злоупотреблениях. Также описывался тип напористого тюменского «знахаря юриспруденции» и сутяги: «Озлоблен против всего Министерства юстиции Российской империи, в каждом представителе которого видит личного врага» [22].

Таким образом, еще насущней становилась необходимость дать отпор нелегальной деятельности недобросовестных юристов. Нанести удар по их промыслу в первую очередь в Томске – главном центре сосредоточения адвокатуры Западной Сибири – имелись все возможности. Численность всех категорий адвокатов (присяжных поверенных, их помощников и частных поверенных) при Томском окружном суде, например в 1899 г., превышала три десятка [23. Л. 5–5 об.]. В 1902 г. сложились благоприятные условия для создания здесь консультации. Во-первых, в город вернулся на этот раз в качестве председателя окружного суда А.В. Витте (уже работал здесь товарищем губернского прокурора в 1885–1887 гг. и губернским прокурором в 1894–1897 гг. [24. Л. 1, 6 об. – 7]), имевший репутацию отзывчивого и гуманного человека[2]. Во-вторых, состоялся первый выпуск юридического факультета Томского университета (полный курс закончили 47 студентов [28. С. 15]).

«Появление относительно большого количества молодых юристов, настроенных на созидательную деятельность в родном регионе, стало одним из необ-

ходимых условий для начала правового просвещения сибиряков», – подчеркивает И.Г. Адоньева значимость последнего события в осуществлении плана создания консультационного заведения [2. С. 171]. Наконец, само руководство судебного округа оказало поддержку начинанию поверенных. 8 мая старший председатель Омской судебной палаты А.А. Кобылин присутствовал при обсуждении устава задуманного предприятия [29].

Накануне открытия учреждения к нововведению подготавливалось общественное мнение. Читающей публике рассказывалось о задачах и направлениях деятельности намеченной организации. Даже столичная пресса анонсировала предстоящее событие. Газета «Право» писала: «В скором времени при Томском окружном суде открыто будет консультационное бюро. Бюро будет приходить на помощь даже иногородним, высылая справки по почте. Словесные советы будут подаваться бедным безвозмездно; лица, желающие уплатить за совет, вносят вознаграждение по своему усмотрению» [30]. 11 мая вышел номер томского «Сибирского вестника», содержащий немало материалов, посвященных будущему заведению, в введении которого уже никто не сомневался. В своем интервью П.В. Вологодский рассказал об ожиданиях, связанных с постановкой нового для Томска дела. Он говорил, что «население нуждается в дешевой и добросовестной помощи» и, не имея возможности обратиться к квалифицированным юристам, «попадает в руки недобросовестных дельцов, которые в большинстве эксплуатируют клиента», а консультацией как раз «преследуется цель расширения и доступности юридической помощи». В условиях отсутствия в Сибири организованных корпоративных союзов адвокатуры прежде всего советов присяжных поверенных, Петр Васильевич видел в консультации автономный от власти орган, способный сплотить разобщенных поверенных: «Значение вновь возникающему консультационному бюро… что бюро со временем может разрастись и создать, так сказать, самоуправление, суд товарищеский, что ли». Особенно указывалось на те способы, которые сделают консультацию известной сибирякам («Для большего развития необходимо ознакомление населения путем реклам в судах, в камерах, на базарах, на чтениях и пр.») и наполнят ее трудовыми резервами («Вот численность адвокатов маловата, но помогут и помощники присяжных поверенных и частные поверенные, и студенты – юристы старших курсов. Поведут дело, надо полагать, внимательно, толково, а симпатии общества явятся сами собой») [31].

30 мая группа томских присяжных поверенных направила на имя А.В. Витте текст такого содержания: «Представляя при этом проект правил консультации поверенных при Томском окружном суде, выработанный наличным составом присяжных поверенных, проживающих в Томске, при содействии помощников своих и частных поверенных, покорнейше просим ваше превосходительство внести этот проект на утверждение общего собрания окружного суда». Среди подписантов заявления первой стояла фамилия П.В. Вологодского. На этот раз вопрос решился моментально. «Разрешить учреждение консультации поверенных при Томском окружном суде», – говорилось в постановлении распорядительного заседания Томского окружного суда от 1 июня [32. Л. 1–1 об.].

Через четыре дня под председательством А.В. Витте и с участием Петра Васильевича в помещении окружного суда состоялось учредительное собрание консультации, на котором был определен состав заведения. Деятельность так необходимой организации развернулась 2 июля 1902 г., а П.В. Вологодский вошел в состав ее бюро – руководящего органа [27. С. 147; 33], и вместе с коллегами положил в тот знаменательный для местного общества день (отмечалось пятилетие действия Судебных уставов в Сибири) начало доступному юридическому обслуживанию малоимущего томского населения. Событие заслужило высокую оценку местного общества. «Сибирский вестник» писал: «Консультация есть штрих в светлой картине будущего правового строя, один росток, который разовьется в государственную и земскую помощь населению… Консультация – это дар от адвокатуры своим друзьям – суду и обществу» [34].

Заведение в целом оправдало ожидания ее вдохновителей и учредителей, пожалуй, не реализовав в полной мере лишь ту их часть, которая касалась независимости и самостоятельности союза адвокатов. Статья 14 предварительного текста правил предусматривала дисциплинарную ответственность участников организации: «Все случаи нарушения членами консультации профессиональных обязанностей или совершения деяний, несовместимых со званием поверенного, бюро, удостоверившись по тщательном расследовании в наличности инкриминируемого деяния, передает на обсуждение общего собрания членов консультации, которое разрешает их при закрытых дверях, но открытой баллотировкой лишь при наличности не менее 2/3 общего состава членов консультации, находящихся в данное время в г. Томске, и большинством 2/3 голосов. Такое собрание может, по выслушивании объяснений от лица, о котором идет речь, высказать ему товарищеское порицание или даже исключить временно или навсегда из состава консультации» [32. Л. 17]. По мнению П.В. Вологодского, это положение было лучшим в плане адвокатуры, но когда уже утвержденная окружным судом документация поступила на рассмотрение в судебную палату, из правил его изъяли [17. С. 6–7, 26].

В первые два года деятельности консультации будущий премьер-министр был близок ее деятельности, однако отказывался баллотироваться в председатели нового заведения «за недостатком времени» [35], но затем согласился и был избран на этот пост 15 сентября 1904 г. [36], в последующем неоднократно на него переизбираясь. Причем, несмотря на занятость и руководящее положение, имя присяжного поверенного регулярно встречалось в графике дежурств консультантов наравне с другими сотрудниками, т.е. ему была близка и знакома ежедневная рутинная работа подчиненного заведения [37. Л. 26, 197, 201–202, 359]. Вместе с тем еще до того, как возглавить учреждение, он активно участвовал в принятии важнейших решений. Например, на общем собрании консультации

8 июля 1903 г. П.В. Вологодский настоял на дате 2 июля как сроке регулярного подведения итогов годовой деятельности (предлагалось 1 января), а также входил в состав комиссии, разрабатывавшей инструкцию для делопроизводителей [35].

Услуги консультации с самого начала пользовались немалым спросом, чему способствовали меры информирования о ее работе. Так, справочник «Томск в кармане» содержал следующие необходимые для потенциального клиента сведения: «Консультация поверенных при Томском окружном суде открыта 2 мая 1902 года (дата приведена ошибочно. – *Е.К.*). Помещается в помещении окружного суда. Открыта по воскресеньям от 12 до 2 часов по полудни и по вторникам и пятницам – от 6 до 8 часов вечера. За словесные советы взимается плата от 25 коп. до 3 руб., а за составление бумаг и письменных заключений – до 25 руб. Бедные освобождаются от внесения платы» [38. С. 77]. Такое скупое объявление, однако, имело выдающийся смысл, поскольку реализовывало одну из важнейших задач адвокатского союза, демонстрируя человеколюбивую направленность его миссии. «Оказание общедоступной юридической помощи населению путем подачи словесных советов, составления деловых бумаг и письменных заключений», – говорилось в консультационных правилах, и хотя услуги не были бесплатными, «бедные», «по усмотрению консультанта», освобождались от оплаты [32. Л. 1–1 об., 16–17[а] об.] (на практике платеж представлялся «доброй воле просителя» [39. С. 16]).

Подавляющее число посетителей консультации составляли ремесленники, чернорабочие, крестьяне, прислуга. Отмечалась тенденция роста количества бесплатных услуг и уменьшения платных. В начальный год деятельности обслужилось даром 79% от числа всех клиентов, во второй – 81% (эти данные на основе сведений из доклада П.В. Вологодского на собрании в ноябре 1904 г.), в третий – 86,7% [17. С. 8, 17]. Для сравнения, тогда же безвозмездно предоставляли помощь консультационные учреждения: Житомира – до 16% просителей [40. С. 12], Ростова-на-Дону – 68% [41. С. 8], Екатеринослава – 51,5% [42. С. 9], Воронежа – 56,6%, Киева – 49,9% [16. С. 8], Московского съезда мировых судей – 55% [43. С. 14]. За третий год работы томская консультация собрала с клиентов мизерную сумму – 209 руб. 19 коп. [17. С. 19], что было сопоставимо, к примеру, со стоимостью сорока саженей дров в Томске [44. С. 418].

Приведенные показатели позволяли отнести сибирское заведение к категории тех благотворительных объединений, в которых юридическая помощь оказывалась или бесплатно, или дешево. К таковым можно было причислить далеко не все аналогичные организации страны. Для некоторых из них филантропическая деятельность не являлась главной. В частности, в отчете консультации Армавира так и фиксировалось, что клиенты не должны думать, будто «консультация – благотворительное учреждение, где им оказывают юридическую помощь из милости» [45. С. 9]. Некоторые лица, однако, пользовались бескорыстием томской консультации, стремясь обслужиться в ней задаром. Сотрудниками консультационного бюро отмечалось, что многие из обратившихся за бесплатной юридической поддержкой, судя по их внешнему виду и характеру дел, были в состоянии оплатить совет или составление документа [46].

О консультации и его полезной альтруистической деятельности население узнавало все больше и больше, соответственно, увеличивалось число обращений: в первое полугодие услугами юристконсультов воспользовались 610 чел. [33; 47. С. 688], за второе полугодие – 838, за второй год – 1 921, за третий – 4 385 [17. С. 4]. Среди других сибирских заведений подобного рода томское трудилось больше. Крупнейшая по числу присяжных поверенных (17) в Сибири иркутская консультация за 1903 г. обслужила 1 257 клиентов, в консультацию при Благовещенском окружном суде с 16 сентября 1903 г. по 1 января 1904 г. визит совершили 65 посетителей, что почти равнялось количеству приемных дней [48], читинская консультация в период с 15 февраля по 4 июля 1904 г. дала всего 31 словесный совет [49].

Ставка на бескорыстность и человеколюбивая направленность работы консультации наверняка диктовались установками ее активного работника и руководителя П.В. Вологодского, не без удовлетворения говорившего в одной из своих речей, что клиентурой заведения сплошь и рядом являлись беднейшие сибиряки [17. С. 8]. Занятия организации в указанных условиях вызвали настолько огромный спрос, что вскоре поверенные начали озадачиваться необходимостью увеличить масштабы предприятия открытием его дополнительной приемной в Томске. По этому поводу в 1905 г. «Сибирский вестник» писал: «Учреждение второго бюро облегчило бы труды первого бюро, в котором бывает огромный спрос на бесплатную или недорогую юридическую помощь» [50].

5 февраля 1909 г. на имя председателя местного окружного суда повторно (первое от 23 августа 1908 г. не получило удовлетворения, поскольку устав организации не предусматривал создания филиалов) было подано прошение, где доказывалась нужность дополнительных площадей в отдаленных частях города: «С развитием деятельности консультации выяснилась крайняя необходимость производить приемы клиентов не только в здании окружного суда, помещающегося далеко не в центре города, но еще и в противоположной части города Томска, что для бедного населения особенно важно весной и осенью, когда улицы Томска становятся особенно грязны, а время приемов приходится на вечерние темные часы» [32. Л. 18–19 об., 43]. Разрешение состоялось, и уже 4 апреля консультация подыскала еще одно помещение для обслуживания просителей, располагавшееся в камере мирового судьи 5-го томского участка.

О бурной деятельности консультации и увеличении ее потребностей свидетельствовали сообщения в прессе. Об одном из совещаний членов заведения «Сибирская жизнь» рассказывала: «23 октября 1904 г. в помещении окружного суда состоялось общее собрание консультации присяжных поверенных при Томском окружном суде под председательством П.В. Вологодского. Вторым был вопрос об увеличении числа приемных дней для клиентов консультации

с 3 до 4. На предыдущем общем собрании было замечено, что бывают случаи, когда в консультации неправильно писались бумаги, и тогда же выяснилось, что происходит это вследствие физического переутомления консультантов, которым приходится выслушивать и давать советы 30–40 клиентам в день. Теперь число клиентов все увеличивается и увеличивается, и в последнее воскресенье (17 октября) достигло 50, так что помещение консультации было похоже на “базар”» [46].

На фоне невысокой активности дела оказания юридической помощи в стране и Сибири томское учреждение адвокатов представлялось вполне динамично развивавшейся организацией, приносящей обществу неоценимую пользу. Главным ее достижением можно считать то, что квалифицированная юридическая поддержка становилась все более доступной и «население вырвалось из цепких лап подпольных адвокатов» [39. С. 16]. В общем, жизнь томской консультации «кипела», чем не могли похвастать другие заведения. Скажем, по отзывам газет, иркутская консультация «влачила самое жалкое существование, никто туда не ходил, и сама она служила неисчерпаемым источником для насмешек той самой подпольной адвокатуры, которую она когда-то собиралась стереть в мелкий порошок» [51, 52]; «подворотная адвокатура чувствовала себя в Иркутске как рыба в воде» [53]. Иркутские поверенные в отчете за 1903 г. сами признавали, что результаты их деятельности нельзя назвать блестящими, и причину «малоуспешности» видели в малой осведомленности населения о существовании консультации [48].

П.В. Вологодский был склонен оценивать работу томской консультации в радужных красках. Ему весьма импонировало, что там совместно трудились и присяжные поверенные, и их помощники, и частные поверенные, тогда как в стране в основном действовали органы, объединявшие исключительно присяжных поверенных и их помощников, лишь присяжных поверенных или одних помощников присяжных поверенных [17. С. 7]. Особенность обусловливалась определенной изолированностью поверенных региона от российской адвокатуры и стремлением к единению[3], а также наличием университета, готовившего специалистов-правоведов, в дальнейшем служивших источником пополнения адвокатской корпорации. Правда, членство обеспечивалось разными условиями. В статье 2 правил говорилось: «Присяжные поверенные входят в состав консультации по самому своему званию. Помощники же присяжных поверенных и частные поверенные принимаются в члены консультации лишь по закрытой баллотировке общего собрания членов консультации» [32. Л. 16].

Как подчеркивал Петр Васильевич, специфика томской организации заключалась в наличии большого количества делопроизводителей (их число достигало 75), готовящих разного рода документы и состоящих почти исключительно из студентов-юристов Томского университета. В иных учреждениях деловые бумаги составляли специально приглашенные для этого писцы за определенную плату, и резерв их деятельности был невелик [17. С. 4, 7]. Для студентов же такие занятия являлись отличной юридической школой, там они приобретали бесценный практический опыт [39. С. 16]. В этом направлении заведение воплощало популярную в России рубежа XIX–XX вв. идею «юридических клиник» в вузовской подготовке правоведов [55, 56].

Вообще, консультация явно делала ставку на молодых сотрудников. В России помощники присяжных поверенных во многих отношениях были обделены. Этим адвокатам-стажерам, с легкой руки известного русского адвоката С.Ю. Ломницкого названным «забытым сословием» [57], государство не дало никакой корпоративной организации, которая бы способствовала их профессиональному совершенствованию [58]. Тяга к самостоятельности и развитию подталкивала неопытную молодежь к созданию собственных консультационных заведений, некоторые из которых представлялись достаточно внушительными. В 1901 г. при Московской консультации помощников присяжных поверенных состояло около 130 сотрудников [43. С. 27], при провинциальных консультациях: Одесской в 1893 г. – 40 [59. С. 63], Ростова-на-Дону в 1905–1906 гг. – до 22 [41. С. 7]. В томской консультации, например, в 1903 г. числилось всего 6 помощников присяжных поверенных [33], но их доля в составе работников к завершению деятельности заведения заметно увеличилась: накануне закрытия в 1909 г. там было всего по два присяжных поверенных (П.В. Вологодский и В.Н. Анучин) и частных поверенных, тогда как стажировавшихся адвокатов – 17 [32. Л. 42].

Являясь более или менее самоуправляющимися единицами, консультации могли привлекать адвокатскую молодежь и тем, что, помогая приобретать необходимую юридическую практику, они иногда давали запас теоретических сведений. Томская консультация представляла собой некий клуб, где проводились публичные собрания по поводу празднования знаменательных для юристов дат и зачитывались доклады на актуальные юридические темы, где «юные рыцари слова» (еще одно название, данное С.Ю. Ломницким [57. С. 16]) получали возможность закреплять знания, полученные на университетской скамье, и перенимать профессиональные навыки от старших товарищей. «Общие собрания не ограничиваются решением дел, касающихся консультации, но нередко занимаются разбором докладов и казусов, предлагаемых членами консультации; и эти доклады и казусы приобретают тем больший интерес и значение, что и материал для них почерпается главным образом из консультационной практики. О всяком встретившемся наиболее сложном и запутанном деле дежурный консультант докладывает общему собранию, и общее собрание, таким образом, обращается и для делопроизводителей, которым дано право присутствовать на общих собраниях, и для самих консультантов в юридическую клинику», – в этом заключалось огромное значение консультации Томска для молодых людей, начавших практику или обучающихся юридическому ремеслу в университете [47. С. 690].

Консультация замечалась не только в деле увеличения знаний начинающих юристов, но и в просвещении

широких масс. В этом смысле выдающимся получилось торжественное заседание по поводу сорокалетия Судебных уставов Александра II в ноябре 1904 г., для которого был предоставлен зал уголовного отделения Томского окружного суда. Он оказался переполнен томичами, внимательно выслушавшими сообщения П.В. Вологодского о деятельности консультации, адвокатов М.Р. Белина («Общественное служение адвокатуры и ее реформы»), А.А. Кийкова («Общественная роль юридической консультации») и Р.Л. Вейсмана («О суде присяжных в Сибири»). По словам корреспондента местной газеты, «все ораторы удостоились дружного одобрения со стороны публики, выразившегося в долго не смолкавших аплодисментах» [60].

Между тем в развитии заведения были сложные моменты, прежде всего в революционный период. В апреле 1906 г. «Сибирская жизнь» сообщала: «Томская юридическая консультация переживает неблагополучное время. Некоторые деятельные члены как гг. Вологодский, Преловский не могут принимать в ней участие по “независящим причинам”, другие за добровольным выездом временно из Томска. Вследствие этого наличное число членов незначительно» [61]. Действительно, в феврале 1906 г. Петр Васильевич, только что выбранный в очередной раз председателем консультации [37. Л. 26–26 об.], как общеизвестно, в ряду других деятельных участников революционных событий был выслан из Томска в административном порядке губернатором К.С. Нолькеном [62. С. 47; 63. С. 185; 64; 65. С. 101], но уже в мае данное распоряжение отменялось и ему разрешили возвратиться в губернский город [66. С. 81]. Без него на общем собрании 29 марта 1906 г. ставились важные вопросы, свидетельствовавшие об определенном кризисе, вызванном нехваткой сотрудников. Так, было принято решение посылать просителей по несложным вопросам на дом к делопроизводителям и сделать приемными лишь два дня в неделю [37. Л. 38–38 об.].

В миг революционного напряжения тесные отношения с политически активными студентами также могли принести неприятности. В кругах, близких к юриспруденции и консультации, распространилась записка учащихся Томского университета якобы когда-то бывших делопроизводителями: «Товарищи! Юристы младших курсов, главным образом, первого! Предупреждаем и предостерегаем вас, не записывайтесь в число делопроизводителей в консультацию поверенных при Томском окружном суде, т.к. вы подвергнетесь крайне унизительному полицейскому сыску, что проделывают члены этого бюро прежде, чем допустить к занятиям в нем желающих лиц». Действовавшие тогда делопроизводители немедленно отреагировали на такую «клевету». Они созвали собрание, на котором неаргументированное воззвание было признанно бросающим «пятно» на деятельность консультационного бюро, «заведомо ложным и не отвечающим положению вещей» [Там же. Л. 227–229].

В целом сибирское общество положительно оценивало консультационные учреждения, чему подтверждением могут служить инициативы по их дальнейшему распространению. Так, в 1903 г. глава Тобольского уездного комитета трезвости В.И. Чарыков предложил открывать консультации при заведениях, призванных пресечь алкоголизацию населения (речь шла о «чайных»), тем самым еще больше «идти на помощь народу». На расходы по организации консультации выделялось 30 руб., а выработка ее правил возлагалась, кроме самого председателя комитета трезвости, на известных в городе поверенных Н.В. Пигнатти и С.Л. Вилькошевского [67]. В 1905 г. аналогичное учреждение по борьбе с пьянством в Тюмени также обсуждало идею об открытии заведения для оказания правовой поддержки тюменцам [68]. В том же году в Омске, т.е. в непосредственной близости судебной палаты, начала действовать консультация при городской управе. Ее правила не отличались от устава консультационного заведения Томска, но интенсивность деятельности была незначительной [3. С. 62].

В основном российские консультации трудились с молчаливого согласия местных судебных начальников, а законодательство игнорировало их существование. Однако государственные и общественные интересы развивались разнонаправленно. На рубеже первого и второго десятилетий XX в. развернулась кампания против юридических консультационных заведений, некоторые из них закрылись [69. С. 357–358]. Не избежала участи последних томская консультация: основываясь на распоряжении Сената, Томский окружной суд 22 сентября 1909 г. ее ликвидировал [32. Л. 49–52 об.]. Характерно, что произошло это, когда, по словам одного знатока проблемы, в крае попрежнему «царила подпольная адвокатура», состоявшая из лиц с «темным прошлым» и невысокими нравственными качествами [70. С. 23]. Потому для местных адвокатов, руководимых здравым смыслом и благими намерениями, мысль о юридическом вспомоществовании не утратила актуальности. В 1913 г. по инициативе П.В. Вологодского и других поверенных задумывалось учредить в Томске «Общество практических деятелей по изучению права и оказанию юридической помощи населению» (по сути задумывалась та же консультация, но уже не под вывеской судебного ведомства), однако губернское управление оставило поданное ходатайство «без удовлетворения» [71].

Безусловно, полезная для сибиряков и местных юристов деятельность томской консультации была прервана боровшимся за свое сохранение самодержавием, все меньше способным удовлетворять социальные потребности и утрачивавшим навык трезво оценивать ситуацию. Опасаясь корпоративности юристов, оно ограничивало их стремление помогать людям, заставляя россиян доверяться невеждам, проходимцам и, нередко, криминальным элементам, еще больше стирая границу между правом и произволом. П.В. Вологодский от начала до конца находился вместе с правоведами, ставившими целью бороться с юридической беспомощностью населения, пусть даже в ущерб собственным занятиям, заботясь о лучшем будущем страны. Но к таким излишне инициативным и активным деятелям, видя в них угрозу, царизм относился подозрительно, потому неудивительно, что выдающемуся томичу обстоятельства отвели место в лагере недоброжелателей уходящего с исторической сцены политического режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В статье рассматриваются, прежде всего, юридические консультации, действовавшие при органах юстиции и создаваемые по инициативе судебных деятелей.

[2] В 1890-х гг. имя А.В. Витте прозвучало на всю страну, когда по его почину создавалось Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, имевшее филантропическую направленность [25. С. 162; 26. С. 231–232]. Вероятно, преувеличивая роль судебного деятеля, некоторая пресса – томский «Сибирский наблюдатель» – считала создание консультации именно его инициативой [27. С. 144].

[3] В Сибири имелись примеры разного состава консультаций. Так, иркутское заведение не допускало частных поверенных, а, например, читинская консультация, может быть взяв за образец томский порядок, не лишала эту категорию адвокатов возможности участвовать в оказании юридической помощи наравне с другими поверенными [16. С. 147; 54. С. 155–156].

ЛИТЕРАТУРА

1. Pomeranz W.E. Justice from underground: The history of the underground advokatura // The Russian Review. 1993. No. 3. P. 321–340.
2. Адоньева И.Г. «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. 224 с.
3. Астахов А.В. Адвокатура округа Омской судебной палаты в конце XIX – начале XX в.: работа в консультациях и благотворительная деятельность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4. С. 58–65.
4. Астахов А.В. Нелегальная адвокатура Западной Сибири и борьба с ней в конце XIX – начале XX вв. (по материалам местной периодической печати) // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 68–76.
5. Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 с.
6. Крестьянников Е.А. «Подпольная адвокатура» и консультации поверенных в дореволюционной России: из сибирского опыта // Российская история. 2010. № 4. С. 167–176.
7. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 113–118.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 113.
9. Вологодский П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 1–13.
10. Орлов А.И. Мысли об учреждении в Тобольске юридического общества // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус. Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / Сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень : Мандр и Ка, 2004. С. 485–488.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 2. 568 с.
12. Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57–83.
13. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 2. С. 162–212.
14. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 43.
15. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. в лицах и документах: Материалы к энциклопедии / Сост. В.Г. Вишневский. Иркутск : Издание ОАО «Иркутская областная типография № 1 имени В.М. Посохина», 2004. 400 с.
16. Справочная книжка Иркутского судебного округа. Иркутск : Издание книжного магазина П.И. Макушина в Иркутске, 1898. 155 с.
17. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 г. Томск : Паровая типолитография П.И. Макушина, 1906. 35 с.
18. П. В-ий. Годовщина судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1898. 2 июля.
19. Лукашевич А. Юридическая помощь сельскому населению. (Из деятельности земств и сельскохозяйственных комитетов) // Юрист. № 38 (21 сент.). С. 1253–1256.
20. Вольтке Г. Замечания на некоторые статьи проекта об изменениях в устройстве адвокатуры // Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. 1898. № 5. С. 51–107.
21. Португалов О. Юридическая беспомощность населения и меры к ее устранению // Юридическая газета. 1905. 7 апр.
22. Сибирская торговая газета. 1900. 1, 2 апр.; 2 июня.
23. Государственный архив Омской области. Ф. 25. Оп. 2. Д. 315.
24. Государственный архив Иркутской области. Ф. 245. Оп. 5. Д. 67.
25. Иванюков И.И. Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. 1896. № 6. С. 149–164.
26. Хроника // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 174–240.
27. Заметки о судопроизводстве и судоустройстве // Сибирский наблюдатель. 1902. № 7. С. 144–148.
28. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1902 г. Год пятнадцатый. Томск : Паровая типолитография П.И. Макушина, 1903. 176 с.
29. Местная хроника // Сибирский вестник. 1902. 9 мая.
30. Хроника // Право. 1902. 26 мая.
31. Ольгин И. Маленький фельетон. Интервью // Сибирский вестник. 1902. 11 мая.
32. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 27.
33. В. К-ов. Деятельность консультации поверенных при Томском окружном суде // Сибирский вестник. 1903. 8 июля.
34. 2 июля 1897 г. – 2 июля 1902 г. // Сибирский вестник. 1902. 4 июля.
35. В. К-ов. Общее собрание консультации поверенных при Томском окружном суде // Сибирский вестник. 1903. 11 июля.
36. В консультации присяжных поверенных // Сибирская жизнь. 1904. 17 сент.
37. ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 115.
38. «Томск в кармане». Справочная книжка и адрес-календарь г. Томска. Год I / Сост. Н.А. Гурьев. Томск : Издание Н.А. Гурьева и И.Л. Миллера, 1902. 118 с.
39. Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 15–22.
40. Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при Житомирском городском комитете попечительств о народной трезвости за 1903 г. (С 7 января по 20 декабря 1903 г.). Житомир : Типография «Труд и искусство», 1904. 17 с.
41. Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при съезде мировых судей Ростовского на Дону судебно-мирового округа за 1905–1906 гг. Ростов н/Д : Типография Шульман, [1907]. 11 с.
42. Отчет консультационного бюро за 1906 г. Екатеринослав : Типография П.Д. Жемчугова, 1907. 38 с.
43. Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде за 1900 г. (С 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г.). М. : Типография Н.И. Ге, 1901. 37 с.
44. Города России в 1904 г. СПб. : Центр. статист. комитет МВД, 1906. 907 с.
45. Отчет консультации поверенных при Армавирском съезде мировых судей. В селе Армавир Кубанской области с 10 июня 1904 г. по 10 июня 1905 г. Армавир : Типография М.С. Мурадова, 1905. 11 с.

46. В консультации поверенных // Сибирская жизнь. 1904. 27 окт.
47. Праговский М. Консультация при Томском окружном суде. (Корреспонденция журнала «Юрист») // Юрист. 1903. № 20 (18 мая). С. 688–690.
48. Хроника // Право. 1904. 22 февр.
49. Хроника // Право. 1904. 5 сент.
50. Местная хроника // Сибирский вестник. 1905. 11 окт.
51. Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1899. 29 окт.
52. Хроника // Право. 1899. 5 авг.
53. Иркутская хроника // Восточное обозрение. 1899. 12 марта.
54. Заметки о судопроизводстве и судоустройстве. Правила консультации поверенных при Читинском окружном суде, утвержденные общим собранием отделений Читинского окружного суда 2 января 1904 г. // Сибирский наблюдатель. 1904. № 2. С. 155–161.
55. Дружинин Н.П. Юридические клиники // Труд. Вестник литературы и науки. 1891. Т. 8, кн. 20. С. 161–172.
56. Люблинский А. О «юридических клиниках» // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 1. С. 175–181.
57. Ломницкий С.Ю. Забытое сословие. Заметки о положении сословия помощников присяжных поверенных. Одесса : Типография Е.И. Фесенко, 1890. 71 с.
58. Крестьянников Е.А. Из истории объединений помощников присяжных поверенных в дореволюционной России // Адвокатская практика. 2014. № 3. С. 36–41.
59. Краткий отчет о деятельности консультационного бюро помощников присяжных поверенных при Одесском городском съезде мировых судей за 1893 г. // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1894. № 5. С. 61–65.
60. Томская хроника // Сибирская жизнь. 1904. 24 нояб.
61. В консультации // Сибирская жизнь. 1906. 14 апр.
62. Вулф Д.Г., Ларьков Н.С., Ляндрес С.М. П.В. Вологодский и его дневник [предисловие] // Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань : Частный издатель П.А. Трибунский, 2006. С. 7–55.
63. Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 398 с.
64. Хроника Сибири // Сибирское обозрение. 1906. 14 февр.
65. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.
66. Настольный календарь на 1919 г. Томск : Типолитография Томской железной дороги, 1919. 180 с.
67. Сибирская жизнь. Хроника Сибири // Сибирская жизнь. 1903. 3 сент.
68. Хроника Сибири // Сибирская жизнь. 1905. 6 апр.
69. История русской адвокатуры. Том первый. Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914) / Сост. С.Н. Гаврилов. М. : Юрист, 1997. 376 с.
70. И.Т. На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. № 11/12. С. 21–36.
71. Хроника // Утро Сибири. 1913. 23 февр.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 мая 2017 г.

P.V. VOLOGODSKY AND THE CASE OF LEGAL AID IN SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 113–122.
DOI: 10.17223/15617793/422/16

Evgeniy A. Krestyannikov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Keywords: Pyotr V. Vologodsky; Siberia; legal assistance; advocacy; lawyer consulting.

The article aims to study the sphere of legal services in pre-revolutionary Siberia and the role of Pyotr Vologodsky, the future Prime Minister of anti-Bolshevik governments, in its development. Using the microhistorical and comparative methods, the author considers problems of availability to Siberians of qualified legal support and its organization by lawyers through the activities of the famous Siberian. Involved historical sources including documents of public organizations, materials of archives and periodicals and the attracted works of historians allow to form an idea of the scope and directions of the Tomsk legal consultation, one of the founders of which was Pyotr Vologodsky. Disadvantages of the judicial system, deficit of lawyers and distribution of legal quackery, which was harmful to justice, the legal profession and the public, forced to organize legal assistance. During the seven years of existence, the consultation proved as a dynamically developing establishment, the best in Siberia and noticeable among the Russian institutions of this sort. Its services were available and very demanded; demand for them increased steadily, which was considerably due to the philanthropic nature of the activities. It helped the poorest sectors of society free of charge or very cheaply, which was dictated by the views of Pyotr Vologodsky and other members of an institution. The consultation was a unique organization as it employed all categories of lawyers and attracted students of Tomsk university as clerks. In general, it made stakes on young lawyers starting their career. At the meetings, acute legal issues were dealt with, at ceremonial meetings that attracted a lot of public, reports on current and interesting topics of experienced lawyers were delivered. Having become a platform for the training of young people, the consultation made significant progress in fulfilling its main purpose: it was believed that it managed to inflict damage on the illegal fishing of rascals from jurisprudence. The successes of the institution were inextricably linked with Pyotr Vologodsky, and when he had to leave Tomsk, it was going through hard times. Since Russian consultations were illegal and constituted an association of jurists independent of the state, the autocracy saw a certain danger in them, and at the turn of the second decade of the 20th century launched a campaign to ban them. On September 22, 1909 the Tomsk district court, being guided by the order of the Senate, closed the Tomsk legal consultation.

REFERENCES

1. Pomeranz, W.E. (1993) Justice from underground: The history of the underground advokatura. *The Russian Review*. 3. pp. 321–340.
2. Adon'eva, I.G. (2010) *"Velikaya polureforma": preobrazovaniya sudebnoy vlasti Zapadnoy Sibiri v otsenkakh mestnoy yuridicheskoy intelligentsii (konets XIX – nachalo XX v.)* ["The Great Half-Reform": the transformation of the judicial power of Western Siberia in the assessments of the local legal intelligentsia (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
3. Astakhov, A.V. (2010) Advokatura okruga Omskoy sudebnoy palaty v kontse XIX – nachale XX v.: rabota v konsul'tatsiyakh si blagotvoritel'naya deyatel'nost' [Advocacy of the District of the Omsk Chamber of Judges in the late 19th – early 20th centuries: work in the consultation and charity activities]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Herald of Omsk University. Series "Law"*. 4. pp. 58–65.

4. Astakhov, A.V. (2009) Illegal advocacy in Western Siberia and struggle against it in the end of 19th and the beginning of the 20th century (based on materials of local periodic press). *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 68–76. (In Russian).
5. Kazakova, E.A. (2008) *P.V. Vologodskiy: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1863–1920 gg.)* [P.V. Vologodskiy: personality and socio-political activity (1863–1920)]. History Cand. Diss. Tomsk.
6. Krest'yannikov, E.A. (2010) "Podpol'naya advokatura" i konsul'tatsii poverennykh v dorevolyutsionnoy Rossii: iz sibirskogo opyta ["Underground Advocacy" and consultations of attorneys in pre-revolutionary Russia: from the Siberian experience]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 167–176.
7. Krest'yannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodsky on the way to the legal profession: the environment, interests and activities of the lawyer at the initial stage of his professional career. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 416. pp. 113–118. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/17
8. Russian State Historical Archive. Fund 1284. List 223. File 113. (In Russian).
9. Vologodskiy, P.V. (1892) Iz istorii voprosa o sudebnoy reforme v Sibiri [From the history of the issue of judicial reform in Siberia]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 1–13.
10. Orlov, A.I. (2004) Mysli ob uchrezhdenii v Tobol'ske yuridicheskogo obshchestva [Thoughts on the establishment of a legal society in Tobolsk]. In: Mandrika, Yu.L. *Tobol'skie gubernskie vedomosti. Redaktorskiy korpus. Antologiya tobol'skoy zhurnalistiki kontsa XIX – nachala XX v.* [oblsk Province Gazette. Editorial corpus. Anthology of Tobolsk journalism of the late 19th – early 20th centuries]. Tyumen: Mandr i K.
11. Mironov, B.N. (2000) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the period of the empire (17th – early 20th centuries): The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]. Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo "Dmitriy Bulanin".
12. Sokolovskiy, N. (1867) Sovremennyy byt russkoy zhenshchiny i sudebnaya reforma. (Yuridicheskie zametki) [Modern life of a Russian woman and judicial reform. (Legal notes)]. *Zhenskiy vestnik*. 9. pp. 57–83.
13. Russkoe bogatstvo. (1898) Khronika vnutrenney zhizni [Chronicle of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 2. pp. 162–212.
14. State Archive in Tobolsk. Fund 158. List 2. File 43. (In Russian).
15. Vishnevskiy, V.G. (2004) *Administrativno-sudebnaya sistema Vostochnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. v litsakh i dokumentakh: Materialy k entsiklopedii* [Administrative and judicial system of Eastern Siberia of the late 19th – early 20th centuries in persons and documents: Materials for the encyclopedia]. Irkutsk: Izdanie OAO "Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1 imeni V.M. Posokhina".
16. Makushin's Bookstore. (1898) *Spravochnaya knizhka Irkutskogo sudebnogo okruga* [Reference book of the Irkutsk judicial district]. Irkutsk: Izdanie knizhnogo magazina P.I. Makushina v Irkutske.
17. Makushin's Typolithography. (1906) *Otchet o deyatel'nosti konsul'tatsii poverennykh pri Tomskom okruzhnom sude s 1 iyulya 1904 g. po 1 iyulya 1905 g.* [Report on the activities of the attorney consultation at the Tomsk District Court from July 1, 1904 to July 1, 1905]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
18. V-iy, P. (1898) Godovshchina sudebnoy reformy v Sibiri [Anniversary of judicial reform in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 02 July.
19. Lukashevich, A. (c. 1903) Yuridicheskaya pomoshch' sel'skomu naseleniyu. (Iz deyatel'nosti zemstv i sel'skokhozyaystvennykh komitetov) [Legal assistance to the rural population. (From the activities of the zemstvos and agricultural committees)]. *Yurist*. 38 (21 September). pp. 1253–1256.
20. Vol'tke, G. (1898) Zamechaniya na nekotorye stat'i proekta ob izmeneniyakh v ustroystve advokatury [Comments on some articles of the draft on changes in the organization of the Bar Association]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom universitete*. 5. pp. 51–107.
21. Portugalov, O. (1905) Yuridicheskaya bespomoshchnost' naseleniya i mery k ee ustraneniyu [Legal helplessness of the population and measures to eliminate it]. *Yuridicheskaya gazeta*. 7 April.
22. *Sibirskaya torgovaya gazeta*. (1900). 1, 2 April; 2 June.
23. State Archive of Omsk Oblast. Fund 25. List 2. File 315. (In Russian).
24. State Archive of Irkutsk Oblast. Fund 245. List 5. File 67. (In Russian).
25. Ivanyukov, I.I. (1896) Ocherki provintsial'noy zhizni [Essays on provincial life]. *Russkaya mysl'*. 6. pp. 149–164.
26. Zhurnal Ministerstva yustitsii. (1897) Khronika [Chronicle]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 6. pp. 174–240.
27. Sibirskiy nablyudatel'. (1902) Zametki o sudoproizvodstve i sudoustroystve [Notes on judicial proceedings and judicial system]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 7. pp. 144–148.
28. Makushin's Typolithography. (1903) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1902 g. God pyatnadtsatyy* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1902. Year fifteenth]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina.
29. Sibirskiy vestnik. (1902) Mestnaya khronika [Local chronicle]. *Sibirskiy vestnik*. 9 May.
30. Pravo. (1902) Khronika [Chronicle]. *Pravo*. 26 May.
31. Ol'gin, I. (1902) Malen'kiy fel'eton. Interv'yu [A small feuilleton. Interview]. *Sibirskiy vestnik*. 11 May.
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 10. List 1. File 27. (In Russian).
33. K-ov, V. (1903) Deyatel'nost' konsul'tatsii poverennykh pri Tomskom okruzhnom sude [The activity of the consultation of attorneys at the Tomsk District Court]. *Sibirskiy vestnik*. 8 July.
34. Sibirskiy vestnik. (1902) 2 iyulya 1897 g. – 2 iyulya 1902 g. [July 2, 1897 – July 2, 1902]. *Sibirskiy vestnik*. 4 July.
35. K-ov, V. (1903) Obshchee sobranie konsul'tatsii poverennykh pri Tomskom okruzhnom sude [General meeting of the consultation of attorneys at the Tomsk District Court]. *Sibirskiy vestnik*. 11 July.
36. Sibirskaya zhizn'. (1904) V konsul'tatsii prisyazhnykh poverennykh [In the consultation of sworn attorneys]. *Sibirskaya zhizn'*. 17 September.
37. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 10. List 1. File 115. (In Russian).
38. Gur'ev, N.A. (1902) *"Tomsk v karmane". Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' g. Tomska. God I* ["Tomsk in your pocket." Reference book and address-calendar of Tomsk. Year 1]. Tomsk: Izdanie N.A. Gur'eva i I.L. Millera.
39. L.K. (1909) Ocherki sibirskoy zhizni [Essays on Siberian life]. *Sibirskie voprosy*. 43. pp. 15–22.
40. Trud i iskusstvo. (1904) *Otchet o deyatel'nosti konsul'tatsionnogo byuro prisyazhnoy advokatury pri Zhitomirskom gorodskom komitete popechitel'stv o narodnoy trezvosti za 1903 g. (S 7 yanvarya po 20 dekabrya 1903 g.)* [Report on the activities of the consultation bureau of the sworn advocacy at the Zhytomyr City Committee of Curators for People's Sobriety for 1903 (from 7 January to 20 December 1903)]. Zhitomir: Tipografiya "Trud i iskusstvo".
41. Shul'man. (c. 1907) *Otchet o deyatel'nosti konsul'tatsii pomoshchnikov prisyazhnykh poverennykh pri s"ezde mirovykh sudey Rostovskogo na Donu sudebno-mirovogo okruga za 1905–1906 gg.* [Report on the activity of the consultation of assistants of sworn attorneys at the congress of the Justices of the Peace of Rostov-on-Don judicial-world district for 1905–1906]. Rostov-on-Don: Tipografiya Shul'man.
42. Zhemchugov, P.D. (1907) *Otchet konsul'tatsionnogo byuro za 1906 g.* [The report of the consulting bureau for 1906]. Ekaterinoslav: Tipografiya P.D. Zhemchugov.
43. Ge, N.I. (1901) *Otchet o deyatel'nosti konsul'tatsii pomoshchnikov prisyazhnykh poverennykh pri Moskovskom mirovom s"ezde za 1900 g. (S 1 yanvarya 1900 g. po 1 yanvarya 1901 g.)* [Report on the activities of the consultation of assistants of sworn attorneys at the congress of the Justices of the Peace of Moscow for 1900 (From January 1, 1900 to January 1, 1901)]. Moscow: Tipografiya N.I. Ge.
44. Central Statistics Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1906) *Goroda Rossii v 1904 g.* [Cities of Russia in 1904]. St. Petersburg: Tsentr. statist. komitet MVD.
45. Muradov, M.S. (1905) *Otchet konsul'tatsii poverennykh pri Armavirskom s"ezde mirovykh sudey. V sele Armavir Kubanskoy oblasti s 10 iyunya 1904 g. po 10 iyunya 1905* g. [The report of the consultation of the attorneys at the Armavir congress of Justices of the Peace. In the village of Armavir of Kuban Oblast from June 10, 1904 to June 10, 1905]. Armavir: Tipografiya M.S. Muradova.

46. Sibirskaya zhizn'. (1904) V konsul'tatsii poverennykh [In the consultation of attorneys]. *Sibirskaya zhizn'*. 27 October.
47. Pragovskiy, M. (1903) Konsul'tatsiya pri Tomskom okruzhnom sude. (Korrespondentsiya zhurnala "Yurist") [Consultation at the Tomsk District Court. (Correspondence of the journal Yurist)]. *Yurist*. 20 (18 May). pp. 688–690.
48. Pravo. (1904) Khronika [Chronicle]. *Pravo*. 22 February.
49. Pravo. (1904) Khronika [Chronicle]. *Pravo*. 5 September.
50. Sibirskiy vestnik. (1905) Mestnaya khronika [Local chronicle]. *Sibirskiy vestnik*. 11 October.
51. Sibirskiy vestnik. (1899) Sibirskaya letopis' [Siberian chronicle]. *Sibirskiy vestnik*. 29 October.
52. Pravo. (1899) Khronika [Chronicle]. *Pravo*. 5 August.
53. Vostochnoe obozrenie. (1899) Irkutskaya khronika [Irkutsk chronicle]. *Vostochnoe obozrenie*. 12 March.
54. Sibirskiy nablyudatel'. (1904) Zametki o sudoproizvodstve i sudoustroystve. Pravila konsul'tatsii poverennykh pri Chitinskom okruzhnom sude, utverzhdennye obshchim sobraniem otdeleniy Chitinskogo okruzhnogo suda 2 yanvarya 1904 g. [Notes on the court proceedings and the judiciary. Rules of consultation of attorneys at the Chita District Court, approved by the general meeting of the Chita District Court on January 2, 1904]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 2. pp. 155–161.
55. Druzhinin, N.P. (1891) Yuridicheskie kliniki [Legal clinics]. *Trud. Vestnik literatury i nauki*. 8:20. pp. 161–172.
56. Lyublinskiy, A. (1901) O "yuridicheskikh klinikakh" [On "legal clinics"]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii.* 1. pp. 175–181.
57. Lomnitskiy, S.Yu. (1890) *Zabytoe soslovie. Zametki o polozhenii sosloviya pomoshchnikov prisyazhnykh poverennykh* [Forgotten class. Notes on the position of the class of assistants of sworn attorneys]. Odessa: Tipografiya E.I. Fesenko.
58. Krest'yannikov, E.A. (2014) Iz istorii ob"edineniy pomoshchnikov prisyazhnykh poverennykh v dorevolyutsionnoy Rossii [From the history of associations of assistants of sworn attorneys in pre-revolutionary Russia]. *Advokatskaya praktika*. 3. pp. 36–41.
59. Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete. (1894) Kratkiy otchet o deyatel'nosti konsul'tatsionnogo byuro pomoshchnikov prisyazhnykh poverennykh pri Odesskom gorodskom s"ezde mirovykh sudey za 1893 g. [A brief report on the activities of the consultation bureau of assistants of sworn attorneys at the Odessa City Congress of Justices of the Peace for 1893]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete.* 5. pp. 61–65.
60. Sibirskaya zhizn'. (1904) Tomskaya khronika [Tomsk chronicle]. *Sibirskaya zhizn'*. 24 November.
61. Sibirskaya zhizn'. (1904) V konsul'tatsii [In the consultation]. *Sibirskaya zhizn'*. 14 April.
62. Vulf, D.G., Lar'kov, N.S. & Lyandres, S.M. (2006) P.V. Vologodskiy i ego dnevnik [predislovie] [P.V. Vologodsky and his diary [preface]]. In: Vologodskiy, P.V. *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and in exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: Chastnyy izdatel' P.A. Tribunskiy.
63. Zinov'ev, V.P. & Kharus', O.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Khronika* [Social and political life in Tomsk Province in 1880 – February 1917. Chronicle]. Tomsk: Tomsk State University.
64. Sibirskoe obozrenie. (1906) Khronika Sibiri [Chronicle of Siberia]. *Sibirskoe obozrenie*. 14 February.
65. Shilovskiy, M.V. (2010) *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya* [Tomsk pogrom of October 20–22, 1905: chronicle, commentary, interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
66. Typolithography of the Tomsk Railway Company. (1919) *Nastol'nyy kalendar' na 1919 g*. [Desktop calendar for 1919]. Tomsk: Tipolitografiya Tomskoy zheleznoy dorogi.
67. Sibirskaya zhizn'. (1903) Khronika Sibiri [Chronicle of Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 3 September.
68. Sibirskaya zhizn'. (1905) Khronika Sibiri [Chronicle of Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 6 April.
69. Gavrilov, S.N. (1997) *Istoriya russkoy advokatury* [History of the Russian advocacy]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
70. I.T. (1912) Na poprishche advokatury [In the field of advocacy]. *Sibirskie voprosy.* 11/12. pp. 21–36.
71. Utro Sibiri. (1913) Khronika [Chronicle]. *Utro Sibiri*. 23 February.

Received: 18 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 123–130. DOI: 10.17223/15617793/422/17

УДК 94 (100) «16/17»

Д.Д. Крылова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОДЕРЖИМОСТИ НА МАТЕРИАЛАХ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ

Ставится проблема возникновения разночтений в определении значения термина «одержимость» в позднесредневековых демонологических трактатах. В работе представляются основные концепции и виды одержимости, описанные в западноевропейских демонологических трактатах, определяется процесс и источники их формирования. Выделяется роль метода наблюдения за эпидемиями одержимости в процессе формирования понятия «демоническая одержимость» в интеллектуальной среде Западной Европы XVI–XVII вв.

Ключевые слова: одержимость; демонологические трактаты; Западная Европа; XVI–XVII вв.

На фоне всплеска проявлений одержимости в странах Западной Европы XVI–XVII вв. наблюдается рост числа демонологических и теологических работ, посвященных этому явлению. Однако в данных работах не наблюдается общности оценок этого феномена, и в целом определение понятия носит противоречивый, двусмысленный характер. Одних терминов на латыни для обозначения этого явления насчитывается около десятка: «possessio, obssessio, arreptitio, daemoniaci, energumeni, indaemoniati, vexati и пр.» [1. P. 291], а также существует множество производных от них во всех европейских языках, которые во многом и понимались в этих странах по-разному. Например, в своей известной работе «Демономания» Жан Боден использует термин «daemoniac» для обозначения как ведьмы, так злого духа и собственно одержимого [2. P. 89–91]. Вместе с тем в трактатах дается указание на разные типы и виды одержимости, например, в «Молоте Ведьм» среди видов одержимости указываются божественное одухотворение, оборотничество, наваждение и даже весьма «экозотический» вид – одержимость животного злым духом [3. С. 147–148]. Еще более сложной выглядит ситуация в отношении описания авторами признаков одержимости, в числе которых обнаруживаются и «заключение пакта с Дьяволом» [4. С. 296], и «участие в шабаше» [5. С. 197], и «видения призраков» [6], в первую очередь определяющих ведьму, а не одержимого. Таким образом, в едином комплексе текстов – средневековых демонологических трактатах, одно и то же понятие – «одержимость», или «possession», понимается и используется авторами по-разному, в него вкладывается разный смысл. В связи с этим центральной проблемой представленной работы является выявление причин возникновения описанного понятийного противоречия.

Для решения этой задачи был проанализирован ряд демонологических и ведовских трактатов, выпущенных в период с XVI по XVII в.: «О причинах естественных явлений, или о Чародействе» Пьетро Помпонацци [7], «Демономания колдунов» Жана Бодена [2], «Беседы о колдовстве» Анри Боге [8], «Диалог о ведьмах и колдовстве» Джоржда Гиффорда [9], «Демонология в форме диалога» Якова I Стюарта [10], «Разоблачение, того греховного, постыдного, лживого и абсурдного Рассуждения, написанного Самуэлем Харснеттом» Джона Даррелла [11], «Свод о ведовстве» Франческо Марии Гваццо [12], «Суд жури присяжных» Майкла Дальтона [6], «Картина непостоянства злобных ангелов и демонов» Пьера де Ланкра [13], «Исследования в области магического» Мартина Антуана дель Рио [14], «Страдающее благочестие» Пьера Эспри де Босроже [3. С. 197] и др.

Представленный корпус текстов демонологических и ведовских трактатов традиционно понимается как некий монолитный комплекс с единообразной структурой и содержанием. Однако большинство трактатов этого времени представляют собой сложные по структуре и содержанию тексты, написанные либо в форме диалога, либо в форме некой антологии рассуждений о колдовстве, обобщающей опыт нескольких лет наблюдений или судебной практики автора. При написании своих работ авторы старались как можно тщательнее ознакомиться с предметом своего «исследования», подкрепить свои выводы множеством цитат из трудов предшественников и современников, обобщить накопленный материал в интересующей его области. Благодаря этому работы данного жанра можно считать неким аналогом современных научных работ с присущей им фундаментальностью и структурой. При этом характер описания предмета исследования следует определить как философское рассуждение, в рамках которого каждый автор индивидуально и творчески переосмысливал ключевые демонологические понятия, привносил в них новые смыслы, признаки и грани, что добавляет сложности при анализе текстов данного жанра.

В то же время обнаруживается разделение общего комплекса трактатов на ведовские и демонологические трактаты в зависимости от центрального предмета заявленного автором текста, а также на материковые и периферийные трактаты в зависимости от места возникновения текста и принадлежности автора определенному идеологическому течению. Вдобавок к этому времени возникает отдельный корпус текстов, носящих название антиведовских трактатов, авторы которых выступали против развернувшейся в Европе «охоты на ведьм» и использовали понятие одержимости в своей агитации.

Демонологические и ведовские трактаты материкового происхождения представляют собой многотомные или многокнижные своды, написанные в таких странах, как Франция, Испания и Германия. Этому типу текстов присуща глубокая связь с такими демонологическими концептами, как демонолитет – иерархичное представление сил зла, развитый образ

Дьявола, как главы сил тьмы, шабаш, дьявольский пакт, ведовство и т.д. [15. С. 45]. К этой группе текстов относятся работы таких авторов, как Анри Боге, Жан Боден, Пьер де Ланкр, Мартин Дель Рио и др.

В свою очередь, трактаты, происходящие из таких стран, как Англия, Голландия и Италия, формируют блок периферийных демонологических и ведовских трактатов, преимущественно из этих же стран происходит блок и антиведовских трактатов. К этим группам текстов относятся работы таких авторов, как Пьетро Помпонацци, Джордж Гиффорд, Джон Даррелл, Майкл Дальтон и др. Трактаты этого типа представляют собой диалоги, построенные по принципу личного рассуждения автора на заданную тему, либо запись диалога третьих лиц с изначально разными исходными позициями по проблемному вопросу. При этом повествование строится по классическим образцам научного стиля Средневековья, для которого характерно полностью абстрактное рассуждение на тему, а аргументы приводятся из классических античных и богословских работ. Вместе с тем в работах указанного типа чувствуется сильное влияние местной простонародной культуры. Так, в трактатах присутствуют народные религиозные представления, порой никак не обработанные, что выражается в использовании авторами понятий порчи и ведовства, не отягощенных разветвленной демонологической системой.

В целом в демонологических и ведовских трактатах указанного периода можно выделить несколько основных концепций одержимости, которые стали ведущими в демонологической и теологической мысли XV–XVII столетий: 1) одержимость как Божья кара; 2) одержимость как вредоносное вмешательство демонов в жизнь человека; 3) одержимость как следствие вредоносного колдовства или порчи; 4) одержимость как отражение греховности или чистоты души одержимого и его окружения; 5) одержимость как заболевание естественного происхождения.

В текстах также присутствуют описания нескольких видов одержимости, например: ангелической одержимости (divine possession) – состояние святых во время снисхождения на них божественной благодати; демонической одержимости (demonic possession) – одержимость человека бесом или демоном; преднамеренной одержимости – состояние ведьм или колдунов, вызывающих духа, например некромантов; непреднамеренной одержимости, возникающей по причине чужого вредоносного вмешательства; а также указывается одержимость тела и одержимость души, в частности авторы рассматривают осаду человеческого разума и души через искус со стороны бесов и Дьявола, так называемого наваждения (obsession). Каждый из представленных концептов и видов одержимости так или иначе был представлен в текстах демонологических трактатов, но в зависимости от заглавного предмета работы занимал либо центральное, либо второстепенное место. Вместе с тем, безусловно, ведущим понятием в тексте является именно демоническая одержимость, относительно ее характера и природы и ведутся основные споры авторов трактатов.

Поскольку пик проявлений одержимости совпал с волной массовой охоты на ведьм и был напрямую связан с нею, в большинстве случаев одержимость трактуется авторами как вред, нанесенный ведьмой. При этом сам одержимый рассматривался исключительно как невинная жертва порчи или сглаза. В ведовских и демонологических трактатах материкового типа понятие одержимости в первую очередь связано с идеей вредоносного колдовства и порчи (maleficia). Так, Франческо Мария Гваццо пишет, что «дьявольскую одержимость, возникающую по причине maleficia, трудно определить… так как демон, находящийся внутри тела, может никак не проявляться» [12. P. 320]. При этом крайне усиливается идея отношений между ведьмой и одержимым, как между вредителем и жертвой, что делает ведьму практически единственным источником этого заболевания [2. P. 90]. Определяющее значение приобретает восприятие ведьмы как приспешницы Дьявола, заключившей ним договор, главной целью которой являлось вредительство всему роду человеческому. Среди характерных признаков одержимости авторы перечисляют такие, как: возможность разговора на других и ранее неизвестных языках [Ibid. P. 216], потеря чувств, например зрения, осязания или способности говорить [2. P. 216; 8. P. 239], чревовещание [2. P. 396], зловоние [Ibid. P. 344], апатия [13. P. 314–315] и печальное расположение духа [Ibid. P. 314].

Другим главным концептом, которым пользовались авторы при объяснении состояния демонической одержимости, является концепт божественного попущения, или своеобразной санкции Господа Дьяволу на осуществление им зла в целях наказать человечество за грехи. Исходя из тезисов, изложенных еще Фомой Аквинским [16. С. 89–99] о том, что замыслы Господа покрыты тайной и не могут быть известны человеку, большинство демонологов склонялось к выводу о всемогуществе Дьявола и демонов по причине неизвестности, а потому и неограниченности их возможностей и действий в отношении человечества [17. P. 59]. Так, отец Жан Лежен в трактате «Об одержимых бесами» писал, что господь использует Сатану для испытания людей и через него объявляет свою милость или гнев. Таким образом, изначально инструментом божьей милости или кары выступал именно Дьявол или отдельный демон, захвативший тело человека, однако в период большой охоты на ведьм таким инструментом стала мыслиться именно ведьма, посредством колдовства которой и возникала одержимость.

Концепция, определяющая возможность вредительства ведьмы как формы проявления божьего попущения, а саму ведьму как инструмент Божьего воздаяния, стала наиболее популярна в работах периферийного типа, например в трудах Джорджа Гиффорда. Он пишет: «Ибо если они (люди) предполагают, что дьявол есть нечто вроде палача Господнего и обнаруживают, что он обладает некоей силой, данной ему досаждать, вредить и волновать людей телесно, либо каким-то иным образом, то, зная наверняка, что это исходит от Господа, они понимают (как это и есть в действительности), что Бог недоволен ими за их проступки. И они стремятся к Нему и застенчиво умоляют простить и освободить от этого врага, желая во-

оружиться многомощным оружием веры для того, чтобы отбить его нападки и противостоять ему, как того желал сам Господь. Нет ничего более худшего для человека, чем впадать в греховное заблуждение, думая, что ведьмы сами сделали все это, руководствуясь своим гневом, и не понимая, что происходит сие от людских грехов и неверия» [9. С. 82]. Однако в трактатах материкового типа концепт божьего попущения также используется и встречается. Так, Мартин Дель Рио, описывая причины возникновения одержимости, указывает на ее колдовскую природу – «демоны входят в тело человека по причине малефиция» [14. P. 430], при этом он отдельно подчеркивает, что «демоны в тела человека по воле Бога» [Ibid. P. 441–442].

В ситуации обострившегося религиозного раскола между протестантами и католиками в странах Западной Европы понятие одержимости стало обогащаться новыми смыслами. В первую очередь оно было переработано внутри протестантского ответвления христианства. Делалось это, с одной стороны, для того чтобы подчеркнуть свою инаковость, с другой стороны, для того чтобы обзавестись своей объяснительной концепцией, удовлетворяющей запросам представителей протестантских религиозных общин, внутри которых также продолжали происходить случаи одержимости, как индивидуальные, так и эпидемии этого феномена. В рамках таких протестантских учений, как, например, кальвинизм и англиканство, одержимость стала обозначать греховность души одержимого или его окружения, а также воспринималась как свидетельство конца времен по причине активизации демонов и Дьявола в борьбе за души людей, выражающееся в количественном увеличении случаев одержимости в современное им время [18. P. 197–239; 19. P. 12–17].

Считая одержимость захватом демоном не тела, а души, определяя связь между нравственным поведением и вероятностью одержимости, протестанты объявляли самого человека причиной одержимости, видя причину его состояния в греховности и несовершенстве его души [17. P. 63]. Примерами работ, в которых нашли развитие описанные представления, могут служить трактаты короля Якова 1, Джона Даррелла, Генри Мора и др. В своих работах они отталкивались как от идеи божьего попущения, считая одержимость наказанием за грехи человечества, так и от материковых идей о колдовской природе одержимости, определяя ведьму главным источником заболевания. Так, Яков пишет, что «могущество Дьявола проявляется в его воздействии на каждый участок и чувства тела (одержимого)», при этом отмечает, что освобождение одержимого от демона происходит вследствие «решения самого Дьявола отпустить свою жертву, нежели в способности ведьмы излечить эту болезнь» [10. P. 78–79], в то же время Джон Даррелл пишет об «особой роли тайной воли Бога и Ангелов» в процессе возникновения одержимости [11. P. 21].

Отдельное место в демонологических и ведовских трактатах занимают концепции наваждения и ангелической одержимости, находясь на второстепенном положении по отношению к вышеперечисленным магистральным концепциям, они были связаны с комплексом агиографической и библейской литературы и в первую очередь использовались демонологами в качестве примеров для подтверждения своей точки зрения. Особый интерес вызывает и то, что к середине XVI в. наблюдается стремление демонологов дискредитировать понятие божественной одержимости и определить все виды одержимости как исключительно демоническую или бесовскую по своей природе. Демонологи утверждали, что природа неординарного поведения одержимых, как и демонстрируемые ими чудеса, происходят не из божественной благодати, а от дьявольских происков.

Данные тезисы нашли свое развитие в демонологической концепции вселения бесов в отдельные органы человеческого тела [1. P. 268–306]. Согласно этой концепции природа духа напрямую зависела от его местонахождения в теле человека. Так, дух, находившийся в сердце или голове, был выше по статусу, чем дух, находившийся в горле, желудке или других органах. К тому же от местонахождения духа в теле зависела степень лояльности жертвы к своему мучителю. В том числе этим определялась преднамеренность состояния одержимого, так как считалось, что, например, дух, обитавший в сердце, не мог вселиться туда без сердечного одобрения или разрешения одержимого. Тем самым одержимый объявлялся виновником своего состояния, так как сам впускал демона в свое тело. Демонологи также полагали, что главной виной одержимого становились тщеславие и жажда познания, так как именно эти чувства толкали его на поиск контакта с бестелесными сущностями путем использования различных мистических практик, что делало человека уязвимым перед происками ведьм и Дьявола.

Концепция одержимости как естественного заболевания была в первую очередь связана с трактатами антиведовского направления. В контексте представлений того времени любая болезнь, даже вполне естественного происхождения, считалась возникшей по причине вмешательства демонических сил, и в этом отношении одержимость не выпадала из ряда обычных заболеваний. Главным идеологом скептического отношения к понятию одержимости является Йохан Вейер, который в своих работах открыто называл одержимых либо сумасшедшими, либо шарлатанами, хотя при этом и не отрицал возможности истинной демонической одержимости [17. P. 76]. Тем самым он заложил основу для перехода понятия одержимости уже в сугубо медицинскую проблематику. В середине XVII в. благодаря авторам, работавшим в ключе сугубо медицинского подхода к одержимости [19. P. 1–8], станет возможным выведение понятия из демонологического дискурса, что впоследствии определит дальнейшую судьбу понятия и его понимание на многие века вперед.

Все вышеуказанные концепты сосуществовали не только в единое время, но и довольно часто сталкивались на страницах одних работ, поэтому столь четкое разведение этих концептов в некотором смысле условно. Так, в одной работе можно встретить сразу несколько концепций одержимости, связанных автором трактата воедино, при этом среди признаков и

описаний одержимости встречаются признаки, характерные для разных видов и типов одержимости. Но каким образом формировалась описываемая ситуация терминологического и понятийного конфликта в демонологических трактатах позднего Средневековья? Детально проанализировав тексты демонологических трактатов, в частности те их разделы, что посвящены явлению «одержимости», исходя из содержания трактатов и используемой авторами аргументации, были выявлены следующие причины возникновения подобного рода разночтений в понимании термина «одержимость» и противоречивости оценок этого явления:

1. Ситуация столкновения трех главных источников пополнения знаний об одержимости и, как следствие, трех различных образов явления.

Большинство трактатов строилось на базе трех главных источников – Библии и агиографической литературы, античного наследия и народных представлениях о сверхъестественном, что приводило к серьезным накладкам и противоречиям в структуре и содержании отдельно взятого текста, так как каждый из представленных источников имел разное представление об «одержимости». Так, в библейских и агиографических сюжетах об одержимости центральное место занимает фигура экзорциста, изгоняющего бесов, например, Иисуса Христа, апостолов или святых, а фигура самого одержимого является лишь дополнением. В данных текстах обнаруживаются скудные отсылки на некоторые конкретные признаки одержимости (именно эти малочисленные признаки бесноватости будут в последующем взяты на вооружение протестантами как единственно истинные признаки одержимости), но при этом в указанной литературе не дается исчерпывающего определения природы одержимости и причин заболевания. Вместе с тем понятие одержимости на протяжении нескольких веков (VI–XIII вв.) существовало исключительно в рамках агиографической литературы, в сюжетах об изгнании бесов святыми [21. P. 7], что привело к формированию определенного клише описания явления, связанного в первую очередь с понятием чуда и силой слова Божьего. Множество подобного рода описаний об изгнаниях нечистой силы собрал в своих «Диалогах» Григорий Великий [20. С. 20–25, 62–64, 77–78, 116–117, 130–132], встречаются они и в житиях святых. Именно из этого комплекса текстов большинство демонологов брали примеры и сюжеты об одержимости в древности и использовали их в качестве подтверждения своей концепции или правоты.

Источники античного происхождения, привлекаемые демонологами, были крайне разнообразны: от исторических до медицинских работ, в тексте которых авторы трактатов пытались найти описание одержимости и ее этиологии. Так, в работе Пьетро Помпонации обнаруживаются ссылки на Платона, Аристотеля и Галена, используемые им для описания одержимости как естественного заболевания, с точки зрения гуморальной теории и меланхолии [7. С. 178–179, 186–188, 278]. Жан Боден цитирует Плутарха для описания колдовства в древние времена [2. P. 343–344], а также привлекает Ветхий Завет для описания одержимости во времена Соломона [Ibid. P. 89–91]. Воззрения на одержимость в античных текстах весьма разнообразны, в них представлен весь спектр трактовок от безумия и истерии до мании и воздействия порчи или сглаза [22. С. 357–391; 23. С. 150–156]. Стоит отметить, что впервые об одержимости заговорили во времена поздней Римской империи, на рубеже II–III вв., когда ее сотрясали эпидемии этого недуга [22. С. 357–368]. Именно Античность передала в наследство западной цивилизации термин «одержимость» – posidendi или possessum, чин экзорциста и первые заклинательные практики для изгнания демонов. В целом античное наследие использовалось как сторонниками, так и противниками идеи колдовской природы одержимости, и каждый из авторов выбирал подходящие цитаты и выдержки из обширной античной литературы.

Следующим источником пополнения знаний об одержимости стали народные представления о сверхъестественном жителей стран Западной Европы. Изначально простые народные представления об одержимости как о возможности проникновения некого духа в тело человека были широко распространены среди народов европейского континента. Однако большинство из этих представлений не получили документального теоретического оформления, не были четко сформулированы и записаны, но продолжали жить в рамках народных представлений о потусторонних силах и нечисти и на протяжении многих столетий. Одержимость в данном ключе понималась как вариация порчи, козни злой ведьмы или же случайное столкновение с недобрым духом. В указанный период ситуация переноса авторами народных верований в свои работы, посвященные ведьмам и одержимости, стала типичной. Поскольку авторы трактатов не были изолированы от общества, в котором росли и проживали, они были не просто знакомы, но и довольно часто разделяли большинство из представлений, характерных для народной религиозной культуры. К тому же большинство из них вели запись с мест происшествий либо будучи свидетелями происходивших событий, либо делали это со слов участников событий, которые транслировали распространенные в их общине представления о колдовстве и одержимости.

Таким образом, авторы начинают активно привлекать личный опыт наблюдения или участия в судебных разбирательствах над ведьмами, на которых со стороны обвинения довольно часто стали выступать именно одержимые. Например, Джордж Гиффорд в своей работе приводит довольно обычные для английского крестьянина нарративы о порче, сглазе и вредоносном колдовстве, такие как сюжет о боязни соседской старухи с неприятным нравом [9. С. 64, 67, 109–111] или сюжет о наведении порчи на скот зажиточного человека [Ibid. С. 64] и т.д. Анри Боге описывает случай одержимой девочки Луизы Маля и указывает на один из традиционных способов «заражения» одержимостью через пищу. Автор рассказывает, что ведьма дала ребенку, в доме родителей которого гостила, хлеб, населенный демонами [8. P. 239–241]. Об этом же свидетельствует Жан Боден, описывая пример одержимости в мужском монастыре, где именно повар оказался колдуном, заразившим еду [2. P. 216].

Сюжет о проникновении демона в тело человека через пищу, воду или воздух отнюдь не нов и встречается в агиографической литературе; например, в диалогах Григория Великого есть примеры подобного рода [20. С. 20–25], но представления о намеренном подселении демона в еду ведьмой или колдуном есть прямая отсылка к традиционным народным представлениям о порче и сглазе [24. С. 3–10].

Таким образом, впервые ученое понятие, разработанное в рамках исключительно демонологической литературы, начинает испытывать на себе влияние народной религиозной культуры со своим пониманием одержимости, и в первую очередь в отношении описания причин одержимости и способов ее возникновения. При этом ведущим методом описания явления становится метод наблюдения, благодаря которому авторы трактатов обогащали понятие одержимости, внося в него элементы народной местной культуры. Вместе с тем весь этот разношерстный массив информации перемалывался внутри демонологической мысли и приобретал различные формы и виды в рамках демонологических и ведовских текстов.

2. Проблема перехода от абстрактного ученого определения к практическому пониманию одержимости как реального явления, происходящего в мире.

Столкнувшись с реальными проявлениями одержимости в странах Западной Европы, авторы демонологических и ведовских трактатов были вынуждены решать ряд серьезных проблем, в том числе и проблему описания реального явления при помощи абстрактных общих понятий, никак не связанных с окружающей их действительностью. Данная ситуация приводит к формированию особого типа описания одержимости через описание отдельных казусов и эпидемий недуга, а также через детальное описание признаков одержимости. При этом наблюдается общее стремление демонологов дистанцироваться от вопроса о происхождении явления как от уже выясненного и тривиального сюжета, что в конечном итоге делает возможным объединение в рамках одного термина «possession» разных демонологических концептов.

Таким образом, в нескольких демонологических трактатах, изданных в одно и то же время, под одним и тем же термином могут подразумеваться совершенно разные понятия, в зависимости от авторских установок в отношении феномена и их приверженности определенной концепции явления. Определить данные установки крайне трудно, и сделать это можно лишь по косвенным данным, например при анализе подобранных демонологом признаков одержимости или при выборе определенных примеров или ссылок на работы предшественников, указывающих на согласие или несогласие с выражаемой ими точкой зрения.

Поскольку первостепенное значение приобретают личное присутствие и участие авторов трактата в описываемых в текстах событиях, в целях увеличения степени доверия к написанному тексту у читателей, вместе с этим происходит обогащение содержания понятия одержимости, что наиболее ярко видно на примере развития того же элемента описания одержимости, как ее симптомы или признаки. При анализе признаков одержимости хорошо видно, как продолжается процесс смешения представлений об одержимости народного и демонологического уровней. Так, среди признаков одержимости Майкла Дальтона обнаруживается народное поверье о встрече с приведением, как о дурном предзнаменовании [6], в то же время в трактате Э.П. Босроже в качестве признака одержимости указывается «детальное описание одержимым шабаша» [5. С. 197], в Лувьерском трактате 1644 г. в числе признаков одержимости указано «заключение пакта с Дьяволом» [4. С. 296], что является прямой отсылкой на демонологические концепты.

Следует также отметить значительное расширение и детализацию признаков одержимости, которые описывали и душевные [6; 12. P. 320–323], и физические свойства одержимого [4. С. 296–297], его специфическое поведение и внешность, например состояние тела одержимого, его твердость или мягкость [12. P. 321; 19. P. 219], цвет лица и звук голоса [4. С. 296; 12. P. 322; 19. P. 218], сверхъестественные способности, как ясновидение и левитация [10. P. 78; 19. P. 219–220], наличие особых отметин на коже одержимого – стигматов или опухолей и шишек [12. P. 320; 19. P. 219] и т.д. Описание каждого нового случая одержимости привносило новые характерные признаки и явления к уже известным и записанным авторами [17. P. 1–22]. Так, ни детально описанных диалогов одержимого с демонов, ни их припадков и трансов не встречается в Библии, все они списаны с реальных местных практик и в зависимости от региона от случая к случаю список признаков одержимости варьируется и отличается.

Таким образом, признаки одержимости, представленные в позднесредневековых трактатах, стали сильно отличаться от тех классических, что описывались в ранних ведовских трактатах, взятых из агиографической, античной и библейской литературы [17. P. 6; 20. P. 26–34], ввиду серьезной зависимости определения одержимости от местной специфики, местного варианта проявлений этого феномена и комплексов представлений, связанных с ним.

3. Религиозный раскол как стимул к поиску новых смыслов.

Серьезное значение в развитии понятия одержимости в интеллектуальной среде позднесредневековой Европы связано с религиозным противостоянием католиков и протестантов, которые использовали понятие одержимости в целях идеологической пропаганды, в качестве инструмента в борьбе с идейными противниками. Обряд экзорцизма и явление одержимости стали использоваться религиозными течениями в качестве подтверждения божественных полномочий представителей одной из противоборствующих сторон. С одной стороны, и протестанты, и католики исходили из одних представлений и убеждений. Так, ни те ни другие не оспаривали связь между ведьмой и одержимым, как между вредителем и жертвой, как и ведовскую природу одержимости. С другой – у каждой стороны конфликта был свой подход к описанию понятия, как и предлагаемые методы ее лечения. В ситуации идеологического противостояния католики продолжали держаться прежней линии, и главными новаторами стали именно протестанты, требовавшие

возвращения к первоначальным истокам христианства, в отношении одержимости они поступили в том же ключе. Руководствуясь исключительно Новым Заветом, протестанты сформировали новую концепцию одержимости, выбрав в качестве критериев одержимости и практик лечения лишь те, что встречаются в Библии, выделив всего три главных признака одержимости – невероятную силу одержимых, глоссолалию и потерю всех чувств [10. P. 78–81; 11. P. 20–22], а также два метода лечения – молитву и пост [10. P. 79–80; 11. P. 23–27].

Идеологическая война протестантов и католиков и активное использование ими ритуала экзорцизма в качестве религиозного оружия, в конце концов, привели к полной дискредитации как ритуала, так и самого понятия одержимости, которое к концу XVII в. было полностью переведено в рамки научного, медицинского дискурса и стало трактоваться исключительно как подвид истерии, меланхолии или сумасшествия. С концом массовых эпидемий одержимости заканчивается короткий период популярности темы, понятие одержимости перестает быть главной темой трактатов и прекращает свое развитие в рамках демонологической и теологической литературы.

Таким образом, нельзя сказать, что процесс формирования представлений об одержимости в демонологических трактатах шел линейно и поступательно от одного понимания к другому, скорее наоборот, он шел волнообразно от одной популярной теории к другой. Понятие одержимости несколько раз кардинально перерабатывалось и впитало в себя несколько концептов, например божьего попущения, maleficia и др. Понятие одержимости стало частью нескольких идеологических направлений и использовалось поразному, например в целях религиозной пропаганды, как в случае религиозного конфликта протестантов с католиками. Понятие одержимости стало аргументом как сторонников «охоты на ведьм», так и ее противников, одновременно понятие было доказательством божественного и демонического вмешательства в жизнь человечества, а также свидетельством реальности порчи и сглаза и т.д. Одержимость прошла путь от абстрактного демонологического понятия к практическому, представляющему существующее в реальности явление, а не сугубо умозрительную концептуальную конструкцию. В этом особую роль сыграл метод наблюдения за реальными случаями одержимости в Европе XVI–XVII вв., которые сформировали особый тип описания и представления понятия одержимости. Понятие одержимости стоит рассматривать как отражение развития общей демонологической мысли Средневековья, в нем ярко проявились все новые и популярные идеи и течения внутри этого жанра, пока, в конце концов, оно не вышло из употребления, не перешло в ряд сугубо медицинских терминов и не утратило свои прежнюю роль и влияние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Caciola N. Mystics, Demoniacs, and the Physiology of Spirit Possession in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History 42. 2000. № 2. P. 268–306.
2. Bodin, J. De la Demonomanie des Sorciers. 1587. 602 p. URL: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit022 (дата обращения: 29.03.2017).
3. Шпренгер Я. Молот ведьм / [Пер. с латин. Н. Цветкова ; вступ. ст. С.Г. Лозинского ; сост. и примеч. С.А. Ершова]. СПб. : Амфора, 2001. 523, [4] с. URL: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit060 (дата обращения: 29.03.2017).
4. Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии / пер. с англ. Т.М. Колядич, Ф.С. Капица ; отв. ред. Ф. С. Капица. М. : Локид : Миф, 1996. 556, [4] с.: ил.
5. Ведовство, которого не было / пер. с англ. Н. Масловой ; сост., предисл. Н. Горелова. СПб. : Азбука-классика, 2005. 448 с.
6. Dalton M. A Guide to justices of the peace regarding witches from the country justice. 1618. URL: http://witchfinders.co.uk/guide.html (дата обращения: 29.03.2017).
7. Помпонацци П. Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений» / Акад. обществ, наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма ; редкол.: В.И. Гараджа (пред.) и др. М. : Главная редакция АОН при ЦК КПСС, 1990. 312 с.
8. Boguet H. An Examen of Witches, trans. E.A. Ashwin, ed. Montague Summers // Levak B. The witchcraft sourcebook. London : Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. P. 238–242.
9. Гиффорд Дж. Диалог о ведьмах и колдовстве // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.). М., 1996. С. 59–148.
10. James I. King of England. Daemonologie. 1597. 89 p. URL: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit162 (дата обращения: 29.03.2017).
11. Darrel J. A Detection of That Sinnfvl, Shamfvl, Lying, and Ridicvlovs Discovrs, of Samvel Harshnet. 1600. 218 p. URL: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit151 (дата обращения: 29.03.2017).
12. Guazzo F.M. Compendivm Maleficarvm / ed. by G. Einaudi. Torino, 1992. 447 p.
13. L'Ancre P. de. Tableav de l'Inconstance des Mavvais Anges et Demons. 1613. 642 p. URL: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit063 (дата обращения: 29.03.2017).
14. Del Rio M.A. Les Controverses et Recherches Magiqves. 1611. 1180 p. URL: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit041 (дата обращения: 29.03.2017).
15. Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / пер. с англ. А.Ю. Серегиной. М. : Искусство, 2003. 282, [1] с.
16. Аквинский Фома, Сумма теологии. Ч. I: Вопрос 114. О нападении демонов / пер. с лат. К.В. Бандуровский // Человек. 1999. № 5. С. 79–99.
17. Levack B. The Devil within. Possession and Exorcism in the Christian West. Yale University, 2013. 347 p.
18. More G. A True Discourse concerning the Certain Possession and Dispossession of 7 Persons in one familie in Lancashire. London, 1600 // Almond Philip C. Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context. 2004. P. 197–239 // URL: http://dhayton.haverford.edu/pamphlets/1600/01/a-true-discourse-concerning-the-certaine-possession-and-dispossession-of-7-persons (дата обращения: 29.03.2017).
19. Almond Philip C. Demonic possession and exorcism in early modern England: contemporary texts and their cultural context. N.Y. : Cambridge University Press, 2004. 405 p.
20. Григорий Великий Двоеслов. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М. : Благовест, 1996. 316 с.
21. Tamm M. Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th – 13th century) // Folklore 23. 2003. P. 7–17.
22. Спасский А. Вера в демонов в древней церкви и борьба с ними // Богословский вестник. 1907. Т. 2. С. 357–391.

23. Игина Ю.Ф. Медицина против демонологии: дискуссия вокруг ведовства, одержимости дьяволом и практик экзорцизма // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2007. Вып. 3. С. 150–156.
24. Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) / пер. с англ., лат., нем., фр. ; переводы В.А. Гафнера и др. ; общ. ред., сост. и предисл. М.А. Тимофеева ; примеч. Н.В. Симоновой и др. М. : РОССПЭН, 1996. 463, [1] с.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 мая 2017 г.

THE TRANSFORMATION OF IDEAS ABOUT POSSESSION ON DEMONIC MATERIALS OF LATE MEDIEVAL TREATISES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 123–130.
DOI: 10.17223/15617793/422/17
Diana D. Krylova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diana.krylova90@mail.ru
Keywords: possession; demonological treatises; Western Europe; 16th–17th cc.

In this article the author examines the problem of profound discrepancies in the definition of the meaning of "possession" in the texts of demonic treatises of the early modern time. The aim of the article lies in the analysis of an array of early modern demonic treatises of such authors as H. Boguet, P. Pomponazzi, J. Boden, M. A. Del Río, P. de L'Ancre, F. M., Guazzo, James I Stuart, John. Darrell and others, with historical-comparative and retrospective methods of analyzing texts to determine changes in understanding of the term "possession" over time. In the framework of source-study analysis the characteristics of demonic treatises are given. The complexity of the composition, the structure and content of the tracts, the similarity of the texts with modern scientific works are determined. The classification of demonic tracts depending on their types – peripheral and the mainland, demonological, witchcraft and anti-witchcraft treatises – is presented. The study of the texts of demonic tracts allocated 5 main concepts of possession: (1) possession as God's punishment; (2) possession as a malicious intervention of demons in human life; (3) possession as a result of malicious witchcraft or damage; (4) possession as a reflection of the sinfulness or purity of the soul of the possessed and its surroundings; (5) possession as a disease of natural origin. Several basic types of possession were identified: divine possession; demonic possession; intentional and unintentional possession, possession of body and possession of soul, particularly, obsession. There is a connection between the notion of possession and the main demonic and theological concepts: maleficia, God's permission and sinfulness of human nature. The topic of determination of possession through the natural science concept is discussed. On the basis of the material obtained, the following conclusions were made. The main causes of the formation of conceptual contradictions are: (1) the collision of three major sources of knowledge about possession – the Bible, Antiquity and folk views, they have a different understanding of the term "possession"; (2) the transition from abstract academic definitions to a practical understanding of possession associated with the description of actual cases of possession; of decisive importance in the formation of a new type of description of the phenomenon is the observation method; (3) religious schism. The struggle of Protestants and Catholics for the congregation, their use of the concept of possession in the process of religious wars and ideological agitation led to the emergence of new concepts, phenomena and new meanings of the concepts. A conclusion is made about the fluctuating nature of the change in the understanding of the term "possession" in the intellectual thought of the late medieval Western Europe; several different definitions and meanings overlap in the 16th–17th centuries; they determined the situation of terminological discrepancies.

REFERENCES

1. Caciola, N. (2000) Mystics, Demoniacs, and the Physiology of Spirit Possession in Medieval Europe. *Comparative Studies in Society and History*. 42:2. pp. 268–306.
2. Bodin, J. (1587) *De la Demonomanie des Sorciers* [From the Demonomania of sorcerers]. [Online] Available from: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc= witch;view=toc;subview=short;idno=wit022. (Accessed: 29.03.2017).
3. Sprenger, J. (2001) *Molot ved'm* [The Hammer of the Witches]. Translated from Latin by N. Tsvetkov. St. Petersburg: Amfora. [Online] Available from: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit060. (Accessed: 29.03.2017).
4. Robbins, R.H. (1996) *Entsiklopediya koldovstva i demonologii* [Encyclopedia of witchcraft and demonology]. Translated from English by T.M. Kolyadich, F.S. Kapitsa. Moscow: Lokid: Mif.
5. Gorelov, N.S. (2005) *Vedovstvo, kotorogo ne bylo* [Witchcraft which has never occured]. Translated from English by N. Maslova. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
6. Dalton, M. (1618) *A Guide to justices of the peace regarding witches from the country justice*. [Online] Available from: http://witchfinders.co.uk/guide.html. (Accessed: 29.03.2017).
7. Pomponazzi, P. (1990) *Traktaty "O bessmertii dushi", "O prichinakh estestvennykh yavleniy"* [Treatises "On the Immortality of the Soul", "On the Causes of Natural Phenomena"]. Translated from Italian. Moscow: Glavnaya redaktsiya AON pri TsK KPSS.
8. Boguet, H. (2010) *An Examen of Witches*. Kessinger Publishing, LLC.
9. Gifford, J. (1996) Dialog o ved'makh i koldovstve [A Dialogue Concerning Witches and Witchcrafts]. Translated from English. In: Timofeev, M.A. (ed.) *Demonologiya epokhi Vozrozhdeniya (XVI–XVII vv.)* [Demonology of the Renaissance (16th–17th centuries)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
10. James I. King of England. (1597) *Daemonologie*. [Online] Available from: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view= toc;subview=short;idno=wit162. (Accessed: 29.03.2017).
11. Darrel, J. (1600) *A Detection of That Sinnfvl, Shamfvl, Lying, and Ridicvlovs Discovrs, of Samvel Harshnet*. [Online] Available from: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit151. (Accessed: 29.03.2017).
12. Guazzo, F.M. (1992) *Compendivm Maleficarvm*. Torino: Einaudi.
13. L'Ancre, P. de. (1613) *Tableav de l'Inconstance des Mavvais Anges et Demons* [Table of the Inconstancy of Bad Angels and Demons]. [Online] Available from: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit063. (Accessed: 29.03.2017).
14. Del Rio, M.A. (1611) *Les Controverses et Recherches Magiqves* [Controversies and Magic Searches]. [Online] Available from: http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc= witch;view=toc;subview=short;idno=wit041. (Accessed: 29.03.2017).
15. Monter, W. (2003) *Ritual, mif i magiya v Evrope rannego Novogo vremeni* [Ritual, myth and magic in Europe of the early modern era]. Translated from English by A.Yu. Seregina. Moscow: Iskusstvo.
16. Thomas Aquinas. (1999) Summa teologii. Ch. I: Vopros 114. O napadenii demonov [The Sum of Theology. Part I: Question 114. On the attack of demons]. Translated from Latin by K.V. Bandurovskiy. *Chelovek*. 5. pp. 79–99.
17. Levack, B. (2013) *The Devil within. Possession and Exorcism in the Christian West*. Yale: Yale University Press.

18. More, G. (2004) A True Discourse concerning the Certain Possession and Dispossession of 7 Persons in one familie in Lancashire. London, 1600. In: Almond, Ph.C. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. [Online] Available from: http://dhayton.haverford.edu/pamphlets/1600/01/a-true-discourse-concerning-the-certaine-possession-and-dispossession-of-7-persons. (Accessed: 29.03.2017).
19. Almond, Ph.C. (2004) *Demonic possession and exorcism in early modern England: contemporary texts and their cultural context*. New York: Cambridge University Press.
20. *Gregory* the Dialogist. (1996) *Sobesedovaniya o zhizni italiyskikh ottsov i o bessmertii dushi* [Dialogues about the life of Italian fathers and the immortality of the soul]. Translated from Latin. Moscow: Blagovest.
21. Tamm, M. (2003) Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th – 13th century). *Folklore*. 23. pp. 7–17.
22. Spasskiy, A. (1907) Vera v demonov v drevney tserkvi i bor'ba s nimi [Faith in the demons in the ancient church and the struggle with them]. *Bogoslovskiy vestnik*. 2. pp. 357–391.
23. Igina, Yu.F. (2007) Meditsina protiv demonologii: diskussiya vokrug vedovstva, oderzhimosti d'yavolom i praktik ekzortsizma [Medicine against demonology: a discussion about witchcraft, devil's obsession and exorcism practice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Bulletin of St. Petersburg University*. 3. pp. 150–156.
24. Timofeev, M.A. (ed.) (1996) *Demonologiya epokhi Vozrozhdeniya (XVI–XVII vv.)* [Demonology of the Renaissance (16th–17th centuries)]. Translated from English, Latin, German, French by V.A. Gafner et al. Moscow: ROSSPEN.

Received: 19 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 131–135. DOI: 10.17223/15617793/422/18

УДК 930.1:341.222

А.В. Мартюшев

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ ГЕРМАНИИ, ВЕНГРИИ И ПОЛЬШИ К ПЕРВОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируется современная отечественная историография изучения территориальных споров Первой Чехословацкой республики с Германией, Венгрией и Польшей. На основе ключевых работ, посвященных данной теме, автор показывает главные направления, существующие в современной историографии по данному вопросу, и приходит к выводу, что рассматриваемая проблема является ключевой в изучении внешней политики Первой Чехословацкой республики отечественными исследователями.

Ключевые слова: Первая Чехословацкая республика; международные отношения; внешняя политика; национальные меньшинства; историография.

Внешняя политика Первой Чехословацкой республики является важным компонентом системы международных отношений межвоенного периода. В 1938 г. Чехословакия стала жертвой агрессии со стороны Германии, Венгрии и Польши. В этом контексте важно знать, что привело к такому результату республику Масарика и Бенеша. Именно поэтому вопрос территориальных споров является одним из наиболее изученных в современной отечественной историографии аспектов внешней политики Чехословакии межвоенного периода.

В наибольшей степени в современной отечественной историографии проанализированы отношения Германии с Чехословакией. Появились исследования, посвященные данной проблематике как на уровне статей, так и монографий. Возникли новые или получили дальнейшее развитие направления изучения, такие как положение немецкого меньшинства в Чехословакии и его контакты с Германией, отношения лужицких сербов с Чехословакией и т.д. [1, 2]. Произошел пересмотр некоторых прежних положений и оценок, касающихся, прежде всего, деятельности чехословацкой дипломатии.

Большой вклад в изучение данной темы внес Н.Н. Станков. В 2007 г. вышла его монография «Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии 1918–1924» [3]. Также данной проблематике посвящен ряд его статей [4–7]. В монографии автором на фоне и в контексте международных отношений изучаемого периода были проанализированы отношения Германии и Чехословакии с момента возникновения Чехословацкого государства и до подписания Женевского протокола. В данной работе Станков рассматривает взаимодействие двух государств по многим направлениям: экономическому (торговля, репарационный вопрос), национальному (судето-немецкий вопрос), обеспечения безопасности границ.

По оценке автора, отношения с Германией были в центре внимания чехословацких политиков с момента образования государства, но вплоть до окончания Первой мировой войны и революции в Германии из-за давления Франции у них отсутствовала четкая программа действий [3. С. 32]. После Ноябрьской революции оба государства были заинтересованы в установлении контактов. Германия надеялась таким образом прорвать международную изоляцию и избежать осуществления антигерманских проектов, со стороны Чехословакии приоритетными были вопрос признания исторических границ и в связи с этим решение немецко-богемского вопроса.

Тема судетских немцев остается одной из важнейших на протяжении всей монографии. И если изначально ключевой проблемой было установление границ, то в дальнейшем, как показывает автор, вопрос о положении судетских немцев так или иначе поднимался в ходе всех германо-чехословацких переговоров. В качестве основных поводов для вмешательства во внутренние дела Чехословакии (а именно так Бенеш классифицировал судето-немецкую проблему) Станков выделяет несоблюдение прав немецкого населения и процесс чехизации. Именно в нерешенности этого вопроса видится одна из основных причин, мешавших нормализации отношений двух стран.

Автор также указывает на негативную роль Франции в развитии отношений между Берлином и Прагой. Именно с действиями Франции связывается неурегулированность судетского вопроса, поскольку Париж выступал против уступок немцам. Однако из-за позиции судетских немцев Прага не во всем могла следовать французским курсом, так как не могла бы провести бескровную мобилизацию и опасалась вторжения Венгрии и Баварии [3. С. 294–295, 305].

Не обошел автор вниманием и внутригерманские события первой половины 1920-х гг. и их влияние на отношения с Чехословакией. В частности, это касается деятельности нацистской партии в Баварии. Как отмечается, деятельность НСДАП представляла угрозу для Чехословакии, поскольку прослеживалась подготовка «национальной революции» и свержения правительства Веймарской республики. Для этого стали привлекаться сторонники, в том числе за границей. Конечной целью было объединение всех немцев в одном государстве, поэтому чехословацкое правительство начало борьбу с нацистским влиянием на судетских немцев [Там же. С. 369–370]. Большое значение чехословацкое правительство придавало мюнхенскому путчу 8–9 ноября 1923 г. По словам автора, «внимание Чехословакии к мюнхенскому путчу было обусловлено интересами национальной и государственной безопасности» [6. С. 157], но при этом он указывает, что чехословацкие лидеры преувеличивали

угрозу реставрации монархии в Германии и соседних странах, сконцентрировав внимание на деятельности Э. Людендорфа, и недооценили нацистское движение [6. С 157].

Еще одна статья Н.. Станкова «Трудный путь в Локарно: дипломатия Э. Бенеша в 1925 г.» дополняет тему внешней политики Чехословакии в 1920-е гг., начатую в монографии [7]. Несмотря на то что статья посвящена внешней политике Чехословакии накануне и в период Локарнской конференции, магистральной темой в ней является проблема гарантии восточных границ Германии. По мнению автора, Берлин не хотел связывать себя с Чехословакией какими-либо обязательствами и особенно привязывать арбитражный договор с ЧСР к договору с западными державами. Как пишет автор, локарнские соглашения подрывали безопасность ЧСР, так как гарантии Англии и Италии на них не распространялись, а французские гарантии в них не были включены. «Ощущая ослабление французской поддержки, ЧСР старались наладить отношения с Веймарской республикой», и в дальнейшем это привело к поискам противовеса усилению Германии, в качестве которого выступил Советский Союз [7. С. 76].

Подробно проблему судетских немцев в своих исследованиях рассматривает С.В. Кретинин. Самой значимой его работой можно назвать монографию «Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945» [1], вышедшую в 2000 г. Рассматриваемому нами периоду в данной работе посвящены три первые главы. В них автор делает упор на внутриполитической жизни судетских немцев. В основном это касается глав, посвященных периоду 1918–1933 гг. Анализируя внешнеполитическую активность судето-немецких партий в период формирования Чехословацкого государства и установления границ, автор делает акцент на контактах с Австрией и затрагивает отношения с Германией лишь в контексте идей аншлюса и борьбы за самоопределение. Главную причину поражения в этой борьбе Кретинин видит «в том, что лидеры судетских немцев рассчитывали разрешить судетскую проблему при помощи извне» [1. С. 56]. Автор отмечает, что поражение привело к дифференциации между официальной судето-немецкой эмиграцией и радикалами, начавшими формировать на территории Германии военизированные организации, которые участвовали позднее в Капповском путче. Несмотря на это, германское правительство прохладно относилось к судето-немецким эмигрантам, их деятельность обостряла германо-чехословацкие отношения. Автор, в частности, пишет о событиях 4 марта 1919 г., которые «породили надежды у судето-немецких политиков на германскую оккупацию Судет» [1. С. 56].

Более подробно Кретинин касается контактов судетских немцев с Германией в третьей главе, которая называется «На пути к Мюнхену: судетские немцы в 1933–1938 годах». В этой главе рассматривается деятельность самого мощного политического движения судетских немцев в 1930-е гг. – Судето-немецкого отечественного фронта (с 1935 г. – Судето-немецкая партия) под руководством К. Генлейна. Как утверждает автор, вопрос о сущности генлейновского движения является спорным. С одной стороны, СНОФ-СНП считается «пятой колонной» гитлеровского режима в Чехословакии, а с другой – сам Генлейн и члены его организации вплоть до кануна Мюнхена отрицали эту связь, и им верило руководство ЧСР. При этом указывается ряд фактов, подтверждающих связи генлейновцев и германских нацистов [1. С. 121]. Сложность определения характера движения видится в том, что в состав СНОФ-СНП входили различные политические организации, как умеренные, так и радикальные. Кроме того, отрицание связей с национал-социализмом, выбивало почву из-под ног судето-немецких социал-демократов и коммунистов, которые строили свою критику на фашистском характере генлейновского движения [1. С. 127].

Как пишет автор, в период с 1933 по конец 1937 г. германские нацисты не уделяли первостепенного внимания судето-немецкому вопросу, несмотря на все попытки СНОФ-СНП добиться открытой поддержки. И лишь в конце 1937 г. произошел перелом, связанный с ревизией европейских границ. И с этого момента судето-немецкая проблема становится одной из основных во внешней политике Германии [1. С 148]. В 1938 г., по мнению Кретинина, сложился единый фронт судето-немецких партий, в который попытались войти, в том числе, и социал-демократы, активизировавшие контакты с австрийскими, германскими и другими судето-немецкими организациями [Там же. С. 151]. Не обходит автор вниманием и политику умиротворения, суть которой он определяет в том, «чтобы путем небольших уступок, жертв в пользу агрессивных фашистских и диктаторских государств, сохранить мир в Европе» [Там же. С. 159]. Что же касается влияния Мюнхенских соглашений на судьбу Судет, отмечается, что «судетские немцы в очередной раз стали заложниками большой европейской политики. На короткое время они воссоединились с остальными немцами, но цена воссоединения оказалась слишком велика: новая мировая война» [Там же. С. 171].

Венгеро-чехословацкие отношения в гораздо меньшей степени изучены в отечественными историками. Наиболее полно их касается А.И. Пушкаш в своем четырехтомном исследовании «Внешняя политика Венгрии». Это издание посвящено внешней политике Венгрии 1918–1939 г. и затрагивает в том числе, отношения с Чехословакией, в основном в контексте Малой Антанты. Наиболее детально они рассмотрены в четвертом томе, охватывающем период с февраля 1937 по сентябрь 1939 г. [8]

Автор отмечает, что в данный период из-за страха оказаться в одиночестве против Германии Чехословакия, как и другие страны Малой Антанты, делала попытки сблизиться с Венгрией. Но Венгрия саботировала переговоры, параллельно сближаясь с Югославией и Румынией. Будапешт к этому времени уже подпал под влияние Германии [8. С. 51].

Официальной причиной переговоров Венгрии с Малой Антантой А.И. Пушкаш называет вопрос признания военного равноправия Венгрии, на тот момент уже существовавшего де-факто. По его мнению, венгры затягивали переговоры по договору о ненападении, и это было связано с положением венгерского меньшинства в Чехословакии. Чехословацкое правительство, как и в случае с немецким меньшинством,

отказывалось выносить данный вопрос во внешнеполитическое вопроса к положению словаков в Венгрии [8. С. 59]. При этом, даже в случае разрешения данного вопроса, Венгрия не подписала бы договор из-за антивенгерских соглашений Малой Антанты [Там же. С. 53].

Стимулом для ускорения переговоров со стороны Чехословакии автор называет аншлюс Австрии [Там же. С. 114]. После него Прага была готова вести независимые от других стран Малой Антанты переговоры и даже согласилась на большие уступки, чем Румыния. Но переговоры велись лишь для отвода глаз, так как Венгрия не была заинтересована в соглашении, ожидая в скором времени распад Чехословакии [Там же. С. 121]. По мнению автора, во многом отделению Чехословакии от Малой Антанты способствовала Югославия, и это отделение проходило, прежде всего из-за вопроса о нацменьшинствах, что шло точно по плану венгерского премьер-министра [Там же. С. 121].

Что касается венгерской политики в отношении Чехословакии в период Мюнхена, то она исходила из позиции Югославии, которая подразумевала, что если Венгрия нападет на Чехословакию после Германии, ей ничего не угрожает [8. С. 162]. Автор также отмечает, что в Будапеште опасались, как бы его не обошли в процессе дележа ЧСР. Особенно настораживало венгров то, что «Англия поддерживает и польские (помимо германских) претензии к Чехословакии, одних только венгров отсылают договариваться непосредственно с ней» [Там же. С. 164]. В сентябре 1938 г. Венгрия вела переговоры с Англией по вопросу расчленения Чехословакии. Пушкаш приводит слова венгерского посланника: «Венгрия требует те же права, которые получат немцы – не более, но ни в коем случае не менее» [Там же. С. 166].

По словам автора, согласие Чехословакии на англо-французские требования в сентябре 1938 г. шло вразрез с интересами Венгрии из-за гарантии ее границ западными державами после передачи Судетской области Германии. Но их успокоил тот факт, что Германия и Италия отказывались давать такие гарантии до удовлетворения польских и венгерских требований [8. С. 175]. С 21 сентября Венгрия провела ряд мероприятий, направленных на обострение ситуации и еще большее разжигание ирредентистских настроений [Там же. С. 176]. Италия пыталась умерить венгров и советовала «в случае если удастся расчленить Чехословакию “мирным путем”, то Венгрия должна требовать только те территории, которые населены венграми, а словаки получат право на самоопределение и “присоединятся” к Венгрии “добровольно”» [Там же. С. 179]. По вопросу раздела Чехословакии Будапешт вел переговоры и с Малой Антантой. Пушкаш пишет, что Румыния был согласна с передачей Венгрии чехословацких земель, населенных венграми, но была против аннексии Словакии, так как это могло изменить баланс сил [Там же. С. 185]. Югославия также была против присоединения Словакии [Там же. С. 186].

В отношении Словакии Венгрия и Польша вели совместную игру. Автор по этому поводу отмечает, что они добивались создания общей границы и Варшава помогала в этом Венгрии. В частности, их совместная оккупация Прикарпатской Руси [8. С. 207]. Но после занятия Тешинской Силезии Польша, с точки зрения венгров, вышла из игры [Там же. С. 208].

Мюнхенское соглашение было в целом положительно оценено венгерским руководством, но с оговоркой, что Венгрия недовольна тем, что «оно оставило нерешенным вопрос о судьбе ненемецких национальностей, проживающих в Чехословакии, и в первую очередь – венгров» [Там же. С. 229].

Проблеме венгеро-чехословацких отношений посвящена также диссертация Б.Б. Гогуева «Социально-экономическое и политическое положение венгерского национального меньшинства в Чехословакии и Румынии в 1918–1939 гг.» [9]. В ней автор пишет, что в течение 1920–1930-х гг. чехословацкое правительство последовательно проводило политику дискриминации венгерского меньшинства в экономической, политической, языковой сфере и слишком поздно обратили внимание на эту проблему. Также указывается, что в период Мюнхенского кризиса венгерское правительство выработало, в отличие от Германии и Польши, компромиссную позицию в отношении Чехословакии, но в Праге посчитали такую позицию выжидательной [9. С. 23].

Третьим государством, имеющим территориальные претензии к Чехословакии, была Польша. Наиболее полно польско-чехословацкие отношения рассмотрены в монографии С.В. Морозова «Польско-чехословацкие отношения 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой “равноудаленности” министра Ю. Бека» [10]. В ней автор рассматривает процесс охлаждения отношений между Польшей и Чехословакией вплоть до ликвидации последней. Точкой отсчета этого процесса называется заключение «пакта четырех», к которому у Праги и Варшавы было разное отношение. Обе страны беспокоила вероятность ревизии восточных границ Германии за их счет, но действовали они по-разному. Польша пыталась сформировать единый фронт с Чехословакией против «пакта четырех», но этому препятствовала уклончивая позиция Бенеша [10. С. 68]. После признания Малой Антантой пакта «польское руководство разочаровывается в возможности политического сотрудничества с ней и перестает рассматривать Чехословакию как потенциального партнера и на международной арене, и в сфере двухсторонних отношений» [Там же. С. 74]. Возникшая отчужденность просматривается и в их участии в лондонской конвенции (участие Польши и Малой Антанты было оформлено в разных документах) [Там же. С. 82]. Эти события привели к тому, что Прага осталась на стороне Франции, а Варшава стала сближаться с Германией [Там же. С. 83].

Основными причинами охлаждения польско-чехословацких отношений автор считает стремление Польши обезопасить свои границы и войти в число великих держав. Для этой цели и была создана идея интермариума – так называемого нейтрального союза Польши с Венгрией, а позднее – с Румынией. Чехословакия в этих планах рассматривалась как искусственное образование, которое необходимо разрушить для создания общей границы с потенциальным союзником [10. С. 295]. Эта идея была краеугольным камнем

польской внешней политики вплоть до 1938 г., когда она потерпела крах [10. С. 296]. В качестве фактора, предполагавшего обезопасить Чехословакию, называется строительство Буковинской железной дороги, которая должна была связать СССР с Чехословакией. Автор пишет, что «строительство железной дороги… стало теми незримыми часами, которые отсчитывали годы, месяцы и дни, оставшиеся до кардинальных изменений в Центральной Европе» [Там же. С. 307].

Крах внешнеполитических целей Польши связывается с событиями 1938 г. И рубежом, после которого позиции Варшавы резко ослабли, считается Мюнхенская конференция. Причинами этого С.В. Морозов считает противодействие Германии созданию польско-венгерской границы, нежелание Польши вступать в Антикоминтерновский пакт и территориальные претензии в Тешинской Силезии на часть земель, которые Германия хотела включить в свой состав. Ключевые события польско-чехословацких отношений в данный период были связаны с территорией Тешинской Силезии, по которой в сентябре 1938 г. начались двухсторонние переговоры [10. С. 409].

К настоящему времени изучение положения национальных меньшинств в первой Чехословацкой республике и тесно связанной с ним проблемы территориальных претензий со стороны Германии, Венгрии и Польши является в отечественной историографии одним из наиболее исследуемых аспектов внешней политики межвоенной ЧСР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретинин С.В. Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945. Воронеж, 2000. 320 с.
2. Шевченко К.В. Лужицккий вопрос и Чехословакия в 1918–1948 гг. : автореф. дис… д-ра ист. наук. М., 2008. 59 с.
3. Станков Н.Н. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии 1918–1924. Волгоград, 2007. 472 с.
4. Станков Н.Н. Франко-бельгийская оккупация Рурской области и политика Чехословакии (январь–февраль 1923 г.) // Восточная Европа после Версаля. СПб. : Алетейя, 2007. С. 187–203.
5. Станков Н.Н. Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. 2006. № 3. С. 3–16.
6. Станков Н.Н. Мюнхенский путч 1923 г. и Чехословакия // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 152–157.
7. Станков Н.Н. Трудный путь в Локарно: дипломатия Э. Бенеша в 1925 г. // Новая и новейшая история. 2006. С. 50–76.
8. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. 458 с.
9. Гогуев Б.Б. Социально-экономическое и политическое положение венгерского национального меньшинства в Чехословакии и Румынии в 1918–1939 гг. : автореф. дис… канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 30 с.
10. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М. : МГУ, 2004. 528 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

TERRITORIAL CLAIMS OF GERMANY, HUNGARY AND POLAND TO THE FIRST CZECHOSLOVAK REPUBLIC IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 131–135.
DOI: 10.17223/15617793/422/18

Aleksandr V. Martyushev, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Al.martiushew@yandex.ru

Keywords: first Czechoslovak Republic; foreign policy; international relations; national minorities; historiography.

The aim of the article is to overview the main works of modern Russian historians devoted to territorial variance between the first Czechoslovak Republic and Germany, Hungary and Poland. At the beginning of the article, the author said that the problem of territorial claims and national minorities in studying the foreign policy of Czechoslovakia in the interwar period is crucial because it caused aggression from Germany, Hungary and Poland. The author used works of Nikolay Stankov and Sergey Kretinin to analyse the modern Russian historiography of German-Czechoslovak territorial variances in the interwar period. The author said that both researchers consider the problem of Sudeten Germans as the key issue of German-Czechoslovak relations in this period. Stankov considers this problem along with other aspects of the relations between the two countries, whereas in Kretinin's work it is the object of the research. According to the historians, the activities of the Sudeten Germans largely depended on the influence from abroad and, therefore, this process was slow in the 1920s. Activation of it was associated with the rise of power of Nazis in Germany and the formation of the Henlein movement in Czechoslovakia. According to Kretinin's opinion on the events of 1938, Czechoslovakia would have been able to resist Germany if Poland and Hungary had not acted against it. The article notes that Hungarian territorial claims are poorly investigated in the modern Russian historiography. The author used the work of Andrey Pushkash Foreign Policy of Hungary. February 1937 – September 1939 to analyze this question. In this monograph, relations between Hungary and Czechoslovakia are considered in the context of the Little Entente, since Budapest had territorial claims to all countries included in it. According to Pushkash, these claims were mainly directed against Czechoslovakia, but Hungary was ready to take risk in this to a lesser degree than Poland and Germany because the position of Yugoslavia was unclear. Poland is the last country whose territorial claims are studied in this article. The author used the monograph of Stanislav Morozov Polish-Czechoslovak relations 1933-1939. In his book, Morozov researches the causes and course of deterioration of relations between Prague and Warsaw, as well as the process of convergence of the latter with Berlin. Morozov explains that the Munich Conference marked the failure of the foreign policy of Poland in the interwar period. At the end of the article, it is concluded that the problem of the territorial claims of Germany, Hungary and Poland to Czechoslovakia, as well as the question of the national minorities in Central and Eastern Europe are very important and profoundly studied in the modern Russian historiography.

REFERENCES

1. Kretinin, S.V. (2000) *Sudetskie nemtsy: narod bez rodiny. 1918–1945* [Sudeten Germans: a people without a homeland. 1918–1945]. Voronezh: Voronezh State University.

2. Shevchenko, K.V. (2008) *Luzhitskkiy vopros i Chekhoslovakiya v 1918–1948 gg.* [The Lusatian question and Czechoslovakia in 1918–1948]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
3. Stankov, N.N. (2007) *Diplomaticheskie otnosheniya Veymarskoy respubliki i Chekhoslovakii 1918–1924* [Diplomatic relations of the Weimar Republic and Czechoslovakia. 1918–1924]. Volgograd: Volgograd State University.
4. Stankov, N.N. (2007) Franko-bel'giyskaya okkupatsiya Rurskoy oblasti i politika Chekhoslovakii (yanvar'–fevral' 1923 g.) [Franco-Belgian occupation of the Ruhr area and the policy of Czechoslovakia (January–February 1923)]. In: Kostyushko, I.I. (ed.) *Vostochnaya Evropa posle Versal-ya* [Eastern Europe after Versailles]. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Stankov, N.N. (2006) Rapall'skiy dogovor 1922 goda i Chekhoslovakiya [Rapallo Treaty of 1922 and Czechoslovakia]. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 3–16.
6. Stankov, N.N. (2007) Myunkhenskiy putch 1923 g. i Chekhoslovakiya [The Munich coup of 1923 and Czechoslovakia]. *Voprosy istorii.* 7. pp. 152–157.
7. Stankov, N.N. (2007) Trudnyy put' v Lokarno: diplomatiya E. Benesha v 1925 g. [The difficult path to Locarno: the diplomacy of E. Benes in 1925]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2. pp. 50–76.
8. Pushkash, A.I. (2003) *Vneshnyaya politika Vengrii. Fevral' 1937 – sentyabr' 1939* [Foreign policy of Hungary. February 1937 – September 1939]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
9. Goguev, B.B. (2008) *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie vengerskogo natsional'nogo men'shinstva v Chekhoslovakii i Rumynii v 1918–1939 gg.* [The socio-economic and political situation of the Hungarian national minority in Czechoslovakia and Romania in 1918–1939]. Abstract of History Cand. Diss. Stavropol.
10. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniya 1933–1939 gg. Chto skryvalos' za politikoy "ravnoudalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations of 1933–1939. What was hidden behind the policy of "equidistance" of Minister Beck]. Moscow: Moscow State University.

Received: 27 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 136–139. DOI: 10.17223/15617793/422/19

УДК 34(540)

Д.С. Никитин

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АССОЦИАЦИИ ИНДИИ В ПРЕДДВЕРИИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА (60-е – НАЧАЛО 80-х гг. XIX в.)

Рассматривается общественно-политическая ситуация, сложившаяся в Индии во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XIX в., когда интенсивное развитие патриотических ассоциаций в стране поставило лидеров национального движения перед необходимостью создания единой организации. Особое внимание уделено центробежным и центростремительным силам в развитии ведущих политических центров Индии – Бенгалии, Бомбея и Мадраса. На основании проведенного анализа сделаны выводы о закономерности возникновения общеиндийской организации – Индийского национального конгресса.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс; Индийская лига; национально-освободительное движение; С. Банерджи; А.О. Юм.

Национально-освободительное движение в Индии в своем развитии прошло несколько этапов, которые отличались друг от друга целями, задачами и движущими силами. Период расцвета региональных патриотических ассоциаций, пришедшийся на 60–80-е гг. XIX в., характеризовался кардинальным отходом от идеологии и практики борцов за национальную независимость периода народного восстания 1857–1859 гг. После поражения восстания в национальном движении произошел отказ от попыток вооруженного свержения британского правления в стране, более того, идея независимости Индии уступила место требованию самоуправления в рамках Британской империи. Такая смена политических ориентиров была связана со сменой движущих сил в национальном движении: широкие народные массы под руководством части феодальной аристократии, стремившейся к реставрации монархии (в виде могольской или маратхской империи), которые играли основную роль в восстании 1857–1859 гг., уступили место нарождавшейся индийской буржуазии и интеллигенции. В свою очередь, на их развитие оказывали заметное влияние изменения в колониальной администрации, вызванные восстанием, в частности Закон об управлении Индией, передавший всю полноту власти в колониях от Ост-Индской компании британской королеве, от имени которой управлял генерал-губернатор; также была учреждена Индийская гражданская служба с набором на конкурсной основе. Королевская прокламация 1859 г. даровала возможность всем индийским подданным империи, «независимо от расы и вероисповедания», поступать на королевскую службу и гарантировала им «равную и беспристрастную защиту» [1. P. 157], а Закон об индийских советах 1861 г. давал индийцам ограниченное право принимать участие в управлении страной в качестве неофициальных членов совета при вице-короле. Широкое распространение английского образования вкупе с открывшимися возможностями обучения непосредственно в Великобритании также оказывали заметное влияние на индийскую интеллигенцию.

Таким образом, молодая индийская буржуазия и интеллигенция видели в британском правлении не только негативные стороны, но и ощутимые выгоды, которые, однако, практически не распространялись на сферу государственного и даже местного управления. Поэтому основной целью деятелей национального движения в Индии в указанный период стало расширение прав и свобод индийцев в управлении страной. Новое поколение индийских националистов понимало, что этого можно достичь только мирными, «конституционными» методами – путем создания общественных ассоциаций, которые могли бы обращать внимание британских властей на недостатки в управлении страной.

Хотя ассоциации подобного рода возникали в Индии еще в первой половине XIX в., а некоторые из них сохраняли свое влияние в обществе и после восстания 1857–1859 гг., именно организации, возникшие в 1860–1880-х гг. в крупнейших промышленных и культурных центрах Индии – Калькутте, Бомбее, Мадрасе, – стали базисом, на котором в 1885 г. возник Индийский национальный конгресс. Причина успеха молодых патриотических ассоциаций заключалась в их стремлении к объединению на общенациональной основе, тогда как даже самые влиятельные организации более раннего периода, например Ассоциация Британской Индии, возникшая в 1851 г., не смогли преодолеть регионализм, несмотря на декларируемые цели и попытки привлечения к своей работе представителей других провинций Индии [2. P. 2–6]. Следовательно, помимо основной задачи – борьбы за права индийского населения – перед патриотическими ассоциациями стоял также и ряд тактических задач, заключавшихся в поиске путей к объединению и в преодолении разногласий между различными общественно-политическими организациями как внутри провинций, так и на всеиндийском уровне.

Главным центром политического развития Индии в 70-е гг. XIX в. была Бенгалия. Ассоциация Британской Индии, бывшая на тот момент ведущей общественной организацией в регионе, отстаивала интересы землевладельцев и не вела активной политической агитации. Поэтому, по воспоминаниям С. Банерджи, «потребность в иной политической ассоциации на более демократической основе ясно осознавалась лидерами Ассоциации Британской Индии» [3. P. 37]. В 1875 г. Ш.К. Гхош (основатель влиятельной националистической газеты «Амрита Базар Патрика») и А.М. Бос (лидер Студенческой ассоциации Калькутты) основали Индийскую лигу с целью «стимулирования национализма среди народа и развития политического образования» [4. P. 50]. Лига отличалась наличием широкой социальной базы, куда входили,

благодаря низким членским взносам, представители не только бенгальского «среднего класса», но и народных масс. Хотя лидеры Лиги утверждали, что между ней и Ассоциацией Британской Индии не было конкуренции, ее возникновение стало свидетельством противоречий между различными фракциями в стане политически активной части бенгальского общества. Ни одна организация не могла претендовать на то, чтобы быть выразителем интересов всего общества. Ассоциация Британской Индии представляла лишь незначительную часть калькуттской аристократии, а ее притязания на выражение взглядов индийского большинства оспаривались европейски образованными молодыми националистами, которые, в свою очередь, нуждались в организационном оформлении своих взглядов. Кроме того, значительная часть бенгальцев в решении социальных вопросов ориентировалась на религиозных лидеров – ортодоксальных индусов и брахмоистов.

Индийская лига также не избежала внутренних трений – противоречия внутри организации привели к выходу из нее А.М. Боса, который наряду с С. Банерджи стал в июле 1876 г. одним из основателей Индийской ассоциации. Банерджи выступал за создание влиятельного органа общественного мнения, объединение индийского народа на базе общих политических интересов, развитие дружественных отношений между индусами и мусульманами и вовлечение широких масс в общественные движения [4. P. 51], поэтому целью организации было «содействие всеми законными средствами политическому, интеллектуальному и национальному прогрессу народа» [5. P. 165]. Протесты Индийской лиги против создания еще одной ассоциации С. Банерджи отклонял на том основании, что ни одно из калькуттских объединений не представляло «угнетенных кули и угнетенных райятов (земледельцев)», не шло в ногу со временем и не стимулировало общественное мнение [Ibid.]. Банерджи также рассчитывал на то, что Индийская ассоциация станет центром всеиндийского движения. По этой причине в первые годы своего существования деятельность организации затрагивала те проблемы, которые могли сплотить все индийское общество. Яркими примерами такого рода стали протесты против решения властей проводить экзамены для поступления в Индийскую гражданскую службу только в Великобритании, что фактически лишало индийцев возможности участвовать в управлении страной, и организация демонстраций против принятого в 1878 г. Закона о местной прессе, вводившего жесткие ограничения на издание патриотических периодических изданий [3. P. 40–42].

Попытки придать ассоциации всеиндийский характер выражались в создании отделений за пределами Бенгалии – в Канпуре, Аллахабаде, Лахоре, и налаживании взаимодействия с другими региональными организациями. В частности, сотрудничество с Пуна Сарваджаник Сабхой – крупной ассоциацией Бомбейского президентства – вылилось в проведение конференции индийской прессы в январе 1878 г. Однако, несмотря на ряд заметных успехов, Индийская ассоциация испытывала серьезные трудности в достижении заявленных целей. Причина их заключалась в постоянной фракционной борьбе среди калькуттских националистов, из-за которой бенгальское общество воспринимало Индийскую ассоциацию не как выразителя требований всей страны, а как локальную организацию, ведомую молодыми и амбициозными лидерами. Большая протяженность территории Индии, разнообразие народов, вероисповеданий, социальных групп, сильные региональные интересы – все эти факторы вели к тому, что даже узкая прослойка европейски образованных индийцев в других регионах не была готова принять Ассоциацию в качестве единственного лидера всех разрозненных общественно-политических организаций. Вследствие разрозненности идеал организации с сильным центром в Калькутте и сетью филиалов по всей стране в Индии XIX столетия был недостижим, поэтому национальному движению требовались новые формы организации и способы взаимодействия между локальными общественно-политическими образованиями, британской властью в Индии и общественным мнением в Англии.

Назначение в 1880 г. на пост генерал-губернатора Индии либерала Дж. Рипона, обещавшего Индии широкие реформы в области самоуправления, стало причиной патриотического подъема в стране и интенсивного развития ассоциаций в провинциях. Кроме того, позиция Рипона по вопросу административных преобразований в Британской Индии отвечала взглядам многих английских либералов, живших в Индии, которые с этого момента начинают принимать активное участие в индийской политике.

Особое место среди них занимает А.О. Юм (1829–1912) – отставной чиновник Индийской гражданской службы, деятельность которого сыграла важнейшее значение в создании Индийского национального конгресса в 1885 г. Разделяя стремление калькуттских националистов к созданию общенациональной организации, Юм, однако, считал, что центром национального движения должен был стать Бомбей. Будучи крупным промышленным центром, Бомбей был местом сосредоточения зарождающейся национальной буржуазии, требовавшей расширения политических прав. При этом патриотическим ассоциациям Бомбейского президентства удалось избежать внутрифракционных разногласий; лидеры националистов здесь придерживались общих взглядов на ситуацию в стране и, по мнению многих, выражали «возможно, лучший тип политической мысли в Индии» [5. P. 391]. Превращению Бомбея в главный центр национального движения способствовал и ряд других факторов. Бомбейских лидеров поддерживал Рипон, а удаленность от столицы способствовала тому, что англо-индийская оппозиция национальному движению, особенно сильная в Калькутте, не оказывала в Бомбее серьезного влияния на общественно-политическую жизнь. С бомбейскими националистами сохранял связи живший в Англии ветеран национального движения Дадабхай Наороджи, обладавший огромным авторитетом в стране, и влиятельный чиновник Индийской гражданской службы У. Уэддерберн, друг и соратник А.О. Юма.

Вместе с тем в первой половине 1880-х гг. в Бомбее не было единой влиятельной ассоциации, что бы-

ло особенно заметным на фоне бурного роста политических организаций в других регионах страны, таких как Праджахитавардхак Сабха в Сурате (1882 г.), Синд Сабха в Карачи (1883 г.), Махаджана Сабха в Мадрасе (1884 г.). Основанная в 1852 г. Д. Наороджи Бомбейская ассоциация была фактически распущена, местное отделение Ост-Индской ассоциации, базировавшейся в Англии, также существовало только формально. С 1882 г. в бомбейской прессе раздавались призывы к возрождению Бомбейской ассоциации, однако молодое поколение националистов – Ф. Мехта, К. Теланг, Б. Тьябджи – стремилось к созданию новой организации, которая не была бы связана с предшественниками. Созданию такой ассоциации поспособствовала поддержка Юма, который в 1884–1885 гг. совершал поездку по стране с целью агитации за создание общенациональной политической организации. 31 января 1885 г. была создана Ассоциация Бомбейского президентства, претендовавшая на то, чтобы стать «подлинно национальной» и «ведущей политической ассоциацией Индии» [5. P. 384]. Наряду с руководителями другой ассоциации президентства, Пуна Сарваджаник Сабхи, бомбейские лидеры сыграли важную роль в организации первой сессии Национального конгресса, состоявшейся в декабре 1885 г.

Ассоциации Южной Индии в течение долгого времени не оказывали большого влияния на общественную жизнь в стране, и Мадрасское президентство заметно отставало в политическом развитии от ведущих национальных центров. Мадрасская туземная ассоциация, возникшая в 1852 г., не занималась активной деятельностью вплоть до начала 1880-х гг., когда с назначением Рипона и нового губернатора Мадраса М. Грант Даффа лидеры мадрасских националистов – Г. Субраманья Айяр, П. Ананда Чарлу, С.Р. Мудалиар – начали проводить кампании в поддержку предложенной вице-королем схемы самоуправления. На активизацию политической жизни в Мадрасе повлиял и тот факт, что М. Грант Дафф, член либеральной партии, со вступлением в должность в 1881 г. начал проводить в провинции неожиданно реакционную политику, что вызывало недовольство у мадрасской общественности и, как следствие, рост политической активности в регионе. На фоне протестов против политики М. Грант Даффа лидеры националистов осознавали необходимость как объединения с другими ассоциациями в стране, так и создания новой, активно действующей организации в регионе. В 1882 г. Г. Субраманья Айяр совершил поездку по стране, чтобы мобилизовать общественное мнение в пользу принятия местного самоуправления в Мадрасе. Подобно деятелям из других провинций, Субраманья Айяр в ходе поездки знакомился и обменивался мнениями с единомышленниками из разных частей Индии. В мае 1884 г. националисты президентства объединились в крупную организацию Мадрас Махаджана Сабха, которая к июню 1885 г. насчитывала более двухсот членов [6. P. 215]. Во время своего визита в Мадрас в марте 1885 г. поддержкой местных политических деятелей заручился Юм, что позволило увеличить число предполагаемых участников первой сессии ИНК и существенно расширить географию влияния общенациональной организации.

Таким образом, к середине 1880-х гг. стало очевидным стремление индийских националистов к объединению как на региональном, так и на общеиндийском уровне. Рост национального самосознания в Индии продемонстрировал лидерам локальных политических организаций неэффективность разрозненных и несогласованных действий. Однако центростремительные тенденции в национальном движении, наметившиеся еще в 1870-х гг., сдерживались поиском организационной формы, способной объединить людей различных народностей, вероисповедания, социального статуса, и адекватно отразить потребности разных регионов Индии. Провальная попытка бенгальской Индийской ассоциации создать всеиндийскую организацию с центром в Калькутте стала свидетельством того, что Индия не была готова объединиться вокруг какой-либо одной региональной ассоциации или политического лидера. Это, в свою очередь, обусловило особенности организации и функционирования ИНК, создатели которого отказались от единого центра в пользу проведения ежегодных сессий в разных регионах страны. Кроме того, региональные разногласия среди патриотических сил в провинциях стали дополнительным фактором в формировании программы Конгресса.

В апреле 1888 г. А.О. Юм разъяснял программу ИНК следующим образом: «Согласно своему уставу, Конгресс может принимать решения только в отношении тех вопросов, по которым имеется практическое единодушие между всеми, кто в нем участвует. С самого начала было понятно, что будут возникать вопросы, по которым бомбейское мнение будет отличаться от бенгальского, европейское от туземного, индусское от магометанского, а суннитское от шиитского; но такие вопросы исключаются из обсуждения Конгресса его фундаментальным правилом, согласно которому он должен проводить и принимать резолюции, единодушно одобряемые представителями всех классов и вероисповеданий ото всех провинций. Вопросы же, по которым нет такого согласия, могут рассматриваться, если это целесообразно, провинциальными, региональными и местными ассоциациями. Конгресс является национальным, и он касается только тех вопросов, с которыми практически согласна вся страна. Если все или почти все представители какой-либо провинции или какого-либо сообщества возражают, Конгресс должен отбросить этот вопрос» [7. P. 224]. Негативный опыт региональных патриотических ассоциаций, таким образом, был проанализирован руководителями ИНК, что способствовало превращению последнего в ведущую политическую организацию Индии, возглавлявшую национально-освободительное движение в Индии вплоть до достижения страной независимости в августе 1947 г.

В целом период активного развития патриотических ассоциаций в Индии, пришедшийся на 60–80-е гг. XIX в., представляет собой важный этап в развитии национально-освободительного движения, на несколько десятилетий сформировавший многие характерные черты политической борьбы в южно-

азиатских колониях Великобритании в конце XIX – начале XX в. Итогом этого этапа стало возникновение единой национальной организации, стремившейся преодолеть региональные разногласия и различия, тормозившие политическое развитие Индии в целом и ослаблявшие патриотические силы, боровшиеся за расширение политических прав коренного населения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Proclamation by the Queen in Council to the Princes, Chiefs and People of India, November 1, 1858 // Morley, viscount. Indian Speeches (1907–1909). London, 1909. P. 155–159.
2. Rules of the British Indian Association, established 29th October, 1851. London, 1852.
3. Banerjea S. A nation in making. Bombay, 1963.
4. Sen S. N. History of the Freedom Movement in India. New Delhi, 2009.
5. Mehrotra S. R. The Emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971.
6. Suntharalingam R. Politics and Nationalist Awakening in South India, 1852–1891. Jaipur ; Delhi, 1958.
7. Yadav B.D. A.O. Hume: founder of Congress. New Delhi, 1992.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

INDIAN ASSOCIATIONS ON THE EVE OF THE EMERGENCE OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS (1860S – 1880S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 136–139.
DOI: 10.17223/15617793/422/19

Dmitry S. Nikitin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikitds33@gmail.com

Keywords: Indian National Congress; national movement; Indian League; S. Banerjea; A.O. Hume.

The aim of the article is to study the epoch of the regional patriotic associations in India (the 1860s-1880s), which was the time of rejection of the ideology and practice of national freedom fighters in the Great Mutiny (1857–1859). In the study, it was found that at this time the main object of the nationalists was the rights of Indians in the administration, not the national independence. A new generation of Indian nationalists understood that this can only be achieved by peaceful, “constitutional” methods, by creating public associations that could draw the attention of the British authorities to the shortcomings in the governance of the country. Bengal was the main center of political development in India in the 1870s. In 1875, S.K. Ghosh and A.M. Bose founded the Indian League, which had a wide social basis. Internal frictions in the League became the reason of the split in 1876, when Bose and S. Banerjea created the Indian Association. Banerjee counted on the fact that the Indian Association would become the center of the All-Indian movement, but the ideal of a national organization with headquarters in Calcutta was not achievable due to factional differences, a large territory and a multitude of different nationalities and religions in the country. Ripon’s appointment to the General-Governor’s post in 1880 was the reason of the patriotic rise in the country and an intensive development of the associations in the provinces. With Ripon’s rise to power, many British liberals living in India, including A.O. Hume and W. Wedderburn, were drawn into Indian politics. Since that time, the role of the main center of the national movement passed on to Bombay. The Bombay leaders were supported by Ripon, and the Anglo-Indian opposition to the national movement did not exert a serious influence on social and political life in Bombay. The author came to a conclusion that by the mid-1880s the idea of unification among Indian nationalists at both regional and national levels became evident. The growth of national self-awareness in India demonstrated the ineffectiveness of disparate and uncoordinated actions to the leaders of local political organizations. However, the centripetal tendencies in the national movement that emerged back in the 1870s were constrained by the search for an organizational form capable to unite people of different nationalities, religion, social status and adequately reflect the needs of different regions of India. Negative experience of regional patriotic associations, therefore, was analyzed by the leaders of the INC and helped them to transform the Congress into the leading political organization of India.

REFERENCES

1. Morley, Viscount. (1909) I*ndian Speeches (1907–1909)*. London. pp. 155–159.
2. British Indian Association. (1852) *Rules of the British Indian Association, established 29th October, 1851*. London.
3. Banerjea, S. (1963) *A nation in making*. Bombay: Oxford University Press.
4. Sen, S.N. (2009) *History of the Freedom Movement in India*. New Delhi: New Age International.
5. Mehrotra, S.R. (1971) *The Emergence of the Indian National Congress*. Delhi: Barnes & Noble.
6. Suntharalingam, R. (1958) *Politics and Nationalist Awakening in South India, 1852–1891*. Jaipur; Delhi: Rawat Publications.
7. Yadav, B.D. (1992) *A.O. Hume: founder of Congress*. New Delhi: Anmol Publications Pvt. Ltd.

Received: 28 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 140–144. DOI: 10.17223/15617793/422/20

УДК 93(371+261.5)

Д.Р. Оруджев

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Анализируются тенденции развития духовного образования в Сибири в XVIII – начале XX в. Сделан вывод, что духовные учебные заведения стали первыми учебными заведениями в крае, открытие которых в XVIII–XIX вв. было обусловлено насущными потребностями расширявшегося государства, однако к началу XX в. рост количества духовных учебных заведений в регионе практически прекратился, а их выпускники все чаще стали выбирать светские учебные заведения для продолжения образования.

Ключевые слова: духовное образование; духовные семинарии; низшие духовные училища; женские епархиальные училища; высшее светское образование.

Российская империя образовывалась и расширялась благодаря вновь присоединенным землям. С 1646 по 1914 г. территория России увеличилась с 14,1 до 21,8 млн км^2, а население – с 7 до 178 млн человек [1. С. 10–11]. Зачастую эти территории были языческими, как, например, Сибирь, и для удержания этих земель в составе России требовалась христианизация местного населения. Поэтому насущной необходимостью стало основание в Сибири духовных учебных заведений для подготовки профессиональных кадров духовенства, которое должно было нести христианскую проповедь в массы, сохраняя этим принадлежность к православию русских переселенцев и приобретая в качестве крещеных инородцев новых верноподданных. Таким образом, в результате борьбы с местным язычеством первыми учебными заведениями, воздвигнутыми на сибирской земле, стали духовные школы, находившиеся в ведении Синода.

Историю открытия средних духовных учебных заведений в крае принято вести от открывшейся в 1743 г. в г. Тобольске на базе архиерейской школы духовной семинарии. Основание семинарии в центре Сибири, роль которого в XVIII в. играл Тобольск, во многом было определено необходимостью христианизации коренного населения края. «На протяжении всей своей истории духовное образование в Тобольской епархии играло заметную роль в просвещении многочисленных народов Севера. В XIX – начале XX в. в Тобольске на национальные языки были переведены многие священные и богослужебные тексты, издавались пособия по изучению языков, составлялись словари. Все это повлекло за собой медленный, но неуклонный процесс просвещения сибиряков», – отмечает исследователь Э.Г. Бурнашев [2].

Однако одной семинарии на всю огромную Сибирь не хватало. Воспитанники из других городов, проходящие обучение в семинарии Тобольска, не хотели возвращаться в родные города на пастырское служение. Это было обусловлено большими расстояниями между населенными пунктами, бездорожьем и нежеланием служить в необжитых местах. В результате священнические вакансии епархиальных центров пустовали, поэтому в 1780 г. была открыта еще одна духовная семинария, но теперь уже в центре Восточной Сибири – в г. Иркутске [2. С. 124]. Причины ее открытия были сходными с причинами открытия Тобольской семинарии: значительная удаленность Иркутска от центра страны и преобладание инородческого населения над русским.

Тем не менее наличие даже двух средних духовных учебных заведений (по одному на Западную и Восточную Сибирь) с количеством учащихся, не превышавшим несколько десятков человек, не решало кадровых проблем духовного ведомства, поэтому правительством в XIX в. было решено открыть еще несколько семинарий в Сибири: в 1858 г. начали функционировать Томская и Якутская духовные семинарии, в 1895 г. – Красноярская. Именно Красноярская духовная семинария и стала последним открытым в Сибири в дореволюционный период средним духовным учебным заведением, хотя в планах Синода было открытие подобных учебных заведений во всех губернских и областных центрах, но в Омске, как столице Акмолинской области, духовная семинария основана не была. И все же открытие духовных семинарий в большинстве епархиальных центров дало возможность обучать детей местного духовенства без затрат с их стороны времени и финансов на дорогу и проживание, а также готовить кадры для местных регионов. Таким шагом была фактически решена проблема нехватки священников в приходах.

Кроме духовных семинарий – средних духовных учебных заведений, занимавшихся подготовкой кадров к священническому служению, в Сибири также были открыты и низшие духовные учебные заведения. К ним относились церковно-учительские школы, занимавшиеся подготовкой научно-педагогических кадров для духовных семинарий, и духовные училища, в которых происходила как подготовка детей духовенства к поступлению в духовные семинарии, так и профессиональных дьячков, чтецов и псаломщиков для приходов и монастырей. Одним из первых учебных заведений такого рода стало Томское духовное училище, открытое в 1746 г., в 1818 г. к нему добавились Тобольское, в 1819 г. – Якутское и Енисейское, в 1884 г. – Красноярское. Духовные училища находились под патронажем семинарий, в правление которых ежемесячно поступали донесения начальников училищ об успехах и поведении учеников.

Не обделенными вниманием остались и девушки, рожденные в семьях священников. Для них открывались такие учебные заведения, как женские епархиальные училища, занимавшиеся подготовкой регентов церковных хоров и жен для будущих священнослужи-

телей. Основой для их создания стало открытое в 1866 г. в Тобольске первое в Сибири женское духовное училище. Епархиальные женские училища относились к духовному ведомству Синода и действовали в конце XIX в. в Томске, Тобольске, Омске, Красноярске и Чите. Курс, преподаваемый в женских епархиальных училищах, был схож с курсом женских гимназий и включал как общеобразовательные дисциплины, так и практические занятия по рукоделию, а также содержал в себе как обязательные, так и необязательные предметы. Епархиальные женские училища относились к сословным учебным заведениям и были созданы непосредственно для обучения дочерей священников, желающих в будущем стать женами священников, и подготовки их к такой жизни. Несмотря на это, в некоторых из них за плату могли обучаться девушки других сословий. В епархиальных училищах, как и в гимназиях, создавались специальные педагогические классы, выпускницы которых вместе с аттестатом зрелости получали свидетельства со званием домашних наставниц. В силу этого многие исследователи относят епархиальные училища к категории средних общеобразовательных учебных заведений.

В результате к концу XIX в. в Сибири уже действовало довольно большое количество духовных учебных заведений, имевших в совокупности немалый удельный вес в общем составе образовательных учреждений. Так, например, в Томске два из пяти средних учебных заведений носили духовный характер (духовная семинария, епархиальное женское училище), в число низших профессиональных учебных заведений входили духовное училище и церковно-учительская школа [3. С. 32]. В Тобольской губернии во второй половине XIX в. в губернском центре были сосредоточены духовная семинария, епархиальное женское училище, духовное училище [4. С. 65]. В Восточной Сибири лидирующие позиции по числу учебных заведений занимала Иркутская губерния. К началу XX в. в Иркутске функционировали духовная семинария, мужское и женское духовные училища [5. С. 32]. Однако, как отмечает О.Е. Наумова, «высоко оценивая вклад Иркутской семинарии в развитие образования и культуры Восточной Сибири, не следует в то же время забывать, что в целом, по российским меркам, это было все же сравнительно небольшое учебное заведение. Так, по данным 1837 г., в среднем по России в одной семинарии (всего их было 43) обучалось 350 чел., а в Иркутской – всего 80» [6. С. 397]. В центре Енисейской губернии – Красноярске, в 1897 г. действовало 27 учебных заведений, в число которых входили епархиальное женское училище, духовная семинария, духовное училище [7. С. 84]. В Забайкальской области в Чите функционировало епархиальное училище и духовное училище – в Нерчинске [8. С. 57]. Меньше всего учебных заведений во второй половине XIX в. было открыто в наиболее слабо заселенном сибирском регионе – Якутской области, но преимущественно инородческий состав ее населения заставлял власти большее внимание уделять именно развитию духовного образования, поэтому на ее территории в числе четырех средних учебных заведений были два духовных: духовная семинария и женское епархиальное училище [9]. В целом в конце XIX в. на территории Сибири действовало не менее 40 средних общеобразовательных школ (с учетом прогимназий и женских епархиальных училищ) и не менее 37 профессиональных (средних и низших) учебных заведений, в числе которых было 17 духовных [10. С. 23].

В начале XX в. с проведением в Сибирь железной дороги, ростом переселенческого движения и ускорением промышленного развития края количество общеобразовательных и профессиональных учебных заведений различных типов в крае продолжало расти. Так, к 1905 г. средних общеобразовательных школ в Сибири насчитывалось уже более 50. Новые средние школы открывались в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Кургане, Барнауле и других городах края [11. С. 371–372]. При этом число духовных учебных заведений в крае изменилось незначительно. Так, в Томске к действовавшим ранее духовной семинарии, епархиальному женскому училищу, духовному училищу и церковно-учительской школе не добавилось больше ни одного духовно-образовательного заведения [12. С. 58]. Всего на территории Томской губернии духовное образование было представлено одним епархиальным женским училищем, духовной семинарией и двумя духовными училищами (в Томске и Барнауле) [3. С. 32]. Неизменным осталось число духовных учебных заведений и в Тобольске. В другом крупном городе Западной Сибири – Омске, с 1904 по 1910 г. число низших и средних учебных заведений увеличилось с 21 до 37, при этом в городе так и не была открыта духовная семинария, и лишь в 1906 г. здесь появилось женское епархиальное училище [13. С. 108–109]. В Восточной Сибири в начале XX в. в Иркутске действовали духовная и церковно-учительская семинарии, духовные мужское и женское училища [5. С. 46]. В Красноярске и Чите количество духовных учебных заведений осталось неизменным. В Якутске функционировали духовная семинария, женское епархиальное училище, мужское духовное училище [9]. Что касается высших духовных учебных заведений, к коим относились духовные академии, то таковых в Сибири не было, однако в 1905 г. планировалось открыть духовную академию в Томске, чему помешали революционные события и нестабильная ситуация в стране.

Таким образом, на фоне увеличения в Сибири в начале XX в. количества средних общеобразовательных школ до 89 и средних и низших профессиональных учебных заведений до 70 [14. С. 140], очевидно, что количество духовных учебных заведений почти не увеличилось, следовательно, доля их в составе учебных заведений края заметно сократилась. Причины фактической консервации системы сибирского духовного образования объясняются не только кризисом и революционной обстановкой в стране, но и падением престижа духовного образования, дававшего мало шансов на обеспечение достойного существования, равно как и ослаблением религиозности вообще.

Специфика учебной программы в духовных семинариях заключалась в том, что все предметы в них разделялись на гражданские и профессиональные.

Гражданские предметы преподавались до 4-го класса, окончив который, воспитанники могли покинуть семинарию для освоения мирских профессий. Профессиональные предметы преподавались на протяжении оставшихся двух лет. Поэтому, как отмечает О.В. Ищенко, «изучение специальных теологических дисциплин, обязанность участия в церковных службах воспринимались семинаристами как тяжелая ноша, неизбежная обуза, протест против которой выливался в различные формы» [11. С. 27]. Отток учащихся из духовных школ в светские учебные заведения был серьезной проблемой для церкви. На протяжении XIX в. Святейший Синод предпринимал регулярные попытки установить фактический запрет перехода семинаристов на гражданскую службу, издавая соответствующие указы и распоряжения [2. С. 79], но остановить этот процесс духовному ведомству не удавалось.

Поскольку отнюдь не все воспитанники семинарий оказывались в этих сословно-образовательных учебных заведениях по своей воле, многие из них желали освоить профессии, альтернативные пасторскому служению, и использовали духовные учебные заведения как некий трамплин для скачка на новый уровень жизни через получение высшего образования. Для этой цели воспитанниками семинарий со всей России использовался открытый для занятий в 1888 г. Томский императорский университет, который имел специфические правила приема. Преимущество, даваемое при поступлении в высшие учебные заведения России выпускникам классических гимназий в Сибири, в силу малого количества последних, реализовано быть не могло. Поэтому в Томский университет разрешено было принимать выпускников духовных семинарий, реальных училищ, кадетских корпусов, ряда коммерческих училищ и некоторых других средних учебных заведений. В результате в числе зачисленных в первый год открытия университета 72 человек 40 оказались выпускниками духовных семинарий [15. С. 5].

Открытие Томского университета еще больше усилило проявившуюся ранее тенденцию к оставлению семинаристами своих учебных заведений после четырех классов семинарии, в которых преподавались общеобразовательные и специальные предметы, для выбора светской профессии. В Томском университете выпускники семинарий чаще всего поступали на медицинский факультет и заметно реже – на юридический, поскольку все же специфика получаемого ими духовного образования определяла стремление помочь человеку в борьбе с недугами – телесными и душевными.

Отчеты Томского университета свидетельствуют о том, что за первые двадцать лет его существования образование в нем получили 3 758 человек, из которых более половины (1 955 человек) – выпускники духовных семинарий. В результате очевидного преобладания в составе студентов Томского университета выпускников духовных семинарий необходимо отметить тот факт, что на обучение в данный университет приезжали выпускники духовных семинарий со всей России. Подтверждением этого являются также материалы отчета Томского университета 1913 г., в котором отмечается: «Особенно велик у нас процент студентов из духовного сословия… Семинаристы поступают к нам, главным образом, из Европейской России. 25-летний опыт показывает, что это вполне хорошая, даже лучшая часть в составе нашего студенчества» [15. С. 13–14].

Тем не менее открытие в Сибири в начале XX в. большого количества светских средних общеобразовательных учебных заведений (гимназий и реальных училищ) привело к изменению доли выпускников духовных семинарий в составе студентов Томского университета [6]. Так, если в начале 1900-х гг. она составляла 44,4% от общего количества обучающихся, то за период с 1908 по 1917 г. удельный вес выпускников духовных семинарий сократился с 43,6 до 22,6% [14. С. 42].

Во втором сибирском вузе – Томском технологическом институте, доля семинаристов изначально была очень невелика, составляя, например, в 1904 г. лишь 6% [14. С. 68]. И хотя, согласно правилам приема, в институт допускались выпускники духовных семинарий, но слабая естественнонаучная и математическая подготовка не давала возможности семинаристам сдать вступительные экзамены и продолжать учебу в вузе. Вместе с тем в составе открытых в 1910 г. в Томске Сибирских высших женских курсов, поступать на которые разрешалось и выпускницам епархиальных училищ, почти пятую часть составляли девушки из духовного сословия (около 19%) [17. С. 8].

Таким образом, проведенный анализ развития духовного образования в Сибири в XVIII – начале XX в. свидетельствует о том, что духовные заведения стали первыми учебными заведениями в крае, открытие которых в XVIII–XIX вв. был обусловлено насущными потребностями расширявшегося государства. Однако к началу XX в. рост количества духовных учебных заведений в регионе практически прекратился, а их выпускники все чаще стали выбирать светские учебные заведения для продолжения образования. Указанные тенденции отражали заметные изменения, происходившие в обществе, став одним из индикаторов необходимости проведения реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. 548 с.
2. Бурнашев Э.Г. Генезис духовного образования в Тобольской епархии в XVIII – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 4. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=4775 (дата обращения: 11.03.2017).
3. Краткий исторический очерк учебных заведений г. Иркутска. Б/м., Б/г. 246 с.
4. Памятная книжка Томской губернии на 1914 г. Томск, 1914. 123 с.
5. Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск, 1975. 234 с.
6. Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 г. Иркутск, 1887. 254 с.
7. Наумова О.Е. Развитие духовного образования в Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Иркутского государственного технологического университета. 2015. № 6 (101). С. 393–397.

8. Ищенко О.В. Развитие общего и профессионального женского образования в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2, ч. 3. С. 82–85.
9. Памятная книжка Забайкальской области на 1897 г. Чита, 1897. 110 с.
10. Оглезнева Т.Н. «Жителям тамошнего края представить способ к обучению...» (Народное образование в Якутии XIX – начала XX веков) // Электронный журнал Илин. 2000. № 2 (21). URL: http://ilin.sakhaopenworld.org/2000-2/33.htm
11. Ищенко О.В. К вопросу о причинах волнений в духовных семинариях Сибири начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. Т. 3, № 4 (21). С. 22–27.
12. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. 511 с.
13. Город Томск. Томск, 1912. 250 с.
14. Алисов Д.А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) : учеб. пособие. Омск, 2002. 196 с.
15. Толочко А.П., Ищенко О.В., Сковородина И.С. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (опыт истории в контексте современности). Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. 223 с.
16. Попов М.Ф. Краткий исторический очерк императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. 38 с.
17. Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов за осенний семестр 1910/11 акад. года. Томск, 1911. 23 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THEOLOGICAL EDUCATION IN SIBERIA IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 140–144.
DOI: 10.17223/15617793/422/20
Dmitriy R. Orudzhev, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: orudzhev93@yandex.ru
Keywords: religious education; seminaries; lower religious schools; girls diocesan colleges; higher secular education.

The aim of this article is to examine the main trends in the development of theological education in Siberia in the 18th – early 20th centuries. This article used commemorative books of individual regions and educational institutions, as well as studies of authors who dealt with the problems of the development of the spiritual and secular education of Siberia. The article considers the problem of the Russian Empire's preservation of new annexed territories which could be solved using Christianization of the local aboriginal population. The process was based on the establishment of theological educational institutions that trained clergy-preachers, spiritual teachers and mentors of the masses. It had a beneficial effect on the voluntary Russification of the local population. Thus, the first educational establishments in the Siberian region became seminaries and colleges. They were opened in the 18th and 19th centuries as a result of the urgent needs of the expanding state. After the founding of the first seminary in Tobolsk, there was an urgent need to open seminaries in other diocesan centers. To prepare students for learning in theological seminaries, religious schools were opened in towns; they gave primary spiritual education. Girls from families of the clergy could receive education in religious schools for the social class – diocesan schools, similar in program to the programs of women's gymnasiums. However, by the early twentieth century seminaries began to experience the outflow of students who went to higher education institutions and increasingly chose secular professions instead of spiritual, due to the lack of pastoral callings among young people and a desire to be better off than the clergy, who had a meager existence. The attempt of the Church to curb the trend by prohibiting representatives of the clergy to engage in worldly activities were not successful. The trend of the outflow of students from religious educational institutions began because of the growth of the number of secondary and vocational schools in Siberia, against which the number of religious educational establishments remained unchanged. The indirect cause of this was special rules of admission to first Siberian universities that welcomed, due to the lack of graduates of general educational institutions, students of theological seminaries. Thus, the growth of religious schools, necessary for the state, almost stopped by the beginning of the twentieth century, which was associated with the choice graduates of the religious schools made in favor of secular education. These trends reflect the significant changes taking place in society, becoming one of indicators of the need for reforms.

REFERENCES

1. Mironov, B.N. (2000) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the period of the empire (18th – early 20th centuries) The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo "Dmitriy Bulanin".
2. Burnashev, E.G. (2011) Genezis dukhovnogo obrazovaniya v Tobol'skoy eparkhii v XVIII – nachale XX vv. [Genesis of spiritual education in the Tobolsk diocese in the 18th – early 20th centuries]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education.* 4. [Online] Available from: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=4775. (Accessed: 11.03.2017).
3. Anon. (n.d.) *Kratkiy istoricheskiy ocherk uchebnykh zavedeniy g. Irkutska* [A brief historical outline of educational institutions in Irkutsk]. [s.n.].
4. Vinogradov, P.T. (ed.) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1914 g.* [Memorial book of Tomsk Province for 1914]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya.
5. Kopylov, D. & Pribyl'skiy, Yu. (1975) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Larionov, D.D. (ed.) (1887) *Pamyatnaya knizhka Irkutskoy gubernii na 1887 g.* [Memorial book of Irkutsk Province for 1887]. Irkutsk: tipografiya A.A. Sizykh.
7. Naumova, O.E. (2015) Development of religious education in Eastern Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 6 (101). pp. 393–397. (In Russian).
8. Ishchenko, O.V. (2011) General and professional women education development in Siberia in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2:3. pp. 82–85. (In Russian).
9. Trans-Baikal Statistics Commitee. (1897) *Pamyatnaya knizhka Zabaykal'skoy oblasti na 1897 g.* [Memorial book of the Trans-Baikal region for 1897]. Chita: Tipografiya Zabaykal'skogo Oblastnogo Pravleniya.
10. Oglezneva, T.N. (2000) "Zhitelyam tamoshnego kraya predstavit' sposob k obucheniyu..." (Narodnoe obrazovanie v Yakutii XIX – nachala XX vekov) ["Give the inhabitants of the region a way to learn" (Public education in Yakutia in the 19th – early 20th centuries)]. *Ilin*. 2 (21). [Online] Available from: http://ilin.sakhaopenworld.org/2000-2/33.htm.
11. Ishchenko, O.V. (2008) On the subject of causes of unrest in the seminaries of Siberia at the beginning of the 20th century. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal.* 3:4 (21). pp. 22–27. (In Russian).

12. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney (v 5 tomakh)* [History of Siberia from ancient times to our days: in 5 vols]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
13. Malinovskiy, I.A. et al. (1912) Gorod Tomsk [The city of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
14. Alisov, D.A. (2002) *Kul'tura gorodov Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Culture of the cities of Western Siberia (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Omsk: Omsk State University.
15. Tolochko, A.P., Ishchenko, O.V. & Skovorodina, I.S. (2005) *Razvitie professional'nogo obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. (opyt istorii v kontekste sovremennosti)* [The development of vocational education in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries (experience of history in the context of modernity)]. Omsk: Omsk State University.
16. Popov, M.F. (1913) *Kratkiy istoricheskiy ocherk imperatorskogo Tomskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913)* [A short historical sketch of the Imperial Tomsk University for 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo Tovarishchestva Pechatnogo Dela.
17. Typolithography of the Siberian Partnership of Printing. (1911) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Sibirskikh vysshikh zhenskikh kursov za osenniy semestr 1910/11 akad. Goda* [Report on the status and activities of the Siberian Higher Women's Courses for the Fall Semester of 1910/11 academic year]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.

Received: 27 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 145–152. DOI: 10.17223/15617793/422/21

УДК 930.2:329.78

Р.В. Рыбаков

«Я ТЕРЯЮ ВЕРУ В СОЦИАЛИЗМ, ТЕРЯЮ ВЕРУ В ТО, ЧТО КОМСОМОЛ ЕСТЬ ЧТО-ТО ДЕЛЬНОЕ, ХОРОШЕЕ»: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПИСЕМ МОЛОДЕЖИ 1920-х гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-05864а.

Апробирована методика контент-анализа эпистолярного наследия 1920-х гг. В качестве главного источника выступили письма молодежи. Установлено, что несмотря широкий спектр поднимаемых в документах вопросов, их можно представить в виде системы приоритетных для молодежи проблем, важность которых на протяжении исследуемого периода менялась.

Ключевые слова: история молодежи; комсомол; контент-анализ; письма молодежи.

Традиционно изучение истории развития советского молодежного движения строится на базе документов комсомольских и партийных организаций. За основу берутся материалы центральных и местных съездов, резолюции конференций, организационная переписка, отчетные доклады по направлениям работы и прочая внутренняя документация. Анализу источников данного вида отдавалось предпочтение ещё в советской историографии. В итоге это привело к достаточно узконаправленному представлению о прошлом российской молодежи. Исследователи делали выводы об успехах коммунистического движения, о распространении комсомола по стране и поддержке политики партии. В то же время некоторые отступления от генеральной линии, возникающие проблемы, а также альтернативы в самоорганизации юношества рассматривались как болезненные явления, с которыми комсомол вынужденно боролся всеми возможными способами [1–3].

Не отрицая важности и значимости обозначенного типа документов, отметим, что их сложно назвать релевантными в изучении настроений и широкого перечня проблем, с которыми сталкивалась молодежь в условиях 1920-х гг. Действительно, формализованные отчеты конференций или лозунги коммунистических съездов вряд ли прольют свет на истинные запросы, требования подрастающего поколения, его отношение к проводимой политике и системе коммунистического воспитания. Это тем более очевидно, если принять во внимание, что лишь небольшая часть из числа молодых людей в данный период была в составе комсомольского движения. А альтернативные взгляды на роль молодежной организации и основные направления её деятельности в официальных документах полноценно не отразились.

Решить данную проблему может помочь привлечение эпистолярного наследия изучаемой эпохи. Этот вид источников, по мнению некоторых специалистов, максимально полно отражает социально-культурные проявления исторического периода [4. С. 142]. В современных исследованиях им отведена особая роль, именно поэтому сегодня как никогда востребованы источниковедческие публикации документов личного характера, расширяющие наши представления о взаимоотношениях народа и власти, раскрывающие общественное сознание населения, а также отдельных групп российского социума, в том числе и молодежи [5–7]. Однако письма подрастающего поколения по-прежнему относятся к категории источников, специально не исследуемых. Во многом это связано с определенными трудностями их поиска. В многочисленных как региональных, так и центральных архивных фондах хранятся сотни, а может быть, и тысячи таких писем, однако они не систематизированы, а фактически «распылены» по делам. Некоторые из них были опубликованы, привлекались в качестве источников [8], но большинство по-прежнему неизвестно широкому кругу исследователей.

Между тем письма молодежи – важнейший источник, позволяющий взглянуть на переживаемые исторические события глазами самого молодого поколения, узнать о том, что действительно его волновало и интересовало, какие мечты и надежды были для него характерны. Юноши и девушки стремилась поделиться своими проблемами, найти помощь, пыталась получить ответы на волнующие вопросы, выразить свое отношение к происходившему. Авторами выступали представители всех социальных групп (крестьяне, рабочие, учащиеся). Как правило, письма адресовались руководителям Советского государства (Троцкому, Бухарину, Молотову), лицам, возглавлявшим комсомольское движение, направлялись в редакции центральных и местных периодических изданий.

Например, в 1923 г. комсомольцы обратились к Л.Д. Троцкому с целым рядом проблем и вопросов, касающихся коммунистического воспитания (как относиться к быстрому росту Союза и ослаблению партийного ядра в его составе, некоммунистическому поведению; как организовывать массовые кампании и обеспечить постоянное «систематическое» участие молодежи в государственном строительстве и партийной работе и т.д.) [9]. В лице Л.Д. Троцкого молодежь видела государственного и политического лидера, и проблемы, которые он затрагивал в статьях и выступлениях, находили живой отклик у представителей нового поколения. Пройдет совсем немного времени, и в подавляющем большинстве писем, под воздействием пропаганды борьбы с партийной оппозицией, отношение к одному из лидеров Великой русской революции изменится. Комсомолец М.А. Петров писал в редакцию «Комсомольской правды» в октябре 1925 г.: «Троцкий является одним из последних, никуда не годных большевиков. Если я раньше преклонялся перед портретом Троцкого, как перед председателем РВС, то теперь я на этот портрет смотрю с презрением!» [10. Д. 664. Л. 8–9].

Неподдельный интерес, поддержка и одобрение проводимой политики – содержание лишь части писем. Гораздо шире были представлены другие темы, связанные с неудовлетворённостью жизнью подрас-

тающего поколения. Некоторые из письменных обращений помимо жалоб и требований содержали резкую критику работы комсомола, партийных и государственных органов, ряда руководителей как главных виновников переживаемого момента. Безусловно, подобное творчество представляло большую угрозу власти, поэтому письма, адресованные в печать и в различного рода учреждения, передавались в специальные надзорные органы. Из корреспонденции, которую использовать в печати по понятным причинам было нельзя, подготавливались соответствующие информационные сводки. В частности этим занималась редакция газеты «Комсомольская правда», видевшая в письмах необходимый материал для ознакомления с настроениями молодежи и её отношением к волнующим партию и советскую общественность проблемам.

Таким образом, перечень вопросов, которые затрагивала молодежь в эпистолярном творчестве, достаточно обширен. На сегодняшний день, к сожалению, он в должной мере не изучен. Поэтому нами была поставлена задача: проанализировать содержание писем 1920-х гг., с целью формирования комплекса приоритетных, с точки зрения молодого человека, проблем, и проследить, как они менялись на протяжении всего исследуемого периода. Сложный характер используемого источника потребовал специальных методов изучения. Для реализации поставленной задачи был задействован метод контент-анализа.

В результате поисковой работы в фондах РГАСПИ, ГАНО, ИАОО нами было обнаружено 87 писем молодежи. По времени написания основной массив относится к 1926 г. (27 писем), к 1927 (19), 1925 (13), 1928 (9), 1929 (9), 1924 (7), 1923 (2), 1920–1922 гг. (1 письмо). Отметим, что характер документов крайне разнообразный. Прежде всего, они отличаются по объему. Есть письма, которые можно условно охарактеризовать как «записки», состоящие из нескольких предложений, а есть документы, которые подробно описывают проблемы комсомольского движения и предлагают целый комплекс мероприятий, направленных на его улучшение, состоящие из 7–10 листов рукописного текста. Поэтому было принято решение унифицировать текстовую информацию по количеству символов: максимальный размер документа не должен превышать 1 500 знаков. Большие письма были разделены на несколько частей. В итоге общее количество текстов составило 113 единиц. Однако количественная неравномерность представленных писем по годам заставила пойти на ограничения. В результате случайной выборки были взяты по 10 текстов 1924–1929 гг. (всего 60). Период 1920–1923 гг. не вошёл из-за отсутствия достаточного для количественного анализа материала. Содержание всех обнаруженных нами источников (не вошедшего в контент-анализ) задействовалось нами в качестве важной эмпирической основы исследования.

Для проведения контент-анализа использовался программный продукт Global QDA. Программа является результатом творчества молодого российского специалиста в области контент-анализа, позиционируется как аналог уже давно существующим на рынке Atlas.ti, Dedoose, Max Qda и другими разработкам [11]. Программа позволяет осуществлять кодирование текста, вести учет данных, экспортировать их в нужные для исследования форматы, визуализировать результаты.

В результате содержательного анализа всего комплекса писем нами были выделены «первичные смысловые единицы», отражающие главные проблемы, поднимаемые в письмах молодежи (всего 74 компонента). Их тематика достаточно широка: обращения за разъяснениями о проводимой классовой политике, критика культуры коммунистической верхушки, жалобы на тяжелое материальное положение, суждения о противоречиях между пропагандируемыми ценностями и действительностью, утверждения о падении авторитета и боеспособности комсомола и пр.

На следующем этапе выделенные «первичные смысловые единицы» были агрегированы в сюжетно-значимые темы (категории). Тем самым достигнуто не только сокращение общего числа понятий, но и увеличен их статистический вес. Для поиска исчерпывающих и взаимоисключающих единиц анализа проводилось многократное тестирование. В результате были сформированы 13 обобщенных категорий: констатация упадническихх настроений, апатии, разочарования (pessimism); констатация отсутствия внутренней организационной демократии, сложных отношений между активом и массами (democracy); неудовлетворенность характером работы комсомольских организаций (work); чрезмерные нагрузки (workload); неудовлетворенность политической работой комсомола (policy); констатация тяжелого материального положения молодежи (money); неудовлетворенность социальной (классовой) политикой (class); неудовлетворение целей вступления в комсомол (reason); негативное отношение общества к комсомолу (attitude); констатация влияния альтернативных сил на молодежь (alternate); проблема взаимоотношения между партией и комсомолом (party); неудовлетворенность основными направлениями работы (dissatisfaction); новые социальные отношения (new life).

Затем для всех писем по каждому признаку категории (констатации, жалобы, требования, суждения и пр.) были определены частоты их встречаемости в тексте каждого документа (от 0 до 5). Полученные результаты сведены в таблицу, где подсчитано общее количество категориальных признаков во всех письмах по годам.

Количество категориальных признаков по годам

Year	Democracy	Alternate	Money	Pessimism	Attitude	Reason	Work	Policy	New life	Class	Party	Workload	Dissatisfaction	Summa
1924	4	4	3	1	11	1	2	3	21	0	3	1	1	55
1925	9	5	4	6	5	14	10	3	7	7	4	3	6	83
1926	25	2	8	13	0	8	15	6	0	4	3	7	4	95
1927	11	0	7	13	0	5	16	7	0	3	2	1	6	71
1928	9	2	2	5	1	3	4	3	2	8	9	2	7	57
1929	6	0	5	2	3	2	3	4	2	5	3	3	8	46
max	64	13	29	40	20	33	50	26	32	27	24	17	32	407

Из представленных результатов видно, что наибольшая встречаемость признаков у категории «democracy» – 64 (16% от суммы всех признаков), выражающая недовольство молодежи взаимоотношениями внутри комсомола, разобщенностью, иерархией внутри организации, отсутствием свободы слова, выбора. Нет ничего удивительного в том, что эти сюжеты получили широкое освещение в письмах, так как в большинстве случаев авторами выступали действующие или бывшие комсомольцы. Значение показателя встречаемости признаков увеличивалось в период с 1924 по 1926 г., достигнув 25. В последующие годы он снизился, но в целом оставался стабильным. В обнаруженных нами документах до 1924 г. проблема не имела ярко выраженного характера, но в 1926 г. она звучала практически в каждом письме. Содержание писем позволяет выделить два главных мотива или причины, побудившие молодежь говорить о данной проблеме.

Во-первых, писать об этом заставляла «несправедливость», с которой юноши и девушки сталкивались в комсомольской организации. Их вступление в коммунистический союз можно рассматривать как поиск конформной [12. С. 258] среды, необходимой для успешной адаптации к новым социально-политическим реалиям 1920-х гг. В организации молодежь надеялась встретить единомышленников, друзей, товарищей, объединенных мечтой построения нового общества. Здесь она искала защиту от экономических невзгод, пыталась повысить свой уровень грамотности, удовлетворить культурные потребности. К сожалению, практическая деятельность организации не всегда соответствовала запросам подрастающего поколения. В 1926 г. комсомолец Северов писал в редакцию «Комсомольской правды»: «Что для нас сейчас есть в комсомоле, чтобы могло заинтересовать молодого человека? Ничего нет! Если тебе надо образование, то комсомол не только не помогает этому, но даже мешает. Вместо какого-нибудь литературного или научного вопроса, скорее преподнесут мировую революцию, которая, кстати, уже начисто потеряла свое значение в сознании масс» [10. Д. 507. Л. 40–40 об.].

Экономические проблемы комсомол также не мог решить быстро. Нехватка средств приводила, с одной стороны, к их экономии, а с другой – к распределению не по заслугам, а по должности. Многочисленные сообщения о делении комсомола на две части: руководящее звено и массы, превратились в доминирующую тему к середине 1920-х гг. Вот лишь несколько примеров: «…секретари в комитетах стали неприкосновенными личностями, полный отрыв от масс…» [Там же. Д. 508. Л. 20], «...повсюду привилегии руководящего состава. Места по разверстке рабфака в первую очередь распределяются среди актива», «...комсомол разбился на две категории актив и неактив. В комсомоле остается нацепить звездочки, петлицы и получаются действительные и статские асессора, с правом занимать такие-то посты» [Там же. Д. 509. Л. 62 об.], «...демократия в комсомоле отсутствует, существует неограниченное диктаторство партии над комсомолом и комсомольской верхушки над членами комсомольских организаций» [Там же. Д. 508. Л. 52].

Во-вторых, обсуждение вопросов демократии было активизировано властью вследствие так называемой борьбы с оппозицией. Организация и поддержка «здоровой критики» неурядиц в жизни комсомола подразумевали, в первую очередь, активную борьбу с инакомыслием. В печати появлялись материалы, направленные на осуждение «раскольников», молодежь призывали активно участвовать в дискуссиях.

Тотальная критика «новой оппозиции» вызвала массовый отклик у молодежи. Однако параллельно с этим в редакции газет хлынул поток писем, где ставилось под сомнение существование самого принципа демократии: «Сегодня союз стал машиной, которому суждено только служить и слушать и будто бы он не имеет никакого права высказывать свое мнение» [10. Д. 587. Л. 2]. Большое количество обращений молодежи указывало на недостаточность информации об оппозиции, что мешало разобраться, что именно она хочет и почему ее столь жестко критикуют: «Не всякому коммунисту, не всякому комсомольцу, не всякому рабочему понятно, чего хочет оппозиция. Пусть оппозиция высказывается сколько хочет, чтобы каждый рабочий мог увидеть, чего они хотят, по каким вопросам они правы и по каким ошибаются…» [Там же. Л. 3]. Молодежь призывала к открытой дискуссии: «Если мне скажут, что всякие дискуссии мешают строительству социализма, то я должен заметить, что еще труднее строить социализм, когда мы не знаем, как лучше и как легче строить социализм. Лишь после дискуссии все станет яснее и можно будет легче строить социализм» [Там же].

Таким образом, вопросы внутренней демократии имели большое значение для подрастающего поколения в 1920-е гг. Молодежь не в теории, а на практике замечала, что декларируемые принципы свободы, равенства, товарищества не в полной мере реализуются в повседневной жизни. Сотни писем отправлялись в различные организации. В надежде быть услышанными молодые люди рассказывали о своих чувствах, эмоциях, несправедливости, верили, что обращения смогут повлиять на ситуацию.

Близкой по своему значению и смыслу к предыдущей является категория «work», выражающая неудовлетворенность характером работы внутри комсомольских организаций и включающая такие характеристики, как бюрократизм, карьеризм, ложь, лицемерие, формализм. По количеству встречаемых признаков она немногим уступает первой категории – 50 (12,3% от суммы всех признаков), максимальная встречаемость атрибутов приходится на 1925–1927 гг. Если в первом случае («democracy») для молодежи важным было внутригрупповое, межличностное общение, равенство, ощущение себя частью коллектива, то данная категория характеризует проблему соответствия работы комсомола главным принципам коммунистической морали. Идеи, заложенные в основы построения социалистического общества, реализовывались не в полной мере, молодежь как наиболее открытая и независимая часть социума остро реагировала на это, пыталась привлечь внимание власти. Письма изобилуют примерами многочисленных злоупотреблений комсомольских работников: хищения, кумов-

ство, должностные преступления; содержат критику тех, кто вступает с целью получить портфель, платное место, попасть на учебу и пр. «Записался в комсомол, шел туда со стремлением учиться, учиться ленинизму, учиться сельскому хозяйству, учиться многому, но увидел, что попал в какую-то грязь, кругом обман, лицемерие, лентяйство – просто хаос какой-то» [10. Д. 507. Л. 156], – писал комсомолец Д. Яркин.

В большом количестве писем нами были выявлены признаки категории «pessimism» – 40 (10% от суммы всех признаков), которая характеризует общее подавленное социопсихологическое положение. Как и в случае с категориями «democracy» и «work», наибольшая встречаемость признаков обнаружена в письмах 1926–1927 гг. (по 13, для сравнения в 1929 г. их было только два), что говорит об их положительной корреляции. Связь категорий прослеживается и в содержании. Пессимизм был вызван неудовлетворенностью комсомолом и положением молодежи в организации. Негативные эмоции стали результатом не только экономических сложностей, голода, дороговизны, ключевое значение играла также идеологическая составляющая. В большинстве писем остро ставился вопрос о будущем Советского государства и коммунизма, присутствовали сомнения в достижимости целей: «Все мои старые убеждения, пропитавшие меня в годы революции, подтачиваются, выбиваются из моей головы сегодняшними днями… Идеалы старые рушатся под ногами истории, а новых пока нет. Кризис, где искать в себе силы? …Жизнь красива и радостна только в нашей печати…. Мы сами в себе вырабатываем яд, который уничтожает и так наш исхудалый организм» [Там же. Л. 40–40 об.].

Анализируя содержание писем, приходится констатировать существование серьезной неудовлетворенности ожиданий молодежи и больших противоречий, с которыми ей приходилось сталкиваться в повседневной жизни. Мечты на быстрое построение советского общества не оправдались, что вкупе с социально-экономическими проблемами эпохи приводило к серьезным психологическим переживаниям. Молодежь обращалась за помощью в центральные органы комсомола и партии: «Скажите, что мне делать, чтобы я чувствовалал твердую почву под ногами, чтобы я был уверен, что мы все-таки придем к социализму. Дайте мне или обширное письмо или же совет, какие нужно читать книги по этому поводу. Я теряю веру в социализм, теряю веру в то, что комсомол есть что-то дельное хорошее» [Там же. Л. 157].

Усиливающиеся негативные настроения в среде молодежи не остались незамеченными. Реакция власти была неоднозначной. Некоторые политические лидеры (например, один из авторов-составителей «Краткого курса истории ВКПб» В.Г. Кнорин) призывали не драматизировать, указывая, что подобного рода «упаднические» настроения характерны только для непролетарской молодежи [13. С. XIII]. Другие традиционно главную причину видели в недостатке массовой политической работы. Наконец, третьи главным виновником распространения подобных взглядов называли творческую интеллигенцию и в частности С. Есенина [14]. Не случайно обобщенная характеристика пессимистических настроений в среде молодежи получила наименование «есенинщина». Поэтому борьба с этим негативным явлением в жизни подрастающего поколения велась по всем фронтам, прежде всего пропагандистскими и запретительными методами. В сознании молодежи формировался образ комсомольца – верного борца за коммунизм, которому чужды пессимистические настроения, буржуазные ценности и увлечения, в том числе и творчество Есенина.

Категория «reason» объединяет суждения о неудовлетворенности целей вступления в комсомол, указания на отсутствие помощи в учебе, социальной и правовой защите, материальной поддержке. Общее количество выявленных признаков составляет 33 (8,1% от суммы всех признаков). Их наибольшая встречаемость обнаружена в письмах 1925 г. – 14. В последующие годы отмечено постепенное снижение показателя. Как известно, на протяжении 20-х гг. комсомол формировал разные направления и совершенствовал свои методы работы с молодежью. Хотя они не всегда в полной мере соответствовали ожиданиям подрастающего поколения. Значительное число писем содержат сомнения в необходимости политической учебы, недостатке культурно-воспитательной работы. Особое место занимают письма девушек. В начале 1920-х гг. привлечение слабого пола в состав комсомола считалось важной и трудной задачей. В агитационно-пропагандистских материалах указывалось на патриархальность, закомплексованность, общую отсталость девушек. На основе этого декларировался особый бережный подход в их привлечении и работе в коммунистическом союзе. Однако содержание писем свидетельствует, что преодолеть дискриминационное отношение не всегда получалось. Редакция «Комсомольской правды» получила письмо С. Дембовской, озаглавленное «Где же выход?». Девушка писала: «Мы, девушки, вступаем в комсомол, ждем от него многого и часто получаем слишком мало. На собраниях нас не выслушивают, предлагают закрыться, но зато для нас существуют закрытые бюро. Может быть, вы знаете, что это закрытое собрание для обсуждения текущей работы? Ничего подобного – это просто особый вид издевательства над девчатами, не желающими подчиняться довольно недвусмысленным весенним требованиям актива» [10. Д. 509. Л. 96–97].

Новые социальные отношения, включающие суждения о «новом быте», призывы к борьбе со старым укладом, критику религии, обсуждение коммунистической культуры, а также расхождений в пропагандируемых ценностях объединяет категория «new life» – 32 (7,9% от суммы всех признаков). Максимальное значение показателя – 21 – пришлось на 1924 г., в дальнейшем его значение резко снизилось, а 1926–1927 гг. вообще не проявлялось. Отмечается и разное эмоциональное содержание писем. Если в 1924–1925 гг. наряду с призывами к разрушению пережитков прошлого с легкость можно обнаружить нотки пессимизма и острую критику некоммунистического поведения отдельных представителей не только партии, но и комсомола, окруживших себя шиком и блеском: «В то время как мы голодаем, да и безработица огромная, а отдельные личности от жиру зады-

хаются. Автомобили, автобусы, рысаки и рестораны, кинотеатры, лучшие столовки – всего для них, так невольно задаешь себе вопрос: эх, зачем так много слов и речей, чем наша власть отличается от царской? [10. Д. 588. Л. 27]. То характерной чертой писем 1928–1929 гг. стали идеи призыва к постепенному, кропотливому, трудовому строительству Советского государства с присущим стремлением к самопожертвованию: «Нам здесь не нужно унывать: борись и крепись, только в борьбе ты обретешь право свое, иди по пути Ильича, шире расчищай его путь» [Там же. Д. 593. Л. 45]. Секретарь комсомольской ячейки с. Коченга Усть-Удинского района Иркутского округа В. Кузьмина в письме бывшему политкаторжанину Г.Б. Сандомирскому писала: «Еду в деревню работать, создавать нового человека, который смог бы строить новую жизнь и бороться за право угнетенных всего мира. Бодрая, жизнерадостная, полная желания переделать деревню Илима на новую – задача большая, непосильная, но она осуществится рано или поздно» [15]. Как видно, от разочарования и критики акцент сменился на призыв к продолжению борьбы. Данное обстоятельство можно объяснить осознанием молодежью невозможности быстрого перехода к новому миру. Произошло замещение идеи «сейчас и сегодня» на «будущее завтра», для достижения которого помимо веры требовались терпение и труд.

Категория «dissatisfaction» охватывает суждения, предложения и частично требования, касающиеся основных направлений работы комсомольской организации: «больше практической работы», «изменений в области экономической политики», «переоценки роли культурного развития». Количество выявленных признаков – 32 (7,9% от суммы всех признаков). Показатель относительно равномерно распределен по годам. Минимальное значение определено для 1924 г. Эта категория хорошо демонстрирует попытки подрастающего поколения оказывать влияние на проводимую молодежную политику. В ней не присутствует острая критика, а скорее содержится перечень рекомендаций, направленных на улучшение работы коммунистических союзов. В частности, встречаются советы с мест: «...чтобы ЦК меньше уделял внимание разным предписаниям, а занялся бы практической работой с местными ячейками»; «о необходимости командировки инструкторов», объясняющих смысл тех или иных кампаний; обязательный «учёт местных особенностей» [10. Д. 507. Л. 21] при организации работы. Во многих письмах присутствует неудовлетворенность и одновременно просьба о разъяснении проводимой экономической политики, смысла коммунистического строя: «Мы сами видим, что впереди огоньки, но путь то наш к этим огонькам туманится, как подходить то деревенскому комсомольцу к этой электрификации, коммунизму? Вот, Вы, нам укажите не на цель, которую мы все знаем, а на задачи к этой цели, то есть практические пути» [Там же. Л. 22].

Жалобы на сложную экономическую обстановку, голод, дороговизну, безработицу, тяжелые бытовые условия, объединенные в категорию «money», безусловно, занимали весомое место в письмах молодежи, но с точки зрения количества выявленных признаков – 29 (7,1% от суммы всех признаков) – в таблице занимают только седьмое место. Показатель лишь немного увеличился в период 1926–1927 гг., но в целом на протяжении изучаемого периода был без экстремумов. С одной стороны, это может свидетельствовать о неизменности проблемы материальной составляющей в жизни подрастающего поколения на протяжении всего исследуемого периода. А с другой – её меньшая количественная представленность в сравнении с категориями, объединяющими идеологические и политические характеристики, не лишний раз подчеркивает, что в сознании молодежи 1920-х гг. сохранялся примат политики над экономикой. Большевистская идея строительства справедливого советского общества постепенно укоренялась в сознании подрастающего поколения, и прежде всего с реализацией этой главной задачи они связывали решение своих материальных проблем.

Категория «class» выражает неудовлетворенность социальной (классовой) политикой и объединяет вопросы о внутренних врагах, критику или поддержку главных направлений классовой политики: против кулака, служащего, середняка и крестьянства, против диктатуры пролетариата, всего 27 признаков (6,6% от суммы). В обнаруженных письмах прослеживаются два противоположных взгляда. Один олицетворяет недовольство социальной политикой с требованием запретить или минимизировать членство в комсомоле представителей непролетарских сословий вплоть до ограничения вступления крестьян-середняков. Другой взгляд на проблему, как правило, лиц непролетарских слоев задавал вопрос: почему учащиеся, дети из семей интеллигенции и даже кулаков имеют гораздо меньше прав для вступления в коммунистический союз? Следует отметить, что данная проблема на протяжении 1920-х гг. волновала не только молодежь, но и руководителей союзного государства, но единой линии тогда так и не удалось выработать. В 1926 г. в письме Бухарину иркутские комсомольцы, указывая на серьезные противоречия в социальной (классовой) политике, интересовались: «Мы все в комсомоле товарищи, мы все на одинаковых правах, но посмотреть ближе у нас не совсем так… уже в пионерах чувствуются группировки, там на детей рабочих смотрят лучше чем на учащихся или прочих. Переходят в комсомол здесь еще выпуклее это. Рабочий молодняк занимает привилегированное место, а учащиеся последнее… Если у нас будет идти так всегда, то когда же мы научимся смотреть друг на друга как на равных товарищей. Когда мы изживем те взгляды, которые существуют на служащую и учащуюся молодежь. Тов. Бухарин, ответьте должны ли быть в комсомоле все равны, все товарищи и даже братья, и почему этого не может быть?» [10. Д. 680. Л. 7–8].

Несмотря на то что комсомольской организации с первых дней стремились придать статус политической, подготавливающей кадры для партии, молодежь в нее вступала по другим причинам (см. «reason»). Не случайно в начале 1920-х гг. уровень политической грамотности оставался крайне низким, а проблемы политической учебы, неудовлетворительных знаний программы и устава организации поднимались регу-

лярно на съездах и конференциях. Отношение молодежи к политическому содержанию в работе комсомола объединено в категорию «policy» – 26 категориальных признаков (6,4% от суммы). Спектр мнений по данной проблеме также был сложным и включал суждения от необходимости полного отказа от политической учебы в пользу всестороннего культурного развития личности до констатации утраты политического содержания в работе, своего рода лица коммунистического союза. Наибольшая встречаемость признаков обнаружена в 1926–1927 гг. Этот временной период стал рубежом в оценке необходимости политического содержания в работе комсомола. Если до 1926 г. прослеживаются как отрицательные, так и положительные суждения, то после 1927 г. негативные мнение нами выявлены не были, комсомол окончательно встал на путь политической организации.

Любопытно, что вопрос взаимоотношения между партией и комсомолом, выделенный в категорию «party» и включающий такие признаки, как неудовлетворенность взаимоотношениями партии и комсомола, подчиненность партии, отсутствие взаимопонимания и т.д., в сравнении с другими категориями составляет лишь 5,9% от суммы всех признаков. Результат тем более интересен, если учитывать, что часть исследователей, особенно в советское время, данную проблему возводили в число ключевых, вокруг которой и строилось изложение истории молодежного движения [3, 16, 17]. Анализ содержания писем показал, что этот вопрос в представлении молодежи не входил в число ключевых. В начале и середине 1920-х гг. проблема представлена достаточно равномерно, определенный всплеск наблюдался лишь в 1928 г. – 9 признаков, что в большей степени связано с новым партийным курсом индустриализации и коллективизации. В этот период в большинстве писем присутствует суждение о готовности следовать политическому и экономическому курсу, приверженности идее единства партии и комсомола.

На протяжении 1920-х гг. отношение общественности к коммунистическому союзу молодежи было неоднозначным. Указания на падение авторитета комсомола, негативное отношение членов семьи, конкретных людей нами объединены в категорию «attitude». Всего выявлено 20 признаков (4,9% от суммы). В этой категории обращает на себя внимание динамика – пик пришелся на 1924 г. – 11 признаков, в 1925 – 5, 1926–1927 – 0, в 1928–1929 гг. – 1 и 3 признака соответственно. Наибольшее количество признаков, пришедшееся на 1924 г., в целом совпадает с характером развития организации. Вплоть до 1924 г. численность комсомола сильно колебалась. Содержание писем позволяет увидеть несколько причин, почему молодежь покидала организацию. Среди них не последнее место занимало негативное, иногда ироничное отношение к комсомолу семьи и родственников, особенно в деревне. Чаще других в своих письмах об этом писали девушки: «Большинству из нас, вступая в ряды ВЛКСМ, приходится или совсем порвать с семьей, или становиться с ней во враждебные отношения. Год тому назад после вступления в ВЛКСМ жизнь моя в семье делалась с каждым днем невыносимее…» [10. Д. 509. Л. 96]. С 1924 г. начался бурный рост организации, ее успехи в области защиты прав молодежи повысили авторитет и изменили отношение общественности, поэтому во второй половине 1920-х гг. признаки этой категории в письмах практически не прослеживаются.

Интересной представляется категория, характеризующая недовольство молодежи нагрузками, которые она вынуждена была нести, совмещая профессиональный труд, обучение и общественную работу. Подобные суждения нами объединены в категорию «workload». Всего выявлено 17 признаков (4,2% от суммы). Признаки равномерно распределены по годам, но наибольшая встречаемость обнаружена в 1926 г. – 7. В целом молодое поколение, вступившее в комсомол, осознавало, что здесь не только предоставляется возможность для удовлетворения социально-культурных потребностей, но и требуется ответственная, бескорыстная работа на благо общего дела – построения нового социалистического общества. Однако рост обязанностей в скором времени значительно превысил предоставляемые возможности (особенно для рядовых членов). Перечень предъявляемых требований и задач многим казался непосильным, это стало причиной обращения молодежи к власти за разъяснением. «Ленин говорит, что комсомол должен воспитывать будущих строителей коммунизма, потом говорит, что комсомол должен быть помощником партии, должен участвовать и там и сям и что только не навязывает ему. Я удивляюсь, как можно так говорить, если посчитать, сколько обязанностей возлагается на комсомольца, то нужно ему иметь и сверхъестественную силу, чтобы выполнить всё» [10. Д. 507. Л. 157].

Последней категорией, имеющей статистически значимое количество встречаемых в письмах признаков, выступает «alternate». Общее число атрибутов этой категории составляет 13 (3,2% от всей суммы). Она содержит суждения о воздействии на молодежь чуждых коммунизму сил, некоммунистических объединений, альтернативах в молодежном движении. Максимальная встречаемость признаков приходится на 1924 и 1925 гг. – 4 и 5 соответственно. В последующие годы признаки категории или не выявлены, или встречаются минимально (1926 и 1928 гг. – по два раза). В начале 1920-х гг. вопрос об альтернативах в развитии молодёжного движения стоял довольно остро. Комсомол активизировал борьбу против своих конкурентов: сначала были «ликвидированы» организации политических оппонентов большевиков, затем были закрыты или реорганизованы большинство культурно-просветительских и спортивных некоммунистических кружков. В итоге к 1925 г. в стране установилась комсомольская монополия. Поэтому после 1925 г. в письмах тема влияния альтернативных некоммунистических идеологий на молодежь практически отсутствует. В октябре 1925 г. по этом поводу писал комсомолец Наймворд: «Комсомол – единственная легальная молодежная организация. В этом ли беда? Много развитых, зрелых политически рабочих парней, много трудящихся вообще говорят, да это плохо. Я слышал это из уст многих комсомольцев, я считаю такие взгляды ошибочными, при диктатуре

пролетариата нужна только одна единственная организация молодежи. Это неоспоримо!» [10. Д. 587. Л. 20]. Единственной силой, которая имела хоть какое-то влияние на подрастающее поколение во второй половине 1920-х гг., судя по содержанию писем, оставалась религия. На волне роста разочарования (см. «pessimism») в письмах встречаются суждения, идущие вразрез с коммунистической идеологией: «Молодежь начинает интересоваться религией. Она-то ее и принимает с сегодняшними настроениями в свои объятия. Молодежь просвещается, узнает, какое место занимает религия в человеческом обществе. Она становится для молодежи нужной» [Там же. Д. 507. Л. 40 об.]. Как показывают отчеты центральных и местных комсомольских организаций, несмотря на активную борьбу с религией и верованиями, даже во второй половине 1920-х гг. ее влияние в обществе и среди молодежи оставалась значительным.

Таким образом, 1920-е гг. – время активного письменного творчества, письма стали естественным результатом роста социальной и политической активности молодежи, стремлением поделиться о наболевшем, попыткой решить не только свои личные проблемы, но и заявить о серьезных разногласиях между пропагандируемыми идеалами и действительностью. Проведённый нами контент-анализ содержания писем показал, что вопросы, поднимаемые молодым поколением, были чрезвычайно разнообразные. Однако в результате количественного анализа можно увидеть, что все они группируются вокруг трех основных проблем, с которыми обращалась молодежь: неудовлетворенность «внутренней жизнью» комсомольской организации, разочарование в основных направлениях её деятельности и комплекс конкретных социально-экономических и политических проблем исторического периода.

На протяжении 1920-х гг. сюжеты писем с точки зрения приоритетности менялись. Так, в 1924 г. главными темами выступили вопросы нового социального порядка, нового быта и отношения общества к комсомольским инициативам, в 1925–1926 гг. сюжеты концентрировались вокруг охватившего часть молодежи разочарования и пессимизма в отношении достижимости главных идей социализма, наконец, в конце 1920-х гг. молодое поколение интересовали вопросы социальной (классовой) политики, поддержки партии и внутренней демократии. Дальнейшее исследование источников данного вида предоставляет большие возможности не только для изучения истории молодежного движения, но и широкого комплекса проблем исторической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгов В.В. Из истории борьбы партии и комсомола с троцкизмом за молодежь. М. : Высш. комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, 1988. 28 с.
2. Динес В.А., Лейкин А.Я. За интернациональное единство молодежи. Из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными националистическими партиями за молодежь, 1917–1925 гг. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 202 с.
3. Ацаркин А.Н., Галкова Д.Н. Комсомол в борьбе с троцкизмом (1923–1927). М. : Изд-во МГУ, 1985. 190 с.
4. Кобак И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 2. Вып. 2. С. 142–148.
5. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.
6. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. М. : РОССПЭН, 1998–2012.
7. Молодёжное движение в России (1917–1928 гг.) Документы и материалы. М. : Сов. спорт, 1993. 260 с.
8. Дневники и письма комсомольцев. М. : Мол. гвардия, 1978. 366 с.
9. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 187. Оп. 1. Д. 118. Л. 120–121.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23.
11. Блог о контент-анализе. URL: http://content-analysis.ru/index.php/tag/global-qda/ (дата обращения: 02.05.2017).
12. Дюркгейм. Э. О разделении общественного труда. М. : Наука, 1996. 576 с.
13. Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1927. 160+XVII с.
14. Бухарин Н.И. «Злые заметки» // Правда. 1927. 12 янв.
15. РГАСПИ Ф. 26. Оп. 1. Д. 93. Л. 6–10.
16. Королев А.М. Партия и комсомол: Некоторые вопросы партийного руководства комсомолом. М. : Мол. гвардия, 1976. 199 с.
17. Педан С.А. Партия и комсомол (1918–1945 годы): Историографический очерк. Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 мая 2017 г.

“I LOSE FAITH IN SOCIALISM, I LOSE FAITH IN THE FACT THAT THE KOMSOMOL IS SOMETHING SENSIBLE, GOOD”: A CONTENT ANALYSIS OF THE LETTERS OF THE YOUTH OF THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 145–152.
DOI: 10.17223/15617793/422/21

Roman V. Rybakov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: roman-rybakov@mail.ru

Keywords: history of youth; Komsomol; content analysis; letters of youth.

Attraction of the epistolary heritage as the main historical source becomes an actual and effective way of solving various research tasks today. The history of the youth movement of the 1920s is not an exception. Letters of the youth give a chance to look at the endured historical events through the eyes of young men and women, to learn their feelings, thoughts, dreams, hopes, which is of great value for researchers. The article is devoted to the study of the content of letters of the youth of the 1920s. The article analyzes the set of problems the young person was preoccupied with. Dynamics of their importance throughout the studied period is investigated. The research is based on archival materials. The list of questions which were raised by the youth in epistolary works is rather extensive; therefore, to implement the tasks the content analysis method was involved. Among the revealed categories the problem showing discontent with relations in the Komsomol is the most frequent. The younger generation wrote about the disunity, the hierarchy within the organization, the lack of freedom of speech, choice. Young people expressed dissatisfaction with the nature of the work, drew attention to bureaucracy, careerism, lies, hypocrisy, formalism. It is established that discrepancy of the declared commu-

nistic principles and daily occurrence led to serious psychological experiences and pessimism. The content of the letters shows that the younger generation tried to influence the youth policy. There is not only acute criticism, but also a list of recommendations aimed at improving work among young people. Despite the importance of the financial component, the problem ranks the seventh in the list. It demonstrates that the idea of a fair Soviet society was rooted in the consciousness, and the youth connected the solution of financial problems with implementing this main task. During the 1920s, the subject matter of the letters changed in terms of priority. Thus, in 1924 the main topics were the questions of the new social order, the new way of life and the attitude of society towards the Komsomol initiatives; in 1925–1926 the topics were centered around the disappointment and pessimism that engulfed some of the youth regarding the attainability of the main ideas of socialism; finally, in the late 1920s, the younger generation was interested in issues of social (class) politics, support for the party and internal democracy. It can also be seen from the analysis that they all group around three main problems that the youth addressed: dissatisfaction with the "inner life" of the Komsomol organization, disappointment in its main activities and a set of specific socio-economic and political problems of the historical period. Further, research on the sources of this species provides great opportunities not only for studying the history of the youth movement, but also for a wide range of problems of the historical era.

REFERENCES

1. Dolgov, V.V. (1988) *Iz istorii bor'by partii i komsomola s trotskizmom za molodezh'* [From the history of the struggle of the Party and the Komsomol with Trotskyism for the youth]. Moscow: Vyssh. komsomol'skoy shkoly pri TsK VLKSM.
2. Dines, V.A. & Leykin, A.Ya. (1988) *Za internatsional'noe edinstvo molodezhi. Iz istorii bor'by KPSS s burzhuaznymi i melkoburzhuaznymi natsionalisticheskimi partiyami za molodezh', 1917–1925 gg.* [For the international unity of the youth. From the history of the struggle of the CPSU with bourgeois and petty-bourgeois nationalist parties for the youth]. Saratov: Saratov State University.
3. Atsarkin, A.N. & Galkova, D.N. (1985) *Komsomol v bor'be s trotskizmom (1923–1927)* [The Komsomol in the struggle against Trotskyism (1923–1927)]. Moscow: Moscow State University.
4. Kobak, I.V. (2012) Letters as a historical source: the problems and methods of study. *Vestnik SpbGU – Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Bulletin of St. Petersburg University*. 2:2. pp. 142–148.
5. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (1998) *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to power. 1917–1927. Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders]. Moscow: ROSSPEN.
6. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (1998–2012) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t.* [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials: in 4 vols]. Moscow: ROSSPEN.
7. Alekseev, A.A. & Khorunzhiy, V.V. (eds) (1993) *Molodezhnoe dvizhenie v Rossii (1917–1928 gg.) Dokumenty i materialy* [Youth movement in Russia (1917–1928). Documents and materials]. Moscow: Sovetskiy sport.
8. Kataeva, M. (1978) *Dnevniki i pis'ma komsomol'tsev.: Sbornik* [Diaries and letters of the Komsomol members: a collection]. Moscow: Mol. gvardiya.
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 187. List 1. File 118. Pages 120–121. (In Russian).
10. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M-1. List 23. (In Russian).
11. Blog about content analysis. [Online] Available from: http://content-analysis.ru/index.php/tag/global-qda/. (Accessed: 02.05.2017). (In Russian).
12. Durkheim, E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The division of labor in society]. Translated from French. Moscow: Nauka.
13. Lunacharskiy, A.V. et al. (1927) *Upadochnoe nastroenie sredi molodezhi. Eseninshchina* [Decline of mood among the youth. Yesenin-like mood]. Moscow: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii.
14. Bukharin, N.I. (1927) "Zlye zametki" ["Evil notes"]. *Pravda*. 12 January.
15. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) Fund 26. List 1. File 93. Pages 6–10. (In Russian).
16. Korolev, A.M. (1976) *Partiya i komsomol: Nekotorye voprosy partiynogo rukovodstva komsomolom* [The Party and the Komsomol: Some questions of the party leaders of the Komsomol]. Moscow: Mol. gvardiya.
17. Pedan, S.A. (1979) *Partiya i komsomol (1918–1945 gody): Istoriograficheskiy ocherk* [Party and the Komsomol (1918-1945): a historiographical essay]. Leningrad: Leningrad State University.

Received: 08 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 153–160. DOI: 10.17223/15617793/422/22

УДК 94(470) «1970…»

А.В. Рычков

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОВОРОТ: ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕДРЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ НАУКИ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СССР В 1970-е гг.

Рассматриваются научно-внедренческие проблемы в сельском хозяйстве СССР в 1970-е гг. Анализируются основные подходы к организации внедрения: дебюрократизация управления наукой и внедрением с усилением экономических акцентов, с одной стороны, и совершенствование организации науки с опорой на «демонстрационный эффект» базовых хозяйств – с другой. Сделан вывод, что комплексное использование этих подходов могло привести к положительному результату, однако высшей властью в стране был избран иной, бюрократический, сценарий развития аграрной отрасли.

Ключевые слова: аграрная наука; сельское хозяйство; научно-производственная интеграция; бюрократизация; СССР.

Характерной чертой сельского хозяйства в СССР являлась его слабая восприимчивость к использованию научных рекомендаций [1. С. 14]. «Союз государства, науки и земли», о котором мечтал выдающийся ученый и организатор аграрной науки академик Н.И. Вавилов, так и не воплотился в жизнь [2. С. 410]. Конечно, в экстренных и исключительных случаях государство могло добиться быстрого результата, как это, например, произошло с внедрением почвозащитной системы на целинных землях. Однако данные примеры, во-первых, носят, скорее, единичный характер и, во-вторых, необходимость быстрого и масштабного внедрения почвозащитной системы была вызвана предшествующими ошибками целинного освоения, вызвавшими к жизни эрозионные процессы на обширных территориях.

Между тем на протяжении длительного времени в нашей стране шел активный поиск своего рода «внедренческой модели», способной связать науку и производство воедино. Конечно, на этот поиск негативно влияли многочисленные факторы, от организационно-научных до политических. Но, тем не менее, был накоплен интересный и поучительный опыт организации внедренческой деятельности, открывающий определенные возможности для научно-производственной интеграции, не реализованные в силу тех или иных причин. Анализ этого опыта представляется весьма важным как в плане углубления наших знаний в области аграрной истории советского периода вообще, так и в плане решения современных проблем «онаучивания» аграрной отрасли. К тому же надежды на то, что рынок автоматически выступит в роли мощного научно-производственного интегратора аграрной экономики, не оправдались. Хотя нередко слышатся на этот счет оправдания, что мол рынок у нас пока что «не тот». Когда же он будет «тот», никто конкретных, даже приблизительных, дат не называет. Попытки организации внедренческой деятельности по типу западных консультационных служб не дали ожидаемого эффекта. Между тем современные тенденции в области международных отношений требуют скорейшего обеспечения продовольственной безопасности страны.

Обращение к аграрной научно-производственной проблематике вызвано также и тем, что в научной исторической литературе, за небольшим исключением, данные проблемы до сих пор не привлекли внимание исследователей [3]. Ученые-аграрники, в свою очередь, ограничивались, как правило, констатацией «расчетного», естественно, положительного экономического эффекта от возможного внедрения достижений науки в производственную практику, оставляя, таким образом, организационно-внедренческие проблемы в стороне. При таком подходе складывалась весьма благоприятная картина состояния научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве, назывались «сказочные» сроки внедрения научных рекомендаций: в области растениеводства – 4 года, животноводства – от 3 до 4 лет, химизации – 2–3 года, экономики – 1–2 года [4]. В целях исправления сложившейся историографической ситуации и предлагается данная статья.

Основные принципы организации внедрения достижений науки в сельскохозяйственную практику были сформулированы академиком Н.И. Вавиловым. Прежде всего, он предупреждал об опасности увлечения административной стороной дела во внедренческой деятельности, отводя научным учреждениям роль «консультанта» земельных органов [5. С. 122]. Организация внедрения научных рекомендаций, как считал Николай Иванович, должна стать делом практических работников, прежде всего экономистов. В условиях НЭПа внедрение должно было стать уделом общественной агрономии. В 1930-е гг. продвижением научных рекомендаций в сельскохозяйственную практику призвана была заниматься создаваемая в стране обширная сеть институтов организации сельского хозяйства. Кроме того, в целях активизации внедренческой деятельности Н.И. Вавилов считал целесообразным значительную часть опытных учреждений перевести на бюджет производственных организаций. В условиях подавляющего государственного «дирижизма» в экономике открывались широкие возможности быстрого «онаучивания» сельского хозяйства огромной страны, но в то же время появлялась и опасность того, что возможные ошибки и просчеты могли быть «растиражированы» на территорию всей страны. Поэтому Н.И. Вавилов указывал на необходимость внедрения в производство лишь проверенных и вполне доказательных результатов, считая полезным при этом, во избежание возможных ошибок, даже пойти на ограничение масштабов исследовательской деятельности [Там же. С. 74].

К сожалению, опасения Н.И. Вавилова подтвердились, и очень скоро. Акцент был сделан на чисто административные методы организации внедренческой

деятельности. В 1950-е гг. создается бюрократическая внедренческая вертикаль от районного до союзного уровня. В условиях установившегося в аграрной науке доминирования группы академика Т.Д. Лысенко в сельскохозяйственное производство насаждаются многочисленные и широко разрекламированные рекомендации сомнительной эффективности. В полигон для их внедрения превратилась, в частности, Сибирь. Большой вред сельскому хозяйству региона принесло насаждение ранних сроков сева зерновых культур, стерневых посевов озимых, внедрение так называемой пропашной системы земледелия. Автором этих рекомендаций не всегда был Т.Д. Лысенко: находясь в годы Великой Отечественной войны в эвакуации в Омске, он приобрел в Сибири много единомышленников. Иногда инициаторами нововведений выступали сами представители высшей власти страны, например, идея ликвидации чистых паров принадлежала Н.С. Хрущеву, ученые подвели под нее лишь соответствующий «научный» фундамент.

Подчеркнем, что в целом обращение лысенковцев к организационным аспектам внедрения имело чисто ситуативный характер, причем активизировалось именно тогда, когда их доминирующее положение находилось под угрозой [6]. При этом чаще всего дело ограничивалось демагогией о «большевистской энергии в применении достижений» [7. С. 354], «массовом производственном эксперименте», который представляет «самый верный путь к познанию живой природы, практическое управление ее явлениями», когда в условиях производства «человек изменяет условия роста и развития растений» [8. С. 330].

Нередко важные и полезные начинания в области организации внедренческой деятельности в условиях господства лысенковщины были дискредитированы, как это, в частности, произошло с опытно-показательными хозяйствами в начале 1960-х гг. Организованные в 1961 г. по всей стране с целью пропаганды новых научных достижений непосредственно в производственных условиях, они вскоре стали жертвой внедрения непродуманных рекомендаций и были повсеместно ликвидированы (за исключением Белоруссии, где они прекрасно себя зарекомендовали).

Развенчание Т.Д. Лысенко в середине 1960-х гг. позволило ученым и производственникам, наконец, обратить на внедрение достижений науки в сельскохозяйственное производство самое серьезное внимание. Однако потребовалось некоторое время, чтобы нормализовать ситуацию непосредственно в сельскохозяйственной науке. Были осуществлены серьезные мероприятия в области повышения научно-методологического и методического уровней исследований, структурно-функциональные изменения в научной сети; устанавливался порядок, согласно которому могли рекомендоваться для внедрения в производство только те научные предложения, которые внедрены в опытное хозяйство научного учреждения и доказали высокую экономическую эффективность. Следует принимать во внимание и то, что в середине 1960-х гг. еще не были оформлены представления о направлении реформ в научно-внедренческой деятельности. Вместе с тем в процессе преодоления трагических ошибок освоения целины уже выкристаллизовывался полезный опыт, элементы которого возможно было использовать в будущем: в частности, освоение и внедрение почвозащитной системы земледелия строилось на базе «модельных» хозяйств. На юге Западной Сибири, например, таким хозяйством стал совхоз «Кулундинский» Алтайского края.

Начало широкому обсуждению внедренческих проблем было положено в феврале 1972 г. на совещании руководителей «научных» подразделений Министерств сельского хозяйства СССР и союзных республик, а также отделений ВАСХНИЛ. Было констатировано ограниченное влияние использования преимущественно пропагандистских подходов во внедренческой деятельности, поскольку «применяемые средства пропаганды не всегда доходят до колхозов и совхозов. Большинство издаваемой литературы… скапливается в областных центрах и работники производства ее не читают» [9. Л. 4]. Среди рекомендуемых мер указывалось, в частности, на целесообразность перевода экспериментальных хозяйств научных учреждений на полный хозрасчет с использованием до 25% прибыли от их производственной деятельности на расширение и укрепление научной и материальной базы НИР, а также рассматривался вопрос об организации научно-производственных объединений и хозрасчетных внедренческих подразделений при научных учреждениях [Там же. Л. 2–4]. Таким образом, наметился поворот к использованию экономических акцентов в области внедренческой деятельности.

Немного погодя, летом того же 1972 г., в Литовском НИИ земледелия состоялось рабочее совещание директоров научно-исследовательских институтов земледелия и сельского хозяйства СССР. Место проведения совещания было выбрано не случайно: в прибалтийских республиках СССР процессы научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве решались более успешно, нежели в других местах. В Литве, например, по рекомендациям ученых было осуществлено коренное преобразование более половины всех сельхозугодий, урожайность зерновых на таких землях была повышена на 40%; продуктивность долголетних культурных пастбищ возросла в 4 раза; с большим экономическим эффектом решались вопросы повышения плодородия почв, использования удобрений, совершенствования структуры посевных площадей. Применение научных достижений Литовского научно-исследовательского института земледелия, на базе которого проводилось совещание, наряду с другими мерами, осуществляемыми в республике, дало возможность колхозам и совхозам за последнее десятилетие поднять урожайность зерновых более чем в 2 раза, заметно укрепить кормовую базу животноводства и увеличить производство мяса в 2,6 раза, молока – в 1,9 и надои в среднем от коровы – в 1,6 раза [10. С. 346–347].

Чем же можно объяснить эти успехи? В ходе совещания выяснилось, что управление аграрными исследованиями и внедрением научных рекомендаций в республиках Прибалтики имеет более дебюрократизированный характер. Планы научной и производственной деятельности аграрных научных учрежде-

ний здесь не рассматриваются и не утверждаются районными организациями, а полностью решаются самими институтами, производственные отделы которых, по сути, по отношению к своим опытно-экспериментальным хозяйствам выполняют функции районного управления сельского хозяйства. НИИ вместе с опытно-экспериментальными хозяйствами составляют единый научно-производственный комплекс. Причем количество данных хозяйств весьма значительно, например, в подчинении Эстонского НИИ земледелия и мелиорации находилось 14 хозяйств. Данная система научно-производственной интеграции в республиках Прибалтики полностью себя оправдала и, по убеждению ученых, не требовала создания никаких новых бюрократических научных и производственных надстроек [11. Л. 3–4].

Претензии ученых были связаны с недостатками в деятельности экспериментально-опытных хозяйств. Для этого предлагалось прекратить практику формирования сети хозяйств институтов за счет отстающих хозяйств, отказаться от их перегрузки планами по производству непрофильной продукции. Учеными ставилась задача целесообразности перехода экспериментальных и опытных хозяйств научных учреждений на полный хозрасчет.

В конечном счете на совещании в Литовской ССР предполагалось в ходе реформы создать систему, которая учитывала бы, во-первых, интерес государства (земля государственная и должна давать продукцию, тем более в руках ученых); во-вторых, интерес научного учреждения и науки в целом в продвижении в производство качественной и эффективной научной продукции; в-третьих, интерес рабочих и служащих экспериментальных хозяйств, чтобы они поощрялись как за производство продукции, так и за своевременное и качественное проведение опытов и экспериментов. Участниками совещания особо подчеркивалось, что решение проблемы научно-производственной интеграции только в административно-организационном плане представляется явно недостаточным [Там же. Л. 5].

Завершающим мероприятием в области определения научно-внедренческой модели в сельском хозяйстве стало проведенное в Киеве в феврале 1974 г. всесоюзное совещание, посвященное рассмотрению опыта организация внедрения достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство в союзных республиках СССР. О значимости вынесенной на обсуждение проблемы для аграрной отрасли говорили и участники совещания: заместитель министра сельского хозяйства СССР И.Н. Кузнецов, заместитель министра сельского хозяйства РСФСР Н.И. Цибизов, руководители главных управлений сельскохозяйственной науки и пропаганды союзного и республиканских министерств сельского хозяйства. На этот раз в центре внимания оказались организационно-научные проблемы внедренческой деятельности. Была подвергнута критике практика составления государственных планов внедрения достижений науки в сельскохозяйственное производство, когда в план включались несколько тысяч позиций, проконтролировать выполнение или невыполнение которых было совершенно невозможно, тем более невозможно было оказывать какое-либо влияние на его реализацию. На совещании выяснилось, что в государственном плане внедрения не учитывалась специализация сельскохозяйственного производства союзных республик, а использовался принцип «всем сестрам по серьгам». Предлагалось в будущем избегать «внедренческого» многотемья, а заняться освоением в производстве небольшого количества важнейших комплексных тем [12. Л. 8–12].

Большое внимание на совещании было уделено недостаткам в области построения научно-опытной сети по сельскому хозяйству. Предполагалось, что принципиальными глубокими разработками научных проблем развития сельскохозяйственного производства должен заниматься довольно узкий круг ведущих НИИ, большинство же научных институтов сельскохозяйственного профиля должны заниматься практическими разработками.

Серьезной критике подверглась деятельность опытных станций, которые превратились в своеобразные «миниинституты», ведущие исследования разных уровней – от теоретических до прикладных. Было указано на необходимость нацелить опытные станции на отработку рекомендованных НИИ технологий применительно к зоне своей деятельности, а также апробацию технологий в 2–3 хозяйствах зоны их деятельности.

В целях приближения науки к производству обсуждался вопрос об организации научно-производственных объединений, призванных разрабатывать комплексные технологические решения в различных отраслях производства и оперативно их внедрять во входящие в состав НПО хозяйства [12. Л. 16–17].

Вновь был поднят вопрос о переводе на хозрасчет экспериментальных хозяйств научных учреждений с тем, чтобы вырученные средства направить на развитие производственной базы. Причем подчеркивалось, что экспериментальные хозяйства на 5–10 лет должны опережать в своем развитии окружающие хозяйства. Поскольку экспериментальные хозяйства комплексных многоотраслевых НИИ не могли конкурировать по уровню рентабельности с узкоспециализированными, то было высказано предложение вернуться к практике деятельности функционировавших в начале 1960-х гг. опытно-показательных хозяйств [Там же. Л. 22–23].

Было высказано и предложение разрешить руководителям НИИ и учебных заведений сельского хозяйства увеличить фонд зарплаты в размере до 50% объема работ, выполненных по хозяйственным договорам [Там же. Л. 27–28].

На протяжении длительного времени предметом гордости советских аграрников являлась численность ученых и научных учреждений по сельскому хозяйству, что рассматривалось в качестве серьезного подтверждения заботы партии и правительства о состоянии дел в отрасли. На ограниченность такого подхода указывал в свое время еще академик Н.И. Вавилов: «Удельный вес науки в стране определяется средствами, отпускаемыми по государственному бюджету, числом исследовательских институтов, научным уровнем университетов и высших технических школ, но и высотой научного полета, широтой кругозора ее

деятелей» [2. С. 357–358]. На совещании было указано на недостаток молодых талантливых ученых, имеющих хорошую подготовку. Особенно любопытно, что был поставлен вопрос о возможности закрытия неэффективно работающих научно-исследовательских институтов и опытных станций [12. Л. 30]. Все это говорит о серьезных проблемах, накопившихся в советской сельскохозяйственной науке.

Итак, в процессе обсуждения проблем внедренческой деятельности выявились следующие подходы. Руководители научных учреждений, знакомые с внедренческими проблемами не понаслышке, а реально представляющие их ограниченный характер и слабую эффективность, считали это закономерным следствием бюрократизиции науки и внедрения, и, следовательно, ратовали за освобождение научных учреждений и их производственных подразделений от управленческого диктата сверху, а также предлагали усилить экономические методы во внедренческой деятельности, по сути дела, речь шла о формировании более гибкой системы производственных отношений в сельском хозяйстве, учитывающей интересы как ученых, так и производственников.

Представители организационно-научных структур при сельскохозяйственных органах главную проблему видели в недостатках научно-опытной сети: в многотемье, перегруженности научных учреждений научно-исследовательской работой «общетеоретического» характера при слабой разработке прикладных проблем, копировании опытными станциями, которые изначально были ориентированы на внедрение, деятельности НИИ и т.д. Вместе с тем и в этой среде считалось необходимым уделить большее внимание разработке экономических механизмов, стимулирующих внедренческие процессы. Предложение воссоздания сети опытно-показательных хозяйств весьма красноречиво и свидетельствует о том, что в административно-научной среде в области внедренческой деятельности значительное внимание отводилось также не бюрократическим методам, а «демонстрационному эффекту».

При всех отличиях в подходах ученых и «организаторов науки», на наш взгляд, их комплексное использование могло оказаться весьма полезным. Формирование при научных учреждениях «пояса» аграрного благополучия, где наиболее успешно и эффективно осуществлялась интеграция науки и производства, могло послужить примером для окружающих территорий, той управленческой моделью, которая могла быть распространена на отрасль в целом.

К сожалению, развитие реальных сценариев жизни большой страны пошло по другому пути. В ноябре 1975 г. принимается постановление ЦК КПСС «О работе Литовского научно-исследовательского института земледелия по повышению эффективности исследований и внедрению научно-технических достижений в сельскохозяйственное производство», весьма и весьма противоречивое по своему содержанию. Прежде всего в нем отмечается значительная работа института по повышению эффективности научных исследований и внедрению научно-технических достижений в сельскохозяйственное производство, подчеркивается, что «институт имеет тесную связь с колхозами и совхозами республики, постоянно откликается на их запросы, многие экспериментальные работы ведет непосредственно в хозяйствах» [10. С. 346], указывается серьезная практическая польза производству, полученная в результате внедрения научных разработок института.

Казалось бы, лучшего и желать невозможно и самое время оценить и распространить опыт работы института на другие республики и территории страны. Однако в Постановлении ЦК КПСС «секрет успеха» рассматривался как результат деятельности партийных организаций институтского и районного уровней, а никак не большей свободы научных учреждений и хозяйствующих структур от вмешательства бюрократических органов (как нами показано выше). Более того, в заключительной части постановления рекомендовано «постоянно совершенствовать формы и методы партийного влияния на повышение эффективности научных исследований, усилить работу по подъему творческой активности коллектива, воспитанию ученых в духе глубокой идейности», «шире развернуть политико-воспитательную работу в коллективе», подчеркивается, что «руководство наукой является важным партийным делом» [Там же. С. 349]. Становится понятным, что серьезное реформирование аграрных отношений в целом и научной составляющей в частности не приветствуется партийным руководством страны.

Очередным подтверждением позиции высшей власти страны стало принятое в августе 1976 г. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством» [13. С. 523–536]. В Постановлении констатируется, что «серьезные недостатки имеются в организации внедрения в сельскохозяйственное производство достижений науки и передового опыта, многие ценные научные разработки и рекомендации длительное время не получают широкого применения в производстве». Уделив определенное внимание организационно-научным проблемам, Постановление главным научно-производственным интегратором объявляет административный ресурс. Министерства и ведомства, партийные и советские органы, имеющие отношение к сельскому хозяйству, обязывались «улучшить организацию внедрения достижений науки, техники и передового опыта в сельскохозяйственное производство, обеспечив всемерное ускорение внедрения прогрессивных научно-технических разработок». Достижение поставленной цели предполагалось осуществить посредством улучшения планирования внедренческих работ, их материально-технического и финансового обеспечения, а также путем создания в составе сельскохозяйственных органов специальных координирующих внедренческих подразделений. Кроме этого, в республиках, краях и областях постановили создать межведомственные советы по координации общеотраслевых планов внедрения достижений науки, техники и передового опыта в сельскохозяйственное производство, которые должны были возглавляться заместителями председателя Советов министров республик, крайисполкомов и облисполкомов.

Конечно, государственные структуры должны были «возглавить» внедренческую деятельность, и эта деятельность должна была носить активный и всеобъемлющий характер, поскольку длительная экстенсивная традиция в нашей стране, а особенно в Сибирском регионе, непростая история отечественной сельскохозяйственной науки и производства сформировали и особую «антинаучную» психологию производственников. Но «возглавить» – не значит подменить хозяйствующие субъекты, а создать особую атмосферу научного поиска, стремления к овладению новыми и эффективными агроприемами, в конечном счете сформировать у тружеников сельского хозяйства позитивное отношение к науке и ее рекомендациям. Справедливости ради следует отметить, что именно при таком подходе, при наличии талантливых и ответственных региональных руководителей, а также эрудированных ученых, мог быть достигнут положительный результат.

Так, например, произошло в Омской области, где ОК КПСС возглавлял знающий и понимающий сельское хозяйство С.О. Манякин, а находящийся в Омске Сибирский научно-исследо-вательский институт сельского хозяйства (СибНИИСХоз) – академик Н.З. Милащенко (будущий вице-президент ВАСХНИЛ). По производству сильной и твердой пшеницы в середине 1970-х гг. область вышла на первое место в ярово-пшеничной зоне СССР, потребление мяса жителями области приблизилось к медицинским нормам, а по производству мяса на душу населения Омская область вышла на уровень США. И это явилось результатом «сплава науки и производства». Вот как характеризует атмосферу того времени в Омской области современник: «Была создана атмосфера всеобщего стремления к знаниям. Будни руководителей хозяйств, агрономов, зооветспециалистов, специалистов аграрных служб, ученых, ответственных партийных, советских работников были заполнены семинарами, конференциями, конкурсными мероприятиями. Одним словом – учебой, работой, демонстрацией опыта» [14. С. 210]. Именно активная роль партийно-государственных структур, по мнению ученых-аграрников СибНИИСХоза, послужила основанием для положительных перемен в области научно-производственных связей: «В институте не было создано единой системы внедрения достижений науки в производство, а связи с хозяйствами строились преимущественно на желании специалиста отдельного колхоза или совхоза ознакомиться с научно-техническими разработками института. Аналогичная ситуация с освоением новых научно-техни-ческих разработок института сохранялась до начала 70-х годов прошлого века, поскольку это была не единая государственная политика, направленная на инновационное развитие отрасли в целом, а отдельная инициатива колхозов и совхозов и ученых института. Активизация этой работы начинается с середины 70-х годов, когда к ней подключились органы руководства сельским хозяйством региона» [15. С. 266]. Бесспорно, что омский «внедренческий» феномен требует самостоятельного скрупулезного изучения и осмысления.

Важное место в интеграционных процессах постановлением 1976 г. отводилось деятельности базовых опытно-показательных хозяйств, которые должны были быть созданы в каждой природно-экономической зоне области, края и республики, в которых работники сельского хозяйства могли бы на практике изучать опыт использования в производстве передовых технологий и повышать свою профессиональную квалификацию. Однако в условиях усиления бюрократических методов руководства их создание столкнулось с рядом трудностей. Прежде всего, недостаточно тщательно и без участия непосредственных исполнителей был осуществлен подбор базовых хозяйств. Недостаточной и несвоевременной оказалась методическая обеспеченность экспериментов, проводимых в этих хозяйствах. Не хватало материально-технического обеспечения внедрения разрабатываемых мероприятий для базовых хозяйств. Опыт показал, что в большинстве случаев чисто организационными мероприятиями, без совершенствования технологии и повышения уровня механизации, добиться повышения производительности труда невозможно. К концу 1970-х гг. в СССР завершилось создание сети базовых хозяйств, но превращение их в показательные и образцовые осложнялось рядом обстоятельств. Не решался вопрос со снабжением этих хозяйств новой техникой, сортовыми семенами, удобрениями. Не удалось укомплектовать базовые хозяйства и кадрами квалифицированных специалистов. В данной ситуации управленческие структуры, чтобы придать видимость благополучия, прибегли к манипулированию составом базовых хозяйств: худшие из базовых выводились из их числа, колхозы и совхозы с лучшими производственными показателями переводились в состав базовых. Поэтому, например, в Сибири и на Дальнем Востоке их численность не была постоянной и колебалась в районе 130 хозяйств [16. Л. 22].

Бюрократизация управления затронула все звенья хозяйственного механизма, как высшие, так и низовые. Проведенное учеными на примере Новосибирской области исследование показало, что в 1970-е гг. численность персонала управления в колхозах и совхозах увеличилась на 13%, улучшился качественный состав руководителей и специалистов, однако этот рост не сопровождался повышением эффективности управленческого труда [17. С. 178]. Как следствие, ухудшаются экономические показатели в отрасли. По данным сибирских ученых, число прибыльных хозяйств в регионе сократилась с 73% в 1970 г. до 34% в начале 1980-х гг. [18. С. 278].

Попытки внедрения элементов хозрасчетных отношений (выполнение научных исследований на хоздоговорной основе, создание внедренческих структур на основе самоокупаемости) без совершенствования в системе производственных отношений тоже не дало серьезного результата. В условиях нарастающего кризиса управления перестают функционировать и экономические механизмы: «Снизилось стимулирующее значение таких экономических рычагов, как цена, прибыль, кредит и т.д., принижена роль показателя себестоимости продукции», – таков вывод ученых [Там же. С. 275]. В этих условиях сельскохозяйственное производство приобретает все более фондоемкий характер, при этом эффективность

капитальных вложений приобрела устойчивую тенденцию к снижению. В Сибирском регионе, в частности в 1970-е гг., среднегодовая производительность труда выросла на 25%, а фондовооруженность – на 143% [17. С. 175].

Понятно, что нарастание кризиса управления в сельском хозяйстве осложнило и отношения науки и производства. В частности, в отчете о работе СО ВАСХНИЛ за 1979 г. отмечается: «Необходимо упорядочить связи ученых… с производством, которые продолжают оставаться эпизодическими, неконкретными» [16. Л. 21–22]. Так и не удалось сформировать систему экономических и психологических стимулов для производственников, мотивирующих их на внедрение научных рекомендаций. «Уровень эффективности внедрения научных разработок в колхозах и совхозах различен и зависит не только от их актуальности, экономической характеристики, но и от того, насколько руководители и специалисты сельскохозяйственных предприятий осознают необходимость внедрения НИР, подготовленности хозяйств к реализации рекомендуемых разработок» – к такому выводу пришли ученые, подводя итоги своей работы в X пятилетке (1976–1980 гг.) [19. С. 294].

Бюрократизация и кризис управления в сельском хозяйстве имели своим следствием падение дисциплины труда, бесхозяйственность, даже развитие воровства в колхозах и совхозах, которое превратилось в норму. Именно на рубеже 1970–1980-х гг. в редакцию газеты «Сельская жизнь» (орган ЦК КПСС) поступают многочисленные письма от сельских тружеников, в которых рисуется реальная неприглядная ситуация в отрасли. Вот что написали в газету рабочие пятого отделения совхоза «Красносельский» Кемеровской области: «На нашем отделении, которым руководит Д.Н. Гончаров, нет никакого порядка. Все пьют и воруют. Воруют комбикорм, зерно, поросят. Кто для своего хозяйства, а чаще на бутылку браги. Обо всех этих фактах знают директор совхоза Жеребухин и парторг отделения Лавренович, но молчат. Да и как скажешь, если самим приходиться по два раза в день ездить на склад за зерном для личного скота? В закромах Лавреновича, Гончарова и их родственников зерна больше, чем на совхозных складах» [20. Л. 15]. О том же идет речь в письме рабочих совхоза «Медяково» Новосибирской области: «В совхозе сплошное очковтирательство. Эти дела творят директор и парторг. Телята растаскиваются и продаются. Потери урожая, расхищение имущества стало правилом» [Там же. Л. 26–27]. Труженики села из совхоза «Комиссаровский» Тюменской области также били тревогу: «Наше хозяйство растаскивают» [Там же. Л. 23]. При этом следует учитывать, что обращение в центральную газету, да еще находящуюся в непосредственном подчинении ЦК КПСС, происходило, как правило, тогда, когда не принимались нужные меры на районном, областном, краевом уровнях.

Однако если случаи прямого воровства хотя все более учащались, но были не повсеместным явлением, то технологические нарушения имели массовый характер. Приведем информацию из совхоза «Береговой» Омской области: «Много сделано в совхозе для облегчения труда доярок, установлена новая техника. Казалось бы, и продукции в таких условиях можно получать больше. Но вся беда в очень низком качестве кормов. К их заготовке отнеслись бесхозяйственно. Силос, сено перемешали с грязью и снегом. Получается, что все корма есть, а кормить нечем» [21. Л. 33]. Нарушения в области эксплуатации техники приводили к несвоевременному выполнению полевых работ. «В нашем третьем отделении каждой весной повторяется одна и та же картина, – писали механизаторы из алтайского совхоза “Димитровский”, – надо ехать пахать, сеять, а вся техника все еще стоит неотремонтированной. Подходит пора сенокоса, уборка хлебов, а комбайны и жатки только ставят на ремонт. Разве так нужно относиться к важному делу?» [Там же. Л. 126–127].

Понятно, что в условиях бюрократизации экономики, нарастающего кризиса управления, нарушений технологической культуры и усиливающегося воровства «онаучивание» аграрной сферы экономики было затруднено.

Таким образом, в процессе поисков наиболее приемлемой и эффективной внедренческой модели в 1970-е гг. проявились два подхода. Первый из них, представленный руководителями аграрных научных учреждений, предусматривал дебюрократизацию руководства аграрной наукой со стороны вышестоящих управленческих структур, формирование более гибкой системы производственных отношений в аграрной сфере, учитывающей интересы различных звеньев научно-производственной цепи. Возможно, эти перемены предотвратили бы последующие негативные сценарии развития страны. Ведь в случае успеха произошло бы насыщение торговой сети качественной сельскохозяйственной продукцией, стол советского человека стал бы более разнообразным и обильным, его социальное благополучие – более качественным и оптимистичным, не произошло бы изменения идеологических ориентиров населения, в результате которых, как пелось в одной из песен, «выцвело красное знамя».

Второй подход, сформулированный руководителями «научных» подразделений в союзном и республиканских министерствах сельского хозяйства, был ориентирован на совершенствование организационно-научных аспектов внедрения: улучшение планирования, координации, финансирования внедренческих работ, оптимизации научно-опытной сети и т.д., что позволяло бы формировать более обоснованные и эффективные рекомендации. В принципе, оба подхода, используемые в комплексе и дополняющие друг друга, могли привести к положительному результату. Один был направлен на повышение уровня предлагаемых производству разработок, другой – на широкое освоение этих рекомендаций производством.

Созданный в стране производственный, кадровый, научный потенциал позволял осуществить переустройство аграрной экономики в нужном направлении без социальных катаклизмов. Однако высшие партийные структуры развитие страны направили по иному, самому неэффективному, бюрократическому, сценарию.

В его рамках аграрная научно-производственная интеграция могла реализовываться только в узких локальных масштабах отдельных хозяйств либо, в лучшем случае, отдельных регионов. Так и несостоявшийся «союз государства, науки и земли» явился одним из предвестников будущих потрясений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новоселов Ю.А. Экономика не слышит заклинаний // Земля сибирская, дальневосточная. 1990. № 1. С. 14–16.
2. Вавилов Н.И. «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки. М. : Сов. Россия, 1990. 345 с.
3. Рычков А.В. Наука и сельское хозяйство в СССР во второй половине XX века: основные проблемы взаимодействия // Вестник государственного аграрного университета Северного Зауралья. 2013. № 2 (21). С. 81–84.
4. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. 2076. Оп. 1. Д. 416. Л. 1.
5. Вавилов Н.И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР: Избранные статьи и выступления. М. : Агропромиздат, 1987. 384 с.
6. Рычков А.В. Научно-внедренческая «эквилибристика» академика Т.Д. Лысенко // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 16–20.
7. О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина 31 мая – 7 августа 1948 г. М. : ОГИЗ-СельхозГИЗ, 1948. 536 с.
8. Дворянкин Ф.А. Дарвинизм: курс лекций по истории эволюционного учения и проблемам дарвинизма. М. : МГУ, 1964. 448 с.
9. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 40. Д. 921.
10. Справочник партийного работника. М. : Политиздат, 1976. Вып. 16. 486 с.
11. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 923.
12. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 3106.
13. Ленинская аграрная политика КПСС : сб. важнейших документов (март 1965 г. – июль 1978 г.). М. : Политиздат, 1978. 680 с.
14. Время Манякина. Воспоминания. М. : Омское землячество в Москве, 2011. 460 с.
15. Храмцов И.Ф., Кошелев Б.С. Развитие сельскохозяйственной науки в Омском регионе. Омск : ФГБНУ СибНИИСХ ; ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столыпина ; ЛИТЕРА, 2015. 588 с.
16. ГАНО. Ф. 2076. Оп. 1. Д. 417.
17. Краткий отчет о работе Сибирского отделения ВАСХНИЛ за 1981 г. Новосибирск : СО ВАСХНИЛ, 1982. 296 с.
18. Краткий отчет о работе Сибирского отделения ВАСХНИЛ за 1983 г. Новосибирск : СО ВАСХНИЛ, 1984. 384 с.
19. Краткий отчет о работе Сибирского отделения ВАСХНИЛ за десятую пятилетку и 1980 год. Новосибирск : СО ВАСХНИЛ, 1981. 310 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 244.
21. РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 242.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 мая 2017 г.

A FAILED TURN: FROM THE HISTORY OF ORGANIZING IMPLEMENTATION OF SCIENTIFIC RESEARCH IN AGRICULTURE IN THE USSR IN THE 1970S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 153–160.
DOI: 10.17223/15617793/422/22

Aleksandr V. Rychkov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Keywords: agrarian science; agriculture; research and production integration; bureaucratization; the USSR.

The article considers the problems of organizing the introduction of scientific recommendations into agricultural production in the USSR. The difficult, and sometimes even tragic, history of agrarian science and production in our country was the reason why organizational and innovative problems became the subject of a serious discussion of scientists and practitioners only in the 1970s. Two approaches emerged in the search for the most acceptable and effective implementation model. The first of them, represented by the leaders of agrarian scientific institutions, provided for the de-bureaucratization of the management of agrarian science by higher administrative structures, the formation of a more flexible system of production relations in the agrarian sphere, taking into account interests of various links in the scientific and production chain. Perhaps, these changes would have prevented future negative scenarios of the country's development. After all, if successful, the trade network would have been saturated with high-quality agricultural products, the menu of the Soviet man would have become more diversified and plentiful and social well-being would have been more qualitative and optimistic, the ideological landmarks of the population would not have changed. The second approach, formulated by the heads of the "scientific" units in the union and republican ministries of agriculture, aimed at improving the organizational and scientific aspects of implementation: improving planning, coordination, financing of innovative works, optimization of the scientific and experimental network, etc., which would have allowed to formulate more informed and effective recommendations. An important role was assigned to the "demonstration effect" of the organized network of basic farms. Actually, both approaches could lead to a positive result, used in a complex as complementary to each other. One aimed at increasing the level of the proposed developments, while the other aimed at a wide adoption of these recommendations by production. The production, personnel, scientific potential created in the country made it possible to carry out the reorganization of the agrarian economy in the necessary direction without social cataclysms. However, the highest party structures directed the country's development by a different, most inefficient, bureaucratic scenario. Within its framework, agricultural research and production integration could be realized only in the narrow local scales of individual farms, or, at best, of individual regions. And the failed "union of the state, science and the soil" was one of the harbingers of future upheavals. Thus, according to the author, of all the possible options for the development of the agrarian sphere in the USSR in the 1970s the authorities chose the most unfavorable: the bureaucratization of the branch led to administrative chaos, the fall of labor discipline and theft. The "scientification" of agriculture under these conditions was much complicated.

REFERENCES

1. Novoselov, Yu.A. (1990) Ekonomika ne slyshit zaklinaniy [The economy does not hear spells]. *Zemlya sibirskaya, dal'nevostochnaya.* 1. pp. 14–16.
2. Vavilov, N.I. (1990) *"Zhizn' korotka, nado speshit'": Publitsistika klassikov otechestvennoy nauki* ["Life is short, we must hurry": Journalism of the classics of Russian science]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
3. Rychkov, A.V. (2013) Nauka i sel'skoe khozyaystvo v SSSR vo vtoroy polovine XX veka: osnovnye problemy vzaimodeystviya [Science and agriculture in the USSR in the second half of the twentieth century: the main problems of interaction]. *Vestnik gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ya*. 2 (21). pp. 81–84.

4. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 2076. List 1. File 416. Page 1. (In Russian).
5. Vavilov, N.I. (1987) *Organizatsiya sel'skokhozyaystvennoy nauki v SSSR: Izbrannye stat'i i vystupleniya* [Organization of agricultural science in the USSR: Selected articles and speeches]. Moscow: Agropromizdat.
6. Rychkov, A.V. (2013) Scientific and introductional "balancing act" of the academician T.D. Lysenko. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 4 (121). pp. 16–20. (In Russian).
7. All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1948) *O polozhenii v biologicheskoy nauke: Stenograficheskiy otchet sessii Vsesoyuznoy akademii sel'skokhozyaystvennykh nauk imeni Lenina 31 maya – 7 avgusta 1948 g.* [On the situation in biological science: Verbatim report of the session of the All-Union Academy of Agricultural Sciences named after Lenin of May 31 – August 7, 1948]. Moscow: OGIZ-Sel'khozGIZ.
8. Dvoryankin, F.A. (1964) *Darvinizm: kurs lektsiy po istorii evolyutsionnogo ucheniya i problemam darvinizma* [Darwinism: a course of lectures on the history of evolutionary doctrine and the problems of Darwinism]. Moscow: Moscow State University.
9. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7486. List 40. File 921. (In Russian).
10. Kolupaeva, A.P. (ed.) (1976) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of a party worker]. Moscow: Politizdat.
11. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7486. List 40. File 923. (In Russian).
12. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7486. List 40. File 3106. (In Russian).
13. Smirtyukov, M.S. & Bogolyubov, E.M. (eds) (1978) *Leninskaya agrarnaya politika KPSS: sb. vazhneyshikh dokumentov (mart 1965 g. – iyul' 1978 g.)* [Lenin's agrarian policy of the CPSU: collection of the most important documents (March 1965 – July 1978)]. Moscow: Politizdat.
14. Sil'vanovich, M.I. (ed.) (2011) *Vremya Manyakina. Vospominaniya* [The Time of Manyakin. Memories]. Moscow: Omskoe zemlyachestvo v Moskve.
15. Khramtsov, I.F. & Koshelev, B.S. (2015) *Razvitie sel'skokhozyaystvennoy nauki v Omskom regione* [The development of agricultural science in the Omsk region]. Omsk: SibNIISKh; Omsk State Agrarian University; LITERA.
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 2076. List 1. File 417. (In Russian).
17. Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1982) *Kratkiy otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya VASKhNIL za 1981 g.* [Brief report on the work of the Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences for 1981]. Novosibirsk: Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences.
18. Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1984) *Kratkiy otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya VASKhNIL za 1983 g.* [Brief report on the work of the Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences for 1983]. Novosibirsk: Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences.
19. Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences. (1981) *Kratkiy otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya VASKhNIL za 1980 g.* [Brief report on the work of the Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences for 1980]. Novosibirsk: Siberian Branch of the All-Union Academy of Agricultural Sciences.
20. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 591. List 1. File 244. (In Russian).
21. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 591. List 1. File 242. (In Russian).

Received: 15 May 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 161–165. DOI: 10.17223/15617793/422/23

УДК 94(57)

И.С. Сильченко

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКОГО УЕЗДА ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1923 гг.

Рассматриваются особенности становления Частей особого назначения Нижне-Тагильского уезда Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. Подробно анализируются все аспекты деятельности частей, а также их кадровый состав, внутренняя структура и особенности взаимодействия с партийными органами. Работа основана на ранее неопубликованных материалах уральских архивов.

Ключевые слова: Части особого назначения; Гражданская война в России; административные органы; Екатеринбургская губерния в 1919–1923 гг.

Противостояние военно-политических сил в годы Гражданской войны открыто показало, что вопрос окончательного установления государственной власти до конца не решен. Силы различной политической направленности вели вооруженную борьбу за укрепление своего влияния во всех без исключения регионах. Советское правительство, сформированное после событий октября 1917 г., старалось укрепить свои позиции и остаться на вершине политической власти. Совместно с организацией военных сил формировались административно-политические органы, целью которых являлось подавление любых антиправительственных выступлений на территориях, подчиненных советской власти. Наряду с Чрезвычайной комиссией и рабоче-крестьянской красной милицией такими органами являлись Части особого назначения (ЧОН). Формирование ЧОН началось в условиях тяжелой экономической ситуации с полным отсутствием опытных руководящих кадров. На протяжении всего существования ЧОН неоднократно переформировывались, менялась численность личного состава, подконтрольные территории, административное подчинение. В статье мы рассмотрим историю формирования, цели и задачи, а также кадровую составляющую Частей особого назначения Нижне-Тагильского уезда Екатеринбургской губернии в период с 1919 по 1923 г.

В современной исторической науке вопросам становления и функционирования Частей особого назначения на территории Урала уделено крайне мало внимания. Основная масса исследований относится к советскому периоду и имеет яркую политическую окраску (см.: [1, 2]). Из исследований данного периода выделяется работа В.Л. Кротова «Чоновцы» [3]. В своей работе автор подробно рассматривает нормативную базу деятельности Частей особого назначения, структурные особенности, личный состав и боевое применение. Стоит сказать, что В.Л. Кротов описывает общие тенденции формирования и деятельности ЧОН, уделяя малое внимание территориальной проблематике вопроса. Из исследований более позднего периода можно выделить работу Д.С. Кулакова «Части особого назначения Екатеринбургской губернии» [4]. Несмотря на то, что автор, безусловно, представляет колоссальный пласт фактической информации, в его работе не в полной мере проанализированы территориальные особенности заявленного региона.

Для написания статьи были изучены документы Центра документации общественных организаций Свердловской области (Ф. 41. «Свердловский (Уральский) истпарт».), в которых содержатся подробные отчеты о деятельности ЧОН Екатеринбургской губернии. В Государственном архиве Свердловской области исследован фонд Екатеринбургского губернского управления рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-9), содержащий данные об участии Частей особого назначения в силовых операциях. Статистические данные по численности и структуре Нижне-Тагильского уезда на 1920 г. представлены в «Списке населенных мест Екатеринбургской губернии».

Части особого назначения на территории Екатеринбургской губернии начали формироваться в августе 1919 г. Основанием послужил приказ революционного совета республики № 1010/183 от 20 июня 1919 г. [3. С. 8]. В это время появились инструкции по формированию отрядов в столице, губернских городах и крупных фабрично-заводских районах в виде батальонов, рот, отделений, взводов. Подразделения формировали из коммунистов, сочувствующих партии, комсомольцев и рабочих. Отряды использовались для охраны важнейших политических, экономических и военных объектов, поддержания революционного порядка, подавления выступлений контрреволюции. В прифронтовой зоне применялись в боевых действиях совместно с частями Красной армии. Первоначально отряды особого назначения подчинялись партийным организациям, а с 12 ноября 1919 г. формирование и управление отрядами особого назначения было передано ячейкам всевобуча [Там же. С. 14]. Личный состав ЧОН делился на постоянный (кадровый) и милиционный. Постоянный состав включал в себя лиц, состоявших на руководящих партийных должностях, а в милиционный входили все члены РКП(б), РКСМ, а также кандидаты на вступление в партию.

С момента закрепления границ Екатеринбургской губернии г. Нижний Тагил и его окрестности входили в состав Верхотурского уезда на правах волости. Проблемы с взаимодействием всех уровней власти, вызванные большими территориями уездов, а также устойчивое положение Нижнего Тагила как политического и промышленного центра привели к выделению летом 1920 г. отдельного Нижне-Тагильского уезда. В уезд входила 31 волость с общим населением 210 493 человека [5. С. 6]. Социально-политическая ситуация в уезде была нестабильной и отражала типичные тенденции Екатеринбургской губернии. Око-

ло 60% населения уезда было занято на различных предприятиях промышленности, остальные были вовлечены в сельскохозяйственное производство. Продовольственная политика, проводимая новой властью, негативно сказывалась на настроениях деревни, а отсутствие достаточного количества продуктов питания и товаров бытового назначения увеличивали напряженность в городах. К тому же в уезде существовала прослойка идейных противников новой власти, которая с приходом Красной армии перешла на нелегальное положение [6. Л. 214]. Помимо частых стихийных выступлений против политики новой власти массовым явлением стало трудовое и военное дезертирство. Только за 1920 г. Частями особого назначения и органами РККМ было задержано 925 военных и 125 трудовых дезертиров, а также 296 лиц, открыто выступающих против советской власти [Там же. Л. 215].

После ухода белых войск в Нижнем Тагиле был создан Временный совет солдатских и крестьянских депутатов, который 21 июля 1919 г. был распущен и заменен Революционным комитетом (Ревкомом). Основными задачами Нижне-Тагильского ревкома являлись: борьба с контрреволюцией, восстановление работы заводов, решение продовольственных, кадровых вопросов, а также организация работы партийных структур. К лету 1919 г. тагильская ячейка РСДРП (б) не функционировала: партийные руководители были мобилизованы в Красную армию, а рядовые члены в условиях отсутствующего руководства были рассеяны. Однако уже к 4 августа 1919 г. в партийной городской организации числилось 120 человек, а 10 августа состоялось первое собрание Союза молодежи [7. С. 32]. 31 августа 1919 г. состоялось первое заседание Нижне-Тагильского совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. В совет вошло 75 депутатов, председателем исполнительного комитета был назначен В.Р. Носов [Там же. С. 33].

Первый отряд особого назначения на территории Нижне-Тагильского уезда был сформирован в конце сентября 1919 г. Инициатором создания отряда являлся В.Р. Носов [8. Л. 69]. На начальном этапе своего существования отряд был слабо вооружен, личный состав не имел военного опыта, дисциплина практически отсутствовала. В силовых операциях Нижне-Тагильский отряд особого назначения участия не принимал. Личный состав был занят административно-хозяйственной деятельностью, направленной на формирование начальной материально-технической базы, необходимой для функционирования и развития подразделения.

12 ноября 1919 г. в соответствии с циркулярным письмом ЦК РКП(б) отряды особого назначения были включены в систему всевобуча. В задачи отрядов входили внутренняя охрана уезда от бандитизма, борьба с дезертирством и саботажем [Там же]. Несмотря на то что отряды фактически являлись структурой всевобуча, их формирование и управление осуществлялись советами разных уровней. В пределах губернии общей координацией деятельности ЧОН занимался Екатеринбургский губернский комитет РКП(б), на уровне уездов и волостей – местные комитеты РКП(б) [6. Л. 37]. В каждом партийном комитете контролировал работу и руководил формированием ОСНАЗов инструктор-организатор [8. Л. 69].

В соответствии с приказом начальника всевобуча № 93 от 27 марта 1921 г. при управлении всевобуча был сформирован штаб отрядов особого назначения. 29 июля 1921 г. штаб расформирован, вместо него был создан самостоятельный штаб частей особого назначения республики.

26 августа 1921 г. согласно приказу Революционного совета республики в Екатеринбурге начал формироваться штаб частей особого назначения Екатеринбургской губернии. Начальником штаба был назначен Я.М. Терентьев – бывший начальник губернского всевобуча [Там же. Л. 66]. Создание штаба позволило не только организовать централизованное управление уездными отрядами, но и сформировать единую службу снабжения.

23 сентября 1921 г. на основании приказа ЧОН Екатеринбургской губернии № 4 сформирован 2-й Особого назначения Нижне-Тагильский полк. Полк объединял в себе подразделения пяти уездов: Нижне-Тагильского, Алапаевского, Ирбитского, Верхотурского и Надеждинского. Подобная структура объяснялась необходимостью укрупнения центров административного подчинения с целью упрощения оперативного управления, отчетности и документооборота. 2-й Особого назначения Нижне-Тагильский полк был разделен на роты, роты – на отделения, а отделения – на звенья. Командирами рот и взводов назначались лица из кадрового комсостава, во главе отделений и звеньев стояли наиболее опытные представители милиционного состава.

В ноябре 1921 в г. Нижний Тагил и в городах всех пяти уездов производился переучет партийных сил и коммунаров. Переучет был во многом связан с вспыхнувшим в некоторых уездах губернии Западно-Сибирским восстанием. Политическому руководству была необходима информация о количественном и качественном составе ЧОН для оценки возможности их реального боевого применения. Для проведения переучета были созданы три комиссии: военная, партийная и медицинская. По результатам работы комиссий все коммунары были разделены на три очереди призыва. Каждый из них был отнесен к разряду, соответствующему уровню здоровья и военной подготовки.

Административное деление Нижне-Тагильских ЧОН имело и территориальную привязку. Так, взводы действовали в пределах определенного района, отделения – в пределах улиц, а деятельность звеньев ограничивалась кварталами. Полк был распределен по уездам следующим образом: 1-я рота 1-го батальона располагалась в г. Нижний Тагил, там же располагался штаб 1-го батальона. 2-я рота 1-го батальона находилась в г. Кушва, 3-я рота – в г. Алапаевск. Штаб 2-го батальона был расположен в г. Ирбит, там же находилась 4-я рота. 5-я и 6-я роты – в с. Егоршинское и с. Чубаровское. Штаб 3-го батальона и 7-я рота базировались в г. Верхотурье, 8-я и 9-я рота – в Надеждинске и Богословске [8. Л. 70]. Всего в составе полка числилось 3 900 человек, из них 3 660 мужчин, 240 женщин. В это число входил и кадровый комсостав в количестве 150 человек [Там же]. В случае

острой необходимости сбор коммунаров производился с применением конных и пеших вестовых. Для каждого района определялся сборный пункт, причем минимальным структурным подразделением при таких сборах должна была являться рота, которая складывалась из взводов и ячеек силами комсостава. С 1 марта 1922 г., в соответствии с постановлением губернской конференции ЧОН, было предписано вести дополнительный учет коммунаров. С этого момента на учет становились не только совершеннолетние лица, но и члены РКСМ в возрасте от 12 до 17 лет. В это же время был создан совет ЧОН, основной функцией которого являлось коллегиальное решение военных и бытовых вопросов.

2-й Особого назначения Нижне-Тагильский полк являлся слабой боевой единицей, неспособной вести активные действия. Снабжение коммунаров оружием и вещевым довольствием было крайне неудовлетворительным, около 70% личного состава не имели какого-либо вооружения [8. Л. 71]. Обучение милиционного состава не производилось, а комсостав обучался без отрыва от производства не более одного часа в день. В это время части полка привлекались для поимки мелких криминальных банд, а также в качестве средства усиления милиции. Интересной особенностью архивных материалов является то, что практически во всех документах, касающихся ЧОН, информация о силовых операциях либо очень скудна, либо вообще отсутствует. При этом в документах по линии милиции содержатся сводки об участии ЧОН в поимке дезертиров и организованных банд. Так, например, в августе 1922 г. в Ирбитском уезде уровень преступности был весьма высоким. Организованные группы осуществляли нападения на населенные пункты, во время которых грабили магазины и склады, а также целенаправленно атаковали советских работников. Для борьбы с преступностью была сформирована оперативная группа из сотрудников милиции и ЧОН. Было выяснено, что один из руководителей бандитского движения В. Закин скрывался в с. Ключи. Оперативная группа, представившись дезертирами, выяснила у В. Закина, что в уезде действовала группа, целью которой являлась организация контрреволюционного восстания в г. Ирбит. В итоге руководители подпольной группы были задержаны, а 13 августа началась операция по поиску остальных участников банды [6. Л. 89]. Отсутствие данных о борьбе с дезертирством и «контрреволюцией» в документах ЧОН может быть связано с искусственным занижением уровня преступности в целях формирования положительного образа частей в глазах руководства.

В соответствии с приказом командующего ЧОН РСФСР № 148 от 14 ноября 1922 г. в целях достижения организационного единообразия было предписано все части особого назначения переформировать в батальоны [3. Л. 89]. Просуществовавший около трех месяцев 2-й Особого назначения Нижне-Тагильский полк был переформирован во 2-й Особого назначения Нижне-Тагильский батальон. При формировании в состав батальона вошли три роты. Подразделение действовало в границах Нижне-Тагильского уезда, в который после реформирования административно-территориальных границ губернии полностью вошел Алапаевский уезд. С самого начала формирования батальона в уезде активную работу начала агентурная разведка. Территория была разделена на районы, а в каждом районе назначались уполномоченные по агентурной работе. Уполномоченные вербовали разведчиков, среди которых определялись старшие разведчики. Задачей старших разведчиков была группировка материала и отправка его в разведывательный отдел батальона.

В этот период началось активное обучение кадрового состава. Основными направлениями обучения были: теория ведения боевых действий, а также материальная часть артиллерийского имущества. Занятия проводились в Екатеринбурге, куда и командировались представители комсостава. Примечательно, что милиционный состав военному делу не обучался. Это связано с крайне малым количеством преподавательского состава, который в условиях низкой организации не мог в полной мере охватить всех коммунаров губернии. Летом 1922 г. в батальоне формируется школа по ликвидации неграмотности, основной задачей которой являлось обучение кадрового и милиционного состава чтению и письму. Также на подразделение были выделены пахотные и сенокосные угодья. Работа в полях значительно тормозила процесс обучения личного состава. Снабжение батальона было неудовлетворительным. Наблюдалась нехватка продовольствия, обмундирования и гужевого транспорта. В боевом плане в этот период батальон в основном применялся для поимки трудовых и военных дезертиров, а также для подавления очагов Западно-Сибирского восстания. Части не только действовали в пределах своих территорий, но и использовались в качестве усиления ЧОН Камышловского уезда.

10 июля 1922 г. в соответствии с приказом штаба Частей особого назначения губернии комсостав (численностью 95 человек) был отправлен на обучение в г. Екатеринбург. Для комсостава проводились специальные курсы, на которых разъяснялись цели и задачи Частей особого назначения [8. Л. 71].

В соответствии с приказом по ЧОН Екатеринбургской губернии № 4 от 27.07.1922 г. на основе батальона была сформирована 1-я Отдельная Нижне-Тагильская рота. Рота охватывала районы в радиусе 13 верст от г. Нижний Тагил. В это же время формируется литерная рота (рота «А»), охватывающая все остальные районы уезда. Стоит сказать, что качественный уровень подготовки комсостава и «милиционщиков» к этому времени значительно повысился, а материальное обеспечение роты улучшилось. В этот период была сформирована войсковая разведка ЧОН, действовавшая совместно с агентурной сетью. Разведка изучала географические особенности региона, а также отмечала на картах места возможного скопления контрреволюционного элемента. Численность милиционного состава ЧОН Нижне-Тагильского уезда в это время составляло 1 983 человека.

На протяжении всего периода существования ЧОН активно принимали участие в общественной жизни уездов. В дни формирования ЧОН на Урале, годов-

щины создания Красной армии и Октябрьской революции части принимали участие в парадах. Ежегодно отмечался праздник «подсчета сил и успехов, достигнутых за год существования». Торжества сопровождались митингом, на котором новые коммунары произносили текст присяги [8. Л. 71].

1-я Отдельная Нижне-Тагильская рота просуществовала до конца сентября 1924 г., после чего район был признан политически благополучным и, в соответствии с приказом РВС СССР № 1191/189, подразделение было расформировано.

Этапы формирования ЧОН Нижне-Тагильского уезда являются типичными для всех уездов Екатеринбургской губернии. Типичным также можно считать искусственное занижение масштабов участия ЧОН в силовых операциях. Отчеты о деятельности, оперативные сводки и иные документы, хранящиеся в фондах Уральских архивов, посвящены в основном особенностям административно-хозяйственной деятельности Частей особого назначения. Дела, содержание которых связано с силовой деятельностью ЧОН, в большинстве выбыли из архивов и уничтожены. Подобная ситуация может быть связана не только с искусственным занижением уровня преступности в целях формирования положительного образа регионов, но и с намеренным сокрытием масштабов карательных действий по отношению к населению.

С момента своего создания ЧОН Нижне-Тагильского уезда играли важную роль в обеспечении безопасности нового политического режима. В начальный период функционирования ЧОН Нижне-Тагильского уезда являлись только номинальной силой. Это было связано с низким уровнем военного образования личного состава, а также с рядом организационных проблем. Ситуация значительно изменилась к концу лета 1922 г. С этого момента началось обучение командного состава, а сами части активно привлекались для поимки трудовых и военных дезертиров, а также осуществляли борьбу с контрреволюционными выступлениями. Части особого назначения фактически являлись партийными войсками, созданными для того, чтобы силовыми методами отстаивать интересы власти. Наравне с выполнением силовых и карательных функций ЧОН являлись своеобразным сдерживающим фактором. Противники понимали, что новая власть готова бороться за удержание своих политических позиций и что у нее есть вооруженные защитники. На протяжении всего периода существования ЧОН постоянно переформировывались, менялась их численность, структура и внутренний состав. Постепенное сокращение численного состава связано с тем, что часть милиционных кадров, не имеющая начального военного образования и, часто по состоянию здоровья, негодная к строевой службе, постепенно исключалось из рядов ЧОН. Постоянный поиск оптимальных форм связан с тем, что руководство не всегда было довольно результатами работы Частей особого назначения и старалось найти более эффективную структурную модель. Стоит сказать, что в Екатеринбургской губернии и в частности в Нижне-Тагильском уезде Части особого назначения совместно с органами рабоче-крестьянской милиции были единственными структурами, занимающимися борьбой с бандитизмом и контрреволюцией. Значение этих организаций для повсеместного установления советской власти сложно переоценить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в советском тылу. М., 1985. 252 с.
2. Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории Гражданской войны. М., 1958. 245 с.
3. Кротов В.Л. Чоновцы. М., 1974. 126 с.
4. Кулаков Д.С. Части особого назначения Екатеринбургской губернии. URL: http://demos.eetk.ru/special.html
5. Список населенных мест Екатеринбургской губернии. Екатеринбург, 1923. 102 с.
6. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 213.
7. Ковалевич В.К. Нижний Тагил. Среднеуральск, 1977. 142 с.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 июня 2017 г.

FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF SPECIAL FORCES OF THE NIZHNY TAGIL DISTRICT OF YEKATERINBURG PROVINCE IN 1919–1923

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 161–165.
DOI: 10.17223/15617793/422/23

Ivan S. Silchenko, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: sekret-eburg@yandex.ru

Keywords: special forces; Civil War in Russia; administrative bodies; Yekaterinburg Province in 1919–1923.

The confrontation of the military-political forces during the Civil War clearly showed that the question of establishing the power was not fully resolved. The forces of different political persuasions were waging an armed struggle for gaining its influence in all regions. Together with the formation of military forces the administrative and political bodies were formed, whose aim was to suppress any anti-government protests and restore the constitutional order in the territories controlled by the soviet government. Along with the emergency committee, there were parts of special forces in an insufficient degree of scrutiny. In the article, the author considers the formation of special forces of the Nizhny Tagil district based on documents of the archives of Sverdlovsk Oblast. The author gives an overview of the literature on the research topic. Nowadays there is no objective and comprehensive analysis of features of formation and use of special forces in Yekaterinburg Province. The article aims to reflect all aspects of communist groups' activities in Nizhny Tagil and Yekaterinburg Province. The formation of the special forces in Nizhny Tagil began in autumn 1919. The article describes the structural features of Nizhny Tagil's special forces The detachment was subordinated to the local party leaders and consisted of members of RCP(b) and their supporters. On November 1919, special forces were officially included in the system of universal education, but the formation and operational management was undertaken by councils of different levels. The author

believes that by the end of 1921 the combat readiness of special forces improved. During that period Nizhny Tagil's special forces became regiments, the authorities took action to improve training and accounting of the manpower. At that time, the functions of special forces included struggle against counterrevolution and banditry, detention of labor and military deserters. The main problem of special forces throughout the period of their existence was the low level of the procurement organization as well as the lack of competent managerial personnel. By the end of 1922, the quality of military training of the personnel of the forces and the material supply of the Communards improved. Nizhny Tagil's first separate troop became a combat ready unit, the number of which was 1 983 people. The author notes that the beginning of 1924 can be considered as the period of military personnel and the Communards' financial security increase. At that time small unorganized groups became a powerful military force able to repress severely any actions against the new power. The strengthening of the position of the ruling party made the special forces' activities unnecessary in most of the soviet territory, which led to their abolishment.

REFERENCES

1. Klimenko, V.A. (1985) *Bor'ba s kontrrevolyutsiey v sovetskom tylu* [The struggle against counter-revolution in the Soviet rear]. Moscow.
2. Nayda, S.F. (1958) *O nekotorykh voprosakh istorii Grazhdanskoy voyny* [About some issues of the history of the Civil War]. Moscow: Voenizdat.
3. Krotov, V.L. (1974) *Chonovtsy* [Special force officers]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
4. Kulakov, D.S. (c. 2015) *Chasti osobogo naznacheniya Ekaterinburgskoy gubernii* [Special forces detachments of Yekaterinburg Province]. [Online] Available from: http://demos.eetk.ru/special.html.
5. Smirnov, V.N. (1923) Predislovie [Preface]. In: *Spisok naselennykh mest Ekaterinburgskoy gubernii* [List of inhabited places in Yekaterinburg Province]. Yekaterinburg: Izdanie Ekaterinburgskogo gubernskogo statisticheskogo byuro.
6. State Archive of Sverdlovsk Oblast. Fund R-9. List 1. File 213. (In Russian).
7. Kovalevich, V.K. (1977) *Nizhniy Tagil* [Nizhny Tagil]. Sredneural'sk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast. Fund 41. List 1. File 140. (In Russian).

Received: 11 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 166–171. DOI: 10.17223/15617793/422/24

УДК 394.7+398.332

М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХОЛОДНОМ И ТЕПЛОМ СЕЗОНАХ В МИФОЛОГИИ МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ И РОЛЬ АСТРАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КАЛЕНДАРНОЙ СИСТЕМЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Рассматривается значение созвездия Плеяд в календарной системе тюрко-монгольских народов. На основе корпуса мифов анализируется адаптация календаря 12-летнего животного цикла на северной периферии тюрко-монгольского мира и место в нем созвездия Плеяд как особенности локального варианта этого календаря. Представляют интерес проблема развития календарной системы с выделением двух сезонов – теплого и холодного, и ее отражение в мифологии тюрко-монгольского мира. Предложены ориентировочные время и пути распространения мифологических сюжетов в Центральную и Внутреннюю Азию.

Ключевые слова: монгольские народы; астрономические знания; мифы; календарная система; лексика; древние миграции.

Работа посвящается исследованию значения одного из самых известных астрономических объектов ночного неба – звездного скопления М 45 – Плеяды в системе жизнеобеспечения монгольских и шире – тюрко-монгольских народов. Актуальность и новизна исследования обусловлены отсутствием специальных исследований традиционных астрономических знаний монгольских народов в целом и особым статусом созвездия Плеяд в палеолитической астрономии, с которым связаны самые ранние представления людей о времени. Ночной небосвод с глубокой древности занимал воображение людей, определял ход жизни и хозяйственной деятельности древнего человека. Изображения трех созвездий, в числе которых, по предположению ученых, присутствуют и Плеяды, обнаружены в 1940 г. в наскальных рисунках пещеры Ласко и Эль-Кастильо. Возраст изображений в 1998 г. был датирован временем 18,6 тыс. лет [1. P. 319–323], а сами они соотносятся с солютрейской культурой.

Сегодня исследователи склоняются к мнению, что образные названия небесных светил, астрономических объектов и явлений появились уже в палеолите. К такому выводу последовательно пришли Б.А. Фролов, Ю.Е. Березкин, исследовавшие образ одного из известных звездных объектов ночного неба – Плеяд – в мифологии народов мира. При этом развитие астральной мифологии, одновременно с развитием представлений о самих созвездиях, происходило по мере расселения людей по земному шару. Из всех астральных объектов на африканском континенте ранее 60 000 лет назад были выделены Плеяды [2] в силу того, что они представляют собой не отдельные звезды, а определенный космический объект – шаровое скопление.

Звездное скопление Плеяд было хорошо известно народам Центральной и Внутренней Азии. Этнографические материалы этого обширного региона показывают актуальность лунно-плеядного календаря для разных культур с доминирующей скотоводческой традицией, смешанного скотоводческо-промыслового и скотоводческо-земледельческого типа.

Актуальность исследования образа Плеяд, их функций в культуре народов тюрко-монгольского мира обусловлена необходимостью решения ряда задач, одна из которых связана с формированием локальных вариантов 12-летнего животного календаря, другая – с изучением мифологического пласта знаний, связанного с Плеядами. Результаты исследований этих проблем, в свою очередь, будут способствовать лучшему пониманию этнических процессов в регионе исследования, древних и средневековых миграций населения.

Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основным инструментом исследования стал корпус материалов мифологии и фольклора тюрко-монгольских народов, отражающий представления кочевников о звездном скоплении Плеяды. Для анализа использовались устойчивые единицы фольклорных текстов – мотивы о появлении холодного и теплого сезонов года с участием домашних животных.

Опыт исследователей мифологии и фольклора, использующих этот материал как инструмент для реконструкции, в частности путей древних миграций и направлений культурных контактов, определяют наиболее активную фазу в трансляции фольклорных форм в эпоху развития мир-системных связей, соединивших сложные общества в Евразии к середине I тыс. до н.э. Ю.Е. Березкин полагает, что преимущество должны были получать такие фольклорные формы, которые были предельно свободны от культурной и природной специфики, легки для запоминания и пригодны для воспроизведения в разнокультурной среде [2. С. 168]. Обращение к мир-системному подходу представляется продуктивным и для предпринимаемого нами исследования. Этот подход позволит определить мотивы, сопутствующие древним миграциям населения, и мотивы, распространившиеся позднее, в условиях мир-системных связей.

1. Название звездного скопления Плеяд М 45 в тюрко-монгольских языках. Название созвездия в монгольских языках репрезентируется через ряд терминов: *мичин, мичид, мечин, мүшэн, мэшэн, зурган мэшэд, хэртиг*. В диалектных вариантах бурятского языка название Плеяд представлено как *Суг мүшэн* «Плеяды» (агинский диалект бурятского языка), *мэшэн / мэшэд* «созвездие Плеяд» (окинско-зака-

менские диалекты бурятского языка). В бурятском языке слово *мушэн* активно употребляется в значении «звезда» наряду с более распространенным термином *одон* («звезда») [3. С. 30]. Проследив эволюцию данного термина, Д.Д. Дондокова приходит к выводу, что первоначальное значение слова *мушэн* было «созвездие Плеяд». В дальнейшем это значение постепенно трансформировалось в бурятском языке в более обобщенное значение «звезда».

Аналогичное развитие ожидало и тюркское слово *ürker*. В тюркских языках созвездие Плеяд *ürker* известно в разных вариантах: *ülkär, üger, hürkör* и др. Но во всех языках сохраняется древнее значение этого слова «созвездие Плеяды». В дальнейшем в ряде языков происходит перенесение этого названия и на некоторые другие светила по сходству как созвездий, так и отдельных звезд (в якутском и тувинском языках – «Большая медведица» и «Малая Медведица») либо используется для общего названия звезды [4. С. 349].

2. Двенадцатилетний животный календарь и его адаптация в среде тюрко-монгольского мира. Происхождение двенадцатилетнего животного календаря, широко распространенного в Азии, представляет проблему, решение которой все еще не найдено. Однако изучение этого вопроса не входит в задачи нашего исследования. Данный тип календаря представляет для нас интерес с точки зрения развития его локальных вариантов, в частности календаря северной периферии тюрко-монгольского мира. В число уникальных вариантов двенадцатилетнего животного календаря входят календари бурят и тюрков Южной Сибири – тувинцев, алтайцев, хакасов. Главным отличием этих календарей является наличие в нем года Плеяд вместо года обезьяны.

XIII в. был временем великих перемен и новшеств в жизни монгольского общества. К числу важнейших культурных инноваций этого века следует отнести принятие монголами нового календаря – двенадцатилетнего звериного цикла, заимствованного, скорее всего, у уйгуров. Здесь необходимо отметить, что археологические находки в Сибири свидетельствуют, что местное население было знакомо с этим типом календаря гораздо раньше – в железном веке [5. С. 619]. Официально этот календарь был введен в Монголии в 1210 г. [6. С. 128]. Год обезьяны в нем присутствовал под термином *бичин*. Однако его появление в календаре не имеет надежного лингвистического обоснования. Исследования в области тюркской и монгольской лингвистики выдвигают предположения о:

1) заимствовании тюркского слова *бичин* из согдийского, персидского языков (G.J. Ramstedt, И. Галеви, P. Pelliot), греческого (B. Laufer, H. Eren), иранского (G. Doerfer) и индоевропейского (J. Clauson) [7. С. 128–129];

2) заимствовании его из монгольского (G. Ligety) [Там же], в котором слово «обезьяна» mečin может восходить к праалтайскому состоянию;

3) отражении в слове bečin бродячего корня, судя по обозначению обезьяны в индоевропейском и семитском языках (Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо и др.) [4. С. 168].

Таким образом, дискуссия о появлении года обезьяны в 12-летнем животном календаре все еще не завершена.

Мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой существовало несколько центров появления календаря этого типа [8. С. 17]. И одним из таких центров, очевидно, была Внутренняя Азия.

Пользуясь доступными сведениями, зафиксированными в период с XVIII по XIX в., определим, у каких народов монгольского, и шире – тюрко-монгольского, мира в двенадцатилетнем календаре присутствуют вместо обезьяны Плеяды. Согласно сведениям М. Татаринова, полученным в XVIII в. (работа датируется 1765 г.), в бурятском варианте тюрко-монгольского двенадцатилетнего календаря «выделяется год мышин – созвездие или плиад» [9. С. 274]. У закаменских бурят также вместо *бичин* – «обезьяна» присутствуют Плеяды. М.Н. Хангалов в своем списке лет двенадцатилетнего цикла указывает Плеяды / Мишид у западных / предбайкальских бурят и отмечает празднование нового года у группы унгинских бурят со времени появления на небе этого созвездия [10. С. 367].

Следует учитывать, что не все этнические группы предбайкальских бурят восприняли двенадцатилетний календарь. Н.Б. Дашиева указывает, что только «часть западных бурят пользовалась календарем китайского образца 12-летнего животного цикла» [11. С. 89]. Полагаем, что значительную часть западных бурят, незнакомых с этим типом календаря, составляли этнические группы, преимущественно расселенные в кудинских, верхоленских и приольхонских степях (шоно, буура, ашибагат, хуасай и др.). Материалы М.Н. Хангалова были собраны преимущественно среди балаганских и идинских бурят. Значительный процент в среде этих двух этнотерриториальных групп бурят составляет булагатское объединение *обогони олон*, а также племена *буин* и *абзай*, имеющие древнеуйгурское происхождение.

У юго-западных соседей бурят – «тувинцев юго-восточных районов – *мичин чил* понимается не как год обезьяны, а, как нам объясняли многие собеседники, как год созвездия Плеяд» [12. С. 283]. При этом у западных тувинцев Плеяды носят тюркское название *угер*, а восточные тувинцы называют Плеяды монгольским словом *мечин* [Там же. С. 291].

Этнологи и лингвисты, анализируя происхождение названий года обезьяны в двенадцатилетнем цикле бурятского варианта календаря, предположили схему замещения года Обезьяны годом созвездия Плеяд. По их мнению, замещение произошло в силу созвучия терминов *бичин* и *мичин*. Народы, живущие на северной периферии монгольского мира, скорее всего, не знали о таком существе, как обезьяна. Они могли заменить *бичин* созвучным ему словом *мичин / мечин*, значение которого было им хорошо известно (Плеяды) [13. С. 63]. С точки зрения развития языков замещение терминов *бичин* и *мичин* возможно вследствие широко распространенного чередования *б/м* в тюркских и монгольских языках.

Однако более углубленное исследование астрономической и календарной терминологии у тюрков и монголов позволяет предположить, что год созвездия Плеяд мог фиксироваться не только у северных тюрков и монгольских народов. В двенадцатилетнем жи-

вотном календаре народов Центральной Азии, записанном Ф.А. Фиельструпом, у киргизов год обезьяны наравне с *мечин* носит название *маймул* [14. С. 203]. Это название года в варианте *маймун* было известно и узбекам [15. С. 440]. «Маймул» привлекает наше внимание в связи с обозначением созвездия в общем смысле этого слова в шумерском языке MUL.MUL. В аккадском языке это слово означало «шерсть» (на загривке быка). Под быком в данном случае подразумевалось созвездие Тельца [16]. Прообразом созвездия был бык зебувидной породы. В созвездии Тельца звездное скопление Плеяд изображалось в виде семи звезд, окружавших полукругом высокий загривок быка и напоминавших торчащую в стороны шерсть. Полагаем, что одно из названий года обезьяны *маймул* в казахском и киргизском вариантах календаря может являть собой реплику шумерского названия Плеяд, хотя, конечно, это предположение требует детального анализа системных отношений и функциональных свойств языковых единиц, выражающих термины астральных объектов, возможности их сопоставления и семантической корреляции.

В случае подтверждения мысли о производности узбекского / киргизского термина *маймун / маймул* от шумерского MUL.MUL. географические границы распространения Плеяд в календаре животного цикла расширяются. Если корреляция терминов из языков Месопотамии и Центральной Азии может показаться малоубедительной, то на уровне мифологии связь Плеяд со звездным «Тельцом» обнаруживается в последующем развитии мифологических образов Плеяд на территории Центральной и Внутренней Азии. Эта связь будет представлена ниже в дальнейших исследованиях образа созвездия Плеяд.

Все вышесказанное показывает, что процесс замещения одного понятия другим в двенадцатилетнем календаре имел место и осуществлялся на разных уровнях – лингвистическом, мировоззренческом – на протяжении периода адаптации животного календаря в монгольской империи и, главным образом, в северных частях монгольского мира. Вероятно, что слово *мечин* / *мүшэн* в значении «созвездие Плеяд» появилось в монгольских языках давно – в то время, когда большое значение в хозяйственной деятельности жителей Центральной Азии имел звездный, или «плеядный», календарь. Схема этого календаря восходит к хозяйственному охотничье-промысловому календарю таежного населения [11. С. 62].

3. Мотив борьбы с Плеядами и ее основные участники в мифологии тюрко-монгольского мира. Значительная часть мифов, связанных с созвездием Плеяд, имеет сходную сюжетную и образную основу и повествует о борьбе домашних животных с неким существом Мечин / Улкер. В результате устанавливается календарная система лета и зимы. Этот сюжет относится в группе архаичных мифов «спора о времени», основными участниками которого выступают разные животные. Сюжет нетривиален, легко заметен и, как никакой другой, позволяет проследить пути древних мигрантов. Центром концентрации евразийских вариантов «спора о времени» является саяно-алтайский регион [2. С. 167].

Главными участниками борьбы с Плеядами выступают лошадь и корова. Безусловно, данные персонажи появляются в мифе на этапе развития такой отрасли производящего хозяйства, как скотоводство, поскольку в более ранних версиях мифа «спорщиками» выступают дикие животные. Лошади и крупный рогатый скот в качестве домашних животных, а не добычи, появляются в хозяйстве населения Центральной Азии в эпоху бронзы. На территории Прибайкалья на границе степной и лесной зон костные останки крупного рогатого скота и лошадей обнаруживаются уже в энеолите [17. С. 147].

Корова не справляется с поставленной целью – уничтожение Мечина / Улкера, так как имеет раздвоенное копыто. Мотив раздвоенного копыта является устойчивым элементом мифа. В дальнейшем развитии мифа меняются персонажи, но раздвоенность копыта, из-за которого созвездию удается избежать расправы, сохраняется. Так, корову иногда замещает верблюд, также обладатель раздвоенной лапы, либо коза. На наш взгляд, это более поздние варианты мифа.

В основной массе мифы тюрко-монгольских народов с участием разных животных в расправе над Плеядами (Мечин, Улкер) сводятся к вине коровы за появление на земле холодного зимнего сезона. В процессе своего развития и «дрейфа» к северу образ коровы как виновницы появления холода на земле преобразуется в образ коровы / быка – властителя зимы и холода. Это образ обнаруживается на северной периферии тюркского мира, в преданиях и легендах якутов. В якутской мифологии олицетворением зимы выступал белый бык с голубыми пятнами. Бык зимы относился к сонму злых духов. С наступлением весны дух зимы отступал, у него поочередно ломались рога, а затем отваливалась и голова. «В ледоход туловище быка зимы плывет вниз по Лене в Ледовитый океан, ледоход уносит души умерших за зиму людей и скота» [18. С. 243].

В другом якутском предании об упорядочении зимнего и летнего периодов бог, выслушав пожелания человека, лошади и быка, следует пожеланию последнего и удлиняет зиму [19. С. 258]. Причина, по которой бог прислушивается именно к быку, не объясняется. Малопонятно и народное объяснение «любви» крупного рогатого скота к холоду: «Ты удлини зиму, у меня в жару нос мокнет» (ответ быка на вопрос божества в якутском мифе); рассерженным животным корова ответила, что лучше ходить на трескучем морозе, чем по жаре; коровы не боятся мороза (казахское предание) [20]. На наш взгляд, здесь налицо адаптация мифологических сюжетов к уже известному, существующему до распространения мифа на север и восток, образу – созвездию Тельца, в котором находится звездное скопление Плеяд.

Это созвездие имело чрезвычайно важное значение в хозяйственном календаре жителей древней Месопотамии [16]. Созвездие Тельца стало известно (т.е. почитаемо) более 5000 лет до н.э. [21]. Локьер, исследуя проблему истоков возникновения представлений человека о созвездиях зодиака и в частности Тельца, связывает формирование его образа с позицией солнца около 3000 лет до н.э. во время весеннего равноденствия в Тельце, в его главной части или самых заметных звездных груп-

пах, вероятно, поблизости от Альдебарана [22. P. 399]. Другим значимым созвездием того же времени был Скорпион, в границах которого солнце находилось во время осеннего равноденствия, как полагает Локьер, недалеко от главной звезды созвездия – Антареса.

С образом этого небесного быка, приносящего прохладу после жаркого сезона и начало целого цикла полевых работ в земледельческих культурах Передней Азии, связан, вероятно, и широкий ассоциативный ряд негативных явлений, репрезентирующих представления о холоде=смерти / загробном мире и относящихся к крупному рогатому скоту у тюрков и монголов. В мировоззрении тюрков Южной Сибири корова – это животное божества нижнего мира: на синем быке ездит Эрлик, владыка подземного мира; синий бык является духом-хозяином водных источников [23. С. 22–23].

Эта мысль более выражена в представлениях якутов: дарителем душ крупного рогатого скота является божество (*Ынахсын Хотун*), живущее под восточным небом, где небо сходится с землей; злые божества и духи нижнего мира принимали жертвы только рогатым скотом [18. С. 317–318].

В монгольской классификации домашнего скота корова относится к животным с «холодным дыханием» и не является богоугодной жертвой[1]. Здесь мы опять сталкиваемся со следами зловещего образа Плеяд как причины природных катаклизмов и других бед, сопутствующих уже образу созвездия Тельца, в котором находятся Плеяды. В Месопотамии, где сложилось амбивалентное отношение к Плеядам, деструктивный, адский аспект созвездия видится в его отождествлении с Семью демонами (Себетту). Этот образ указывает на связь Плеяд с войной. Лоренцо Вердераме предполагает, что в Месопотамии война, как и сельское хозяйство, была сезонной деятельностью, и подъем Плеяд, возможно, считался началом как полевых работ, так и военных кампаний [16. P. 115].

В среде тюрко-монгольского мира зловещие черты созвездия в геометрической прогрессии распространяются и на весь год Плеяд в 12-летнем календаре. Так, калмыки, буряты, тувинцы разделяли представления, «что в год Мечин бывает большой снег и падеж скота» [12. С. 283].

Примечательно, что животные, кому было дано поручение уничтожить Плеяды, – лошадь и верблюд – (согласно сюжетам разным мифов) в калмыцком мифе могут быть «наказаны» в год Плеяд / обезьяны. Обратимся вновь к сведениям С.Ю. Неклюдова, представленным выше: год обезьяны характеризуется не только климатическими катаклизмами, но и заболеваниями лошадей и верблюдов [24. С. 161].

Исследование корпуса представлений о звездном скоплении Плеяд в культуре кочевников тюрко-монгольского мира позволяет сделать ряд выводов. В устном народном творчестве тюрко-монгольских народов обнаруживается большой пласт вербальных текстов мифологического и религиозного содержания о Плеядах вне их связи с созвездием Тельца. Это свидетельствует о том, что представления о Плеядах распространились в Центральной и Внутренней Азии до того, как сформировался образ небесного Тельца и стал почитаем в древних земледельческих культурах. Образ созвездия Тельца, частью которого стали восприниматься Плеяды, проникает в среду кочевников позднее и фиксируется в части мифов, основным мотивом которого является «спор о времени»[2]. Созвездие Тельца воплощается в образе домашней коровы, которая, спеша расправиться с Плеядами, становится причиной появления на земле зимнего сезона. Полагаем, что основным ретранслятором мифов о Плеядах становятся тюркские народы, а «коридором» распространения сюжетов – ареалы расселения тюрков, включая якутов. Среди монгольских народов хранителями этого наследия устного народного творчества стали этнические группы в зоне активного взаимодействия с тюрками или имеющие тюркский субстрат в своем этническом составе (главным образом ойраты и буряты).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Появление и развитие оппозиции холодный – горячий также входит в число нерешенных проблем традиционного мировоззрения.

[2] Мифы цикла «спора о времени» свидетельствуют об актуальности в древности календаря с выделением двух сезонов – теплого и холодного, засушливого и дождливого соответственно разным природным зонам. Маркерами сезонов выступали виды хозяйственной деятельности и связанные с ней разные локусы пространства (у кочевников) либо продукты этой деятельности (у земледельцев). В среде скотоводов ими стали домашние животные. Так, жители древней Месопотамии делили год на два сезона по характеру напитков. Думузи олицетворял ячменное зерно, из которого приготовляют пиво. А Гештинанна, как известно, была богиней вина. Таким образом, можно считать первое полугодие пивным, а второе – винным [25. С. 17–18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Aujoulat N., Cleyet-Merle J.-J., Gaussen J., Tisnerat N. et Valladas H. Approche chronologique de quelques sites ornés paléolithiques du Périgord par datation carbone 14 en spectrométrie de masse par accélérateur de leur mobilier archéologique // Paléo. 1998. № 10. P. 319–323.
2. Березкин Ю.Е. Мифы Старого и Нового света. Из Старого в Новый Свет. URL: http://www.rulit.me/books/mify-starogo-i-novogo-sveta-iz-starogo-v-novyj-svet-mify-narodov-mira-read-401889-1.html (дата обращения 05.12.2016).
3. Дондокова Д.Д. Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 135 с.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 1997. 799 с.
5. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начал XX в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 838 с.
6. Kotwicz W. O chronologji mongolskiej. 2 // Rocznik Orjentalystyczny. Lwow, 1928. T. 4. P. 152–210.
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.
8. Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. М. : Просвещение, 1982. 128 с.
9. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск : Наука, 1978. 302 с.
10. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
11. Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука. Вост. лит., 2015. 239 с.
12. Потапов А.П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 401 с.

13. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 170 с.
14. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 298 с.
15. Арифханова З.Х. и др. Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова. М. : Наука, 2011. 688 с.
16. Lorenzo Verderame Pleiades in ancient Mesopotamia // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2016. Vol. 16, № 4. P. 109–117.
17. Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 208 с.
18. Алексеев Н.А. и др. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М. : Наука, 2012. 599 с.
19. Алексеев Н.А. Якутские мифы = Саха өс-номохторо / сост. Н.А. Алексеев. Новосибирск : Наука, 2004. 451 с.
20. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. В47. Плеяды и холод. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore//berezkin/114-93.htm (дата обращения 20.12.2016).
21. Allen R.H. Star Names: Their Lore and Mean-ing. N.Y. : G.E. Stechert, 1899. 600 p.
22. Norman Lockyer J. The dawn of astronomy a study of the temple worship and mythology of the ancient Egyptians. London ; Paris ; Melbourne : Cassel and Company limited, 1894. 432 p.
23. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, 1988. 225 с.
24. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
25. Емельянов В.В. Шумерский школьный диалог «Спор лета и зимы» // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. Вып. 9 / под ред. Т.Г. Туманяна, В.В. Маркова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2015. С. 16–46.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2107 г.

REPRESENTATIONS ABOUT THE COLD AND WARM SEASONS IN THE MYTHOLOGY OF MONGOLIAN AND TURKIC PEOPLES, AND THE ROLE OF ASTRAL OBJECTS IN THE FORMATION OF THE CALENDAR SYSTEM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 166–171.
DOI: 10.17223/15617793/422/24

Marina M. Sodnompilova, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: sodnompilova@yandex.ru; nanzatov@yandex.ru
Bair Z. Nanzatov, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: nanzatov@yandex.ru

Keywords: Mongolian peoples; astronomic knowledge; myth; calendar system; lexis; ancient migration.

The article deals with the study of the significance of the Pleiades star cluster known to humankind from the very ancient times in the calendar system of the Turkic and Mongolian peoples. The article is based on the materials of the folk art of the Turkic and Mongolian peoples (myths, legends, fairy tales). Materials on the ritual of the hunting and cattle-breeding economic complexes were used. The data of linguistic analysis of the Mongolian, Turkic astral and calendar terminology were involved in the study. The Pleiades star cluster was well known to the peoples of Central and Inner Asia. Ethnographic materials of this vast region show the relevance of the luni-pleiadic calendar for different cultures with a dominant pastoral tradition, a mixed pastoral-hunting and cattle-breeding-agricultural type. In addition, the Pleiades became part of the 12-years cycle animal calendar of the Buryats and Southern Siberian Turkic peoples, determining the uniqueness of these local calendar variants. A significant part of the myths associated with the constellation of the Pleiades has a similar plot and imaginative basis and tells of the struggle of domestic animals with the Pleiades. As a result, a calendar system is established with two periods – winter and summer. This plot refers to a group of archaic myths "dispute over time". The center of concentration of Eurasian variants of "dispute over time" is the Sayan-Altai region. The main participants of "dispute over time" in the Turkic-Mongolian myths are domestic animals. The initial characters are a horse and a cow. These characters allow us to correlate an approximate dating of myth distribution with the development of cattle breeding in Central and Inner Asia. The image of a cow as the reason for the coming of winter in the region attracts particular attention in myths. The origins of this image are associated with the constellation of Taurus, which became revered in the ancient agricultural cultures of Eurasia more than 5000 years BC. An important part of this constellation and the initial stellar mark were the Pleiades. This star group, along with the other – the Hyades, was associated with the onset of the cool season and rains in the Mediterranean, Mesopotamia and Near East. The authors believe that the main relay of myths about the Pleiades are the Turkic peoples, and the "corridor" for the distribution of plots is the areas of the Turkic peoples, including the Yakuts. Ethnic groups in the zone of active interaction with the Turkic peoples or having a Turkic substratum in their ethnic composition became the custodians of this heritage of oral folk art among the Mongolian peoples, mainly Oirats and Buryats.

REFERENCES

1. Aujoulat, N. et al. (1998) Approche chronologique de quelques sites ornés paléolithiques du Périgord par datation carbone 14 en spectrométrie de masse par accélérateur de leur mobilier archéologique [A chronological approach to some Palaeolithic ornate sites in the Périgord by carbon 14 dating in mass spectrometry by accelerating their archaeological fitting]. *Paléo*. 10, pp. 319–323.
2. Berezkin, Yu.E. (2009) *Mify Starogo i Novogo sveta. Iz Starogo v Novyy Svet* [Myths of the Old and New Worlds. From the Old to the New World]. [Online] Available from: http://www.rulit.me/books/mify-starogo-i-novogo-sveta-iz-starogo-v-novyj-svet-mify-narodov-mira-read-401889-1.html.
3. Dondokova, D.D. (2003) *Leksika dukhovnoy kul'tury buryat* [Vocabulary of Buryat spiritual culture]. Ulan-Ude: BSC.
4. Tenishev, E.R. (1997) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexis]. Moscow: Nauka.
5. Ivanov, S.V. (1954) *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX - nachal XX v.* [Materials on the fine arts of the peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow-Leningrad: USSR AS.
6. Kotwicz, W. (1928) O chronologji mongolskiej. 2 [About mongolian chronology]. In: *Rocznik Orjentalystyczny* [Oriental yearbook]. Vol. 4. Lwow.
7. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on the letter "B"]. Moscow: Nauka.
8. Tsybul'skiy, V.V. (1982) *Kalendari i khronologiya stran mira* [Calendars and chronology of the countries of the world]. Moscow: Prosveshchenie.

9. Budaev, Ts.B. (1978) *Leksika buryatskikh dialektov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Vocabulary of Buryat dialects in comparative-historical coverage]. Novosibirsk: Nauka.
10. Khangalov, M.N. (1960) *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryat. kn.izd-vo.
11. Dashiyeva, N.B. (2015) *Kalendar' v traditsionnoy kul'ture buryat* [Calendar in the traditional culture of the Buryats]. 2nd edition. Moscow: Nauka; Vostochnaya literautra.
12. Potapov, A.P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the people's life of the Tuvinians]. Moscow: Nauka.
13. Galdanova, G.R. (1992) *Zakamenskiye buryaty. Istoriko-etnograficheskiye ocherki. (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Zakamensk Buryats. Historical and ethnographic essays. (The second half of the 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
14. Fiyel'strup, F.A. (2002) *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ritual life of the Kirghiz of the early twentieth century]. Moscow: Nauka.
15. Arifkhanova, Z.Kh. (2011) *Uzbeki* [The Uzbeks]. Moscow: Nauka.
16. Verderame, Lorenzo (2016). Pleiades in ancient Mesopotamia. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 16:4. pp. 109–117.
17. Aseyev, I.V. (2003) *Yugo-Vostochnaya Sibir' v epokhu kamnya i metalla* [South-Eastern Siberia in the stone and metal age]. Novosibirsk: Institute of archaeology and ethnography SB RAS.
18. Alekseev, N.A. (2012) *Yakuty (Sakha)* [The Yakuts (Sakhas)]. Moscow: Nauka.
19. Alekseev, N.A. (2004) *Yakutskiye mify = Sakha os-nomokhtoro* [The Yakut Myths]. Novosibirsk: Nauka.
20. Berezkin, Yu.E. & Duvakin, E.N. (c. 2016) *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog. B47. Pleyady i kholod* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by area. Analytical catalog. B47. The Pleiades and cold]. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/folklore//berezkin/114-93.htm.
21. Allen, R.H. (1899) *Star Names: Their Lore and Meaning*. New York: G.E. Stechert.
22. Lockyer, Norman J. (1894) *The dawn of astronomy a study of the temple worship and mythology of the ancient Egyptians*. London; Paris; Melbourne: Cassel and Company limited.
23. L'vova, E.L., Oktyabr'skaya, I.V., Sagalayev, A.M. & Usmanova, M.S. (1988) *Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [Traditional worldview of the Turks. Space and time. World of things]. Novosibirsk: Nauka,.
24. Tokarev, S.A. (ed.) (1992) *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
25. Yemel'yanov, V.V. (2015) The Sumerian school dialogue "disputation of summer and winter". *Asiatica*. 9. pp. 16-46. (In Russian).

Received: 28 June 2107

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 172–180. DOI: 10.17223/15617793/422/25

УДК 94. (470.52) «19/20»: 379.8

В.В. Устюгова

«БЕЛЬ ЭПОК» ПО-ПРОВИНЦИАЛЬНОМУ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Модернизационные процессы в российском городе рассматриваются на примере культуры средних слоев губернской Перми рубежа XIX–XX вв. Через призму «прекрасной эпохи» показываются индустриальная урбанизация, распространение стиля Art Nouveau, потребительская культура средних слоев, новые формы досуга. Для Российской империи начала XX в. термин «прекрасная эпоха» является спорным, однако он может иметь легитимность при характеристике городской культуры.

Ключевые слова: cultural modernity; Belle Époque; урбанизация; Art Nouveau; массовая культура; консюмеризм; досуг.

В фильме «Большие гонки» Б. Эдвардса, в комедийном ключе изображавшем трансконтинентальный автопробег 1908 г., эпизод, когда гонщики прибывают в Россию, был вырезан в советском прокате. На экране ночь, угрюмые люди с факелами в руках и транспарант «Вас приветствует Тобольский клуб автомобилистов». «Большие гонки» замечательно показывают «прекрасную эпоху» с ее феминистками, увлечением авиацией и автомобилями. Между тем и в России все было несколько радужнее и перспективнее, чем это показано в фильме.

В периодизации Нового времени понятие «Belle Époque» относят к «менее конвенциональным» определениям, заимствованным из области культуры [1. С. 19]. Эта форма периодизации используется не во всех «историях», чаще всего встречается в культурной истории. Для Российской империи начала XX в. термин «прекрасная эпоха» также является спорным. Однако он может иметь легитимность при характеристике ее культурной истории. В экономике страны сохранялись диспропорции, происходило социальное расслоение, усиливалось революционное движение. Вместе с тем Россия имела высокие темпы промышленного развития, занимала ведущее положение в мировом сельском хозяйстве. На фоне благоустройства городов и доступности товаров идеалы «прекрасной эпохи» имели большую популярность в городской культуре.

Для обозначения более широкого спектра явлений общественной жизни второй половины XIX и начала XX в. фигурируют термины modernity, «эпоха модерна». В дискуссии вокруг статьи М. Дэвид-Фокс «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?», развернутой на страницах «Нового литературного обозрения» [2. С. 19–44], А. Эткинд обратил внимание на игнорирование прижившегося в российской историографии слова «модерн». «К примеру, словосочетание “русская культура модерна” приятно колеблется между значением “культура Нового времени” и “культура модернизма”, объемля эти пересекающиеся смыслы» [3. С. 70–73]. В обширном поле исследования модерности выделяются исследования культуры модерна (cultural modernity), вызванной к жизни бурной индустриализацией, быстрым расширением городов, растущим преобладанием среднего класса, изобретениями, меняющими текстуру повседневной жизни, буржуазным вкусом на товары, возможностями новых медиа. Трансляторами ценностей «бель эпок» в столичных и провинциальных городах выступали новые технологии и товары, образование и печать, развлекательная культура.

Цель настоящей работы – рассмотреть модернизационные процессы в российском городе на примере культуры средних слоев губернской Перми рубежа XIX–XX вв. Через призму «прекрасной эпохи» представляется возможным показать инфраструктурный прогресс и социальное благоустройство города, распространение стиля Art Nouveau и потребительскую культуру средних слоев, новые формы досуга.

Западная историография по дореволюционной российской модерности включает работы о городской жизни и дачном отдыхе, потреблении и досуге, культуре низших слоев, однако касается лишь столичных городов [4–9]. Среди отечественных исследований выделяются книги А.Ф. Некрыловой о городских развлечениях, И.А. Муравьевой о «веке модерна» Северной столицы, С.Ю. Малышевой о времени отдыха и досуговом пространстве российского города на примере Казани и др. [10–15]. Историография раннего кино сегодня включает книги по истории распространения кинематографа в российских городах [16–20]. Выходят исследования провинциального модерна, касающиеся в основном архитектуры; имеются работы об архитектурном модерне в Перми [21–23].

Бурная промышленная революция XIX в. вызвала стремительный рост городов, резко увеличив их население. По данным переписи населения 1897 г. в Перми проживали 45 403 жителя (в 1913 г. – 75 тыс.), из них крестьян – 23 533 человек, мещан – 13 716, дворян потомственных и личных – 4 905, духовенства – 1 101, купцов – 703, иностранных поданных – 78, представителей остальных сословий – 1 169 [24. С. 2]. Статистика Российской империи фиксировала сословную принадлежность горожан. Вместе с тем происходила профессионализация общества. Пермь была губернской столицей, чиновничество составляло благородное «белое» сословие. Самым надежным путем достижения материального благополучия в провинциальном городе оставалась государственная служба [25. С. 162]. Город славился купеческими династиями, торговыми домами. В Перми развивалась региональная и транзитная торговля между европейской и азиатской частями страны. Наиболее прибыльной деятельностью пермских купцов являлось пароходство. Крупных предприятий в Перми было мало, среди них

машино-судостроительные, механические, фосфорный, серно-кислотный, лесопильный заводы, железнодорожные мастерские; преобладали мелкие производства, росло число мастерских. Вместе с тем активно развивалась «заводская деревня» Мотовилиха.

Российские города, «деревни, играющие в прятки с городом», меняли свой облик под влиянием индустриального прогресса, хотя сохраняли свою специфику. Особенностью русской провинции являлось сочетание элементов городской культуры индустриальной эпохи и черт сельского поселения, оппозиция благоустроенного центра и городских слобод, рабочих предместий. Города росли в связи миграционными потоками из деревень, совмещали старый и новый уклад жизни. Многие горожане жили за счет собственного усадебного хозяйства, мелкого кустарного ремесла, сдачи комнат внаем. Миграции крестьянства оказывали влияние на культуру и менталитет городских жителей.

На рубеже веков на центральных пермских улицах зажглись электрические фонари, электричество появилось в домах. П.Н. Яблочков говорил тогда, что по способу освещения можно судить об уровне цивилизации в стране. Жили не без «электрических сюрпризов». Некоторые фонари стояли для украшения улиц, причем на значительном расстоянии друг от друга; на окраинах сохранялось керосиновое освещение. В 1905–1906 гг. проходило строительство городского водопровода, продолжалось мощение улиц, совершенствовались средства связи, расширялась городская телефонная сеть. Происходили изменения в сфере транспорта, заработали городские дилижансы. Трамвай как показатель развитой городской инфраструктуры тех лет в Перми появляется поздно. Относительно концессии на устройство электрического трамвая велись переговоры с французскими и английскими капиталистами, осматривались места возможных трамвайных веток, однако организация трамвайного сообщения столкнулась с трудностями, не решаемыми в короткий срок.

Первый автомобиль взбудоражил пермские улицы в самом начале XX в., вскоре сообщения об автомобильных гонках стали встречаться на страницах губернской прессы, распространялись автомобильные журналы. Я.Н. Ривош в книге «Время и вещи» пишет, что сначала появляются легковые машины, принадлежащие аристократии и крупной буржуазии, затем таксомоторы, вслед за ними грузовые машины, пожарные автомобили и т.д. Самыми распространенными марками легковых машин были французские «Дион-Бутон», «Пакар-Лэвассер», «Рено», «Пежо», немецкие – «Доймлер-Бэнц», «Мерседес», «Опель», итальянские – «Фиат», «Мангия» [26. С. 72]. Среди рекламных объявлений пермских газет также встречалась реклама американского «Форда». В городе появилась карета скорой помощи, функционировали таксомоторы: «Публика уже привыкла к автомобильному сообщению», – писали газеты [27. 1909. 24 сент. № 205]. Тарифы были фиксированные: «Г. Возжаевым установлена следующая такса езды на автомобиле; денная езда: в 1 час с 2 персон 3 руб.; стоянки 1 руб. 50 к.; с 3 персон – 4 руб.; стоянки – 2 руб.; с 4 персон – 5 руб.; стоянки – 2 руб. 50 к.» [27. 1910. 15 июня. № 127].

Передавая ощущения времени, И. Северянин рифмовал: «Стрекот аэропланов! Беги автомобилей! Ветропросвист экспрессов! Крылолет буеров!» В предисловии к поэме «Возмездие», вспоминая начало 1910-х, А. Блок писал об особой моде в ту пору на авиацию [28. С. 185–186]. Происходили испытательные полеты, устраивались авиационные конкурсы и состязания. «Авиационные недели» на Комендантском аэродроме в Петербурге привлекали многотысячные толпы людей всех сословий, аэропланы волновали воображение поэтов и писателей. Увлечение авиацией захватывает русскую провинцию. Общественность вынашивала идею создания местного воздухоплавательного кружка, в учебных заведениях Перми читались лекции об авиации, в синематографах огромный интерес зрителей вызывали кинематографические авиационные съемки. Даже в магазинах детских игрушек продавались модели летающих аппаратов «Блерио», «Фарман», дающие представление о настоящих аэропланах. Вместе с тем Пермь имела свою «авиационную страничку», связанную с именем авиатора и поэта-футуриста В. Каменского, который в начале лета 1911 г. осуществил пробные полеты на своем моноплане системы «Блерио» на пермском ипподроме и в Нижней Курье [27. 1911. 1 апр. № 72; 3 мая. № 94; 27 мая. № 110; 20 июля. № 154]. Кроме того, на ипподроме выступили авиаторы П. Евсюков и А. Васильев.

В условиях бурного индустриального роста, когда повседневность «обрастала» промышленными предприятиями, вокзалами, биржами, возникла необходимость придать эстетическую ценность окружающей действительности, распространяется стиль модерн. Существование стиля неотделимо от контекста ускоренной модернизации, изменений в городской среде, социального благоустройства. Большие возможности открываются перед архитектурой в использовании новых жанров, технологий, материалов. Пермская пресса, рассказывая о небоскребах в Америке, употребляла термин «небоскребатели». В самой Перми открывались строительные бюро, принимавшие заказы на сооружение железобетонных конструкций, с использованием металлических конструкций возводились новые здания.

К общественно значимым постройкам относятся здания вокзалов Пермь I и Пермь II. Железнодорожный вокзал Пермь I был возведен по типовому проекту санкт-петербургского архитектора П.П. Шрейбера в 1877–1878 гг. Б. Пастернак в повести «Детство Люверс» вспоминал: «Это был вокзал провинциальный, без столичной сутолоки и зарев, с заблаговременно стягивающимися из ночного города уезжающими, долгим ожиданием; с тишиной и переселенцами, спавшими на полу, среди охотничьих собак, сундуков, зашитых в рогожу машин и не зашитых велосипедов» [29. С. 44]. Здание вокзала с островерхими башенками, напоминающее старинный терем, являлось типичным образцом «русского стиля». Здание нового вокзала Пермь II было выполнено в стиле модерн, оформлено огромным эллипсовидным окном в верхней части фасада, высокими арочными окнами,

лепниной, имело характерные для стиля криволинейные формы (в конце 1950-х гг. здание было реконструировано и приобрело современный вид).

С использованием элементов стиля модерн в Перми возводились здания учебных заведений, больниц, церквей. В рамках неорусского направления стиля модерн можно рассматривать комплекс училища слепых с Княже-Михайловской часовней, здание Кирилло-Мефодиевского общества, церковь Казанской иконы Божьей Матери. Автор последнего проекта не установлен, однако, вероятно, авторство Ю. Скавровского, В. Васнецова или В. Покровского [23. С. 145–146]; в оформлении церкви приняли участие С. Вашков и Н. Рерих [30. С. 105–106]. Городские училища – Ольгинское, Екатерино-Петровское, Стефановское, Насоновское – были выполнены по проектам В.В. Попатенко в стиле геометрического модерна. В.С. Верхоланцев писал, что эти здания – «дворцы, какими и должны быть будущие школы» [31. С. 105]. К геометрическому модерну относится одна из первых построек железобетонной конструкции в Перми – дом Инженерного Товарищества, а также образец промышленного модерна – здание пивоваренного завода, выстроенное по заказу Ижевской пивоваренной компании. Модерн осваивал архитектурные жанры, расширял социальное пространство; благодаря изменениям в городской среде перемены ощущали все городские слои.

«Лицо» модерна в российском варианте – частный особняк. Самыми заметными образцами архитектурного модерна в Перми выступают спроектированные архитектором А.Б. Турчевичем особняк «чай-сахарного короля» С.М. Грибушина и дом Е.И. Любимовой, супруги известного пароходчика и общественного деятеля. Вместе с тем в Перми, как и по всей России, просто строили. Показатель консерватизма русской провинции – архитектура обывательских домов. «Внешний облик обывательских домов был разнообразен, – пишет Я.Н. Ривош. – От почти деревянных изб, обильно украшенных резными карнизами, ставнями, оконными наличниками и балюстрадами, до домов, своеобразно сочетавших в своих пропорциях и декоре классицизм и ампир» [26. С. 8]. Горожане жили в собственных домах или снимали дома и квартиры. Рекламные объявления гласили: «Нужна квартира с хорошими каменными надворными постройками»; «Продается дом и два флигеля»; «Отдаются две комнаты со столом в мезонине»; «Приезжая дама ищет в семейном доме квартиру со столом»; «Продается дом, полукаменный, с каменным пристроем, службами, флигелем, банею и каменным подвалом». Ценились дома с теплым ватерклозетом, электрическим освещением, другими благами цивилизации.

Летом обеспеченные слои населения переселялись на дачи. Давались объявления: «Дачный дом 2-х этажный, с мезонином, балконом, отдельною усадьбою и мебелью сдается на лето, в 4-х верстах от Перми». Сохранившийся дневник гимназистки А. Лихачевой свидетельствует, что зима проходила на вечерах, танцах, катке, лето в разъездах: Курья, Казань, Рыбинск, Кавказ. 1905 год: «…уехала в Курью на дачу. …Там катались на лодке, ходили гулять. На пароходе вчера играли какие-то странствующие музыканты» [32]. Л. МакРейнольдс указывает, что цены на путешествия внутри империи колебались в пределах от 55 до 115 руб., на поездки за границу – от 350 до 2 500 руб. [7. P. 166].

Через призму провинциального модерна представляется возможным взглянуть на потребительскую культуру городских обывателей. Стиль модерн входил в жизнь горожан множеством предметов повседневного окружения и быта. «Он “обслуживает” всех», – пишет Д.В. Сарабьянов. Модерн «наиболее широк в своих “классовых очертаниях”»; его социальная база, «будучи чрезвычайно широкой, дает почти необозримый разворот “социального потребителя”» [33. С. 9–10]. Гостиницы, торговые учреждения, магазины также возводились в стиле модерн, например магазин Рижского Товарищества «Проводник», Торговый дом купцов Ижболдиных, «Королевские номера». Фабричный способ производства товаров, революция в сфере потребления приводят к мобильности социальной стратификации, возникновению внесословного уровня коммуникации [12. С. 546, 548]. Необходимый товар приобретался горожанами на рынках, пользовались популярностью ярмарки. Однако получил распространение феномен универсальных магазинов, торговавших разнообразными товарами – от чаев до галош. Таковыми являлись магазины П.С. Досманова, бр. Ибатуллиных и Агафуровых, А.А. Боброва, П.Г. Гаврилова и др. В магазинах покупались новые электроприборы, пишущие машинки, модные музыкальные инструменты, фотографические принадлежностями, устройства для кинематографа.

В фондах Пермского краеведческого музея представлены разнообразные образцы домашней обстановки в стиле модерн, мебели, посуды, столовых приборов, канделябров, чернильниц, колокольчиков для вызова слуг и пр. Удачно характеризуют быт «прекрасной эпохи» роскошные фаянсовые сервизы фабрик Кузнецовых, изысканная продукция Гарднера и братьев Корниловых, изделия из бисквитного фарфора. Многие вещи, покрытые серебрением гальваническим способом, выполнены на фабриках Фраже, Норблин и др. Предметы варшавского производства широко использовались в быту, большинство из них было найдено на развалинах частных домов по Петропавловской, Монастырской и другим центральным улицам Перми. Мир письменного стола говорит об интересах не мещанской среды, а интеллигенции, чиновников. В музее собрана уникальная коллекция светильников, насчитывающая около 200 экспонатов, на лампах есть фирменные знаки фабрик Отто Мюллера и Эриха Гретца в Берлине, Хуго Шнайдера в Лейпциге, братьев Брюннер в Вене [34. С. 8–9]. Среди владельцев этих предметов профессора, провизоры, служащие железнодорожных мастерских. Осветительные приборы органично входили в интерьер «бель эпок», становились украшением быта высших и средних сословий. Мода влияла на обстановку домов и квартир обеспеченных горожан, товарное изобилие приучило обывателя ценить комфорт и разнообразие.

Известными модными магазинами на карте Перми являлись «Парижский шик», магазин белья М.Я. Зыряновой, дамских платьев, капотов, матине и чулок

Б.Д. Бруштейн, фирменный шляпный магазин П.Б. Кулешевского, «Варшавский магазин Мондшейн», «Европейский магазин готового платья» и многие другие. Массовый выпуск швейных машин, распространение модных журналов с прилагающимися выкройками и образцами одежды позволяли женщинам шить самим. В продажу поступали журналы «Chiffons», «Les Grandes de Paris», «The Latest Noveltg Lux», «The Latest Novelt», «Венский шик», «Модный свет», «Русский базар», «Модистка», «Декольте» и др. В пермской губернской прессе печатались статьи о европейских институтах красоты «Мученичество ради красоты», «Барышни-манекенщицы», «Как создается дамская мода?».

Сохранившиеся в фондах провинциального музея экспонаты дамской одежды являются яркими образцами женского туалета в стиле модерн, наглядно демонстрирующими разнообразие моды начала века. При этом даже маленький декоративный крючок для женской одежды несет отпечаток ведущего стиля, как, например, ажурная застежка-аграф из бакелита, выполненная под гагат, с симметричным прозрачным узором – на фоне завитков, листвы, розовых бутонов два женских профиля с длинными волосами. В фондах музея имеются предметы, которыми владели горожане разных сословий, например, летний зонтик, двухслойный, нижний слой фестончатый, верхний – из белого тюля с вышивкой, принадлежал семье мастерового Мотовилихинских заводов, или флакон «Цветочного одеколона Брокар и К° в Москве. Персидская сирень» поступил из семьи котельщика железнодорожных мастерских. Широкое распространение предметов «бель эпок» свидетельствует о том, что горожане приучались ценить качество, красивые и модные вещи.

С.Ю. Малышева отмечает, что время отдыха разных сословий разнилось, однако происходило сближение временных алгоритмов жизни горожанина; в модернизационном дискурсе появилась категория свободного, или праздного, времени; свободное время стало ассоциироваться с потреблением [14. С. 39–78]. Российская провинция имела свои особенности развлекательной культуры, которая во многом оставалась традиционной и сохраняла сословный характер. Между тем появлялись массовые виды отдыха, позволяющие говорить о стирании социальных барьеров в спросе на развлечения.

Центром культурной жизни Перми являлся городской театр. Как отмечали современники, «во всех слоях общества единственная и всепоглащающая тема – театра» [27. 1896. 8 дек. № 261]. В пермском театре проходили гастроли Г. Федотовой, А. Яблочкиной, В. Комиссаржевской, В. Давыдова, А. Южина, П. Орленева, Л. Собинова, А. Вяльцевой, приезжали лондонские танцевальные и итальянские оперные труппы. Жителей города называли «операманами». Об экзальтированных проводах театрального сезона в Перми в 1899 г. пресса высказывалась: «Выражение “полный сбор” не даст понятия о той сплошной массе народа, которая переполняла последние дни городской театр. Что же касается последнего спектакля, то те, которые попали на него, отныне имеют отчетливое и очень реальное представление о подлинном вавилонском столпотворении. Стоял рев, положительно похожий на шум моря во время бури, оглушающий рев стоял не только в театре, но и снаружи, на всей площади…» [27. 1899. 2 марта. № 47].

Городское общество являлось сословно-структурированным, «избранное общество» собиралось **в клубы** – Благородное, Купеческое (Общественное), Офицерское собрания. Пермь была не богата учреждениями, где «скучающий обыватель средней руки» мог провести время, Благородное и Общественное собрания были ему не по карману, поэтому канцелярский люд, приказчики проводили время где придется. В начале 1911 г. по примеру существовавшего прежде общества приказчиков открылось Пермское семейное собрание служащих, которое привлекло «лиц, служащих в торгово-промышленных предприятиях, городских общественных учреждениях, частных конторах, банках, аптеках и т.д.» [Там же. 1910. 12 дек. № 270; 1911. 5 марта. № 50]. Клубный досуг был своего рода продолжением «семейных вечеров», вынесенных в публичное пространство [14. С. 151].

В начале века появляется больше публичных видов досуга и в то же время расширяется частное пространство горожанина. Гимназистка А. Лихачева в дневнике свидетельствует, что домашние вечера часто проводили у граммофона. 1903 год: «Папа купил у Агафуровых 7 пьес для граммофона и теперь играет одну из них» [32]. В юношеском дневнике девушка ссылается на прочитанную литературу, цитирует известных поэтов – М. Прево, Ф. Тютчева, А. Белого, Д. Мережковского, однако читала она также массовую литературу. В описании чувств и переживаний часто фигурирует понятие «скука». Это понятие распространяется в повседневности средних слоев и говорит об индивидуализации досуга, изменении требований к его качеству.

В культурной топографии города местом общедоступного отдыха являлись летние сады. Мода на вокзалы и увеселительные сады распространялась в XIX в. из столиц, где в Павловском вокзале играл И. Штраус, а в Первопрестольной повелителем сказочного, залитого огнями «Эрмитажа» выступал М. Лентовский. Самым крупным садом в Перми был городской сад, или сад за бульваром, среди других – театральный, «Козий загон», Анастасьевский, Гоголевский; имелся сад при театре в Мотовилихе. Общедоступные сады нередко становились площадками конфликтов с публикой «из простого звания», в то же время они аккумулировали новые, модерные, формы отдыха. В городском саду имелись открытая и закрытая сцены, шли постановки легких жанров, работал тир, вслед за фонографом гастролировал кинематограф. По требованию городской думы «во время летнего сезона гуляние в саду должно быть всегда и для всех желающих бесплатное» [35. Д. 34. Л. 58–59, 89]. Общественное собрание, содержавшее городской сад, не имело права возводить в саду зданий цирка и кафешантанов, однако новый договор, выработанный в 1912 г. сроком на 10 лет, включил пункт о кинематографе [35. Д. 34. Л. 112–113, 142].

Рассматриваемый период – время необыкновенной популярности цирка. «Ходят все, и в этом – характеристика запросов публики», – отмечала местная печать [27. 1897. 7 июня № 121]. Вместе с тем цирк – это свидетельство трансформации балагана и профессионализации общедоступной культуры. Именно цирк до распространения кино заполнил пустующую нишу в системе городских развлечений, предназначенных прежде всего для низов и средних слов городских обывателей. Массовый зритель в городах начал выставлять свои требования городской культуре, и это была потребность в увеселениях отнюдь не книжных и театральных, напротив – развлекательных, зрелищных, динамичных.

Среди цирковых трупп и артистов, посетивших Пермь, – цирк М. Труцци, Владимир и Анатолий Дуровы. Цирк становился современным зрелищем, обогащался новыми спортивными номерами. Большим успехом продолжали пользоваться конные номера, гастролировавшим в 1897 г. цирком Н.К. Боровского устраивались представления на импровизированном ипподроме, и особенно много народу собирали скачки, где соревновались профессионалы и местные любители. Показывались пантомимы, представлявшие собой новое, но приобретавшее успех зрелище, «Парижские модистки», «Серпантин, или Американский серпантинный танец» и др. Гвоздем цирковых программ тех лет являлась борьба атлетов. В Перми выступали атлеты А. Горец, П. Крылов, С. Елисеев, Г. Злобин, братья Азон. Наибольший интерес вызывали состязания известных атлетов с местными силачами. Купцы назначали вознаграждения тем из них, кто победит приезжих знаменитостей. Вызовы любителям повсеместно практиковались в цирках, к таким же уловкам будут прибегать кинематографисты, снимая местную хронику.

Панорама городской развлекательной культуры широка и разнообразна, об этом свидетельствует колоссальный спрос на различные виды массового отдыха. Провинциалы отмечали, что «конец века» не чувствуется, напротив, «нет отбоя от зрелищ», «с каждым годом летом их больше», «напропалую веселящийся город», «гастрольный город». Действительно, «небольшой город, прекрасно содержащий, вечно сытно кормящий дорогую оперу, – интереснейший город для антрепренеров, – свидетельствовали хроникеры. – А вне оперного сезона он не обижает и других: цирки, концерты, гуляния, приватные спектакли. Пермь тратит в год больше 100 000 руб. на зрелища. Это – хорошие, внушительные деньги. Актеры те прямо с каким-то благоговением говорят о Перми: редкий город, чудная публика. …В Казани нет того, что у нас: оперетка, цирк, картины Деринга, китайцы, канатоходцы и др. “артисты” в “загоне”, фонографы, затем свои – любительские спектакли, танцевальные вечера, велосипедные гонки… Сколько оркестров громыхает ежевечерне: в саду Общественного собрания, в оперетке, в “Благородске”, в цирке… Столица да и только!» [27. 1899. 15 авг. № 175].

Даже у современников поневоле возникал вопрос: «…откуда столько народа и… денег?». Чем и почему влекли провинциалов разнообразные зрелища, в изобилии предлагавшиеся «прекрасной эпохой»?

При сохранении традиционных субкультур городского общества формируется массовый потребитель продукции зарождающейся коммерческой индустрии. На рынке развлечений были популярны увеселительные сады, цирковые забавы, народные гуляния, спортивные состязания. Предпосылкой развития массовой культуры являются десакрализация сезонных праздников, трансформация их в способ развлечения, игры, потребления, получения рыночной прибыли. Легкие жанры, фарсы, оперетка, открытые сцены с куплетистами, вокалистами, танцовщицами притягивали к себе разные социальные слои городского, а благодаря индустрии печати, фотографии, грампластинок, кинематографа – и сельского населения.

Социальная база зрелищной культуры расширялась, и неизбежно должны были возникнуть новые ее формы. В столицах открываются театры шантанного типа, составляющие свои программы из оперетт и эстрадных номеров. В провинции входящую в моду шантанную программу могли предложить рестораны и летние сады. Рестораны и гостиницы публиковали в газетах изощренные меню своих кухонь и привлекали бильярдными и залами для концертов, выступлениями ансамблей танцоров, певцов, цыган, гармонистов, мандолинистов, хоров, капелл, артистов с «заграничными» именами. Е.Д. Уварова в книге «Как развлекались в российских столицах» отмечает, что роль шантанов в России издавна выполняли трактиры. «Разного ранга, ориентированные на различную публику, они предоставляли не только угощение, но нередко и развлечение: непременный орган, бильярд, хор, небольшие оркестры» [36. С. 145].

Городская элита организует общества и кружки, отвечающие духу современности и быту «прекрасной эпохи», – фотографическое общество, спортивные объединения. В 1897 г. создается Пермское общество велосипедистов, ставшее самым авторитетным спортивным объединением в губернской столице. Любители велосипедного спорта ездили на английских велосипедах «Гумбер», «Энфильд», «Витворт», «Свифт». Велосипеды «Кроуфорд» стоили от 155 до 188 руб., «Нью-Гау» и «Нью-Ярд» – 215 руб. Вместе с тем стали пользоваться спросом американские велосипеды «Виктор», «Гикори» и других фирм. Велосипед американской фирмы можно было купить за 40 руб. Летом 1899 г. открылся велодром. Участок для его устройства был выделен на территории городского сада [35. Д. 151. Л. 12, 19–20]. На велодроме устраивались гонки, каждое воскресенье проходили гуляния. Гуляния организовывались бесплатные, порой наблюдалась давка и теснота, в связи с чем для удобства публики было предложено устроить трибуну с местами на 400–500 человек [Там же. Д. 27. Л. 291, 293]. Летом объявлялись «Бега и скачки». Постоянно действующий в Перми ипподром был открыт в 1900 г. Участок для ипподрома отведен за городским садом по ходатайству Пермского общества любителей рысистого конского бега [Там же. Д. 151. Л. 12].

Приметой времени стало появление модных лаунтенниса, футбола, серсо, крокета. В Перми создавались детские сады и проводились игры по системе Лесгафта и Фребелевских обществ. Общество содействия физиче-

скому воспитанию детей, возникшее в 1912 г., ставило своей целью организацию детского досуга на свежем воздухе – катания с американских гор, на буерах, игр в футбол, лаун-теннис, устройство открытого скетинг-ринга [35. Д. 151. Л. 21–22]. Популярным увлечением времени являлась сокольская гимнастика. В фондах управы сохранилось обращение к голове города от директора пермской гимназии по поводу устройства репетиций и проведения Сокольского праздника учащихся мужских и женских учебных заведений на одной из центральных площадей города [Там же. Л. 40]. В мае 1914 г. в электротеатре «Мираж» показывались ленты «Пермь на экране. Праздник Сокольской гимнастики» и «9 мая в Перми. Смотрите себя и своих знакомых на экране». В 1914 г. в Перми возник речной яхт-клуб, поставивший своей целью «развитие всех видов водного спорта», а кроме того, других «гимнастических, атлетических и иных упражнений, содействующих физическому развитию и укреплению здоровья» [Там же. Л. 44].

Тема спорта находила отражение в видовом кинематографе, на пермских велодроме и ипподроме съемки осуществлялись сотрудниками электротеатра «Триумф», сюжеты отправлялись в популярный «Пате-журнал». Увлечение горожан спортом, «спортомания» становились предметом насмешек в широко демонстрировавшихся комических картинах «Глупышкину подарили мяч», «Макс Линдер на катке», «Чемпион бокса. Комическая Макса Линдера», «Скандалини-боксер», «Нуазет – велосипедист-эксцентрик», «Фрико увлекся зимним спортом» и др.

Кинематограф явился продуктом научного и технического прогресса XIX столетия и воплотил эйфорическую атмосферу «прекрасной эпохи». Кино появилось в российских городах через полгода после исторического сеанса братьев Люмьер на бульваре Капуцинок. Летом 1896 г. синематограф демонстрировался на Нижегородской художественно-промышленной выставке, осенью того же года состоялось его «триумфальное шествие» по городам Урала и Сибири. Первые киносеансы прошли в Перми в особняке В. Ковальского в самом центре города.

Изучая материал русской провинции, можно выявить способы существования синема, аналогичные тем, что имели место в европейских столицах или американской глубинке. Согласно концепции Т. Ганнинга, раннее кино не существовало как форма самостоятельного зрелища, а вписывалось в программу развлечений ярмарок, театральных вечеров, увеселительных парков [37. P. 63–70]. Кинопоказы в Перми проходили в передвижных балаганах, городских клубах, загородном саду. После того как киносеансы стали занимать целый вечер, на улицах городов зажглись огни синематографов. В Перми кинематографы назывались «Одеон», «Иллюзион», «Модерн», «Аполло», «Триумф», «Мираж» и др. Многие электротеатры имели большие залы с ложами, обширные салоны-фойе и вестибюли, парадные лестницы со швейцарами, входы, украшенные электрическими вывесками. Некоторые из них функционировали с кафе ресторанного типа и оформлялись в стиле модерн.

Интерес западной историографии кино сегодня смещен к исследованию киносеанса, кинопублики [37–39]. Общей тенденцией развития театров для высших классов и дешевых никельодеонов, отмечает Э. Боусер, являлось закрытие тех и других, потому что через несколько лет каждый в больших городах ходил в одни и те же театры, смотрел одни и те же фильмы, ходили все классы и целыми семьями [40. P. 3, 8–10]. Пермские хроникеры называли среди публики учащихся, военных, светских дам, демонстрировавших последние новинки шляпной моды. Преобладающий контингент в электротеатрах – учащаяся молодежь, писала пресса, иллюзионы посещаются «более всего малышами-учащимися и детьми, но с наступлением весеннего сезона и введением в моду громадных дамских шляп малышам-детям в зрительном зале “Иллюзиона” ровно-таки ничего не видно из-за упомянутых шляп» [27. 1909. 7 апр. № 74].

Кинематограф являлся важнейшим транслятором ценностей модерна. Видовые фильмы представляли современные города и неведомые уголки со всего мира, они отражали различные модернизационные процессы, и посетитель кинематографа сопоставлял увиденное с собственной жизнью. На Урале съемку осуществляли С. Прокудин-Горский, В. Метенков, местные кинотеатры. Еще больше информации несли для посетителей синематографов игровые картины, они открывали мир частной жизни людей, образа их мыслей и интересов. Многие новшества вступали в противоречия с традиционным мышлением обывателей и создавали различные возможности для обыгрывания этих парадоксов современной жизни. Б. Балаш пишет: «Макс Линдер, один из первых корифеев киногротеска, идет покупать ванну. Купив, он хочет сам донести ее до дому. …Эта шутка кинематографична не только потому, что позволяет показать многое такое, что не покажешь на сцене, но и потому, что эти новые мотивы вызывают такие гротескные психологические реакции, которых до сих пор невозможно было вызвать» [41. С. 43]. Комедии с Максом Линдером показывали современного горожанина с его манерой двигаться, одеваться, окружать себя новыми предметами, проводить свободное время, развлекаться.

Накануне войны появилось классическое нарративное кино, которое способствовало возникновению индивидуализирующего способа восприятия фильма. Популярность приобрели «драмы из современной жизни», салонные мелодрамы, экранизации романов бульварных авторов и газетных судебных колонок. Серии «Фантомаса» Л. Фейада погружали «зрителя в полную жизни, воздуха, шарма “бель эпок”» [42. С. 89]. В датских картинах посетитель кинематографа видел первую трагическую музу экрана – А. Нильсен, а в итальянских лентах перед ним предстали кинодивы Л. Борелли, Л. Кавальери, Ф. Бертини и др. В рамках «Русской золотой серии» режиссерами В. Гардиным и Я. Протазановым снимаются «Ключи счастья». В провинции демонстрируются первые фильмы Е. Бауэра «Страшная месть горбуна К», «Сумерки женской души», «Немые свидетели». Популярное кино способствовало распространению стандартов «красивой жизни» и моды стиля модерн. В то же время кинематограф предлагал новые модели жизни в большом городе, в нем находили выражение ценности частного существования человека.

Наделив жизнь провинциального российского города рубежа XIX–XX вв. чертами «прекрасной эпохи», культуры модерна, мы обратили внимание на средние городские слои. На фоне роста численности городского населения в губернской Перми происходили качественные изменения в социальном благоустройстве города. «Плоды прогресса» жители видели не только в кинематографе, европейский комфорт становился реальностью в больших городах. Росло число потребителей прогресса, доказательством крепнущего среднего класса явился его спрос на изящные и красивые вещи, разнообразные и современные виды отдыха. Распространение стиля модерн в городской повседневности выразилось в жанровом многообразии архитектуры; мода модерна нашла широкое бытование в индивидуальном быту самых разных слоев населения. Свободное время стало символическим капиталом горожанина, которым он распоряжался, приобщаясь к новой массовой развлекательной культуре. Современными, европейскими, формами организации досуга стали клубы, фотографический, велосипедный, яхт-клуб и др. Технические новинки и современные увлечения были доступны не всем жителям губернской столицы. Индустриальная урбанизация, культура модерна вступали в конфликт с архитрадиционализмом, многоукладностью, образом жизни и мышления городских окраин. Вместе с тем провинция имела высокие стандарты потребления, наряду с публичными практиками расширяла частное досуговое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Периодизация истории и «переходные периоды» в современной зарубежной историографии. М. : ИНИОН РАН, 2012. 148 с.
2. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 19–44.
3. Эткинд А. Обратимая современность // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 70–73.
4. Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. by M.D. Steinberg and S.P. Frank. Princeton : Princeton UP, 1994. 224 p.
5. Entertaining Russia: Tales, Songs, Plays, Jokes, Ads, and Images from Russian Urban Life 1779–1917 / ed. by J. Von Geldern, L. McReynolds. Bloomington : Indiana UP, 1998. 448 p.
6. Swift E.A. Popular Theater and Society Tsarist Russia. Berkeley : California UP, 2002. 346 p.
7. McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca, NY : Cornell UP, 2003. 309 p.
8. Marjorie L. Hilton. Selling to the Masses: Retailing in Russia, 1880–1930. Pittsburgh : Pittsburgh UP, 2012. 344 p.
9. Lovell S. Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia // Slavic Review. 2002. № 1. P. 66–87.
10. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. М. : Искусство, 1988. 216 с.
11. Муравьева И.А. Век модерна. Панорама столичной жизни. СПб. : Пушкинский фонд, 2004. Т. 1–2. 272 с.
12. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России. Субкультуры, картины мира, ментальность. СПб. : Алетейя, 2001. 810 с.
13. Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб. : Алетейя, 2005. 406 с.
14. Малышева С.Ю. Праздный день, досужий вечер: Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М. : Academia, 2011. 191 с.
15. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веках. Казань : Казанский государственный университет, 2008. 452 с.
16. Михайлов В. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М. : Материк, 2003. 279 с.
17. Ватолин В. Синема в Сибири: очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917). Новосибирск : Новосиб. гос. краевед. музей, 2003. 172 с.
18. Алексеева Е. Кинематограф в Казани. 1897–1917. Казань : Фэн, 2007. 182 с.
19. Цивьян Ю., Ковалова А. Кинематограф в Петербурге 1896–1917. Кинотеатры и зрители. СПб. : Мастерская СЕАНС, 2011. 240 с.
20. Цивьян Ю., Ковалова А. Кинематограф в Петербурге (1907–1917). Кинопроизводство и фильмография. СПб. : СПбГУ, 2012. 384 с.
21. Терехин А.С. Пермь. Очерк архитектуры. Пермь : Перм. книжн. изд-во, 1980. 120 с.
22. Старцева О.В. Стиль модерн и архитектура Перми начала XX века // В поисках истины. Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений. Пермь : ПГУ, 1999. 191 с.
23. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья. Пермь : Книжный мир, 2003. 216 с.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. : в 89 т. СПб., 1904. Вып. 31.
25. Бушмаков А.В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начала XX века : дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2006. 210 с.
26. Ривош Я.Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М. : Искусство, 1990. 304 с.
27. Пермские губернские ведомости. 1896–1916.
28. Блок А. Возмездие // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худ. лит., 1971. Т. 3. С. 185–230.
29. Пастернак Б.Л. Детство Люверс. М. : Детская литература, 1991. 223 с.
30. Маточкин Е.П. Пермский иконостас Николая Рериха. Самара : Агни, 2003. 144 с.
31. Верхоланцев В.С. Город Пермь: его прошлое и настоящее. Пермь : Пушка, 1994. 255 с.
32. Фонд Лихачевой (Зотиной) А.Я. // Пермский краеведческий музей. Коллекция документальных источников. НВ 6351/1 – 289.
33. Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. М. : Искусство, 1989. 294 с.
34. Светильники. Коллекция осветительных приборов Пермского областного краеведческого музея. Пермь : Перм. книж. изд-во, 1990. 102 с.
35. Государственный архив Пермского края. Ф. 27, 35, 151.
36. Уварова Е.Д. Как развлекались в российских столицах. СПб. : Алетейя, 2004. 278 с.
37. Gunning T. The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde // Early cinema: Space, Frame, Narrative / ed. by Th. Elsaesser with A. Barker. L. : British Film Institute, 1990. P. 63–70.
38. Stamp S. Movie Struck Girls: Woman and Motion Picture Culture after the Nickelodeon. Princeton : Princeton UP, 2000. 274 p.
39. Biltereyst D., Maltby R., Meers P. Cinema, Audiences and Modernity: New Perspectives on European Cinema History. N.Y. : Routledge, 2013. 232 p.
40. Bowser E. The Transformation of Cinema, 1907–1915. Berkeley : California UP, 1990.
41. Балаш Б. Кино. Становление и сущность нового искусства. М. : Прогресс, 1968. 328 с.
42. Зоркая Н. «Светопись» Евгения Бауэра // Искусство кино. 1997. № 10. С. 77–93.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

THE BELLE ÉPOQUE IN PROVINCES: MODERNIZATION PROCESSES IN A RUSSIAN CITY OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 172–180.
DOI: 10.17223/15617793/422/25

Vera V. Ustyugova, Perm State National Research University (Perm, Russian Federation). E-mail: vera_ust@list.ru

Keywords: cultural modernity; Belle Époque; urbanization; Art Nouveau; mass culture; consumerism; leisure.

The paper looks at the possibility to apply the notion of the Belle Époque to the urban culture in Russia at the turn of the 20th century. An extensive field of modernity research contains the studies of cultural modernity brought into this world by extensive industrialization, rapid expansion of the cities, growing dominance of the middle class, inventions changing the texture of everyday life, bourgeoisie taste in goods, possibilities of new media. The statement is illustrated with the materials of the provincial Perm, the culture of the middle urban strata attracted special attention. At the turn of the 20th century Perm saw electric light, a water supply system, new means of connection and transport. Infrastructure progress and social city development, the Art Nouveau style expansion and consumer culture, new leisure activities are described in the context of the Belle Époque. The middle class became stronger, which can be proved by its demand in delicate and beautiful things, different and modern types of recreational activities. Modern style expansion in urban daily life could be observed in varied architecture, in the construction of stations, exchange houses, educational institutions, hospitals, churches. Modern fashion was widely applied in individual households of quite different population strata. Free time became a symbolic capital of citizens which they could spend on getting more acquainted with the new entertainment culture. The industry of mass entertainments – cinematography, circuses, small form theaters, entertaining gardens – was still popular in the province. Photography, bicycle, yacht clubs became modern ways to organize one's free time, more and more people became enthusiastic about football, athletics. Perm demonstrated aviation flights, the streets of the city were full with automobiles. The means of "technical reproduction" – media, advertisement, photography, postal cards, cinema – served to be the translators of the Bell Époque values in the capital and provincial cities. Technical innovations and modern interests were not available to all citizens of the provincial capital. Industrial urbanization, modern culture were in conflict with traditionalism, multistructurality, way of life and thinking in the city suburbs. Along with that, the province had very high standards of consumption, the private leisure space was also extended together with public practices of rest and entertainment.

REFERENCES

1. Metlitskaya, Z.Yu. (ed.) (2012) *Periodizatsiya istorii i "perekhodnye periody" v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii* [Periodization of history and "transitional periods" in contemporary foreign historiography]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS.
2. David-Fox, M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya? [Modernity in Russia and the USSR: absent, general, alternative or intertwined?]. Translated from English by T. Pirusskaya. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer.* 140. pp. 19–44.
3. Etkind, A. (2016) Obratimaya sovremennost' [Reversible modernity]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer.* 140. pp. 70–73.
4. Steinberg, M.D. & Frank, S.P. (eds) (1994) *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton: Princeton UP.
5. Von Geldern, L. & McReynolds, L. (eds) (1998) *Entertaining Russia: Tales, Songs, Plays, Jokes, Ads, and Images from Russian Urban Life 1779–1917*. Bloomington: Indiana UP.
6. Swift, E.A. (2002) *Popular Theater and Society Tsarist Russia*. Berkeley: California UP.
7. McReynolds, L. (2003) *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca, NY: Cornell UP.
8. Hilton, M.L. (2012). *Selling to the Masses: Retailing in Russia, 1880–1930.* Pittsburgh: Pittsburgh UP.
9. Lovell, S. (2002) Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia. *Slavic Review.* 1. pp. 66–87. DOI: 10.2307/2696983
10. Nekrylova, A.F. (1988) *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha* [Russian folk city holidays, amusements and shows]. Moscow: Iskusstvo.
11. Murav'eva, I.A. (2004) *Vek moderna. Panorama stolichnoy zhizni* [The Age of Art Nouveau. Panorama of the metropolitan life]. Vols. 1–2. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
12. Khrenov, N.A. & Sokolov, K.B. (2001) *Khudozhestvennaya zhizn' imperatorskoy Rossii. Subkul'tury, kartiny mira, mental'nost'* [The artistic life of imperial Russia. Subcultures, pictures of the world, mentality]. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Khrenov, N.A. (2005) *"Chelovek igrayushchiy" v russkoy kul'ture* ["The playing man" in Russian culture]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Malysheva, S.Yu. (2011) *Prazdnyy den', dosuzhiy vecher: Kul'tura dosuga rossiyskogo provintsial'nogo goroda vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Idle day, leisure night: Culture of leisure of the Russian provincial city of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow: Academia.
15. Vishlenkova, E.A., Malysheva, S.Yu. & Sal'nikova, A.A. (2008) *Kul'tura povsednevnosti provintsial'nogo goroda: Kazan' i kazantsy v XIX–XX vekakh* [Culture of the daily life of the provincial city: Kazan and Kazan residents in the 19th–20th centuries]. Kazan: Kazan State University.
16. Mikhaylov, V. (2003) *Rasskazy o kinematografe staroy Moskvy* [Stories about the cinematography of old Moscow]. Moscow: Materik.
17. Vatolin, V. (2003) *Sinema v Sibiri: ocherki istorii rannego sibirskogo kino (1896–1917)* [Cinema in Siberia: essays on the history of early Siberian cinema (1896–1917)]. Novosibirsk: Novosib. gos. kraeved. muzey.
18. Alekseeva, E. (2007) *Kinematograf v Kazani. 1897–1917* [Cinematography in Kazan. 1897–1917]. Kazan: Fen.
19. Tsiv'yan, Yu. & Kovalova, A. (2011) *Kinematograf v Peterburge 1896–1917. Kinoteatry i zriteli* [Cinematography in St. Petersburg, 1896–1917. Cinemas and spectators]. St. Petersburg: Masterskaya SEANS.
20. Tsiv'yan, Yu. & Kovalova, A. (2012) *Kinematograf v Peterburge (1907–1917). Kinoproizvodstvo i fil'mografiya* [Cinematography in St. Petersburg (1907–1917). Film production and filmography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
21. Terekhin, A.S. (1980) *Perm'. Ocherk arkhitektury* [Perm. Essay on architecture]. Perm: Perm. knizhn. izd-vo.
22. Startseva, O.V. (1999) Stil' modern i arkhitektura Permi nachala XX veka [Art Nouveau and Perm architecture of the early twentieth century]. In: Yankovskaya, G.A. et al. (eds) *V poiskakh istiny. Intelligentsiya provintsii v epokhu obshchestvennykh potryaseniy* [In search of truth. The intelligentsia of the province in the era of social upheaval]. Perm: Perm State University.
23. Kantorovich, G. & Kazarinova, N. (2003) *Arkhitektory i arkhitekturnye pamyatniki Permskogo Prikam'ya* [Architects and architectural monuments of Perm Kama] . Perm: Knizhnyy mir.
24. Anon. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897 g.: v 89 t.* [The first general census of the Russian Empire of 1897: in 89 vols]. Vol. 31. St. Petersburg.
25. Bushmakov, A.V. (2006) *Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachala XX veka* [Changes in the mentality of the urban population of the Russian province in the late nineteenth and early twentieth centuries]. History Cand. Diss. Perm.

26. Rivosh, Ya.N. (1990) *Vremya i veshchi: Ocherki po istorii material'noy kul'tury v Rossii nachala XX veka* [Time and things: Essays on the history of material culture in Russia at the beginning of the 20th century]. Moscow: Iskusstvo.
27. *Permskie gubernskie vedomosti*. (1896–1916).
28. Blok, A. (1971) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 185–230.
29. Pasternak, B.L. (1991) *Detstvo Lyuvers* [The *Childhood* of Luvers]. Moscow: Detskaya literatura.
30. Matochkin, E.P. (2003) *Permskiy ikonostas Nikolaya Rerikha* [The Perm iconostasis of Nicholas Roerich]. Samara: Agni.
31. Verkholantsev, B.C. (1994) *Gorod Perm: ego proshloe i nastoyashchee* [The city of Perm: its past and present]. Perm: Pushka.
32. Perm Local History Museum. Collection of documentary sources. NV 6351/1-289. *Fond Likhachevoy (Zotinoy) A.Ya.* [Fund of A.Ya. Likhacheva (Zotina)].
33. Sarab'yanov, D.V. (1989) *Stil' modern* [Art Nouveau style]. Moscow: Iskusstvo.
34. Bezdenezhnykh, T. & Karlyuk, T. (1990) *Svetil'niki. Kollektsiya osvetitel'nykh priborov Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Fixtures. Collection of lighting devices of the Perm Local History Museum]. Perm: Perm. knizh. izd-vo.
35. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 27, 35, 151. (In Russian).
36. Uvarova, E.D. (2004) *Kak razvlekalis' v rossiyskikh stolitsakh* [How they entertained themselves in Russian capitals]. St. Petersburg: Aleteyya.
37. Gunning, T. (1990) The Cinema of Attraction: Early Film, Its Spectator, and the Avant-Garde. In: Elsaesser, T. & Barker, A. (eds) *Early cinema: Space, Frame, Narrative*. Leningrad: British Film Institute.
38. Stamp, S. (2000) *Movie Struck Girls: Woman and Motion Picture Culture after the Nickelodeon*. Princeton: Princeton UP.
39. Biltereyst, D., Maltby, R. & Meers, P. (2013) *Cinema, Audiences and Modernity: New Perspectives on European Cinema History*. New York: Routledge.
40. Bowser, E. (1990) *The Transformation of Cinema, 1907–1915*. Berkeley: California UP.
41. Balash, B. (1968) *Kino. Stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva* [Formation and essence of the new art]. Moscow: Progress.
42. Zorkaya, N. (1997) "Svetopis'" Evgeniya Bauera ["Daguerreotypy" by Eugene Bauer]. *Iskusstvo kino*. 10. pp. 77–93.

Received: 27 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 181–190. DOI: 10.17223/15617793/422/26

УДК 94:719(571.16)"1917/1920"

Э.И. Черняк, Н.М. Дмитриенко

ИЗ ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ТОМСКЕ В 1917–1920 гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области (проект № 17-11-70005а(р)).

Раскрывается слабоизученная тема сохранения и использования культурного наследия в переломное время Революции и Гражданской войны в России. Показаны создание и функционирование органов государственного управления, общественных организаций и научно-исследовательских учреждений, ведавших охраной памятников истории и культуры в Томске. Выявлены имена томичей, сыгравших видную роль в деле охраны памятников культурного наследия, в их числе И.А. Евсенин, Э.В. Диль, Н.Н. Бакай, Б.П. Денике, В.Ф. Смолин и др.

Ключевые слова: история Томска; культурное наследие; охрана памятников истории и культуры.

Проблема сохранения, изучения и использования культурных ценностей, актуализации культурного наследия в последнее время привлекает все большее внимание исследователей. К ее решению обращаются историки, музеологи и культурологи центра страны и сибирские исследователи. Для данной публикации важно назвать работы С.Е. Григорьевой, А.А. Донцовой, а также авторов этих строк, в которых освещены некоторые вопросы организации охраны памятников истории в Томске, выявлена роль музеев в сохранении и презентации объектов культурного наследия [1–6]. В целях более полного раскрытия темы следует обратиться к вопросу о сохранении памятников в Томске в период революционных преобразований 1917 – первой половины 1920 г. В исторической литературе сложилось представление о том, что в условиях революции и Гражданской войны работа по охране памятников не имела широкого распространения. Но обращение к первоисточникам и их непредвзятый анализ показывают, что гражданские свободы, отмена прежних ограничений в социально-политическом и социокультурном развитии обеспечивали высокую динамику культурной жизни в стране. Несмотря на многочисленные проблемы революционного времени, Томск переживал большой общественный подъем, способствовавший росту культуры и образования [7. С. 364].

Ко времени Революции 1917 г. в Томске был накоплен немалый опыт памятникоохранительной деятельности, здесь жили и работали видные исследователи Сибири – Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, В.В. Сапожников, Г.Г. Тельберг, И.И. Тыжнов, Н.Я. Новомбергский, были созданы такие организации, как Томское общество изучения Сибири, Томское церковное историко-археологическое общество, позже – Общество этнографии, истории и археологии при Томском университете, Сибирский кружок учащихся высших учебных заведений. В 1917 г., когда в Томском университете состоялось открытие историко-филологического факультета, городское сообщество пополнилось квалифицированными специалистами в области гуманитарных наук. В последующие два-три года в эвакуации в Томске оказались молодые и именитые специалисты-историки, художники, писатели. Их совместными трудами было выработано четкое представление о задачах сохранения культурного наследия, о музеях как хранилищах культурных ценностей, которые собирались с целью изучения и передачи последующим поколениям [8. С. 34–35; 9. С. 68–69].

В самые первые дни революции в Томске о необходимости сохранения памяти о прошлом заявил Г.Н. Потанин: 10 марта 1917 г. он выступил в газете «Сибирская жизнь» со статьей, в которой напомнил о «святых могилах» русского народа, призвал общество сохранять память о «мучениках за свободу» [10]. Одновременно в томской прессе появилось сообщение о том, что Сибирское фотографическое общество собирает негативы и фотоснимки, на которых запечатлены первые дни революции в Томске. Хранение снимков предполагалось в музее Общества [11. 9 марта].

К томским специалистам стали обращаться за поддержкой и содействием в деле собирания и сохранения культурных ценностей. Так, в октябре 1917 г. в Томский университет пришло письмо из Петроградской Академии наук, авторы которого приглашали томичей внести свой вклад в создание Дома-музея памяти борцов за свободу. Предлагалось собирать и пересылать в столицу различные письменные и вещественные источники, характеризовавшие «первый период революции» [12. Л. 1]. (Позже, в ноябре 1919 г., в Томске оказалась эвакуированная из Петрограда коллекция ольвийских монет, принятая профессором Э.В. Дилем [13. Л. 358а, 359а].)

На заседаниях университетских обществ, прежде всего в Обществе этнографии, истории и археологии, созданном в конце 1917 г., собирались профессионалы и любители исторических исследований. Известно, например, что на одном из заседаний Общества директор Томской мужской гимназии Н.Н. Бакай прочитал доклад «Памяти П.А. Словцова». Приуроченный к 75-летию со дня смерти сибирского историка доклад сам по себе уже был плодотворным вкладом в дело сохранения наследия, содержал краткую историографическую оценку трудов Словцова, сделанную профессиональным исследователем, каковым был Н.Н. Бакай. Важно, что докладчик коснулся и условий работы П.А. Словцова, и состояния сибирских архивов начала XIX в. Самым же главным было то, что Н.Н. Бакай обратился в Общество этнографии, истории и археологии с предложением запросить из Тобольска словцовскую библиотеку, собрать в Томском

университете все труды и рукописи П.А. Словцова и приступить к их изданию. Кроме того, он считал необходимым принять меры к охране могилы Словцова в Тобольске [14. С. 13–15].

С установлением власти Советов в России началось формирование государственных органов управления сохранением культурного наследия. В марте 1918 г. в Народном комиссариате по просвещению была организована коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, началось формирование местных подразделений [15. С. 104]. В марте–апреле 1918 г. в исполкоме Томского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов были созданы отдел по народному образованию во главе с В.М. Бахметьевым, отдел народного образования в Томском городском Совете [16. С. 152, 178]. В апреле 1918 г. при Томском губернском отделе народного образования был создан отдел музеев и архивов [17. 21 апр.]. Заведующим отделом музеев и архивов был назначен И.А. Евсенин. Выбор был не случаен. Уроженец Томска 1884 г. (по другим сведениям – 1889 г.), он в 1910-х гг. отбывал ссылку в Восточной Сибири, приобщился к этнографическим работам, к сбору и публикации научных материалов, был членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. А кроме того, писал стихи и прозу, публиковал их в сибирских газетах и журналах [18. Стб. 873; 19. С. 23].

Руководимый Евсениным отдел музеев и архивов разработал анкету и разослал ее по томским музеям. Сразу же после рассылки анкеты, 23 апреля 1918 г., Томский губисполком принял постановление, в котором отмечалось «высоконаучное и культурно-просветительное значение музеев», подчеркивалась «настоятельная необходимость сохранения для будущих поколений ценных в историческом значении предметов и памятников духовной и материальной культуры русского и инородческого населения Западно-Сибирского края». В целях сохранения памятников планировалось открытие в Томске Западно-Сибирского краевого музея и архивохранилища при нем. Решить поставленную задачу предполагалось в самые короткие сроки путем объединения университетского Археологического музея, Музея прикладных знаний, Сибирского областного научно-художественного музея и коллекций, собиравшихся в Томском церковно-археологическом обществе. Кроме того, решено было присоединить к ним архивные фонды упраздненных Советами губернских учреждений. В постановлении губисполкома, опубликованном в газете «Знамя революции», было указано и место размещения будущего музея – архиерейский дом на Почтамтской улице (совр. Томский областной краеведческий музей) [17. 25 апр.].

В день публикации постановления губисполкома, 25 апреля 1918 г., ректор Томского университета профессор В.В. Сапожников получил письмо, подписанное председателем комитета народного образования В.М. Бахметьевым и заведующим отделом музеев и архивов И.А. Евсениным. В письме сообщалось о решении Томского губисполкома передать «коллекции университета по отделам археологии, этнографии и религии» в проектируемый Западно-Сибирский краевой музей. Предлагалось в срок до 28 апреля сообщить о том, «кто уполномочен советом университета для сдачи Западно-Сибирскому краевому музею упомянутых коллекций» [20. Л. 216].

Ректор университета сразу же обратился в Москву «к правительственному комиссару высших учебных заведений» с просьбой сделать распоряжение об отмене постановления Томского губисполкома «о секвестре университетского музея археологии и этнографии» [Там же. Л. 217]. Пришел ли ответ из Москвы – неизвестно, но сохранились сведения о том, что за месяц до описываемых событий, 27 марта 1918 г., была получена телеграмма наркома просвещения А.В. Луначарского по запросу из Томского технологического института. Нарком писал, что без согласия Томского технологического института как автономного учреждения никто не может распоряжаться его имуществом и научно-вспомогательными учреждениями. Руководствуясь этой телеграммой, ректор Томского университета передал в губернский отдел народного образования решение совета вуза. В нем говорилось, что Археологический музей как «учебно-вспомо-гательное установление» обеспечивает преподавание на историко-филологическом факультете и «не может быть отчужден от университета». Вместе с тем, учитывая музейные потребности города, совет университета допускал «возможным перемещение музея в помещение будущего краевого музея, специально приспособленное для этой цели». Идя на такие уступки, ректор университета ставил условие: «Музей останется собственностью университета и будет находиться в заведовании соответствующего специалиста из профессоров университета» [Там же. Л. 215].

Однако В.М. Бахметьев и И.А. Евсенин эти условия не приняли и по-прежнему настаивали на своем праве «отчуждения» университетского музея: «Поскольку университет является собственностью Советской Республики, постольку коллекции университета являются достоянием всего народа». Оставив в стороне это «революционное» заявление, отметим, что более интересным и значимым для решения поставленной в нашей статье задачи является тезис о том, что проектируемый Западно-Сибирский музей предполагался как центр изучения края, коллекции которого «широко доступны для всех слоев демократии» [Там же. Л. 260].

Судя по всему, Западно-Сибирский краевой музей в Томске создать все же не удалось. Но хорошо известно, что, согласно постановлению Томского губисполкома, 1 мая 1918 г. была открыта Сибирская художественная академия, во главе которой находился художник К.К. Зеленевский [21. 9 мая]. Особое значение имело решение губисполкома об образовании картинной галереи при художественной академии. Согласно этому решению, принятому 19 апреля 1918 г. и подписанному председателем губисполкома А.И. Беленцом, комплектование галереи предполагалось путем пожертвований картин со стороны томских граждан, а также конфискации дома купца И.И. Смирнова для их размещения [16. С. 190–191; 21. 9 мая]. И действительно, в доме купца Смирнова, построенном по проекту архитектора П.Ф. Федоровского, 1 мая 1918 г. открылась Народная картинная

галерея, сформированная в основном за счет реквизиций частных коллекций [22. С. 252]. По воспоминаниям В.М. Бахметьева, в картинной галерее были собраны подлинники И.И. Шишкина, В.М. Васнецова, Г.И. Гуркина, а также картины и этюды некоторых томских художников [23. С. 86].

Смена власти в Сибири в конце мая – начале июня 1918 г., создание местных органов Временного Сибирского правительства, а затем – Правительства Колчака прервали деятельность Томского губисполкома и всех его подразделений. Частью советские руководители, в их числе В.М. Бахметьев, успели выехать из Томска, другие, а среди них и И.А. Евсенин, остались в городе и подверглись преследованиям со стороны белых. Так, в квартире Евсенина был сделан обыск, изъяты все его научные работы, археологические, этнографические и нумизматические коллекции, а также негативы и фотоснимки, сделанные по поручению Академии наук и Казанского университета [24. 28 июля]. (По-видимому, после этого налета И.А. Евсенин покинул Томск. Известно, что в 1920-х гг. он жил и работал в Москве.) В июне 1918 г. Томский губернский комиссариат Временного Сибирского правительства постановил, ввиду отсутствия средств на содержание художественной академии и галереи при ней, «считать ее закрытой». В то же время было признано «желательным открытие в будущем высшего художественного учреждения в Сибири», а также и создание особой художественной секции в городской думе [7. С. 357]. После закрытия галереи в томской прессе появилось извещение о том, что владельцы картин, изъятых для галереи, могут забрать их [25. 18 июля].

Работы по сохранению и приведению в известность памятников истории и культуры в Томске получили новое направление, университетские историки приняли участие в сборе и сохранении свидетельств современных им событий. В сентябре 1918 г. профессор Э.В. Диль совершил поездку в Екатеринбург с целью «изучения исторических документов бывшей царской семьи» [20. Л. 616]. По возвращении его в Томск была создана особая комиссия, в которую вошли члены совета университета, профессора А.Д. Григорьев, П.Г. Любомиров, С.П. Мокринский. Э.В. Диль предложил на рассмотрение комиссии список предметов, приобщенных в качестве вещественных доказательств по делу об убийстве царской семьи. В этот список вошли письма, дневники, фотографические альбомы, иконы, принадлежавшие семье Николая II. Участники совещания высказали пожелание: «Для интересов исторической науки необходимо производить осмотр приобщенных к делу вещественных доказательств с исчерпывающей полнотой, до снятия копий включительно». И предложили, чтобы вещественные доказательства, «не подлежащие возвращению по принадлежности», передать в Томский университет «ввиду того первенствующего исторического интереса, который они представляют…» [12. Л. 74]. В переписке членов комиссии с чиновниками Министерства народного просвещения говорилось о необходимости «принятия мер охраны исторических памятников, относящихся к делу об убийстве бывшего царя Николая II Романова» [Там же. Л. 73].

Озабоченность состоянием архивов, заинтересованность в их сохранении и использовании не раз выражали сибирские исследователи еще во второй половине XIX – начале XX в. [26. С. 252–260; 27. С. 74–75]. В 1918 г. в университетском Обществе этнографии, истории и археологии была сформирована комиссия в составе А.Д. Григорьева, П.Г. Любомирова, М.М. Хвостова, Н.Н. Бакая, А.И. Милютина, М.К. Азадовского, В.М. Грибовского с целью выработки мер «для прекращения существующего архивного нестроения». Комиссия подготовила особую записку на имя министра народного просвещения с призывом «спасти какие еще можно для науки материалы по истории Сибири» [28. Л. 2]. В записке обосновывалось научное и прикладное значение архивов, освещалась краткая история сибирских архивов, указывалось их бедственное состояние, угрожавшее гибелью многих ценных документов. В качестве меры предотвращения гибели исторической информации предлагалось создание в Томске центрального исторического архива Западной Сибири с целью сохранения и научного использования архивных документов [Там же. Л. 3–10].

В декабре 1918 г. докладная записка об архивах была направлена в Министерство народного просвещения Правительства Колчака [29. 14 янв.]. Понадобилось несколько месяцев, чтобы на основе этой записки был подготовлен проект Постановления Совета министров Российского правительства Колчака «Об охране памятников истории, старины и искусства и архивов центральных и местных учреждений». Как видно из названия, в проекте постановления, датированном 19 июля 1919 г., задачи собирания и сохранения памятников были значительно расширены, в нем говорилось уже не только об архивах, но о комплексе памятникоохранительных мер [30. Л. 1–2]. И судя по всему это расширение было не случайным. Ведь за полгода до разработки проекта, в январе 1919 г., в Томске состоялся съезд по созданию Института исследования Сибири, на наш взгляд, крупнейшее событие, до сих пор недостаточно оцененное в исследовательской литературе. И только в статьях, посвященных созданию и деятельности самого института, присутствует краткая характеристика съезда. А между тем, материалы съезда, опубликованные в 1919 г., содержат уникальную информацию о работах по сохранению культурного наследия.

Наряду с другими докладчиками на 3-м общем собрании съезда выступил А.Я. Тугаринов, хранитель Красноярского городского музея, а впоследствии – профессор, сотрудник Зоологического музея АН СССР в Ленинграде. Он убедительно говорил о ведущей роли музеев в научных исследованиях, в формировании местного самосознания. Высказал важную мысль о том, что все собранное в том или ином музее составляет «национальные ценности». Заявил, что государство должно поддерживать музеи, чтобы «остановить расхищение национальных памятников со стороны торговцев, кладоискателей и невежественных собирателей, переотправку их за границу, раскопку курганов и могил, разламывание классических памятников изобразительного искусства и письма на тротуарные плитки и фундаменты, сжигание

возами икон, распродажи по кускам трупов мамонта…». И добавлял как самое существенное в организации охранительной деятельности: «Все категории охраняемых предметов должны быть строго предусмотрены, перечислены и объявлены национальной собственностью без права владения ими частными лицами. Право хранения этих предметов должно принадлежать только музеям» [31. С. 48].

Вопросы сохранения культурных ценностей обсуждались на заседаниях секции истории, археологии и этнографии. Участник съезда профессор Томского университета Б.П. Денике поставил задачу изучения и охраны памятников деревянного зодчества в Сибири [32. С. 90–91]. М.К. Азадовский предлагал начать работу по собиранию фольклора и диалектов русского населения Сибири, а кроме того, считал необходимым отыскать и опубликовать ранее собранные материалы русско-сибирской народной словесности. Он предлагал организовать сибирское издание фольклорных материалов по образцу петроградской «Живой старины» или московского «Этнографического обозрения» [33. С. 89]. Томский архитектор А.Д. Крячков сформулировал положение об охране и изучении «предметов художественной старины», предлагал с этой целью открывать художественные музеи [34. С. 93]. Профессор М.М. Хвостов, прибывший в Томск с эвакуированным Казанским университетом, выступил с актуальным предложением – собирать и хранить материалы по истории мировой войны и русской революции, и назвал среди них избирательные списки, плакаты избирательных кампаний, административную и частную переписку, дневники и мемуары (позже к этому списку были добавлены вещественные и изобразительные свидетельства – разного рода значки, печати, рисунки). В прениях по докладу А.Я. Тугаринов сказал, что сохранять следует и «всевозможные предметы, относящиеся к войне и революции», например жетоны, фотографии, которые собирались в Красноярском музее [35. С. 95–97].

В резолюции секции истории, археологии и этнографии съезда признавалась обязательной организация в Институте исследования Сибири историко-этнологического отдела, задачей которого ставилось «изучение истории (включая археологию), быта, нравов, языка, словесности, верований, искусства народов Сибири (русского, иноплеменного и туземного ее населения) и охрану всякого рода памятников старины и документов прошлого и настоящего». Авторы резолюции предлагали также открытие кафедры этнографии в Томском университете, учреждение областных архивов и самое для нас важное – создание при Министерстве народного просвещения особой организации, которая бы занималась «регистрацией сибирских памятников старины и их охраной, а также их систематическим исследованием» [26. С. 33–34].

Для реализации поставленных на съезде проблем и задач был создан Институт исследования Сибири, который с февраля 1919 г. до официального признания, состоявшегося только в ноябре 1919 г., действовал как общественная организация. В составе Института были организованы отделы, проблематика которых отражала весь спектр научного изучения Сибири, в их числе – историко-этнологический. Отдел, иногда именуемый и как историко-этнографический, возглавлял профессор-историк П.Г. Любомиров, его заместителем был экстраординарный профессор Томского университета по кафедре географии и антропологии С.И. Руденко (впоследствии видный советский археолог, сотрудник Русского музея и Академии истории материальной культуры) [37. С. 44, 52].

В историко-этнологическом отделе развернулись работы по обследованию сибирских памятников, летом 1919 г. профессор Б.П. Денике совершил экскурсию в Тобольск. По его собственному свидетельству, он открыл в Тобольске «величайшие художественные ценности, которые необходимо, по времени, заносить в летописи истории искусства». Он обнаружил в соборной ризнице Евангелие XVI в., а кроме того – древнюю плащаницу, которую, по его предположению, в давние времена доставили в Тобольск из Грузии. Б.П. Денике сделал много фотоснимков предметов тобольской старины и привез их в Томск [37. С. 54; 38. 12 дек.].

Не менее активно разрабатывалась археологическая тематика: выпускник историко-филологического факультета Томского университета 1919 г., участник съезда по организации Института исследования Сибири, а затем сотрудник историко-этнологического отдела В.Ф. Смолин выступил с предложением развернуть работы по составлению археологической карты Сибири. Ему было поручено выполнение этого задания и выдан небольшой аванс как младшему ассистенту. В качестве привлеченного сотрудника в работах по составлению археологической карты участвовал студент историко-филологического факультета Томского университета Иван Мягков [41. С. 158].

В ходе работ над картой профессор Э.В. Диль совершил поездку на Алтай с целью проведения археологических разведок в южной части Алтайской губернии, ознакомился с собранием вещественных и письменных памятников в Барнаульском музее и археологической коллекцией Бийского музея. Он не только подготовил довольно подробный отчет о своей поездке, опубликовал материал о Барнаульском музее в газете «Сибирская жизнь», но и доставил в Археологический музей Томского университета небольшую коллекцию предметов эпохи неолита, переданную бийским археологом М.Д. Копытовым [42. Л. 21–22].

Сотрудник историко-этнологического отдела, а с 1 августа 1919 г. – ученый секретарь Института исследования Сибири Н.Н. Бакай занимался архивами [40. Л. 19]. При содействии двух помощников – В.В. Перетца и И.П. Грязнова – он провел сложнейшую работу по поиску и осмотру архивных фондов, разбросанных по томским учреждениям [43. Л. 160–162]. Результаты обследования были обсуждены в отделе, и в марте 1920 г. была учреждена особая архивная комиссия в составе Н.Н. Бакая, А.И. Тихова и В.Ф. Смолина, целью которой ставилось «принятие мер к охране томских архивов». В течение апреля–мая Бакай и Тихов изучали состояние и состав томских архивов. И в те же дни, точнее 15 мая 1920 г., Томский отдел народного образования получил предписание Томского губревкома об организации Томского

губернского архивного управления. Томские архивисты приступили к организационным работам, и 1 июня 1920 г. руководитель историко-этнологического отдела Института исследования Сибири П.Г. Любомиров передал в отдел народного образования представление об учреждении в Томске губархива. Он и был назначен руководителем архивного управления [39. Л. 24; 44. Л. 271; 45. Л. 1–2]. Характерно, что со времени создания и до конца сентября 1920 г. губернское управление по архивным делам размещалось в канцелярии Института исследования Сибири, в физическом корпусе технологического института [46. Л. 19].

Новое направление в сохранении и изучении памятников культурного наследия формировал профессор Томского университета А.Д. Григорьев. Он занимался сбором и изучением русских говоров в Сибири, собирал материалы по истории Сибирского торгового тракта. Несколько раз докладывал о результатах своей работы на заседаниях Общества этнографии, истории и археологии и в историко-этнологическом отделе Института, а затем опубликовал их в «Известиях» Института исследования Сибири. В приложении к работе были помещены названия населенных пунктов, расположенных вдоль тракта, которые А.Д. Григорьев объехал летом 1920 г. [47].

На съезде по организации Института исследования Сибири проектировался особый музейный отдел с целью поддержки существующих и создания новых музеев, а также для «разработки мероприятий в интересах охраны памятников труда и культуры» в Сибири [48. Л. 105]. Отдел, однако, не был сформирован, зато развернулось создание собственного музея Института исследования Сибири. Временным заведующим музеем был назначен А.Я. Тугаринов, а его помощником – Г. Веселов, в декабре 1919 г. в музей был принят в качестве сотрудника К. Логиновский [37. С. 45, 51, 57]. Но Тугаринов так и не приехал в Томск, хотя, оставаясь в Красноярске, участвовал в некоторых работах Института, и музей был передан в ведение историко-этнографического отдела [Там же. С. 81–82].

Известно, что в Институт исследования Сибири были переданы фонды двух томских музеев – Музея прикладных знаний и Сибирского областного научно-художественного музея. Велась подготовка к открытию в горном корпусе Томского технологического института собственного музейного хранилища. В него поступали некоторые предметы, например, от начальника Томского тылового артиллерийского склада, который предложил передать в Институт старинное оружие. В журнал № 19 заседания совета Института 18 марта 1920 г. была внесена следующая запись: «Признавая старинное оружие крайне ценным вкладом в создаваемый Институтом музей, просить начальника томского тылового артсклада пожертвовать Институту старинное оружие и все находящееся в его распоряжении, имеющее научное значение или археологическую ценность» [37. С. 117]. А в журнале № 25 от 29 апреля 1920 г. записано: выяснить местонахождение «кустарно-промышленной коллекции», собранной А.В. Адриановым, и по возможности «приобрести ее у семьи А.В. Адрианова» [37. С. 156]. (По публикации в газете «Знамя революции» от 9 марта 1920 г. сотрудники Института знали об аресте и расстреле А.В. Адрианова по постановлению ЧК.)

В Институте исследования Сибири активно формировалась библиотека, была создана и деятельно работало библиографическое бюро. Во второй половине 1919 г. в хранилище Института поступили книжные собрания Я.И. Николина, В.В. Мраморнова, А.Н. Шипицина, Г.Н. Потанина. Тут нужно отметить вклад П.М. Дмитриева, занимавшего должность библиотекаря Института, человека, далеко не случайного в деле охраны памятников. Прослушав курс Петербургского археологического института, в котором преподавались, в числе других, архивоведческие и музееведческие дисциплины, П.М. Дмитриев настаивал на том, что собирать и хранить нужно не только книги, но и весь документальный комплекс, характеризовавший личность и деятельность того или иного исследователя [49. Л. 142–143]. Руководствуясь этим важным для сохранения наследия положением, сотрудники Института приняли не только личную библиотеку Г.Н. Потанина, но и его рукописи, рисунки, сделанные во время экспедиций, портреты самого Потанина и его друзей [9. С. 72–73]. П.М. Дмитриев сообщал в совет Института исследования Сибири, что разместил все потанинские вещи в особом помещении с намерением создать коллекцию имени Потанина [49. Л. 143]. Н.Н. Бакай произвел осмотр потанинского собрания и обнаружил много новых данных о научных занятиях Потанина, а также большую подборку писем Н.И. Наумова. В выступлении на заседании совета Института он рассказал, что принятый на хранение документальный комплекс содержал этнографические материалы самого Потанина и его коллег, рисунки художника Г. Гуркина и литографические изображения предметов монгольской культуры [37. С. 203–204; 39. Л. 24].

Организуя работы по сохранению и изучению памятников культуры, сотрудники Института исследования Сибири занимались популяризацией, просветительством. Так, И.М. Мягков и В.Ф. Смолин читали доклады и лекции об охране археологических памятников, организовывали экскурсии на раскопки, проводившиеся в окрестностях Томска [50. Л. 135]. М.К. Азадовский руководил работой Сибирского кружка учащихся, организовывал доклады и собеседования. В кружке началась подготовка «Большого сибирского альбома», в котором предполагалось хранить фотодокументы о Сибири [51. С. 309–310]. Весной 1920 г. при Сибирском кружке томских студентов были организованы курсы сибиреведения (родиноведения) с целью дать школьным учителям знания о родном крае. Лекции, проходившие в главном корпусе Томского университета, читали М.К. Азадовский, Н.Н. Бакай, Б.П. Денике, П.Г. Любомиров, В.Я. Нагнибеда, С.И. Руденко, В.В. Сапожников, В.Ф. Смолин, С.А. Теплоухов и др. Слушатели курсов, по сообщению прессы, приступили к созданию хрестоматии по родиноведению (сибиреведению) [52. 24 февр., 14, 30 марта]. Вскоре после завершения курсов по сибиреведению профессор П.М. Богаевский и

В.Ф. Смолин разработали план курсов по музееведению, перед слушателями которых ставилась задача активизации работ по охране памятников, по созданию музеев. Но курсы организовать не удалось [5. С. 129]. Возможно, неудача была связана с большой административной перестройкой. В декабре 1919 г. с приходом Красной армии в Сибири развернулось воссоздание органов управления советской власти, упразднялись все управленческие структуры Правительства Колчака. На совместном заседании представителей ЦК РКП (б), Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии 25 декабря 1919 г. был создан Томский губернский революционный комитет (губревком). Как чрезвычайный орган советской власти в Томске губревком (с января по апрель 1920 г. – уездный ревком) действовал до октября 1920 г., когда передал свои полномочия губернскому исполкому Советов депутатов [53. С. 179]. В составе губревкома был создан отдел народного образования, включавший, кроме других, секцию охраны памятников искусства и старины. Однако достаточно противоречивая информация о создании секции охраны требует, на наш взгляд, внимательнее рассмотреть ситуацию, которая сложилась в Томске зимой 1919/20 г.

Дело в том, что в конце 1950-х гг. московская исследовательница О.В. Ионова без какого-либо документального подтверждения сообщила, что 17 декабря 1919 г. при Томском губнаробразе был создан подотдел искусств, а в нем – секция охраны памятников [54. С. 41]. Эту версию позже поддержал кемеровский автор А.М. Кулемзин. Апеллируя к здравому смыслу (советская власть восстановлена в Томске 20 декабря 1919 г.) и опираясь на достоверные источниковые данные, С.Е. Григорьева высказала мнение о том, что секция охраны памятников начала свою работу не ранее 27 января 1920 г. [2. С. 138]. Более раннюю дату – 11 января 1920 г. – обосновывает А.А. Донцова. Со ссылкой на документы Госархива Томской области и Архива Томского областного краеведческого музея она заявила, что секция создана К.М. Молотовым из комиссии, в которую входили художники Ильин, Засыпкин, Берингов, Котов, Поляков, ранее работавшие «над выявлением культурных ценностей» [5. С. 125].

Возникает естественное желание выяснить, что эта была за комиссия и когда все же возникла секция охраны памятников. В фонде «Отдел народного образования Томского губисполкома» ГАТО нами обнаружен один достаточно интересный документ. Эта машинописная копия, без заверительной подписи и печати, а также без знаков препинания, содержит следующее: «Постановление № 1 17 декабря 1919 г. Сего числа я по решению Томского губернского революционного комитета и революционного военного совета 5 приступил к организации Томского губернского комиссариата по народному просвещению. Комиссар». (Между прочим, это выражение – реввоенсовет 5, обозначавшее руководство 5-й Красной армией, судя по газете «Знамя революции», часто использовалось в Томске в 1920 г.) В архивном деле имеется Постановление № 2 от 20 декабря 1919 г. о назначении Р. Шергова секретарем губернского комиссариата по просвещению. В документе сообщается также о том, что в ведение комиссара переходят все созданные в Томске в 1918–1919 гг. учреждения – канцелярия уполномоченного Министерства народного просвещения, отдел народного образования Томской губернской земской управы, а также образовательные подразделения городского самоуправления, управления Томской железной дороги и др. «Все служащие названных учреждений, желающие продолжать службу в комиссариате, должны подать соответствующие заявления», – говорилось в документе. В Постановлении № 3 от 25 декабря сообщалось об освобождении Шергова от секретарских обязанностей и о назначении Лесника на должность секретаря. Постановление № 4 от 27 декабря содержало информацию о создании школьного и внешкольного отделов, а также отдела искусств в составе Лямина, Котова, Виноградова и Таманти [55. Л. 97].

Наконец, в машинописной заверенной копии Постановления № 8 от 9 января 1920 г., подлинник которого подписан комиссаром К. Молотовым, изложена информация о формировании Томского губернского комиссариата народного просвещения – «временно до связи с центральными учреждениями Народного комиссариата просвещения». В этом документе, наряду с школьным, внешкольным, дошкольным, информационно-издательским, назван также отдел искусств, а в составе отдела искусств впервые сказано о секции охраны музеев и памятников искусств [Там же. Л. 9]. В других документах комиссариата народного просвещения (отдела народного образования), сформированных в январе–феврале 1920 г., упоминается уже секция охраны памятников, которой заведовал до 26 февраля Д.Н. Ильин [56. Л. 99, 272].

В завершении этого экскурса отметим следующее: в списке служащих отдела искусств, составленном по запросу комиссара народного просвещения К. Молотова от 6 января 1920 г., среди принятых на службу до 1 января 1920 г. назывались Н.Г. Котов, Б.Н. Засыпкин, Д.Н. Ильин, М.М. Берингов, М.М. Поляков. А в списке подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, датированном мартом 1921 г., указано, что заведующий подотделом М.М. Берингов состоял на службе в губернском отделе народного образования с 18 декабря 1919 г. [56. Л. 4; 57. Л. 307].

Чтобы понять, каким образом 17 декабря 1919 г. мог быть создан комиссариат народного просвещения и на следующий день в его штаты зачислен М.М. Берингов, нужно обратиться к драматическим событиям томской зимы 1919/20 г. Известно, что 16 декабря 1919 г. под натиском Красной армии белые покинули Томск, и 17 декабря в городе был сформирован Комитет общественной безопасности и охраны порядка во главе с председателем Томской городской думы А.С. Зелениным [38. 18 дек.]. Параллельно с ним томские подпольщики, готовившие вооруженное восстание против белых, создали коалиционный военно-революционный комитет, который возглавил большевик Я.Д. Янсон. Заместителем председателя революционного комитета стал большевик-подпольщик К.М. Молотов, в начале 1918 г. работав-

ший в отделе народного образования Томского губисполкома [58. С. 215]. Он-то и взял на себя инициативу воссоздать в составе революционного комитета отдел образования и, назвав его Томским губернским комиссариатом просвещения, по-видимому, подчеркнул родство с Наркоматом просвещения РСФСР. По старой памяти он именовал себя комиссаром, как это было принято в Томске весной 1918 г. А по публикациям в томской газете «Знамя революции» видно, что уже 20 февраля 1920 г., когда была восстановлена связь с центром страны, с Москвой, К.М. Молотов значился как заведующий отделом народного образования.

С приходом в Томск частей 5-й Красной армии 20 декабря 1919 г. в Томском комиссариате просвещения стали оформляться сотрудники упраздненных новой властью культурно-образовательных учреждений. В их числе были томские художники Д.Н. Ильин, М.М. Поляков, прибывший в Сибирь в годы Гражданской войны петроградский художник М.М. Берингов и др. Они-то и сформировали упоминавшийся отдел искусств и в его составе – секцию охраны музеев и памятников искусств. Именно они 14 февраля 1920 г. произвели осмотр архиерейского дома на предмет сохранения многочисленных памятников искусства, находившихся в этом доме. Комиссия выработала решение: для сохранения обстановки необходимо предоставить помещение архиерейского дома под Музей старины и революции [59. С. 3]. Как видим, комиссия повторила предложение Бахметьева и Евсенина, сформулированное в апреле 1918 г. В марте 1920 г. в архиерейский дом перебрался весь отдел народного образования [60. Л. 69]. И развернулась настоящая борьба, в которой победил все же музей, открывший в архиерейском доме в марте 1922 г. свою первую экспозицию.

Формирование, или, говоря языком того времени, конструирование органов охраны памятников, затянулось на несколько месяцев и совпало по времени с роспуском ранее созданных учреждений. Постановлением Сибревкома от 5 июня 1920 г. был упразднен и Институт исследования Сибири как «центр интеллигентских сил, враждебно настроенных к советской власти и опора колчаковщины» [61. Стб. 281]. Была создана специальная ликвидационная комиссия, работавшая до ноября 1920 г. [62. Л. 12]. Решением Сибнаробраза все дела Института были переданы в Томский университет. Что касается историко-этнологического отдела и его подразделений, то библиографическое бюро, книжные собрания и часть музейных фондов оказались в библиотеке и Археологическом музее Томского университета. Музейные коллекции, собранные и хранившиеся в Институте исследования Сибири, были подготовлены к перевозке в Новониколаевск (Новосибирск), куда и были «переброшены» [3. С. 120–121; 40. Л. 55]. Сотрудники Института исследования Сибири частично влились во вновь создаваемые структуры. Так, В.Ф. Смолин заведовал археологической секцией, организованной в конце мая 1920 г. и два месяца спустя включенной в состав подотдела по делам музеев Томского отдела народного образования. Затем его сменил на этом посту И.М. Мягков [57. Л. 307; 63. Л. 65; 64. Л. 132; 65. Л. 94]. Как уже отмечалось, работавшие в Томске в годы революции и Гражданской войны Н.Н. Бакай, Д.Н. Ильин, И.М. Мягков остались в городе и продолжали работу по сохранению культурного наследия в 1920-х гг. Их коллеги и соратники покинули Томск и работали в избранном направлении в других городах страны: М.К. Азадовский занимал ведущие позиции в изучении русской фольклористики и этнографии, Н.В. Здобнов стал виднейшим деятелем библиографии и книжного дела в СССР [66. С. 245; 67. С. 442]. Профессор П.Г. Любомиров известен своими трудами в области экономической истории, А.Д. Григорьев продолжал диалектологические и фольклористические занятия, находясь в эмиграции в Чехии [68. С. 88–89, 155]. После отъезда из Томска в 1921 г. М.М. Берингов жил и работал в Москве, его картины ныне хранятся в Третьяковской галерее, в Русском музее, в музейных собраниях Томска [69].

Все сказанное позволяет говорить о том, что в годы революции и Гражданской войны в Томске не только не было спада в деле сохранения культурного наследия, напротив, в тот период сложились направления и формы культурной работы, которые определили дальнейшее развитие томской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черняк Э.И. Сохранение культурного наследия // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 730.
2. Григорьева С.Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1. С. 137–140.
3. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 119–122.
4. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90.
5. Донцова А.А. Создание и деятельность секции по охране памятников искусства и старины при Томском губернском отделе народного образования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 122–132.
6. Донцова А.А. Деятельность Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузей): июль 1921 – май 1925 г. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2017. № 25. С. 137–146.
7. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Образование и культура в Томске в годы революции и Гражданской войны // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. : сб. науч. трудов. Барнаул : Аз Бука, 2005. С. 351–366.
8. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41.
9. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76.
10. Потанин Г. Памяти мучеников за свободу // Сибирская жизнь. Томск, 1917. 10 марта.
11. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
12. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 775.

13. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 731.
14. Бакай Н.Н. Памяти П.А. Словцова как историка Сибири. Красноярск, 1918. 15 с.
15. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С. 96–172.
16. Советы Томской губернии. Март 1917 – май 1918 гг.: сб. документов и материалов / гл. ред. И.М. Разгон. Томск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 219 с.
17. Знамя революции. Томск, 1918.
18. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А–Ж. Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, 1929. 988 стб.
19. Здобнов Н.В. Материалы для сибирского словаря писателей. М., 1927. 61 с.
20. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 773.
21. Вестник Томского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Томск, 1918.
22. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.
23. Художественная жизнь Томска. 1917–1918: Хроника. Архивные документы и материалы. Каталоги / отв. ред. Л.И. Овчинникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 148 с.
24. Рабочее знамя. Томск. 1918. 28 июля.
25. Сибирская жизнь. Томск, 1918.
26. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: домарксистский период. М. : Мысль, 1970. 391 с.
27. Дмитриенко Н.М. Григорий Николаевич Потанин как историк Сибири // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. № 406. С. 72–80.
28. ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 20.
29. Голос Сибири. Томск, 1919.
30. ГАРФ. Ф. 176. Оп. 6. Д. 1092.
31. Тугаринов А.Я. Местные музеи Сибири и организация их деятельности // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 1. С. 42–49.
32. Денике Б.П. Задачи изучения и охраны памятников старинного деревянного зодчества в Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 90–91.
33. Азадовский М.К. Об этнографическом изучении русского населения Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 89–90.
34. Крячков А.Д. О задачах изучения искусства в Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 91–93.
35. Хвостов М.М. Собирание материалов по истории мировой войны и русской революции // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 95–97.
36. Резолюции, принятые на общих собраниях съезда по организации Института исследования Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 4. С. 18–42.
37. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
38. Сибирская жизнь. Томск, 1919.
39. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 33.
40. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 39.
41. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
42. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д.31.
43. ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 8.
44. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 33.
45. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 11.
46. ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 7.
47. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия Института исследования Сибири. 1920. № 6. С.1–103.
48. Приложения к протоколу двенадцатого общего собрания // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 1. С. 105–107.
49. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 48.
50. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 67.
51. Бородкина М. Сибирский кружок учащихся высших учебных заведений г. Томска // Журнал Министерства народного просвещения. 1919. № 1. С. 309–311.
52. Знамя революции. Томск, 1920.
53. Ларьков Н.С. Губревком // Энциклопедия Томской области : в 2 т. Т. 1: А–М. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 179.
54. Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // История музейного дела в СССР : сб. ст. М., 1957. Вып. 1. С. 37–72.
55. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 12.
56. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 2. Д. 5.
57. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 92.
58. Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : НТЛ, 204. 438 с.
59. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского и М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
60. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 61.
61. Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 2: З–К. Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1930. 1152 стб.
62. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 506.
63. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 31.
64. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2.
65. ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 632.
66. Азадовский Марк Константинович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1970. Т. 1. С. 245.
67. Здобнов Николай Васильевич // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1972. Т. 9. С. 442.
68. Профессора Томского университета. Биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1. 288 с.
69. Овчинникова Л.И. К 125-летию художника Митрофана Михайловича Берингова: URL: http://artmuseumtomsk.ru/page/10/0/110 (дата обращения: 06.10.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

FROM THE HISTORY OF THE CONSERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS IN TOMSK IN 1917–1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 181–190.
DOI: 10.17223/15617793/422/26

Eduard I. Chernyak, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com
Nadezhda M. Dmitrienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Keywords: Tomsk history; cultural heritage; protection of history and culture objects.

The article deals with the topic of cultural heritage. It attracts many researchers but still it is not studied well. In the opinion of the authors, the view that protection of cultural memorials was weak during the Revolution of 1917 requires more in-depth reflection. On Tomsk materials, the authors can see that traditions of careful attitude to memorials of culture were formed by 1917. Political freedoms granted by the Revolution and social enthusiasm mounted in those years provided development of new cultural traditions, including the preservation of cultural values. The authors must say that during 1917–1920 boards of administration in culture and education were formed, abolished and newly constructed in Tomsk. At the same time, public and private institutions in the field of culture were shaped, and the largest of them were the History-and-Philology Faculty of Tomsk University and the Siberia Research Institute. It is necessary to say that protection of memorials of history and culture were among the most important problems of activities of the organizations. Specialists-historians of Tomsk University and their colleagues developed scientific bases of cultural heritage preservation. Else, they did much in order to survey and preserve the diversity of history and culture memorials. Facts from archives, documentary publications, periodicals of the revolutionary years enabled the authors of this article to provide a stirring picture of the work of professors and teachers of the History-and-Philology Faculty of Tomsk University. In the most difficult conditions of the political and socio-economic instability in Siberia in 1917–1920, they were engaged in collecting and studying the memorials of culture. E.V. Dil', B.P. Denike, P.G. Lyubomirov, M.K. Azadovskiy, I.M. Myagkov, V.F. Smolin, N.N. Bakay, A.D. Grigoriev and others collected and systematized historical documents, rare books, objects of archeology and ethnography, Russian dialects of Siberia. In addition, they gathered material objects and visual testimonies of the revolutionary era. At the same time, good cultural and educational work was implemented in Tomsk. The passion and dedication of the participants of the cultural process in the Revolution offered an opportunity to save many artifacts and memorials of spiritual culture in Siberia. Museum, archival and book funds collected during the period under study formed the basis of the repository of cultural heritage in Tomsk, Biysk, Novonikolayevsk (Novosibirsk).

REFERENCES

1. Chernyak, E.I. (2009) Sokhranenie kul'turnogo naslediya [Preservation of cultural heritage]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2-kh tt.* [Encyclopedia of Tomsk Oblast: in 2 vols]. Vol. 2: N–Ya. Tomsk: Tomsk State University.
2. Grigor'eva, S.E. (2011) The basis and opening of Tomsk regional museum of local lore. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 137–140. (In Russian).
3. Dmitrienko, N.M. & Grigor'eva, S.E. (2014) On the history of foundation of the Siberian Scientific and Art Museum in Tomsk (1911–1920), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 381. pp. 119–122. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/381/19
4. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Imperial Tomsk University Museums: the first years of establishment and activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 397. pp. 81–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/14
5. Dontsova, A.A. (2016) Establishing and activity of the Section of art monuments and antiquities protection in Tomsk province Board of Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History.* 1. pp. 122–132. DOI: 10.17223/22220836/21/15
6. Dontsova, A.A. (2017) Activity of the committee of the museums, art monuments and antiquities conservation, national culture and nature in Tomsk province (July 1921 – May 1925). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History.* 25. pp. 137–146. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/25/17
7. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2005) Obrazovanie i kul'tura v Tomske v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny [Education and culture in Tomsk in the years of the Revolution and the Civil War]. In: Goncharov, Yu.M. (ed.) *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX vv.* [Modern Historical Siberian Studies of the 17th – early 20th centuries]. Barnaul: Az Buka.
8. Dmitrienko, N.M., Lozovaya, L.A., Butenko, M.A. & Glukhov, V.S. (2015) Museology as complex of knowledge about museum science: historiography of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 399. pp. 34–41. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/7
9. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2016) G.N. Potanin's contribution to Siberian museum science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 404. pp. 67–76. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/404/10
10. Potanin, G. (1917) Pamyati muchenikov za svobodu [In memory of the Martyrs for Freedom]. *Sibirskaya zhizn'.* 10 March.
11. *Sibirskaya zhizn'.* (1917).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 775. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 731. (In Russian).
14. Bakay, N.N. (1918) *Pamyati P.A. Slovtsova kak istorika Sibiri* [In memory of P.A. Slovtsova as a historian of Siberia]. Krasnoyarsk: Tipografiya Eniseyskogo gubernskogo soyuza kooperativov.
15. Kuzina, G.A. (1991) Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela v 1917–1941 gg. [State policy in the field of museum business in 1917–1941]. In: Kasparinskaya, S.A. (ed.) *Muzey i vlast'* [Museum and power]. Vol. 1. Moscow: NIIK.
16. Razgon, I.M. (ed.) (1976) *Sovety Tomskoy gubernii. Mart 1917 – may 1918 gg.: sb. dokumentov i materialov* [Soviets of Tomsk province. March 1917 – May 1918: documents and materials]. Tomsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
17. *Znamya revolyutsii.* (1918).
18. Azadovskiy, M.K. (ed.) (1929) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: in 4 volumes]. Vol. 1: A–Zh. Novosibirsk: Sib. kraevoe izd-vo.
19. Zdobnov, N.V. (1927) *Materialy dlya sibirskogo slovarya pisateley* [Materials for the Siberian Dictionary of Writers]. Moscow: Obshchestvo izucheniya Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 773. (In Russian).
21. *Vestnik Tomskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i soldatskikh deputatov.* (1918).
22. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy: biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk merchants: biographical dictionary (second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Ovchinnikova, L.I. (ed.) (2001) *Khudozhestvennaya zhizn' Tomska. 1917–1918: Khronika. Arkhivnye dokumenty i materialy. Katalogi* [The artistic life of Tomsk. 1917–1918: The Chronicle. Archival documents and materials. Catalogs]. Tomsk: Tomsk State University.

24. *Rabochee znamya*. (1918). 28 July.
25. *Sibirskaya zhizn'*. (1918).
26. Mirzoev, V.G. (1970) *Istoriografiya Sibiri: domarksistskiy period* [Historiography of Siberia: pre-Marxist period]. Moscow: Mysl'.
27. Dmitrienko, N.M. (2016) Grigoriy Nikolayevich Potanin as a historian of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 72–80. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/11
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 10. File 20. (In Russian).
29. *Golos Sibiri*. (1919).
30. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 176. List 6. File 1092. (In Russian).
31. Tugarinov, A.Ya. (1919) Mestnye muzei Sibiri i organizatsiya ikh deyatel'nosti [Local museums of Siberia and organization of their activities]. In: Veynberg, B.P. (ed.) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Vol. 1. Tomsk.
32. Denike, B.P. (1919) Zadachi izucheniya i okhrany pamyatnikov starinnogo derevyannogo zodchestva v Sibiri [The tasks of studying and protecting monuments of ancient wooden architecture in Siberia]. In: Veynberg, B.P. (ed.) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Vol. 3. Tomsk.
33. Azadovskiy, M.K. (1919) Ob etnograficheskom izuchenii russkogo naseleniya Sibiri [On the ethnographic study of the Russian population of Siberia]. In: Veynberg, B.P. (ed.) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Vol. 3. Tomsk.
34. Kryachkov, A.D. (1919) O zadachakh izucheniya iskusstva v Sibiri [On the tasks of studying art in Siberia]. In: Veynberg, B.P. (ed.) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Vol. 3. Tomsk.
35. Khvostov, M.M. (1919) Sobiranie materialov po istorii mirovoy voyny i russkoy revolyutsii [Collecting materials on the history of the world war and the Russian revolution]. In: Veynberg, B.P. (ed.) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Vol. 3. Tomsk.
36. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) Rezolyutsii, prinyatye na obshchikh sobraniyakh s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri [Resolutions adopted at general meetings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. In: *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Vol. 4. Tomsk.
37. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the meetings of the Council of the Siberia Research Institute (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
38. *Sibirskaya zhizn'*. (1919).
39. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 33. (In Russian).
40. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 39. (In Russian).
41. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of meetings of departments, the Central Siberian Department and the commissions of the Siberia Research Institute (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
42. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 31. (In Russian).
43. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-2. List 1. File 8. (In Russian).
44. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 33. (In Russian).
45. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 11. (In Russian).
46. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-2. List 1. File 7. (In Russian).
47. Grigor'ev, A.D. (1920) Ustroystvo i zaselenie Moskovskogo trakta v Sibiri s tochki zreniya izucheniya russkikh govorov [The arrangement and settlement of the Moscow Route in Siberia from the point of view of Russian dialects]. *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri*. 6. pp. 1–103.
48. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) Prilozheniya k protokolu dvenadtsatogo obshchego sobraniya [Appendices to the protocol of the twelfth general meeting]. In: *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Vol. 4. Tomsk.
49. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 48. (In Russian).
50. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 67. (In Russian).
51. Borodkina, M. (1919) Sibirskiy kruzhok uchashchikhsya vysshikh uchebnykh zavedeniy g. Tomska [The Siberian circle of students of higher educational institutions of Tomsk]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1. pp. 309–311.
52. *Znamya revolyutsii*. (1920).
53. Lar'kov, N.S. (2008) Gubrevkom. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2-kh tt.* [Encyclopedia of Tomsk Oblast: in 2 vols]. Vol. 1: A–M. Tomsk: Tomsk State University.
54. Ionova, O.V. (1957) Sozdanie seti kraevedcheskikh muzeev RSFSR v pervye desyat' let sovetskoy vlasti [Creation of a network of local lore museums of the RSFSR in the first ten years of Soviet power]. In: *Istoriya muzeynogo dela v SSSR* [History of museum business in the USSR]. Vol. 1. Moscow.
55. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 12. (In Russian).
56. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 2. File 5. (In Russian).
57. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 92. (In Russian).
58. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya: kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: a brief encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL.
59. Shatilov, M.B. (1927) Istoricheskiy ocherk i obzor Tomskogo kraevogo muzeya [Historical essay and overview of the Tomsk Regional Museum]. In: Slobodskoy, M.A. & Shatilov, M.B. (eds) *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Vol. 1. Tomsk: Krasnoe znamya.
60. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 61. (In Russian).
61. Azadovskiy, M.K. (ed.) (1930) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: in 4 volumes]. Vol. 2: Z–K. Novosibirsk: Sib. kraevoe izd-vo.
62. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 506. (In Russian).
63. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 31. (In Russian).
64. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 2. (In Russian).
65. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-28. List 1. File 632. (In Russian).
66. Prokhorov, A.M. (ed.) (1970) Azadovskiy Mark Konstantinovich. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Sov. entsikl.
67. Prokhorov, A.M. (ed.) (1972) Zdobnov Nikolay Vasil'evich. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 9. Moscow: Sov. entsikl.
68. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
69. Ovchinnikova, L.I. (n.d.) *K 125-letiyu khudozhnika Mitrofana Mikhaylovicha Beringova* [To the 125th anniversary of the artist Mitrofan Mikhailovich Beringov]. [Online] Available from: http://artmuseumtomsk.ru/page/10/0/110. (Accessed: 06.10.2016).

Received: 28 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 191–196. DOI: 10.17223/15617793/422/27

УДК 35 +571. 1/5

Л.И. Шерстова

ЕВРАЗИЙСКИЕ КОНСТАНТЫ В КАРТИНЕ МИРА НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (проект № 33.1687.2017/4.6).

Рассматриваются некоторые представления народов Северной Азии, которые являются общим евразийским наследием. Выделяется несколько системообразующих констант, которые при внешнем различии отражают схожие отношения к таким явлениям, как связь Неба и власти, отношение к Земле, проблема легитимности власти, место народа в государстве.
Ключевые слова: евразийское наследие; культ Неба и власти; легитимность власти; Земля; народ.

Многие современные темы, связанные с развитием России, упираются в вопрос, поставленный еще в XIX в., когда началась рефлексия части русской элиты относительно природы Российского государства и общества. Знаменитый спор славянофилов и западников хотя до предела и обнажил несхожесть взглядов, тем не менее, не дал ответа на вопрос о сущности Российского государства, представляя его то частью «просвещенной» Европы, то частью «дикой» Азии. Между тем само положение будущей России предполагало ответ – будучи евразийской страной, она имела свое место в процессе развития, на что обратили внимание еще Н. Данилевский, а потом и евразийцы. Природные особенности евразийской степи, смыкавшейся на Востоке с монгольскими просторами, граничившими с Китаем, на западе упирались в античную цивилизацию. Волны индоевропейских, индоиранских, гуннских, древнетюркских, монгольских, русских миграций двигались в широтном направлении, распространяясь по меридионально текущим рекам вглубь Северной Евразии – в таежную зону, меняя и здесь этнокультурную ситуацию. Эти движения, в зависимости от эпохи и этнического облика мигрантов, приводили к постоянным контактам, вследствие чего уже невозможно установить первоначальные культурные модели, которые взаимодействовали между собой, но которые создали своеобразный сплав – евразийское культурное наследие. Последнее современными народами не осознается как общее, но воспринимается как собственные этнографические характеристики. Однако при этом помогает понимать друг друга и адекватно реагировать на возникающие проблемы.

Одной из таких евразийских констант является безусловное понимание власти как нравственного начала. Истоки о связи власти и нравственности, столько ярко выраженные в конфуцианстве, зороастризме, идея «справедливого» царя в русском фольклоре уходят в глубокую древность и связаны с представлением о Небе. Показательно, что Небо в евразийском понимании не персонифицировано, что отражает древнейший пласт мировоззрения.

Исследователи отмечают, что идея Неба (Тянь) генетически не связана с китайской культурой, она появилась в Китае вместе в 800 племенами, которые привел чжоусский У-ди [1. С. 28]. Древними китайцами эпохи Шан-Инь (II тыс. до н. э.) – первого китайского государства – Небо не почиталось. Но в Чжоу (I тыс. до н. э.), в отличие от предшествующего периода, Небо стало главным божеством. Оно «широкое и бескрайнее, оно благодетельно для всех», «оно приобрело значение анонимного безличного судьи, который вершит суд и награждает за добрые дела» [2. С. 163–164]. И некоторые стихи «Шицзин» (XII–V вв. до н. э.) подтверждают это. Так, солдат, находящийся вдалеке от дома, видя перелет диких гусей, говорит: «О дальнее синее небо, верни солдату привычный труд» [3. С. 99]. Другой человек жалуется на свою судьбу: «Это так, и это жребий мой, создан небом и судьбой самой» [Там же. С. 48].

Кроме того, что оно было благодетельным для всех, оно находилось в особых отношениях с правителями. Не наследственное право давало в Древнем Китае власть императору, а Мандат Неба, который жаловался тому, кто имел «дэ», т.е. обладал глубокой нравственностью, мог заботиться о народе, кто был способен к самосовершенствованию. Это понятие тоже не было известно в период Шан-Инь. «Дэ» характеризовалось как «благо, одаренность, добродетель», которая делает правителя способным управлять. Это сила, даруемая Небом, как бы частица самого Неба, т.е. «божественная сила» правителя, которая неперсонифицирована, это сакральная добродетель, харизма, благодать [1. С. 29]. Поэтому император – Сын Неба: «Да будет Небо относиться к нему как к своему сыну», – говорится в древнем тексте [4. С. 350]. Но дела в государстве идут хорошо, а народ доволен правителем, пока тот добродетелен. Поэтому власть должна быть справедливой по отношению к народу, нравственной, а правитель, чтобы сохранить власть, должен был увеличивать свою «дэ», т.е. постоянно самосовершенствоваться. Только нерушимое благословление народа могло гарантировать сохранение Мандата Неба правителем. Если он не справлялся с делами управления, то другой избранник Неба просто был обязан свергнуть его [Там же. С. 73].

Связь нравственности власти с Небом совершенно не была характерна для предшествующей политической традиции Древнего Китая. Ее внешним источником, возможно, стали ранние индоевропейские (тохарские) группы, которые тесно контактировали с древними китайцами в период Шан-Инь. Это нашло отражение в развитии коневодства и боевых колесниц индоевропейского типа, а также развитой бронзы [1. С. 5]. Думается, что заимствовать материальные предметы на ранних стадиях контактов было проще,

но чжоу, имевшие более тесные взаимоотношения с более поздними мигрирующими индоарийцами и иранцами, могли ознакомиться и с их представлениями о власти, которые позже также получат развитие в древних Иране и Индии, где власть тесно сольется с идеей нравственного начала уже в зороастризме или выразится в карме.

Что же касается древнейших представлений индоиранцев, то и у них Небо не было персонифицировано, оно почиталось как таковое [5. С. 20], что свидетельствует о древности этого образа. В дальнейшем идея справедливости и нравственности в их мифологии пошла по пути борьбы добра и зла. Зороастр олицетворил их в образах Ахура Мазды и Ангхро Майнью: «…избрал себе лживый (Ангхро Майнью. – *Л.Ш.*) – злодеяние, Праведность избрал для себя Дух Священный, Чье облачение – небесная твердь» [Там же. С. 21]. По сути Ахура Мазды и есть «дух» Неба, т.е. проявление его сущности – добра и справедливости. Важно, что и в зороастризме основное место отводилось нравственному поведению каждого человека, и прежде всего самосовершенствованию правителя, который мог им стать, получив фарн (хварну), т.е. часть божественной сущности, которая давала богатство, власть, могущество. Первоначально хварна не была персонифицирована – это была некая «сакральная благая доля» [Там же. С. 515–516]. Позже она стала изображаться у Сасанидов в виде святящегося нимба, заимствованного из Египта.

Неизвестно, существовало ли в период тесных контактов индоиранцев и китайцев развитое представление у последних о нравственном содержании хварны (фарна), но на связь между «дэ» и кармой уже обращали внимание исследователи [1. С. 29]. Из этого следует, что формирующееся представление о власти и у индоариев, и у иранцев было тесно связано с Небом, «этической, нравственной» частицей которого были хварна, карма. Ее, обозначив как «дэ», с сохранившимся содержанием древние китайцы включили в свою картину мира. Думается, что к китайскому «дэ» все же ближе значение хварны как «сакральной доли» правителя. Можно констатировать, что идеи о нравственности правителя и справедливости власти являются одними из основных констант в евразийском наследии, а следовательно, и менталитете населения Северной Евразии. Отголосок этого – достаточно распространенное убеждение о том, что есть суд «законный», а есть суд «справедливый».

Древнетюркские материалы также указывают на Небо как на высшую силу. В орхонских надписях зафиксировано: «Вначале было вверху голубое небо, а внизу темная земля, появились между ними сыны человеческие» [6. С. 89]. Надпись в честь Кюль-тегина гласит: «Так как Небо даровало силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам». Но Небо не только дает силу правителю тюрков. Далее говорится: «Небо, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее (ханам) государство, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа» (Цит. по: [7. С. 52–53]). В несколько иной форме, но и в этих надписях содержится не только мысль о Небе как источнике власти, но и его покровительстве всего «тюркского народа». Таким образом, возникает та же триада «Небо – правитель, получивший власть от Неба – народ». И хотя в тексте отсутствует важнейшая деталь – нравственность как основа власти правителя, само упоминание того, что Небо одинаково благосклонно ко всем на Земле, независимо от социального положения, приводит к мысли о необходимости и правителю быть справедливым.

По воле Неба и Тэмужин стал Чингисханом, который был уверен, что все его замыслы будут реализованы благодаря покровительству Неба. Уже его прародитель, как говорится в «Сокровенном сказании», был рожден по благоволению Неба [8. С. 50]. Но даже такое чудесное рождение не стало условием легкого восхождения на трон. «Чудесное» выживание в степи, когда родичи покинули семью маленького Тэмужина, – это испытание. Нужно своими поступками доказать, что достоин иметь то, что можно было бы назвать «дэ», «хварна», «карма». И история Чингисхана – это постоянное самосовершенствование, приобретение нравственного авторитета среди соплеменников. И, наконец, 1206 г.: «Отец наш Небо и мать Земля сговорились И порешили: быть Тэмужину главой государства» [Там же. С. 93]. Так, «по воле» Неба он стал Чингисханом.

Если посмотреть русские (славянские материалы), связанные с пониманием Неба и власти, то, несмотря на мощный слой христианства, заметно «языческое» значения Неба. Как отмечал еще А. Афанасьев, «в большей части языков слова, означающее небо (в том числе, и у народов России. – *Л.Ш.*), в то же время служат и названием бога. В наших заговорах слышатся такие молитвенные обращения: “Ты, Небо, слышишь, ты, Небо видишь!”» [9. С. 73]. Само же Небо в славянской мифологии также не персонифицировано. Но с ним связаны следующие понятия: «промысел (Божий. – *Л.Ш.*), проведение, высшая сила, власть». В еще большей степени смысл древнего понимания Неба несут поговорки: «Наша доля – Божья воля», «Всякую долю Бог посылает», «Все мы под небесами ходим» [10. Т. 2. С. 502–503]. Тот же древний смысл – Небо высшая сила, влияющая на судьбу любого человека. Нравственный аспект, связанный с властью и Небом, поглотило христианство.

Несмотря на определенные различия в картине мира народов Северной Евразии, по-прежнему достаточно легко проступает пласт самого раннего осмысления предками современных народов вопросов, связанных с «тайной» происхождения власти, с архаичным пониманием ее нравственного характера, с тесной связью между правителем и народом, с зависимостью первого от последних. Нравственность, а не закон являлись сутью порядка в конфуцианстве, даосизме, буддизме, зороастризме. Была некая первоначальная идея о связи человека, природы и Космоса, возможно, впервые осознанная древними индоевропейцами (индоарийцами) как идея нравственной гармонии, послужившая основой для таких разных и в то же время похожих концепций различных народов Евразии. Идея, ставшая частью их менталитета, их картины мира.

Еще одной, не менее важной евразийской константой, сформировавшей менталитет народов Северной Евразии, была земля. В периоды миграций этническая территория была совокупностью различных маркеров, чаще природного происхождения, которые были «втянуты» в реальную или мифическую историю народа. Названия гор, рек, перевалов связывались с именами героев или божеств, с событиями прошлого, с историей отдельных семей и их потомков. В условиях ограниченного использования письменности «своя» территория сама по себе была источником знания о прошлом для оседлого населения. Для кочевых народов сезонные ее посещения оживляли связи между поколениями, а ритуалы закрепляли внутриэтнические связи.

Земля же вообще не могла быть чьей-то, принадлежать кому-то из профанного мира. Потому что у нее уже были «хозяева». Так, у народов Северной Евразии считалось, что все объекты природы – горы, реки, ручьи, деревья, озера, долины – имеют своих хозяев. Чаще они были невидимыми для людей, но иногда могли принимать человеческий облик либо образ какого-нибудь животного или птицы. В целом они были индифферентны по отношению к людям. Но этим духам – хозяевам местности – за то, что человек вторгался в их пределы, необходимо было приносить жертвы, которые принимали форму архаичного дарообмена. Природа давала человеку то, что ему необходимо: пищу, дрова, воду, а человек отдаривал ее тем, что имел: кусочки пищи, брызги напитка, мелкие предметы.

Универсальной формой дарообмена на территории всей Сибири, уходящей далеко на юг, вплоть до Тибета, был обычай привязывания ленточек или кусков материи к деревьям как знак благодарности духам местности за помощь людям – переправу через реку, преодоление трудного перевала. У тюркоязычных народов Сибири ленточка называлась «jалама» (алтайцы), «чалама» (хакасы), «салама» (якуты). У народов Саяно-Алтая в честь духов – хозяев местности – возводились примитивные культовые сооружения – обо, оваа – в виде кучи камней, в которые иногда вставлялись ветви деревьев, на них привязывались ленты.

Однако подобные «представления» были характерны и для населения Европы и русского крестьянства. Чтобы поставить дом, нужно было «принести жертву» Земле, вернее, хозяину данной местности. Эта жертва часто называлась строительной. У некоторых народов ею становился человек, обреченный быть замурованным, у русских крестьян нужно было положить монету. Позже это осмысливалось как «плата» духу земли (сербы), форма оброка [11. С. 160]. Но в более ранние времена это, безусловно, была форма архаичного дарообмена – человек делал «подарок», а за это получал от хозяина «отдарок» – землю под строительство жилища.

Земля же у всех народов Евразии осмысливалась как «живая» – значит, с ней можно было вступать в коммуникационные отношения. Но она была «Мать – сыра земля», что тождественно тюркскому «Jер-суу», т.е. «живая», «плодородная, способная дать жизнь». Она осмысливалась как начало всего живого, в том числе и человека. Отсюда устойчивая установка, что землю нельзя продавать. В традиционном обществе часть ее на какое-то время можно получить в результате дарообмена с духами Земли. Поэтому даже существование купчих на землю в Сибири в XVII в., которые внешне выглядели как продажа земли, на самом деле обозначали продажу крестьянского труда, потраченного на возделывание земли. По этому поводу у русских крестьян существовала поговорка: «Не та земля дорога, где медведь живет, а та, где курица скребет» [10. Т. 1. С. 679]. Еще в начале XX в. отношение к земле русских крестьян Алтая определялось представлением о ней как о «Божьей». В 1908 г. старообрядцы Уймонской управы в Горном Алтае отказывались платить поземельную оброчную подать, когда объектом обложения стала земля, на том основании, что «по их религиозным убеждениям платить за землю грешно» [12. Л. 518].

Итак, согласно евразийским представлениям русских и народов Сибири, в том числе алтайцев, владение людьми землею, т.е. частная собственность на землю, прямо противоречила их ментальным установкам. Думается, с этим связаны и неудавшаяся реформа П. Столыпина, и «насаждение» частной собственности на землю в 1990-е гг., которое основная часть населения России считала «несправедливым», а вернее – не соответствующим глубинным представлениям о неприкосновенности Земли как части сакрального пространства.

Русское государство, как и Китайская империя, формировалось как централизованное, но полиэтничное образование. Наряду с основным, наиболее многочисленным этносом, который выступал в качестве государствообразующего, проживали и другие народы на землях, которые также были их этнической территорией.

Особенностью положения зависимых этнических групп, согласно евразийской политической традиции, сохранявшейся и в политическом наследии Российского государства, было минимальное вмешательство власти в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу на протяжении как московского, так и имперского периодов. Этот принцип нашел свое отражение в «Уставе об управлении инородцев» (1822).

Начиная с XVIII в. господствующей концепцией в образованных слоях как европейского, так и российского общества был эволюционизм, теоретически оправдывавший обязательное вмешательство европейцев в жизнь «примитивных» народов, т.е. политику колониализма. Однако в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.) закреплялись права аборигенов на земли, «ими обитаемые», на создание собственных органов самоуправления (Инородные управы, Степные Думы). У них продолжали функционировать обычное право и свобода вероисповедания [13. С. 128–129]. Истоки принципа «невмешательства» Российского государства во внутреннюю структуру и образ жизни покоренных народов базировались на «ордынской» – евразийской модели взаимоотношений разноэтничного населения в рамках одного государства [14. С. 10–11].

В Монгольской империи отражением принципа «невмешательства» было существование такого специфического института, как «унаган богол», которым обозначалась завоеванная (присоединенная) иноэтничная общность [15. С. 81]. Это приводило к накоплению зависимым населением опыта государственности при сохранении достаточно архаичных внутренних связей. Такая традиция взаимоотношений подчиненных и господствующих этносов (родов, кланов, племен, патриархальных семей и т.д.) в ситуации гибели последних легко позволяла первым интегрироваться в новые политические образования либо возглавлять их.

При этом правители Степи прекрасно понимали значение этнонима как фактора, символа единства этнической общности, возможного объединения в благоприятных условиях всех ее членов и, значит, политического усиления данной общности. Как повествуется в «Сокровенном сказании», после очередного восстания мэргэдов (меркитов) Чингисхан «повелел тогда своим… мужам иных из мэргэдов погубить, остальных поделить между собой… И молвил тогда Чингисхан: “Позволили мэргэдам мы жить вместе, на роды их, на семьи их не делили, они же предательски восстали”. И сказав так, Чингисхан поделил средь мужей своих всех недругов-мэргэдов до единого и разослал их в разные концы улуса своего» [8. С. 159]. В другом случае, желая наградить своего подданного, Чингисхан спросил о его желании. И Унгур сказал: «Коли позволено мне выбрать пожалованье хана, хотел бы я всех баягудов, сродников своих, которые теперь разбросаны повсюду собрать и ими править». И повелел Чингисхан: «Что ж, будь потвоему, Унгур. Ты баягудов собери и тысяцким над ними будь» [Там же. С. 177].

В подвижных обществах размеры территории еще не определяли значимость и богатство их правителей. Военная сила «кочевых империй» народов Центральной Азии определялась как можно большей численностью зависимого населения и базировалась на величине улуса, под которым понимались не столько размеры территории, сколько «владение», «народ, данный в феодальное держание» [16. С. 118]. В таких аморфных, полиэтничных государствах какие-либо формы насильственной аккультурации со стороны «этноса-элиты» могли оказаться губительными для ее власти, и поэтому от покоренных народов требовались политическая преданность и безусловное выполнение всех указаний при сохранении их внутренней социальной структуры и привычного образа жизни.

Традиция «невмешательства» начала складываться еще в Древнем Китае в период Чжоу и особенно Хань, когда хуася, а затем и хань, окруженные варварами, вынуждены были налаживать с ними мирные отношения. Заинтересованность в получении престижных товаров заставляла «кочевую» элиту приносить дань как знак зависимости китайскому императору, но полученные подарки по своей стоимости превосходили привезенную дань, т.е. это был архаичный дарообмен, при котором отдарок ценился выше подарка. Совершив соответствующие обряды при ханьском дворе, варвары возвращались в себе, продолжая жить по своим обычаям и традициям. Однако в результате таких контактов, длившихся столетиями, они оказывались втянутыми в экономические, политические, культурные отношения китайского социума, медленно подвергаясь аккультурации, в результате становясь «цивилизованными». Именно в Китае в раннем Средневековье появилось представление о том, что показателем цивилизованности является не ханьское происхождение, а следование конфуцианству. Следовательно, варвар-конфуцианец становился ханьцем, а ханец, соблюдавший обычаи варваров, – варваром. Таким образом, даже не этническая принадлежность делала «чужого» своим, а следование «универсальному» конфуцианству [17. С. 186–189].

Аналогичный процесс – включение сначала народа, а потом и его территории хорошо прослеживается при колонизации Сибири русскими не только в XVII в., но даже в XVIII и XIX вв. Разновременное вхождение в состав России населения и его территории достаточно ярко представлено в алтайской истории. Если в 1756 г. в состав России вошли большинство алтайцев, большая часть которых потом бежала на юг от Колывано-Воскресенской линии и фактически не контролировалась русскими властями, то территория Горного Алтая вместе с чуйскими двоеданцами стала частью Российской империи только после подписания Чугучакского договора в 1864 г. Народ, будучи подданными России, более ста лет проживал на территории, которая официально не входила в состав империи. Несвязанность населения и территории – еще одна характерная черта евразийской государственности.

Особенностью положения таких полиэтничных государств была веротерпимость, свойственная народам Восточной и Центральной Азии. В ее основе лежала глубоко проработанная идея социальной гармонии и, согласно китайским учениям, принцип непротивопоставления одной религии другой. Создав сложные религиозно-философские системы, китайцы на бытовом уровне сохранили очень архаичные представления с развитым политеизмом и слабыми зачатками монотеизма. Из этого следовало, что появление новой религии просто дополняло существующие представления (так, буддизм удачно представил разработанную концепцию посмертного существования), а собственный пантеон пополнялся новыми богами. Принцип инь-ян, в основе которого нет идеи борьбы добра и зла, не противопоставлял и религии, что сохраняло социальную стабильность, не приводило (до определенного момента) к религиозным войнам, столь характерным для истории Западной Европы. Та же проблема – отношение между добром и злом – в зороастризме нашла прямо противоположное решение – бескомпромиссность, жестокость. Этими качествами будут отличаться и остальные религии – иудаизм, христианство, ислам.

Древние тюрки и монголы заимствовали «китайское» отношение к чужим религиям, и такая веротерпимость, в частности, была характерна для Золотой Орды по отношению к православию. Поэтому русские XVII в., воспринявши этот подход, допускали только добровольное крещение сибирского населения.

В этой связи важно помнить, что для русской власти в начальный период колонизации Сибири важным было не столько приобретение земель, сколько увеличение количества подданных Московского царства, начало которому было положено еще «собиранием земель (людей)» Московским княжеством. Поэтому во многих царских указах звучит постоянный наказ сибирским воеводам: «Полнить волости» [13. С. 90]. Именно наличие многочисленных подданных, как это было в Древнем Китае, у гуннов и древних тюрков, позже – у монголов, создавало богатство и славу евразийских правителей, в том числе российских.

Конечно, в современном мире в условиях глобализации трудно выделить принципы, которые разделялись бы всеми людьми. Однако картина мира, ментальность населения, живущего в Северной Азии, содержат в себе такие далекие отзвуки неких общих констант, касающихся важнейших принципов жизни, как справедливость, права народа, нравственность власти, что они не столько осознаются, сколько ощущаются.

Их истоки так глубоки и скрыты многими слоями более поздних идеологий и религий, что выразить то, что лежит в глубине нашего сознания, очень сложно, поэтому они приобретают форму мечты, эмоций, ощущений, но дают понимание существования некой своеобразной общности – принадлежности к Северной Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во МГУ; Высш. шк., 2002. 736 с.
2. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М. : Астрель, 2000. 632 с.
3. Шицзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. А Штукина. М. : Худ. лит., 1987. 351 с.
4. Крил Хэрли Глесснер Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / пер. с англ. Р.В. Котенко. СПб.: Евразия, 2001. 480 с.
5. Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб. ; М. : Журнал «Нева»; Летний сад, 1998. 560 с.
6. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М. : Айрис-Пресс, 2004. 560 с.
7. Потапов Л.П. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 50–64.
8. Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М. : ЭКСМО, 2009. С. 17–256.
9. Афанасьев А. Мифы, поверья, суеверия славян. М. : ЭКСМО, 2002. Т. 1. 800 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1998–1999. Т. 1. 669 с.; Т. 2. 779 с.
11. Зеленин Д.К. Избранные труды. М. : Индрик, 2004. 368 с.
12. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 45. Д. 696. Л. 518.
13. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII начала XX в. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
14. Шерстова Л.И. Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский аспект // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 8–17.
15. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М. ; Л., 1934. 233 с.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Наука. 1973. 178 с.
17. Шерстова Л.И. Россия и Китай: подходы к переосмыслению полиэтничности // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. VIII. С. 185–189.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

EURASIAN CONSTANTS IN THE VIEW OF THE WORLD OF THE PEOPLES OF NORTH ASIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 191–196.
DOI: 10.17223/15617793/422/27

Lyudmila I. Sherstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

Keywords: Eurasian heritage; worship of Heaven and power; legitimacy of power; land; people.

In the article the problems of the formation of mental attitudes which are common to the population of North Eurasia (“Eurasian constants”) are discussed on the basis of the analysis of literary, written and archival sources. Natural features of the Eurasian steppe bordering Mongolia, which, in turn, bordered China, in the East adjoined the ancient civilization in the West. These natural features determined the migrations of Indo-European, Indo-Iranian, Hunnic, ancient Turkic, Mongolian and Russian waves. The author supposes that depending on the time and ethnicity of migrants these migrations led to continuous contacts. Therefore, it is impossible to restore the original cultural models that interacted with each other. These cultural models created a kind of a “mix”, in other words, the common Eurasian cultural heritage. Modern peoples do not realize this Eurasian cultural heritage as a common one but perceive it as their ethnographic characteristics. At the same time, it helps them to understand each other and adequately respond to emerging problems. The author considers that one of these Eurasian constants is the perception of Power as a moral principle. The origins of the relation between power and morality so vividly expressed in Confucianism, Zoroastrianism and the idea of “justice” of king in Russian folklore run deeply and are associated with the idea of the omnipotence and justice of Heaven. These attitudes were “native” for the early Indo-Europeans, the later Indo-Iranians, for Chinese from the beginning of the Zhou Dynasty and for ancient Turks and the Mongols of Genghis Khan. The view of the world of the peoples of North Eurasia has the “layer” of the earliest comprehension of questions related to the “secret” of the origin of power, the concept of the ruler as the holder of perfection (as part of the perfect Heaven), the archaic understanding of the moral principle of power, the relation between the ruler and the people, the dependence of the ruler on the people. According to the author’s opinion, the morality of the ruler and every person, but not the law, was the basis of a just and harmonious life in Confucianism, Taoism, Buddhism, Zoroastrianism and utopian ideas of Russian peasantry. The author considers that another important Eurasian constant which formed the mentality of the peoples of North Eurasia was land. Land could not be someone’s or belong to someone from the profane world because land already had “masters”. Since a person invaded land, it was necessary to make sacrifices (that was an archaic gift exchange) to spirits, owners of land. All the peoples of Eurasia understood land as “living, animate”, which means it was possible to communicate with it. For this reason the author considers that there is a stable attitude that land could not be sold and could not be someone’s property.

REFERENCES

1. Meliksetov, A.V. (ed.) (2002) *Istoriya Kitaya* [History of China]. 2nd ed. Moscow: Moscow State University; Vysshaya shkola.
2. Malyavin, V.V. (2000) *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow: Astrel'.
3. Fedorenko, N. (ed.) (1987) *Shitszin: Kniga pesen i gimnov* [Shijing: Book of songs and hymns]. Translated from Cninese by A Shtukin. Moscow: Khudozh. lit.
4. Glessner, K.H. (2001) *Stanovlenie gosudarstvennoy vlasti v Kitae. Imperiya Zapadnaya Chzhou* [Formation of state power in China. Empire of Western Zhou]. Translated from English by R.V. Kotenko. St. Petersburg: Evraziya.
5. Rak, I.V. (1998) *Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana* [Myths of ancient and early medieval Iran]. St. Petersburg; Moscow: Zhurnal "Neva"; Letniy sad.
6. Gumilev, L.N. (2004) *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Ayris-press.
7. Potapov, L.P. (1978) Drevnetyurkskie cherty pochitaniya Neba u sayano-altayskikh narodov [Ancient Turkic features of veneration of the Sky in the Sayan-Altai peoples]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of the peoples of the Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
8. Melekhin, A. (ed.) (2009) Sokrovennoe skazanie mongolov [The Secret Legend of the Mongols]. In: *Chingisiana. Svod svidetel'stv sovremennikov* [Genghisiana. Collection of testimonies of contemporaries]. Moscow: EKSMO.
9. Afanas'ev, A. (2002) *Mify, pover'ya, sueveriya slavyan* [Myths, beliefs, superstitions of the Slavs]. Vol. 1. Moscow: EKSMO.
10. Dahl, V.I. (1999) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Zelenin, D.K. (2004) Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: Indrik.
12. Dahl, V.I. (1999) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
13. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 3. List 45. File 696. Page 518. (In Russian).
14. Sherstova, L.I. (2005) *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII nachala XX v.* [Turks and Russians in Southern Siberia: ethnopolitical processes and ethnocultural dynamics of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
15. Sherstova, L.I. (2013) Perceptions of the Russian Power by Aborigines in Siberia in the XVII century: Eurasian (Central Asian) Context. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 8–17. (In Russian).
16. Vladimirtsov, B.Ya. (1934) *Obshchestvennyy stroy mongolov* [The social structure of the Mongols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
17. Fedorov-Davydov, G.A. (1973) *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [The social system of the Golden Horde]. Moscow: Nauka.
18. Sherstova, L.I. (2014) Rossiya i Kitay: podkhody k pereosmysleniyu polietnichnosti [Russia and China: approaches to rethinking polyethnicity]. In: Glazunov, D.A. et al. (eds) *Vostokovednye issledovaniya na Altae* [Oriental studies in the Altai]. Vol. 8. Barnaul: Altai State University.

Received: 26 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 197–205. DOI: 10.17223/15617793/422/28

УДК 94 (47)

А.П. Ярков, А.Н. Старостин

УММА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Рассматривается история формирования уммы на территории Красноярского края с периода Средневековья по настоящее время. Акцентировано внимание на такие группы, как служилые татары, торговцы, крестьяне, ссыльные. Авторы используют различные источники. Они приходят к выводу, что на современном этапе сформированы местные институты уммы. Одновременно происходит трансформация религиозной и этнокультурной идентичности. Предлагаются рекомендации по профилактике экстремизма.

Ключевые слова: ислам в Красноярском крае; проблемы развития уммы.

История ислама в Красноярском крае мало изучена, как и судьбы его приверженцев. Иногда это вызывает различные ненаучные мнения, подчас политизированные. При этом наблюдается игнорирование исторических фактов либо их толкование, основанное на обывательских домыслах.

Исходя из этого определена цель статьи – показать на примере уммы одной территории, что она является частью континентального «поля» для процессов различной направленности. При этом особенности, которых придерживаются приверженцы ислама – внешние мигранты и коренное население, в ряде случаев разделяли их непреодолимой преградой. С другой стороны, согласование через диалог позволяло им мирно сосуществовать. Также есть доля заинтересованных в разрушении общегражданского мира, например через использование радикальных идей.

Заявленная цель достигается путем решения следующих задач:

– выявить и проанализировать корпус информации по истории ислама в протяженный хронологический период;

– изучить этническую и социальную структуру уммы;

– охарактеризовать местные институты ислама как форму предъявления религиозной и этнокультурной идентичности.

Основные научные результаты связаны с желанием в динамике показать историю распространения ислама на этой части Северной Азии; развенчать ошибочные суждения; показать возможные пути разрешения вопросов, стоящих перед складывающейся там уммой.

Исходя из остроты современных проблем, российское общество всё больше осознаёт, что слишком многие стереотипы из прошлого мешают объективно оценить события и людей. Так, уроженец Красноярска Василий Суриков не являлся исламофобом или шовинистом, но среди его картин есть и «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем» (1895). В названии отражена господствовавшая тогда в российском обществе парадигма. Не призываем переименовать картину, но непредвзято осмыслить исторические процессы – наша обязанность.

Тюрки и мусульмане – органичная часть социума Енисейского края, где есть различие и своя специфика, которую нужно показать. Прежде всего, не все тюрки края – мусульмане, где аборигены (якуты, шорцы, хакасы) в основной массе – приверженцы шаманизма и православия. Есть и крещёные: во главе одного из отрядов освоителей (не покорителей!) края (вместе с Ч. Рукиным) находился пелымский боярский сын П. Албычев, чья родословная берёт начало от Албыча-мурзы – выходца из Золотой Орды. Со временем Албычевы стали русским дворянским родом. В тот период продвижение по службе предполагало крещение, а сам П. Албычев основал первые остроги в регионе: Енисейский (1619), Маковский, Кетский и Намацкий (1620).

Массовыми же транспортёрами ислама в край стали казанские и сибирские татары, башкиры, мишари, тептяри. Красноярский край в современных (с 1990-х гг.) административных границах не включает Хакасию, но в силу общности процессов коснёмся и её территории.

Енисей – естественная граница ислама. К западу от этой реки – Сибирский юрт, элита которого исповедовала эту религию, поддерживала контакты с Поволжьем и Центральной Азией, откуда приходили миссионеры (и не всегда с мирными целями). Впрочем, отдельные купцы-миссионеры (в этом нет противоречия – каждый мусульманин обязан говорить о истинности его веры) преодолевали Енисей. И шли дальше – по ответвлениям Великого Шёлкового пути. Об этом ал-Гардизи сказал так: «Из страны арабов Даши к кыргызам (енисейским. – *А.Я.*) каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных вышитыми золотом шёлковыми тканями» [1. С. 25].

Этот путь стал первым импульсом для распространения образов, понятий и предметов, несущих отпечаток исламской культуры. Носителями её стали сибирские бухарцы (бухаретины / бохоролык) – устойчивая, сложившаяся в Северной Азии социальная общность. В её состав входили узбеки, таджики, уйгуры и реже каракалпаки. Нельзя идентифицировать бухарцев в экономических категориях – как сартов, поскольку не все из них – торговцы. Но все бухарцы, за редким исключением, выступали посредниками в континентальных социокультурных контактах, доходя с караванами до Восточной Сибири. Поэтому уже со Средневековья бухарский «след», хотя и спорный, обнаруживается в лексике эвенков, долган, ненцев и других жителей региона [2. С. 126–127]. Но, заметим, местных жителей не заинтересовали воззрения приходящих мусульман.

Персидский путешественник Абу-Дулаф в X в. побывал в земле енисейских кыргызов и описал резиденцию Хырхыз-хакана и комплекс на Уйбате, а один

из самых восточных памятников ислама в мире расположен на берегу р. Хемчик в Республике Тыва – это кладбище Саадак-Терек. В 1991 г. там обнаружен кайрак[1] 'Умара б. Мухаммада б. 'Али ал-Балхи – имама и смотрителя за могилой «святого»[2] сайида[3] Рашид ад-Дина. Надпись выполнена на фарси и датирована джумада ал-ахира 590 г. х. (май-июнь 1194 г.). Проанализировав сам объект и трассы к нему, Л.Р. Кызласов написал: «Скорее всего, этот могильник был кладбищем торговой фактории мусульманских купцов, избравших долину Хемчика для своего поселения, которое играло роль перевалочного пункта. Для этих целей именно долина Хемчика представляет наибольшие удобства, ибо в ней скрещиваются древние караванные пути в Северо-Западную Монголию, на Алтай и в Хакасско-Минусинскую котловину» [3. С. 115].

Купцы, между тем, демонстрировали успешность развития ремёсел и переход к новым технологиям, идеологически обеспеченным исламом, который в тот период своей истории поощрял новации (увы, затем процесс замедлился). Предприимчивые торговцы, судя по источникам XIII–XIV вв., скупали у местного населения меха ценных пушных зверей и кречетов для распространённой тогда соколиной охоты. Таким путём на территорию обитания кочевников и полуоседлых жителей попадали предметы среднеазиатского и иранского происхождения. Это, например, монеты, среди которых найденная на р. Иджим (левом притоке р. Уса) серебряная монета – медаль гулагидского чекана 1320 г. из г. Йезда, подаренная Г.П. Сафьяновым в 1875 г. Минусинскому музею.

После вхождения территории в состав Российского государства, появления на правом берегу Енисея русских и их союзников (в том числе служилых татар), по мнению ряда учёных, произошло перемещение части тоболо-иртышских татар в сторону Енисея, но генетические следы их присутствия в этой части Восточной Сибири не прослежены.

Сами же служилые татары вместе с русскими, «черкасами», «литвой» и коми основали северную (включая Новую Мангазею) линию острогов, став органичной (хотя и численно небольшой, а затем ассимилированной) частью населения при освоении Восточной Сибири. Самый важный из них – Енисейский (Тунгусский / Кузнецкий) острог, основанный в среднем течении Енисея в месте впадения в неё р. Мельничная. Он стал центром одноимённого уезда Тобольского, с 1629 г. – Томского разрядов, а с 1677 г. – это уже город, центр Енисейского разряда [4], в истории которого есть множество «мусульманских сюжетов».

XVIII в. – время серьёзных административных преобразований, повлиявших и на судьбу почитавших пророка Мухаммеда. В отличие от других первых сибирских городов, разбогатевших на пушнине и потому имевших скоротечную историю, Енисейск оставался важной зоной зернового производства, постоянной торговли и обмена, так как «стал в середине Сибири». Поэтому в 1708 г. создан самостоятельный Енисейский уезд, а Енисейск стал притягивать открывшимися возможностями купцов и обслуживающих запросы проезжающих и местных жителей – ремесленников, ямщиков. Более того, город и уезд стали центрами духовной жизни для всех единоверцев края. Там сохранялись (и до сих пор существуют) традиции ханифитского мазхаба суннитского направления, а его основные носители – крестьяне – переселенцы из Казанской и Уфимской губернии.

Многие идущие вглубь Сибири вынуждены были зимовать в Енисейске, ожидая начала навигации. На августовскую же ярмарку (крупнейшую в регионе) приезжали бухарцы и персы. С 1724 г. это уже главный город Енисейской провинции, но в составе Тобольской губернии – притягательного для мусульман всей Северной Азии центра духовного влияния. Там жили высшие по иерархии ахуны (способные разрешать брачные и наследные дела по шариату), имелось мектебе, откуда поступали кадры имамов.

Присутствовал и иной внешний фактор влияния на жизнь енисейцев-мусульман. Так, с 1804 г. город и уезд подчинены Томской губернии (где местные мусульмане занимали разные ступени социальной лестницы, обладали влиянием и в органах власти).

Ещё одна часть местной уммы сформировалась после того, как в 1689 г. учреждена (с 1731 г. – всеобщая) система ординарной почты. Она соединила Тобольск, Омск, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск, Нижнеудинск и др. Если первое время к ней привлекали служилых татар, то затем к ним присоединились другие группы сибирских тюрок, которые после оседания приобщались к исламу, этноопределились, став татарами. Напротив, препятствуя подобной ассимиляции, к 1751 г. усилиями православных миссионеров крещено около 1 000 телеутов Красноярского уезда, часть из которых ранее уже исповедовала ислам. Это, заметим, поощрялось государством.

Обслуживание Сибирского тракта привело к расширению границ и функций острогов и слобод, проведению около них ярмарок, например Никольской в Ачинске (с 1784 г.), привлекая купцов и ремесленников из татар и бухарцев, постепенно (хотя и ограниченно) оседавших. Завершавшийся там же Тюменско-Ачинский ссыльный тракт приводил и подневольных «путешественников», проходивших через этапы и полуэтапы [5. С. 25]. Эта группа – ссыльно-каторжные, заслуживает отдельного рассмотрения в силу специфики мироощущения, социального поведения, устройства религиозных практик.

Феномен маргинальной части местной уммы не только в нарушении установок Корана (где «терпение / покорность» упомянуты 90 раз), но и в отношении к единству уммы как социальному институту, мнению улемов и старейшин, требованиям государства, к которому принадлежат. Существовали ограничения на размещение подобных лиц: на кабинетных землях с 1799 г. вводилась строгая система, где запрещено (исключения – каторжники и ссыльные, используемые на тяжёлых работах) приписывать к горным заводам даже ясачных людей из крещёных.

Мусульмане в правовом, социальном, культурном отношении «находились по разные стороны» Сибирского тракта. Но и он постепенно обустроен и засе-

лён. Возникали притрактовые селения, притягивавшие переселявшихся из Поволжья и Урала ямщиков, купцов, ремесленников, крестьян (в том числе принудительно – сданными в зачёт рекрутами). Около 70 тыс. извозчиков задействованы на тракте, а вблизи росла инфраструктура, обеспечивая его функционирование: почтовые станции, постоялые дворы,

Иная судьба сложилась у общины Ново-Качинского (Красного) острога – предшественника Красноярска. Команды служилых юртовских татар сменялись, не создав постоянной уммы. Ситуация изменилась, когда туда в 1671 г. пришёл первый торговый караван. Местный воевода распорядился поставить для приезжих мусульман торговый двор [6. С. 316–318], где, очевидно, они вместе могли совершать намаз.

«Природные» мусульмане Северной Азии – «плохие идеологические фанаты» во все времена. Это связано с тем, что необходимость приспособления к местным обстоятельствам выработала синтез шариата и адата, например в условиях длинных зимних ночей и коротких летних дней. Да и смысл многих лексем Корана (ослы, виноград, оливы и др.) не понятен сибирякам. Воспринятые априорно, они создавали представление о желательном, но невозможном в Сибири. И этот «разрыв» долго сопутствовал пониманию традиций и образов. Обязанность смягчения этих противоречий лежала на немногочисленных служителях исламского культа, которые, однако, часто сами оставались несведущими.

Только в дореволюционный период можно относительно чётко дифференцировать мусульман (по убеждению) из всех ссыльно-каторжных в азиатской части России, которая подразделялась на места «далёкие» и «не столь далёкие». При этом вне учёта находились не имевшие свидетельств бродяги, дававшие основную часть рецидивной преступности.

Г.С. Батеньков как уроженец Сибири в предваряющем реформы 1822 г. очерке «О ссыльных» назвал реальную ситуацию с этой группой населения, а Ф.М. Достоевский в «Записках из Мёртвого дома» дал описание разного типа преступников (сам к ним принадлежа) [7].

Конечно, совершали преступления и коренные жители. Хотя волостные управители в отчётах и указывали, что «вопросами нравственности занимается мулла», а в местах компактного проживания мусульман, как правило, «питейных домов, трактирных заведений, преступлений нет» [8. С. 53, 55]. Данная цитата не в полной мере отражает реальную ситуацию (факты, как и наличие положений в адате[4] утверждают, что нарушители, выпивохи были и среди мусульман), но, несомненно, это характеризует влияние ислама на состояние нравов в тех условиях. Особо администрация опасалась «черкесской смуты» (в крае принято горцев именовать «черкесами»), боясь их союза с сибирскими единоверцами.

Известно, что более половины мусульман в XIX в. сосланы в Сибирь за воровство. В списке совершённых ими краж лидировало конокрадство, что отражало специфическое отношение многих групп мусульман России к этому животному. Свыше 10% их преступлений – «против жизни». Дореволюционные исследователи объясняли их общей ментальностью азиатов. Однако, как отмечал В.В. Перинов, «российское имперское мышление, стремящееся встроить этнически и конфессионально разнородную массу в существующие правовые рамки, не хотело замечать вековых традиций “родовой чести”, поддерживавшихся кровной местью» [9. С. 17–19].

Не только «обычные» уголовники имелись среди ссыльных. Отмечено в местах ссылки фанатиков, что «распространяя… устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султане, как могущественном во всём мире государе, при этом восхваляются турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа. Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над “неверными”» [10. С. 160].

Приговорённых к каторге за особо дерзкие преступления направляли исключительно в Восточную Сибирь, а затем и на Дальний Восток. Енисейская провинция (с 1822 г. – губерния) принадлежала к «местам отдалённым», где представители разных конфессий, в том числе исламской, отбывали наказание. В Минусинской котловине, например, размещались осуждённые участники «Башкирских» (название не в полной мере отражает состав) восстаний. Показательно, что в 1823 г. в губернии насчитывалось 1 176 мусульман, где мужчин было в два раза больше, говоря о положении ссыльных.

В 1830-е гг. стала очевидна потребность в духовном окормлении и нравственном исправлении 200 ссыльных мусульман, но в распоряжении местной власти не было ни указного муллы, ни мест (мечети, молитвенного зала) для проведения намазов.

Заметим, что уголовному преследованию тогда подлежали за отвлечение «от христианской веры». Обвинённые в этом виде преступлений приговаривались к ссылке в каторжную работу от 8 до 10 лет. Известно, что наказание увеличивалось до 15 лет, если следствием было доказано, что применялось насилие для принуждения к отказу от христианства. Те же, кто упорствовал в желании возврата в ислам, с 1858 г. ссылались в Туруханский край. Предположительно, там остался (после каторги) на жительство один из прообразов романа В.И. Шишкова «Угрюм-река» – Ибрагим-оглы.

И наоборот, поощрялись к принятию православия отбывавшие наказание. В 1843 г. ссыльный поселенец из татар Оренбургской губернии С.М. Баширов мотивировал решение тем, что ещё 20 лет назад он был сослан в Сибирь. За прошедшее время он освоился и решил избрать себе в спутницы жизни христианку (при отсутствии единоверок и невозможности выезда на родину, где более обширен «брачный рынок»). Таких лиц, впрочем, было немного: по данным 1863 г. в Енисейской губернии только четыре мусульманина (от рождения) приняли крещение. Это свидетельствовало не столько о слабости миссионерской деятельности, сколько о прочности их нравственных устоев.

Прошедшие южнее Сибирский тракт и Транссибирская магистраль снизили значение Енисейска в экономической жизни края, но сам Енисейский уезд

оставался привлекательным для переселения. Первые татарские селения Шулдат и Серебряково возникли в середине XIX в. Со временем они стали большими – в 250–300 дворов. Их жители занимались не только крестьянским трудом, но и участвовали в разработке золота. Привлекали на приисках и ссыльнопоселенцев, особенно на тяжёлых видах работ.

К 1897 г. в крае (преимущественно в южной зоне) проживал 5 991 татарин (не все мусульмане), что составило 1,1% от населения губернии, где в городах насчитывалось всего 1 408 чел. Доминировали недавно приезжие (3 640), составляя 60,75% от общей численности татар [11]. Это отражало общую для страны ситуацию. Многие надеялись на благополучие от переезда в экономическом плане, но и строили планы в удовлетворении духовных потребностей.

В случае переезда большой группой земляков и при компактном расселении они пытались воссоздать привычные институты: общины, мечети или молитвенные дома, мектебе. Очевидно, ими не понималось, что трудно в Восточной Сибири иметь и полую структуру духовных наставников: муфтиев, ахунов, хатыбов, кадиев, имамом, муэдзинов, мугаллимов. Надеялись переселенцы, что вновь созданные приходы возьмут на себя и традиционные функции:

– духовную (идеологическую), предполагающую удовлетворение религиозных потребностей, совершение обрядов жизненного цикла, укрепление веры;

– образовательную (просветительскую), понимаемую как передача знаний молодым поколениям, равно как и воспроизводство вышеназванного набора кадров;

– финансовую, возлагавшую на меценатов, мечеть и общину сбор средств. Но в условиях Сибири если и существовали добровольные пожертвования верующих (садака), то доходов от вакуфной собственности и закята (традиционного налога с имущества), предписанных шариатом, собрать оказалось затруднительно. Не было здесь специально уполномоченных сборщиков, известных всем своей порядочностью. Но имелись: дисперсность расселения, расстояние между селениями; трудности сообщений, как и множество других обстоятельств, которые отдаляли соблюдение требований ислама;

– соответственно, снижалась возможность обеспечить исполнение социальной функции, предполагающей выплату жалования служителям мечети, мугаллимам, строительство и ремонт культовых зданий и мектебе, поддержку шакирдов, финансирование общественных акций и благотворительных обществ.

Эти надежды оправдались в малой степени. Причина – изменчивый состав приходов, так как не все из прибывающих в ходе реализации Столыпинской реформы оставались в губернии, новосёлы не успевали обустроиться, а из ранее поселившихся (и ставших экономически стабильными) благотворителей было очень мало.

Не было в достаточном количестве мечетей или молитвенных домов: в начале XX в. в губернии их насчитывалось всего восемь. Но по сравнению с другими губерниями и областями Восточной Сибири и Дальнего Востока это значимая цифра.

Среднее число прихожан мечетей и молитвенных зданий по различным губерниям и областям Восточной Сибири и Дальнего Востока

Тип поселения / Губерния / область	Городской (муж. / жен.)	Сельский (муж. / жен.)
Енисейская	231 / 199	267 / 65
Иркутская	305 / 170	126 / 98
Забайкальская	166 / 144	309 / 129
Приморская	Нет данных	98 / 43
Амурская	112 / 47	Нет данных

Анализируя данные таблицы, обратим внимание на существующую во всех типах населённых пунктах диспропорцию в численности мужчин и женщин. Если в городах Енисейской (самое уравновешенное соотношение, принимая во внимание наличие и там ссыльных) и Иркутской губерниях она незначительна и колеблется в пределах 30 чел. в пользу мужчин, то в Амурской этот показатель достигал 60 чел. На селе эта разница более заметна. Например, в Забайкалье и Приморье число мусульман-мужчин в два с лишним раза превышало количество женщин, а в Енисейской – в 4 раза! Неудивительно, что естественного прироста нет, а шла убыль. Например, в Иркутской губернии – на 30 чел. Это оказывало негативное воздействие на нравственную атмосферу в приходах, которую духовные наставники (иногда обслуживая единоверцев в отдалённых селениях наездами) исправить не могли.

Что касается мусульманской составной в разрезе уездов Енисейской губернии, то самый большой удельный вес (5% населения) сложился в Канском уезде. Но в самом уездном центре впервые вопрос о строительстве мечети подняли лишь в 1902 г. Мусульмане Канска не смогли подтвердить необходимую численность прихожан. И все последующие годы они собирались для намаза либо по домам, либо на кладбище.

Власти поощряли переселенцев, задыхавшихся на родине от малоземелья, а без механизмов и удобрений – низкой урожайности (потребность средней семьи удовлетворялась наполовину), но и реформа по переселению в азиатскую часть страны пробуксовывала. Так, в Бельской волости Енисейской губернии было образовано несколько десятков переселенческих участков, но часть их новых владельцев вскоре вернулась на родину. Тем не менее в 1907–1910 гг. в губернии появилось 5 татарских селений, в 1911–1912 гг. – ещё 47, составив в общей сложности их население в 4 033 чел.

Один из больших участков для заселения находился на р. Яловая и назывался Преображенским, куда 28.07.1912 г. прибыли: Абдулнасыровы, Гималетдиновы, Сафиановы – из Уфимской, Валиуллины – из Казанской, Мустафины – из Вятской губерний. Существовали у новосёлов ограниченные финансовые возможности для постройки мечети, но хотя бы в топонимах они пытались подчеркнуть принадлежность. Так, власти разрешили в сентябре 1913 г. «участок Преображенский перечислить в Шагари-Исламское сельское общество» [12], куда и позднее подселялись единоверцы.

Появилось и село с примечательным названием Казанка (ныне в Большемуртинском районе), образован-

ное поволжскими татарами из 1908 г. Редкий тип – двухэтажная мечеть – появилась там достаточно быстро – в 1910–1912 гг., где служили Хасан Валитов (старший) и Мухамед хафиз Хасанов Валидов – имамом, заложив основу династии духовных наставников.

Постепенно выстраивалась в губернии и духовная иерархия. Служивший в мечети г. Минусинска Кучумов в 1913 г. имел звание хатыба. По «табели о рангах» – это духовное лицо, читающее в мечети в дни пятничных и праздничных молитв проповедь – хутбу. Он должен был выбираться прихожанами (не менее $^2/_3$ глав семейств в присутствии волостных старшин или сельских старост). По существующему порядку он ездил в Уфу сдавать в ОМДС экзамены на знание исламского вероучения и русского языка. В новом качестве затем он приводился к присяге губернатором или губернским (областным) правлением.

Долгое время планировавшееся строительство каменной мечети в Енисейске завершено лишь в 1905 г., но у неё был редкий для всей Сибири 28-метровый минарет. Ко времени российских революций 1917 г. там имелось и мектебе, ориентированное на мусульманскую реформацию – джадидизм. Впрочем, существовали в умме и сторонники консерватизма – кадимисты. Их оказалось немного, поскольку умма была молода, как и большинство духовных наставников, получивших образование в джадидских медресе.

Не только аграрный сектор, но и разработка золотых приисков Восточной Сибири требовали рабочих рук. Для этого по многим регионам России, в том числе в Поволжье и на Урале, действовали вербовщики, а завербованные формировали новую группу – мусульман-пролетариев. Эти люди затем достаточно быстро стали разделять идеи социального переустройства.

В самом Красноярске татары составили в 1911 г. уже 1,7% населения, а в пригородах – 25,2%, что позволило собрать средства и построить мечеть [13]. Свои духовные запросы мусульмане разрешали и через образовательные структуры: статистические обзоры зафиксировали мектебе – одно в губернском центре, два в уездных городах (Ачинске и Енисейске).

Под влиянием идей джадидизма в крае возникли «Общество попечения об учащихся мусульманах в Красноярском мектебе» и «Общество попечения об учащихся мусульманах в Ачинске» [14]. Обучавшиеся там шакирды довольно быстро приняли идеи наставников, но провести их в жизнь не успели – наступила Российская революция 1917 г.

В годы Гражданской войны, как и повсеместно, мусульмане оказались разделены: жители г. Канска направили в адрес колчаковского правительства в октябре 1919 г. просьбу признать Национально-культурную автономию как отражающую устремления мусульман Сибири. В губернской столице была создана комиссия для помощи в лечении солдат-мусульман и устроен благотворительный литературный вечер. Очевидно, в умме появились не только средства, но и творческие силы, «заряженные» на активное участие в социальных проектах, не все из которых проходили под революционными лозунгами.

В партизанских отрядах и в подпольных группах с участием мусульман, наоборот, надежды возлагали на советскую власть. И поэтому сразу после ухода колчаковских войск с участием этих людей (и пришедших в составе РККА пропагандистов) созданы специальные татарские секции в структуре партийных и советских органов, а также в системе образования. И если до революции на всю губернию имелась 1 светская школа для татар, то к 1924 г. функционировало уже 12 таких школ, 9 пунктов ликвидации неграмотности, 4 сельских избы-читальни, 4 красных уголка и 4 секции при городских клубах [15. С. 36–39]. Естественно, они не удовлетворяли религиозных потребностей, а наоборот, обеспечивали базу для атеистической работы.

Между тем умма подпитывалась численно людьми, прибывшими из более религиозных регионов. Как следствие голода 1921 г. в Поволжье и Северном Казахстане мусульманами (в том числе уже в некоторых случаях только по происхождению) активно заселялись пос. Новоенисейск (с 1989 г. в составе г. Лесосибирска), а также Большемуртинский и Казачинско-Ленский районы. К 1927 г. здесь имелось 71 поселение с 13 зарегистрированными в государственных органах общинами. Там проживали 23 тыс. татар (не все мусульмане по убеждению), но в удельном отношении это составляло 1,7% населения региона. И если даже многие не позиционировали себя верующими, то в последний путь даже члены ВКП (б) отправлялись на «мусульманские» кладбища. Это делалось по настоянию родственников, и власти этому не препятствовали.

Учитывая бытовую религиозность, в инструкции по проведению Сабантуя в то время по всей стране (а не только по Восточной Сибири) рекомендовалось делать это «без мулл» и к концу посевной компании в коллективных хозяйствах [16. С. 139–140].

В книгах памяти жертв политических репрессий указаны только три имени служителей культа, репрессированных в 1930–1950-е гг. [17]. Полагаем, их было значительно больше, поскольку в Восточно-Сибирском крае находилось множество ссыльных и вольнонаёмных, задействованных при сельхоззонах (в 1935 г. размещено 3 тыс. крестьянских семей из Татарстана), в промышленном освоении Норильского (1935) и Талнахского полиметаллических месторождений, а также в связи с обустройством Севморпути, работой Дудинского рыбзавода, реализацией проектов 501-й и 503-й строек [18] и др.

Кроме того, очевидно, не включены в состав репрессированных просветители и общественные деятели, получившие образование в мектебе, подобных С.С. Касимову, в Гражданскую войну воевавшему с колчаковцами на Алтае, в начале 1930 гг. – председателя Госплана Татарской АССР, в 1937 г. осуждённого как «участник троцкистской националистической организации» к 10 годам ИТЛ. Наказание отбывал он не только на Колыме, но и на лесоразработках на Енисее – в системе КрасЛАГа и БогучанЛАГа.

Сосредоточение в Енисейском районе большого числа татар вызвало открытие в 1941 г. в райцентре татарского педучилища. Его выпускникам вменялось в обязанность и атеистическое воспитание, поскольку в 39 начальных и 3 неполных средних татарских шко-

лах региона обучались около двух тысяч рождённых в семьях «этнических мусульман».

В годы Великой Отечественной войны в ИТЛ и на оборонных предприятиях существовали тяжёлые условия, особенно для спецпереселенцев и заключённых. Суровый климат, психологический дискомфорт оказали влияние на продолжительность жизни и увеличение смертности заключённых, прибывших из более тёплого климата. Трудно пока вычленить число мусульман, но характерны общие показатели только по Норильскому ИТЛ (ГорЛАГ), где умерли: в 1941 г. – 1 090 чел. (2,6% от состава), 1942 г. – 1 215 (2,9%), 1943 г. – 885 (1,7%), 1944 г. – 639 (1,15%), 1945 г. – 660 чел. (1,08%) [19]. О соблюдении какой-либо ритуальной традиции в соответствии с требованиями религии говорить невозможно, хотя известно: там было немало активных верующих, способных совершить джаназа.

Между тем экстремальные условия войны оказали влияние на реставрацию (реанимацию) религиозных традиций, нравственных установок того поколения сибиряков, кто в силу советского атеистического воспитания уже «оторвался от почвы», питавшей столетиями их предков. Так, оказавшись после ранения в госпитале, Г.С. Валиуллин от лежащих в палате узбеков научился совершать намаз. С этими знаниями он и вернулся в д. Новый Ислам Пировского района, став активным сторонником возрождения религиозной жизни в послевоенный период.

Известно, что, власть, ослабив на время войны давление на религиозные институты, в послевоенные годы вновь активизировалась не только в атеистической пропаганде. Вновь проявили себя в борьбе с религией и её приверженцами репрессивные органы. В 1950 г., полагаем, последней жертвой подобных репрессий стал мулла из пос. Ирша Рыбинского района А. Байматов, приговорённый по 58-й статье к 10 годам [20].

Политика воинствующего атеизма коснулась не только людей: в 1952 г. в с. Казанка сняли минарет, в самом здании мечети расположили детский сад, а затем (до 2007 г.) школу. В тех условиях сосланные или приезжавшие «на заработки» мусульмане по убеждению могли только втайне, как С. Салахутдинова, с 1960-х гг., читать Коран и обучать обрядам детей.

Возрождение ранее существовавших (нелегально, на кладбищах и по домам), появление новых общин происходило в крае с конца 1980-х гг. Отчасти это связано с созданием краевого культурного центра «Ислам» [21]. Основательно отошедшие от религиозной жизни поколения выросших при советской власти стремились приобщиться к религии, воссоздать известные им по литературе или опосредованно (через семейную память) институты и ритуалы.

Неоправданные надежды возлагались на помощь извне, а ресурсы самих инициаторов были весьма ограничены. Например, ещё в 1990 г. архитектором Ф. Гильманшиным разработан проект Соборной мечети для краевого центра, но торжественное открытие состоялось лишь в 2000 г. В том году в крае проживало 44,4 тыс. татар, но затем их эмиграция увеличилась[5]. В результате в 2010 г. зафиксировано уже на 10 тыс. татар меньше, расселённых в основном в Красноярске, Лесосибирске, Норильске, в Казачинском и Пировском (там 20 из имеющихся в крае 35 селений с татарским компонентом). Вполне очевидно, что не все из них активны как прихожане, но это меняло и общую – «этническую картину» приходов.

Путь реанимации общинной жизни непрост, тем более что кроме суннитов активность проявляли шииты (в основном азербайджанцы), имея во главе таких харизматичных, как Муталиб Фазил-оглы Ибишов, с 1996 г. возглавивший их общину в областном центре [22]. Два направления ислама в крае сосуществуют, обойдя (или отложив) догматические различия и приняв во внимание обрядовые особенности. Очевидно, такой путь является оптимальным для больших городов, где есть возможность собираться для молитвенных собраний отдельно.

Иная ситуация складывается в небольших населённых пунктах или моногородах, где сами условия диктуют необходимость «оптимизации». Хорошо, если позволяют условия и есть возможности. Так, для всех единоверцев, независимо от происхождения (в том числе шиитов и суннитов), в 1998 г. М. Бекмеевым – уроженцем Норильска, построена самая северная в мире мечеть «Нурд-камаль» (названа меценатом в честь родителей), где по пятницам собиралось до 200 прихожан. Для них же рядом устроено халяльное кафе.

Этот фактор сохранения религиозных традиций актуализируется в северных условиях, где имеются трудности с обеспечением бараниной (особенно в дни праздников), которая заменена олениной (но с условием забоя по требованию шариата). Необходимость соблюдений шариата остра, и при погребении мусульман (если нет возможности отправить тело приезжего на родину), особенно в условиях затяжной зимы и близкого расположения вечной мерзлоты, она привела к выработке новых правил.

Меньше подвергнуты радикализации приверженцы адатного ислама. Так, община в Енисейске зарегистрирована в 2002 г. (руководитель У.Х. Гатаулин), а мечеть после реставрации возвращена в 2003 г. Её прихожане в основном татары из семей старожилов, сохранивших обычаи, несмотря на давление атеистической идеологии в течение 60 лет.

Весьма специфична представленная в крае группа «русских мусульман». Это условно определяемая группа неофитов, куда входят как славяне, так и немцы, корейцы и другие, часть которых психологи относят к людям с несформировавшейся или разрушенной идентичностью. Так, в краевом центре некоторое время действовала достаточно крупная группа во главе с А. Дедковым, в настоящее время осуждённым за экстремизм. Особенностью является принадлежность большинства неофитов к «Нурджулар» или другим деструктивным направлениям [23. С. 20–32].

Краевая умма стремительно изменялась в 2000-е гг., когда появились общины в Ачинске, Лесосибирске, Железногорске, Норильске, Минусинске, Назарово и Назаровском районе, селениях Новобирилюссы, Казачинское, Пировское, Казанка и др. (всего 20 общин). Предпринималась попытка создать Саянский казыят ДУМ АЧР (должен был включить и общину Минусинска), но в то время среди местных неофитов выяв-

лено определённое число лиц, вовлечённых в число экстремистских организаций, а глава ДУМ Г. Фаткуллин в 2001 г. одобрительно отозвался о сторонниках «Нурджулар».

Для консолидации уммы в 2002 г. создано ЕДУМ КК, а с 2007 г. стали ежегодно проводиться съезды, где обсуждалась, например, тема межэтнических браков.

Эта тема важна в связи с большим притоком в край мигрантов. Этническую «палитру» сильно разнообразят приезжие, увеличив умму Красноярска, Норильска, Ачинска и других городов. Исследователями отмечен рост числа мусульман (по происхождению) с 2,6% (в 1989 г.) до 3% (в 2004 г.), изменилось число выходцев с Кавказа и Центральной Азии (таджиков – в 3, киргизов – в 2 раза). В силу этого проповеди в мечетях и молельных домах идут на русском языке.

Появился мощный внешний фактор влияния на жизнь уммы – миграция. Если ранее традиционно был сильный татарский уклон, а то ныне сложился иной этнический баланс – в северной части Сибири он склоняется в сторону уроженцев Кавказа и Центральной Азии, иногда проявляясь и на уровне руководства общинами. Показательно, что среди проживавших в Красноярском крае этносов, исторически (по происхождению предков) принадлежавших к исламу, – татары: в 2010 г. – 34 828, азербайджанцы – 16 341, киргизы – 8 423; узбеки – 6 434; таджики – 6 304, но не все из них, разумеется, религиозно активны. Нормы и правила поведения, принятые на их родине и признаваемые за «подлинные», при переносе на новую территорию – в Восточную Сибирь, вступают в конфликт с принятыми в местной умме.

Вне этой региональной специфики среди членов некоторых общин отмечены призывы к активному внедрению шариата. Это вызвало настороженное отношение других групп, свидетельствуя: умма вошла в очередной поворот извилистого пути трансформации, пытаясь найти «ответ» на «вызов» времени. При этом однозначно понятое отдельными людьми суждение из Корана и Сунны приносило печальные плоды для них и безопасности России. Представляла опасность отмеченная правоохранительными органами практика сращивания радикально настроенных верующих и криминала, стремившихся пройти во власть.

Понятия «традиционный ислам» и «ваххабизм» вошли в оборот у верующих, хотя не всегда его верно классифицирующих, тем самым ещё более (нежели в административном плане) раскалывая умму. Отсутствие диалога – одна из причин её затяжного кризиса. Между тем основополагающий признак современного культурного пространства – именно диалог (через людей) светского государства и религиозных объединений.

Положение приходов разнится: в сельской местности служители культа зависимы только от исполнения треб, тогда как в больших городах и промпосёлках финансовое благосостояние зримо – по облику мечетей, жилых домов и автомобилей. Иные служители ислама уклонялись от реального участия в укреплении нравственности, имея разные «варианты духовного совершенствования»: для себя, для близкого окружения, остальных единоверцев.

В выстраивании государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений важен постоянный диалог. С этой целью при администрации края создан Совет муфтиев, но были проблемы взаимоотношений с отдельными представителями местной епархии Русской православной церкви [24].

Относительная стабильность этноконфессиональных отношений в Красноярском крае – не повод для самоуспокоения. Очевидны пути выхода из сложившейся ситуации:

– постоянный мониторинг ситуации в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений;

– просвещение верующих (собственных и приезжих) и всех жителей края на тему особенностей исторического пути, пройденного местными мусульманами;

– непрерывный диалог с разными частями уммы в дискуссиях о бытовом применении норм адата и шариата, тем более в условиях светского государства;

– изоляция, особенно в местах исполнения наказания, сторонников радикализма от остальной массы;

– развенчание экстремистских идей через пропаганду умеренного ислама, зарождение у сторонников идеологии и практики ДАИШ сомнения в законности идей и деяний;

– противодействие идеологии экстремизма и терроризма в учебных заведениях и физкультурно-спортивных организациях, в том числе через переподготовку преподавателей и тренеров.

История ислама в любом регионе земного шара, в том числе на берегах Енисея, свидетельствует о невозможности «простого» решения сложных вопросов бытия. Иные случаи из местной практики государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений имеют и международный резонанс.

Оценивая же усилия радикальных сил, важно определить направления противодействия: это не только идеи (иными лишь прикрывались), но и методы вербовки, контроля сознания, действия (в том числе противоправные), к «которым побуждаются адепты». На иных, как обладателей интеллекта и харизмы, рассчитывали салафиты, направляя шахидами.

Напротив, ценна жизнь единоверцев для приверженцев адатного ислама. Традиционно в региональной умме авторитетно мнение пожилых, у которых велико неприятие радикализма. Их отношение к исламу как к внутреннему духовному состоянию, личному отношению с Аллахом, а не жесткому соблюдению норм («шариат – в сердце») признано улемами правомерным. Оно и должно поддерживаться в местном социуме различными усилиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Надмогильный памятник с эпитафией.

[2] В суннизме нет традиции передачи святости, но почитание подвижников ислама (не поклонение им!) является одной из примет адатного ислама. Это не устраивает салафитов, особенно из новообращённых.

[3] Это почётный титул возводивших родословную к пророку Мухаммеду. В значении предводителя племенного союза или племени сейид равнозначен шейху не только в Аравии, но и в Северной Азии (иногда соединяя в имени титулатуру).
[4] Адат (обычное родовое право) – комплекс симбиозных обычаев, где в условиях Северной Азии традиции отфильтровывались, а не противоречащие догматике ислама сохранялись. Адат использовался казиями в тех случаях, когда решались вопросы и судебные дела, не оговоренные Кораном, Сунной. Сосуществование адата и шариата допускалось сознательно – в качестве средства, обеспечивающего возможность маневра, оправдывало присвоение правителем власти.
[5] Это в большей степени оказалось связано с экономическим фактором, а не с трудностями в соблюдении условий религии в повсеместно возрождавшихся группах верующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-Тас у села Копены // Труды Государственного исторического музея. Вып. 11 : сб. ст. по археологии СССР. М., 1940.
2. Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньжурские лексические связи. М., 2007. С. 126–127.
3. Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху Средневековья : сб. ст. Томск, 1984.
4. Бродников А.А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки по истории города и уезда. Красноярск, 1994.
5. Соболев М. Пути сообщения в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
6. Пузанов В.Д. Служилые люди Тобольска и присоединение к русскому государству Енисейского края // Тобольск научный – 2013 : материалы X Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти А.А. Дунина-Горкавича. Тобольск, 2013.
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л., 1988. Т. 3.
8. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2011.
9. Перинов В.В. Мусульмане в Забайкалье: середина XIX века – 1917 год : автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2010.
10. Лысенко Ю.А. Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века) : материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2006.
11. Татары. URL: http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/tatary (дата обращения: 25.03.2016).
12. Статистический обзор Енисейской губернии за 1911 год. Красноярск, 1912.
13. Домнина А.Н. Архитектура в культуре ислама (на примере Красноярской соборной мечети) // Инновационные процессы в современном образовании России как важнейшая предпосылка социально-экономического развития общества и охраны окружающей среды : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2010.
14. Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск, 1916.
15. Прокудина С.В. Татары города Красноярска в 20-е годы XX века // Культура города: традиции и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2006. Ч. 1.
16. Каримова О.Н., Бахор Т.А. Мифопоэтическая основа Сабантуя // Молодежь и наука: реальность и будущее: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Невинномысск, 2009. Т. 2.
17. Книга памяти Красноярского края. Номер дела: П-473.
18. Гриценко В., Калинин В. 501/503. История «мертвой дороги». Екатеринбург, 2010.
19. Бугай Н.Ф. Л. Берия – Сталину: «Согласно Вашему указанию…». М., 1995.
20. Ярков А.П. Репрессированные имамы Сибири и Дальнего Востока // Второй научно-практический семинар «Репрессированная сибирская провинция». Новосибирск, 2017.
21. Ислам на территории Красноярского края // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее : матер. Междунар. конф., посв. 75-летию Красноярского края : [в 2 т.]. Красноярск, 2009. Т. 2.
22. Для мусульманина не знать хотя бы суру «Фатиха» стыдно // Исламский край. 2009. Июль.
23. Ярков А.П. О «русских мусульманах» как угрозе национальной безопасности России // Феномен новообращенных мусульман в современной России : сб. докл. конф. 2016.
24. Победила справедливость – в Ачинске заложили первый камень мечети. URL: http://www.islamnews.ru/news-6689.html (дата обращения: 25.03.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

THE UMMAH OF KRASNOYARSK KRAI IN THE PAST AND PRESENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 197–205.
DOI: 10.17223/15617793/422/28

Aleksandr P. Yarkov, Tumen State Universitet (Tumen, Russian Federation). E-mail: ayarkov@rambler.ru
Aleksandr N. Starostin, Ural University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alisheria@mail.ru

Keywords: Islam in Krasnoyarsk Krai; problem of ummah development.

The authors consider the history of the formation of the ummah in Krasnoyarsk Krai in dynamics: from the Middle Ages to the present. They use a variety of sources, allowing an objective view of the internal and external assessment of its condition. Being at the Northern branches of the Great Silk Road, the people of the territory did not become supporters of Islam, but enjoyed the achievements of Islamic civilization that had some success in the Middle Ages. The authors analyzed the restructuring of the Ummah, which evolved over time. It began with the serving Tatars, supporters of adat Islam, who came to the region. Their stay was temporary, they only served for a year. Later it included settled merchants, farmers, exiles, who professed the Islamic religion, which in the Russian Empire was recognized as “tolerable”. There was not always the possibility for the construction of mosques, due to small communities or lack of funds. The revolution of 1917 and the civil war split the Ummah by political orientations, and subsequent events in the Soviet years reduced the number of community members. Believers experienced limitations. Still, tradition, confession, knowledge of Arabic, though minimal, were maintained at the level of the family. Industrial development (especially in conjunction with BAM construction) increased the number of people historically belonging to Islamic culture, but there were not many active practices up to the 1990s. Migrants became a resource of re-Islamization (alternatively referred to as the Renaissance or the emergence of new communities) of the territory of Krasnoyarsk Krai. This process mainly concerned the major cities and places of compact residence of the descendants of pioneers, with the overall weakness in the theological training of indigenous leaders. Immigrants sometimes bring radical ideas contrary to the traditions of adat Islam and “splitting” the community. However (given the whole range of factors), the authors come to a conclusion that at the present stage many sound elements of the institutions of the Ummah have been formed. At the same time, the ethnocultural identity, given the emergence of different groups of neophytes, is transforming. Recommendations are offered to prevent extremism.

REFERENCES

1. Evtyukhova, L.A. & Kiselev, S.V. (1940) Chaa-Tas u sela Kopeny [Chaatas near the village of Kopeny]. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 11. Moscow: GIM.
2. Anikin, A.E. & Khelimskiy, E.A. (2007) *Samodiysko-tunguso-man'zhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyedic-Tungus-Manchurian lexical connections]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Kyzlasov, L.R. (1984) Torgovye puti i svyazi drevnekhakasskogo gosudarstva s Zapadnoy Sibir'yu i Vostochnoy Evropoy [Trade routes and connections of the ancient Khakass state with Western Siberia and Eastern Europe]. In: *Zapadnaya Sibir' v epokhu Srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Brodnikov, A.A. (1994) *Eniseyskiy ostrog. Eniseysk v XVII veke: Ocherki po istorii goroda i uezda* [The Yenisei Prison. Eniseysk in the 17th century: Essays on the history of the city and the county]. Krasnoyarsk: Izd-vo "Eniseyskiy blagovest".
5. Sobolev, M. (1908) Puti soobshcheniya v Sibiri [Transportation ways in Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Izdanie A. Fund Devriena.
6. Puzanov, V.D. (2013) [Serving people of Tobolsk, and annexation of the Yenisei region by the Russian state]. *Tobol'sk nauchnyy – 2013* [Scientific Tobolsk – 2013]. Proceedings of the 10th All-Russian conference in memory of A.A. Dunin-Gorkavich. Tobolsk. (In Russian).
7. Dostoevsky, F.M. Sobranie sochineniy: [v 15 t.] [Works: [in 15 vols]]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
8. Bakieva, G.T. (2011) *Obychay i zakon. Ocherki pravovoy kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX veka* [Custom and law. Essays on the legal culture of Siberian Tatars in the eighteenth to early twentieth centuries]. Novosibirsk: Akad. izd-vo "Geo".
9. Perinov, V.V. (2010) *Musul'mane v Zabaykal'e: seredina XIX veka – 1917 god* [Muslims in Transbaikalia: the middle of the 19th century – 19 17]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
10. Lysenko, Yu.A. (2006) [Orthodoxy and Islam in the Altai in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (etnokonfessional'nye konflikty i vyzovy XXI veka)* [Contemporary Russia and the World: Alternatives to Development (Ethno-Confessional Conflicts and Challenges of the 21st Century)]. Proceedings of the international conference. Barnaul. (In Russian).
11. The Tatars. [Online] Available from: http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/tatary. (Accessed: 25.03.2016). (In Russian).
12. Yenisei Province Printing Office. (1912) *Statisticheskiy obzor Eniseyskoy gubernii za 1911 god* [Statistical review of Yenisei Province for 1911]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubernskaya tipografiya.
13. Domnina, A.N. (2010) [Architecture in the culture of Islam (on the example of the Krasnoyarsk cathedral mosque)]. *Innovatsionnye protsessy v sovremennom obrazovanii Rossii kak vazhneyshaya predposylka sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva i okhrany okruzhayushchey sredy* [Innovative processes in the modern education of Russia as the most important prerequisite for the socio-economic development of society and environment protection]. Proceedings of the international conference. Krasnoyarsk: SFU. (In Russian).
14. Yenisei Province Printing Office. (1916) *Statisticheskiy obzor Eniseyskoy gubernii za 1915 god* [Statistical review of Yenisei Province for 1911]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubernskaya elektro-tipografiya.
15. Prokudina, S.V. (2006) [Tatars of the city of Krasnoyarsk in the 1920s]. *Kul'tura goroda: traditsii i sovremennost'* [Culture of the city: traditions and modernity]. Proceedings of the All-Russian conference. Vol. 1. Sterlitamak. (In Russian).
16. Karimova, O.N. & Bakhor, T.A. (2009) [Mythopoetic basis of Sabantuy]. *Molodezh' i nauka: real'nost' i budushchee* [Youth and science: reality and future]. Proceedings of the international conference. Vol. 2. Nevinnomyssk.
17. *Memorial Book of Krasnoyarsk Krai.* File number P-473. (In Russian).
18. Gritsenko, V. & Kalinin, V. (2010) 501/503. Istoriya "mertvoy dorogi" [501/503. The story of the "dead road"]. Yekaterinburg: Basko.
19. Bugay, N.F. (1995) *L. Beriya – Stalinu: "Soglasno Vashemu ukazaniyu…"* [L. Beria to Stalin: "According to your instructions"]. Moscow: AIRO – XX.
20. Yarkov, A.P. (2017) [Repressed Imams of Siberia and the Far East]. *Repressirovannaya sibirskaya provintsiya* [Repressed Siberian Province]. Proceedings of the second seminar. Novosibirsk. (In Russian).
21. Izluchenko, T.V. (2009) [Islam in the territory of Krasnoyarsk Krai]. *Krasnoyarskiy kray: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Krasnoyarsk Krai: past, present, future]. Proceedings of the international conference devoted to the 75th anniversary of Krasnoyarsk Krai [in 2 vols]. Vol. 2. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. (In Russian).
22. Islamskiy kray. (2009) Dlya musul'manina ne znat' khotya by suru "Fatikha" stydno [For a Muslim it is a shame not to know at least the surah Al-Fatihah]. *Islamskiy kray*. July.
23. Yarkov, A.P. (2016) [On the "Russian Muslims" as a threat to Russia's national security]. *Fenomen novoobrashchennykh musul'man v sovremennoy Rossii* [The phenomenon of newly converted Muslims in modern Russia]. Proceedings of the conference. [Online] Available from: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A1%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%A0_%D0%90_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%85_%D0%98%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%BD_(%D0%90%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%BD)_%D0%B8_%D0%B4%D1%80_%D0%A4%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD_%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85/6.
24. Islamnews.ru. (2007) *Pobedila spravedlivost' – v Achinske zalozhili pervyy kamen' mecheti* [The justice won: in Achinsk they laid the first stone of the mosque]. [Online] Available from: http://www.islamnews.ru/news-6689.html. (Accessed: 25.03.2016). (In Russian).

Received: 26 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 206–210. DOI: 10.17223/15617793/422/29

ПРАВО

УДК 342.92

С.В. Ведяшкин

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Рассмотрены понятие административных процедур в современных условиях, их виды и особенности административных процедур охранительной направленности. Анализируется их система в контексте формирования новой парадигмы административного процедурного производства. В результате исследования сделаны следующие выводы: ряд административных процедур «позитивного» содержания характеризуется ярко выраженной охранительной направленностью; необходимо современное переосмысление структуры административного процесса и его соотношения с административным процедурным производством.

Ключевые слова: административные процедуры; административное процедурное производство; виды административных процедур; административное процессуальное право.

Всякий раз, говоря о проблеме юридических процедур, процедурного производства, процедурных норм, независимо от их отраслевой принадлежности, исследователь вынужден обращаться к определению дефиниций выделенных понятий. Предопределено, пожалуй, это следующими обстоятельствами: во-первых, подчинение требованиям выстраивания логики научного исследования, создание для него определенного «фундамента», «остова», позволяющего получить планируемые результаты и обосновывать, доказывать, если угодно, их верность – научную состоятельность; во-вторых, извечная дилемма юриспруденции – соотношение таких категорий, как «материальные», «процедурные» и «процессуальные» нормы.

Подавляющее большинство исследований в области административного процесса, административных процедур начинается с решения выделенных проблем. Зачастую исследователи обращаются к анализу юридического процесса как общей категории, в последующем рассматривая его часть – административный процесс, и затем, исследуя структуру последнего, выделяют «управленческий процедурный административный процесс» [1. С. 94] или «административные процедуры как составной элемент административного процесса» [2. С. 104–105].

Безусловно, приведенными позициями не ограничивается весь спектр приемов, используемых ведущими учеными-административистами при анализе административного процесса и его структуры. Стоит подчеркнуть очевидное – существует значительное количество разноплановых, противоречивых определений этой административно-правовой категории, к числу ведущих ученых, внесших значительный вклад в развитие, становление, совершенствование административного процесса, административного процессуального права, стоит отнести А.Б. Зеленцова, А.И. Каплунова, П.И. Кононова, Л.Л. Попова, Б.В. Россинского, Н.Г. Салищеву, П.П. Серкова, В.Д. Сорокина, Ю.Н. Старилова, С.А. Старостина, А.И. Стахова, С.С. Студеникина, М.С. Студеникину, Ю.А. Тихомирова и многих других.

В теоретических определениях доминирует «широкий подход» к пониманию административно-процессуального законодательства и административного процесса. Профессор С.А. Старостин обоснованно полагает, что «настало время уйти от такого понимания: революционные выводы 60-летней давности, сделанные нашими коллегами, сегодня не имеют под собой содержательных оснований. Сегодня как никогда актуальна проблема юридической формализации управленческих отношений органов исполнительной власти… Уже всем понятно, что управленческий процесс (процесс власти-подчинения) и юрисдикционный (административный) процесс объединить невозможно: управленческий процесс по своему характеру является позитивным, а юрисдикционный – сугубо правоохранительным» [2. С. 102–103]. Вместе с тем современная научная парадигма объединяет их в единую категорию «административный процесс», придавая ей ярко выраженный интегративный характер.

Элементарный анализ основополагающих административно-правовых понятий и их дефиниций, таких, например, как государственное управление, исполнительная власть, полномочия и функции органов исполнительной власти, позволяет административный процесс и его процедурную составляющую возвести в ранг базовых, основных понятий, используемых в административно-правовой науке и законодательстве. Л.Л. Попов весьма точно заметил, что без административного процесса и его составной части административно-процедурного (управленческого) процесса, который является юридической формой реализации государственного управления, исполнительной власти, невозможно осуществление управленческой деятельности [1. С. 93].

В этой связи допустимым замечанием может являться упоминание о необходимости анализа динамической составляющей государственного управления, поскольку, говоря о предоставленных полномочиях, компетенции конкретного органа исполнительной власти, иных элементах его административного правового статуса, мы неизменно характеризуем его статическое состояние. Напротив, административные процедуры – совокупность административно-процедурных норм, обеспечивают «подвижность», динамику государственного управления, выступая ее «кровеносными сосудами», являясь формой его осуществления.

Учитывая приведенный тезис, мы должны понимать, что, нерешенность, дискуссионность проблем теоретического характера, в части определения административного процесса, административного процессуального законодательства, их структуры, отсутствие единообразного регулирования административных производств не позволят в практической деятельности публичным субъектам качественно, эффективно, без реального прогресса обеспечить защиту прав и законных интересов индивидуальных и коллективных субъектов. Заслуживает внимания прозорливое замечание Ю.Н. Старилова о том, что «проблема надлежащей правовой регламентации административных процедур останется малопривлекательной для законодателя по своим политико-правовым задачам и конструктивным основаниям» [4. С. 15]. Спустя практически три года подмеченная незаинтересованность нормотворческих органов более чем очевидна, судорожное обеспечение практической сферы деятельности разрозненными нормативными актами, обеспечивающими регламентацию действий органов государственного управления в различных сферах, отраслях экономики качественному, надлежащему опосредованию административных процедур не способствует, усугубляя и без того сложную, излишне урегулированную деятельность административных органов.

В очередной раз требуется заострить внимание на необходимости принятия единого нормативного акта в этой сфере, стоит подчеркнуть его чрезвычайную важность. В сложившихся непростых социальных, экономических и политических условиях, публичной администрации требуется «концептуальный стержень» ее деятельности и действий, в качестве которого может и должен выступить ФЗ «Об административном производстве». Общество не меньше заинтересовано в скорейшем принятии указанного системообразующего нормативного акта, поскольку административные процедуры, по мнению В.Ю. Синюгина, являются одним из важнейших современных и эффективных правовых ограничений для публичной власти, обеспечивают становление правового государства и реализацию норм, закрепленных в Конституции РФ [5. С. 30], что также является «краеугольным камнем» в построении эффективной системы государственного управления в нашей стране.

Анализ законодательства об административных процедурах и производствах ряда стран позволяет выделить их две основные группы: те государства, которые пошли по пути комплексного регулирования административных процедур или производств, посредством принятия единого нормативного акта; другая группа имеет ряд разрозненных нормативных актов, в соответствии с которыми органы публичной власти осуществляют свои действия. К первой относятся: Венгрия (Закон 1957 г. «Об общих постановлениях административного процесса»), Болгария (Закон 1970 г. «Об административном производстве»), Польша (Административно-процессуальный кодекс Республики Польша, 1960 г.), Чехия (Закон 1996 г. «Об административном процессе»), Эстония (Административно-процессуальный кодекс Эстонии, 1999 г.), Казахстан (Закон 2000 г. «Об административных процедурах»), Германия (Закон 1976 г. «Об административных процедурах»), США (Правила административной процедура 1946 г.), а также Греция, Румыния, Испания, Канада, Беларусь и т.д.

К странам, не имеющим единого законодательства об административном производстве в административных органах, относятся Англия, Франция, Италия и, соответственно, Россия и др. Представляется, что отечественному законодателю требуется повторный, дополнительный акцент Президента РФ, который в далеком 2003 г. обратил внимание в Послании Федеральному Собранию на необходимость оформления эффективно работающего механизма разрешения споров между гражданином и государством за счет совершенствования административных процедур и судебных механизмов.

В ряде работ ведущих ученых в области административного права и процесса обращается внимание на определенные аспекты, характеризующие административные процедуры с позиций: во-первых, некоего определенного порядка; во-вторых, определенного вида деятельности; в-третьих, определенного комплекса специальных правовых норм [3. С. 109–111]. В административно-правовой литературе содержание первого признака приводится в контексте: административно-властных полномочий, направленных на разрешение юридического дела или выполнения управленческой функции (Ю.Н. Старилов); совершения последовательных действий по разрешению административным органов индивидуально-юридического дела (Ю.А. Тихомиров). Вторая особенность так же имеет различные дефиниции, например: урегулированная нормами права правоприменительная деятельность исполнительных органов по разрешению ими юридических дел в пределах предоставленных полномочий (И.М. Лазарев); урегулирование правовых споров (С.Н. Соловцов); защита прав и свобод человека и гражданина (В.В. Власенков) и т.д.

Признавая обоснованность приведенных тезисов относительно административных процедур, обращает на себя внимание то, что любое управленческое действие органов исполнительной власти определенно является строго регламентированной совокупностью процедурных норм. «Пошаговая», детально упорядоченная совокупность административных процедур составляет в комплексе административное производство.

Стоит признать, что «административная процедура» – весьма сложная правовая категория, имеющая многоаспектные грани характеризующие ее. Исследование процедурной деятельности публичных органов в контексте управленческого процесса, как справедливо отмечает Л.А. Мицкевич, позволяет взглянуть на них с иной стороны [6. С. 61], что, в конечном счете, отражается на его структуре.

Доминирующей позицией в административно-правовой литературе является выделение в структуре административного процесса двух элементов: административно-процедурного (управленческого) и административно-юрисдикционного (правоохранительного). В отношении административных процедур отмечается их позитивный характер (в любом управленческом процессе решается вопрос (проблема) положительного содержания); направленность на обеспе-

чение реализации прав индивидуальных субъектов и законных интересов организаций является в основе своей бесспорной, поскольку отсутствует потребность в оценке поведения сторон.

Напротив, административно-юрисдикционный процесс является сугубо правоохранительным, обеспечивая защиту прав, свобод и законных интересов субъектов управленческих отношений – участников юрисдикционного производства, в основе которого находится конфликт. По мнению Л.Л. Попова, наряду с указанными структурными частями административного процесса необходимо рассматривать третий элемент – административное судопроизводство [1. С. 94].

Очевидно, что в основе доминирующей в литературе структуры административного процесса лежит такой критерий, как характер взаимодействия субъектов управления и подчинения.

Используя иные подходы к анализу процедурного производства, о чем упоминалось ранее, например, опираясь на такой управленческий критерий, как функции органов исполнительной власти (или иными словами, виды деятельности), порождаются основания для разделения на правоустановительные, правоприменительные и правоохранительные виды процесса [7. С. 384].

Административный процесс, независимо от используемого подхода, аспектов его исследования, избираемых критериев, представляет собой организованную определенным образом систему. Любая система имеет единую цель (бесцельных систем не бывает) и заданную программу по ее достижению. Подчиненные единому алгоритму управления административные процедуры и административно-юрисдикционная составляющие отраслевого процесса «демонстрируют наличие определяющих признаков, которые позволят относить их к единой системе» [8. С. 21].

Практически любое обращение исследователей к проблеме административных процедур, в том числе в контексте системного подхода, связано с анализом элементов, образующих их содержание. Л.Л. Попов говорит о том, что перечислить все административные процедуры не представляется возможным, относя к основным их видам: процедуру по принятию нормативных актов государственного управления; процедуру по рассмотрению предложений и заявлений граждан и обращений организаций; лицензионно-разрешительную и регистрационную процедуры; процедуру по выдаче актов гражданского состояния; процедуру предоставления государственных услуг; аттестационные и аккредитационные процедуры; патентную процедуру; процедуру, связанную с осуществлением контроля и надзора; процедуру, по отчислению обучающихся; процедуру установления личности иностранного гражданина и др. [1. С. 98]. Обращает на себя внимание включение в этот перечень процедур, на первый взгляд, иной отраслевой принадлежности.

Соглашаясь с мнением А.В. Сладковой, отметим, что административная процедура будет иметь место тогда, когда приходится сталкиваться с реализацией компетентными органами или должностными лицами задач и функций в сфере государственного управления, т.е. юридическим результатом [9. С. 192], в основе которого лежит бесспорный, позитивный характер.

Учитывая значительное количество административных процедур, исследователи вынуждены прибегать к их группированию, классификации по определенным критериям. Так, О.В. Морозова в своем диссертационном исследовании обратилась к следующим критериям деления административных процедур на виды: по объектам управления (направленные на физических, юридических лиц или смешанные группы лиц); уровню регулирования (осуществляемые на федеральном или региональном уровнях); стадиям; по институтам; субъектам управления и т.д. В то же время акцентируется внимание на общем характере подобных классификаций, с чем нельзя не согласиться.

Использование задач, функций, стоящих перед государством, в контексте соответствующих административных процедур, обеспечивающих удовлетворение публичного или частного интереса, представляется более продуктивным и обоснованным подходом. В этой связи необходимо выделять охранно-ограничительные: лицензионно-разрешительные, контрольно-надзорные (обеспечивают публичные интересы государства, посредством установления специальных требований и ограничений, контроля над их соблюдением), и наделительные: правопредоставительные, регистрационные, по рассмотрению предложений и поощрительные процедуры (обеспечение частного интереса путем принятия государственно-властных актов или совершения юридически значимых действий) [10. С. 44–46]. Означает ли это, что административные процедуры участвуют в реализации охранительной функции административного права, играя своего рода обеспечительную роль, например, при осуществлении определенных видов деятельности.

На первый взгляд, напрашивается однозначный отрицательный ответ, поскольку доминирующей научной концепцией определено, что правоохранительными являются производства административно-юрисдикционного характера, административно-процедурные таковыми особенностями не отличаются. По мнению И.В. Пановой, административно-юридикционный процесс всем своим содержанием призван осуществлять охранительную функцию, реализующуюся при разрешении споров, принудительных мер, оказывая принудительное воздействие на сознание людей, содержит возможность использования контрольно-предупредительных мер в целях устранения причин, порождающих правовые конфликты [11. С. 104].

В юридической литературе является устоявшимся отнесение контрольно-надзорных процедур, без каких-либо оговорок и исключений, к административным. Действующее законодательство определило, что данный вид процедурной деятельности направлен на предупреждение, выявление и пресечение нарушений гражданами, организациями, индивидуальными предпринимателями требований действующего законодательства. В этом контексте понятно, что анализируемая часть административного процесса не лишена охранительного наполнения, профессор И.В. Панова также признает их охранительную направленность, но все же относит их к административно-юрисдикционным производствам.

Детальный анализ отдельных видов административных процедур, основанный на ранее приведенных критериях (удовлетворение публично или частного интереса), позволяет рассматривать их как совокупность норм, обеспечивающих охрану жизненно важных интересов. Например, лицензионно-разрешительные процедуры направлены на обеспечение режима безопасности индивидуальных и коллективных субъектов, государства в целом, в основе своей обеспечивая предотвращение прав частных субъектов, что является определяющим признаком в отнесении их к охранительно-ограничительным процедурам, подчеркивающим их охранительную направленность и содержание.

Определенной оригинальностью отличается позиция О.С. Беркутовой, которая предложила выделять экзаменационно-конкурсное и экспертно-удостоверительное производство [12]. Представляется, что экзаменационно-конкурсное производство является подвидом основных административных процедур, к числу которых традиционно относятся лицензионно-разрешительные, регистрационные, правотворческие процедуры, а также рассмотрение обращений граждан и организаций (исключая жалобы), чего не скажешь об экспертно-удостоверительном, отличающемся специфическими признаками.

В этой связи заслуживает внимания авторитетное мнение В.Д. Сорокина: «...административные производства обладают таким качеством, как органическая способность интенсивно пополняться новыми производствами» [13. С. 634], поскольку их появление обусловлено потребностями современного этапа развития нашего государства, реформами в различных сферах, которые зачастую вызывают к жизни новые общественные отношения, требующие адекватного правового опосредования. Появление новых видов административных процедур, ранее не известных правовой доктрине, является вполне логичной и органичной тенденцией, в контексте возрастания социальной роли соответствующих норм. Нормотворческие органы в этих случаях стремятся облечь в правовую форму полезные, устойчивые модели взаимодействия членов социума, придавая им определенную упорядоченность, легализуя их. Очевидно, главенствующую роль в этом будут выполнять юридические (правовые) процедуры различной отраслевой принадлежности, в том числе и административные.

Целью экспертно-удостоверительных административных процедур является официальное установление или подтверждение определенных фактов, имеющих значение для лиц их инициировавших. К числу таких процедур, учитывая приведенный критерий, можно отнести: государственную экологическую экспертизу, экспертизу промышленной безопасности опасных производственных объектов (эколого-экспертные процедуры), экологическую сертификацию, экологический аудит, градостроительную экспертизу и иные виды экспертно-удостоверительных действий, осуществляемых органами государственного управления.

Свое формальное закрепление, объективирование большинство из них получили на уровне норм законодательства об охране окружающей среды, недрах, животном мире, лесах и водных объектах. Зачастую в указанных отраслях детально, «пошагово» регламентируются правила поведения субъектов соответствующих отношений. Элементарный анализ природоохранного и природоресурсного законодательства позволяет сделать вывод о том, что в их основе лежит административно-правовой механизм. Публичность отношений, специфическая роль государства, его органов в них, охранительная направленность норм отраслей в известной степени позволяют сделать подобное заключение. Чем сказанное, в очередной раз, не иллюстрация охранительной направленности административных процедур, обеспечивающих охрану окружающей среды, посредством предотвращения негативного воздействия на нее, отдельные компоненты на различных стадиях осуществления хозяйственного процесса?

Приведенные в статье размышления призваны показать, что отмеченный в начале данной работы тезис С.А. Старостина имеет более чем весомые аргументы. Полагаю, что в России пришло время основательно обсудить вопрос о становлении административного процедурного права, беря за основу его выделения отнюдь не те критерии, на которые опирается современная парадигма административного процесса, в том числе воспринимающая достаточно чужеродно административные регламенты – порождение иной правовой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Л.Л. Административные процедуры: проблемы теории, законодательства и практики // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2016. № 5 (21). С. 92–99.
2. Старостин С.А. О соотношении понятий «административный процесс», «административное производство», «административные процедуры» // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2016. № 5 (21). С. 100–106.
3. Стахов А.И. К вопросу о необходимости разработки Федерального закона «Об административном производстве» // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2016. № 5 (21). С. 107–117.
4. Старилов Ю.Н. Станет ли кодекс административного судопроизводства Российской Федерации основой для развития законодательства об административных процедурах // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 15–22.
5. Синюгин В.Ю. Административная процедура: проблемы дефиниции // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 30–33.
6. Мицкевич Л.А. Административные процедуры как вид управленческих процедур // Актуальные вопросы публичного права. 2015. № 3 (33). С. 56–70.
7. Административное право : учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 2000. 678 с.
8. Ведяшкин С.В. Функции современного административного права и их система // Административное право и процесс. 2017. № 1. С. 18–22.
9. Сладкова А.В. К вопросу об административно-процедурном процессе и административных процедурах // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2016. № 5 (21). С. 190–195.
10. Морозова О.В. Административные процедуры в РФ, США, ФРГ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 214 с.
11. Панова И.В. Административно-процессуальное право России. 4-е изд., пересмотр. М. : Норма: ИНФРА, 2016. 288 с.
12. Беркутова О.С. Административно-процедурные производства в сфере исполнительной власти : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 205 с.

13. Сорокин В.Д. Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 1086 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июня 2017 г.

ADMINISTRATIVE PROCEDURES OF PROTECTIVE DIRECTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 206–210.
DOI: 10.17223/15617793/422/29

Sergey V. Vedyashkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: served@rambler.ru

Keywords: administrative procedures; administrative procedural proceeding; types of administrative procedures; administrative procedural law.

This article discusses the notion of administrative procedures under modern conditions, their types and features of administrative procedures of protective direction. The author analyzes their system with reference to the formation of a new paradigm of administrative procedural litigation, determines its place in administrative procedural law. When writing this article, the author examines the mechanism of administrative procedural mediation of regulatory relations, specifies the place of administrative-procedural litigation in the system of other procedural regulators, explains the necessity to adopt Federal Law "On Administrative Proceeding", determines other criteria for classifying administrative proceedings elements, analyzes administrative procedures in the context of implementation of the protective function of administrative law. The author uses methods of system analysis, dialectical, logical, comparative methods, method of analysis and synthesis, method of induction and deduction. The author gets the following results of the research. 1. Administrative proceeding demand a relevant, single regulatory mediation – adoption of Federal Law "On Administrative Proceeding". 2. Applying functions and aims set before the state in the context of corresponding administrative procedures, satisfying public and personal interests seem a more productive and reasonable approach that helps to identify protective- restrictive (license-permissive, monitoring-supervisory) and providing procedures its types. 3. A range of administrative procedures of "positive" content are characterized by a prominent protective directionality; they contribute to the implementation of the protective function of administrative law, being a kind of an injunctive measure. 4. Monitoring-supervisory proceeding aims to prevent, expose and control offences, which emphasizes its protective interpretation. 5. Expert certifying administrative procedures show the protective direction of administrative procedures, providing the protection of environment. 6. A modern reinterpretation of the administrative proceeding structure and its correlation with administrative procedural litigation in the context of the formation of administrative procedural law is required.

REFERENCES

1. Popov, L.L. (2016) Administrative procedures: theoretical, legislative and practical problems. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 5 (21). pp. 92–99. (In Russian).
2. Starostin, S.A. (2016) On the relation between the concepts of "administrative process", "administrative proceedings", "administrative procedures". *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2016. 5 (21). pp. 100–106. (In Russian).
3. Stakhov, A.I. (2016) To the question about necessity of development of the Federal Law "On Administrative Proceeding". *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 5 (21). pp. 107–117. (In Russian).
4. Starilov, Yu.N. (2015) Stanet li kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii osnovoy dlya razvitiya zakonodatel'stva ob administrativnykh protsedurakh [Will the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation become the basis for the development of legislation on administrative procedures]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 2015. 11. pp. 15–22.
5. Sinyugin, V.Yu. (2014) Administrativnaya protsedura: problemy definitsii [Administrative procedure: problems of definition]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 10. pp. 30–33.
6. Mitskevich, L.A. (2015) Administrative procedures as a type of management procedures. *Aktual'nye voprosy publichnogo prava – The topical issues of public law*. 3 (33). pp. 56–70. (In Russian).
7. Kozlov, Yu.M. & Popov, L.L. (eds) (2000) *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]. Moscow: Yurist".
8. Vedyashkin, S.V. (2017) Funktsii sovremennogo administrativnogo prava i ikh sistema [Functions of modern administrative law and their system]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 1. pp. 18–22.
9. Sladkova, A.V. (2016) To the question of administrative-procedural process and administrative procedures. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 5 (21). pp. 190–195. (In Russian).
10. Morozovaб O.V. (2010) *Administrativnye protsedury v RF, SShA, FRG* [Administrative procedures in Russia, USA, Germany]. Law Cand. Diss. Moscow.
11. Panova, I.V. (2016) *Administrativno-protsessual'noe pravo Rossii* [Administrative Procedural Law of Russia]. 4th ed. Moscow: Norma: INFRA.
12. Berkutova, O.S. (2005) *Administrativno-protsedurnye proizvodstva v sfere ispolnitel'noy vlasti* [Administrative procedural proceedings in the executive branch of power]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Sorokin, V.D. (2005) *Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

Received: 06 June 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 211–217. DOI: 10.17223/15617793/422/30

УДК 336.143.21

Д.В. Дементьев

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Рассмотрены бюджетные правоотношения для обеспечения самостоятельности бюджетов муниципальных образований. Показана большая зависимость местных бюджетов от межбюджетных трансфертов из вышестоящих бюджетов. Проанализирована структура доходов бюджетной системы Новосибирской области за период 2013–2015 гг. По результатам анализа предложены направления улучшения бюджетных отношений, позволяющие укрепить доходную базу бюджетов городских и сельских поселений.

Ключевые слова: бюджеты; бюджетные правоотношения; межбюджетные трансферты; городские и сельские поселения.

Основные направления совершенствования межбюджетных отношений были определены почти 20 лет тому назад в Постановлении правительства РФ от 30.07.1998 № 862 «О концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 годах», но за этот период задачи и направления совершенствования межбюджетных отношений многократно уточнялись. Усложнение методов регулирования социально-экономического развития муниципальных образований обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования межбюджетных отношений в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации.

В Бюджетном кодексе (БК РФ) гл. 16 до 2004 г. называлась «Межбюджетные отношения», после внесения изменений Федеральным законом от 20.08.2004 г. № 120 стала называться «Межбюджетные трансферты», что отразило сложившуюся практику понимания этих отношений. В действующей редакции БК РФ не определены понятия «субсидия» и «субвенция», они были исключены в 2008 г., в результате чего утрачен единый подход к определению сущности межбюджетных трансфертов.

В проекте Бюджетной стратегии России на период до 2030 г. предусмотрено постепенное совершенствование межбюджетных отношений. Например, В.В. Левина считает перспективным направлением совершенствования правовой базы по регулированию межбюджетных отношений их индивидуализацию, позволяющую учитывать специфику отношений с поселениями [1].

Следует признать, что характер и тенденции бюджетных правоотношений в субъектах Российской Федерации определяются многими факторами: географическими, демографическими, историческими, а в итоге – уровнем социально-экономического развития отдельных территорий, их экономическим потенциалом. Соблюдение интересов всех включенных в бюджетную систему публично-правовых образований остается проблематичным.

Впервые термин «межбюджетные отношения» в ст. 6 БК РФ появился в 2004 г., а в 2008 г. статья изложена в новой редакции, в которой дано такое определение межбюджетным отношениям: «...межбюджетные отношения – взаимоотношения между публично-правовыми образованиями по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса». Следовательно, важно представлять содержание бюджетных правоотношений и организацию бюджетного процесса, по которым могут быть взаимоотношения между публично-правовыми образованиями, т.е. между субъектами гражданского права.

В Бюджетном кодексе нет определения бюджетным правоотношениям, но в ст. 1 указано, что к ним относятся отношения, возникающие между субъектами бюджетных правоотношений в процессе: формирования доходов и осуществления расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, проведения государственных и муниципальных заимствований, регулирования государственного и муниципального долга; составления и рассмотрения проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утверждения и исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, контроля над их исполнением, осуществления бюджетного учета, составления, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности.

В публикациях существует множество разных трактовок понятия «межбюджетные отношения», которые уточняют определение, данное в Бюджетном кодексе, но они различаются между собой кругом вопросов, включаемых в бюджетные правоотношения, складывающиеся между органами власти разных уровней в сфере бюджетной деятельности. Так, например, в Большом бухгалтерском словаре написано, что межбюджетные отношения – это отношения между органами государственной власти, местного самоуправления по поводу распределения (в основном по вертикали бюджетной системы) налогов и других платежей в части бюджетных доходов в порядке бюджетного регулирования. Такое определение нельзя признать удачным, оно больше соответствует вопросам бюджетного регулирования, не указывает на связь с бюджетным процессом. Кроме того, важно заметить, что в настоящее время в Бюджетном кодексе налоги строго закреплены за соответствующими бюджетами, т.е. определены перечень и нормативы зачислений федеральных налогов, налогов по специальным налоговым режимам, подлежащих зачислению в доходы конкретных бюджетов субъектов Российской Федерации.

Бюджетное правоотношение представляет собой разновидность правовых отношений, поэтому имеет общие признаки и некоторые особенности, которые вытекают из природы бюджетных правоотношений

как вида финансовых правоотношений. Бюджетные правоотношения возникают по поводу определения компетенций органов государственной власти и органов местного самоуправления в процессе осуществления бюджетного процесса, они изменяются и прекращаются в процессе функционирования бюджетов разных уровней бюджетной системы. В финансово-кредитном энциклопедическом словаре сказано, что бюджетные отношения – это регулируемые бюджетным законодательством отношения, возникающие в бюджетном процессе между его участниками, а также между субъектами этих правоотношений в ходе функционирования бюджетной системы страны [2]. Бюджетные правоотношения относятся к области публичного права; они определяют бюджетные права каждого из субъектов этих правоотношений. Нормы гражданского права в сфере бюджетных правоотношений не действуют. Многообразие бюджетных правоотношений и одновременно их специфика, обусловленная сферой их возникновения, предопределяют деление бюджетных правоотношений на две группы. К первой группе относятся бюджетные правоотношения, возникающие в связи с действием правовых актов, регламентирующих процессы формирования доходов и осуществления расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, осуществления государственных и муниципальных заимствований, регулирования государственного и муниципального долга. Ко второй группе относятся бюджетные правоотношения, возникающие между участниками бюджетного процесса на всех его этапах.

Обязательным субъектом бюджетных правоотношений всегда являются государство в лице уполномоченного органа, органы местного самоуправления. Специалисты в области бюджетного права предлагают исследовать правоотношения в соответствии с уровнями бюджетной системы, т.е. выделять бюджетные правоотношения с федеральным бюджетом, региональными и бюджетами муниципальных образований. Особенность бюджетных правоотношений состоит в том, что они осуществляются в течение года, прекращаются с завершением бюджетного года, но это не исключает того, что бюджетные правоотношения носят часто систематический, непрерывный характер.

Решение задач по рациональному и эффективному распределению финансовых ресурсов на всех уровнях бюджетной системы обусловливает деление бюджетных правоотношений на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные бюджетные правоотношения функционируют между Российской Федерацией, ее субъектами, муниципальными образованиями и характеризуются соответствующей иерархией. Горизонтальные бюджетные правоотношения функционируют между равноправными по правовому статусу территориями, т.е. между субъектами Российской Федерации или муниципальными образованиями.

В структуру бюджетного правоотношения входят четыре элемента: объекты, субъекты, субъективное право и юридическая обязанность. В зависимости от характера и видов бюджетных правоотношений объектами бюджетных правоотношений могут являться: доходы и расходы бюджетов, законы о федеральном бюджете и бюджетах субъектов РФ, деятельность по осуществлению бюджетного контроля, бюджетного учета. Субъекты бюджетных правоотношений – непосредственные участники бюджетной деятельности государства и муниципальных образований, они принимают участие в распределении доходов и расходов между различными видами бюджетов, являются участниками бюджетного процесса. Бюджетный кодекс наделяет субъектов бюджетных правоотношений соответствующими полномочиями отдельно в области бюджетного регулирования и бюджетного процесса. При этом указанные субъекты одновременно могут рассматриваться участниками и бюджетного процесса, и бюджетного регулирования. В соответствии со ст. 6 БК РФ бюджетные полномочия – это установленные Бюджетным кодексом и принятые в соответствии с ним правовыми актами, регулирующими бюджетные правоотношения, права и обязанности органов государственной власти (органов местного самоуправления) и иных участников бюджетного процесса по регулированию бюджетных правоотношений, организации и осуществлению бюджетного процесса.

Важно отметить, что межбюджетные отношения в структуре бюджетных отношений занимают особое место, так как межбюджетные отношения складываются не между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, а между самими публично-территориальными образованиями: федерацией, ее субъектами, муниципальными образованиями. Согласно Конституции, органы местного самоуправления не входят в систему государственных органов власти. Бюджетная система включает местные бюджеты, представляет центральное звено государственных финансов. Поэтому проблема состоит не только в количестве уровней бюджетной системы, а в возможности реализации органами местного самоуправления своих полномочий. Принцип единства бюджетной системы был унаследован от СССР, фактически он необходим в условиях единой налоговой системы и при высокой централизации финансовых ресурсов, т.е. в современных условиях. В основе бюджетного устройства государства лежат государственное устройство, административно-территориальное деление субъектов. Бюджет является инструментом реализации бюджетной политики на всех уровнях власти. Основная проблема бюджетного устройства России заключается в организации именно местных бюджетов. В настоящее время в субъектах Российской Федерации нет единого подхода к определению структуры бюджетной системы. Так, например, в г. Москве (субъекте РФ) нет муниципалитетов, хотя районные управы называются внутригородскими муниципальными образованиями, нет третьего уровня бюджетной системы.

В Бюджетном кодексе сформулированы принципы организации бюджетной системы, среди которых принцип самостоятельности бюджетов. Это означает самостоятельность всех видов бюджетов, их незави-

симость от вышестоящих бюджетов. В Бюджетном кодексе отмечается, что самостоятельность должна обеспечиваться наличием собственных доходов. Вряд ли справедливо относить к собственным доходам безвозмездные поступления в форме дотаций, субсидий, иных межбюджетных трансфертов (кроме субвенций), учитывая их порядок распределения между муниципальными образованиями. С определенной степенью условности можно считать собственными доходами федеральные налоги, налоги специальных налогов режимов, закрепленные Бюджетным кодексом за конкретными видами бюджетов по конкретным нормативам (раньше они назывались регулирующими). Надо учитывать, что перечень налогов и нормативы их зачисления в местные бюджеты нельзя считать постоянным, следовательно, сложно прогнозировать самостоятельность бюджетов на долгосрочную перспективу. По мнению Н.М. Сабитовой, «более правильно включать в принципы бюджетной системы принцип бюджетной автономии, и он должен иметь несколько иное содержание, нежели это обозначено в Бюджетном кодексе в отношении самостоятельности бюджетов» [3. С. 100].

Рассматривая отношения между бюджетом субъекта и муниципальными бюджетами, следует признать постоянное наличие «ответственности» вышестоящего бюджета за сбалансированность нижестоящих бюджетов. Обладая значительными полномочиями в сфере межбюджетных отношений, региональные власти разрабатывают и принимают законодательные акты в данной сфере. Законы субъектов Российской Федерации о межбюджетных отношениях регулируют отношения, которые возникают между субфедеральным и муниципальным уровнями управления. В региональном законодательстве также регламентируются вопросы межбюджетного регулирования в муниципальных районах, определены принципы и порядок выравнивания бюджетной обеспеченности городских и сельских поселений.

Исследование проблем межбюджетных отношений на местном уровне имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение, учитывая многочисленность городских и сельских поселений. Согласно данным статистики, в Российской Федерации сейчас на долю городских и сельских поселений приходится более 88% от общего числа муниципальных образований; в Сибирском федеральном округе – более 90%; в Новосибирской области число городских и сельских поселений сохраняется без изменений несколько лет: почти 93% к общему числу муниципальных образований области. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в составе местных бюджетов подавляющая часть приходится на самые низовые звенья – на бюджеты городских и сельских поселений. Самое массовое звено бюджетной системы практически не является предметом научных исследований, нет их анализа и серьезных публикаций. Вероятно, отсутствие фундаментальных исследований и работ по проблемам бюджетов городских и сельских поселений объясняется их незначительной долей в объеме консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, отсутствием информации в открытом доступе об их бюджетах.

В ст. 32 БК РФ изложено требование, чтобы все доходы, расходы и источники финансирования дефицитов бюджетов в обязательном порядке и в полном объеме отражались в соответствующих бюджетах. В открытом доступе в настоящее время сведения об исполнении бюджетов городских и сельских поселений можно получить из паспортов муниципальных образований, в которых содержится много показателей, включая доходы и расходы бюджета. К сожалению, в паспортах нет данных о финансовой помощи, т.е. нет сведений о получении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, субсидий, часто расшифровка расходов не соответствует общей сумме расходов. Не во всех случаях заполняется строка, указывающая на сумму собственных доходов бюджета поселения. В ряде случаев информация о доходах и расходах бюджетов некоторых поселений, муниципальных районов вызывает сомнение в достоверности из-за небрежного заполнения паспортов, но, тем не менее, ее можно использовать для формирования выводов и предложений по системе межбюджетных отношений, структуре доходов сельских поселений.

Анализ законодательства Новосибирской области в сфере межбюджетных отношений показывает, что центральными задачами, которые решаются в процессе организации межбюджетного регулирования в муниципальных районах области, являются: выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов; обеспечение сбалансированности бюджетов районов и их стимулирование к социально-экономическому развитию.

Исходя из определения сущности бюджетных правоотношений, считаем более логично рассматривать и анализировать отношения, прежде всего, по вопросам формирования доходов бюджетов. На основе отчетов о консолидированном бюджете Новосибирской области автором проведен анализ бюджетной системы области за 2013–2015 гг., результаты представлены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что в 2015 г. в сравнении с 2013 г. в Новосибирской области объемы доходов бюджетов всех местных бюджетов уменьшались, увеличивались они только в областном бюджете. В составе доходов местных бюджетов Новосибирской области в рассматриваемом периоде немногим более 12% приходилось на доходы бюджетов городских и сельских поселений, хотя в 2015 г. увеличилась доля налоговых и неналоговых поступлений в бюджеты поселений в общей сумме этих доходов местных бюджетов. В анализируемом периоде ежегодно снижались безвозмездные поступления в бюджеты поселений, в 2013–2014 гг. они составляли более 15%, а в 2015 г. – немногим более 14% к безвозмездным поступлениям в местные бюджеты. Показатели отчетов об исполнении бюджетов свидетельствуют об отрицательной тенденции местных бюджетов Новосибирской области, ибо уменьшение объема доходов бюджетов обусловливает сокращение расходов этих бюджетов, что, безусловно, негативно сказывается на показателях социально-экономического развития муниципальных образований, особенно самого массового низового звена – сельских поселений. Бюджеты многих муниципальных образований исполняются с дефицитом.

Таблица 1

Доходы бюджетной системы Новосибирской области за 2013–2015 гг.

Показатель	Год			2015 / 2013
	2013	2014	2015	
Доходы бюджетов, млн руб., из них:	184079,8	181748,9	179659,8	
областной бюджет	97 840,4	98 563,1	102 986,8	+5 146,4
доходы местных бюджетов – всего	86 239,4	83 185,8	76 673,0	–9 566,4
В том числе:				
городские округа	44 618,9	43 151,6	38 937,1	–5 681,8
муниципальные районы	30 960,9	30 312,4	28 367,7	–2 593,2
городские и сельские поселения	10 659,6	9 721,8	9 368,2	–1 291,4
Уд. вес городских и сельских поселений, %	12,4	11,7	12,2	–0,2
В том числе:				
Налоговые и неналоговые доходы бюджетов				
областной бюджет	78 206,4	77 185,1	84 369,6	+6 163,2
местные бюджеты – всего	31 813,2	33 401,6	28 507,8	–3 304,4
Из них:				
городские округа	25 628,8	26 803,8	22 309,3	–3 319,5
муниципальные районы	4 058,1	4 485,2	3 793,5	–264,6
городские и сельские поселения	2 126,3	2 112,6	2 406,0	+279,7
То же, в % в составе местных бюджетов	6,7	6,3	8,4	1,7
Безвозмездные поступления в бюджеты				
Областной бюджет	19 633,9	21 378,0	18 617,2	–1 016,7
Местные бюджеты – всего	54 426,1	49 784,2	48 164,2	–6 261,9
Из них:				
городские округа	18 990,0	16 347,8	16 627,8	–2 362,2
муниципальные районы	26 902,8	25 827,2	24 574,2	–2 328,6
городские и сельские поселения	8 533,3	7 609,2	6 962,2	–1 571,1
То же в % к итогу местных бюджетов	15,7	15,3	14,4	–1,3

Источник: Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Новосибирской области за 2013–2015 гг.

Анализируя структуру доходов городских и сельских поселений в 2013–2015 гг., убеждаемся в сильной зависимости бюджетов от безвозмездных поступлений, хотя доля налоговых и неналоговых доходов увеличилась с 19,9% в 2013 г. до 25,7% – в 2015 г. Тем не менее вопросы укрепления доходной базы местных бюджетов, повышения самостоятельности органов местного самоуправления остаются актуальными, несмотря на проводимые реформы в области бюджетной сферы. Есть мнение, что увеличить налоговые доходы в местных бюджетах возможно за счет повышения поступлений от налога с имущества физических лиц в связи с исчислением его на основе кадастровой стоимости имущества [4]. Однако такая перспектива возможна в городских округах, где есть дорогая недвижимость, растет жилищное строительство, но для большинства поселений и муниципальных районов фактически нет вариантов увеличения доходов, кроме активизации развития отраслей производства на своих территориях, что будет способствовать росту рабочих мест, росту налоговой базы по НДФЛ и увеличению поступлений в бюджеты поселений.

Согласно бюджетному законодательству, к собственным доходам, используемым для финансового обеспечения расходных обязательств, возложенных на конкретный уровень публичной власти, относятся не только налоговые и неналоговые доходы, но и безвозмездные поступления из других бюджетов в форме дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и межбюджетных субсидий. В эти доходы не включаются субвенции. Межбюджетные трансферты по своему экономическому смыслу не являются собственными доходами. Очевидно, что при закреплении понятия собственных доходов законодательство не учитывает экономическую сущность налогов и неналоговых доходов, ориентировано на разделение полномочий между органами власти: собственные и делегированные. Считаем, что такой подход нельзя признать бесспорным и обоснованным.

Законом Новосибирской области от 07.11.2011 г. (ред. 18.12.2015) № 132-ОЗ утверждены единые нормативы отчислений в бюджеты муниципальных образований от налога на доходы физических лиц для муниципальных районов и городских округов, этот норматив составляет 15%. В бюджеты сельских поселений налоговые доходы от налога на доходы физических лиц, взимаемого на территориях сельских поселений, подлежащие зачислению в бюджет соответствующего муниципального района, передаются по единому для всех сельских поселений нормативу отчисления в размере 8%. Отчисления в бюджеты сельских поселений от единого сельскохозяйственного налога, взимаемого на территориях сельских поселений, подлежащего зачислению в бюджет соответствующего муниципального района, производятся по единому для всех сельских поселений нормативу отчисления в размере 20%. Указанные налоговые доходы являются собственными доходами бюджетов сельских поселений и учитываются при распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности.

С целью постепенного создания относительно равных условий формирования местных бюджетов в Бюджетном кодексе предусмотрен порядок предоставления дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности нижестоящим бюджетам. В областном законе № 132-ОЗ указано, что объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений определяется исходя из необходимости достижения критерия выравнивания финансовых возможностей

поселений по осуществлению органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения, порядок расчета дотаций установлен названным законом. Дотации не носят строго целевой характер, являются безвозвратными. Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности из областного бюджета Новосибирской области предоставляются ежегодно двум городским округам и 29 районам из 30 муниципальных районов, только в 2016 г. дотации предоставлялись бюджетам всех районов. Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности ежегодно меняется, а доля бюджетов муниципальных районов ежегодно увеличивается в общем объеме дотаций, в настоящее время составляет более 85%.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности по согласованию с представительными органами муниципальных образований могут быть заменены дополнительными отчислениями от налога на доходы физических лиц, это должно стимулировать муниципальные образования в увеличении налоговой базы по этому налогу, что, безусловно, обеспечит более регулярное и стабильное поступление доходов в бюджеты поселений. В 2015 и 2016 гг. 34,3 и 20% соответственно сельских поселений Новосибирской области получали отчисления от НДФЛ по дополнительному нормативу, а в 2017 г. такие нормативы отчислений утверждены всем сельским поселениям всех районов области. Дополнительные нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц на каждый бюджетный год утверждаются одинаковые для всех сельских поселений конкретного района, но они весьма дифференцированы по районам области. Максимальный норматив отчислений ежегодно утверждался для поселений Усть-Тарского района (70; 61,72; 57,44%), а минимальный норматив утверждался для поселений Тогучинского района (0,56; 0,42; 0,29%).

И все-таки на практике основным инструментом сбалансированности местных бюджетов выступает вторичное перераспределение, т.е. предоставление межбюджетных трансфертов, а также бюджетных кредитов, получение которых жестко регламентируется бюджетным законодательством. Основой для повышения эффективности предоставления межбюджетных трансфертов является совершенствование структуры и порядка их предоставления, а также формирования объемов данных трансфертов исходя из необходимости решения приоритетных задач социально-экономического развития. Принимая во внимание, что в состав собственных доходов включаются субсидии, иные межбюджетные трансферты, важно знать методику их распределения и утверждения, динамику их объемов.

На основе отчетов о консолидированном бюджете Новосибирской области за 2013–2015 гг. составлена табл. 2, в которой показаны виды межбюджетных трансфертов как содержание межбюджетных отношений.

Таблица 2

Динамика безвозмездных поступлений в бюджеты городских и сельских поселений Новосибирской области, млн руб.

Состав межбюджетных трансфертов	Бюджетный год		
	2013	2014	2015
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности	**2 732,6**	**2 733,9**	**2 223,3**
Межбюджетные субсидии – всего	**4 734,1**	**3 326,8**	**3 394,4**
В том числе:			
на бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства собственности муниципальных образований	1 370,4	718,0	881,4
на строительство, модернизацию, ремонт и содержание автомобильных дорог общего пользования, в том числе дорог в поселениях (за исключением автомобильных дорог федерального значения)	742,9	778,5	624,2
на обеспечение мероприятий по капитальному ремонту многоквартирных домов, переселению граждан из аварийного жилищного фонда и модернизации систем коммунальной инфраструктуры за счет средств Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства	584,1	422,8	365,9
Прочие субсидии	1 291,2	1008,9	1048,8
Иные межбюджетные трансферты	**414,2**	**1 141,8**	**927,4**
Из них:			
компенсация дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами власти другого уровня	164,7		442,4
на осуществление части полномочий по решению вопросов местного значения в соответствии с заключенными соглашениями	103,2	–	132,5
Прочие межбюджетные трансферты, передаваемые бюджетам поселений	144,4	622,8	326,4
Прочие безвозмездные поступления от других бюджетов	**72,3**	**115,1**	**83,8**
Прочие безвозмездные поступления в бюджеты поселений от бюджетов муниципальных районов	782,3	–	83,2
Безвозмездные поступления от государственных (муниципальных) организаций в бюджеты поселений	3,2	2,5	0,8
Безвозмездные поступления от негосударственных организаций в бюджеты поселений	1,3	1,9	6,8
Прочие безвозмездные поступления в бюджеты поселений	577,1	325,5	274,0
Итого безвозмездные поступления	**8 533,3**	**7 609,2**	**6 962,2**

Источник: Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Новосибирской области за 2013–2015 гг.

Из табл. 2 видно, что сумма дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, выделяемая бюджетам городских и сельских поселений в 2015 г., уменьшилась в сравнении с предыдущими годами. Межбюджетные субсидии в 2015 г. превысили объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности более чем на 50%, но по основным направлениям суммы субсидий уменьшились в сравнении с 2013 г.

В целях бюджетного регулирования в Новосибирской области широко используются и иные межбюджетные трансферты, которые направляются на реализацию ряда государственных программ, например, таких как «Устойчивое развитие сельских территорий в Новосибирской области на 2015–2017 годы и на период до 2020 года»; Обеспечение жильем молодых семей в Новосибирской области на 2015–2020 годы»; «Развитие физической культуры и спорта в Новосибирской области на 2015–2021 годы»; «Культура Новосибирской области» на 2015–2020 годы»; «Развитие образования, создание условий для социализации детей и учащейся молодежи в Новосибирской области на 2015–2020 годы» и ряд других. С 2016 г. иные межбюджетные трансферты предоставляются только за счет средств областного бюджета, средства федерального бюджета не предусмотрены. Иные межбюджетные трансферты распределяются фактически по тем же подпрограммам и программам, по которым утверждены межбюджетные субсидии. Возникает вопрос: какая есть необходимость в использовании разных видов межбюджетных трансфертов для финансирования государственных программ, чем это обусловлено? Целесообразно применять одну субсидию по одной программе или подпрограмме, но для этого необходимы единые правила и нормы законодательства по определению их объемов и распределению между муниципальными образованиями.

С целью анализа динамики межбюджетных трансфертов нами составлена табл. 3 на основе принятых законов об областном бюджете Новосибирской области, показатели которой подтверждают тенденцию к уменьшению межбюджетных трансфертов, распределяемых между муниципальными образованиями.

Таблица 3

Распределение межбюджетных трансфертов из областного бюджета Новосибирской области в бюджеты муниципальных районов, городских округов, сельских поселений в 2016 г. и 2017 гг., млн руб.

Показатель	2016 г.	2017 г.
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности – всего	**3 274,4**	**2 630,5**
В том числе:		
муниципальные районы	2 803,5	2 262,4
городские округа	470,9	368,1
Субсидии на реализацию ряда государственных программ – всего	**12 859,0**	**11 364,1**
В том числе:		
муниципальные районы	8 482,3	8 250,1
поселения	797,4	139,4
городские округа	3 579,3	2 974,6
Иные межбюджетные трансферты	**539,2**	**88,4**
В том числе:		
муниципальные районы	414,0	62,8
поселения	62,1	-
городские округа	63,1	25,6
Всего бюджетные трансферты местным бюджетам	**16 672,6**	**14 083,0**
В том числе:		
муниципальные районы	11 699,8	10 575,3
поселения	859,5	139,4
городские округа	4 113,3	3 368,3

Источник: Законы об утверждении областного бюджета Новосибирской области на 2016 г., 2017 г.

На 2016 и 2017 бюджетные годы в областном бюджете утверждены субсидии муниципальным образованиям для финансирования таких важнейших государственных программ, как «Управление государственными финансами в Новосибирской области на 2014–2019 гг.»; «Развитие автомобильных дорог регионального, межмуниципального и местного значения в Новосибирской области в 2015–2022 гг.»; «Жилищно-коммунальное хозяйство Новосибирской области в 2015–2020 гг.»; «Развитие образования, создание условий для социализации детей и учащейся молодежи в Новосибирской области на 2015–2020 гг.»; «Культура Новосибирской области» на 2015–2020 гг.; «Развитие физической культуры и спорта в Новосибирской области на 2015–2021 гг.». Общая сумма субсидий по названным государственным программам в 2017 г. уменьшилась в сравнении с 2016 г. на 1 971,3 млн руб., составляет 78% против 84,3% в 2016 г. Возможно, в перспективе изменится ориентация «на программные» бюджеты всех уровней, тогда межбюджетные субсидии утратят свою лидирующую роль, изменится сложившаяся структура межбюджетных трансфертов.

Учитывая, что межбюджетные трансферты поступают в бюджеты муниципальных образований по мере возможностей, нет гарантий по срокам их зачисления.

В связи с этим считаем разумным предложение Н.А. Игониной об утверждении в Бюджетном кодексе требований к срокам направления межбюджетных трансфертов, включая дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности [5].

На наш взгляд, в области реформирования межбюджетных отношений следует продолжить работу по достижению оптимального баланса между объективно необходимым выравниванием бюджетной обеспеченности и созданием стимулов для экономического роста и увеличения налогового потенциала субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, снижению величины дотаций.

Сохраняя межбюджетные субсидии и иные межбюджетные трансферты, целесообразно изменить подход к их определению и распределению между программами бюджетного финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левина В.В. Регулирование межбюджетных отношений в муниципальных районах // Финансы. 2014. № 4. С. 6–11.
2. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А.Г. Грязновой. М. : Финансы и статистика, 2002.
3. Сабитова Н.М. Бюджет и бюджетная политика субъекта Российской Федерации (на примере Республики Татарстан). М. : ИНФРА-М, 2016.
4. Шевелева Н.А. Бюджетное выравнивание в России как способ гармонизации межбюджетных отношений (2000–2015) // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 32–34.
5. Игонина Н.А. Пути совершенствования механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Право и экономика. 2012. № 7. С. 51–56.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 мая 2017 г.

PERFECTION OF BUDGETARY LEGAL RELATIONS AT THE MUNICIPAL LEVEL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 211–217.
DOI: 10.17223/15617793/422/30

Dmitrii V. Dementev, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dementev@corp.nstu.ru

Keywords: budgets; budgetary legal relations; interbudget transfers; urban and rural settlements.

The subject of the study is issues of budgetary legal relations in terms of financial balance in the budget system; they are not clearly defined in the budget legislation. The Budget Code in Article 1 only points to the relations that arise between subjects of budgetary legal relations when generating revenues and implementing expenditures of budgets of the budget system. From the theoretical point of view, the task has been solved to determine how specifically budget legislation and scholars define the notion “intergovernmental fiscal relations”. The analysis of publications and the regulatory framework allows concluding that budget legal relations are a kind of legal financial relations. Inter-budgetary funds are formed not between state authorities of the country, state authorities of the subjects of the Federation and local self-government bodies, but between public-legal entities: the federation, its subjects, municipalities. The practical value of the research task is that urban and rural settlements are the most numerous. According to Rosstat, the share of urban and rural settlements in the Russian Federation is more than 88 % of the total number of municipalities, in the Siberian Federal District more than 90 %, in Novosibirsk Oblast the number of urban and rural settlements remains unchanged for several years, they are almost 93 % of the total number of municipalities in the region. As a result of the analysis of the implementation of consolidated budgets for 2013–2015 according to the data of the Ministry of Finance and Tax Policy of Novosibirsk Oblast, a conclusion was made about the strong dependence of budgets on gratuitous receipts, although the share of tax and non-tax revenues increased from 19.9 % in 2013 to 25.7 % in 2015. Intergovernmental transfers and budget credits are the main financial instruments in Novosibirsk Oblast, which make it possible to achieve a balance of local budgets. The author’s analysis of the distribution of interbudgetary transfers from the regional budget of Novosibirsk Oblast from the point of view of balancing the budget laws on the basis of the data of the regional laws for 2016–2017 shows that it is necessary to improve the procedure for providing transfers to address the priority tasks of social and economic development. In order to achieve real independence of local budgets, it is advisable to change the approach to the distribution of financial assistance between the programs of budget expenditures, it is necessary to continue work to achieve the optimal balance between equalizing the budgetary provision and increasing the tax potential of the subjects of the Federation and municipalities.

REFERENCES

1. Levina, V.V. (2014) Regulirovanie mezhbyudzhetnykh otnosheniy v munitsipal’nykh rayonakh [Regulation of intergovernmental relations in municipal areas]. *Finansy*. 4. pp. 6–11.
2. Gryaznova, A.G. (ed.) (2002) *Finansovo-kreditnyy entsiklopedicheskiy slovar’* [Finance and credit encyclopedic dictionary]. Moscow: Finansy i statistika.
3. Sabitova, N.M. (2016) *Byudzhet i byudzhetnaya politika sub”ekta Rossiyskoy Federatsii (na primere Respubliki Tatarstan)* [Budget and budget policy of the subject of the Russian Federation (on the example of the Republic of Tatarstan)]. Moscow: INFRA-M.
4. Sheveleva, N.A. (2015) Budget system in Russia: fiscal equalization as a way of harmonizing inter-budgetary relations (2000–2015). *Sravnitel’noe konstitutsionnoe obozrenie.* 2. pp. 32–34. (In Russian).
5. Igonina, N.A. (2012) Ways of improving mechanisms for alignment of budgetary security of the Russian regions and municipalities. *Pravo i ekonomika*. 7. pp. 51–56. (In Russian).

Received: 12 May 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБЛАЖЕЙ Наталья Николаевна – д-р ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; ст. науч. сотр. сектора истории социально-экономического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: ablazhey@academ.org

АНАНИНА Анна Валентиновна – соискатель кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию Томского государственного педагогического университета. E-mail: anasam83@mail.ru

АРДАШКИН Игорь Борисович – д-р филос. наук, профессор кафедры истории и философии науки и техники Томского политехнического университета. E-mail: ibardashkin@mail.ru

БЕЙСЕБАЕВ Рахат Сансызбаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева (Киргизия). E-mail: beisebaev.ra@mail.ru

БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич – член-кор. Российской академии наук; зав. отделом Московской Руси Института археологии Российской академии наук (г. Москва); профессор лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: labeliaev@bk.ru

БОРИСОВА Алиса Борисовна – аспирант сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: borisovaab88@mail.ru

ВЕДЯШКИН Сергей Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, административного права Томского государственного университета. E-mail: served@rambler.ru

ДЕМЕНТЬЕВ Дмитрий Витальевич – канд. экон. наук, доцент кафедры аудита, учета и финансов Новосибирского государственного технического университета. E-mail: dementev@corp.nstu.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

КАЗЯБА Виктория Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и германского языкознания филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. E-mail: kazaba@yandex.ru / v.kazyaba@narfu.ru

КАРТАВЦЕВ Кирилл Сергеевич – аспирант, лаборант Центра островной и прибрежной антропологии Азиатско-Тихоокеанского региона Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: kartavcevks@gmail.com

КОНЕВ Кирилл Александрович – аспирант кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории, зав. сектором хранения фонда Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail konev-k-92@rambler.ru

КОНЬКОВ Дмитрий Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: dkonkov@mail.ru

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Александрович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; вед. науч. сотр. сектора истории социально-экономического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: krass49@gmail.com

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КРЫЛОВА Диана Дмитриевна – аспирант кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: diana.krylova90@mail.ru

КУРИЛО Светлана Алексеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета; преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: coureelosvetlana@gmail.com

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: leotany@mail.ru

МАРТЮШЕВ Александр Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: Al.martiushew@yandex.ru

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: nanzatov@yandex.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, вед. библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: nikitds33@gmail.com

ОРУДЖЕВ Дмитрий Романович – аспирант кафедры отечественной истории Сургутского государственного университета. E-mail: orudzhev93@yandex.ru

ПРОСКУРИНА Елена Николаевна – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: proskurina_elena@mail.ru

РЫБАКОВ Роман Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета. E-mail: roman-rybakov@mail.ru

РЫЧКОВ Александр Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета. E-mail: alex-rychkov@mail.ru

СЕДЕЛЬНИКОВА Ольга Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

СИЛЬЧЕНКО Иван Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: sekret-eburg@yandex.ru

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: sodnompilova@yandex.ru

СТАРОСТИН Александр Николаевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой политической истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: alisheria@mail.ru

СЫРОВ Василий Николаевич – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии, профессор кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: narrat59@gmail.com

УСТЮГОВА Вера Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры Древней и Новой истории России Пермского государственного университета. E-mail: vera_ust@list.ru

ФАРАФОНОВА Оксана Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: oxana.faroks@yandex.ru

ХАРАТЯН Грануш – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Института археологии и этнографии Национальной академии Армении (Армения, г. Ереван). E-mail: hkharatyan@gmail.com

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – д-р ист. наук, зав. кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail sherstova58@mail.ru

ЯРКОВ Александр Павлович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Экспертного научного центра противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета. E-mail: ayarkov@rambler.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017. № 422. Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 сентября 2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 60 экз.
Заказ № 2767. Цена свободная.

Дата выхода в свет 4 октября 2017 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru